

Администрация Костромской области
Фонд российской государственности и 400-летия династии Романовых
Костромской государственный университет имени Н. А. Некрасова
Костромское церковно-историческое общество

РОМАНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

ДИНАСТИЯ РОМАНОВЫХ И РОССИЙСКАЯ КУЛЬТУРА

Материалы конференции
Кострома, 25–26 марта 2010 года

Кострома
2010

УДК 947я43
ББК 63.3(2)55-7я43
К 906

Печатается по решению организационного комитета
конференции и редакционно-издательского совета
КГУ имени Н. А. Некрасова

Редакционная коллегия

А. М. Белов, М. Д. Валовая, В. Р. Веселов,
Н. С. Ганцовская, И. А. Едошина, А. Г. Кирпичник,
А. Р. Наумов, Н. М. Рассадин, А. Д. Шипилов

Романовские чтения. Династия Романовых и российская культура :
К 906 материалы конф., Кострома, 25–26 марта 2010 г. / сост. и науч. ред. А. Д. Шипилов. – Кострома : КГУ им. Н. А. Некрасова, 2010. – 492 с.

ISBN 978-5-7591-1126-9

В сборник вошли материалы третьих Романовских чтений, состоявшихся в Костроме 25–26 марта 2010 г. Конференция объединила усилия ученых историков, филологов, философов, служителей Русской православной церкви, школьных педагогов и краеведов в исследовании проблем взаимодействия династии Романовых с российской культурой. Авторами статей освещены различные аспекты духовной и материальной культуры России.

Издание адресовано научным работникам, аспирантам, учителям, краеведам, студентам, всем интересующимся историей России.

УДК 947я43
ББК 63.3(2)55-7я43

ISBN 978-5-7591-1126-9

© А. Д. Шипилов, составление, 2010
© КГУ им. Н. А. Некрасова, 2010

ВСТУПЛЕНИЕ

Судьбы российской культуры

Россия вошла в Европу, как спущенный корабль,
при стуке топора и при громе пушек.
Куда ж нам плыть?

А. С. Пушкин

Слово культура, как известно, латинского происхождения и напрямую связано с деятельностью человека, который является одновременно и ее творцом, и ее продуктом. В культуре, как в зеркале, отражаются амбициозные (в первую очередь, весьма прагматические) замыслы человека, стремящегося быть «мерой всех вещей». Но, заметим, кроме человека, культура никому более не нужна: когда человек покидает им сотворенное, в свои права вступает природа – и создания рук человеческих в конце концов поглощаются землей. Конечно, позднее то, что сохранит земля, будет обнаружено и помещено в музей как доказательство неутомимой деятельности человека по преобразованию природы и творению собственных идеалов. Потому Ф. Ницше и увидел в культуре «человеческое, слишком человеческое».

Таковы основные смысловые аспекты в понятии «культура», сформировавшиеся в Европе в течение XVI–XVIII веков. В этом контексте Русь (Московия) до Романовых выглядела столь же диковинной, как ее кушанья, о которых с таким восторгом пишет английский посол Дж. Горсей, исполнявший свои обязанности на рубеже XVI–XVII веков: «Подавали диковинные кушанья: сделанные из сдобного теста львы, единороги, парящие орлы, лебеди и проч., пропитанные винами и начиненные сладостями, чтобы их попробовать, у каждого была серебряная ложка (которой нужно было брать куски из брюха этих животных)» (пер. А. А. Севастьяновой). Внимание Горсея было поглощено описанием жестокостей Ивана Грозного, сменой власти, битвами животных, что устраивались для развлечения знати и того же Горсея, потому он не увидел главного – самой Руси.

Между тем, в русском сознании сущностный смысл культуры составлял культ «как совокупность святынь» (П. А. Флоренский). Русское сознание искало

Благодати, а не Закона, русская жизнь обустроивалась вокруг храмов, в неприятельской, сосредоточенной и даже по-своему суровой красоте которых отражалось общее стремление к нездешним истинам. Спор заволжских старцев с иосифлянами и победа последних положили начало движению Руси в сторону европейской культуры. Значимую роль в этом процессе сыграло царствование Бориса Годунова, в котором гений Пушкина угадал один из ключевых «узлов» (А. И. Солженицын) в истории отечественной культуры. Борис царствует спокойно, одновременно вынужден признать: «Но счастья нет моей душе». Лейтмотив «счастья нет моей душе» организует монолог Бориса. И дело не только (а может быть, и не столько) в том, что имя царя связывается с убийством в Угличе, сколько в остром переживании Борисом внутреннего разлада, в котором отражаются настроения самой русской жизни, предчувствие неизбежности близкого хаоса, гибели близких. Борисово признание «но счастья нет моей душе» предвещает будущую Смугу, благодаря которой династия Романовых окажется у власти. Династия не избежит лейтмотива Бориса, а когда обретет это самое счастье в семейной жизни Николая II, утратит Россию.

Династия Романовых с самого начала будет обустроивать культурный облик страны на европейский лад, добившись в итоге немалых успехов: за триста лет правления Россия превратилась в богатейшую империю. Бурному и успешному экономическому развитию сопутствовало становление образовательной системы. И мир увидел, что «может собственных Платонов и быстрых разумом Ньютон российская земля рождать». Художественная культура России в эпоху Романовых дала великолепные образцы искусства в самых разных областях.

Однако правление династии не было безоблачным: войны, крепостное право, дворцовые перевороты, подавление народных антиправительственных выступлений придавали актуальность либеральным настроениям, усвоенным просвещенной частью общества из европейской культуры. Именно Просвещение стало той почвой, которая взрастила революционные настроения.

Надо заметить, российские революционеры не знали народной жизни, видели ее только со стороны и только в самых мрачных характеристиках. Народ представлял некой темной массой, которую следовало просветить и повести к светлому будущему. К этим демагогическим лозунгам добавлялись личные амбиции в имущественном отношении обделенных революционеров. Таков облик русского либерального романтизма, который, как известно, завершился падением империи, что в итоге привело к большевистскому террору и трагической гибели династии. Ориентация Романовых на развитие светской культуры, превращение церкви в один из департаментов неизбежно вели к общественным переменам в государстве, которое на протяжении многих столетий было сориентировано на христианские ценности.

Третьи Романовские чтения, материалы которых составляют содержание данного сборника научных трудов, сосредоточены на постижении разных сторон в истории российской культуры в эпоху Романовых, ее противоречивого характера и тех причин, что сыграли роковую роль в трагической судьбе династии.

Редколлегия

Приветственное слово губернатора Костромской области И. Н. Слюняева

Дорогие друзья!

Рад приветствовать Вас на очередных историко-краеведческих Романовских чтениях!

С 2008 года мы проводим это научное собрание в рамках подготовки празднования 400-летия окончания Смутного времени, возрождения российской государственности и избрания на царство первого из династии Романовых – Михаила Федоровича.

Прошедшие Романовские чтения получили положительный отклик исследователей, что позволяет расширить круг научного поиска и привлечь новых, авторитетных специалистов в области истории, археологии, краеведения, музееведения, филологии.

Нынешние чтения проходят в рамках Романовского фестиваля и посвящены теме «Династия Романовых и российская культура». Наши главные задачи – определить место династий Романовых и Годуновых в историческом пространстве России, осмыслить и найти пути решения проблем взаимоотношений личности и власти в культурной среде через призму истории.

Отрадно, что в числе участников чтений представители десяти регионов России, а также зарубежные гости из Хорватии. Во второй раз в работе конференции принимают участие учащиеся костромских школ и лицеев. Весомую долю в организацию чтений и в содержание предстоящих докладов ежегодно вносят ученые Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. Уверен, что работа конференции будет плодотворной, полезной для всех ее участников. Она позволит выработать единые подходы к осмыслению прошлого и будущего российской культуры и истории.

От всей души желаю участникам чтений здоровья, творческой активности и больших успехов в научной, учебной и общественной деятельности.

Губернатор Костромской области

И. Н. Слюняев

Приветственное слово министра культуры РФ А. А. Авдеева

Уважаемый Игорь Николаевич!

Поздравляю Вас и в Вашем лице всех жителей Костромской области с открытием на Костромской земле Романовского фестиваля, II парламентского форума «Историко-культурное наследие России», III Романовских чтений, посвященных столь актуальной теме «Династия Романовых и российская культура».

Избрание на царство первого государя из дома Романовых – Михаила Федоровича, чье наречение на русский престол состоялось в Костромском Свято-Троицком Ипатьевском монастыре, является знаковым событием в истории российской государственности.

Превращение Российского государства при потомках и преемниках Михаила Федоровича в мировую державу позволило нашей стране явить миру великие культуру, философию, науку и образование. Огромный опыт, накопленный в данной сфере почти за четыре столетия отечественной истории и составляющий золотой фонд российской культуры, может и должен стать фундаментом современного культурного и духовного возрождения страны.

Министерство культуры России выражает поддержку идее ежегодного проведения в Костромской области мероприятий Романовского фестиваля, в рамках которого объединены весьма значимые культурные проекты регионального, всероссийского и международного уровня. Уверен, что данный фестиваль станет прекрасным прологом празднования в 2013 году на общероссийском уровне 400-летия окончания Смутного времени, возрождения российской государственности и избрания на русский престол Михаила Романова.

Желаю Вам, жителям Костромской области, гостям и участникам Романовского фестиваля, II парламентского форума «Историко-культурное наследие России», III Романовских чтений «Династия Романовых и российская культура» здоровья, мира и благополучия, успехов в труде и во всех добрых начинаниях на благо процветания российской культуры.

Министр культуры
Российской Федерации
А. А. Авдеев

Приветственное слово Патриарха Московского и всея Руси Кирилла

Дорогие братья и сестры!

Сердечно приветствую участников и гостей Романовского фестиваля, проводимого в Костромской области в рамках подготовки к празднованию 400-летия окончания Смутного времени и возрождения российской государственности.

Важнейшими мероприятиями Фестиваля станут Романовские чтения «Династия Романовых и российская культура», а также II парламентский форум «Историко-культурное наследие России». Неоднократно посещая Костромскую землю, я имел возможность убедиться, сколь трепетно относится общественность костромского края к духовному и историко-культурному наследию своей малой родины. Поэтому не случайно в преддверии столь славного юбилея в истории Отечества именно Кострома станет тем центром, где будет происходить кропотливая научная работа по осмыслению традиций российской государственности, путей дальнейшего развития нашего общества.

Вдумчивое отношение к собственной исторической традиции, к великой и высокой отечественной культуре позволяет нам с уверенностью смотреть в завтрашний день. Особенно важно на примере уроков и достижений прошлого воспитывать подрастающее поколение, наших детей и молодежь. Не секрет, что в прошлом столетии молодое поколение в значительной мере потеряло осознание своей принадлежности к древним традициям Святого Православия. Отраднo, что сегодня восстанавливается некогда насильственно прерванная связь времен.

Надеюсь, что Романовские чтения, как и весь Романовский фестиваль, внесут свой вклад в дело распространения духовно-нравственного просвещения на Российской земле.

Желаю организаторам и участникам Чтений успешной и плодотворной работы.

ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РУСИ

**Приветственное слово
президента Фонда российской государственности
и 400-летия династии Романовых М. Д. Валовой**

Уважаемые участники и гости
ТРЕТЬИХ РОМАНОВСКИХ ЧТЕНИЙ!

Позвольте приветствовать вас и пожелать успехов в вашей работе, а также приятного общения и обмена мнениями в ходе встречи в таком составе!

Уверена, что третьи межрегиональные Романовские чтения окажут позитивное влияние на развитие отечественной науки. Ведь для каждого народа его прошлое – это источник самопознания и опыта. В прошлых победах народ черпает веру в свои силы, в трагедиях прошлого – понимание причин и путей выхода из трагедий времён последующих.

В 2013 году исполняется 400 лет со дня избрания на царство молодого боярина Михаила Романова и вручения ему символов власти в костромском Ипатьевском монастыре. Представляется очень значимым, что именно с восшествием на престол Михаила Романова связывают окончание Смутного времени на Руси и возрождение российской государственности. Интересно, что все события, происходившие и происходящие в политической жизни страны, находили и находят свое воплощение в знаковой системе, реализуясь в выборе тех или иных символов власти, способствующих дальнейшему развитию государства. Этому будет посвящено мое выступление.

Надеюсь, что идеи и концепции, выдвинутые участниками сегодняшних чтений, будут способствовать дальнейшему развитию и повышению доверия и взаимопонимания между уровнями государственной власти, укрепят мир и международное согласие, послужат делу развития и процветания Костромского края и всей России!

Президент Фонда
российской государственности
и 400-летия династии Романовых
М. Д. Валовая

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

А. М. Белов
г. Кострома

ОТ ПРОСВЕЩЕНИЯ К НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ В ЦАРСТВОВАНИЕ АЛЕКСАНДРА I

XIX век в истории России стал периодом взлета национальной культуры, золотым веком русской литературы, музыки, расцвета театрального искусства. В 19 веке появляются выдающиеся произведения художников, памятники ваяния и зодчества, окончательно складывается неповторимый архитектурный облик Петербурга, Москвы, провинциальных городов. Общепризнанным стало, что величайшие эпохи в истории культуры человечества – это классическая Греция, западноевропейское Возрождение и русский XIX век. Вместе с тем – и это очевидно – все это произошло (если брать весь век), в правление пяти Романовых (трех Александров и двух Николаев). Конечно, такое преобразование требует выявления причин, поиску ответа на вопросы почему это случилось в России, что послужило первотолчком, первопричиной столь высокому взлету национальной культуры в самых разнообразных областях? Какие были и в чем состояли неперенные условия этих изменений; наконец, почему это произошло в XIX в., а не раньше или позже. Каждый из поставленных вопросов требует отдельного, возможно даже монографического, многогранного исследования. Поэтому в этом выступлении постараемся поискать самые общие ответы, которые в этой аудитории покажутся очевидными, тем не менее, обращение к ним необходимо, чтобы найти первопричину произошедшего преобразования.

Итак, со времени Петра I Россия реально и практически устремилась Запад. Испытывали сильное воздействие западных идей и многие представители русской культуры XVIII в. Апогеем влияния, своего рода эпохой просвещения становится царствование Екатерины II, когда собственное мировоззрение и политическая доктрина императрицы сложилась под влиянием философии французского Просвещения и в первую очередь сочинений Вольтера и Монтескье. Знакомство с идеями Просвещения сформировало у Екатерины II и представление о просвещенном монархе, каковым она себя считала, что в свою очередь соответствовало и важнейшим целям царствования. А это, прежде всего создание справедливых законов, определяющих характер политической власти и заставляющих просвещенного государя следовать закону общественного блага. Вто-

рой целью становилось просвещение народа, которое должно было способствовать сознательному исполнению подданными законов и, соответственно, своего долга перед Отечеством. Понятно, что такими подданными должны стать представители лучшего сословия, т. е. дворянство, которое и считало правление Екатерины II «золотым временем» своей истории.

Эпоха отмечена рядом культурных достижений. Во второй половине XVIII в., начиная с М. В. Ломоносова, идет становление нового литературного языка. В 1783 г. – в Санкт-Петербурге была создана Российская Академия – научный центр, целью которого было изучение русского языка и словесности. Перед Академией ставилась и конкретная задача – составление толкового словаря русского языка и грамматики. Изданный в начале XIX в. «Словарь Российской Академии» был первым словарем русского языка.

На основе использования общепринятых иностранных терминов и сохранения отечественного наследия происходило формирование русской научной терминологии. Как следствие, – «наука впервые заговорила у нас на родном языке – событие в высшей степени важное не только в истории русского языка, но и в истории русской образованности вообще»¹, – отмечалось в исследованиях XIX века. В становлении же нового литературного языка большую роль сыграли писатели-сентименталисты и прежде всего Н. М. Карамзин. Он, по словам А. С. Пушкина, «освободил язык от чуждого ига и возвратил ему свободу, обратив его к живым источникам народного слова»². Одной из заслуг Н. М. Карамзина считалось провозглашение принципа: «писать, как говорят, и говорить, как пишут»³, чтобы совершенно уничтожить язык книжный. Николай Михайлович еще скажет свое вещее слово, еще сделает вклад в становление национальной культуры.

Вместе с тем, распространение французских идей просвещения в России приобрело характер слепого подражания, копирования всего французского, полной или частичной ориентированности высшего дворянского общества на французские культурно-поведенческие модели. Как известно, результаты, к которым привела деятельность просветителей во Франции – стала Великая Французская революция. Прежде чем перейти к рассуждениям ответим на вопрос (и ответ исключительно важен в поиске истины) а что же такое Великая Французская революция конца XVIII – начала XIX века, революционные преобразования, связанные с изменениями устоев общества, жизни народа, конфискацией имущества, арестами, казнями десятков и даже сотен тысяч жертв «революционного террора»? Как относиться к революционным войнам, которые вела Франция и которые олицетворял Наполеон Бонапарт, оставивший в последующие два десятилетия миллионы жертв на полях Европы вплоть до 1815 года (разгрома при Ватерлоо)?

Нам не так просто перестроиться (я имею ввиду то поколение исследователей, которое сформировалось в советское время, где, будем откровенны, революции, причем любые, рассматривались в координатах перехода от старых, отживших форм к новым, прогрессивным). Всех нас призывали смотреть на них как минимум сочувственно, а еще лучше – руководствоваться в исследованиях. Но стоит отойти от этого стереотипа сознания и спуститься в XVIII – начало XIX века и попробовать взглянуть на революционные потрясения глазами

людей того поколения, как сразу же высвечивается изнанка, страшная оборотная сторона революций, многочисленных человеческих страданий. Чтобы достовернее воспринимать эпоху многое нам подскажет поэзия, особенно такого проникновенного поэта, как Федора Ивановича Тютчева – свидетеля революций XIX века, создавшего стихотворение «Наполеон».

Сын Революции, ты с матерью ужасной
Отважно в бой вступил – и изнемог в борьбе...
Не одолел ее твой гений самовластный!
Бой невозможный, труд напрасный...
Ты всю ее носил в самом себе...

Понятно, что образованное общество XIX века в своем подавляющем большинстве вместе с русским самодержавием с негодованием относилось к революционным представителям, ниспровергателям традиционных устоев, сочувствуя свергнутым сословиям и страданиям простых людей. Революция отгалкивает государственных деятелей России, представителей культуры, обращает их к поиску национальной и культурной самоидентификации. Особенно усиливаются эти стремления в начале царствования Александра I, когда реформы М. Сперанского ясно показали желание молодого царя продолжить реформирование страны в духе либеральных идей просвещения.

И вот в этих спорах о путях преобразования России прозвучал авторитетный голос, сыгравший важную роль в пробуждении национального самосознания, предупреждение об опасных последствиях намеченных преобразованиях из уст выдающегося русского писателя, ученого, историографа Николая Михайловича Карамзина. Необходимо при этом отметить, что к этому времени Н. М. Карамзин совершил путешествие по Европе, в т. ч. по революционной Франции, неоднократно посещал парламент, слышал выступление Робеспьера, других революционеров. И ... реакция писателя: неприятие и шок, вызванный реализацией идей Просвещения в ходе Великой Французской революции: «Век просвещения! Я не узнаю тебя – в крови и пламени не узнаю тебя – среди убийств и разрушений не узнаю тебя!»⁴. Одним из последствий увиденного и пережитого стал интерес Н. М. Карамзина к российской истории. В 1803 г. он обратился в Министерство народного просвещения с просьбой о назначении его историографом, которая вскоре особым указом императора Александра I была удовлетворена. В 1803–1811 гг. он создал 5 томов «Истории государства российского», используя ценные и многие не дошедшие до нас исторические источники. За эти годы он окончательно сложился как выдающийся мыслитель, искренний сторонник самодержавия и самобытных форм жизни и ценностей России. В начале 1810 г. Карамзин через своего родственника графа Ф. Р. Ростопчина познакомился в Москве с лидером «консервативной партии» при дворе великой княгиней Екатериной Павловной. Ее салон представлял в это время центр консервативной оппозиции либерально-западническому курсу, олицетворенному фигурой М. М. Сперанского. Испытывая тревогу за судьбу любимой родины в условиях надвигающегося столкновения с революционной Францией, Карамзин написал и подал императору Александру I записку «О древней и новой России в ее

политическом и гражданском отношениях». Наряду с обзором российской истории и критикой либеральных нововведений Александра I, записка содержала достаточно цельную концепцию самодержавия, неразрывно связанного, озаренного православной верой. Важнейшие достоинства самобытной власти русских царей по Карамзину были следующие: во-первых, самодержавие обладало качеством объективности, т. е. мало зависело от личных свойств, ума и воли отдельных правителей; во-вторых, возникшее в условиях борьбы с татаро-монгольским игмом самодержавие было безоговорочно принято русским народом, поскольку не только ликвидировало иноземную власть, но и внутреннюю усобицу; в третьих, исключительно важную роль в самодержавной власти играла православная церковь, которая явилась совестью самодержавия, задававшая нравственные координаты в стабильные времена и, особенно, в те, когда происходили «уклонения от добродетели». Сама же политическая система самодержавной власти держалась на общепризнанных народом обычаях, традициях, привычках, на том, что Карамзин называет «привязанностью к нашему особенному»⁵. Только совокупность всего перечисленного, считал историк, является главной причиной могущества и процветания России. При таком понимании всякая попытка ограничения самодержавия, что усматривалось историком в реформах Сперанского, была бы преступлением перед народом и русской историей.

Правда высказанная царю была горька, но тем не менее настолько справедлива, что несмотря на холодный прием «записки» Александр I вскоре отправляет М. Сперанского в отставку, а на освободившийся пост государственного секретаря среди других рассматривает и кандидатуру Н. М. Карамзина. Как известно, на этот пост был назначен адмирал А. С. Шишков, что объясняется наставшими грозными временами, в которые вступает Россия в 1812 г. Интересно, что этот государственный деятель также был последовательным противником М. М. Сперанского. В изданных незадолго до войны 1812 года «Рассуждениях о старом и новом слоге» А. С. Шишков выступил против французской культурно-поведенческой модели, рассматривал галломанию как проявление духовной дегенерации. Согласно А. С. Шишкову язык является субстанцией народности, квинтэссенцией национального самосознания и культуры и подходить к языковым заимствованиям надо предельно осторожно и, в тоже время, опираться в создании языка на церковнославянский, язык летописей и древнерусский язык литературных произведений. Галлицизмы же, по мысли Шишкова, могли привести в русский язык понятия, ведущие к революции⁶. Назначенный за два месяца до вторжения Наполеона в Россию на пост государственного секретаря вместо опального Сперанского, Шишков неотлучно находился все грозные годы войны 1812–1814 гг. при императоре Александре I. Он становится автором текстов важнейших манифестов, рескриптов, указов, выполнял фактически в ходе Отечественной войны роль главного пропагандиста и идеолога. Составленные им манифесты откликнулись на важнейшие события военной кампании, поднимали дух армии и народа, пользовались широким распространением, огромной популярностью.

Тяжелейшие испытания и победа русского оружия, России над силами Западной Европы приводят к тому историческому повороту, который лежит в основе, в фундаменте расцвета русской национальной культуры XIX века.

Патриотический подъем охватил слои русского общества, оказывает воздействие на общественную активность, дает толчок к реализации творческого потенциала деятелей отечественной культуры. И первым здесь вновь сказал свое слово Николай Михайлович Карамзин. Я имею в виду его «Историю государства Российского». Работа над историей была прервана Отечественной войной, возобновилась в 1813 году и невзирая на то, что в московском пожаре сгорела его библиотека, в начале 1816 г. он просит у царя средства на издание первых восьми томов истории. Вскоре, в 1818 г. появляются первые тома. Написанная живым литературным, образным языком она ответила на важнейшие вопросы пробуждающегося национального самосознания: «Кто мы?», «откуда есть пошла Русская земля?». И эти тома с «жадностью и вниманием», по свидетельству Пушкина проглатываемые образованным обществом привели к тому, что, как писал поэт «Древняя Россия, казалась найдена Карамзиным как Америка Колумбом»⁷. Обширные знания ученого, терпение исследователя, точность историка, мудрость политика все это по настоящему восхищало поэта, справедливо указавшего, что это, не только «создание великого писателя, но и подвиг честного человека»⁸.

Вместе с тем, восприятие истории у Пушкина было иным, чем у Карамзина. В известном письме Н. И. Гнедичу от 25 февраля 1825 г., Пушкин провозгласил: «История народа принадлежит поэту»⁹. Под этим понималось, что создание исторического мифа, который и составляет собственно национальное историческое сознание, не может обойтись без поэтизации истории, закрепления ее в культурных образах. И именно это формирует у нации чувство истории, а не ее доскональные знания. Вскоре (после 1826 г.) окончательно вырабатывается специфика исторических произведений Пушкина – его интересуют люди, мотивация их поступков, достижения души. Как отмечает П. А. Вяземский «В Пушкине было верное понимание; свойство, которым одарены не все историки ... Он не историю воплощал в себе, а себя перенес бы в историю и в минувшее..., мог отрешить себя от присущего и воссоздать минувшее, породниться с ... нравами, порядками, давным-давно замененными новыми поколениями ...»¹⁰. Благодаря гению Пушкина открытые им «вечные темы» российской истории, созданные им исторические образы приобрели статус национальных мифов, что делает их незаменимыми в национальном сознании. Они влияют на последующие творческие находки писателей от Н. В. Гоголя до Льва Толстого. Исторический подъем национального самосознания реализуется в творчестве музыкантов и, прежде всего Михаила Ивановича Глинки – фактического родоначальника русской оперной школы, создавшего «Жизнь за царя», «Руслан и Людмила». Первую оперу, как известно, горячо поддержали Пушкин, Жуковский, Гоголь, С. Т. Аксаков, В. Ф. Одоевский. Последний, в частности писал: «С оперой Глинки является то, что давно ищут и не находят в Европе – новая стихия в искусстве, и начинается в его истории новый период: период русской музыки»¹¹. Опера ознаменовала и рождение самобытного национального стиля в отечественной музыке. В последующие годы он был развит в произведениях А. С. Даргомыжского, А. П. Бородина, М. П. Мусоргского, П. И. Чайковского.

Кроме оперы М. И. Глинка стал родоначальником других жанров отечественной музыки – русской инструментальной музыки, русского национального романа.

Период после войны 1812 года блестящих успехов достигла архитектура русского ампира. В это время она преодолела традиции классицизма и для зодчих этого времени становится характерным синтез архитектуры и скульптуры. При этом стремление к архитектурному ансамблю характерно как для столицы (Санкт-Петербург), где создаются монументальные ансамбли Дворцовой, Сенатской площадей, Стрелка Васильевского острова, так и провинциальной Костромы, где также возникает оригинальный центр, увенчанный знаменитой Каланчой, придающий неповторимый облик старинному русскому городу.

Позднее, по прямому указу императора Николая I был создан «русско-византийский» стиль, ставший воплощением в архитектуре идеи «Православие, Самодержавие, Народность». Создателем его становится архитектор Константин Андреевич Тон – автор проектов Храма Христа Спасителя, воздвигнутого, как известно, в ознаменовании победы русского оружия в войне 1812 года, Большого Кремлевского дворца, Оружейной палаты¹². Восстанавливаются в это время и строения Московского Кремля, т. е. фактически окончательно складывается неповторимый национальный облик духовного центра, а еще точнее сердца России – Москвы.

Так в чем же суть поворота, суть перехода к национальной культуре?

Просвещение, какие положительные введения оно не имело для России, все-таки было иноземным влиянием, которое к тому же, как это видели национально мыслящие деятели культуры, привело сам Запад, прежде всего Францию к революции, разрушившей основы государства.

В царствование Александра I происходит отход от заимствований и переход к русским идеям, важнейшей из которых стала идея царского самодержавия, обеспечивающим независимые условия развития страны.

Решающим стало противостояние в войне 1812 г. России и Западной Европы (Александра I и Наполеона) и победа России в этих тяжелейших испытаниях.

Важнейшую роль в расцвете национальной культуры сыграла «История государства Российского» Н. М. Карамзина, открывшая нации собственную прекрасную историю отечества.

Пушкин в литературе, Глинка в музыке развивают эти русские идеи, русское ощущение искусства, поднимают до вершин общечеловеческого признания, превращают культуру России в самостоятельную величину мирового значения.

Примечания

¹ История русской культуры. М., 1990. С. 164.

² Цитата по Осетрову Е. И. Три жизни Карамзина. М.: Современник, 1985. С. 175.

³ История русской культуры. М., 1990. С. 165.

⁴ Карамзин Н. М. Соч.: 2 т. Л., 1984. Т.2. С. 179–180.

⁵ Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношении / Русская идея: Сборник произведений русских мыслителей. М., 2004. С. 36–50, 107–111.

⁶ Общественная мысль России XVIII – нач. XX века: Энциклопедия. М.: РОСПЭН, 2005. С. 624

⁷ Пушкин А. С. Воспоминания о Карамзине / Пушкин А. Золотой том. Собрание сочинений. Исп. и доп. М., 1993. С. 806.

⁸ Пушкин А. С. Воспоминания о Карамзине / Пушкин А. Золотой том. Собрание сочинений. Исп. и доп. М., 1993. С. 806.

⁹ Общественная мысль России XVIII – нач. XIX века: Энциклопедия. М.: РОСПЭН, 2005. С. 436.

¹⁰ См.: Пушкин в воспоминаниях современников: в 2 т. М., 1974. Т. 1. С. 15.

¹¹ Цит. по: 111 опер: справочник-путеводитель. – СПб., 2000. С. 366.

¹² История русской культуры. М., 1990. С. 199.

В. С. Соболев
г. Санкт-Петербург

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ КОНСТАНТИН КОНСТАНТИНОВИЧ – ПРЕЗИДЕНТ ИМПЕРАТОРСКОЙ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Великий князь Константин Константинович, двоюродный дядя последнего российского императора Николая II, более четверти века с 1889 по 1915 год возглавлял Императорскую Санкт-Петербургскую Академию наук. Указом императора Александра III от 3 мая 1889 года Константин Константинович был назначен двенадцатым по счету президентом Академии с момента ее основания в 1725 году.

В этот период истории в пореформенной России постепенно прививались ростки новых общественных отношений. Все явственнее ощущались приметы движения страны по капиталистическому пути. Однако, поступательный ход развития России в существенной степени затруднялся консервативной политикой, которую проводило царское правительство.

Константин Константинович, сын великого князя Константина Николаевича, второго сына императора Николая I, родился 10 августа 1858 года в Стрельне под Петербургом.

Многое в Константине Константиновиче было нетрадиционным и не очень характерным для представителей царствующего дома. С юношеских лет он увлекался поэзией, театром, музыкой. В 1879 году началась самостоятельная творческая деятельность великого князя – он начал писать стихи. В августе 1882-го было опубликовано первое его стихотворение «Псалмопевец Давид», подписанное псевдонимом «К.Р.». Поэтические дарования Константина Константиновича продолжали развиваться, кроме того, он занимался еще и переводами произведений иностранных поэтов. В 1886 году вышел в свет первый сборник его стихов¹. Томик стихов был напечатан в ограниченном количестве экземпляров, в продажу не поступал и был известен узкому кругу лиц, приближенных к императорской фамилии. В это же время Константин Константинович сблизился с целым рядом известных деятелей отечественной культуры и науки. Мы можем назвать среди них поэтов А. А. Фета, А. Н. Майкова и Я. П. Полонского, писателя И. А. Гончарова, критика Н. Н. Страхова, экономиста, академика В. П. Безобразова.

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

В конце 1887 года великий князь был удостоен звания почетного члена Императорской Академии наук. В январе 1900 года он был избран почетным академиком по Разряду изящной словесности.

Будучи с мая 1889 года президентом Академии наук, Константин Константинович одновременно с этим являлся командиром Преображенского полка с 1891 по 1900 год, Главным начальником военно-учебных заведений империи с 1900 по 1910 год, Генеральным инспектором военно-учебных заведений с 1910 года до своей кончины.

Кроме того, одновременно с этим, великий князь был председателем, попечителем, почетным членом десятков обществ, комитетов, комиссий, учебных заведений, в основном гуманитарного профиля.

Случилось так, что в пореформенные годы Академия наук утратила многие позиции, которые были завоеваны и удерживались ею в XVIII – первой половине XIX века. Академия, по существу, продолжала оставаться небольшим, замкнутым учреждением и уже не могла отвечать решению задач, поставленных временем. Ослабли ее прежние плодотворные связи с университетами и научными обществами, стала незначительной ее роль в экономической и культурной жизни России.

Напротив, в пореформенные годы наука более высокими темпами начала развиваться в университетах, звание университетского профессора стало общестественностью цениться почти наравне со званием академика, да и материальное положение университетской профессуры в эти годы оказалось лучше, чем у членов Академии наук.

Великому князю Константину Константиновичу не потребовалось много времени для того, чтобы понять суть основной причины того тяжелого положения, в котором оказалась Академия наук к концу 80-х годов XIX века. Этой причиной являлось крайне скудное финансирование академической науки государством. Соответственно, довольно четко определилось и главное направление будущей деятельности президента – добиваться существенного улучшения финансирования Академии.

Анализ документов ряда фондов Санкт-Петербургского филиала Архива РАН со всей убедительностью свидетельствует о том, что на решение этого основного вопроса организации российской науки уходило много сил и энергии президента на протяжении всей его службы в Академии.

Постараемся конкретизировать это сложное положение. Дело состояло в том, что к началу 1890-х годов Академия продолжала получать ежегодные мизерные бюджетные ассигнования, предусмотренные еще Уставом 1836 года, они составляли 239 400 рублей².

Правда, была еще одна возможность получения денег на научную работу, для этого необходимо было всякий раз, когда возникала острая необходимость, направлять аргументированное ходатайство в Министерство народного просвещения. Так, в 1894 году президентом АН было направлено всего пять ходатайств, из них четыре были удовлетворены, а по одному было отказано. Например, было ассигновано 6000 рублей «на ремонт и реорганизацию физического кабинета», или было отпущено 600 рублей «по командировке академика

Радлова за границу», а вот «в отпуске» 3000 рублей на развитие теоретической астрономии было отказано³.

Последовали долгие месяцы настойчивой и кропотливой работы президента и других руководителей Академии по «выбиванию» денег. Пошла черед записок, писем, проектов, направляемых в вышестоящие инстанции. Внимательное изучение всех этих документов в конечном результате не дает исследователю полного и однозначного ответа на вопрос: каковы же были главные причины столь медленного течения дел?!

Прежде всего, в документах довольно часто встречаются, правда, в деликатной форме, ссылки на бедность государственного бюджета. Они давались примерно в следующих выражениях: «затруднительное финансовое положение настоящей минуты», «известное состояние Государственной кассы», «слабое поступление государственных доходов», «не допущение дефицита в государственном бюджете» и т. п.

Другим фактором медленного хода дел являлась существующая и доведенная до абсолюта иерархия бюрократических норм.

Самое высокое общественное положение президента, его растущий авторитет в императорской фамилии были одними из главных условий того, что решение давно назревших проблем развития академической науки удалось сдвинуть с мертвой точки, и началось последовательное улучшение положения дел в Академии наук.

8 апреля 1893 года состоялось заседание соединенных департаментов Экономии и Законов Государственного совета, где рассматривался вопрос о новых штатах Академии и увеличении ассигнований на нее. Константин Константинович принимал участие в этом заседании, но доклад делал, по существующему положению, министр просвещения И. Д. Делянов. В результате довольно оживленного обсуждения было решено новый штат Академии утвердить, тем самым ежегодный бюджет ее был увеличен на 53 563 рубля (в последний момент законодатели все-таки сумели «скостить» некоторую часть денег и дали на 16 тысяч рублей меньше просимой суммы⁴. Это была первая крупная победа Академии на финансовом фронте во второй половине XIX века. В этот же день вице-президент АН Я. К. Грот направил Константину Константиновичу восторженное письмо, в котором поздравил с «благополучным исходом нашего дела в Государственном совете»⁵.

Утверждено было новое штатное расписание Александром III в июне 1893 года. В соответствии с ним с 1 января 1894 года предусматривалось следующее ежегодное жалованье ученым: ординарному академику – 4200 рублей (в том числе жалованье – 2400, квартирные – 600, за звание – 1200); экстраординарному академику – 3000 рублей (в том числе жалованье – 1500, квартирные – 500, за звание – 1000).

Содержание президента предполагалось «по особому высочайшему назначению», а вице-президент и непреременный секретарь получали ежегодное жалованье по 1500 и 1200 рублей соответственно (надо иметь ввиду, что эти должности замещались только академиками и, следовательно, это являлось доплатой к получаемому ими академическому жалованью).

Сбылось еще одно давнишнее чаяние академических ученых: в отношении пенсий и единовременных пособий их уравнили в правах с профессорами университетов. Было существенно улучшено материальное положение в других научных и научно-технических сотрудников АН⁶.

Для нас представляют интерес жалования, которое получал сам президент. Приведенный нами выборочный просмотр требовательных ведомостей на выдачу жалования руководящему составу АН за 1900, 1902, 1905, 1907 и 1914 годы дает все основания для вывода о том, что Константин Константинович ежегодно получал только «столовые деньги» в размере от 927 рублей 60 копеек до 1008 рублей 75 копеек, то есть за время президентства он не получал денег ни по должности, ни «квартирных», ни «добавочных»⁷.

Если учесть, что в царской России не существовало ограничений для получения зарплаты за работу «по совместительству», то можно с весомой долей уверенности предположить, что Константин Константинович сам отказывался от получения полной зарплаты в АН, считая это неудобным, или незаслуженным.

Утвержденное в 1893 году штатное расписание АН просуществовало почти 20 лет. С июля 1912 года вступило в действие новое штатное расписание, утвержденное императором Николаем II. Этому событию также предшествовала нелегкая и длительная деятельность Константина Константиновича и других руководителей АН по подготовке, согласованию, «проталкиванию» столь необходимого увеличения бюджетных ассигнований для науки и ее работников. После долгих усилий проект закона об этом был наконец 22 июня 1912 года вынесен на заседание Государственного совета. По болезни Константин Константинович не смог присутствовать на заседании, и туда были приглашены вице-президент и неперемный секретарь. Утверждение закона вызвало взрыв радостных эмоций у ближайших сподвижников президента, немедленно выраженный в следующей телеграмме, направленной патрону, находившемуся в это время в Павловске: «Прямо из Государственного совета. Законопроект прошел. 66, против 25. Ольденбург»⁸.

Согласно новому закону, ежегодные ассигнования Академии были увеличены до 1 997 159. рублей, было увеличено число штатных единиц работников среднего звена, и общий штат АН стал составлять 153 человека. Решение Государственного совета состоялось в то время, когда все члены АН находились в летних отпусках, поэтому радостная новость была доложена Общему собранию на первом после летнего перерыва заседании – 2 сентября. В этот день Общим собранием было единогласно принято решение выразить Константину Константиновичу «глубокую признательность» за введение закона о новых штатах АН⁹.

Характерной чертой закона, вошедшего в действие в июле 1912 года, было то обстоятельство, что в основном и прежде всего прибавку к жалованию получили академические сотрудники среднего и нижнего звена – ассистенты, хранители фондов, лаборанты и т. д. Зарплата всех руководителей АН, равно как и зарплата академиков, осталась на уровне 1894 года¹⁰. Это можно объяснить только высокой гражданской и этической позицией тогдашних организаторов академической науки и ведущих ученых, интересы самой науки для которых были превыше всего.

За период президентства Константина Константиновича были организованы новые важные академические структуры и учреждения: Русский Археологический институт в Константинополе (1894 г.), Разряд Изыщной словесности (1899 г.), Пушкинский дом (1907 г.) и др. Проведена модернизация оборудования Главной физической лаборатории, Пулковской астрономической обсерватории, Академической типографии. В 1910 году удалось добиться правительственных ассигнований в размере 1 млн. 100 тысяч рублей на строительство нового здания Библиотеки Академии наук.

С именем великого князя Константина Константиновича тесным образом связаны организация и проведение ряда научных экспедиций, имевших огромное научное и практическое значение, большой международный резонанс.

Прежде всего следует вспомнить Шпицбергенскую экспедицию по градусному измерению, на проведение которой удалось получить ассигнования в размере 210 тысяч рублей. В мае 1899 года суда «Бакан» и «Ледокол-2» отправились в экспедицию к острову Шпицберген.

Современники считали экспедицию на Шпицберген «важнейшим ученым предприятием, ознаменовавшим академическую жизнь за 1899 год», и «едва ли не самой крупной в XIX столетии «экспедиции» подобного характера¹¹.

180 тысяч рублей были поручены от правительства Академией наук на проведение Русской полярной экспедиции. Возглавил ее талантливый исследователь Арктики Эдуард Васильевич Толь. В апреле 1900 года экспедиция отправилась к Новосибирским островам на парусно-моторной шхуне «Заря». Во время плавания «Зари» и особенно во время зимовок шхуны у северо-западного берега полуострова Таймыр и у западного берега острова Котельный был выполнен комплекс очень важных для науки гидрографических, физико-географических и геологических исследований.

Академические учреждения гуманитарного профиля проводили многогранную работу по пропаганде научных знаний, продолжали развивать глубокие просвещенские традиции. К 1910 году библиотекой Академии наук ежегодно выдавалось для работы на дом более 15 000 томов, ежегодная посещаемость Зоологического музея составляла более 120.000 человек, Музея антропологии и этнографии более 20 000 человек.

Академия помимо публикации научных трудов осуществляла издание книг, имевших общекультурное значение: «Академической библиотеки русских писателей», полного собрания сочинений А. С. Пушкина и др.

За годы президентства Великого князя Константина Константиновича улучшился личный состав Академии наук, она пополнилась 69 учеными. Среди вновь избранных, многие являлись учеными с мировыми именами: минералог В. И. Вернадский, физиолог И. П. Павлов, химик Н. С. Курнаков, ботаник И. П. Бородин.

Академические ученые добились больших достижений во многих отраслях науки: в математике – А. М. Ляпунов и В. А. Стеклов. В физике – Б. Б. Голицын и Н. А. Рыкачев, в астрономии – Ф. А. Бредихин и А. А. Белопольский, в гуманитарных науках – А. С. Лаппо-Данилевский, А. А. Шахматов, В. О. Ключевский.

С середины 1890-х годов укреплялись связи Академии наук с университетами: Петербургским, Московским, Киевским, Казанским, Харьковским, Дерптским;

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

стали постоянными контакты с научными обществами: Географическим, Минералогическим, Техническим, Историческим; постоянно росло число корреспондентов Академии в российской провинции.

Имеются самые веские основания считать, что успехи и достижения академической науки на рубеже XIX–XX столетий тесным образом связаны с именем президента Академии наук, великого князя Константина Константиновича. Он был награжден всеми орденами Российской империи и 28 орденами других государств¹².

Великий князь Константин Константинович возглавлял Санкт-Петербургскую Академию наук до своей кончины, последовавшей 2 июня 1915 года в Павловске. Он был похоронен в Петербурге в Великокняжеской усыпальнице Петропавловской крепости.

Несмотря на тяжелое военное время, российская пресса с вниманием отнеслась к этому событию, отдав дань памяти президента Академии наук.

Нам удалось установить, что некрологи и соответствующие статьи были опубликованы девятью петербургскими и четырьмя московскими газетами.

Общее собрание АН, посвященное памяти августейшего президента, состоялось 2 декабря 1915 года, «в полугодовой день кончины», в Малом конференц-зале Академии. Были прочитаны две речи: непременно секретарем АН С. Ф. Ольденбургом «Президент Императорской Академии наук великий князь Константин Константинович» и почетным академиком А. Ф. Кони «Почетный академик К.Р.».

Сергей Федорович напомнил собравшимся слова, которые произнес Константин Константинович в мае 1889 года, вступая в должность президента: «Я твердо намерен, с Божьею помощью и по мере сил, всегда быть верным своему долгу», и подчеркнул, что «редко кому дано было в полной мере исполнить свой долг, как это выпало на долю великого князя».

Следующим президентом Академии наук стал академик А. П. Карпинский, избранный на этот пост на Общем собрании Академии в мае 1917 года.

Примечания

¹ Стихотворения К.Р. СПб. 1886. 227 с.

² Уставы Академии наук СССР. М. 1974. С. 117–119.

³ Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (Далее – ПФА РАН). Р-IV. Оп. 6. Д. 11. Л. 4.

⁴ Российский государственный Исторический Архив (РГИА). Ф. 1152. Оп. 11-1893. Д. 164. Л. 56-58.

⁵ ПФА РАН. Ф. 6. Оп. 1. Д. 6. Л. 33.

⁶ Там же. Л. 29-31.

⁷ ПФА РАН. Ф. 4. Оп. 11-П. Д. 13–15, 18, 20.

⁸ ПФА РАН. Ф. 6. Оп. 1. Д. 35. Л. 49.

⁹ Там же. Л. 69.

¹⁰ ПФА РАН. Ф. 4. Оп. 11-П. Д. 27.

¹¹ Отчет о деятельности Императорской Академии наук по Физико-математическому и Историко-филологическому отделениям. СПб. 1900. С. 32.

¹² См. Формулярный список о службе Августейшего Президента Академии наук великого князя Константина Константиновича. (ПФА РАН. Ф. 4. Оп. 5. Д. 79/1271–1324. Л. 50–93).

В. А. Кошелев
г. Великий Новгород

ОСТРОВСКИЙ, НЕСТОР КУКОЛЬНИК И «РУКА ВСЕВЫШНЕГО»

В начале 1862 г. И. С. Тургенев, живший в Париже и ожидавший выхода в свет своего нового романа «Отцы и дети», буквально «бомбардирует» петербургских приятелей просьбами поскорее прислать ему новую, только что напечатанную в «Современнике» хронику А. Н. Островского «Козьма Захарьич Минин, Сухорук»: «Чрезвычайно меня интересует «Минин» Островского; пожалуйста, сообщите мне Ваше впечатление. Новая, смелая попытка! Дай бог, чтобы она увенчалась успехом! Но если даже и будет неудача, я все-таки уверен, что *неудача* Островского может быть интереснее *удачи* многих других»¹.

Новая хроника Островского («может быть, нечто великое») была интересна Тургеневу именно потому, что была написана в жанре «ложно-величавой» исторической драмы, который Тургенев давно «похоронил» в ряде своих рецензий еще в 40-е годы. Кроме того, эта хроника, как и «наложившийся» на нее роман «Отцы и дети», определяла прежде всего восприятие нового героя, которого предложил русский драматург в демократическом русском журнале в разгар накаленной общественной ситуации. Сам Тургенев вывел на суд публики своего Базарова – герой Островского был принципиально иным, чем тургеневский «нигилист».

«Минина» Тургенев получил к концу февраля 1862 г. (от Н. В. Щербаня), разом прочел – и успокоился: «Не знаю, какое на тебя он произведет впечатление – пишет он В. П. Боткину, – а мне он показался бессильной и вялой вещью, написанной превосходнейшим языком – с несколькими прелестными *лирическими* проблесками <...>, но драмы нет и помина, характеры не живые и вообще от всего “Минина” веет чем-то Карамзинисто-Загоскиноватым»².

Материалом для своей первой «пьесы первого разряда» Островский избрал не просто историю освобождения Руси от поляков, но сюжет исторической драмы Нестора Кукольника «*Рука Всевышнего Отечество спасла*», поставленной в Александринском театре в Петербурге 15 января 1834 г. и ставшей своеобразным знаком и «знаменем» официальной народности эпохи Николая I. Показательно, что известный летописец русского театра А. И. Вольф странным образом перепутал дату этой постановки, указав, что она состоялась «21 февраля»³. Дело в том, что вся драма основывалась на этой дате – дате избрания на престол Михаила Феодоровича, первого царя из династии Романовых. В финале драмы князь Пожарский призывал «Святой Руси бесчисленных детей»:

Из века в век, пока потухнет солнце,
Пока людей не истребится память,
Святите день избрания Михаила,
День двадцать первый февраля!⁴

Вокруг этой даты было организовано всё сценическое действие. Пьеса представляла собою ряд сцен, показывающих водворение «порядка» на Руси в конце

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Смутного времени: организацию ополчения в Нижнем Новгороде, сплочение народа вокруг «гражданина Минина и князя Пожарского», изгнание поляков, разгром мятежных отрядов и, наконец, восшествие на престол долгожданной династии. Драмы в собственном смысле в пьесе Кукольника не было: борьбу страстей заменили патриотические чувства.

Вся цепь событий, соответственно идее пьесы и ее заглавию (взятому из трагедии В. А. Озерова «Димитрий Донской», 1809), явилась выражением некоей фатальной неизбежности, обеспеченной помощью «руки Божией». Бог возлюбил Россию, спас ее от внутренней крамолы и внешнего врага, даровал ей истинного царя. А в лице этого царя – единство, мир и народное благоденствие. Словом, «рука Всевышнего» в определенный исторический момент вмешалась в движение истории и предопределила судьбу Отечества.

Воскресла Русь! Гремят колокола!
Святители несут иконы; люди
Густой толпой теснятся с крестным ходом
Пред Костромским монастырем!..

Это – уже в финале. В начале – в поэтической форме были преобразены исторические события. Вот «гражданин Минин» на берегу Волги оплакивает кончину Ляпунова (прежнего руководителя ополчения) и обдумывает, как «спасти Святую Русь». Его вдохновляет «глас небесный от Востока» – и он решает произнести свою речь к нижегородцам. В этой речи особенно показательно постоянное упование на помощь «неземных», надличностных сил: «Бог велит!..» И князь Пожарский становится воеводой народного ополчения именно потому, что боится чем-нибудь нарушить промысел этой «руки Всевышнего»: «Мне Тот отъемлет силы, / Чей суд сильнее всех людских желаний». Герои этого действия – говорящие марионетки, лишённые самостоятельности и характеров. По смыслу драмы, каждый из них явился только послушным и верным орудием этой самой «руки Всевышнего». Минин спасает Пожарского от смертельных интриг казацких атаманов Заруцкого и Заварзина призывом: «Я Божий суд несу!». А когда открывает измену Заруцкого, возжаждавшего незаконно сесть на престол, – восклицает: «О Русский Бог, смири его гордыню!» После чего Заруцкого, в полном противоречии с исторической действительностью его же казаки «поражают копьями».

Кукольник этим действием, явленным в самый «пик» царствования Николая I, наилучшим образом укреплял миф о беспредельном могуществе российского самодержавия – и одновременно создавал миф о его общенародном представительном характере. В последнем акте, который проходит во «внутренности Грановитой палаты», «Русский Бог» предстает в коллективном облике Собора воевод, бояр, дворян и выборных людей, которому предстоит выбрать кандидатуру нового царя. Но кандидатура у всех одна, и у всех на устах одно и то же решение, продиктованное свыше. После вступительной речи Пожарского все пишут на лоскутках имя кандидата. Читающий записки Минин поражен: на всех – одно имя Михаила Романова (что абсолютно противоречило истории). Тут же в палату врывается народ московский с требованием

принять челобитную, в которой выражает свою волю: он «единогласным сонмом» хочет на трон того же Михаила. Совершенно так же, «единогласно» и «всенародно» в памятные времена избирали на высшую должность всех генеральных секретарей. Пожарскому остается только воскликнуть:

Поздравь Москву! Собор единогласно,
Единодушно избрал Михаила!
Нет, не Собор, Господь избрал, и Слава
Ему отныне и до века!

На самом деле было далеко не так. Даже исторический князь Пожарский поддерживал другого кандидата на престол. Но что до исторической правды, – когда люди, от которых зависит успех сочинителя, хотят «поправить» прошлое? Почему бы не сделать им приятное: для этого так немного нужно?.. Эта «ликующая» установка в финальном монологе Пожарского доводилась до современности: «Я в будущность, как в грамоту, смотрю, / И нет конца Великому Колену!..» – и так далее до финального восклицания: «Неизмерим сей Русский полубог!»⁵

Николай Павлович, любитель театра, присутствовал на одном из первых представлений – и удостоил 24-летнего автора редкой для литератора чести быть представленным ему в Зимнем дворце. Кукольник получил высочайшее одобрение; ему и актеру В. А. Каратыгину, исполнявшему роль князя Пожарского, было пожаловано по бриллиантовому перстню. Кроме того, император дал некоторые указания по переделке пьесы, после чего она, в обновленной редакции, была канонизирована в качестве образцового патриотического сочинения. Последующие спектакли «Руки Всевышнего...» вылились в некие ритуальные манифестации. Театр был наполнен придворными, военными, чиновниками всех рангов. Восторженное приятие пьесы стало как бы показателем благонадежности и патриотизма. Зрители яростно хлопали, кричали «браво». Подобного рода «разрешенные» эксцессы не в первый и не в последний раз повторялись на официозных мероприятиях: они уже давно стали российской традицией.

«Рука Всевышнего...» выполнила в литературной карьере Кукольника роль своеобразного трамплина, толчка, ради свершения которого нужно было только чуть-чуть подчиниться представлениям официоза и принять в качестве обязательной данности некоторые приемы, которые к середине 1830-х гг. выглядели уже несколько смешно. Это, между прочим, заметил Н. А. Полевой в своей наивной рецензии на «Руку Всевышнего...» – рецензии, из-за которой был закрыт издаваемый им журнал «Московский Телеграф»⁶ «Никак не ожидали мы, – начинает Полевой, – чтобы поэт, написавший в 1830 году “Тасса”, в 1832 году позволил себе написать – но этого мало: в 1834 году *издать* такую драму <...>! Как можно столь мало щадить себя, столь мало думать о собственном своем достоинстве! От великого до смешного один шаг. Это сказал человек, весьма опытный в славе»⁷. Естественно, что Кукольник осознавал, что вступает в противоречие с историей. Но он понимал также и то, что именно «антиисторичность» необходима для власти.

Рецензия Полевого, ставшая поводом для закрытия популярнейшего российского журнала, ничего особенно «крамольного» не содержала. Напротив, критик *не подвергал сомнению основную идею* драмы Кукольника, сравнивая Козьму Минина с Жанной д'Арк: «Кому пасть: России? Польше? «Польше!» – изрек Всемогущий, и – *дух Божий вдохновляет* мещанина Минина, как некогда вдохновил крестьянку Иоанну д'Арк». Основной же упрек был и вовсе «литературный»: критику не понравилась излишняя «романтическая свобода» в изображении «великого зрелища сего подвига»⁸ ...

И тем не менее, именно эта рецензия оказалась в глазах властей предрешающей абсолютно недопустимой. И журнал «Московский Телеграф» не спасло ни покровительство московского генерал-губернатора Д. В. Голицына, ни симпатии к Полевому графа А. Х. Бенкендорфа. В той ситуации не произвести подобной акции правительству было попросту невозможно. Появление даже «осторожной» критики официально признанного и высочайше оцененного патриотического сочинения, тем более сочинения, связанного с насущными проблемами внутренней политики и идеологии, было недопустимым: сам факт написания подобной рецензии диагностировался как сумасшествие.

Понятно, что Островский в начале 1860-х гг. ставил задачи принципиально иные, чем Кукольник: его историческая хроника должна была опираться на исторические факты – время требовало представить сложнейший идеологический эпизод русской смуты совсем иначе, чем в официальных источниках. Островский решал труднейшую идеологическую проблему: переосмыслить те события русской истории, которые издавна толковались в духе устоявшегося официального мифа – и представить их в ином «повороте».

П. Д. Боборыкин, общавшийся с драматургом во время отделки его хроники, свидетельствовал: «Замысел его нельзя было не найти верным и глубоко реальным. Минин – по его толкованию – *простой человек, без всякого героического налета, без всякой рисовки, тогдашний городской обыватель, с душой и практической сметкой...*»⁹.

Хроника имеет вполне «бытовое» заглавие: «Козьма Захарьич Минин, Сухорук». К известному именованию нижегородского «говядаря» Островский прибавил бытовое «отчество» (незадолго перед тем случайно установленное историком М. П. Погодиным) и даже прозвище (отысканное – впрочем, как говорят, неверно! – П. И. Мельниковым-Печерским). Уже заглавие особенным образом «приземляло» пьесу: на место «руки Всевышнего» становились деяния простого человека.

Речь в ней действительно шла про *обывателя*. В советскую эпоху прославления «строителей коммунизма» слово *обыватель* получило отрицательную коннотацию: «человек, лишенный общественного кругозора, с косными мещанскими взглядами». Иными словами – человек, который думает о самом себе и не желает «колебаться» вместе с «генеральной линией» правящей партии. Но Островский в это понятие не вкладывал никакого негативного смысла – напротив, сам с гордостью считал себя обывателем Москвы и Костромской губернии. Это слово – производное от глагола *обывать* («жить, проживать, обитать») и означало «житель на месте, всегдашний, водворенный, поселенный прочно» (В. И. Даль).

Такого рода *обывателями* оказывается *большинство нормальных людей*, где-либо обитающих – «не-обывателем» оказывается разве что «люмпен» или «бомж»... А поскольку «обыватель» обитает в каком-то *месте* (будь то Москва, Кострома или деревня Гадюкино), то он поневоле должен следовать правилам, принятым и веками проверенным прежними жителями этого места.

Это ощущение рождает и показательные особенности мировосприятия русского обывателя. Он не отягощен кастовыми предрассудками, не подвержен никакой идеологии, которая неизбежно лишает человека полноты ощущения жизни. Обыватель живет в царстве здравомыслия и объективности. Именно объективность делает его терпимым ко всем проявлениям жизни и законопослушным. Обыватель, мещанин не участвует в революциях. Во время революций он продолжает делать «черновую» работу по созиданию жизни своей семьи. Обыватель в принципе не приемлет «глобальных» идей переустройства мира – ни дворянских, ни теософских, ни марксистских.

Сердиться на обывателя, критиковать или ниспровергать его – это почти то же, что сердиться на природу. В лесу растут грибы, жители (обыватели) эти грибы собирают, солят, а потом едят. Они делали это всегда – и в 1612 году, когда действовал Минин, и в 2008-м, когда избирали нынешнего президента России. Если перед обывателем встает дилемма: собирать грибы или идти на выборы президента, то он берет лукошко и идет собирать грибы. Это может вызвать ненависть политиков, но обывателя мнение политиков интересует значительно меньше грибов: он защищает *природные* интересы личности, семьи, а значит – и России. Он хочет *просто жить*: дышать свежим воздухом, вкусно есть, ухаживать за детьми, пить чай с лимоном и т. д. и т. п.

При этом «обыватель», вопреки представлениям из «некалендарного XX века», – не препятствие на пути некоего «прогресса», а сила, не дающая миру с его «прогрессом» сойти с ума. Это великая сила сдерживания и лекарство от глупостей. В конечном счете, именно она была в России основным двигателем разумного эволюционного развития. Все, что мы, вопреки нашей сложной истории, имеем хорошего, разумного и полезного в России – все это по большей части было создано обывателем, его руками, мозгом, терпением и трудолюбием. Все, что делалось дурного, вредного и глупого, – все это делалось вопреки этой линии развития России. И в самую трудную пору – только обыватель способен Россию спасти.

Хроника Островского – о том, как непросто это делается. В ее *первой редакции* – наиболее точной по замыслу – она не очень сценична. Вопреки жанровым ожиданиям, в героической «хронике» нет ни битв, ни острых конфликтов, ни страстей, ни смертей. Между тем, время ее действия – 8 месяцев (с августа 1611-го до марта 1612 г., времени выхода ополчения из Нижнего Новгорода; причем, сцена знаменитой речи Минина на площади – где-то посередине). В хронике представлен мучительный процесс «пробуждения» обывателя на «земское дело» (кстати, это понятие введено именно Островским в этой хронике: «земская реформа» в России еще не произошла!).

Сам Минин, «земский староста Нижнего посада» – рядовой обыватель: вроде тех купцов, что торгуют в соседних лавках. Он мало похож на Жанну д'Арк:

П. В. Анненков охарактеризовал его как «невообразимую смесь вдохновения и плутовства, святости и добродушного коварства, *идеал патриотизма, основанного на корыстных расчетах и купеческой смётке*»¹⁰. Подвиг национального героя явлен в обстановке не «исторического предания», а *семейной и общественной «обыденности»* Руси начала XVII столетия.

Предметом художественно-исторического исследования Островского становится самый начальный этап знаменитого похода – призыв Минина, его всенародная поддержка и признание Минина «выборным всей Русскою Землею». Собственно, для русских нравов это было исключением: во вступлении к драме Кукольника Минин, оплакивающий Прокопия Ляпунова, констатировал собственное бессилие: «Кто за Козьмой пойдет, / Кто слушаться захочет мещанина?». Островский ставит ту же проблему: каким образом простой нижегородский обыватель, «с душой и практической сметкой» сумел стать не только носителем общерусской патриотической мысли, но и воплотить ее в по-настоящему благородном деянии. Как получилось, что массы русских людей захотели «слушаться» такого же, как они, простого купца? Почему именно он, а не кто другой, стал «выборным человеком от всего Московского Государства» – этот вопрос занимал еще Пушкина¹¹?

В драме Кукольника, как и в известном романе М. Н. Загоскина «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году» (1829), дело создания всенародного ополчения решается единственной «боговдохновенной» речью Козьмы Минина к нижегородцам: вышел к народу некий «человек средних лет, весьма просто одетый и видный собою», призвал купцов и мещан «для содержания людей ратных отдать все злато и серебро, а если мало и сего, продать всё имущество, заложить жен и детей наших» – и все одушевились «высокими чувствами души» и подчинились призыву «гражданина Минина»¹².

Островский, человек, далекий от романтических порывов и замечательно знающий психологию русского обывателя, понимает, что *так не бывает*: для того, чтобы убедить человека расстаться с нажитым имуществом даже во имя патриотического дела, чтобы пойти на войну за освобождение далекой Москвы, – одной «боговдохновенной» речи недостаточно. Нужно что-то принципиально иное. «Земский подвиг», который совершает герой хроники Островского, включает, по крайней мере, *три* новых, неожиданных для художественного представления исторического Козьмы Минина, составляющие.

Во-первых, Минин у Островского – собиратель *денег* и носитель важной «материальной» идеи, которая огнюдь «не княжеское дело» и которая может прийти в голову только обывателю: «Не оттого ли нашим воеводам / И дело ратное не удавалось, / Что только силу ратную считали, / А про кормы да про казну забыли?..» (III, 116)¹³. Война дело дорогостоящее. Тем более – патриотическая война, на которую идут не по принуждению. Основа всего – деньги, и Козьма Минин, сумевший толково ими распорядиться, успешно сыграл, говоря теперешним термином, роль «менеджера» ополчения. В этом основная его заслуга, не уступающая заслуге воеводы князя Пожарского.

Во-вторых, Минин отличается от остальных обывателей Нижнего Новгорода необыкновенным, редким для мещанина *даром слова*, который обеспечивает ему всеобщее уважение. Вот восхищенный отзыв о нем купца Аксёнова:

Как умудрил его господь речами!
Нас, стариков, к себе собирает на дом,
Да и беседуем до поздней ночи:
Ты, как дурак, сидишь, разиня рот,
Вот так тебя слеза и прошибает... (III, 10).

В-третьих, Минин совершенно естественно становится носителем того странного «патриотизма», который основан «на корыстных расчетах и купеческой смётке», «какою-то невообразимой смесью вдохновения и плутовства, святости и добродушного коварства» - и именно таким предстает в последнем акте хроники. Именно тогда он произносит самую «народолюбивую» свою речь: «Я рад служить, рад душу положить! / Я к делу земскому рожден... и т.д.» (III, 122–123). Но при этом «знаменитый мясник Нижнего Новгорода» отнюдь не идеализирует ни народ, которым собирается руководить, ни «дело земское». Ведь эта речь произносится именно в тот момент, когда Козьма *отказывается* быть «выборным» от народа хранителем казны. А заканчивается она жёстким требованием:

Я не пойду служить, пока весь Нижний
В моих руках не будет поголовно
Со всем народом и со всем добром (III, 123).

И далее Минин фактически диктует подьячему «земский приговор», в котором выставляет столь любимому им народу жесткие условия: «беспрекословно» отдавать «ратным людям» необходимые деньги, а в случае нужды – закладывать в рабство «животы» и «жен с детьми»... Выкрики нижегородцев, воодушевленных патриотической речью героя, превращаются в *правило*, закрепленное законом. Козьма слишком хорошо усвоил народные нравы, чтобы слепо поверить верности одномоментного порыва. Ап. Григорьев восхищался пятым актом хроники, «поражающим глубочайшею правдою представления *практического героизма в Минине, слуге земщины, кабалащем земщину...*»¹⁴

Но даже при всех этих, выдающихся, качествах народного вождя русский обыватель не быстро раскачивается, и дело народного освобождения движется очень не скоро. Патриотический порыв у обывателя быстро уступает место естественному желанию тихо «отсидеться», приспособиться, переждать смутные времена – авось образуется. Поэтому былой кумир восторженной толпы – Козьма Минин – оказывается тем персонажем, к которому уже начинают испытывать «тайную злобу» («Ты знаешь сам, как я богатым солон!» – III, 116) и которого собираются оттеснить от «земского дела»...

Таково действие «хроники», где нет ни битв, ни страстей, ни смертей. Это – *новаторское* драматическое повествование о том, каких нравственных усилий требует воплощение «земского дела» даже от сильного и умного вождя. Но эта идея первой исторической драмы Островского прошла как будто «мимо» большинства людей «эпохи реформ», которые ждали увидеть «бунтаря».

У этой хроники Островского была странная судьба. Она (в первой редакции) никогда не ставилась на сцене. Между тем, сразу после публикации она удостоилась высочайшего награждения. Александр II, как и его предшественники,

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

наградила «патриотическую» драму царским бриллиантовым перстнем: его («стоимостью пятьсот рублей») передали Островскому из кабинета его величества. Но царская награда не помешала *запретить* «Минина» в первой редакции для постановки в театре: власти почувствовали в ней «что-то» опасное – что трудно было даже и сформулировать.

Между тем, эта историческая концепция «обывателя» Островского актуальна до сегодняшнего дня. Он – сторонник *сильной самодержавной власти*. Подобная «вертикаль власти» предполагает, что *верхнее* место в ней должно быть *занято* и никто из «избранников», сколь бы честолюбивы они ни были, не может его узурпировать. Если же такая возможность появляется, она с неизбежностью приводит к Смуте. А русская Смута, начавшаяся с противостояния честолюбивых «избранников» (его драматург вывел в драме «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский»), приводит к самой глубине падения и разрушения, когда «всё позволено» (это – уже в хронике «Тушино»), когда «наверх» всплывают нравственные ничтожества и маньяки, когда брат убивает брата – и всё в конце концов гибнет в огне «мирового пожара».

Зачем мне жить? Что видеть? Святотатство,
Грабеж церковей! Мученье беззащитных!
Девиц и жен позор! И поруганье
Святынею и иноческим чином!
Детей, убийц своих отцов седых!
Все лютоги ужасной той години,
Предсказанной пророками издревле,
Когда идет с ножом на брата брат!.. (V, 104)

Так вопиет русский обыватель из костромских земель в финале хроники «Тушино». После этого вопля всё, что на сцене, горит и гибнет.

В русской словесности «социалистического реализма» (например, в «Донских рассказах» М. Шолохова) часто обыгрывалась похожая ситуация: сын против отца, брат против брата и т. д. Но там тщательно утверждался тезис: подобная «лютоги» оправдана войной «за правое дело». Островский исходил из принципиально иной установки: в гражданской войне, порождении русской Смуты, «правого дела» не бывает. Брат, убивающий брата, *не может получить морального оправдания ни в каком случае*. Основная нравственная ценность для обывателя – *семья*: всё остальное на семье покоится.

Даже и Минину, «выборному от всей земли великой», – чтобы «раскатать» на патриотическое «земское дело» русского обывателя, нужно в первую очередь апеллировать к *семье*. Недаром же он, требуя письменного «земского приговора», настаивает на формуле: «Заложим жен! Детей своих заложим!», рожденной на народной сходке. Ему важно закрепить в сознании людей ту истину, что именно над *семейными* ценностями нависла угроза, и что если не пожертвовать нажитым «добром», то *никакая «рука Всевышнего» тебя не спасет – если ты сам себя спасать не захочешь!*

Словом, Островский предложил такую историческую концепцию, которая не была принята ни властями, ни революционными демократами, ни западниками,

ни славянофилами, – ни одной из литературно-общественных группировок эпохи реформ, по-разному мысливших устроить «земское дело» в обновленной, пореформенной России. И до сих пор ее не поняли – ибо если до конца доводить эти построения, то окажется, что для идеального устройства русского общества не нужны ни социальные идеи, ни множество так называемых правящих «институтов власти». А нужно то, что, как признавался Островский в одном из писем, «вернее и русее никто не покажет»: «врать только можно в теории, а в искусстве – нельзя» (XIV, 105).

Ему, правда, пришлось и немного «соврать». Желая увидеть «Минина» на сцене, он в 1866 г. (когда уже фактически закончил писать драмы на историческую тематику) создал *вторую редакцию* пьесы. Он сократил все тягостные сомнения обывателя – зато ввел и «освобождение Москвы», и воцарение Романовых, и торжество возвращения награжденного Минина в Нижний...

Эта-то, вторая редакция и ставится на театре. Возрожденная в ней концепция «руки Всевышнего» не помешала успеху ее даже в советское время: стоит вспомнить хотя бы известный спектакль Костромского театра в 1944 г.

А действительные историко-политические раздумья Островского – очень перспективные и яркие – до сих пор остаются не востребованными.

Примечания

¹ Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем в 28 т. Письма. Т.4. М.-Л., 1962. С. 320.

² Там же. С. 345.

³ Вольф А. И. Хроника петербургских театров. Ч. 1. СПб., 1877. С. 33.

⁴ К<укольник> Н. Рука Всевышнего Отечество спасла. Драма в пяти актах, в стихах. СПб., 1834. С. 144.

⁵ Там же. С. 9, 19, 34, 53, 76, 143.

⁶ См.: Вацуро В. Э., Гиллельсон М. И. Сквозь «умственные плотины»: Очерки о книгах и прессе пушкинской поры. М., 1986. С. 140–164.

⁷ Полевой Н. «Рука Всевышнего Отечество спасла» // Полевой Н., Полевой Кс. Литературная критика: Статьи и рецензии 1825–1842. М., 1990. С. 266.

⁸ Там же. С. 266–271.

⁹ А.Н. Островский в воспоминаниях современников. М., 1966. С.186.

¹⁰ Русский вестник. 1862. № 9. С.396.

¹¹ См. пушкинское «Примечание о памятнике князю Пожарскому и гражданину Минину»: Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 12. АН СССР, 1949. С. 92.

¹² Загоскин М. Н. Соч. в 2-х тт. М., 1987. Т. 1. С. 171–172.

¹³ Произведения Островского цит. по: Островский А. Н. Полн. собр. соч. Т. 1–16. М., 1948–1954.

¹⁴ Григорьев А. По поводу одного мало замеченного современною критикою явления. Письмо из Оренбурга к Н. Косице // Григорьев А. А. Театральная критика. Л., 1985. С. 243–249.

Ю. В. Лебедев
г. Кострома

**ИСТОРИЧЕСКИЕ УРОКИ А. С. ПУШКИНА
(«КЛЕВЕТНИКАМ РОССИИ»)**

Патриотические стихи «Клеветникам России» Пушкин написал в критических обстоятельствах, связанных с польским восстанием 1830 года. Стихи эти получили неоднозначную оценку не только у современников поэта, но и у его потомков. В новейшем издании, адресованном школьникам, Л. Г. Фризман пишет по их поводу следующее: «На протяжении десяти месяцев Польского восстания во французской палате депутатов шли ожесточенные дебаты о политике Франции в русско-польском конфликте. Либеральная часть палаты (Лафайет, Ламарк, Моген, Биньен и др.) требовали вмешательства в военные действия на стороне Польши. Был создан Комитет по оказанию помощи восставшим полякам во главе с Лафайетом. В него вошли Гюго, Беранже, Барбье, Жюльен, Делавинь, Давид. В Австрии за поддержку повстанцев выступал Кошут, в Германии – Берне и Гейне. Это и были те “клеветники России”, к которым обращено стихотворение Пушкина. Именно оно привело к разрыву его былой дружбы с Мицкевичем.

Позиция, занятая Пушкиным в отношении восставшей Польши и тех западных писателей и политиков, которые хотели ей помочь, и с наибольшей силой и определенностью выраженная в этом стихотворении, полностью совпала с позицией Николая I. Существует мемуарное свидетельство, что оно было написано “по желанию государя”. 5-го сентября Пушкин читал его членам императорской фамилии, 7-го было подписано цензурное разрешение, а 14-го брошюра поступила в продажу. Такая быстрота может объясняться только волей царя. С. С. Уваров также был восхищен этими “прекрасными, истинно народными стихами”. Но передовое русское общество, по свидетельству А. И. Герцена, “одно время отвернулось” от Пушкина. Он вспоминал о негодовании, которое “некогда не пощадило Пушкина за одно или два стихотворения”. Отрицательную оценку “Клеветникам России” дал и Н. А. Добролюбов» [6, с. 87].

Создаётся впечатление, что Пушкин написал «заказные» стихи «на случай», содержание которых достойно осуждения. Но так ли это на самом деле? И согласуется ли такая оценка «Клеветникам России» с той, какую давал им, например, в своей монографии Г. П. Макогоненко, утверждавший, что «клеветникам России отвечает не одинокий поэт, вдохновлённый патриотическим чувством, но поэт, почувствовавший свою кровную связь с народом» [1, с. 308].

Чтобы понять «мысль народную» в стихах Пушкина, нужно вспомнить драматическую историю отношений между Россией и Польшей.

В XIV–XVI веках, когда Россия освободилась от 300-летнего монголо-татарского ига и вела войны за свою национальную независимость, Польское королевство значительно расширило свои границы за счёт древних русских, украинских и белорусских земель, проводя в них политику социального и религиозного угнетения. В XVI–XVII веках Польша значительно превосходила Россию и по численности населения и по военной силе. Она вынашивала планы

дальнейшего расширения своих границ вплоть до присоединения к себе всей «Московии».

В смутное время начала XVII века эта мечта польских магнатов, казалось, была близка к осуществлению. Москва оказалась тогда в руках польского ставленника Григория Отрепьева, а потом королевича Владислава. И только народное ополчение во главе с Мининым и Пожарским вернуло России её государственную и национальную независимость.

После этих событий Русь крепла в тяжелейших исторических испытаниях, а Польша, раздираемая внутренними противоречиями, с каждым годом слабела, но всё ещё продолжала участвовать в общеевропейских войнах за раздел и передел границ. В результате этих войн произошло три раздела самой Польши между Пруссией, Австрией и Россией.

Земли Польши, отошедшие к Пруссии и Австрии, были онемечены жёсткой рукой. И только Россия сохранила её автономию в виде Царства Польского. Поэтому в шляхетских кругах этого Царства ещё сохранялся гордый национальный дух, но одновременно и вынашивалась мечта о великой Польше «от моря и до моря»: от Балтийского моря на севере – до Чёрного моря на юге и Днепра на востоке, с включением в состав Польши Чернигова и Киева.

«Речь Посполитая веками выступала на востоке Европы авангардом католической экспансии на православный мир, – отмечает современный белорусский историк. – Это было не просто противоборство государств, это было противоборство цивилизаций. Теряя на Западе под немецким натиском свои исконные этнические земли, польская правящая элита упорно рвалась на Восток. Потерпев поражение в этом противостоянии, она мстительно накапливала список исторических обид, счетов и претензий к России, включая в него даже проявления русского великодушия, воспринимаемого не иначе как унижение, и легко забывая собственные прегрешения перед Россией, да и вообще перед православным восточным славянством. Польские националисты всегда переносили вражду на национально-племенную, даже расовую почву, обвиняя во всех прегрешениях, и подлинных и мнимых, не правящие режимы России, а русских как таковых. Даже в самом славянстве пытались отказать великой славянской державе – единственному гаранту сохранения славянства в этом мире. Знаменитый лозунг “за нашу и вашу свободу” разделяла лишь горстка крайне левых польских революционеров. Исключение, как всегда, лишь подтверждает правило... Массе польской шляхты всегда было присуще спесивое чувство превосходства по отношению к православным, которые третировались как представители “низшей примитивной цивилизации”» [7, с. 677].

Наполеон, подчинив себе всю Европу и вступая в пределы России, обещал польской шляхте осуществить её исторические притязания. В составе наполеоновской армии Россия в лице поляков получила очень агрессивного и грозного противника, что, разумеется, обострило давний «спор славян между собою, домашний, старый спор».

Тем не менее, после поражения агрессии «дванадцати языков» на Россию, Александр I не только простил полякам их участие в этом нашествии, но и, оставив Царство Польское в довоенных границах, даровал ему конституцию.

А затем он попал под влияние своего друга, известного польского политика Адама Чарторыйского и стал вынашивать далеко идущие сумасбродные планы.

В 1817 году московские члены Союза спасения получили из Петербурга письмо С. П. Трубецкого. В письме говорилось, что император Александр считает Польшу просвещённой европейской страной и любит только ее, а Россию ненавидит. Поэтому он решил отторгнуть русские земли и присоединить их к Польше. Наконец, презирая Россию, государь высказал намерение перенести её столицу в Варшаву. Всё это убеждало декабристов, что зло, гнетущее и разоряющее страну, заключено в Александре.

«Меня проникла дрожь, – вспоминал И. Д. Якушкин об этом собрании; – я ходил по комнате и спросил у присутствующих, точно ли они верят всему сказанному в письме Трубецкого и тому, что Россия не может быть более несчастна, как оставаясь под управлением царствующего императора; все стали меня уверять, что то и другое несомненно. В таком случае, сказал я, Тайному обществу тут нечего делать, и теперь каждый из нас должен действовать по собственной совести и собственному убеждению. На минуту все замолчали. Наконец, Александр Муравьев сказал, что для отвращения бедствий, угрожающих России, необходимо прекратить царствование императора Александра и что он предлагает бросить между нами жребий, чтобы узнать, кому достанется нанести удар царю. На это я ему отвечал, что они опоздали, что я решился без всякого жребия принести себя в жертву и никому не уступлю этой чести» [9, с. 17]. Тогда впервые в тайном обществе декабристов прозвучала мысль о цареубийстве, хотя тут же она и отрезвила большинство вольнодумцев.

В 1819 году Александр в одной из искренних бесед с Карамзиным сообщил о своём решении восстановить Польшу в её древних границах. Он мотивировал это необходимостью следовать христианским заповедям любви и самопожертвования. Карамзин пытался возражать императору, но тот не слышал возражений, упоенный собственной добротой, комплиментами иностранных государственных деятелей, славой освободителя Европы. Это «странное» желание так потрясло Карамзина, что он незамедлительно составил и лично прочел государю составленную по этому поводу специальную «Записку»:

«Государь! в волнении души моей, любящей Отечество и Вас, спешу, после нашего разговора, излить на бумагу некоторые мысли, не думая ни о красноречии, ни о строгом логическом порядке. Как мы говорим с Богом и совестью, хочу говорить с Вами.

Вы думаете восстановить Польшу *в ее целостности*, действуя как христианин, благотворя врагам. Государь! <...> Христос велит любить врагов, но Он не запретил судьям осуждать злодеев, не запретил воинам оборонять государства. Вы христианин, но Вы истребили полки Наполеоновы в России <...> Государь, ответствую Вам головою за сие неминуемое действие целого восстановления Польши. Я слышу русских и знаю их. Мы лишились бы не только прекрасных областей, но и любви к царю, остыли бы душой к отечеству, видя оное игрищем самовластного произвола, ослабели бы не только уменьшением государства, но и духом унизились бы перед другими и перед собой. Не опустел бы, конечно, дворец, Вы и тогда имели бы министров, генералов, но они служили бы

не отечеству, а единственно своим личным выгодам, как наемники, как истинные рабы... <...> Нет, Государь, никогда поляки не будут нам ни искренними братьями, ни верными союзниками. Теперь они слабы и ничтожны: слабые не любят сильных, а сильные презирают слабых; когда же усилите их, то они захотят независимости, и первым опытом её будет отступление от России, конечно, не в Ваше царствование, но Вы, Государь, смотрите далее своего века...» [2, с. 555–560].

Резкое суждение Карамзина возымело своё действие: Александр I отказался от своих планов. Но его «либеральные» замыслы свою деструктивную роль сыграли: они ещё более подогрели в среде польской шляхты горделивую историческую мечту.

И вот, после смерти Александра I, 17 ноября 1830 года началось предсказанное Карамзиным польское восстание. Депутация от восставших поляков выставляла перед Николаем I ультиматум – возрождение Великой Польши «от моря и до моря» с присоединением Карпат с Чёрным морем на юге и Днепра с Киевом на востоке. Николай I отклонил это требование. Собрав во дворце Инженерного замка гвардейские части, он сообщил, что в Варшаве восстание, а в ответ на негодующие возгласы (в 1830-х годах память о поляках, которые с армией Наполеона шли против России, была ещё свежа), Николай I сказал: «Прошу вас, господа, поляков не ненавидеть. Они наши братья. В мятеже виновны немногие злонамеренные люди. Надеюсь, что с Божьей помощью всё кончится к лучшему» [8, с. 322].

12 декабря 1830 г. был обнародован царский манифест, в котором государь заявлял: «С прискорбием отца, но со спокойной твердостью царя, исполняющего долг свой, мы извлекаем меч за честь и целость державы нашей» [8, с. 323]. Так в Царство Польское для подавления восстания были введены русские войска.

В это время во французской палате депутатов начались ожесточённые прения о политике Франции в русско-польском конфликте. Был создан Комитет по оказанию помощи восставшим полякам. В некоторых французских кругах подогревались реваншистские настроения. Поддержку восставшим полякам были готовы оказать Австрия и Германия. Над Россией нависла угроза нового военного нашествия.

Пушкин, разделявший позицию Карамзина в польском вопросе, переживал эти события как личное испытание. В письме к дочери М. И. Кутузова от 9 декабря 1830 г. он сообщал: «Какой год! Какие события! Известие о польском восстании меня совершенно потрясло. Итак, наши исконные враги будут окончательно истреблены, и таким образом ничего из того, что сделал Александр, не останется, так как ничто не основано на действительных интересах России, а опирается лишь на соображения личного тщеславия, театрального эффекта и т. д. Известны ли вам бичующие слова фельдмаршала, вашего батюшки? При его вступлении в Вильну поляки бросились к его ногам. Встаньте, сказал он им, помните, что вы русские. Мы можем только жалеть поляков. Мы слишком сильны для того, чтобы ненавидеть их, начинающаяся война будет войной до истребления – или по крайней мере должна быть таковой. Любовь к отечеству в душе поляка всегда была чувством безнадежно-мрачным. Вспомните их поэта Мицкевича. – Всё это очень печалит меня. Россия нуждается в покое. Я только что

проехал по ней. <...> Народ подавлен и раздражен. 1830-й год – печальный год для нас! Будем надеяться – всегда хорошо питать надежду» [3, с. 421–422].

Вспоминали, что граф Комаровский встретил тогда Пушкина на улице и спросил, почему у него такой расстроенный вид. – «Разве Вы не понимаете, что теперь время чуть ли не такое же грозное, как в 1812 году?» – ответил поэт. Он давно был убеждён, что «Европа, в отношении России, столь же невежественна, как и неблагоприятна» [3, с. 306].

«Клеветникам России» Пушкин написал 16 августа 1831 года, за несколько дней до взятия русскими войсками Варшавы, которое совершилось в годовщину Бородинского сражения 26 августа. Стихотворение это увидело свет в брошюре «На взятие Варшавы», в которой Пушкин поместил ещё одно, связанное с этими событиями, – «Бородинская годовщина».

Называя внутреннюю войну с Польшей «домашним старым спором», Пушкин надеялся на возможность восстановления братского союза славян между собою. Дружба с Адамом Мицкевичем убеждала Пушкина в том, что такой союз возможен. Однако опубликованные стихи привели к непримиримому разрыву. Мицкевич их Пушкину не простил. Скептически отнёсся к иллюзиям Пушкина на этот счёт и его русский друг П. А. Вяземский, записавший в своём дневнике: «Что было причиной всей передраги? Одна, мы не сумели заставить поляков полюбить нашу власть... При первой войне, при первом движении в России Польша восстанет на нас или должно будет иметь русского часового при каждом поляке. Есть одно средство: бросить Царство Польское, как даём мы отпускную негодюю, которого ни держать у себя не можем, ни поставить в рекруты...» [8, с. 327].

Как ни странно может показаться на первый взгляд, но глубокую народность пушкинских стихов почувствовал П. Я. Чаадаев. 18 сентября 1831 года он писал: «Я только что прочёл ваши два стихотворения. Друг мой, никогда ещё вы не доставляли мне столько удовольствия. Вот вы, наконец, и национальный поэт; вы, наконец, угадали своё призвание. ... Стихотворение к врагам России особенно замечательно; это я говорю вам. В нём больше мыслей, чем было высказано и осуществлено в течение целого века в этой стране. ... Не все здесь одного со мною мнения, вы, конечно, не сомневаетесь в этом, но пусть говорят, что хотят, – а мы пойдём вперёд...» [3, с. 205].

Пришла пора и нам вспомнить историософские уроки Пушкина...

О чем шумите вы, народные витии?
Зачем анафемой грозите вы России?
Что возмутило вас? волнения Литвы?
Оставьте: это спор славян между собою,
Домашний, старый спор, уж взвешенный судьбою,
Вопрос, которого не разрешите вы.
Уже давно между собою
Враждуют эти племена;
Не раз клонилась под грозой
То их, то наша сторона.
Кто устоит в неравном споре:
Кичливый лях или верный росс?

Славянские ль ручьи сольются в русском море?
Оно ль иссякнет? вот вопрос.

Оставьте нас: вы не читали
Сии кровавые скрижали;
Вам непонятна, вам чужда
Сия семейная вражда;
Для вас безмолвны Кремль и Прага;
Бесмысленно прельщает вас
Борьбы отчаянной отвага –
И ненавидите вы нас...
За что ж? ответствуйте: за то ли,
Что на развалинах пылающей Москвы
Мы не признали наглой воли
Того, под кем дрожали вы?
За то ль, что в бездну повалили
Мы тяготеющий над царствами кумир
И нашей кровью искупили
Европы вольность, честь и мир?

Вы грозны на словах – попробуйте на деле!
Иль старый богатырь, покойный на постеле,
Не в силах завинтить свой измайловский штык?
Иль русского царя уже бессильно слово?
Иль нам с Европой спорить ново?
Иль русский от побед отвык?
Иль мало нас? Или от Перми до Тавриды,
От финских хладных скал до пламенной Колхиды,
От потрясенного Кремля
До стен недвижимого Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанет русская земля?
Так высылайте ж нам, витии,
Своих озлобленных сынов:
Есть место им в полях России,
Среди нечуждых им гробов [4, с. 222–223].

Библиографический список

1. Макогоненко Г. П. Творчество А. С. Пушкина в 1830-е годы (1830–1833). Л., 1974.
2. Муравьев Владимир. Николай Карамзин. М., 2005.
3. Пушкин А. С. Полн. собр. соч. : В 17 т. – Т. 14. М., 1941.
4. Пушкин А. С. Собр. соч. : В 10 т. – Т. 3. М., 1963.
5. Пушкин А. С. Собр. соч. : В 10 т. – Т. 7. М., 1964.
6. А. С. Пушкин. Школьный энциклопедический словарь. М., 1999.
7. Трещенок Я. И. Михаил Осипович Коялович и его время // М. О. Коялович. История русского самосознания. По историческим памятникам и научным сочинениям. Минск. 1997.
8. Тыркова-Вильямс Ариадна. Жизнь Пушкина. : В 2 т. – Т. 2. М., 1999. (ЖЗЛ).
9. Якушкин И. Д. Записки, статьи, письма. М., 1951.

М. Д. Валовая

г. Москва

**ДВУГЛАВЫЙ ОРЕЛ:
ЭВОЛЮЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО СИМВОЛА РОССИИ**

Человечество давно использует язык символов. Это могут быть буквы, как в математике, звуки или слова; нередко символы складываются по сходству с обозначаемым предметом. Конечно, символы истории часто ассоциируются с личностью того или иного вождя или государя, например: корона Карла Великого, меч Зигфрида, шапка Мономаха. В то же время символ является продуктом своей эпохи, он возникает, расцветает и умирает, оставляя загадки, которые последующие поколения долго и порой бесплодно разгадывают. Но есть символы, которые переходят из века в век. Особый интерес среди многовековых символов представляют собой символы государства.

Есть старая легенда, что символ государства влияет на «характер» самой страны: хищники изображены у государств, ведущих агрессивную политику, «смирные» символы – у мирных государств. Известно, что во время образования США объявили конкурс на символ страны. В результате было два «претендента». Первый – белый орел, который, в конечном счете победил и красуется теперь на флаге, а второй... индюшка. Как знать, если бы победила индюшка, может, США были бы более умеренны в своих амбициях?

В условиях современной России, когда вопрос о символах вызывал и вызывает серьезные политические страсти, важно проследить своеобразную эволюцию государственного символа. Как реализуются идеологические интересы государства в процессе выбора государственной символики и как выбранная символика способствует реализации стратегических целей государства?

Известный правовед конца XIX века В. А. Градовский писал: «Герб по государственному праву есть внешний символ, видимый отличительный знак известного государства, эмблематично изображенный на государственной печати, монете, знамени и т. п. В качестве такого символа государственный герб выражает отличительную идею и основы, осуществлять которые государство считает себя призванным». Гербом современной России, как известно, является двуглавый орел.

По поводу «пришествия» двуглавого орла на Русь существует много версий. Самой устойчивой является легенда, согласно которой русские государи были единственными наследниками византийских кесарей – императоров. Иван III активно поддерживал «линию» развития России как правопреемницы Византии. Тем более, что в 1473 году он заключил династический брак с племянницей последнего императора Византии Константина XII, Софьей Палеолог, которая принесла на Русь византийские обычаи оформления власти и византийского двуглавого орла. После этого, собственно, и начался исключительно важный период становления нового русского государства: Русь перестала платить дань татарам и свершилось великое стояние на реке Угре, закончившее тяжкий период 300-летнего татаро-монгольского гнета. Первым официально сохранившимся документом, где изображен двуглавый орел в качестве российского символа, является жалованная грамота Ивана III, датированная 1497 годом. Эта дата считается официальным «рождением» двуглавого орла на Руси.

Выбор символа носил ярко выраженный сакральный характер – как знак новой государственности, новой Империи, расположенной в двух частях мира – Европе и Азии. Не случайно за всю историю российского герба орел лишь один раз «терял» голову, становился одноглавым. Это произошло в Смутное время, когда ставленник Запада Лжедмитрий I решил использовать западный герб Королевства Польского – одноглавого орла. Как и в последующих веках, активное преклонение перед Западом сразу же проявилось в уничижительном отношении к России, ее даже называть стали по-другому! Если Иван III – собиратель земель – именовался «государем всея Руси», то Лжедмитрий стал называть себя царем московским, а Россию – Московским царством. Тем самым его западные «спонсоры» пытались подорвать идеологические претензии русских государей на территории, некогда входившие в Русское государство. Естественно, это название с восторгом было принято на Западе – в Польше, Литве, Ватикане. Наверное, является весьма символическим то, что в смутные времена, с приходом временщиков, великое государство унижают. Но время берет свое, государство восстанавливается, временщики, проклинаемые народом, уходят, а места «предательства» остаются в недоброй памяти народа, независимо от того, как они называются – Тушиская ставка или Беловежская Пуща.

В период правления Михаила Федоровича, а затем Алексея Михайловича снова вернулся двуглавый орел, и впервые у него появились регалии власти: скипетр и держава, а потом три короны. В традициях геральдики всегда было включать в герб государства гербы или символы присоединенных территорий. Так на российском гербе появились короны трех царств, вошедших в этот период в Россию: Казанского, Астраханского, Сибирского. На груди орла щит, в центре которого изображен символ московских князей – всадник (его тогда называли «ездец») на коне, повергающий дракона.

Постепенно орел менялся. Начиная с Петра I это уже мощная птица с сильными крыльями, крепко сжимающая регалии власти. Причем орел при Петре меняет цвет: из золотого он становится черным. Это не случайно. В тот период в Европе была лишь одна империя – империя Габсбургов, символом которой был черный двуглавый орел. Петр тем самым показывает, что в Европе появилась вторая равная по силе империя – Российская. После победы в Северной войне на груди орла появляется новый официальный орден Андрея Первозванного. А 25 февраля 1730 года «ездец», изображенный на щите на груди орла, официально был переименован в святого Георгия.

Таким образом, в период, когда в Российскую империю добровольно вошли многие царства, орел уже стал хищной птицей с крепким клювом и когтистыми лапами. Ведь у всех, кто входил, рядом был сильный и беспощадный враг, и под российского царя «ложились» не от хорошей жизни Россия была не просто «меньшим злом», а защитой. Так, казахский хан Абулхаир в XVII веке спас тем самым саму казахскую нацию от уничтожения джунгарами, пришедшими из Китая, Украина спасалась от крымцев-османов и поляков, Белоруссия – от немцев, Армения – от турок. У всех вошедших в Российскую империю были безжалостные враги, и российский орел должен был быть сильным, чтобы дать ту защиту, ради которой

правитель близлежащей страны, отказываясь от «суверенитета», заботясь о будущем своей страны, «вручал России свой народ». Так что, думая сегодня об интеграции, нелишне проверить, изображен ли орел достаточно сильным.

В конце XIX официальным гербом государства стал так называемый малый герб с изображением царств и княжеств, входивших в Россию. В начале XX века, в период празднования 300-летия дома Романовых, иногда использовали неофициальный герб – двуглавого орла с грифоном бояр Романовых на груди.

После Февральской революции орел, воспринимавшийся как символ царизма, был уже неприемлем в республиканской стране, но новый символ создать не смогли, поэтому появился мутант – убогий орел с пустыми лапами. Маленькие змеиные головки, огромный хвост – птица неустойчивая и явно падающая вниз. Смысл символа «реализовался»: Временное правительство не прижилось. В конце 90-х годов прошлого века этот куцый и «безрегалный» орел возродился. Но спустя несколько лет было принято мудрое решение: официальным гербом России стал мощный орел с регалиями власти и Георгием Победоносцем на груди.

Как что, как видим, выбор герба – занятие серьезное и крайне ответственное. Созданию удачного символа способствует ряд причин. Первая – субъективная, к разработке символики должны быть привлечены талантливые люди. Так, в разные годы над символами России трудились Б. Кустодиев, К. Петров-Водкин, Н. Альтман, Д. Штеренберг, М. Добужинский, И. Билибин, С. Чехонин, В. Маяковский, великие композиторы, писатели и т. д. Конечно, создателям современной символики пришлось сложнее, Билибиных и Маяковских среди них, увы, не нашлось. Но, кроме субъективной, должна быть и объективная причина – наличие четкой идеи, ясной идеологии нового государства, под которую уже и должен строиться весь пиар, вся информационная работа. Сегодня мы видим, что нельзя создавать государственные символы хаотично, по частям. Эти «навалиют» эмблему, те откопают флаг, другие – гимн, следующие титул выдумают.

Создание пиара власти – пиара государства – задача исключительно важная и должна осуществляться из одного центра по единому четкому плану. Нельзя символы просто так взять из прошлого! Выбирая символы сегодня, мы программируем будущее. Нельзя просто вытащить из прабабкиных сундуков насквозь пронафталиненные регалии власти и строить с ними новую жизнь. С ними придет, как принято теперь говорить, их энергетика, их ошибки и болезни, можно «притянуть» это прошлое, но не красивое ностальгическое, а со всеми его горькими реалиями.

Для формирования государственной символики должны быть, по крайней мере, две предпосылки: объективная – наличие самого государства; субъективная – осознание жителями этого государства собственной принадлежности к общему политическому единству и их желание найти для выражения этого соответствующую внешнюю форму. Поэтому, как мы видим, наличие формы той или иной государственности недостаточно, нужна готовность общества или хотя бы его идеологов к осмыслению соответствующего политического процесса, и лишь после этого – отражение его в знаковой системе.

РАЗДЕЛ I. ВЛАСТЬ И ЛИЧНОСТЬ. ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ

А. В. Репников
г. Москва

«МЫ ИЗ ТЕХ ПОРОД, КОТОРЫМ НУЖЕН ВИДИМЫЙ И ОСЯЗАЕМЫЙ ВОЖАК» (ВАСИЛИЙ ШУЛЬГИН О СПЕЦИФИКЕ РОССИЙСКОЙ МОНАРХИИ)

Нельзя сказать, что имя Василия Витальевича Шульгина в настоящее время предано забвению, однако многие факты его биографии остаются неизвестными даже специалистам. Между тем обращение к столь значимой персоне в русской истории, на наш взгляд, представляется уместным и полезным для анализа политических процессов и в современной России.

Историография, посвященная Шульгину, не слишком обширна, и научные работы о нем можно буквально пересчитать по пальцам. В 1920-е гг. была популярна работа Д. О. Заславского¹. Хотя автор не избежал характерных эпохи односторонних оценок, он, тем не менее, отмечал, что в галерее политических деятелей царской России Шульгин «выделяется как человек яркий, интересный, талантливый и в некоторых отношениях привлекательный»². Политическая деятельность Шульгина затрагивалась в монографиях и статьях С. П. Мельгунова³, В. И. Старцева⁴, С. А. Степанова⁵, Д. А. Коцюбинского⁶, А. Б. Николаева⁷, Г. З. Иоффе⁸, А. В. Репникова⁹, А. С. Пученкова¹⁰, О. В. Будницкого¹¹ и др.

В 2004 г. вышел в свет «роман-размышление» писателя В. П. Ерашова¹². В предисловии автор, использовавший в своей работе по большей части опубликованные воспоминания самого Шульгина, отмечал: «К великому своему сожалению, я не имел возможности – по весьма уважительным объективным и субъективным причинам, отнюдь не из лени, – использовать документы, относящиеся к В. В. Шульгину...»¹³. Автор также предупреждал, что «присочинил, домыслил кажущиеся мне вероятными, правдоподобными некоторые чисто житейские сюжеты (точнее даже – сюжетики), додумал кое-какие поступки, черты характера героя»¹⁴. Помимо тех мест, которые автор, по собственному признанию, «присочинил», в книге встречаются и фактические неточности.

Анализ некоторых ошибок и подлогов в работах о Шульгине был сделан брянским исследователем Д. И. Бабковым, но, и сам автор, как нам кажется, увлекся критикой неточностей, допущенных в историографии¹⁵. Отмечая работу, проделанную Бабковым по уточнению данных биографии В. В. Шульгина,

отметим и резкость в суждениях. В частности, это относится к критике энциклопедических статей М. Е. Голостенкова, и Ю. И. Кирьянова, посвященных Шульгину¹⁶. Эти статьи, опубликованные в 1993 и 1996 гг. (написанные, соответственно, еще раньше) содержат, к сожалению, неточности, что связано с объективными трудностями. Кирьянов и Голостенков пытались первыми обобщить материал, посвященный Шульгину, и некорректно упрекать их с позиции сегодняшнего дня.

Обширная историографическая часть диссертации Бабкова в большей степени сводится к критике известных автору работ о Шульгине и неточностей, выявленных в трудах предшественников. Например, посвящая две с лишним страницы автореферата анализу кандидатской диссертации петербургского историка А. С. Пученкова «Национальный вопрос в идеологии и политике южно-русского белого движения в годы Гражданской войны (1917–1919 гг.)», защищенной в 2005 году, Бабков приходит к выводу о неоправданности заявлений исследователя¹⁷. Пишет о том, что мнение Пученкова «кажется нам натянутым», а его утверждение «нелепо выглядит» и, кроме того, работа, Пученкова «содержит ошибки»¹⁸. Что касается очерков о Шульгине в интернете, то, по мнению Бабкова, они «новой информации... не добавляют, и в лучшем случае не содержат ошибок»¹⁹. Характерно, что при сравнении текста автореферата Бабкова с текстом его диссертации, можно сделать вывод, что в автореферате, критическая составляющая смягчена²⁰.

Для реконструкции жизни и взглядов Шульгина, устранения случайных ошибок и намеренных фальсификаций, большое значение имеют архивные материалы. Опись архивного следственного дела Р-48956 (в 1 томе; год производства: 1945–1947) в отношении Шульгина впервые была опубликована А. В. Репниковым и В. С. Христофоровым²¹. В материалах следственного дела содержится информация о дореволюционной деятельности Шульгина; прослеживается эволюция его взглядов. В 2003–2009 гг. в журналах «Новая и новейшая история», «Россия XXI», «Родина» и в ряде сборников Репниковым и Христофоровым была впервые осуществлена публикация отдельных материалов из следственного дела Шульгина и опубликованы его биографии, написанные с привлечением различных источников²². Материалы следственного дела и дела заключенного Шульгина, снабженные обширной (около 100 страниц) вступительной статьей, комментариями, приложениями и впервые извлеченными из архивов фотографиями, подготовлены В. Г. Макаровым, А. В. Репниковым и В. С. Христофоровым. Летом 2010 года они выйдут отдельной книгой при поддержке Правительства Москвы в издательстве «Русский Путь».

Цель данной статьи – кратко остановиться на некоторых вехах жизненного пути Шульгина, показав эволюцию его взглядов на российскую монархию.

2 марта 1917 года Шульгин вместе с А. И. Гучковым по поручению Временного комитета Государственной думы выехал в Псков, где находился император Николай II и принял у него отречение. «Некоторые не могут мне забыть, что ездил в Псков, писал Шульгин, а я не могу им простить, что они попрятались во все дыры, когда все рушилось, а теперь могут упрекать меня за то, что я осмелился поехать к Царю и принять неизбежный акт отречения во всем уважении к Венценосцу, вместо того, чтобы вместе с ними забиться под диваны

Таврического, или иных дворцов и оттуда смотреть, как Чхеидзе и Нахамкес будут “читать мораль” последнему русскому Государю», писал он впоследствии²³.

В беседе на радиостанции «Свобода» историк О. В. Будницкий говорил по поводу данного поступка Шульгина: «Это был реалистический взгляд на вещи. Он понимал, что если защищать монархию, то должны быть те, кто готов это делать в оружием в руках, здесь и сейчас. А в России была всеобщая эйфория... Посмотрите, что произошло в России. Всеобщее ликование по всей стране, никто не хотел монархии. Более того, даже в Гражданскую войну, когда люди уже хлебнули прелестей большевистского режима, даже белые не выдвигали лозунга восстановления монархии никогда. Ни один из вождей белого движения не писал на своих знаменах о восстановлении монархии, понимая, что это лозунг бесперспективный. Монархия себя настолько дискредитировала в России, что надеяться на массовую защиту этой идеи не приходится...»²⁴.

«Кульминационным моментом выявления своей личности, – писал кадет Е. А. Ефимовский – было участие В. В. Шульгина в трагическом моменте отречения Императора Николая II; участие, ложно истолкованное массой сторонников и противников этого исторического акта. Я как-то спросил В.В.: как это могло случиться. Он расплакался и сказал: мы *этого* никогда не хотели; но, если это должно было случиться, монархисты должны были быть около Государя, а не оставлять его на объяснение с врагами»²⁵. В течение жизни Шульгин будет оправдывать свое участие в событиях, связанных с отречением от престола, примерно одинаково; подчеркивая, что «вопрос отречения был предreshен. Оно произошло бы независимо от того, присутствовал бы Шульгин при этом или нет. Он посчитал, что должен присутствовать хотя бы один монархист... Шульгин опасался, что Государь может быть убит. И ехал на станцию Дно с целью “создать щит”, чтобы убийства не произошло»²⁶. Современники по-разному объясняли себе участие Шульгина в отречении, начиная от обвинений в предательстве монархии и заканчивая трактовками его поступков, как попытки спасения самодержца от расправы. Видный царский чиновник Я. В. Глинка, например, предложил следующую версию: «Почему Шульгин? Тут, как мне кажется, сыграло роль то обстоятельство, что Шульгин был редактор газеты “Киевлянин”»²⁷.

В последние годы тема участия Шульгина в отречении Николая II вновь стала предметом дискуссий в научной среде, на страницах печати и на интернет-сайтах (свою роль здесь сыграла и 90-летие этих событий). В 2005 г. в научном журнале «Нестор» М. М. Сафонов опубликовал статью, в которой рассмотрел свидетельства об отречении. «Сегодня, – отмечает он, – ни одна книга о Николае II не обходится без сочного описания Шульгина и красочного рассказа Гучкова, как отрекался царь... А ведь то, что так охотно и подробно описывали Шульгин и Гучков, было тщательно продуманной ложью»²⁸. Впоследствии исследователь повторил это утверждение, но убедительных контраргументов, опровергающих рассказ Шульгина, им приведено не было²⁹.

Обращаясь в своих книгах к дореволюционному прошлому, Шульгин делал вывод, что «Николай II, это несчастный Государь, был рожден на ступенях престола, но не для престола... у Николая II было множество семейных и человеческих добродетелей и достоинств, но у него не было качеств, необходимых для

РАЗДЕЛ I

царя: твердости и властности»³⁰. Когда Шульгин уже выйдет на свободу, и будет жить во Владимире, состоится диалог на эту тему с приехавшими к нему гостями (в т. ч. публицистом Г. М. Шимановым, записавшим эту беседу).

«После двух-трех фраз А.С. совершает удивительный для меня выпад против автора “Дней”:

– Василий Витальевич, ведь, советуя императору Николаю Александровичу отречься от власти, вы же способствовали фактически большевикам, – говорит он с жестковатою укоризною.

И теперь, мне показалось, мнетса уже Шульгин... Вернее, несмотря на свою неподвижность, он, по-моему напоминает чем-то бабочку, пришпиленную иглою живьем. Чувствуется, что внутренне он мучительно трепыхается, а безжалостный А.С. вонзает еще раз свою иглу:

– Вы же прокладывали дорогу большевикам, – с садистскими интонациями в голосе повторяет он.

...И вот после продолжительной паузы, Василий Витальевич отвечает:

– В то время все до одного были убеждены, что передача власти оздоровит положение... Ведь Николая Александровича совсем никто не слушался... Даже солдаты, находившиеся при нем в карауле...

– Нет... Оказывается, этот вопрос совсем не убийственен для Шульгина. Его ответ правдив и разумен. Кто же мог предугадать, что именно так все получится?... Это мы теперь крепкие задним умом.

– Как вы считаете, Василий Витальевич, Октябрьская революция это случайность или неизбежность?... Могло ли ее не быть?... Или она оказалась закономерной реакцией на ту гниль, что разъедала русское общество?..

– Никакой гнили в русской жизни не было. Экономика развивалась огромными темпами. Искусство процветало. А наша армия по своей огневой мощи в январе 1917 года была самой сильной армией в мире за всю историю.

– Так почему же тогда все рухнуло?

Василий Витальевич не спешит с ответом. Полулежа на своей кровати, он какими-то особенными движениями двух – трех пальцев медленно-кругообразно потирает свою голову чуть выше лба (к этому занятию в течение беседы он возвращается почти постоянно). Наконец он произносит:

– Абулия... Вы знаете это слово?

– Безволие.

– Абулия Императора... Ключевский писал, что наследственная монархия была бы лучшей формой правления, если бы не случайность рождения... Николай Александрович знал о своей неспособности к государственной деятельности. “Как я буду управлять государством? – говорил он еще перед коронацией. – Я же не умею обращаться с людьми?!...”³¹. Эти размышления перекликаются с более ранними записями Шульгина: «Старый режим пал не почему иному, как потому, что мы уже не могли быть властителями!... Причина простая: греческое слово “abulia”... Это значит – отсутствие воли... атрофировалась воля. Что такое знаменитая русская застенчивость? Это и есть отсутствие воли... Волевой человек не может быть застенчивым. Волевой человек постоянно принимает решения... Постоянно... В каждую данную минуту... сказать слово... вмешаться...

потребовать... настоять на своем... А застенчивый – жметя под стенку... Застенчивость очень легко совмещается с героизмом. Я много видел таких, которые были удивительны под пулеметами и крайне робкими в обращении с людьми... Много таких русских, которые герои в смертельном бою, а в обыкновенной жизни – подстеночники... Государь наш был болен тем же. Он умер героически... Он был непреклонен в основном, там, где требовался героизм. В Его решении не покориться немцам. И это Он запечатлел героической смертью. Но в обыденной жизни... Разве все не знают, что Он никогда никому не сказал неприятности в глаза... Он был застенчив. Он не мог раскричаться, рассердиться, заставить дрожать перед собой. Он был *застенчив на троне*. Это его и погубило. А с ним и нас... И мы такие же, как наш Государь. Умирать? Сколько угодно! Но без всякой церемонии убрать от государственного дела такого-то, не обращая внимания на то, что он “наш милейший и симпатичнейший”, – на это мы не способны. Властители – иные. Они ступают по людям... Они побеждают. А мы? Мы умираем...»³². Вместе с тем, Шульгин неоднократно подчеркивал свое уважительное отношение к Николаю II, как к личности.

Обращаясь к истокам трагических событий 1917 года, Шульгин говорил, что и до революции происходило «бессовестное обирание казны»; роскошествовала «буржуазия верхов» и «демократическая буржуазия». Потом жажда наживы проникла в среду рабочих и крестьян. «Эта жажда такая неразумная... должна, по-видимому, обойти все классы русского населения. И вот, когда эта лихорадка всех перетрясет... Тогда проклянут религию брюха, которая говорит: все возьми себе. Тогда воцарится религия духа, которая говорит: все отдай для государства... тогда начнется спасение России... чтобы спастись каждому отдельно человеку, надо восстановить общее, т. е. государство... религия духа восстанавливается. Но какими жертвами – этого никто не знает»³³. По мнению Шульгина, вырождение «верхов» императорской России было одной из причин ее гибели. 10 декабря 1924 г. он писал В. А. Маклакову, что «причина постыдного поведения нашего в 1917 году кроется гораздо глубже, чем в особенностях политического правления нашей родины, и таится она там, где и всегда на протяжении веков таилась – в случаях сему подобных: в вырождении физическом и душевном классов, предназначенных для власти... Поверхность же наша русская... показалась мне собранием, если это выражение не оскорбит Вас, *недоносков и выроdkов*»³⁴.

Вместе с тем, Шульгин не отрицал возможности возрождения монархии после падения коммунистического режима, хотя и признавал, что рядом с царем должна быть сильная личность: «Мы из тех пород, которым нужен видимый и осязаемый вожак. Ибо сей вожак, избавляя каждого отдельного русского от необходимости сноситься со своими согражданами... направляет их стремление как-то послужить единой и ценимой ими русскости – “вверх”, то есть на себя... Ибо отношение к вожаку иное: оно не отравлено неизживаемыми даже перед лицом смертельной опасности счетами... В былое время достаточно было быть Царем, чтобы вбирать в себя все лучшие токи нации... Сейчас Государь, который хотел бы выполнить служение былых времен (то есть выловить из народа все творческое, отринув разрушительное), должен быть персонально

на высоте своего положения. Если же этого нет, то рядом с ним становится вождь, который, по существу, исполняет царские функции»³⁵.

Пытаясь предсказать будущее России после поражения белых, Шульгин утверждал, что «под... оболочкой советской власти... совершается процесс... процессы стихийные... огромной важности... ничего не имеющие общего... с властью... с большевизмом... Наши идеи перескочили через фронт... они [большевики – А. Р.] восстановили русскую армию... Как это ни дико, но это так... Знамя Единой России фактически подняли большевики. Конечно, они этого не говорят... Социализм смоеется, но границы останутся... Будут ли границы 1914 или несколько иные – это другой вопрос. Во всяком случае, нельзя не видеть, что русский язык во славу Интернационала опять занял шестую часть суши... большевики: 1) восстанавливают воен. могущество России; 2) восстанавливают границы Российской державы до ее естественных пределов; 3) готовят пришествие самодержца всероссийского... придет Некто, кто возьмет от них их “декретность”... Их решимость – принимать на свою ответственность, принимать невероятные решения. Их жестокость – проведение однажды решенного... Он будет истинно красным по волевой силе и истинно белым по задачам, им преследуемым. Он будет большевик по энергии и националист по убеждениям. У него нижняя челюсть одинокого вепря... И “человеческие глаза”. И лоб мыслителя... все, что сейчас происходит, весь этот ужас, который сейчас навис над Россией, – это только страшные, трудные, ужасно мучительные... роды самодержца... Легко ли родить истинного самодержца, и еще всероссийского!»³⁶. Шульгин полагал: «Большевики воображают, что они насаждают социализм в России, а вместо этого выковыывают будущую страшную, крепкую, сильно спрессованную и национально, до шовинизма, настроенную Россию... но делается это стихийно, по каким-то неизвестным никому законам... будет преемственность между Россией большевистской и Россией будущего, как была преемственность между революцией и Бонапартом. Не будет морального удовлетворения, что предатели получают возмездие от России. Они поедят друг друга сами, и сам большевизм исцелит большевизм»³⁷.

Василий Витальевич был не одинок в своих прогнозах. В сборнике статей «В борьбе за Россию» (Харбин, 1920) Н. В. Устрялов констатирует, что «рушится привычная идеология, отвергнутая, разбитая жизнью», и признает, что белые «побеждены, и побеждены в масштабе всероссийском, а не местном только»³⁸. Следовательно, нужно не начинать борьбу заново, уподобляясь политическим донкихотам, а искать другой выход. Стремление Устрялова увидеть в нарождающемся послереволюционном строе элементы старого порядка получило философское обоснование, согласно которому отрицание может сослужить положительную службу, если оно будет вовремя отменено новым творчеством. В качестве одной из причин поражения белых Устрялов называл то, что антибольшевистское движение слишком связало себя с иностранными элементами и поэтому невольно окружило большевизм национальным ореолом. «Одними лишь иностранными штыками национального возрождения не достигнешь», и, как бы ни были возвышены помыслы белых, они были обречены³⁹.

Оценки Шульгиным причин поражения белых вызвало сочувствие Устрялова, писавшего в 1924 г.: «Пришли новые времена, суровые времена, и умный

Шульгин недаром... пишет о “милитаризации политических сил”, о правящей партии как “армии в сюртуках”. Да, эти семь лет заставили многому научиться и многое забыть»; далее он характеризовал наблюдения Шульгина над изменениями в СССР, как «свидетельство противника, одного из немногих, умеющих наблюдать»⁴⁰.

1920 г. для многих стал годом определенной ревизии взглядов. А. Н. Толстой писал 16 февраля 1920 г. А. С. Яценко: «Когда началась катастрофа на юге, я приготовился к тому, чтобы самому себя утешать, найти в совершающемся хоть каплю хорошего. Но оказалось, и это было для самого себя удивительно, что утешать не только не пришлось, а точно помимо сознания я понял, что совершается грандиозное – Россия снова становится грозной и сильной. Я сравниваю 1917 год и 1920, и кривая государственной мощи от нуля идет сильно вверх. Конечно, в России сейчас очень не сладко и даже гнусно, но думаю, мы достаточно вкусно поели, крепко поспали, славно побздели и увидели к чему это привело. Приходится жить, применяясь к очень непривычной и неудобной обстановке, когда создаются государства, вырастают и формируются народы, когда дремлющая колесница истории вдруг начинает настегивать лошадей, и поди поспевай за ней малой рысью. Но хорошо только одно, что сейчас мы все миновали время чистого разрушения (не бессмысленного только в очень высоком плане) и входим в разрушительно созидательный период истории. Доживем и до созидательного»⁴¹.

12 марта 1920 г. В. А. Маклаков пишет Б. А. Бахметеву: «Если мы не могли задавить большевизм извне ... то Россию спасем уже не мы, заграничные счастливцы, а те, кто сейчас в России, и те из большевиков, которые одумаются, и те из патриотов, которые там притаились, и те, наконец, которые пошли на службу к большевикам для того, чтобы их переродить. Всю надежду тогда приходится возлагать на рост отрезвления изнутри большевиков России: наша деятельность должна быть согласована с ними. Я бы сказал: руководство движением должно быть передано им. ... Более того, нужно будет рекомендовать всем, кому угодно поддержать этот элемент не отсюда, а идти работать вместе с ними в Россию, т. е. становится в положение тех, кого мы осуждали. Вот это-то я называю примирением с большевизмом»⁴².

В книге воспоминаний «Годы» (1966), подводя итоги прожитой жизни, Шульгин писал: «Молиться надо не только за царские “грехи, за темные деянья”, но и за всех погибших в поисках правды для земли Русской. Молиться надо и за нас, сугубо грешных, бессильных, безвольных и безнадежных пугаников. Не оправданием, а лишь смягчением нашей вины может быть то обстоятельство, что мы запутались в паутине, сотканной из трагических противоречий нашего века»⁴³.

Примечания

¹ Заславский Д. О. Рыцарь черной сотни Шульгин. Л., 1925.

² Заславский Д. О. Рыцарь монархии Шульгин. Л., 1927. С. 4.

³ Мельгунов С. П. На путях к дворцовому перевороту: Заговоры перед революцией 1917 г. / Вступ. ст., сост., коммент. А. В. Репникова. М., 2003; *Он же*. Мартовские дни 1917 года / сост., предисл. С. Н. Дмитриева. М., 2006.

РАЗДЕЛ I

---

⁴ *Старцев В. И.* Русская буржуазия и самодержавие в 1905–1917 гг.: Борьба вокруг «ответственного министерства» и «правительства доверия». Л., 1977.

⁵ *Степанов С. А.* Черная сотня. М., 2005.

⁶ *Коцюбинский Д. А.* Национал-либеральная традиция в эмигрантской политологии: Василий Шульгин и Александр Солженицын // Из истории российской эмиграции: сб. науч. ст. СПб., 1992. С. 13–17; *Он же.* Русский национализм в начале XX столетия: Рождение и гибель идеологии Всероссийского национального союза. М., 2001.

⁷ *Николаев А. Б.* «Парламентский» проект В. В. Шульгина // Россия в 1917 году: Новые подходы и взгляды. СПб., 1994. Вып. 2. С. 36–42.

⁸ *Иоффе Г. З.* «Белое дело» и его эпилог // Наука и жизнь. 2005. № 4; *Он же.* «Я завернул в свиток из колючей проволоки» // Наука и жизнь. 2010. № 2.

⁹ *Репников А. В.* монархиста в России (Страницы политической биографии В. В. Шульгина) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2002. № 3. С. 76–86; *Он же.* В. В. Шульгин – политик, мемуарист, писатель // IV Сургутчевские чтения: «Локальная литература и мировой литературный процесс»: Сборник материалов Международной научно-практической конференции. Ставрополь, 2007. С. 255–262; *Он же.* Консервативные концепции переустройства России. М., 2007; *Он же.* «От Дон Жуана и от Дон Кихота в нем что-то есть...» (Очерк жизни и деятельности В. В. Шульгина) // Гуманитарные науки в творческом вузе: Сб. ст. М., 2008. Вып. 2. С. 140–157; *Он же.* Судьба Василия Шульгина (По материалам Центрального архива ФСБ России) // Балтийский регион: Лики русского мира: Сборник научных трудов. Калининград, 2008. С. 39–56; *Он же.* «Мы запутались в паутине, сотканной из трагических противоречий нашего века» (В. В. Шульгин и крушение монархии) // Революция 1917 года в России: Новые подходы и взгляды. СПб., 2009. С. 44–49; *Он же.* Следственное дело В. В. Шульгина (Новые документы из Центрального архива ФСБ России) // Что изучает и чему учит история: Актуальные проблемы политической и социальной истории России: Ключевые чтения – 2009: Материалы межвузовской научной конференции. М., 2009. С. 80–90; *Он же.* От сумы и от тюрьмы... (Послевоенная судьба В. В. Шульгина на основе архивных материалов, документов и воспоминаний) // Интеллигенция и мир: Российский междисциплинарный журнал социально-гуманитарных наук. 2009. № 2. С. 98–119; *Он же.* В. В. Шульгин: «Мое слово в его пользу будет весить больше, чем тома его последователей, сделавших на Ленинизме карьеру» // Музейный сборник: Материалы круглого стола «Ленин. Взгляд из третьего тысячелетия», проходившего 7 ноября 2008 г. М., 2009. Вып. 13. С. 147–158; *Он же.* «В наше время независимые люди не нужны никому» (Малоизвестные страницы из жизни В. В. Шульгина) // Вестник Чебоксарского кооперативного института. 2009. № 2. С. 111–120; *Он же.* Жизнь В. В. Шульгина от ареста до смерти // Государство и общество: Проблемы социально-политической и экономической истории России. Пенза, 2009. Вып. 5. С. 309–330.

¹⁰ *Пученков А. С.* В. В. Шульгин и южнорусское Белое движение в 1917–1918 гг. // Политические партии России: Прошлое и настоящее. СПб., 2005. С. 198–207; *Он же.* Деятельность «Подготовительной по национальным делам комиссии» и ее председателя В. В. Шульгина в 1919 г. // Белое дело: 2-й съезд представителей печатных и электронных изданий: Резолюция и материалы научной конференции «Белое дело в гражданской войне в России, 1917–1922 гг.». М., 2005. С. 138–142; *Он же.* Украинский вопрос в политической и литературной деятельности В. В. Шульгина в годы Гражданской войны // «Украинский вопрос» и революционные события в России 1917 года: Материалы международной научно-теоретической конференции 3–4 октября 2005 г. СПб., 2006. С. 111–120; *Он же.* О коварстве героев и верности крыс: Как поссорились Василий Витальевич с Павлом Николаевичем // Родина. 2009. № 4. С. 23–25.

¹¹ *Будницкий О. В.* Российские евреи между красными и белыми (1917–1920). М., 2005.

¹² *Ерашов В. П.* Парадоксы В. В. Шульгина. М., 2004. В 2004 г. также вышло расширенное издание этой книги: *Ерашов В. П.* Шульгин: Документальный роман-размышление. М., 2004. Критический разбор этой книги см.: *Бабков Д. И.* Политическая деятельность и взгляды В. В. Шульгина в 1917–1939 гг. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Брянск, 2008. С. 5–6. В свою очередь, отметим странную аннотацию, вынесенную на последнюю страницу обложки книги В. П. Ерашова «Шульгин: Документальный роман-размышление»: «...Махровский русофил – ненавидел и презирал свой народ. Идеолог “Белого движения” – развенчал его. Враг большевиков – не поднял на них оружие. Противник Советской власти – прислуживал ей, будучи ею сломленным». Остается непонятным, почему автор (или авторы) аннотации решили что Шульгин «ненавидел и презирал свой народ» и почему Шульгин, боровшийся с большевиками в Гражданскую войну, «не поднял на них оружие». Определения Шульгина как «махрового (!) русофила», который ко всему прочему еще и «прислуживал» Советской власти выглядят позаимствованными из пропагандистского лексикона времен оных.

¹³ *Ерашов В. П.* Парадоксы В. В. Шульгина. С. 6.

¹⁴ Там же. С. 7. Характерны оговорки самого автора, демонстрирующие серьезные лакуны в его книге: «Больше о десяти годах заключения Шульгина мне неизвестно ничего. Ясно только, что в общей камере с уголовниками не сидел» (с. 310); «В 1968 году (точной даты не знаю)... скончалась Мария Дмитриевна» (с. 317) и т. д.

¹⁵ В частности, будучи незнакомым с документами следственного дела Шульгина, Бабков категорически отрицает принадлежность Шульгина к НТСНП, т. к. он «по возрасту не мог быть членом этой организации» // *Бабков Д. И.* Политическая деятельность и взгляды В. В. Шульгина в 1917–1939 гг. С. 7. То, что Шульгин установил с «Трестом» контакты «по заданию» генерала Климовича вовсе не означает, что он должен был обязательно находиться у него «в подчинении» // Там же. Спорно утверждение о том, что «число публикаций о Шульгине невелико» // Там же. С. 4 (тем более, что далеко не все публикации нашли свое отражение в историографическом обзоре диссертации). По мнению Бабкова упоминания о Шульгине есть «в десятках публикаций» // Там же. С. 3; в то время как их число составляет сотни, т. к. Шульгин неизбежно упоминается во всех мало-мальски значимых исследованиях, где идет речь об отречении Николая II. На стр. 4 автореферата Бабков указывает на «Полемические заметки В. В. Шульгина по книге Я. Никулина “Мертвая зыбь”». Поскольку инициалы Никулина Л. В., следовало бы сделать уточнение. В историографическом обзоре Бабков приводит значительное количество ссылок на электронные ресурсы, но не все из них действующие. Справедливо упрекая некоторых публицистов за слабое обоснование их суждений, Бабков сам допускает выражения: «...автор [Д. О. Заславский], вероятно, лично наблюдавший Шульгина»; «публикация, вероятно, основывалась на фондах архива КГБ» // Там же. С. 4. Требуется уточнения категорическое заявление Бабкова о том, что оригинальный текст статьи Шульгина «Пытка страхом» «в фондах российских библиотек отсутствует» // Там же. С. 9, если, конечно, автор не проверил на предмет наличия этого текста *все* российские библиотеки.

¹⁶ *Голостенков М. Е.* Шульгин В. В. // Политические деятели России: 1917: Биографический словарь / Глав. ред. *П. В. Волобуев*. М., 1993. С. 363–365; *Кирьянов Ю. И.* Шульгин В. В. // Политические партии России: Конец XIX – первая треть XX века. Энциклопедия / отв. ред. *В. В. Шелохаев*. М., 1996. С. 709.

¹⁷ *Бабков Д. И.* Политическая деятельность и взгляды В. В. Шульгина в 1917–1939 гг. С. 8.

¹⁸ Там же. С. 9–10.

¹⁹ Там же. С. 6.

²⁰ В автореферате, в частности, смягчены критические эпитеты в адрес диссертации А. С. Пученкова; уменьшено количество критических замечаний в отношении

РАЗДЕЛ I

историков, в работах которых встречаются аналогичные ошибки. Скорректированы и некоторые высказывания (например, о том, что публикация в Одесской областной газете в 1983–84 гг. о Шульгинской организации «Азбука», была осуществлена с «благословления» КГБ СССР).

²¹ Репников А. В., Христофоров В. С. В.В. Шульгин: Обзор документов личного фонда // Вестник архивиста. 2003. № 3/4. С. 176–186.

²² В. В. Шульгин – последний рыцарь самодержавия: Новые документы из Архива ФСБ / Предисл., вступ. ст., коммент. А. В. Репникова, В. С. Христофорова // Новая и новейшая история. 2003. № 4. С. 64–111; Репников А. В., Христофоров В. С. Неизвестный Шульгин // Консерватизм в России и мире: В 3 ч. Воронеж, 2004. Ч. 1. С. 218–237; Из архивного следственного дела № Р-48956 в отношении Шульгина Василия Витальевича / Публ. и коммент. А. В. Репникова, В. С. Христофорова // Там же. Ч. 3. С. 162–182; Репников А. В., Христофоров В. С. «Октябрьскую революцию я встретил враждебно...» (Документы из следственного дела В. В. Шульгина) // Постигая историю...: Сб. науч. ст. Пенза, 2006. С. 159–171; Они же. «...Как ярый враг большевиков» (Из следственного дела В. В. Шульгина) // Россия XXI. 2007. № 5. С. 144–177; Они же. Вечный странник // Родина. 2007. № 12. С. 99–106; Они же. Шульгин Василий Витальевич // Российская история. 2009. № 5. С. 155–169.

²³ Шульгин В. В. 1921 год // Континент. 2003. № 117 С. 186.

²⁴ Беседа с О. В. Будницким. Как прожить четыре жизни. Судьба Василия Шульгина: к 130-летию со дня рождения [5 октября 2008 г.] <http://www.svobodanews.ru/Transcript/2008/10/05/20081005011448307.html>

²⁵ Ефимовский Е. А. В русском Киеве в 1918 году. Политические силуэты (Отрезок времени) // Возрождение. Литературно-политические тетради. Тетрадь 78. 1958. Июнь. С. 133.

²⁶ Браун Н. «Я не инакомыслящий, я – мыслящий, это опаснее...» // Посев. 2009. № 4. С. 25.

²⁷ Глинка Я. В. Одиннадцать лет в Государственной думе. 1906–1917: Дневник и воспоминания / Вступ. ст., подгот. текста, биограф. словарь и коммент. Б. М. Виттенберга. М., 2001. С. 183.

²⁸ Сафонов М. М. Ложь и правда об отречении Николая II // Нестор: ежеквартальный журнал истории и культуры России и Восточной Европы: Между двух революций 1905–1917. Историки, исследования, историография. СПб., 2004. № 3. С. 215.

²⁹ Сафонов М. М. Государственная дума и Акт отречения Николая II от престола // Таврические чтения 2008: Актуальные проблемы истории парламентаризма в России. Всероссийская научно-практическая конференция 16 декабря 2008 г. СПб., 2009. С. 218–235.

³⁰ Шульгин В. В. Последний царь и последний самодержец // Он же. Три столицы. М., 1991. С. 382.

³¹ Шиманов Г. М. Машинопись. «Из архива к.м.н. Чернышева М. В. Он же составитель и издатель собрания сочинений: в 2-х томах Шиманова Г. М.». М., 1980. Т. 2. С. 254–256.

³² Шульгин В. В. 1921 год // Континент. 2002. № 114. С. 279.

³³ Цит. по: Санькова С. М. Русская партия в России: Образование и деятельность Всероссийского национального союза (1908–1917). С. 358–359.

³⁴ Из переписки В. А. Маклакова и В. В. Шульгина / Публ. О. В. Будницкого // История и историки: Историографический вестник. М., 2006. С. 380.

³⁵ Шульгин В. В. «Что нам в них не нравится...»: Об антисемитизме в России. СПб., 1992. С. 94–95.

³⁶ Шульгин В. В. Годы. Дни. 1920 год. С. 794–797

³⁷ Шульгин В. В. 1921 год // Континент. 2003. № 118. С. 247; 250.

³⁸ Устрялов Н. В. Национал-большевизм / сост., вступ. ст., коммент. С. М. Сергеева. М., 2003. С. 50.

³⁹ Там же. С. 55.

⁴⁰ Там же. С. 301, 303.

⁴¹ Цит. по: *Варламов А.* Красный шут: Биографическое повествование об Алексее Толстом // Москва. 2005. № 8. С. 85.

⁴² «Совершенно лично и доверительно!»: Б. А. Бахметев – В. А. Маклаков: Переписка 1919–1951: В 3 т. / Под ред. *О. В. Будницкого.* М., 2001. Т. 1: Август 1919 – сентябрь 1921. С. 187.

⁴³ *Шульгин В. В.* Последний очевидец: Мемуары. Очерки. Сны. М., 2002. С. 31.

А. В. Семенова, В. В. Семенов
г. Кострома

ИЗОГРАФНОЕ ВООБРАЖЕНИЕ ГУРИЯ НИКИТИНА

Троицкий собор Ипатьевского монастыря построен в 1652 году. В 1684 году собор расписан фресками. В клейме, расположенном ниже летописной ленты, содержатся сведения о художниках, принимавших участие в работах: «С Богом трудившиеся сию святую церковь изографы града Костромы сии суть имена: Гурий Никитин, Сила Савин, Василий Осипов, Василий Козмин, Артемий Тимофеев ...» – всего перечислено девятнадцать имен. Летописная лента завершается следующими словами: «... всем же изографное изображение в духовное наслаждение во вечные веки аминь». С точки зрения безрелигиозного сознания обращение мастеров легко поддается истолкованию – в него вкладывается смысл, подтверждающий торжество эстетического наслаждения красотой мира¹. Религиозное сознание соотносит смысл обращения с верой в Бога, с назначением искусства показывать бытие Бога в зримых образах иконописи и фресок. Если обращение мастеров подвергнуть более пристальному осмыслению, то становится очевидным – обращение «всем же» с точки зрения светского сознания предполагает некое абстрактное множество индивидов. Для иконописца XVII века эти слова означали обращение к соборному сознанию людей, объединенных верой в Иисуса Христа. «Изографное изображение», которое адресуется соборному единству, имеет глубокий смысл, основывающийся на молитвенном мистическом опыте иконописца. Через него осуществлялось духовное видение первообразов Иисуса Христа, Богородицы, святых... Таким образом, духовное наслаждение – это результат мистического духовного опыта иконописца, который через образ передается соборному сознанию людей и становится соборным духовным наслаждением единения с Богом. В труде преподобного Иосифа Волоцкого «Послание иконописцу», который был написан в назидание иконописцам XV века, читаем: «Изображать Троицу нужно того ради, яже бо невозможно есть нам зрети телесными очима сих созерцаем духовне ради иконного изображения»². Как видно и в «Послании иконописцу» и в обращении Гурия Никитина речь идет об одном и том же – духовном смысле иконного изображения. Слова молитвы

перед началом иконописания из Ерминии, или Наставления в живописном искусстве, составленном иеромонахом Дионисием Фурноографитом 1707–1732 гг., подтверждают неизменность главной цели труда иконописца – духовную устремленность к первообразу. «Боже всяческих, просвети и вразуми душу, сердце и ум раба твоего и руки его направи, во еже безгрешно и изрядно изобразити жителство Твое, Пречистыя Матери Твоея и всех святых, во славу Твою. Ради украшения и благолепия святыя церкви Твоея, и во отпущение грехов всем, духовно поклоняющимся святым иконам, и благоговейно лобызающим оныя, и почитание относящим к Первообразу»³. Но правомерно ли говорить о роли мистического молитвенного опыта иконописцев, когда общеизвестно снижение уровня духовности в искусстве XVII века, когда на смену духовности под влиянием обмирщения приходят «иные цели» искусства? Какова бы ни была степень обмирщенческих влияний на иконописание и фресковую живопись без молитвенного мистического опыта не может быть написана ни икона, ни фреска – их написание результат синергического сотрудничества Бога и человека, независимо от формы выражения. Но в мистическом духовном опыте иконописца, в его устремленности к первообразам неизбежно присутствует след переживаемого процесса материальной жизни, который проявляет себя в виде идеала физической красоты, имеющего своеобразие, обусловленное историческим временем, личностью иконописца и соборным сознанием людей. След земного идеала красоты может иметь большую или меньшую степень абстрагированности. В век преподобного Сергия Радонежского и преподобного Андрея Рублева – это идеал любви и кротости, преображаемый внутренним молитвенным созерцанием исихастского учения. Земное, чувственное в искусстве этого времени присутствует как отдаленный отблеск предельно обобщенной идеи национального типа – такой она угадывается в образе Спаса Звенигородского. В искусстве XVII века в соотношениях между индивидуальным молитвенным опытом иконописцев, соборным духовным единством и идеалом земной красоты происходят значительные изменения. Все большее значение придается физическому, плотскому идеалу красоты. Речь идет именно об идеале физической красоты, о его трансформирующем значении в изображении материального мира и образа человека. Глубинной причиной этого явления в искусстве является преобладание в молитвенном созерцательном опыте чувственного, душевного переживания. «Ибо энергия ума ослабляется от соприкосновения с мысленными вещами, но имеет нужду для помышления о них в фантазии, которой природа творит образы протяженные и дебелие»⁴. Чувственный идеал красоты возникает как результат душевных усилий, направленных на искание совершенства. Русский религиозный философ И. А. Ильин писал: «К этим исканиям совершенства следует отнести также и человеческое созерцание идеала, сколько бы смутным и беспомощным оно ни являлось. Можно было бы сказать, что потребность в идеале есть первый проблеск духовности и даже религиозности в человеке... В сущности говоря, идеал имеет религиозное значение: это есть религиозный предмет, но переживаемый в аспекте неосуществленности, нереальности»⁵.

В художественной концепции Гурия Никитина идеал физической красоты выражается в возвышенных монументальных формах, построение которых

подчинено духовным устремлениям мастера. Этой главной цели подчинена и внутренняя структура образа. Возможным доказательством сказанного может быть пристальное прослеживание формальных особенностей построения образа Гурием Никитиным. С левой стороны западного портала Троицкого собора изображен Архангел Михаил с занесенным мечем. В абрисе его фигуры ошутим акцент, ассоциирующийся с его физической мощью. В соответствии с художественной концепцией Гурия Никитина, эти ассоциации в процессе рассматривания образа, преодолеваются его духовной устремленностью. Рисунок графы, очерчивающий фигуру архангела проведен мастером, владеющим искусством гармонического синтеза рисунка с элементами архитектуры. Физическая мощь архангела как бы плавно возрастает от подножия к верхней части фигуры, вторя изгибу стены и изогнутой линии портала. Динамика ее возрастания синхронна функциональной силовой динамике стены, поддерживающей своды, что делает естественным и непринужденным ощущение внутреннего напряжения образа. Взгляд архангела, одновременно взыскующий и душевно участливый, согласованность удлинённых пропорций с утонченным ритмом складок облачений – придают внутреннему напряжению образа значение внутренней духовной силы. Поэтому его занесенный меч воспринимается как меч духовный. Вместе с тем ритм складок акцентирует тектоничность образа, он следует системе силовых импульсов. Импульс взмаха меча усилен и продолжен плавными линиями крыльев, импульс изгиба торса согласуется с импульсом изгиба стены, импульс силы сопротивления акцентирован ритмическим рисунком складок перевязи. Все эти движения сгармонизованы ниспадающими вихрящимися складками плаща. Сила Архангела Михаила воспринимается как духовно просветляющая. Проникновенная духовность его образа вселяет в душу входящего в храм надежду. В искусствоведческой науке древнерусского искусства идеал красоты часто рассматривается в непосредственной или отдаленной связи с идеалами западноевропейского искусства Ренессанса и древней Эллады. Анализируя искусство преподобного Андрея Рублева, Б. В. Михайловский и Б. И. Пурищев писали: «Рублев по существу является крупнейшим мастером русского Возрождения наиболее полно и в то же время самобытно воплотившим в своем творчестве эстетический идеал, созвучный искусству Эллады»⁶. Очевидно, что эта и многие другие схожие позиции исследователей древнерусского искусства явные или подспудные, внутренним определяющим критерием значения искусства Древней Руси считают его соотносимость с общемировой концепцией эволюции искусства. В ней искусству Древней Руси, так или иначе, отводится роль культуры, стремящейся дотянуться до «высшей» культуры западноевропейского Возрождения. Характерно в этой связи высказывание Д. С. Лихачева, полемизировавшего с В. Н. Лазаревым по поводу определения русского искусства XIV–XV вв. как русского Предвозрождения. «Не может быть ничего обидного для Итальянской культуры в признании стадии Возрождения и для неитальянских народов»⁷. Очевидно, что идеал красоты искусства западноевропейского Возрождения возводится в степень наивысшего критерия красоты и для древнерусского искусства, включенность его в молитвенное созерцание не принимается во внимание или в последнем, подразумевается нечто ограничивающее, сдерживающее проявление «истинной» красоты.

Гурий Никитин воспринял и продолжил творческие традиции своих предшественников – костромских иконописцев, расписывавших под руководством Василия Ильина церковь Воскресения на Дебре в Костроме в 1652 году. Стилистические особенности изображений двух архангелов по сторонам западного портала Троицкого собора имеют сходство с изображением ангелов из композиций «Дней творения» и «Апокалипсиса» на паперти церкви Воскресения на Дебре, а также со сценой «Видение Ездры» в росписи свода Стефановского придела церкви Троицы в Никитниках в Москве, также расписанного костромичами. Глубинным источником их сходства является обращенность соборного сознания людей к ожидаемому концу света. Она усиливала переживания о судьбах мира, о начале и конце света, о Боге и человеке. Во фресках церкви Воскресения на Дебре чрезвычайно обострено ощущение близости земного и духовного через акцентирование величественной динамики процесса деяний Бога. Это ощущение усиливается ритмическими движениями ангелов. Движение их монументальных величественных фигур происходит на фоне двойных небес. В композиции «День четвертый» ангел Великого Совета изображен стоящим на фоне светлой сферы земли, а на фоне второго неба изображены луна и солнце. Космические тела солнца, земли и луны представлены через обозрение их сферических границ извне. Это создает ощущение безграничности пространства, при созерцании которого ограниченность грандиозных космических тел подводит к осмыслению земли и земного мира как части вечного и безграничного Божественного целого. Монументальность, ритмическая концепция образов ангелов стремятся выразить соразмерность внутренней сущности образов масштабам вечной и безграничной вселенной как творения Бога. Художественная концепция образа Господа Саваофа в центральном куполе Троицкого собора также имеет сходство с фресками церкви Воскресения на Дебре. Взгляд Господа Саваофа устремлен в вечность. Его образ исполнен внутреннего движения, которое усиливается системой художественных повторов. Ритм движения сонма херувимов у подножия Господа Саваофа повторен ритмом вихрящихся складок облачений и продолжен движением Его воздетых рук. Монументальная фигура Господа Саваофа вписана в изгиб сферы центрального купола с учетом тектоничности, ритмическая система, согласующаяся с тектоничностью образа, делает внутреннее движение Господа Саваофа естественным и непринужденным. В абрисе фигуры Господа Саваофа так же, как и в абрисе фигуры архангела Михаила у входного портала, ощущим идеал физической мощи. Вовлеченный в ритмическую организацию образа, он преобразуется в духовную мощь. Фресковые изображения на стенах Троицкого собора построены по круговому замкнутому циклу, воплощая идею вечности и Троичности. «Когда мы сводим в единство начало и конец времени, то приходим к вечности»⁸. Идея вечности раскрывается через развернутое состояние процесса деяний Троицы. Бога Отца, объединяющего три ипостаси в образе трех ангелов в верхнем ярусе. В средних ярусах иллюстрируются деяния второй ипостаси Троицы – Бога Сына. В нижнем ярусе представлено деяние третьей ипостаси – Святого Духа – через деяния апостолов. В концепции фресковых циклов большое значение придается самому процессу деяний, его последовательному поступательному движению. Все сцены фресковых циклов

на стенах Троицкого собора при их событийной насыщенности объединены единой ритмической организацией. Она сохраняет целостность восприятия циклов, удерживает их от распада на отдельные, независимые друг от друга картины и одновременно препятствует чисто декоративному восприятию. Ритмическая система построена на основе последовательно чередующихся дуг и парабол, как бы пронизывающих композиции всех сцен. Каждый отдельный импульс движения предельно сконцентрирован с точки зрения сущностного выражения той или иной композиции. В сцене «Исцеления Евтихия апостолом Павлом» нарастание ритмов до их предельной сконцентрированности выражено в фигуре апостола Павла, которая в порывистом движении к Евтихию представляет собой как бы сгусток энергии, его направленная подвижность многократно усилена параболическими линиями складок облачений. Динамическая сконцентрированность фигуры апостола Павла является сущностным центром композиции. От него как бы расходятся волны духовного просветления, воздействующие на души, участвующих в сцене людей. В колористической системе фресок сочетаются: охра, красный, белый, зеленый, синий цвета – они имеют изысканные сочетания, их теплая темперная фактура со слегка просвечивающим левкасом способствует одухотворенности восприятия. Красочная гамма согласована с ритмической системой циклов, выявляя красоту и своеобразие силуэтного решения. Согласно учению святого Григория Паламы, имевшего огромное значение для искусства XV века, сущностное – это сверхсущая сокровенность Бога, которая исходя от Него, проявляется в сущностных силах. Человек призван воспринимать их через чистое созерцание, в основе которого Иисусова молитва, выраженная в Евангелии от Матфея: «Ты же, когда молишься, войди в комнату твою и, затворив дверь твою, помолись Отцу твоему, который в тайне: и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно...». Выражение сущностного в иконном образе зависело от глубины проникновения в Иисусову молитву. Преподобный Симеон Новый Богослов разделит молитвенный процесс Иисусовой молитвы на три вида. Первый вид молитвы заключался в том, что молитвенный процесс происходит на уровне чувств, чувственных образов и представлений. Второй образ молитвы заключается в собирании ума и удалении его от чувственных представлений и концентрации внимания только на повторении слов Иисусовой молитвы. Третий вид молитвы, по словам Симеона Нового Богослова, заключается в том, что ум в процессе молитвы нисходит в сердце и, водворяясь в нем, входит во внутреннюю тайную клетку и, закрывая за собой дверь от вещей и предметов мира, делается недоступным для умозаключений и чувственных восприятий. Только в процессе этой молитвы человек через чистое созерцание достигает истинного Богопознания⁹. Только в результате такого молитвенного опыта, утвердившегося в исихазме, иконопись предельно приблизилась к созерцанию первообразного. Молитвенный опыт первого уровня, в основе которого переживания чувственных представлений, является молитвенной основой искусства XVII века. Она служит посредником между идеалом плотской красоты и только умом постигаемой духовной красотой. Это посредничество чувственно воспринимаемого молитвенного опыта приводит к начальной стадии чистого созерцания. Если слова летописной ленты Троицкого собора определяют цель искусства как духовное

наслаждение, для достижения которого в своем внутреннем молитвенном опыте изографы значительное место отводят плотскому идеалу красоты и чувственно воспринимаемой молитвенной основе, то в изображаемых ими образах и событиях будет ощутимо присутствие начальной стадии чистого созерцания. Проявление ее выражается в повышенном стремлении передать широкий спектр душевных состояний образа, предельно сфокусировать его внутреннее значение на доброте, сердечности, умиленности (например, образ святого Стефана на северной стене в цикле деяний апостолов или образ святой Улиты в иконе «Кирик и Улита» из церкви Ильи Пророка в Ярославле). В словесном искусстве XVII века это отражено в трактате неизвестного книжника: «Личная красота вострее стрелы уязвляет очима, ко душе восходит, не хвали доброты личныя и телесныя, но душевныя»¹⁰. Первичная стадия созерцания приближена к чувственным впечатлениям от мира. Она включает в себя элемент множественного, последовательного обозрения предметов, событий, явлений, который через обнаружение в них проблесков сущностного возводит ум к чистому созерцанию. О возможности такого пути к Богу говорил еще Дионисий Ареопагит. «Итак можно и неотступающие от небесного образы воссоздать даже из недостойнейших частей, поскольку и оно, обретя существование от истинной Красоты во всем своем вещественном устройстве имеет некоторые отзвуки разумного великолепия, и через них возможно возведение к невещественным первообразам»¹¹. Чувственный тип созерцания, стремясь обнаружить в мире отзвуки разумного великолепия или проявления истинной красоты, не может возвести их до уровня трансцендентного образа. Он находит их в формах обобщения, которые близки видимому миру, в то же время в их извечной закономерной повторяемости он запечатлевает проявления истинной красоты. В иконе «Успение Богоматери» из собрания костромского музея-заповедника (кмз код 23252/30) обращает на себя внимание особенность изображения облачений возлежащей на ложе Богоматери. Цвет мафория Богоматери вишневым с нежными полупрозрачными полутонами, плавная подвижность линий его складок создает ощущение подобия подвижности прозрачных струй ручья. Учащенная изысканность складок облачений у ступней ног Богоматери повторяет движение струй воды, встретивших препятствие. Очевидно иконописец, стремясь внести в иконографический тип Успения новые элементы красоты, сознательно заимствует их из красоты явлений природы, но стремится запечатлеть в нем закономерность сущностного проявления Божественной красоты. Возвращаясь к сцене исцеления Евтихия, можно сказать, что в сконцентрированном импульсивном движении фигуры апостола Павла, как сущностного центра композиции, выражен отзвук разумного великолепия красоты. Изобразительно это движение предельно концентрирует в себе выражение любви и сострадания. По Максиму Исповеднику это движение можно назвать логосом или первообразом явления, как нормы поведения Божественных мужей или их благохотениями¹². Это движение вызывает в людях, участвующих в сцене, процесс душевного восхождения к духовному озарению. Таким образом, духовное озарение через процесс душевного сердечного движения во многом определяет композиционное построение фресок апостольского цикла. Вневременное в концепции образа в значительной степени уступает место сфере предощущений

и озарений на пути к истине. В этом процессе индивидуальные особенности образа проявляются как индивидуальное восприятие благодати Святого Духа. В сцене исцеления Евтихия мужи с характерно воздетыми руками находятся в состоянии умиленного озарения. За спиной апостола Павла у людей различные степени озарения, сообразные их душевному складу. Особенно впечатляюще это состояние образов передано в той же иконе «Успение Богоматери» из церкви Иоанна Богослова в Ипатьевской слободе. Икона написана в более позднее время костромским иконописцем, продолжающим традиции искусства Гурия Никитина.

Циклы фресок Троицкого собора, расположенные на стенах, представляют собой свободную композиционную систему, которая сохраняет определенную условность. В достаточно условной пространственной среде выстраиваются взаимоотношения участников событий. Суть этой условности происходит от типа созерцания и трансформации мирского идеала красоты в устремлении к Богу. Взаимоотношения участников событий в цикле деяний апостолов образуют цепь коллизий, где противостоят апостолы – носители благодати Святого Духа и силы, противостоящие им. Но кульминация той или иной коллизии не преследует цели выявления особенностей личности или характера. Они являются лишь поводом для того, чтобы приоткрыть то, что происходит за их пределами, вне мира. Так лики апостолов, стоящих перед Анной и Каиафой обращены в сторону зрителя и выражают состояние духовной озаренности. Жесты первосвященников говорят о том, что между ними происходит диалог, но их лица выражают напряженное усилие в стремлении понять нечто, происходящее вне их присутствия. В то же время характер облачений, абрисы фигур, жесты, ритмика обнаруживают присутствие главного внутреннего процесса – одухотворения мирского идеала красоты – происходящего параллельно действию коллизий. Есть сцены, в которых сама озаренность участников сцены не происходит, но кульминация событий подводит к духовной озаренности созерцающих изображение. В этих сценах важен сам процесс подведения к духовному озарению. В сцене «Моление о чаше» художественная убедительность крушения греховного начала достигнута в кульминации столкновения двух сил: добра и любви в образе Иисуса Христа и зла и греховности в образе Иуды и группы воинов, приведенных им. Обобщенный образ духовно слепой силы выражен движущейся группой воинов, которую возглавляет Иуда. Композиционно это движение берет начало в ритме выступов горok и завершается беспорядочной хаотичной сплетенностью тел поверженных воинов. В движущейся группе воинов художественно обобщена духовно неуправляемая сила зла. Закономерно то, что первоначальная монолитность их движения завершается беспомощной, хаотичной рассогласованностью поз. Это движение решено пространственно из глубины, тем самым момент хаотичного беспорядка их тел приближен к зрителю. Образ Иисуса Христа ввиду поверженных воинов возвышается над всем происходящим и находится как бы во внепространственном и вневременном состоянии. В сцене «Поцелуй Иуды» духовное начало образа Иисуса Христа имеет оттенок вопрошания и недоумения, которое переходит в кроткую готовность приятия поцелуя Иуды. Таким образом, встречные композиционные движения сцены в кульминации подводят зрителя к духовной

озаренности и утверждают истину Иисуса Христа. В художественной концепции сцен характерно стремление к обобщению сил противоположных духовному просветлению. Это стремление созвучно словам Иоанна Златоуста, сказанных об апостолах: «Заметь прошу, как вся жизнь их слагается из противоположностей»¹³. В сцене «Предстояние Иисуса Христа перед спящими апостолами» тщетны Его призывы к бодрствованию. Они утомлены, и дух их не в силах пробудиться и обратиться к Богу. Поэтому силуэты их тел не выражают внутренней одухотворяющей динамики. Они объединены единством бессильно затухающей линией общего силуэта, художественно обобщающего образ духовного сна.

Слова Дионисия Ареопагита о возведении к невещественным первообразам посредством частей вещественного устройства, как имеющих отзвуки разумного великолепия, предполагают процесс, длящийся во временной протяженности. Само участие категории времени в возведении к первообразам – необходимое условие предварительной стадии созерцания на пути к высшему созерцанию, в котором нет длительности времени. Но, по словам святых отцов: «Время и вечность соразмерны, время можно рассматривать как последовательность мгновений, каждое из которых причастно вечности. Вечность – это остановившееся время, а время – движущаяся вечность»¹⁴. В последовательности меняющихся друг друга композиций цикла деяний апостолов Троицкого собора, время присутствует не как причинно следственная связь событий, обуславливающих становление внутреннего значения образа. В них в соответствии с уровнем созерцания соблюдается принцип соразмерности времени и вечности. Временной процесс в художественной концепции цикла – это процесс выделения сущностей «логосов» и их образное воплощение на пути к целостному созерцанию. Так происходит при изображении фигур идущих апостолов в композиции перед первосвященниками Анной и Каиафой, которые образно суммируются и выражают проявления красоты как таковой, не зависящей от конкретной ситуации в композиции. Процесс предварительной стадии созерцания вызывает необходимость возвышения над событиями. С этой высоты обозреваются разновременные сцены. Форма их изображения, несмотря на изменившиеся представления об идеале красоты, стремится выразить их сущностные вневременные проявления – таковы особенности изображения спящих апостолов или поверженных воинов в композиции «Христос в Гефсиманском саду», или изображение фигуры апостола Павла в сцене «Исцеление Евтихия».

Таким образом, рассмотренные примеры позволяют сделать вывод, что духовное наслаждение во фресках Троицкого собора – это процесс духовного восхождения к целостному чистому созерцанию Бога. Этот процесс начинается с уровня чувственного созерцания, как художественный синтез раздробленных сущностных проявлений Божественной красоты, присутствующей в явлениях мира и в человеке. Уровень чувственного созерцания порождает возвышенные формы физического идеала красоты человека, которые в процессе чувственного созерцания приобретают одухотворенное значение, подводящее к духовному озарению через изобразное воображение костромского иконописца Гурия Никитина.

Примечания

¹ Брюсова В. Г. Гурий Никитин. М., 1982. С. 2.

² Цитата по: Успенский Л. А. Богословие иконы православной церкви. М., 1989. С. 216.

³ Цитата по: Православная икона: канон и стиль. М., 1998. С. 7.

⁴ Преподобный Феодор Студит. Слово умозрительное. Глава 24–26. Добротолюбие. Т. 3. С. 355.

⁵ Ильин И. А. Аксиомы религиозного опыта. М., 1993. С. 115.

⁶ Михайловский Б. В. Пурищев Б. И. Очерки истории древнерусской монументальной живописи со второй половины XIV до XVIII века. М., 1941. С. 17.

⁷ Лихачев Д. С. Своеобразие исторического пути русской литературы X–XVII веков // Русская литература. М., 1972. С. 21.

⁸ Святой Григорий Богослов. Творения. Т. III. С. 197.

⁹ Добротолюбие. Т.V., М., 1993. С. 465.

¹⁰ Бычков В. В. Русская средневековая эстетика XI–XVII веков. М., 1995. С. 425.

¹¹ Дионисий Ареопагит. О небесной иерархии. СПб., 1997. С. 25.

¹² Максим Исповедник. Творения. М., 1903. кн. 2. С. 47.

¹³ Иоанн Златоуст. Беседы на деяния апостолов. М. С. 118.

¹⁴ Догматическое богословие. М., 1994. С. 174.

В. М. Марасанова
г. Кострома

**ВЛИЯНИЕ ГУБЕРНСКОЙ РЕФОРМЫ 1775 ГОДА
НА КУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ ВЕРХНЕВОЛЖСКОГО РЕГИОНА**

В период правления Екатерины II в России были проведены реформы местного управления, заметно оживившие культурную жизнь российской провинции. На территории Верхнего Поволжья новые губернии (Владимирская, Костромская, Тверская, Ярославская) были созданы довольно быстро на протяжении 1776–1778 годов. Главными должностными лицами в них стали наместники (генерал-губернаторы) и губернаторы. Генерал-губернатор являлся представителем верховной власти и лично императрицы Екатерины II в наместничестве, включавшем 2–3 губернии. На столь ответственные государственные посты Екатериной II назначались весьма опытные люди: Я. Е. Сиверс в Твери, А. П. Мельгунов в Ярославле и на начальном этапе в Костроме, Р. И. Воронцов во Владимире. Деятельность первых наместников и губернаторов Верхнего Поволжья уже получила освещение в исторической литературе¹. Весьма представительны по объему и информативны по содержанию сами фонды губернских учреждений, отложившиеся в местных архивах.

В последней четверти XVIII в. наметились перемены в лучшую сторону в области образования. В Твери в 1776 г. появилась городская школа для детей купцов и мещан, а в 1777 г. такие же школы открылись в уездных городах наместничества. В 1777 г. в городе Бежецке Тверского наместничества были открыты

училище для детей священнослужителей и школа для детей купцов и мещан. В Ярославле в 1778 г. появилось училище для дворянских детей, а в Твери подобное училище начало работу в 1779 году.

5 августа 1786 г. императрицей был утвержден «Устав народным училищам в Российской Империи»². В соответствии с указом такое училище появилось в Твери. На его содержание из городских средств была выделена 1 тыс. руб., и еще 1,5 тыс. руб. собрали по подписке среди жителей губернии. За первые четыре года работы училища на его нужды от граждан губернии поступило 10 тыс. руб. В 1786 г. в Ярославле, Владимире и Костроме были открыты Главные народные училища для детей всех сословий. В 1792 г. в одной Костромской губернии уже было 6 народных училищ (320 учащихся) и 4 духовных (400 учащихся). Опираясь на успешный опыт открытия Главных народных училищ, указ императрицы от 3 ноября 1788 г. предписал открыть такие учебные заведения в остальных 14 губерниях.

В 1783 г. вышел указ Екатерины II о разрешении свободно открывать типографии во всех городах Российской империи при условии обязательной церковной цензуры. На основании этого указа в 1784 г. типография появилась в Ярославле. При Мельгунове в типографии было издано около 20 книг. Благодаря поддержке наместника Ярославль стал родиной провинциальной русской журналистики. Он выделил средства на издание в 1786–1788 гг. журнала «Уединенный пошехонец», редактором которого стал титулярный советник В. Д. Санковский.

В рядах губернской администрации региона в конце XVIII в. служили авторы некоторых исторических сочинений. Записки о Е. Пугачеве оставил владимирский губернатор П. С. Рунич, лично участвовавший в поимке руководителя крестьянской войны³. Его сын Д. П. Рунич был писателем-мистиком и переводчиком, что не мешало ему выполнять обязанности директора канцелярии московского генерал-губернатора и затем управлять Московским почтамтом. Вице-губернатор И. К. Васьков вошел в историю Костромы как автор первого сочинения по ее истории⁴.

Введение разделения страны на губернии делало необходимым переустройство российских городов, нацеленное на приспособление их к новым условиям и формам общественной жизни. Перепланировка становилась непосредственной задачей местной администрации и, прежде всего, генерал-губернаторов. Впервые в новых губернских учреждениях, созданных в результате проведения реформы 1775 г., были предусмотрены вакансии для архитекторов. Самой ранней из серии планов перепланировки старых городов стала тверская (1777 г.). Тверь получила трехлучевую планировку в виде трех прямолинейных улиц, сходящихся к центру всей архитектурной композиции. На примере тверских планов закладывались основы облика «регулярного» губернского и уездного центра России. На стадии подготовки планов решающую роль играли представители власти – наместники и губернаторы, по отношению к которым губернский архитектор находился на положении исполнителя. В частности, в подготовке и осуществлении регулярного плана Твери большую роль сыграл первый наместник граф Я. Е. Сиверс. Он объезжал уездные города совместно с тверским губернатором М. Н. Кречетниковым и собирал мнения о перепланировке у местных жителей.

28 апреля 1777 г. Екатерина II подписала указ «о выделении в продолжение пяти лет из статьи конторских расходов ежегодно по 20000 руб. в Ярославское наместничество для строительства зданий для присутственных мест»⁵. А. П. Мельгунов обратился к Екатерине II с просьбой о выделении 4,5 тыс. рублей для сооружения пристройки к Архиерейскому дому, где он проживал вместе с семьей. Еще 3 тыс. рублей, по его мнению, было необходимо на строительство нового зала для собраний дворянства. Наместник также испросил у императрицы соизволения на постройку двух каменных корпусов для присутственных мест в Ярославле. Проекты и сметы готовил губернский архитектор Э. Левенгаген⁶. По его оценке, на строительство корпуса наместнического правления было необходимо 77 833 руб. 36 коп. Во втором корпусе должна была располагаться казенная палата.

Все строительство в Ярославле шло по новому регулярному плану, утвержденному императрицей 17 марта 1778 г. План, составленный под непосредственным контролем наместника, как архитектурный центр города рассматривал ансамбль присутственных мест на Ильинской площади с храмом Ильи Пророка. Этот ансамбль включал два корпуса присутственных мест и дворец наместника. Вчерне дворец был построен к 1787 г., но А. П. Мельгунов там пожить не успел, поскольку умер 2 июля 1788 г. Впоследствии по личному указу Павла I от 15 июня 1797 г. «каменный генерал-губернаторский дом со всеми службами» в Ярославле и с ненавистным императору вензелем Екатерины II на фасаде был разобран на кирпич для солдатских казарм⁷. Это случай весьма прискорбный, но не единичный. К примеру, в 1797 г. в Тверской губернии были сломаны триумфальные ворота при въезде в город, возведенные в честь Екатерины II на пожертвования тверского купечества.

По инициативе наместника велось строительство Ярославского Дома призрения ближнего, торжественное открытие которого состоялось 10 марта 1786 г. Для него было собрано 30 800 руб. ассигнациями, особенно крупную сумму внес купец И. Я. Кучумов – 20 322 руб. Попечительницей этого заведения стала дочь Мельгунова Екатерина. Вслед за А. П. Мельгуновым все ярославские наместники и губернаторы обязательно уделяли внимание Дому призрения ближнего. В конце XVIII столетия в Ярославле было уже 334 каменных дома и 785 каменных лавок. Вслед за губернским центром регулярные планы получили уездные города наместничества. Например, планы городов Пошехонье, Любим и Рыбинской (Рыбинск) были утверждены указом Екатерины II от 16 января 1784 года⁸.

Во Владимире переустройство города по регулярному плану было ускорено сильным пожаром 1778 года. Первый наместник Р. И. Воронцов, как и А. П. Мельгунов, лично вникал в разные проблемы от реконструкции Золотых ворот до разработки новых гербов городов наместничества. Регулярный план Владимира был утвержден в 1781 году. Первой наиболее крупной постройкой стали Присутственные места, строительство которых завершилось в 1785 г. при наместнике И. П. Салтыкове.

В Костроме сильный пожар также произошел незадолго до начала губернской реформы – в мае 1773 г. От пожара сильно пострадали Воздвиженский монастырь и Успенский собор. В городе сгорело 498 лавок, 10 каменных

и 5 деревянных церквей, а также 630 домов. По генеральному плану 1784 г. в центре города располагалась полукруглая Екатеринославская площадь, а от нее веером расходилось семь лучей с полукольцами поперечных улиц. Главной в городе стала улица Русина (Кинешемская). В 1790 г. в Костроме закончилось строительство двухэтажной резиденции губернатора. В 1789–1793 гг. в Костроме строились торговые ряды по «образцовому» проекту владимирского губернского архитектора Карла Клера. Строительство здания присутственных мест по «образцовому» проекту А. Д. Захарова началось в Костроме только в 1806 г. Очевидно, причиной такого «отставания» было то, что Кострома не являлась резиденцией наместника. Генерал-губернаторы не жили в Костроме, а приезжали в город по служебным делам.

В последние десятилетия XVIII в. начали составляться топографические описания наместничеств и губерний. К концу столетия по России было составлено около 50 таких описаний. Эта работа была тесным образом связана с проведением губернской реформы. В составлении ярославских топографических описаний участвовал губернский землемер Н. Г. Арцыбашев, занимавший этот пост в 1777–1782 гг. Топографические описания губерний Верхнего Поволжья 1784–1786 гг. отличались большим единообразием программы. Это, например, топографические описания города Твери 1780 г. и Владимирской губернии 1784 г., «Топографическое и историческое описание городов Тверской губернии», составленное Д. И. Кармановым в 1784–1786 гг. и др.

Во Владимирской губернии в ноябре 1787 г. велась переписка между наместническим правлением и казенной палатой «об управлении землями казенных крестьян и доставлении межевых планов на все казенные селения»⁹. По всем уездам собирались «межевые книги и планы»¹⁰. В Костромской губернии уточнение нового уездного деления при Павле I шло под контролем губернатора Б. П. Островского. Он вел по этому поводу переписку с епископом Павлом, губернским землемером И. Дьяковым и другими лицами.

Наместники вносили в жизнь российской провинции обычаи и нравы столичного общества. Их резиденции становились настоящими «культурными гнездами» своих наместничеств. Наместник А. П. Мельгунов не отказался в Ярославле от своих столичных привычек, он ввел в обычай устраивать пышные застолья для чиновников. В 1779 г. он примкнул к масонам. В Ярославле была создана масонская ложа, и город познакомился с масонством вслед за столицами и Казанью. Масоном был первый владимирский наместник Р. И. Воронцов. Он состоял членом столичных масонских лож «Скромность» и «Равенство» и основал первую масонскую ложу во Владимире. Масоном также был владимирский губернатор П. С. Рунич. Наместник Е. П. Кашкин, сменивший А. П. Мельгунова в Ярославле, поразил местных жителей своим умеренным образом жизни. Он не был любителем роскошных балов, зато любил охоту.

Одним из любимых развлечений в российской провинции стал в конце XVIII столетия театр. Как известно, первую театральную постановку в Ярославле 10 июля 1750 г. устроил Ф. Г. Волков. С отъездом его труппы в столицу театральная жизнь в городе не заглохла. Во второй половине XVIII столетия в Ярославле устраивались спектакли в Славяно-латинской семинарии и в Доме призрения

ближнего. Находясь на посту наместника в Ярославле, А. П. Мельгунов вновь вспомнил о театре, которым увлекался еще во времена учебы в Сухопутном шляхетском корпусе. Для постановки, устроенной на средства генерал-губернатора, была выбрана трагедия А. П. Сумарокова «Синав и Трувор». Премьера состоялась 30 апреля 1786 г. в зале для дворянских собраний, пристроенном к дому А. П. Мельгунова. В постановке участвовал И. А. Дмитриевский – друг и сподвижник Ф. Г. Волкова. Роль Ильмены в спектакле играла дочь Мельгунова Екатерина¹¹.

Таким образом, губернская реформа 1775 г. не только изменила административно-территориальное деление страны, но и содействовала культурному подъему вновь учрежденных губернских и уездных центров. Период правления Екатерины II принес подъем местного управления и оживление всех сфер жизни в российской провинции. Статус городских уездных центров получили многие населенные пункты Верхнего Поволжья. Губернская реформа 1775 г. значительно изменила внешний облик новых административных центров, получивших регулярные планы. Здесь открылись светские учебные заведения, появились первые больницы, типографии и многое другое. Ярославль в этот период к своей славе родины русского национального театра прибавил еще почетное звание основателя провинциальной журналистики. Особую роль в реализации политики верховной власти в провинции сыграли наместники екатерининской эпохи. Высшие чины губернской администрации вносили в провинциальную жизнь столичные обычаи и нравы, задавая тон нижестоящим чиновникам.

Примечания

¹ Артамонова Л. М. Общество, власть и просвещение в русской провинции XVIII – начала XIX вв. (Юго-восточные губернии Европейской России). Самара, 2001; Ермолин Е. А., Севастьянова А. А. Воспламененные к Отечеству любовью (Ярославль 200 лет назад: культура и люди). Ярославль, 1990; Иерусалимский Ю. Ю. Экономико-географические описания и картографические материалы о русском городе второй половины XVIII века // Экономика, управление, демография городов Европейской России XV–XVIII вв.: История, историография, источники и методы исторического исследования. Тверь, 1999. С. 176–179; Фролов Н. В., Фролова Э. В. Владимирские наместники и губернаторы. Ковров, 1998; Ярославские губернаторы: Историко-биографические очерки. 1777–1917. Ярославль, 1998; и др.

² ПСЗ. Собр. I. Т. XXII. № 16421.

³ Записки сенатора Павла Степановича Рунича о Пугачевском бунте // Русская старина. СПб., 1870. Кн. 8. С. 116–131; Кн. 9. С. 211–253; Кн. 10. С. 321–372.

⁴ Васьков И. Собрание исторических известий, относящихся до Костромы. М., 1792.

⁵ Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). Ф. 72. Оп. 1. Д. 8. Л. 12.

⁶ ГАЯО. Ф. 72. Оп. 1. Д. 1469. Л. 3, 19, 31.

⁷ ГАЯО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 6. Л. 182.

⁸ ПСЗ. Собр. I. Т. XXII. № 15905.

⁹ Государственный архив Владимирской области (ГАВО). Ф. 15. Оп. 1. Д. 2. Л. 1.

¹⁰ ГАВО. Ф. 15. Оп. 1. Д. 371. Л. 1–12.

¹¹ Севастьянова А. А. «Пиши! Мне музы все рекли единогласно...» (Из истории бытования рукописных сборников в окружении Ярославского наместника А.П. Мельгунова в конце XVIII века) // Ярославская старина. Ярославль, 1994. Вып. 1. С. 31–33.

Л. Н. Новожилова
г. Кострома

«КАРАУЛЬНЫЙ ДОМ»: ИЗ ИСТОРИИ ГАУПТВАХТЫ В КОСТРОМЕ

Слово гауптвахта происходит от немецкого «Hauptwache», что означает «главный караул». Имело оно несколько значений: 1) караульный дом или караульное помещение для построения караула; 2) специальное помещение для содержания военнослужащих под арестом; 3) главный караул при въезде в город, в порту, где должны были заявлять о себе вновь прибывшие (в XVIII веке). В словаре Брогауза и Ефрона о караульном доме помещена следующая информация: «Караульный дом – помещение для военного караула. Помещение, в котором устроены места для арестованных, называется гауптвахтой. Караульный дом должен иметь: а). помещение для нижних чинов караула и, в офицерских караулах, особую комнату для начальника; б). помещение для сторожа и в). отхожие места. На гауптвахтах, кроме того, должно быть: г) помещение для арестованных офицеров и д). отдельное помещение и не менее двух карцеров для арестованных нижних чинов. При К[араульных] помещениях офицерских караулов полагается устраивать платформы такого размера, чтобы караул мог стать свободно развернутым строем. Платформа обносится деревянным барьером, с одним передним и двумя боковыми проходами. В трех шагах от переднего барьера ставится будка. Кроме лиц, прибывающих для проверки караула, никто не может войти в К[араульное] помещение без опроса часовым и разрешения со стороны унтер-офицера или начальника караула»¹.

Здание, выстроенное на Екатеринославской площади губернии архитектором П. И. Фурсовым в 20-е гг. XIX в., и предполагалось для караула и гауптвахты. Фотографии, запечатлевшие здание гауптвахты в нач. XX в. показывают, что согласно правилам, перед зданием находилось, огороженная территория, и будка для часового. Корреспондент газеты «Поволжский вестник» в 1914 г. жаловался: «Около здания есть площадка, залитая асфальтом. Когда же на площадке стоит часовой, то по ней обывателям ходить нельзя, когда же часового нет, то ходить можно было. Теперь же полк [183-й Пултусский полк. – Л. Н.] уехал в Ярославль, арестованных на гауптвахте нет и казалось бы можно было ходить по площадке, чем ломать ноги по нашим мостовым, а надо сказать, что движение тут большое, ан нет! По чьему-то распоряжению проходы заколочены досками...»². Автор просил устроить около гауптвахты небольшой тратуарчик или асфальтовую тропинку. «Стоило бы это не дорого, а обывателей избавило от лишней грязи». В дни посещения императором Николаем II Костромы в мае 1913 г. здание гауптвахты было «украшено» массивным двуглавым орлом.

Первое деревянное здание гауптвахты появилось в Костроме еще в конце XVIII века (1797–1798 гг.) по предложению губернатора Островского для содержания караулов квартировавшего тогда Староингермонландского мушкетерского полка. Выстроено оно было при Волжской (Московской) заставе, которая была главным въездом в город.

Здания гауптвахты (деревянное и каменное) находились в ведении военного ведомства, но их содержание (многочисленные ремонты и переделки) входило в обязанность города согласно закону о воинской повинности.

Средств выделялось недостаточно, и в начале XX в. изнутри гауптвахта представляла из себя довольно печальное зрелище, что следовало из акта обследования этого здания гарнизонным батальонным комитетом от 11 сентября 1909 г. При осмотре городской гауптвахты оказалось: «1) В отхожем месте не имеется вентиляционной печи и трубы, пол сырой от мочи, отхожее место холодное... 2) В комнате караульного офицера обивка диванов в высшей степени загрязнена, засалена и требует замены новой, воздух спертый, тяжелый, окна во всех помещениях давно не выставлялись и грязные... 3) В караульном помещении кадки для кипяченой воды не имеется... 4) В комнате сторожа сыро, воздух тяжелый, запах от керосина, на полу небольшие дыры, через которые, как заявляет сторож ночью бегают крысы. 5) В общей камере арестованных в печах нет вентиляции. 6) В караульном помещении полы прогнили... 7) Во дворе выгребная яма переполнена нечистотами, давно не дезинфицирована, на дворе много мусора, кирпичей, сарай наполнен отбросами соломы, весь пошатнувшийся, ветхий...

8) Будка грязная и ломанная – требует возобновления. Наружному часовому во дворе приходится дышать нечистотами»³. За красивым фасадом скрывалась довольно неприглядная реальность военной службы.

Судя по сохранившимся документам, гауптвахта чаще всего использовалась в 1850-е – 1860-е годы. Каждый день туда назначался караул. В приказах по Костромскому гарнизонному батальону, воинским частям, квартировавшим в Костроме, отмечалось о каждом случае заключения на гауптвахту. Содержались на ней и нижние чин и офицеры. Согласно циркуляру Военного Министерства №88 от 26 марта 1869 г.⁴ военными арестантами считались следующие лица: а) нижние чины, состоявшие под следствием (должны были содержаться на гауптвахте); б) нижние чины, находившиеся под судом (на гауптвахте); в) арестанты по состоявшимся уже приговорам суда, подлежащие ссылке в Сибирь (в тюрьмах); г) нижние чины, содержащиеся на хлебе и воде, взамен одиночного заключения в военных тюрьмах (в карцере на гауптвахте); д) нижние чины, подвергаемые карцерному заключению по дисциплинарным взысканиям. Арестуемые офицеры и юнкера, кроме тех, на кого налагался домашний арест, содержались исключительно на гауптвахте. Нижние чины из дворян и других привилегированных сословий – вместе с прочими нижними чинами. Все содержащиеся на гауптвахте, кроме находившихся в карцерах, имели право на прогулки. На гауптвахте велись «шнуровые» книги, в которые заносились сведения об арестантах: срок заключения, проступок, с какими вещами доставлены.

Офицеры Костромского гарнизона часто подвергались наказанию за проступки своих подчиненных. Командиры 2-й роты поручик Реутов и 3-й роты штабс-капитан Иванов были арестованы с содержанием на гауптвахте в течение 3 суток за то, что за период с 1 ноября 1854 г. по 1 ноября 1855 г. из их рот было совершено много побегов⁵.

Наказывались офицеры и за собственные проступки. Начальник Костромской инвалидной команды штабс-капитан Яблонский не вернул арестованным крестьянам их вещи, за что подвергся аресту на 2 недели на главной гауптвахте (май 1860 г.)⁶. Двое суток просидел на гауптвахте командир 2-й роты Костромского гарнизонного батальона за плохое качество хлеба в марте 1866 г.⁷. За неправильно вынесенный приговор были наказаны с объявлением выговора и содержанием под арестом офицеры – члены комиссии военного суда. (1867)⁸.

От офицеров требовалось неукоснительное соблюдение своих обязанностей, дисциплины, субординации, военной этики. Малейшее упущение могло повлечь за собой наказание. Трое суток должен был отсидеть на гауптвахте штабс-капитан Соснин за нерадивое и невнимательное исполнение обязанностей дежурного по полку 9 октября 1912 г. Нерадивое исполнение обязанностей произошло в том, что Соснин не знал о прибытии в полк военного следователя и не доложил о нем командиру Пултуского полка⁹.

За несоблюдение военной этики был наказан подпрапорщик 183-го пехотного Пултуского полка Комаров. На полковом празднике в декабре 1912 г. он провозгласил тост в честь командира корпуса не испросив его разрешения¹⁰.

Степень наказания военных чинов зависела от тяжести проступка. Одним из видов наказания было назначение в караул всю главную гауптвахту вне очереди Унтер-офицеров могли назначить и за рядовых. Довольно строгий приказ был отдан командиром Костромского гарнизонного батальона (16 июля 1860 г.) «господам офицерам, которые без надобности по службе ходят в батальонную канцелярию и комиссию военного суда и мешают работать. Если они не будут исполнять этот приказ, то будут арестованы на гауптвахте или наряжены вне очереди в караул»¹¹.

Нижние чины содержались на гауптвахте Костромы за побег, пьянство, дурное поведение, нарушение дисциплины, а также те, кто ожидал решения своего дела военным судом. Часто за побег (в 1850-е годы) солдат наказывали шпицрутенами или розгами, потом лечили в городской больнице, по выздоровлении выдерживали на главной гауптвахте, затем возвращали в свою роту. Так, в августе 1856 г. под арестом на главной гауптвахте находился рядовой Солигаличской инвалидной команды Петр Виноградов. Попал он туда из больницы при костромском тюремном замке. В больнице Виноградова лечили после наказания розгами. Он получил сто ударов¹². Нижние чины костромского гарнизона на городской гауптвахте содержались чаще, чем офицеры.

В 1909 году нижних чинов на гауптвахте были обнаружены запрещенные вещи. Начальник гарнизона приказал назначить туда караульными начальниками подпрапорщиков или самых надежных унтер-офицеров. Особое внимание требовал обращать на тщательный осмотр, как помещений, так и арестантов, и не позволять сторожу входить в помещение арестованных одному¹³. При отбывании наказания офицерами на гауптвахту назначался офицерский караул.

В начале XX в. гауптвахта использовалась реже. С 1909 по 1913 г. Костромская городская управа неоднократно обращалась к военному начальству с просьбой освободить это здание, чтобы устроить в нем публичную библиотеку

им. Ф. В. Чижова. Для гауптвахты предполагалось построить другое помещение либо при главном пожарном депо на Костромской улице, либо на участке около читальни Островского, либо на территории казарм по Еленинской улице¹⁴. Начальник Костромского гарнизона отказался освободить здание на центральной площади, объясняя отказ довольно вескими причинами, главная из которых заключалась в следующем: «... 1) В настоящее время положение главной гауптвахты на Сусаниской площади, наиболее соответствует пользе службы... города и правительственных учреждений (банка, суда, казначейства и проч.). Городская гауптвахта на окраине городской площади в дни народных скоплений, бедствий, беспорядков и волнений служит опорным пунктом для дежурной части на случай вызова войск в помощь гражданским властям. Из прошлой жизни города Костромы видно, что один молодецкий вид на платформе дежурной воинской части, готовой грудью по первому приказу встать за порядок и законность, сдерживал народную толпу в пределах повиновения и благополучия (1905–1906 гг.)...»¹⁵.

После революции у здания бывшей гауптвахты началась другая история. В нем поочередно размещались государственные учреждения (оружейный и нумизматический отделы областного музея, банк, детская библиотека, ЗАГС). И не столь важно, какому ведомству принадлежала гауптвахта (военному или гражданскому), построенная талантливым зодчим здание украшало и до сих пор украшает центральную площадь старинной Костромы

Примечания

¹ Энциклопедический словарь. СПб.: Изд. Брокгауза Ф. А. и Ефрона И. А., 1892. Т. XIV. С. 465.

² Поволжский Вестник. 1914. 8 июля. № 2353.

³ Государственный архив Костромской области. Ф. 806. Оп. 1 Д. 567. Л. 45–45 об. (Далее – ГАКО).

⁴ ГАКО. Ф. 134. Оп. 3. Отд. 3. Стол 7. Д. 13. Л. 224–238.

⁵ ГАКО. Ф. 1391. Оп. 1. Д. 3а. Л. 5 об-6.

⁶ ГАКО. Ф. 1391. Оп. 1. Д. 4. Л. 20.

⁷ ГАКО. Ф. 802. Оп. 2. Д. 5. Л. 28.

⁸ ГАКО. Ф. 802. Оп. 2. Д. 5. Л. 130.

⁹ ГАКО. Ф. 780. Оп. 1. Д. 12. Л. 42 об.

¹⁰ ГАКО. Там же. Л. 204.

¹¹ ГАКО. Ф. 1391. Оп. 1. Д. 4. Л. 34.

¹² ГАКО. Ф. 1391. Оп. 1. Д. 3а. Л. 49 об., 145.

¹³ ГАКО. Ф. 806. Оп. 1. Д. 567. Л. 106.

¹⁴ ГАКО. Ф. 1128. Оп. 1. Д. 211.

¹⁵ ГАКО. Там же. Л. 11.

М. А. Фокина
г. Кострома

**ЛЕКСИКА И ФРАЗЕОЛОГИЯ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО ПОЛЯ
«МОНАРХИЧЕСКАЯ ВЛАСТЬ» В ИСТОРИЧЕСКОМ РОМАНЕ
МАРКА АЛДАНОВА «ЗАГОВОР»**

Комплексный анализ концептуального поля «Монархическая власть» основывается на современных принципах изучения языковых единиц в синхроническом и диахроническом аспектах, в динамике исторического развития общества, языка и культуры. Такой подход позволяет сравнить особенности структуры и семантики поля в системе русского литературного языка и в системе художественной речи, выявить соотношение универсально-типологических представлений о власти, основанных на архетипах мировой культуры, с общими ментальными представлениями русского народа и с индивидуально-авторским художественным видением, своеобразием восприятия конкретной языковой личности писателя.

Концептуальное поле объединяет языковые единицы, связанные парадигматическими, синтагматическими и ассоциативно-деривационными смысловыми отношениями. Компоненты поля репрезентируют содержательно-концептуальную информацию художественного текста, способствуют декодированию системы авторских идей. Поле состоит из ядра и периферии, подразделяется на микрополя.

В современном русском литературном языке к смысловому ядру концептуального поля «Монархическая власть» относятся базовые лексемы власть, монархия, империя, самодержавие, царь и ряд слов, производных от них, которые зафиксированы лингвистическими словарями: толковыми, синонимическими, фразеологическими, иностранных слов и др.

Существительное власть по своему фонетическому облику является старославянским (ср. с собственно русским волость); слова монархия, империя, царь – заимствования из европейских языков.

Власть – это право управления государством, политическое господство. Синонимами слова власть являются лексемы и фразеологизмы: кормило власти (книжн.); бразды правления (высок.); владычество (уст. и высок.); символами власти монарха являются престол, трон, корона, скипетр, а также в царской России – шапка Мономаха, широко известный поэтический историзм: Ох, тяжела ты, шапка Мономаха! (А. С. Пушкин. Борис Годунов)¹. Ср. с репликой Ивана Грозного в одноимённом произведении А. Н. Толстого: «Русская земля – моя единая вотчина. Я – царь, и шапка Мономаха на мне выше облака». Мономах по-гречески означает единоборец, это прозвание, присоединявшееся к именам некоторых византийских императоров. В Древней Руси именование Мономах закрепилось за великим князем киевским Владимиром, от которого вели своё происхождение московские цари. Слова Мономах и монарх содержат общий греческий корень *monos* 'один'. Словарь синонимов предлагает сравнить семантику лексемы монарх со значением существительного правитель: властелин, властитель, владыка, повелитель².

В русском языке слово царь со значением 'властелин; государь' известно с XV века. Производные: царство, царица, царевна, царевич, царский. Намного позже в языке засвидетельствован глагол царить. Позднее всех других слов этой группы появилось существительное царизм³. Как известно, в этимологическом отношении царь восходит к цесарь, что заимствовано из готского *Kaisar* от раннелатинского *цезарь* (до фонетического перехода к – с). Цезарь употреблялось как прозвище патрицианского рода Юлиев, из которого происходил Юлий Цезарь. Позже, со времени Октавиана, Цезарь становится титулом римских императоров.

Интересное толкование лексемы царь даёт В. И. Даль: 'государь, монарх, верховный правитель земли, народа и государства'⁴. В обширных иллюстрациях словарной статьи содержатся пословицы и поговорки, характеризующие отношения народа и царя. В. И. Даль отмечает, что народ зовёт государя царём – это особенность русской народной речевой культуры: Народ согрешит – царь умолит, а царь согрешит – народ не умолит; Народ думает, а царь ведаёт; Без царя народ сирота. Царские гнев и наказание переданы следующими народными высказываниями: Близ царя – близ смерти; Царь не огонь, а ходя близ него опалишься (о царской опале). Опалу В. И. Даль определяет как 'гнев, немилость властелина, вельможи, начальника'. Царская опала вела за собой ссылку и нередко – конечное разорение.

Концептуальное поле «Монархическая власть» в системе языка отражает как литературно-книжные, так и народно-разговорные особенности русской речевой культуры. Поле содержит лексику, фразеологию, крылатые выражения и паремии.

Перейдём далее к рассмотрению особенностей структуры и семантики анализируемого поля в романе Марка Алданова «Заговор» (1926–1927). К смысловому ядру поля относятся именованья Павла I и символы императорской власти, олицетворяющие российское самодержавие павловской эпохи. Охарактеризуем подробнее каждое из лексико-фразеологических микрополей.

Именованья Павла I можно условно разделить на официальные титулованья и эмоционально-экспрессивные оценочные характеристики. Официальными титулованьями являются существительные: царь, самодержец, император, монарх, государь, венценосец. Из них наиболее частотно употребительны в романе: царь, император, государь. Примечательно, что монархом Павла I именуют герои-иностранцы – французы: мадам Шевалье, певица, фаворитка императора, и господин Ламор, тайный агент. Эти персонажи в своей речи ориентируются на западноевропейскую традицию. Госпожа Шевалье исполняет в честь императора гимн «Боже, храни короля» (в переводе с английского языка). Её речи присущи искажение форм слов и иностранный акцент, что придаёт ироническое звучание торжественным словам монархического гимна: Крани, Гаспод, крани /Монарка Россов дни,/ Гаспод, крани...

К официальным титулованьям относятся также составные именованья: государь император; император Павел I. Неофициальным составным именованьем является сочетание батюшка царь в речи одного из слуг Михайловского замка. Выражение батюшка царь отражает стереотипные народные представления о российском государе, свойственные русской фольклорной традиции.

Неофициальные оценочные характеристики императора передают особенности болезненного психического состояния: сумасшедший царь; сумасшедший монарх; безумный царь; безумный деспот и др. Сочетание прилагательных сумасшедший, безумный с существительными – официальными титулованиями царь, монарх точно определяет основную проблему романа: «Нельзя государству быть управляемому безумцем»⁵. Так считает граф Никита Панин, один из заговорщиков. Авторская позиция выражена в предисловии к роману: «Император Павел по характеру не был тупым, кровожадным извергом, каким не раз его изображали историки русские и иностранные. От природы человек одарённый и благородный, он стал жертвой душевной болезни, по-видимому, очень быстро развившейся в последние месяцы его царствования. Неограниченная власть самодержца превратила его личную драму в национальную трагедию».

В романе неоднократно подчёркивается мысль о том, что душевный недуг Павла I явился причиной выдуманных им абсурдных правил и предписаний, деспотических запретов и условностей, которые негативно влияют на судьбу конкретных людей, подданных императора. Главный герой романа, молодой офицер Штааль, провёл ночь в каземате Тайной канцелярии за нарушение общественного порядка. Угнетённый ужасными условиями, мучаясь бессонницей, Штааль пытается осознать случившееся:

«Он плохо понимал размер совершённого им проступка. При императрице уличные скандалы с полицией обыкновенно кончались пустяками. При Павле за это можно было угодить в Сибирь...

Лишь теперь он заметил, как он был одет. Тёплые вещи, которые он надел, уходя из дому: шинель с собольим воротником, чёрная казими́ровая конфедератка с мушковым околышком – были строжайше запрещены: они три года провалялись у него в шкафу без употребления. Штааль знал, в какую ярость приводили императора нарушения правил об одежде и какие строгие наказания за это полагались. «Ну, теперь моя песенка спета... Попал в жерло ада... Вот что значит жить в стране с сумасшедшим царём!.. Неужто жизнь может разбиться из-за пустяка? Ужель я погибну в цвете лет, в тот самый миг, когда наконец улыбнулась столь длительно неблагоприятная Фортуна?».

Внутренние размышления героя построены на антитезе: с одной стороны, пустяки, нарушения в одежде; с другой стороны, лишение свободы, строгое наказание, угроза ссылки в Сибирь. Эмоционально-экспрессивно противопоставлены по смыслу фразеологические единицы: 1) в цвете лет; Фортуна улыбнулась (счастливая будущность, позитивные жизненные перспективы); 2) приводить в ярость; песенка спета; попасть в жерло ада; разбить жизнь (трагические последствия легкомысленного поведения). Итог размышлений выражен восклицанием: Вот что значит жить в стране с сумасшедшим царём!

Наряду с Тайной канцелярией к символам монархической власти относятся Михайловский замок; дыба; палка. Эти художественные образы являются сквозными в русской классической литературе XIX века. Обратимся к пушкинскому упоминанию замка в оде «Вольность» (1817): *Глядит задумчивый певец/ На грозно спящий средь тумана/ Пустынный памятник тирана,/ Забвенью брошенный дворец...* Описание Михайловского замка сопровождает

историческое повествование от начала до конца. Постепенно к финалу романа в его характеристиках усиливаются тревожные интонации, предвещающие трагическую развязку: «Михайловский замок был неприветлив и страшен».

Штааль, впервые осматривая новый замок, эмоционально подавлен и беспокоен, испытывает внутренний дискомфорт:

«Его сразу охватило тяжёлое чувство. Пахнуло сыростью. В замке стоял густой туман... Тоскливое чувство в душе Штааля нарастало. «Да в чём дело? – нервно спрашивал он себя, ускоряя шаги...».

Усталость Штааля всё росла от бесконечной вереницы зал. Он чувствовал себя нехорошо: в ногах была слабость, в ушах шумело. В самом мрачном настроении он повернул назад...».

Неожиданно Штааль становится свидетелем сцены благодарения императора во дворе замка. Автор обращает внимание на следующие детали: люди робко жались друг к другу по углам; все вытянулись и замерли; настала мёртвая тишина; окаменевшие люди; бледный как смерть наследник престола. Штааль, невольно втянутый в заговор другими персонажами романа, в своих рассуждениях приходит к выводу: «пора положить край этой тирании». При этом герой сомневается и колеблется: трудно решиться на кровопролитие.

Внутренние противоречия присущи почти всем участникам цареубийства. Генерал Талызин также стоит перед выбором:

«Мы – против главы и покровителя масонского ордена, против человека, которого мы 20 лет называем братом. Что с того, что государь отошёл от ордена? Он остыл, но ничему не изменил, он братом остаётся... А мы всё-таки идём на него, и, как граждане, мы правы...».

Характеристика Павла I брат графически оформлена в разрядку. Это ключевое слово – одна из смысловых доминант текста, обладающих многомерностью семантики: 1) брат ‘член масонского общества’; 2) брат в христианском понимании ‘близкий по духу человек, родственная душа’. Ср. с фразеологизмами: крестовый брат; названный брат; ваш брат ‘вы и вам подобные’; наш брат ‘я и мне подобные’; свой брат ‘подобный кому-либо’⁶. Именование брат представляет человеческую сущность императора, усиливает гуманистический пафос произведения.

Таким образом, лексика и фразеология активно входит в компонентный состав концептуального поля «Монархическая власть» в романе Марка Алданова «Заговор», образуя его смысловое ядро. Индивидуально-авторское своеобразие проявляется в многосторонних характеристиках Павла I как императора и как человека: деспот; брат. Символические образы воссоздают исторический облик эпохи. Содержательно значимы ядерные компоненты поля с пространственной семантикой: Тайная канцелярия; Михайловский замок, которые выполняют хронотопическую роль, способствуют динамике событий, участвуют в формировании повествовательной структуры романа. Национально-культурная специфика проявляется в употреблении официального титулования монарх (в речи иностранцев) и неофициального именованья батюшка царь (в речи представителя русской народной культуры). Концептуальное поле «Монархическая власть» является многослойным

РАЗДЕЛ I

структурно-семантическим единством, обеспечивающим смысловую целостность и завершённость романа.

Примечания

¹ Аишукин Н. С., Аишукина М. Г. Крылатые слова: Литературные цитаты, образные выражения. М.: Современник, 1996. 560 с.

² Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка. М.: Русский язык, 1986. – 600 с.

³ Черных П. Я. Историко-этимологический словарь русского языка: 13 560 слов: Т. 1–2. 2-е изд. М.: Русский язык, 1994.

⁴ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1–4. М.: ТЕРРА, 1995.

⁵ Фрагменты романа здесь и далее цитируются по изданию: Павел I: Романовы. Династия в романах. Том 12: Крестовский В. В. Деды; Карнович Е. П. Мальтийские рыцари в России; Алданов М. А. Заговор: Романы. М.: АРМАДА, 1994. 733 с.

⁶ Фразеологический словарь современного русского литературного языка: Т. 1–2 / сост. А. И. Фёдоров. М.: Цитадель, 1997.

Н. А. Лобкова
г. Кострома

«СЛУЖИЛ ОТЕЧЕСТВУ ВЕРОЙ И ПРАВДОЙ...» (О ГРАЖДАНСКОЙ ПОЗИЦИИ П. А. КАТЕНИНА)

Стих, обозначивший тему выступления, взят из эпитафии, написанной самим П. А. Катениным в мае 1853 года:

Павел сын Александров из роду Катениных
Честно отжил свой век, служил Отечеству верой и правдой,
В Кульме бился насмерть, но судьба его пощадила;
Зла не творил никому и мене добра, чем хотелось.

Служил Отечеству верой и правдой – эта строка определяет главный смысл всей жизни П. А. Катенина и на военном поприще и в творчестве. Однако отношения Катенина с властью складывались драматически; *Отечество* и *власть* – понятия для него несовпадающие. Его конфликты с властью начались в эпоху вольнолюбивых мечтаний и политических утопий, имя Катенина вошло в историю декабристского движения на раннем этапе, после завершения Отечественной войны 1812 года. Катенин почитал за высокую честь служить Отечеству, – «делу, а не лицам», говоря стихами А. С. Грибоедова. Гражданская позиция П. А. Катенина может быть выражена словами Чацкого из «Горя от ума»: «Служить бы рад, прислуживаться тошно».

В 1820-м году П. А. Катенин, офицер лейб-гвардии Преображенского полка, за резкий нрав и независимый характер был уволен в отставку, – точнее, он был вынужден подать в отставку. 7 ноября 1822 года Катенин был выслан

из Петербурга по высочайшему повелению с запрещением въезда в обе столицы. Может удивить несоответствие вины и наказания: участник войны 1812 года и заграничного похода русской армии, прославивший себя в знаменитой «битве народов» под Лейпцигом и в кровопролитном сражении при Кульме, уже известный литератор, был удален из Петербурга за громкое, скандальное поведение в театре. Но случай в театре – только повод, причины такого решения более серьезные: Катенин, яркая фигура в общественной жизни Петербурга, влиятельный вольнодумец, стал неудобным, «неудобным» для властей человеком. Убедиться в этом помогает характеристика Катенина, данная III отделением «для сведения» начальника Главного штаба в 1826 году во время следствия над декабристами. Автор «Записки о полковнике Катенине» (предполагают, что это был Фаддей Булгарин) называет его вольтерьянцем, «оракулом Преображенского полка, регулятором полкового мнения и действий молодых офицеров». Записка сделана во враждебном, обвинительном тоне, но содержит любопытную информацию о личности Катенина, его политических взглядах: «...вышедший на 14-м году в свет, с умом быстрым и пылким характером, с страстью к литературе и чтению, он бросился на философический словарь Вольтеров и все творения энциклопедистов, а имея необыкновенную память, испестрил ум свой блестящими и мишурою, которые казались драгоценными предметами молодым офицерам и даже пожилым безграмотникам. Оттого-то он почитался в полку *гением* и поддерживал свою славу охотою к спорам диалектическим и самонадеянностью. Некоторые успехи в литературе и на сцене еще более утвердили его в сем мнении о себе. Но гвардейские офицеры превозносили его, а литераторы не любили за кругой нрав, вспыльчивость и даже дерзость в обхождении. В это время он был вреден своим влиянием и распространением вольтерьянства»¹.

Высланный из Петербурга в ноябре 1822 года Катенин был вынужден поселиться в своем костромском имении Шаёво под Кологривом. Тридцатилетний поэт, известный своей ученостью, независимостью и остротой суждений, оказался в «медвежьем углу», «на том свете». Опять можно вспомнить стихи из «Горя от ума», обмен репликами Чацкого и Фамусова: «...Кто путешествует, в деревне кто живет...» – «Да он властей не признает!». Лишенный привычной литературной и театральной аудитории, обреченный на безмолвие, – с его-то темпераментом! – Катенин в письмах дает выход своей нерастроченной энергии. Самые интересные его письма – к Николаю Ивановичу Бахтину, ученику и литературному единомышленнику по «славянской дружине». Литературная жизнь Петербурга, литературная борьба последних лет, участником которой еще ощущает себя Катенин, составляла основную тему переписки. Прирожденный критик, Катенин любил споры и, хотя признавал, что «война всегда зло, а война на перьях и смех и грех», легко и охотно включался в них. Письма к Бахтину полны азарта и огня². Катенин и вдали от Петербурга готов защищать поэзию от модных романтических безумств. Он обрушивается на П. А. Вяземского за статью о «Кавказском пленнике» и романтизме (28 января 1823), бранит Пушкина за «Бахчисарайский фонтан» – «смыслу вовсе нет... что за Мария? что за Зарема? Как они умирают? Никто ничего не знает, одним словом, это *romantique*» (13 июля 1824). Он возмущается «арзамасскими» рецензиями в «Сыне Отечества»:

арзамасцы «...из поприща чистой человеческой славы сделали вертеп разбойничий» (6 декабря 1823). Он не прощает Рылееву искажения исторической правды в поэме «Войнаровский»: «...всего чуднее для меня мысль представить подлеца и плута Мазепу каким-то Катонем» (26 апреля 1825). В «Полярной звезде» Катенин читает отрывки из пушкинских «Цыган», «Разбойники» Языкова, «Наливайко» Рылеева, – «во всех трех все какие-то сорванцы, головорезы, забияки, словом преразвратный народ... а всему виноват Байрон, суди его Бог» (26 апреля 1825).

Зимой 1825 года самая любопытная новость – комедия «Горе от ума»: «У меня она вся есть; Грибоедов мне ее послал в рукописи ибо ни играть, ни печатать не позволено. Ума в ней точно палата, но план по-моему недостаточен и характер главный сбивчив и сбит» (26 января 1825). Сочинение своего недавнего литературного соратника Катенин судит сурово, исходя из своих представлений о законах драматургии: «...в Чацком все достоинства и нет порока, но по моему, он говорит много, бранит всё и проповедует некстати. <...> Стихи вольные, легкие и разговорные, <...> жаль только, что эта фантазмагория не театральна: хорошие актеры этих ролей не возьмут, а дурные их испортят. Смелых выходов много и даже невероятно, чтобы Грибоедов, сочиняя свою комедию, мог в самом деле надеяться, что ее русская цензура позволит играть и печатать» (17 февраля 1825). Свои замечания Катенин тогда же изложил и автору «Горя от ума», письмо его не сохранилось, но по ответу Грибоедова мы знаем, как задела его «критика жестокая и вовсе несправедливая», как горячо Грибоедов защищал свое право на свободное творчество: «Я как живу, так и пишу свободно и свободно»³.

На положении полуссыльного поэта Катенин проживает в своем имении более двух лет. Осенью 1824 года государь Александр I проезжал по Костромской губернии и был в Кологриве, но этот шанс получить высочайшее прощение Катенин то ли нечаянно, то ли намеренно пропустил: «Ах! я и забыл Вам сказать важную для нашего края новость, – пишет поэт Бахтину в Париж из Ростова, где он гостит третий месяц у кн. Голицына, – государь в прошедшем месяце проехал через Кологрив и был ко всем чрезвычайно милостив: жаль, что хлопоты по моей покупке, несносные и необходимые, не позволили мне быть дома в это время, и я Царя не видал, а он ещё изволил обо мне спрашивать» (14 ноября 1824).

Катенин возвращается в Петербург в конце августа 1825 года, получив высочайшее разрешение. Его имя, конечно, всплывало в связи с расследованием декабристского заговора, но к следствию он привлечен не был. В уже упомянутой «Записке о полковнике Катенине» опальный поэт был объявлен безопасным: «... он весьма переменялся, сделался скромнее в речах и поступках, и как он никогда не был в душе ни якобинцем, ни атеистом, а болтал только в молодости, чтобы казаться выше других умом, то и самые зародыши сих идей исчезли в нем. Он тем менее опасен ныне, что все прежние его поклонники и друзья литераторы его оставили, а старые офицеры переменялись, и сам Катенин сделался другой человек». Автор «Записки» ссылается на мнение Грибоедова: «Суждение Грибоедова о нем прекрасное: “Катенин не поглупел, но мы поумнели, и оттого он кажется нам ничтожным”. Сколько *прежний* Катенин мог казаться опасным, столько *нынешний* безопасен»⁴. При всей враждебности тона «Записки» она

содержит ценные для нас сведения: Петербург, переживший трагедию 14 декабря и смуту следственных месяцев 1826 года, оказался чужим для Катенина. Погасли или порвались прежние связи, новая атмосфера в обществе была неприемлема для поэта. Катенин пишет А. С. Пушкину 3 февраля 1826 года: «...в нынешнее смутное время грустна даже беседа с приятелем. Жандр сначала попался в беду, но его скоро выпустили; о других общих наших знакомых отложим разговор до свидания; и почему бы ему не быть вскоре»⁵. Пушкин в это время находился ещё в ссылке в Михайловском. Об отношении Катенина к декабрьским событиям можно судить и по нескольким репликам в более поздних письмах к Бахтину о «несчастном», «бедственном» 14 декабря.

Со второй половины 1827 года по июль 1833 Катенин опять в деревне, опять «на том свете»: жизнь в деревне стала необходимостью. Прерываются отношения Катенина с Грибоедовым: Катенин не одобряет возвышения Грибоедова по службе, видит в его успешной карьере отступничество от молодых вольнолюбивых убеждений. Не принимает опальный поэт и новой позиции Пушкина: его «Стансы» («В надежде славы и добра» 1826) резко отрицательно восприняты Катениным. Колкие намеки на прославление *августейшей* власти певцом прозвучали в стихотворении Катенина «Старая быль» (1828); в послании «А. С. Пушкину» Катенин предлагает знаменитому другу отведавать «*волшебное питье*» «*живительных Кастаньских вод*»: «*Ты выпьешь, духом закипишь, / И тихую беседу нашу / Бейронским пенем огласишь*»⁶. Реакция Пушкина была жесткой и ироничной; в своем «*Ответе Катенину*» поэт отказывается принять «*чудный кубок*»: «*Товарищ милый, но лукавый, / Твой кубок полон не вином, / Но упоительной отравой: Он заманит меня потом / Тебе вослед опять за славою. <...> Останься ты в стрях Парнаса; / Пред делом кубок наливай / И лавр Корнеля или Тасса / Один с похмелья пожинай*»⁷. Пушкин, отвечая Катенину, воспользовался его же, катенинской стилистикой «*семантической двупланности*» текста, понятного только участникам диалога. «...лавр *нищего* Корнеля и *сумасшедшего* Тасса», – комментирует мнимый комплимент в конце стихотворения Ю. Н. Тынянов⁸.

Смягчение конфликта Катенина с властью и при новом государе не происходит, что несколько не влияет на его патриотические чувства. Интереснейшие страницы переписки Катенина с Бахтиным связаны с событиями русско-турецкой войны. Н. И. Бахтин в это время состоял при главном начальнике морского штаба князе А.С. Меншикове и принимал участие в турецкой кампании. В письмах Катенина мы находим живейший отклик на военные события, в одном из писем он с гордостью сообщает, что правильно предположил место главного столкновения с турками. И вместе с тем, батальные обстоятельства не вытесняют для Катенина важнейшего интереса – к античности. И друга своего Н. И. Бахтина он спрашивает о впечатлениях от Георгиевского монастыря в Крыму, построенном, по преданию, «на том самом месте, где происходит действие Еврипидовой Ифигении в Тавриде» (29 мая 1828). Высказано в письмах и отношение к войне. Война с турками нарушила мирное течение жизни, – «худо, что по милости сих чалмонских злодеев в один год два рекрутских набора» (30 апреля 1828). Он знает цену войны, – это «ад хуже вымышленного и слишком реальный» (20 мая 1828). Катенин переводит в это время «*Inferno*» Данте, и аналогии возникают невольно.

Он не пытается объяснить причины войны, – это «воля Божия», но, как и подобает дворянину и воину, готов исполнить свой гражданский долг, «явиться на ратное поле, если потребуется ополчение» (30 апреля 1828).

И все-таки война несовместна с жизнью, о чем все чаще размышляет Катенин. Мощь государства, судьбы нации он поверяет состоянием русской деревни. Комментируя ход турецкой кампании, он пишет о желанном для России мире: «Варна сдалась точно кстаги и дай Бог, чтобы Порта согласилась на независимость греков и на том кончилась война. Европейские державы помогают мало, а Россия одна вряд ли имеет довольно силы, чтобы забираться в даль. Денег ни у кого нет: внутреннее правительство, забыв обо всем остальном и дальнейшем, хлопочет единственно о сборе податей и недоимок и хлопочет напрасно, ибо ou il n'y a rien le roi perd son droit <где нет ничего, и король теряет свои права>. Я имею около 300 душ крестьян и в деревне едва-едва могу кое-как жить: судите по этому о прочих» (4 ноября 1828); «со стороны можно подумать, что я богатый человек, а я просто бедняк в долгу, трудящийся, как собака, чтоб выпутаться» (7 сентября 1828).

Высокая поэзия, вечные ценности, по глубокому убеждению Катенина, обеспечены деревенским трудом: «...теперь я в хлопотах, завтра отправляюсь за двести верст из Кологривской усадьбы в Чухломскую. Какие пустяки! подумаете Вы, есть о чем хлопотать! – В самом деле, больше поэзии плыть от покоренной Анапы к устьям Дуная мимо Ахилловых берегов; но при всем том часто сухая деревенская проза более требует внимания, попечения и забот, нежели все громкое и блестящее. Чем долее живу в отдаленной нашей стороне, тем сильнее удостоверяюсь, что здесь-то именно труд и есть, которого уже плоды красуются на ветвях и забывают о бедных корнях, роющих землю в темноте. Сельская тишина, мир полей, – пустые бессмысленные слова столичных богатых жителей, не имеющих никакого понятия о том, как трудно хлеб сеять, платить подати, ставить рекрут и как-нибудь жить» (17 июля 1828).

Труд на земле сближает крестьянина и помещика, сочувствие к крестьянину не раз звучит в письмах Катенина: «Лето стоит ужасное; каждый день гроза, молния, гром, дождь и град; кое-где хлеб, поспевающий, выбило, а в Чухломской округе одна деревня моя вся от молнии сгорела» (27 июля 1829); «я на днях сделал, что называют добрым делом: отпустил на волю двух мужчин и трех женщин: дай Бог в святой час; а поспешить заставила меня болезнь нынешнего года и Скуратова нечаянная смерть: эдак могу и я повалиться, не исполнив обещанного. Сосед мой Жуков, также служивший в полку в 1812-м и в следующих годах, вдруг захворал точно тем же, чем я в феврале, руки и ноги отнялись, старые биваки о себе напоминают; много мы с ним выслужили» (9 сентября 1829). Павлу Петровичу Скуратову, сослуживцу-преображенцу и близкому другу, Катенин посвятил свою трагедию «Андромаха», опубликованную в 1827 году, подчеркнув в посвящении, что за три года войны они «как братья делили труд и опасность, деньги и нужду, радость и горе».

Все жизненные впечатления 1828–29 годов – и скорбные, и добрые – удивительным образом переплавились в одной из основных творческих работ этих лет, в переводе «Божественной комедии» Данте. Многие страницы писем к Бахтину заполнены интереснейшими филологическими комментариями к тексту

Данте. И сам Катенин, «путь жизненный пройдя до половины», чувствует приближение рубежа, возрастного и творческого, испытывает потребность «остановиться, оглянуться, одуматься, вслушаться в речи посторонних, сообразить все на досуге» (27 мая 1829).

К концу 1820-х годов Катенин закончил свой трактат по эстетике «Размышления и разборы» на материале древней и средневековой поэзии. Катенин свободно владел и древними и новыми европейскими языками, во всем блеске сказалась в работе его колоссальная эрудиция. В сочинении Катенина была изложена «оригинальная эстетическая система, которая не укладывалась в рамки ни классицизма, ни романтизма»⁹. «Размышления и разборы» печатаются в «Литературной газете» А. Дельвига в 1830 году, – по инициативе Пушкина, который высоко ценил искусство Катенина-критика. Откликнулся Пушкин и на изданные в 1833 году «Сочинения и переводы в стихах» Павла Катенина в двух томах: в пушкинской рецензии на издание отмечены произведения, полные “огня и движения”, самостоятельность, гордая независимость в творчестве, “отвращение поэта от мелочных способов добывать успехи”; «Никогда не старался он угрождать господствующему вкусу в публике, напротив, шел всегда своим путем»¹⁰. «Своим путем» Катенин продолжал идти и в 1830-е годы, он обращается к крестьянскому быту («Инвалид Горев»), к сказке («Княжна Милуша»).

С 1833 по 1838 год Катенин вновь на военной службе, сначала в Царском Селе, затем на Кавказе, и снова уволен уже в чине генерал-майора за свой «жаркий нрав» и любовь к правде. С 1840 года поэт опять живет в своем костромском имении до кончины в 1853 году.

Облик Катенина в последний период жизни воссоздан в автобиографическом романе А. Ф. Писемского «Люди сороковых годов». Учитывая художественную манеру Писемского, его натуралистичность, стремление к точности, мы можем доверять ему почти как мемуаристу. Писемский, сосед Катенина по имени, познакомился с ним в годы студенчества. В романе Катенин выведен под именем Александра Ивановича Коптина. В изображении Писемского Коптин-Катенин – аристократ, взбалмошный чудаки, вольнодумец и насмешник, учености громадной, знаток искусства и точных наук; по его вычислениям выстроена в его приходе церковь. Писемский точно передал темперамент Катенина, его неумную страстность в спорах¹¹.

В 1852 году по просьбе П. В. Анненкова Катенин написал «Воспоминания о Пушкине», отметив особенности личности поэта и “драгоценнейшее наследство” его творений¹².

До конца дней П. А. Катенин сохранил верность своим радикальным убеждениям, принципу гордой независимости в жизни и в творчестве, мужественно принимая все драматические повороты судьбы.

Примечания

¹ Воспоминания П. А. Катенина о Пушкине / вст. статья и прим. Ю. Оксмана // Литературное наследство. М., 1934. Т. 16–18. С. 628.

² Письма П. А. Катенина к Н. И. Бахтину / Вст. статья и прим. А. А. Чебышева. СПб., 1911. Цитаты из писем Катенина даны по этому изданию с указанием в тексте статьи даты письма по старому стилю.

³ Грибоедов А. С. Письмо к П. А. Катенину // «Век нынешний и век минувший...» Комедия А. С. Грибоедова «Горе от ума» в русской критике и литературоведении. СПб., 2002. С. 45–46.

⁴ Литературное наследство. М., 1934. Т. 16–18. С. 628–629.

⁵ Катенин П. А. Размышления и разборы. М., 1981. С. 267.

⁶ Катенин П. А. Избранные произведения. М.-Л., 1965. С. 183–185.

⁷ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в 10 томах. Л., 1977. Т. 3. С. 82.

⁸ Тынянов Ю. Н. Архаисты и Пушкин // Тынянов Ю. Н. Пушкин и его современники. М., 1968. С. 84. (В данной статье (с. 75–84) подробно прокомментирован весь диалог Катенина и Пушкина 1828 года).

⁹ Фризман Л. Г. Парадокс Катенина // Катенин П. А. Размышления и разборы. М., 1981. С. 11.

¹⁰ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Л., 1978. – Т. 7. С. 183–184.

¹¹ Писемский А. Ф. Собрание сочинений: в 9 т. М., 1959. Т. 4. С. 208, 215; Т. 5. С. 123–125.

¹² Катенин П. А. Размышления и разборы. М., 1981. С. 206–219.

Н. Г. Морозов
г. Кострома

ОБРАЗ ПРАВОСЛАВНОГО ГОСУДАРЯ: ПОВЕСТЬ ИВАНА ШМЕЛЁВА «БОГОМОЛЬЕ»

Образ православного государя в прозе Ивана Сергеевича Шмелёва связан с образами народных талантливых мастеров. В отношении государя к таким мастерам и проявляется православная сущность власти. К этой теме в своё время обращался и Николай Семёнович Лесков.

Соотнесение рассказов Н. С. Лескова с произведениями малой формы из творческого наследия И. С. Шмелёва обусловлено не только устойчивым интересом этих писателей к быту и христианской духовности народа, раздумьями о народолюбивом государе. И Лесков и Шмелёв в равной мере исследовали характер талантливого русского человека из народа, задумывались над загадками русской души. В некоторых своих рассказах Иван Сергеевич Шмелёв как бы намеренно повторяет образы и сюжетные эпизоды из лесковского «Левши». Так, в рассказе «Царский золотой» из повести «Богомолье» в образе главного героя, талантливого мастера Мартына, достаточно легко угадывается лесковский Левша. Вслед за Лесковым Шмелёв создаёт образ талантливого русского человека из народа, самородка. Шмелёвский Мартын, как и герой Лескова, обладает удивительным глазомером. Если у лесковского Левши за отсутствием «мелкоскопа» от природы «глаз пристрелявши», то и Шмелёвскому Мартыну такая же чудесная способность от Бога дана. Примечательно и сходство сюжетных эпизодов: и у Шмелёва, и у Лескова мастер проходит «испытание»: он «оправдывает» свой талант перед лицом самого царя. На первый взгляд, самодержцы в сопоставляемых

текстах походят друг на друга своей мужественной статью и декларируемой приязнью ко всему русскому, самобытному. Лесковский государь «Николай Павлович» заботится о чести и славе России, убежден в исключительной одарённости простого русского человека: «А что же, как мои тульские мастера против аглицкой нимфозории себя оправдали? ...Положили, как левша сказал, и государь как только глянул в верхнее стекло, так весь и просиял – взял левшу, какой он был неубранный и в пыли, неумытый, обнял его и поцеловал, а потом обернулся ко всем придворным и сказал:

– Видите, я лучше всех знал, что мои русские меня не обманут. Смотрите, пожалуйста: ведь они аглицкую блоку на подковы подковали!»¹.

Сходным образом ведет себя и Шмелёвский государь «Лександр Николаевич»: «Вот государь посмотрел всю отделку, доволен остался. Выходит с провожатыми, со всеми генералами и князьями... Ну, «ура» покричали, хорошо. К нам подходит. А Мартын первый с краю стоял, высокий, в розовой рубахе новой, борода седая, по сех пор, хороший такой ликом, благочестивый. Государь и приостановился, пондравился ему, стало быть, наш Мартын. Хорош, говорит, старик... самый русской! А Козлов-то князю Долгорукому и доложи: «Может государю его величеству глаз свой доказать, чего ни у кого нет»².

Родство персонажей и соотнесение сюжетных эпизодов, как видим, достаточно близкое. Оправдал Мартын свой талант не хуже лесковского героя: «Перекрылся Мартын, на руки поплевал, на речку пригляделся... – р-раз топориком! – мету и положил, отсек. «Извольте, – говорит, – смерить, ваше величество».

Смерили аршинчиком клейменым – как влитой!»

Интересно, что Шмелёв далее усиливает мотив лесковского «Левши», намечая стилистическое тождество эпизодов: «Государь взял аршинчик его, подержал время... «Отнесите, – говорит, – ко мне в покои сию диковинку и запишите в царскую мою книгу беспременно!». В «Левше», однако, государь Николай Павлович распорядился иначе: «приказал сейчас же эту подкованную нимфозорию уложить и отослать назад в Англию – вроде подарка, чтобы там поняли, что нам это не удивительно». Впридачу к «нимфозории» повелением Николая Павловича в Англию был отправлен и русский мастер, «чтобы он сам англичанам мог показать работу и каковы у нас в Туле мастера есть». Герой Лескова отвергнет заманчивые предложения англичан, предпочтёт комфортной жизни и европейской «свободе» верность России, служение ей до последних мгновений жизни. Этот вариант драматической судьбы русского гения из простонародья по-своему осмыслил Шмелёв в другом своем произведении «Неупиваемая Чаша». В этой повести мастер Илья Шаронов отвергнет предложение итальянского учителя остаться в Италии и вернется в Россию, чтобы создать икону «Неупиваемая Чаша».

В «Царском золотом» И. С. Шмелёва государь «Лександр Николаевич» ещё более милосерден по отношению к талантливым поданным из народа: он не распоряжается их судьбами по своей царской прихоти. И это не случайно. Тут сказываются собственные воззрения И. С. Шмелёва на сущность монархии в России и образ православного монарха. В «Царском золотом» трансформируется, по сравнению с «Левшой» Н. С. Лескова, сам образ государя. Это не легкомысленный западник Александр Первый. У Шмелёва государь «Лександр Николаевич» – любимый

народом царь-освободитель. Князья и генералы вокруг этого царя лишь подчёркивают масштабность, ранговость образа народного самодержца. Это не безликая толпа придворных льстецов, изображающих восхищение Левшой, чтобы угодить Николаю Павловичу. В «Царском золотом» люди царской свиты и встречающие государя местные власти лично выделены, почти все они – с именами, отчествами, фамилиями. И царь-освободитель с неподдельной безотчетной симпатией любит русскую статью Мартына, уважая в нем народную Русь, взрастившую такого богатыря. Не случайно лексика в тех эпизодах рассказа Шмелёва, где описывается «Лександр Николаевич», восходит к уменьшительно-ласкательным словосочетаниям из устного народного творчества: «государь ему и говорит, ничего, ласково... Велел государь маленько подраздаться, не наседать... Государь даже плечиками вскинул...». Это и есть «надёжа-государь», «православный русский царь» из песен исторических русского народа. Это воплощение мечты крестьянской патриархальной Руси о добром и справедливом царе-батюшке. Царь в изображении Шмелёва (в первой главе повести «Богомолье») почитается народом искренне, простые люди к нему относятся с любовью и благоговением, для них он – помазанник Божий. Вот потому-то дар его – царский золотой – в контексте рассказа обретает сакральное значение: «Мартын тут его и поцеловал, золотой тот... под икону положил, навеки». От помазанника Божия принял Мартын не деньги, не злато, а дар святой, вроде благославления.

Потому-то и поместил царскую награду под икону. А деньги, «серебро», ему надарили «князья и генералы» из свиты царя. Здесь в стиле Шмелёвского рассказа удивительно гармонично сочетаются традиции русской религиозно-дидактической повести и сказочного эпоса. Царская награда обретает значение народной святыни, в ней – душа талантливого русского мастера и всего народа. Поэтому царский золотой потерять невозможно, как невозможно потерять неразменный рубль, как невозможно сказочному герою Иванушке не сделаться в конце концов царем. И тут Шмелёвский Мартын отличается от лесковского Левши большей причастностью к персонажам волшебной сказки, где неизбежен добрый и благополучный финал, даже если герои и умирают после долгой и счастливой жизни. В контексте произведения Шмелёва «житийная» кончина боголюбивого мастера Мартына в какой-то мере противопоставлена трагической и безвременной гибели Левши. Смерть героя Лескова – закономерная судьба народного таланта в крепостнической России, где не знающая ограничений бюрократическая государственность распоряжается жизнями русских людей наравне с неодушевленными вещами. В России И. С. Шмелёва времена изменились в сторону возвращения к древним, православным традициям общественной жизни. Оттого-то и царь «Лександр Николаевич» отчасти похож на лелеемого народными преданиями «батюшку-царя», доброго, мудрого и справедливого правителя, отечески относящегося к подданным. Поэтому радость и гордость Мартына, получившего из рук государя золотой, окончательно постигаются только с учетом средневековой традиции русской православной жизни. Вот почему Шмелёвского героя защищает не простая монета из золота, а благословение Божие, полученное из рук народно-христианского монарха, отвечающего перед Богом за благополучие подданных.

Примечания

¹ *Лесков Н. С.* Собрание сочинений: в 6 т. М., 1993. Т. 5. С. 493. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи в скобках с указанием римской цифрой тома, арабской – страницы.

² *Шмелёв И. С.* Лето Господне. М.: Мол. гвардия, 1991. С. 130–131. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи в скобках с указанием арабской цифрой страницы.

А. Б. Белихов
г. Кострома

**МЕРЯНСКИЕ ТОПОНИМЫ И ГИДРОНИМЫ КОСТРОМСКОЙ ЗЕМЛИ
(К ПРОБЛЕМЕ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ПОДХОДА
В ВОПРОСАХ ИЗУЧЕНИЯ МЕРЯНСКОГО НАСЛЕДИЯ)**

История летописного финно-угорского народа меря привлекает все больше внимания специалистов различных областей, о чем свидетельствуют как научные статьи, вышедшие в последние годы, так и дискуссии, посвященные этому вопросу на страницах глобальной сети Интернет. На наш взгляд, представляется очевидным, что решение многих вопросов, связанных с изучением мерянского наследия, возможно лишь при системном подходе, при совместных усилиях ученых различных специальностей.

Исследования топонимики Верхнего Поволжья началась во второй половине XIX в. Начало изучения вопроса было положено Д. Европеусом, а затем продолжено в работах финских исследователей П. Равила, Я. Калима¹, а с середины 1990-х гг. А. Альквист². Вместе с тем, на данный момент финно-угорский топонимический материал Мерянской земли собран очень фрагментарно, и необходимо планомерное пополнение его как архивными, так и полевыми исследованиями³.

Практически не вызывает сомнения многослойность финно-угорской топонимики. Объяснение этому исследователи объясняют как эволюцией мерянского языка, развивавшегося на соответствующей территории продолжительное время, так и восприятием мерянским населением топонимов, созданных предшествовавшими народами. Единой точки зрения по данному вопросу в настоящее время не существует.

Существует две версии относительно места мерянского языка в финно-угорской семье. Согласно одной, он был близок к марийскому языку, что пытаются объяснить близостью этнонимов мари и меря. Согласно другой версии, он стоял ближе к прибалтийско-финским языкам. Анализ мерянской топонимики проводился, в основном, с опорой на марийские параллели⁴.

В рассмотренных выше публикациях, авторы считают исчезнувший мерянский язык наиболее близким к марийскому, оставляя без внимания тот факт, что в настоящее время распространены два заметно отличающихся

диалекта: горный и луговой. По мнению авторов менее известных публикаций, имеет место близкое родство мерянского языка эрзянскому⁵. На наш взгляд, последней гипотезе следует уделить особое внимание, поскольку многие исследователи мерянского наследия вообще не упоминают ни народ эрзя, ни эрзянский язык.

По мнению авторов ряда научных публикаций, изданных в Мордовском государственном университете, в процессе формирования Древнерусской государственности, а затем Московской Руси финно-угорские народы (чудь, суоми, корела, меря, мурома, мешёра, весь, мари) приняли прямое участие в этногенезе древнерусского этноса⁶.

О близком родстве и, возможно, единстве эрзянского, мерянского, муромского и мешёрского народов (возможно, составлявших в недалеком историческом прошлом единую общность), а также об интегрированности Эрзи в Русь свидетельствует также и русский былинный эпос: глава русских богатырей Илья Муромец из эрзянского села Карачарово из-под эрзянского города Муром. Село Карачарово и город Муром еще в XVII веке были эрзянскими населенными пунктами. Голландец Стрюйс в описании путешествия из Москвы в Астрахань 24–27 мая 1669 года отмечает: «...Из Ляхов отправились в Муром (Moguma). Этот маленький городок, населенный москвитянами и татарами, называемыми мордвой (Mogduvins) составляет границу последних, хотя находится под властью царя»⁷. Второй по значению былинный герой Добрыня Никитич – из эрзянского города Рязани (Эрзяни), а третий по значению богатырь Алеша Попович – из меряно-эрзянского города Ростова.

С эрзянской реки Сура прибывает в Великий Новгород самый поэтический персонаж русского эпоса Садко. В.В. Фомин указывает, что антрополог Ю. В. Марк среди эрзянского населения восточных районов Мордовии выделила «сурский тип» в бассейне р. Сура, который близок к «ильменскому типу» среди русских, живущих в окрестностях Ильменского озера⁸. Эта близость, по мнению А. М. Шиховцева, обусловлена тем, что русские на озере Ильмень являлись в действительности переселенцами-эрзянами⁹.

Согласно Шиховцеву, русские былины, в которых полнее всего выражен русский дух, русский менталитет, русское национально-государственное сознание возникли и бытовали среди собственно русско-меряно-мешёро-муромо-эрзянского и другого финно-язычного населения (Новгородская, Архангельская, Костромская, Вологодская, Ярославская, Тверская, Рязанская, Владимиро-Суздальская, Московская, Карельская, Средне-Волжские и другие исторически неславянские земли)¹⁰. Среди славянского населения они прежде были неизвестны, их нет ни на Украине, ни в Белоруссии. Но подобные богатыри есть у финно-угров в национальных эпосах «Калевала» (Вяйнямёйнен, Лемминкяйнен, Ильмаринен) и «Масторава» (Ишкен-Паз).

Также согласно Шиховцеву, «Словене» на Ильмене – вербальное привнесение летописца, оно сделано тогда, когда киевским князьям по политическим соображениям выгодно стало «ославянить» ильменских русов, чтобы предъявить на них свои права так же, как в 882 г. на Киев предъявил свои права Олег. Новгородское вече является собственно русской формой решения общественных вопросов.

Слово «вече» производно от эрзянского понятия «велень чи» – «мирской день», то есть день, на котором коллективно решались общественные вопросы¹¹.

По свидетельству И. Г. Георги, эрзяне до прихода татар жили около Ярославля, Костромы и Галича, то есть там, где жила Меря. Многовековое присутствие норманнов-скандинавов среди финно-волжских народностей современной центральной России объясняет факт призвания варяжских князей новгородцами-финнами в 862 г. и естественное их включение в этногенез русской народности¹².

До сих пор открытым остается вопрос и о происхождении топонима Кострома¹³. Известна версия профессора И. В. Миловидова, согласно которой город был основан существенно ранее 1152 года – в середине IX века в виде поселения со смешанным славяно-мерянским населением¹⁴. В таком случае, на наш взгляд, представляется имеющей право на существование версия об угро-финском происхождении названия, от финских слов «kosto maa»? «земля возмездия».

В течение длительного времени основным методом разграничения различных этносов человеческой цивилизации являлись сопоставления языков, наречий и диалектов, используемых теми ли иными популяциями.

В последнее десятилетие, принципиально иной подход в деле определения родства тех или иных народов демонстрирует генетическая генеалогия. Новое научное направление использует информацию, скрытую в Y-хромосоме, передающейся от отца к сыну практически в неизменном виде. Комбинация блоков генов гаплогруппы передается без изменения, за исключением случайных мутаций, из поколения в поколение. Благодаря мутациям, сформировались различные гаплогруппы Y-хромосом, которые свидетельствуют о происхождении и родословной их носителей. Исследования проводились в Тартуском университете при участии специалистов из российских вузов. Разработанная методика обеспечивала высокую достоверность исследований – более 95 %¹⁵. Результаты этого анализа согласуются с гипотезой Шаронова.

Согласно результатам исследований, 1228 образцов Y-хромосом русских мужчин, проживающих в настоящее время на территории России в границах времен Ивана Грозного, установлено, у русских Севера России ярко представлена гаплогруппа N3, характерная для финской группы народов. На самом Севере России ее процент доходит до 35 (у финнов в среднем 40 %), но при продвижении в южном направлении, доля гаплогруппы N3 существенно снижается¹⁶.

С одной стороны, системный подход к изучению проблемы мерянского наследия требует большей интеграции ученых – представителей разных специальностей, а с другой стороны, требует критического пересмотра ранее устоявшихся положений.

До сих пор отсутствует единая точка зрения и в вопросе о границах расселения народа меря ввиду скудности археологических данных, крайне малой выборке результатов генетического анализа гаплогрупп у коренного населения. В то же время, анализ топонимики свидетельствует о длительных и интенсивных финно-угорско-славянских контактах на этой территории и о распространенности топонимов «мерянского» типа вплоть до современной Архангельской области¹⁷.

Об увеличивающемся интересе к мерянскому наследию свидетельствует активность участников специальных дискуссий в виртуальном пространстве,

в частности, на Интернет-форуме «Уралистика»¹⁸. В дискуссии принимают участие лица с различным образованием, занятые в различных сферах деятельности.

В виртуальном пространстве получила распространение версия о близости мерянского и эрзянского языков. Предположение основано на фонетической близости ряда гидронимов и топонимов на территории проживания летописного народа меря словам эрзянско-русского словаря¹⁹. К сожалению, данные предположения не получили должной оценки специалистов-филологов.

В частности, предполагается, что название реки и города «Москва» происходит от древне-эрзянских «моска ва» или «моска вейси» – «гнилая вода».

Что касается топонимов и гидронимов Костромской области, перевод с помощью эрзянско-русских словарей дает следующие результаты.

Названия города и реки Нерехтаможно объяснить происхождением от эрзянских слов «нерь» – «нос», «морда» и «овто» – «медведь».

Нея (город и река в центре Костромской области), возможно, получили название от эрзянского «неявт» – «видение» (альтернативный вариант – от финского и вепсского “nelle” – «болото»).

Ветлуга – река на востоке Костромской области – возможно, получила название от эрзянских слов «ветла» – «большая ива» и «луга» – «луг».

В Костромской области известно три реки с одинаковым названием – Шача, происходящим, предположительно, от эрзянского «шачо» – «вид», «образ».

Востошма – небольшая река, а также разъезд Северной железной дороги вблизи города Галича. Имеется версия, что название происходит от эрзянского «вастомс» – «встретить».

Андоба – река в Судиславском и Костромском районах, а также деревня в Судиславском районе. Железнодорожная станция имеет похожее название – «Андома», что, на наш взгляд, ближе к исконному названию. Происхождение можно объяснить как с помощью эрзянского слова «андомс», так и финских «anda таа» – «кормящая, щедрая земля».

Вига – река в Чухломском и Кологривском районах. Имеется версия, что название происходит от эрзянского «виемс» – «река».

Меца – река и железнодорожная станция на линии Кострома – Галич. (Примечательно, что если в Судиславском районе название произносятся с ударением на последнем слоге, то на севере Костромского района ударение делают на первом слоге, что более правильно с точки зрения финно-угорских языков.) Происхождение названия можно объяснить созвучным эрзянским словом «мазя» – «мелкая», «мелководная».

Покша – река в Костромском и Красносельском районах. Название, возможно, происходит от эрзянского «покша» – «полноводная».

Название реки Унжа, протекающей через Кологривский, Мантуровский и Макарьевский районы, предположительно, происходит от идентичного эрзянского слова, соответствующего русскому – «жук».

Корега – река в Буйском районе и железнодорожная станция. Название может быть переведено с эрзянского – «коряга».

Кинешма – город в Костромской губернии (в настоящее время расположен в Ивановской области). Название может происходить от эрзянских слов «ки» –

«дорога» и «неш» – «пчела». (Согласно другой версии, «Ки неш маа» – «Земля (место) сбора подати (налогов)»²⁰.)

Ламса – река на севере Костромской области и железнодорожная станция Монзенской железной дороги. Предполагается, что название происходит от эрзянского «ламо» – «много».

Шунга – крупное село в Костромском районе, в дословном переводе с эрзянского (при этом правильное ударение на первом слоге) – «поющая река».

Несмотря на представленный в сети обширный материал, который потенциально может представлять большую научную ценность, он зачастую остается без должного изучения специалистами, имеющими необходимые знания в филологии, исторической грамматике финно-угорских языков, а также в диалектологии местных говоров.

В связи с появлением новых методов исследования, интенсивным развитием средств электронной коммуникации, а также увеличения круга лиц, заинтересованных в изучении истории народа меря, настало время поднять эту проблему на качественно новый уровень.

Для устранения расхождений в трактовках археологических, топонимических источников и результатов генетического анализа необходим компромиссный подход по итогам совместного обсуждения спорных вопросов представителями различных научных областей, занимающихся вопросами мерянского наследия.

Примечания

¹ Леонтьев А. Е. Археология мери (к предыстории Северо-Восточной Руси). М., 1996.

² Матвеев А. К. Субстратная топонимия Русского Севера и мерянская проблема // Вопросы языкознания. 1996. № 1. С. 3–23

³ Ойконимы ростовской мери / А. Ю. Данилов, А. Л. Каретников // История и культура Ростовской земли, 2005 / Гос. музей-заповедник «Ростовский кремль». Ростов : 2006. С. 378–390.

⁴ Матвеев А. К. К проблеме расселения летописной мери, «Гуманитарные науки. Выпуск 1», № 7, 1997.

⁵ Документы и материалы по истории Мордовской АССР. Т. 1. Саранск: МНИИЯЛИ, 1940; Фомин В. В. Пургасова Русь // Вопросы истории. 2007. № 9.

⁶ Там же.

⁷ Указ. соч.

⁸ Там же.

⁹ Шаронов А. М. Народ эрзя и Русь: в фокусе русского неславянина. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.erzan.ru/news/narod-erzja-i-rus-v-fokuse-russkogo-neslavjanina-aleksandr-sharonov>.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Документы и материалы по истории Мордовской АССР. Т. II. Саранск: Мордкиз, 1940. С. 156–157.

¹³ Штейнгольд А. Еще раз о мифологическом имени Кострома (Коструб) в свете фольклорно-этнографических данных / Respectus Philologicus, № 2(7), 2002. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://filologija.vukhf.lt/2-7/shtejngold.htm>

¹⁴ Миловидов И. В. Очерк истории Костромы с древнейших времен до царствования Михаила Федоровича. Кострома, 1886. – 236 с.

РАЗДЕЛ I

---

¹⁵ *Клёсов, А. А.* Гаплотипы угро-финских русских северных славян: семь племен // Альманах «Лебедь», № 585, 22 февраля 2009 г. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.lebed.com/2009/art5482.htm>

¹⁶ Analysis of Y chromosome STR haplotypes in the European part of Russia reveals high diversities but non-significant genetic distances between populations / L. Roewer, S. Willuweit, C. Kruger, M. Nagy, S. Rychkov, I. Morozowa, O. Naumova, Y. Schneider, O. Zhukova, M. Stoneking, I. Nasidze. *Int. J. Legal Medicine*. 2008. 122(3), 219–23.

¹⁷ *Матвеев В. К.* Указ. соч.

¹⁸ Uralistica: the world of finno-ugric and samoyed peoples (Интернет-форум финно-угорских и самодийских народов) [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://uralistica.ning.com/forum>.

¹⁹ *Коляденков М. Н., Цыганов Н. Ф.* Эрзянско-русский словарь. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1949. 292 с.

²⁰ Analysis of Y chromosome STR haplotypes in the European part of Russia reveals high diversities but non-significant genetic distances between populations/ L. Roewer, S. Willuweit, C. Kruger, M. Nagy, S. Rychkov, I. Morozowa, O. Naumova, Y. Schneider, O. Zhukova, M. Stoneking, I. Nasidze. *Int. J. Legal Medicine*. 2008. 122(3), 219–23.

Г. В. Удовенко
г. Кострома

ЗАГАДКИ ЦАРСКОГО ПОРТРЕТА ИЗ СОБРАНИЯ КОСТРОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНОГО И ХУДОЖЕСТВЕННОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА

В собрании Костромского государственного историко-архитектурного художественного музея-заповедника в фонде живописи находится музейный предмет КП-87, Ж-73 Деньер А. И. (?) «Портрет императрицы Марии Фёдоровны». 1885. Х., м. 77 х 63. Модель изображена в траурных одеждах – чёрном платье с белым кружевным жабо и кружевной чёрной мантильей на голове. Кружева на груди заколоты брошью с камнями.

С момента поступления до первой атрибуции, проведённой в 1996 году, данный предмет имел следующие учётные данные: Н.Х. XIX в. “Портрет дамы в чёрном платье”. Атрибуция портрета была представлена 4.03.1996 года научным сотрудником музея Е. Н. Громовой на заседании ФЗК. Она представила комиссии атрибуцию музейного предмета КП-87, полностью основанную на исследовательских изысканиях костромского краеведа Е. В. Сапрыгиной, озвучив материалы, содержащиеся в статье Е. В. Сапрыгиной «Царские портреты в Костромском музее» (публ. ст «Губернский дом» № 1, 1993). Однако исследовательские материалы Е. В. Сапрыгиной ею не были перепроверены, кроме того, не была представлена дополнительная доказательная база по предполагаемой модели, авторству, и дате создания произведения. В результате чего музейный

© Г. В. Удовенко, 2010

предмет КП-87 был атрибутирован как «Портрет императрицы Марии Фёдоровны». 1885. Деньер А. И. (?).

Мы считаем, что на портрете изображена супруга государя императора Александра II императрица (1855–1880) Мария Александровна /1824–1880/ – (дочь Людовика II, великого герцога Гессен-Дармштадтского, вел. герцогиня Максимилиана-Вельгельмина-Августа-София-Мария). Единственный аргумент исследователя Сапрыгиной в пользу своей версии основан на обнаруженном ею безусловном сходстве фотопортрета, размещённого в «Коронационном сборнике»¹, изданного в 1899 г. с изображением модели на портрете.

Как видим, действительно, в верхнем овале размещён фотографический портрет дамы, практически идентичный исследуемой нами модели (поза, внешнее сходство, траурные одежды, украшения). Однако никаких подписей, которые указывали бы на то, кто именно изображён на фотографиях, нет. В перечне вклеек, размещённом на 13 стр. первого тома «Коронационного сборника» к данной вклейке (между 160 и 161 страницами) даётся следующее примечание: «Группа портретов Их Императорских Величеств Государя Императора Николая Александровича и Государыни Императрицы Александры Фёдоровны и Августейших Их Родителей»².

Для подтверждения нашей версии мы изучили и исследовали художественный материал, непосредственно касающийся изображения императрицы Марии Александровны в живописи, графике, фотографии и обнаружили несколько произведений, обнаруживающих несомненное сходство модели с нашим портретом. Среди них безусловное портретное сходство с нашей моделью мы обнаруживаем и в живописных полотнах, изображающих Императрицу Марию Александровну.

При несомненном внешнем сходстве, идентичности костюма, даже украшений – броши, форма и вид которой совпадают с той, которую мы видим на фотографии из коронационного сборника, императрицы Марии Александровны в представленных произведениях с моделью нашего портрета, один момент остаётся необъяснимым. У Марии Александровны, как известно, были прекрасные голубые глаза. А. Ф. Тютчева – фрейлина императрицы Марии Александровны, вспоминая свою жизнь при Дворе, так писала о ней: «Она всю жизнь сохраняла эту молодую наружность, так что в 40 лет её можно было принять за женщину лет 30. Несмотря на высокий рост и стройность, она была такая хрупкая и худенькая, что не производила на первый взгляд впечатление *belle Femme*; но она была необычайно изящна, тем совершенно особым изяществом, какое можно найти на старых немецких картинах, в мадоннах Альбрехта Дюрера, соединяющих некую строгость и сухость форм со своеобразной грацией в движении и позе, благодаря чему в во всём её существе чувствуется неуловимая прелесть и как бы проблеск души сквозь оболочку тела. Черты её не были правильны. Прекрасны были её чудные волосы, её нежный цвет лица, её большие голубые глаза, смотревшие кротко и проникновенно. Рот был тонкий, со сжатыми губами, свидетельствующими о сдержанности, без малейших признаков способности к воодушевлению или порывам, а едва заметная ироничная улыбка представляла странный контраст к выражению её глаз»³. Действительно, на портрете кисти Крамского мы видим эти прекрасные голубые глаза императрицы.

Деньер(?) же пишет печальные карие глаза, что выглядит очень необычно прежде всего потому, что Генрих Деньер с 1860 года был придворным фотографом императора Александра Николаевича и императрицы Марии Александровны, и уж, конечно, не мог не знать цвет глаз монаршей особы. Это ставит под сомнение авторство Деньера. Возможно, портрет писал другой художник, монограмма же, присутствующая на полотне, не авторская. Судя по датировке (1885 г.), он создан уже после смерти Марии Александровны, которая последовала в 1880 году, и вполне мог быть написан по фотографии, запечатлевшей императрицу в трауре по умершему старшему сыну, цесаревичу Николаю Александровичу (1843–1865), который скончался в 22-летнем возрасте. Почти всегда на портретах (живописных, графических, фотографических), начиная с 1865 года, императрица Мария Александровна в траурных одеждах – смерть цесаревича Николая была для неё страшным ударом и подорвала окончательно и без того слабое здоровье.

Несмотря на то, что начало исследовательской работе по изучению этого музейного раритета положено, многие детали, связанные с его историей, ещё предстоит выяснить и уточнить.

Примечания

¹ Коронационный сборник / под ред. В. С. Кривенко. 1899. Т. 1. Цв. вклейка между страницами 160 и 161.

² Там же. С. 13

³ Тютчева А. Ф. При Дворе двух императоров. Воспоминания и фрагменты дневников. М.: Мысль, 1990. С. 18–19.

Д. В. Сидоров
г. Кострома

**ЛИБЕРАЛЬНАЯ БЮРОКРАТИЯ
И МОДЕРНИЗАЦИОННЫЙ ДИССОНАНС
В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ В ПЕРИОД РЕАЛИЗАЦИИ
ЗЕМСКОЙ РЕФОРМЫ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА**

Последнее десятилетие правления Николая I явилось временем консолидации носителей новой политической культуры, ядром которых являлась так называемая «либеральная бюрократия», формировавшаяся в содружестве с передовыми общественными деятелями, учеными, публицистами. Она не обладала отчетливой социальной и политической философией; ее объединяло стремление к изменению имперской системы путем введения «гласности» и «законности» правления, исключения крепостничества, с опорой на самодержавие как на главную реформаторскую силу. Либерализм властных структур носил сугубо избирательный и прагматичный характер, не позволяющий его отождествлять с классическим либерализмом Западной Европы. Из системы европейских ценностей

отбиралось только то, что, по мнению правительственных реформаторов, соответствовало интересам укрепления государства. В тоже время, несмотря на подобную избирательность, российское общество в своей совокупности было не готово к предлагаемым реформам. В полной мере данный тезис отразился в период реализации земской реформы и подготовки контрреформы.

Несмотря на регламентируемый и цензовоограниченный избирательный процесс, губернские и уездные органы земского самоуправления создавались на основе долевого участия всего населения губерний. Тем не менее, уже первые выборы показали неготовность общественности к тем, функциям, которые на нее возлагались. Неподготовленностью купечества к общественной деятельности, в качестве городских гласных, порождало то равнодушие к земствам, которое на первых же порах был отмечен современниками: «Купечество, – писали «Отечественные записки» – осталось совершенно равнодушно к земским делам»¹. «Равнодушное отношение городских избирателей к земскому делу, говорил в своей записке сенатор Шамшин, – объясняется преимущественно тем, что сбор с купеческих свидетельств и патентов везде дошел до высшей нормы, допущенной законом (1866)»². Что касается роли крестьян, то следует сказать, что в 60-е гг. они не проявили и не могли проявить себя сколько-нибудь активно. «На службу в земские учреждения крестьяне идут с неохотою и всеми средствами избегают ее»³. Довольно верно замечал в 1868 г. Скалдин, говоря, что «на выбор гласных в земские собрания крестьяне смотрят еще, как на отбывание новой повинности, цели которой они и сами не понимают. Земство для крестьян есть пока еще одна формальность»⁴. Знаменитый земский деятель, гласный Ветлужского уездного земства Костромской губернии Н. П. Колюпанов следующим образом характеризовал крестьян и условия их выбора: «Когда крестьянские выборные приехали первый раз для назначения земских гласных, для них общая неизвестность земского дела осложнилась многими другими соображениями самого неутешительного свойства: лишние расходы, дальняя поездка, непривычное житье в уездном городе, занятие делом никогда не бывшим в руках... Поэтому нет никаких данных заключать, что первый призыв крестьянских гласных был самый лучший и самый целесообразный. Были исключения и в ту и в другую сторону: в одном месте крестьяне посылали действительно самых развитых людей, в другом – они наряжали недоимщиков, как для отбывания общественной повинности»⁵.

Юридическое положение земского самоуправления в системе государственной власти оставалось также недостаточно ясным, и это порождало настороженное отношение к нему в обществе. Как полагал известный политик второй половины XIX в. В. П. Безобразов, закон 1 января 1864 г. не вводил земства в существовавшую тогда структуру учреждений, а ставил «подле них, как отдельные государственно-общественные тела, не имеющие никаких органических связей с системой государственного управления»⁶. Да и в правительственных кругах существовало мнение, что земские учреждения являлись не органической частью административного аппарата, а неким придатком к нему, едва терпимым, а в отдельные периоды - просто нежелательным.

С середины 70-х гг. XIX в. земское самоуправление начинает подвергаться активной критике со стороны противников последовательных либеральных

реформ: «Вся система местного управления не имеет единства основания и разделяет силы... вместо того, чтобы их соединять..., создавая «независимые общественные учреждения», она не создает самоуправления и не обеспечивает начала законности в отправлениях администрации»⁷. Так Тверской вице-губернатор С. В. Кольшко в начале 1880 г. направил на имя императора записку с критикой деятельности земских учреждений губернии – «неспособности многих земств действительно решать свои задачи в рамках, установленных законом»⁸.

Сохранение земства образца 1864 г. грозило и опасностью быстрого укрепления в нем либеральной оппозиции. По мнению многих земских деятелей, недостаток созданной системы самоуправления был связан с отсутствием общероссийского земства (парламента). Только за период с осени 1878 до осени 1881 г. предложения подобного рода поступили от трех губернских земских собраний (Пенза, Новгород, Ярославль) и 4 уездных (Череповецкое, Кирилловское, Весьегонское, Солигаличское)⁹. Сторонники этой точки зрения подвергали критике те нормы Положения, которые устанавливали административную зависимость земства от государственных органов или не предусматривали субординарности в самой земской системе. Так генерал Р. Фадеев в письме Александру II от 11 апреля 1879 г. предлагал «передать функции правительственных чиновников на местах земству»¹⁰.

Представители леволиберального крыла земского движения шли гораздо дальше. Известный земский деятель конца 70-х гг. XIX в. И. И. Петрункевич в 1878 г. написал статью «Ближайшие задачи земства», которая предназначалась для публикации за рубежом. Отмечая кризисное состояние страны, автор считал первостепенной борьбу против административного произвола, за гражданское равноправие, законность, более справедливую систему налогообложения. Петрункевич не возлагал ни малейшей надежды на правительство, справедливо полагая, что «никакое правительство само не дает таких учреждений, которые бы надевали действительную узду на его произвол»¹¹. Единственным органом, которому должен принадлежать почин в политических преобразованиях, являясь, по мысли Петрункевича, бессловное земство, которое «роковым путем идет к своей политической миссии». Петрункевич желал, чтобы земство явочным порядком выступило как орган, гарантирующий права и свободы граждан, «тогда весь народ будет на стороне земства, победа которого станет обеспеченной»¹².

Инициативы реформирования земского самоуправления высказывали и представители российской общественности. Недавний апологет «Великих реформ» А. Д. Градовский стал признавать их существенные недостатки. Практика убедила публициста в несостоятельности надежд на независимость земских учреждений от администрации. Теперь он пришел к выводу о желательности их включения в общую систему государственного управления, дабы придать земствам «правительственный авторитет», а коронным учреждениям – «общественное доверие»¹³. Более того, чтобы как-то связать местное самоуправление с центральными государственными органами, Градовский предложил создать при Государственном совете особый комитет по рассмотрению ходатайств земских и городских собраний, который мог бы приглашать на свои заседания и делегатов, выбранных этими органами. Эта мысль была бесконечно далека от идеи

центрального земского представительства, о чем уже активно говорили в либеральных кругах.

Так в неопубликованном при жизни автора «Разговоре» (1880 г.), К. Д. Кавелин толковал представительство именно как особый орган, даже как систему органов: «Я начинаю с крестьянской общины, вполне автономной во всех делах, до ее одной касающихся; затем союзы общин уездные и губернские со своими выборными представительствами: а целое завершится общим земским собором под председательством самодержавного, наследственного царя»¹⁴. Выборные от губернских земств должны были, по замыслу Кавелина, составить половину численности этого органа на правах его членов.

Подобные настроения высказывали и современники-иностранцы. В начале 1881 г. дипломаты Росс, Рихамтер, Греллер высказывали наследнику Александру Александровичу «аргументы в пользу введения конституционного образа правления... с главенствующим положением земства»¹⁵.

По мере изменения политической ситуации активизировалось «правое» крыло в самом земстве. Проправительственными земскими деятелями К. Ф. Головиным, Н. П. Семеновым высказывались идеи о том, как следует устроить местное самоуправление. Они предлагали усилить влияние правительства на земские дела, восстановить сословные учреждения¹⁶.

Со второй половины 80-х гг. официальная печать перешла от призывов к земству «не братья не за свои дела» к открытому обоснованию грядущей контрреформы. «Самое главное, – писал М. Н. Катков, – устроить на твердых началах и поставить в правильное отношение к центральному правительству земство и местное управление»¹⁷. «Московские ведомости» писали, что «земства развращают население до последних его слоев, и нравственно и политически, воспитывая в нем хищничество и похоть власти»¹⁸.

В подобных условиях нельзя не признать наступивший кризис земских учреждений. На практике земства были лишены инициативы: «большинство земских ходатайств отклонялись не по существу, а под предлогом неподтвержденности вопросов» за период 1868–1878 гг. из 705 губернских и 934 уездных ходатайств были утверждены 278 и 123 соответственно¹⁹. Земства, по выражению исследователей, работали «по инерции»²⁰. В том, что работа продолжалась, была заслуга, в основном, «третьего элемента». Что касается гласных, по объективному замечанию одного из ведущих дореволюционных исследователей земства Б. Б. Веселовского, то многие из них настолько утратили интерес к своей общественной обязанности, что перестали посещать заседания земских собраний. Так в 1882 г. на сессию Костромского губернского земского собрания из 76 человек явилось 23²¹. Интересен тот факт, что иногда даже приехав на сессию, гласные не посещали все собрания: кто-то участвовал лишь в первом и последнем заседаниях, кто-то лишь в первых собраниях, а некоторые подъезжали лишь к концу сессии²². Это явление вызывало тревогу передовых земских деятелей. В 1888 г. корреспондент «Недели» писал: «Заседания земского собрания производили такое впечатление, как будто среди Костромских гласных нет ни одного человека, хорошо знакомого с практикой земского дела, с его целями и задачами... Способ обсуждения вопросов поражает своей первобытностью и наивностью»²³.

В 1889 г. по поводу 25-летия деятельности земских учреждений газета «Новое время» замечала, что это один из «грустных юбилеев», «в которое реформы предыдущего царствования обвинять невозможно», так как «их некому было давать и некому понять»²⁴. Интересно отметить, что позднее, в 1917 г. сами земские деятели также весьма скептически оценивали общий уровень работы земства в этот период. «Во второй половине 70-х и на всем протяжении 80-х гг. XIX в., – отмечалось в особом докладе Владимирской губернской земской управы, – жизнь губернского земства как бы замирает, почти не имея поступательного движения вперед, и только со второй половины 90-х гг. жизнь настоятельно потребовала от земства дальнейшего движения вперед по пути культурных мероприятий...»²⁵.

Негативные изменения в деятельности земства в данный период отмечались также и региональными властями. Во всеподданейшем отчете за 1881 г. Костромской губернатор Н. Е. Андреевский отмечал, «что в ожидании реформ земские деятели холодно относятся к своим задачам». Реплика императора на полях гласила: «И без этого часто было тоже»²⁶. Всеподданейший отчет 1885 г. нового начальника Костромской губернии В. В. Калачева, также дающий неудовлетворительную оценку деятельности земства (подобную же позицию высказали еще 9 губернаторов), вызвал следующие заметки императора на полях: «почти отовсюду та же грустная и печальная картина земства»²⁷.

Таким образом, разработанное либеральной бюрократией земское местное самоуправление в 60–70-е гг. XIX в. находилось в состоянии диссонанса с экономической, социокультурной, общественной системой Российской империи, что нашло свое отражение в инертности гласных, неясности юридического определения земских структур, бесконструктивности дискуссий о векторе реформирования данных структур. Тем не менее, именно последователи основателей земской системы, в 80-е гг. пришли к выводу о необходимости «встраивания» земских выборных органов в систему государственного аппарата. «Положение об уездных земских учреждениях от 12 июля 1890 г.» успешно решило данную задачу. Наряду с этим оно решило куда более важную задачу – складывания корпуса земских служащих, определивших дальнейшее либеральное движение в Российской империи.

Примечания

¹ Веселовский Б. Б. История земства за 40 лет. СПб., 1911. Т. 3. С. 51.

² Там же. С. 52.

³ Государственный Архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 677. Оп. 1. Д. 501. Л. 30.

⁴ Веселовский Б. Б. История земства за 40 лет. СПб., 1911. Т. 3. С. 52.

⁵ Там же. С. 56.

⁶ Безобразов В. П. Земские учреждения и самоуправление. М., 1874. С. 38.

⁷ Пирумова И. М. Земское либеральное движение: социальные корни и эволюция до начала XX века. М., 1977. С. 42.

⁸ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 677. Оп. 1. Д. 609. Л. 1.

⁹ Захарова Л. Г. Земская контрреформа 1890 г. М., 1968. С. 36.

¹⁰ ГАРФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 512. Л. 2.

¹¹ Петрункевич И. И. Из записок общественного деятеля: Воспоминания. // Архив русской революции: в 22 т. Т. 21. С. 41–42.

¹² Там же.

¹³ *Ведерников В. В., Китаев В. А., Луночкин А. В.* Конституционный вопрос в русской либеральной публицистике 60–80-х гг. XIX в. М., 1997. С. 24–25.

¹⁴ *Кавелин К. Д.* Собрание сочинений. Т. II. Стб. 1012.

¹⁵ ГАРФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 546. Л. 11–13.

¹⁶ См. *Пазухин А. Д.* Современное состояние России и сословный вопрос. М., 1886.

¹⁷ *Твардовская В. А.* Идеология пореформенного самодержавия. М., 1978. С. 232.

¹⁸ Московские ведомости. 1886. № 131.

¹⁹ ГАРФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 501. Л. 9.

²⁰ См., напр.: *Арсентьев Н. М.* Гражданское общество и государственные институты в России: взгляд из провинции. – Саранск, 2006; *Куликов В. В.* Деятельность губернской администрации и сенатская практика по земским делам: историко-правовой очерк. – Киров, 2001.

²¹ Костромские губернские ведомости. 1882. № 9. Л. 67.

²² Государственный архив Костромской области (ГАКО). Ф. 205. Оп. 1. Д. 102. Л. 11.

²³ *Веселовский Б. Б.* История земства за 40 лет. СПб., 1911. Т. 4. С. 441.

²⁴ Новое время. 1889. № 4627.

²⁵ Доклад Владимирской губернской земской управы о состоянии хозяйства губернского земства. Владимир, 1917. С. 10.

²⁶ *Блинов И. А.* Губернаторы. Историко-юридический очерк. СПб, 1905. С. 303.

²⁷ *Веселовский Б. Б.* История земства за 40 лет. СПб., 1911. Т. 3. С. 326.

С. М. Усманов
г. Иваново

ИМПЕРАТОР НИКОЛАЙ II И РУССКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ: НЕСОСТОЯВШИЙСЯ ДИАЛОГ

В России начала XXI века император Николай II остается одной из самых спорных и неоднозначных фигур отечественного общественного сознания. Для многих эта значимая личность российской истории все еще остается совершенно непонятной, можно сказать, неразгаданной. Хотя есть немало почитателей государя как Царя-мученика, а также и тех, кто проклинает его как «Николая Кровавого». И все-таки для большинства наших соотечественников император Николай II не является сколько-нибудь ясной и понятной личностью.

Как нам представляется, такое положение представляет собой серьезную проблему современной российской действительности. Ведь без настоящего осмысления уроков российских катастроф XX столетия мы успешно двигаться по нашему пути не можем. А потому персону последнего пока российского государя обойти просто невозможно. Так что осмысление опыта его жизни и деятельности остается в числе самых насущных задач российской исторической науки.

Одна из наиболее трудных и болезненных проблем эпохи правления государя Николая II – это отношения власти и русской интеллигенции. Можно без всяких оговорок признать, что они совершенно не сложились. Мало того, в очень

большой своей части интеллигенция вступила в борьбу против Российского самодержавия и внесла немалый вклад в его свержение. Такой ход событий имел губительные последствия не только для Российской империи в целом, но и в очень большой степени для самой русской интеллигенции.

Один из главных вопросов здесь состоит в том, какие силы несут за это моральную и историческую ответственность. В этой связи особый интерес для нас представляет проблема личной ответственности государя Николая II за историческую неудачу диалога Российского самодержавия и русской интеллигенции.

Данная проблема нам видится отнюдь не такой простой, как это излагалось обычно в личных свидетельствах и исторических трудах о революционных потрясениях в России начала XX века. На наш взгляд, любая односторонность и тенденциозность в подходе к интересующей нас теме была бы в настоящее время совершенно неуместной. Ибо подобных односторонних и упрощенных суждений было высказано уже более чем достаточно. Между тем непредвзятый, взвешенный подход к осмыслению трудной и неоднозначной проблемы «власть и интеллигенция» на российском опыте начала XX столетия мог бы дать немало ценного и поучительного и в наших нынешних обстоятельствах.

Надо отметить, что к моменту своего вступления на престол император Николай II получил в наследство весьма устойчивую, давно сложившуюся систему власти, что включало и утвердившиеся методы управления подданными. В данном контексте интеллигенция была таким слоем, который никаких симпатий у Российского самодержавия не вызывал. В течение десятилетий русская интеллигенция и ее вожди – Белинский, Чаадаев, Герцен, Чернышевский, Добролюбов, Салтыков-Щедрин и многие другие – были либо открытыми врагами самодержавной власти в России, либо достаточно неудобными для нее оппонентами. В конце концов, это же русские интеллигенты были в числе основных организаторов и исполнителей многочисленных террористических актов против представителей власти. В результате одного из них 1 марта 1881 г. был убит император Александр II, дед будущего государя Николая II.

Трагедия 1 марта не могла не произвести тяжелого впечатления на 13-летнего Николая Александровича и, надо думать, закрепила в сознании будущего императора его отчуждение от интеллигенции и ее устремлений. Но даже если бы этой трагедии не было, интеллигенция все равно не вписывалась в логику сложившейся у Российского самодержавия системы управления. От подданных в ее рамках требовалось добросовестное, без лишних рассуждений, исполнение своих обязанностей, полная лояльность верховной власти. Такая философия власти в общем и целом доминировала до самого конца существования Российского самодержавия.

Другое дело, что она не давала нужных для государства результатов. Не случайно же императрица Александра Федоровна в годы Великой (Первой мировой) войны не раз в письмах сетовала государю на нехватку людей. О том же она жаловалась своей подруге Лили Ден: «Вот уже двадцать лет мы пытаемся найти настоящих помощников, и все напрасно. Да и существуют ли они – эти настоящие помощники?»¹. Интеллигенты же, как правило, не только не входили в круг таких помощников, но, напротив, были в числе виновников нехватки

нужных людей, отвращая их от власти. Ведь, как полагал сам государь и его близкие сподвижники, в России «перемен хотят только интеллигенты, а народ этого не хочет»².

Правда, в самом начале правления императора Николая II, сразу по вступлению на трон нового монарха после смерти славившегося своей жесткостью его отца государя Александра III, возникли надежды на смягчение отношений власти и «общества». Ведь новый император был известен своим мягким обращением с окружающими и даже определенной «интеллигентностью» – если такую характеристику вообще можно было бы применять к монарху. Но уже в первом своем публичном выступлении в Зимнем дворце 17 января 1895 г. государь Николай II развеял эти надежды. Он предостерег от «бессмысленных мечтаний» и заявил, что будет «охранять начало самодержавия так же твердо и неуклонно, как охранял его Мой незабвенный покойный родитель». Таков был ответ императора депутатам земств с их ходатайствами о том, чтобы «до высоты престола могли достигать выражения потребностей и мыслей народа»³.

Впрочем, изложенное в данной речи обязательство «охранять так же твердо и неуклонно» существующий порядок государю Николаю II выполнить при всем его желании, как известно, не удалось. Ему пришлось подписывать манифест 17 октября 1905 г., что давало интеллигенции и всей «общественности» новые большие возможности участия в решении собственных проблем и даже государственных дел. Но и Манифест 17 октября ничуть не прибавил симпатий русской интеллигенции к самодержавию, так как воспринимался ею как вынужденная уступка власти, вырванная у нее силой. Так что многие интеллигенты охотно повторяли известный стихок:

Царь испугался,
Издав манифест:
Мертвым – свобода,
Живых – под арест.

Были, конечно, и некоторые конструктивные формы взаимодействия власти и интеллигенции. Например, в 1914 г., в самом начале войны на волне большого патриотического подъема. И даже раньше. К таким эпизодам можно отнести заседания в столице Религиозно-философских собраний, появление сборника «Вехи» и некоторые другие явления в жизни России начала XX столетия.

Но общей картины это не меняло. Очень показательно, что и те интеллигенты, которые так или иначе были на стороне самодержавия, все-таки *политику* власти и самого государя одобрять не могли.

Характерны здесь автобиографические заметки 1923 г. священника Сергия Булгакова под названием «Агония». В них автор, признавая, что он «изведал и пережил» «всю гамму интеллигентской непримиримости к самодержавию», писал, что еще задолго до вынужденного отречения Николая II он уже «любил Царя, хотел Россию только с Царем, и без Царя Россия была для меня и не Россия». Но эта любовь приобрела у Булганова трагические и отчасти болезненные черты. Причем, не только потому, что его чувства не разделяли многие из друзей и знакомых, но и потому, что «агония царского самодержавия продолжалось все

царствование Николая II, которое все было сплошным и непрерывным убийством самодержавия». И одно из главных объяснений, которое ретроспективно выдвигает отец Сергей Булгаков, относится к политическому курсу последнего царствования: «Наблюдая непрестанно, что царь действует и выступает не как царь, но как полицейский самодержец, фиговый лист для бюрократии, я – в бессильной мечтательности помышлял об увещаниях, о том, чтобы умолить царя быть царем, представить ему записку о царской власти, но все это оставалось в преступно бессильной мечтательности»⁴.

Еще более неблагоприятно отзывался об императоре известный монархист Лев Александрович Тихомиров. В июле 1915 г. он записывал в своем дневнике: «Против его (государя – С. У.) личности никто, кажется, искренне ничего не имеет. Но как правитель, как Царь – его авторитет исчез. В 1612 [г.] тяжкая война привела к воскресению Монархии; здесь, по-видимому, война приведет к падению Самодержавия»⁵.

Уже после трагических событий 1917 г. высказывались и соображения о том, в какую сторону должна была быть изменена политическая линия последнего государя. Об этом, в частности, писал И. Л. Солоневич: «(...) Государь Император для данного слоя был слишком большим джентльменом. Он предполагал, что такими же джентльменами окажутся и близкие Ему люди, и эти люди, повинувшись долгу присяги или, по меньшей мере, чувству порядочности, отстоят, по крайней мере, Его семейную честь. Не отстояли даже Его семейной чести. Ничего не отстояли. Все продали и все предали. (...) У Государя Императора не хватило беспощадности»⁶. Что же, возможно в некоторых отношениях государю не хватило и беспощадности. Но это – не то средство, которое могло бы наладить отношения власти и интеллигенции, подвигнуть последнюю усердно и искренне трудиться на благо государства.

Куда полезнее было бы в порядке извлечения уроков из трагических событий нашей истории попытаться выявить причины взаимного отчуждения, а то и враждебности, власти и интеллигенции в годы правления Николая II.

Значительная часть вины, без всяких сомнений, здесь лежит на вождях русской интеллигенции, которые не одно десятилетие настойчиво обличали самодержавие. Об этом уже многое сказано и, вероятно, будет еще открыто и дополнено. Но немалая доля вины ложится и на саму власть. Впрочем, мы имеем в виду совсем не те претензии, которые «царским сатрапам» обычно предъявлялись в памфлетах «борцов с самодержавием», уже начиная с Герцена – периода его лондонской, а затем и женеvской эмиграции.

Как нам представляется, высшая государственная власть в России многое упустила еще в годы правления предшественников императора Николая II, не сумев поддержать тех в среде русской интеллигенции, кто мог бы работать вполне лояльно и созидательно на благо Родины. Причем, ключевой фигурой в данном контексте оказался знаменитый российский государственный деятель, идеолог власти в годы правления трех российских государей, Константин Петрович Победоносцев.

В настоящее время в отечественной науке эта личность вызывает большой интерес. Характерно, что очень отчетливо проявляется стремление отойти

от прежних попыток представить Победоносцева в карикатурном виде зловещего реакционера, душителя всего нового и свободного. Появляются даже своего рода апологии Победоносцева. Для нашей темы они представляют особый интерес, поскольку так или иначе помогают в постижении изучаемой эпохи, в том числе и отношений интеллигенции и власти.

Так, известный литературовед и культуролог Валерий Петрович Раков отмечает: «Мысль Победоносцева – жизнетворна, реалистична, хотя и оказалась не способной к «вживлению» в парадоксальную (меональную) логику истории». Ведь, как полагает профессор В. П. Раков, «кроме юридического и религиозного *делания* Победоносцева, в реальности действовали деструктивные силы, переходившие в некоторое социально-психологическое безумие, укротить которое, как показывает опыт мировых революций и смут, не удастся даже и тогда, когда, для этих целей мобилизуется энергия государственной машины, а не какой-то отдельной личности». Упомянув усилия разрушительных сил, исследователь замечает: «Удар был направлен против Царя и его государства, монархии, а также Церкви, под сенью которой она жила тысячелетие. Пожалуй, Церковь в первую очередь виделась в качестве нравственной виновницы всех бед. «Тайный правитель» (Победоносцев – С. У.) это понимал и знал, что ответить, но, как и всегда, диалог – не для бестий»⁷.

Разумеется, такая точка зрения вполне возможна. Она имеет свои резоны. Однако трудно согласиться с подобной оценкой возможностей диалога власти и общества. Пусть те или иные представители власти и «знают, что ответить» своим оппонентам. Но этого недостаточно. Надо еще уметь убедить тех из потенциальных участников диалога с властью, которые в состоянии достичь взаимопонимания с существующим порядком и внести свой вклад в его совершенствование. Даже и в эпоху «политического модерна». Но в случае с К. П. Победоносцевым, да и многими другими представителями российской политической элиты XIX – начала XX столетия, все было отнюдь не так.

Еще в последние годы правления императора Александра II и в самом начале царствования его сына государя Александра III К. П. Победоносцев получал очень обещающие предложения о возможностях работы с земцами, другими слоями образованного общества, а также о способах формирования общественного мнения. В частности, известный ученый и общественный деятель Б. Н. Чичерин в письме от 10 марта 1881 г. убеждал Константина Петровича, т. е., в конечном счете, российское самодержавие «обратиться к обществу»: «Но обратиться к обществу следует не с тем, чтобы почерпать из него несуществующую в нем мудрость, а с тем, чтобы воспитать его к политической жизни, создавши для него такие условия, при которых возможно правильное политическое развитие». Как подчеркивал Чичерин, нужно было добиваться «создания среды, в которой могут действовать люди и которая одна в состоянии развить в них государственные способности, пригодные к порядку, основанному на свободе»⁸.

Со своей стороны П. Г. фон Дервиз в том же 1881 г., упоминая одно из новых назначений министров, писал К. П. Победоносцеву: «Публика этим обидится, но и это не беда, если Вы устроите возможность интеллигентной оппозиции.

Ради самого Бога подумайте об этом. Это вопрос первейшей важности, ибо Вами организованная и перед Вами высказываемая оппозиция будет полезна, а если она организуется сама собой и в сферах, не подчиняющихся постоянному надзору, – то, в конце концов она будет губительна»⁹.

Но и эти, и многие другие ценные соображения и конкретные усилия по установлению сотрудничества власти и общества, в том числе власти и интеллигенции, были просто проигнорированы. И дело тут отнюдь не только в личных качествах считавшегося тогда всемогущим Обер-прокурора Синода К. П. Победоносцева. Ведь и он еще в 60-е гг. был почти либералом и даже посылал корреспонденцию А. И. Герцену в Лондон. Но когда Константин Петрович проникся интересами самодержавной власти и ее философией управления, такого рода поиски ему (равно как и другим сановникам, и самим государям) становились неинтересными. В том же духе и сам Победоносцев воспитывал наследников престола – как Александра III, так и Николая II.

В этом смысле и последний император династии Романовых, царь-мученик Николай II в очень большой степени оказался заложником существующей системы. Несмотря даже на свое человеческое обаяние и ровное, доброжелательное общение со своими подданными. Сложившаяся философия власти не предусматривала планомерной работы с обществом, а интеллигенция и вовсе оказывалась вроде бы ненужной.

Трагические уроки потрясений вековой давности не должны быть забыты в современной России. Много есть причин и поводов у нынешней российской интеллигенции быть недовольной властью. Эти причины реальны. Проблемы стоят очень остро. Однако интеллигенции нельзя повторять ошибок прошлого. Она должна не бороться против «антинародной» власти, а работать на благо Церкви Христовой и России.

Примечания

¹ Ден Л., Воррес Й. Подлинная царица. Последняя великая княгиня. СПб.; М., 2003. С. 57.

² См.: Дневник Е. А. Святополк-Мирский // Исторические записки. Т. 77. М., 1965. С. 259.

³ См.: Белокопский И. П. Земство и Конституция. М., 1910. С. 41.

⁴ Булгаков С. Н. Агония // Христианский социализм (С. Н. Булгаков): Споры о судьбах России. Новосибирск, 1991. С. 295, 296, 297, 305.

⁵ Дневник Л. А. Тихомирова. 1915–1917 гг. / сост. А. В. Репников. М., 2008. С. 86.

⁶ Солоневич И. В тени Распутина (1939 г.) // Якобий И. П. Император Николай II и революция; Фомин С. В. «Боролись за власть генералы ... и лишь Император молился». СПб., 2005. С. 564.

⁷ Раков В. П. К. П. Победоносцев в контексте политического модерна // Интеллигенция и мир. Иваново. 2004. № 1–2. С. 77, 79, 82.

⁸ Чичерин Б. Н. Задачи нового царствования // Тайный правитель России: К. П. Победоносцев и его корреспонденты. Письма и записки. 1866–1895. Статьи. Очерки. Воспоминания. М., 2001. С. 66, 67.

⁹ фон Дервиз П. Г. – Победоносцеву. 22 мая 1881 г. // Тайный правитель России: К. П. Победоносцев и его корреспонденты. Письма и записки. 1866–1895. Статьи. Очерки. Воспоминания. Н. 2001. С. 105.

А. В. Новиков
г. Кострома

**МОНАРХИЧЕСКИЕ НАСТРОЕНИЯ И ОБРАЗ НИКОЛАЯ II
В ПОВСЕДНЕВНОЙ КУЛЬТУРЕ РАБОЧИХ, КРЕСТЬЯН
И ГОРОДСКИХ ОБЫВАТЕЛЕЙ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ
РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ**

В начале XX века и в революционную эпоху образ царя-самодержца и личность Николая II Романова оказался в центре столкновений общественного мнения, противоборства социальных и политических сил. Ведущее влияние на отношение общества к царской власти имели традиции и настроения, распространённые в среде крестьян, рабочих и городских обывателей. Изменения и противоречия в этих настроениях, последствия падения авторитета царской власти являются предметом данной статьи.

Хорошо известна характеристика процесса распада легитимности самодержавия, данная В. И. Лениным после 9 января 1905 года: «престиж царского имени рухнет навсегда», «первый день русской революции... показал агонию исконной крестьянской веры в царя-батюшку»¹. В то же время, благодаря современным исследованиям право-монархического движения в России в 1905–1917 гг., становится ясно, что авторитет власти сохранялся на достаточно высоком уровне, имея поддержку значительной части крестьян, рабочих, городских слоёв населения².

В начале революции в губерниях Центральной России, за исключением обеих столиц, рабочие выступления проходили в основном под экономическими лозунгами. По нашим подсчётам, во Владимирской, Костромской и Ярославской губерниях из 502-х требований, предъявленных бастующими рабочими лишь 24 можно отнести к политическим, да и те касались в основном неприкосновенности личности бастующих и их депутатов, не увольнения за участие в забастовках. Вопросы политического устройства бастующими не поднимались³. Весной-летом 1905 г. в связи с Иваново-Вознесенской общегородской стачкой, Владимирская и Костромская губерния становятся центрами рабочего движения, а в Тверской губернии отмечен всплеск крестьянских выступлений, связанных с порубкой дворянских лесных участков и самовольными покосами лугов. Октябрь-декабрь 1905 года в исследуемом регионе, как и по всей стране, становятся кульминацией революционных событий, но на протяжении всей революции партийные активисты в качестве наиболее сложной проблемы называли неприятие рабочими политической агитации, особенно направленной против царя и самодержавия. Это обстоятельство находит широкое подтверждение в источниках.

В ходе общегородской стачки в июле 1905 г. в Костроме не сразу удалось преодолеть консерватизм рабочих. Организаторы старались не допускать политические речи «против царя», что могло сорвать забастовку⁴. «Много хлопот стоила Кашинская фабрика руководителям забастовки. Когда на первом общем собрании забастовавших рабочих некоторые товарищи стали раздавать бюллетени местного комитета, то вся масса кашинских рабочих под предводительством

чёрной сотни демонстративно удалилась. «Не надо нам политиканов, они красный флаг сейчас вывешят». Малейшее слово «политики» вызывало движение в толпе – вспоминал участник этих событий Ф. Ивановский. Не случайно «кашинскую» фабрику называли «костромским Порт-Артуром»⁵. М. В. Фрунзе отмечал невосприимчивость рабочих в начале Иваново-Вознесенской стачки к политической агитации⁶. Действительно, недовольство политическими речами проявилось уже во время первого общегородского 40-тысячного митинга, состоявшегося 13 мая перед городской управой. Речь студента Кашинцева о политической свободе была прервана рабочими, заявившими, что они лишь требуют «прибавки жалования и некоторых улучшений»⁷. 24 июня 1905 г. во время сходки в селе Середи Даниловского уезда Ярославской губернии оратор-студент говорил о своеволии и произволе министров и злоупотреблениях чиновников. Крестьяне пригрозили принять меры, чтобы агитатор «потерял желание к подобным беседам»⁸. В газете «Костромской листок» весной – летом 1905 г. неоднократно сообщалось о нападениях «тёмных личностей» и «чёрной сотни» на учеников костромского реального училища и духовной семинарии. Так, 15 мая в селе Бычиха Костромского уезда рабочие картонно-бумажной фабрики избили семинариста за «неподобные слова про царя», а затем отправили «в каталажку при волостном правлении»⁹.

В ходе всероссийской октябрьской стачки 1905 года произошла значительная радикализация революционного движения. Обратной стороной этого процесса стала активизация сторонников монархического режима. По нашим подсчётам в верхневолжских губерниях в октябре – декабре 1905 г. под патриотическими лозунгами проходил каждый шестой митинг или демонстрация. В Ярославской губернии они имели место в Ярославле, Ростове, Любиме. В Костромской – в Плесе и Макарьеве. Во Владимирской – в Коврове, Киржаче, Покрове, Александрове, Муроме, Владимире¹⁰. Центром патриотического движения, как прежде революционного, стал Иваново-Вознесенск. Патриотические манифестации сопровождалась здесь молебнами и собирали, по разным оценкам, от 20 до 40 тысяч человек¹¹.

В ноябре прошло в 1,5 раза больше митингов, демонстраций и собраний, чем в октябре. Митинги становятся ареной дискуссий ораторов социал-демократов, эсеров и монархистов. Таковы митинги 6, 11, 21, 25 ноября, 11 декабря в Костроме, 10 ноября в Буге, 2 декабря в Нерехте, 18 декабря в с. Вичуга Кинешемского уезда Костромской губернии¹². 27, 30 ноября, 3 декабря в Ярославле, 20–21 декабря в Рыбинске Ярославской губернии¹³. 31 октября в г. Юрьеве Владимирской губернии¹⁴.

В октябре – декабре нередки случаи, когда деятельность агитаторов вызывала активный протест. В ходе октябрьской всероссийской стачки владимирский дворянин С. В. Бунин организовал регулярные митинги в сёлах Юрьевского уезда Владимирской губернии. Оратор призывал крестьян не платить выкупные платежи, отбирать у помещиков землю и лес. Примечательно, что на митинге у г. Юрьева 31 октября 2-тысячная толпа крестьян потребовала Бунина ответить на вопрос «а ты за кого, за Царя или против», на что Бунину пришлось ответить: «за Царя, за Царя»¹⁵. 26 октября на митинге рабочих Ярославской Большой

мануфактуры рабочие пресекли выступления «против царя»¹⁶. На фабрике Швецова в Суздальском уезде 4 ноября вспыхнула забастовка. 11 ноября сюда прибыла пропагандистка Коренева. Политические речи вызвали недовольство слушателей, вынудивших ее на следующий день покинуть фабрику¹⁷. 9 ноября прошла стачка на Ставровской м-ре Р.Бажанова во Владимирском уезде. Рабочие добились ряда уступок. 28 ноября на фабрику из г. Мурома прибыл депутат Иваново-Вознесенского Совета, социал-демократ М. И. Лакин. Призывы к новой забастовке и противоправительственным действиям вызвали ярость, оратор был убит рабочими¹⁸. В этот же день, 28 ноября, в Гавриловом Посаде патриотически-настроенные жители убили И. Мартынова за распространение брошюр. В ходе следствия обнаружилось, что Мартынов распространял правительственные брошюры «Партия правого порядка» и стал жертвой трагического недоразумения¹⁹. Интересно, что данный факт попал в доклад министра внутренних дел Николаю II, но был значительно искажен. Дело было представлено, как убийство крестьянами оратора, выступавшего против царя²⁰. В Иваново-Вознесенске на патриотическом митинге 29 ноября, рабочий, пытавшийся возразить монархистам, был избит²¹. В литературе описано убийство Ольги Генкиной на станции Иваново 16 октября. При значительной разнице в описании этого события в официальных источниках и периодической печати, бесспорно одно. О. Генкина подверглась нападению толпы численностью до 100 чел., состоящих из рабочих и различных категорий городского населения²². Изгнание ораторов отмечено на митинге в г. Юрьевце 9, 13 ноября, в с. Родники 12 декабря и в ряде других случаев. 29 ноября рабочие Кекинской фабрики в г. Ростове разогнали социал-демократический митинг, на который приехали железнодорожные служащие из Ярославля. Подобные примеры можно продолжить²³. Они демонстрируют нетерпимое отношение определенной части населения и рабочих к революционерам и к любым проявлениям политической агитации.

Сразу после опубликования Манифеста 17 октября начались черносотенные погромы. Уже 18 октября в Твери была разгромлена губернская земская управа, 19 ноября погромами были охвачены Кострома, Владимир, Ярославль, Рыбинск. Погромы в Костроме, Владимире, Ярославле стали результатом столкновений монархически настроенных манифестантов и населения с демонстрантами и митингующими студентами и рабочими. В Рыбинске крючники силой пытались прекратить стачку железнодорожников. 23–24 октября страшный погром произошел в г. Иваново-Вознесенске. Черносотенные погромы продолжались по региону до конца 1905 года.

Погром тверского губернского земства 17 октября хорошо известен и неоднократно описан в литературе, благодаря особому вниманию, которое уделено ему в воспоминаниях И. И. Петрункевича²⁴. Не вдаваясь в подробности, следует обратить внимание на то, что погромщики требовали указать ораторов, которые идут против царя, кричали, что готовы умереть за царя. Настроение буйствующей толпы подогревалось слухом, что «крамольники портрет царя порвали, сделали смуту, хотят царя свергнуть». Активное участие в погроме и поджоге земской управы приняли городские мастеровые и рабочие текстильной фабрики Морозовых и тверского вагоностроительного завода²⁵.

В Костроме 19 октября в сквере на Сусанинской площади собралась учащаяся молодежь на митинг в связи с провозглашением манифеста. Учащиеся намерены были идти на фабрику Зотова агитировать за забастовку. Оратор социал-демократ И. Михайловский произнес речь по поводу манифеста. В речи прозвучали лозунги: «Долой самодержавие!», «Да здравствует Учредительное собрание!», вызвавшие нападение на митингующих со стороны прибывших на базар крестьян, торговцев и извозчиков. Студентов избивали палками, поленьями, кирпичами. Погромщики разгромили и разграбили дом Каменской на Царевской улице, где укрылось несколько студентов. Пострадало 60 человек. Умер от побоев семинарист В. Хотяновский²⁶.

Во Владимире с утра был проведен молебен. После молебна губернатор Леонтьев произнес речь, обратившись к толпе с вопросом, за кого слушатели «за республику или за монархию». В сопровождении толпы губернатор прошел до дома, вынес портрет государя. Толпа кричала «ура!», пела гимн. От дома губернатора манифестанты направились по магазинам, вымогать денег. Набрал до 100 рублей, разошлись. Вечером к центру города собралось до 500 золоторотцев и чернорабочих, подвыпивших и горланивших «Боже Царя храни!». Шли с белым знаменем, на котором красными буквами было написано «Долой республику!», выкрикивали призывы бить студентов. Приступили к погрому квартир земского страхового инспектора Малиновского, присяжных поверенных Котлецова и Гвоздева, статистика Смирнова. Затем отправились на городские окраины, громить публичные дома²⁷.

В Ярославле после молебна толпа торговцев из 100 человек просила губернатора разрешить шествие с портретом царя. Число демонстрантов быстро росло, достигнув 2000. Столкнувшись у церкви Святого Духа с революционной демонстрацией, манифестанты потребовали убрать красный флаги. Получив отказ, стали кидать камни, в ответ раздались выстрелы. В столкновении с обеих сторон было ранено 12 человек. Оно послужило сигналом к еврейскому погрому²⁸.

В Иваново-Вознесенске столкновения демонстрантов с манифестантами и избияния депутатов и агитаторов начались еще 22 октября. В тот день был убит один из руководителей летней стачки Ф. А. Афанасьев. 23 числа по требованию рабочих всех городских фабрик, при огромном стечении народа (источники расходятся в оценках, называя от 20 до 40 тысяч человек) был проведен молебен. Рабочие, служащие, торговцы, чернорабочие, крестьяне после молебна приступили к погромам квартир евреев и социалистов. Была разгромлена квартира председателя Совета рабочих депутатов А. Ноздрин. 24 октября манифестанты, собравшись с 9.00 утра на площади перед городской управой, потребовали вновь отслужить молебен, послушавшись уговоров полицмейстера и городского головы разошлись по фабрикам, где получили от хозяев деньги «на водку». После этого погромы возобновились. Избиение продолжились 25–26 октября. Гравер Селиванов, торговец В. П. Тихомиров, фотограф М. П. Щербаков, «подогревали» криками толпу и показывали, где громить. Общее количество раненых, избитых, погибших составило 97 человек²⁹.

В Рыбинске 19 октября произошла драка между демонстрантами и толпой торговцев и мясников, организованных купцами Зверевым и Медведевым и мясником

Голохвастовым. Крючники были недовольны железнодорожной стачкой, ввиду которой выросла безработица среди крючников, грузчиков и чернорабочих³⁰.

1 декабря в г. Ростове Ярославской губернии, собравшиеся на базар крестьяне, получив отказ в белом хлебе и узнав о стачке пекарей, начали бить пекарей, «и всех, кто похож на пекаря, социалиста или участника митинга». Было избито 13 человек. Крестьяне обвиняли полицию в том, что забастовщики не арестованы, нанесли оскорбления уездному исправнику, священнику Давыдовскому, уездному исправнику³¹.

В 1906–1907 гг. проявления монархических настроений приняли более организованные и цивилизованные формы. Связано это с оформлением местных организаций право-монархических партий и вступлением их в предвыборную кампанию по выборам в I, а затем II Государственную думу. Газеты этого периода пестрят сообщениями о проведении партийных митингов, среди которых собрания монархистов, ввиду лояльного расположения к ним властей, заняли ведущие позиции.

Однако, результаты избирательной кампании для монархистов в период революции, как известно, были провальными. Не менее сильными были антимонархические настроения, усиленные впечатлениями от прошедших погромов. Широко распространилось критическое отношение к личности царствующего императора.

Проводимая Николаем II внутренняя и внешняя политика в начале XX века являлась источником раздражения для различных слоёв общества. Значительный урон авторитету власти нанесла русско-японская война и поражения русской армии. По воспоминаниям учительницы А. Е. Михайловой, среди рабочих распространялись частушки и песни следующего содержания:

«Едут целые вагоны
Православные иконы всё везут
Мы молебном запугаем,
Образами закидаем, так, что
Враг не унесёт и ног»

Припев:

«Опами, опами, в яму пятится Россия
С Николаем самодержцем во главе»

Рабочие в этот период охотно читали газеты, и хотя в забастовках выдвигали в основном экономические требования, настроения рабочих кварталов выражала детвора, распевавшая по вечерам:

Как у нас на троне, Чучело в короне
Ай да царь, ай да царь, Православный русский царь
Жена его Шура, Набитая дура...»³²

Отношение населения к личности Николая II ярко отразилось в многочисленных следственных делах губернских жандармских управлений и документации окружных судов по делам о заочном оскорблении императора. Анализ этих документов позволяет довольно точно сформулировать конкретные причины «размывания» авторитета власти. Это, прежде всего, уже названные события

и последствия русско-японской войны, «кровавого воскресения» 9 января 1905 г., распространившиеся по стране революционные выступления, отразившие слабость и беспомощность властей, партийная агитация различной направленности, обострение национальных противоречий (особенно в национальных окраинах Российской Империи) и введение казённой винной монополии.

Как показывают документы, на протяжении первой российской революции к ответственности за оскорбление царя привлекались лица различной социальной принадлежности. Это мещане, крестьяне, земские служащие, сотрудники почтово-телеграфных контор, рабочие. Типичной была нецензурная брань в адрес царя и министров, сопровождаемая, как правило, выражением определённой политической позиции или формулировкой причин недовольства, но порой просто выражая эмоциональное раздражение человека.

Так, после издания Манифеста 17 октября понимание дарованных свобод воспринималось населением порой буквально: «теперь Свобода, можно и Царя ругать», заявил 13 ноября 1905 г. в городском трактире макарьевский мещанин А. А. Клятышев 44-х лет, сопровождая своё заявление изрядной порцией брани. Подобные немотивированные ругательства встречались довольно часто. Например, 29 сентября 1906 г. крестьянин Чухломского уезда 40 лет в волостном правлении, указывая на портрет Николая II, назвал его «в короне чучело воронье» и «Николашка»³³.

Поражения страны в русско-японской войне породили мнение о неспособности Николая к эффективному управлению страной, подозрения заинтересованности императора и его окружения в решении исключительно корыстных вопросов. 2 марта 1906 г. крестьянин-отходник Чухломского уезда, работавший до этого в С.-Петербурге, П. И. Васильев 25 лет, в одном из трактиров Галичского уезда, когда зашла речь о русско-японской войне, сказал: «Царь связался с казёнками, а о деле не думает», выбрав царя «скверноматерными словами». Крестьянин Юрьевецкого уезда Д. А. Таранов 51 года, в разговоре с односельчанами 24 мая того же года высказался, что «неудачи постигли Россию в эту войну от царской фамилии», обругав при этом Николая II. Крестьянин Кинешемского уезда А. А. Комаров 32 лет 9 марта 1906 г. в фабричном селе Вичуге во время молитвы односельчан «Спаси Господи люди твоя» и произнесения слов: «Благодарному Государю нашему», высказал: «за кого вы молитесь, нам Государя не надо, он виноторговец, сукин сын»³⁴.

В условиях революции бессилие власти становится всё более очевидным. Земский фельдшер Кологривского уезда А. К. Копанев 40 лет в разговоре с крестьянами заявил: «Государь получает 33 тысячи рублей в месяц, а дурак дураком, ничего для нас не делает»³⁵. Бездеятельность Николая II, неспособность к реформам в сочетании с его жестокостью отмечалась в стихах, переписываемых и распространяемых среди рабочих. 26 мая 1906 г. в г. Юрьевце Костромской губернии был задержан полицией бывший типографский рабочий Эль Лейзеров Брен, который передал рабочим типографии рукописный листок со стихами, написанными от имени Николая II: «Я пишу тебе, печали и тревоги полон...». Лейтмотивом стихотворения была фраза: «где надо думать, там я пас». Стихотворение заканчивалось характерным пассажем:

«Я в Питере своим приказом, Все беспорядки кончу разом.
Во мне признают реформатора, Дам генерала-губернатора.
Да самого свирепого. Вот, например, Митюху Трепова.
Он жестокий и нахал. Будь губернатор – Генерал!
Рескрипт его уполномочил, И пусть творит, что только хочет.
Мне же нужен самому покой. Прощай, мой дядя, дорогой»³⁶.

В период революции серьёзно пошатнулся престиж службы государю. 9 марта 1906 г. крестьянин Варнавинского уезда К. Г. Ложкарёв 45 лет, уговаривая односельчанина не поступать на службу в стражники, выбранил государя, пренебрежительно назвав его «Николкой». Земский фельдшер Кологривского уезда П. С. Малинов убеждал знакомого стражника бросить службу, назвав царя «дураком» и «сволочью» и заявив, что правительство надо перебить. Своё нежелание служить государю выразил также крестьянин с. Селищ Костромского уезда, подлежащий призыву на военную службу М. В. Задорин 22-х лет. Явившись в волостное правление 30 сентября 1906 г., он потребовал денег на вино новобранцам, а не получив их, разразился бранью в адрес государя, заявив, что «Николке Романову служить не буду», а все его портреты изорвем³⁷.

Лишь немногие недовольные чётко формулировали антимонархическую позицию. Так, крестьянин Ветлужского уезда Иван Васильев Унжаков 35 лет, неоднократно привлекавшийся за кражи и другие уголовные преступления, находясь под арестом в Кологривской тюрьме 27 марта 1906 г. заявил, что «Государя надо убить вместе с его законами». Гораздо чётче выразил свои взгляды поназыревский телеграфист, ярославский мещанин П. Н. Абрамов 29 лет, причастный, как выяснилось в ходе следствия к деятельности социал-демократической партии. Выражая сожаления по поводу ареста студента Чудецкого, совершившего террористический акт, П. Н. Абрамов обругал императора и министров. Заявил, что их нужно бить, так как они грабят Россию, и стремиться к республике. Удивительно то, что впоследствии свидетели отказались от показаний и дело в суде было «развалено». П. Н. Абрамов признан невиновным³⁸.

Подводя итоги, можно отметить устойчивость монархических настроений среди различных слоёв населения даже в обстановке острого революционного конфликта. Образ царя-самодержца, вера в царя, хотя и были поколеблены, сохраняли своё влияние и получали поддержку в крестьянской, рабочей среде, среди городских обывателей. Активизация их позиции в ходе революции обусловила её поражение. В то же время выявляются факторы кризиса авторитета власти, который выражался, прежде всего, в распространении негативного, пренебрежительного отношения к персоне Николая II. Необходимость смены политического режима, отрицание самодержавной власти в целом было характерно пока лишь агитаторам, представителям различных политических партий, но не укоренилось в массе рабочих, крестьян и городских обывателей.

Примечания

¹ Ленин В. И. Революция в России // Полн. Собр. Соч. 5-е изд. М., 1969. Т. 9. С. 178; Он же: «Царь-багюшка» и баррикады. // Полн. Собр. Соч. Т. 9. С. 216.

РАЗДЕЛ I

---

² См.: *Степанов С. А.* Рабочие и черносотенные организации. 1905-1917 гг. // Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций: 1861 – февраль 1917 г. / отв. ред. С. И. Потолов. СПб., 1997. С. 367–378; Кирьянов Ю. И. Численность и состав крайних правых партий в России (1905–1907 гг.): тенденции и причины изменений // Отечественная история. 1999. № 5. С. 29–43; Он же: Правые партии в России. 1911–1917 гг. М., 2001 и др.

³ См.: *Новиков А. В.* Требования рабочих Верхнего Поволжья в революционном движении 1905 г. как отражение их менталитета // Клио. – 2002. № 2. С. 141–151.

⁴ РГИА. Ф. 23. Оп. 30. Д. 53. Л. 310–311; Караваев П. 1905 год в Костроме // 1905 год в Костроме. Сб. статей / ред. Я. А. Андреев. – Кострома, 1926. С. 38–66.

⁵ ГАНИКО. Ф. 383. Оп. 1. Д. 56. Л. 73–74об. «Кашинская фабрика» – Новая костромская льняная мануфактура, наиболее крупное предприятие города Костромы.

⁶ *Фрунзе М. В.* Собрание сочинений в 3 т. М., 1929. Т. 1. С. 508–509.

⁷ ГАИО. Ф. 338. Оп. 1. Д. 240. Л. 8об.

⁸ ГАЯО. Ф. 347. Оп. 1. Д. 492. Л. 1-1об.

⁹ Костромской листок. – 1905. – 11 мая. № 51; 25 мая № 57; 24 июня. № 69.

¹⁰ См.: РГИА. Ф. 23. Оп. 30. Д. 4. Л. 85; Ф. 587. Оп. 56. Д. 235. Л. 51об, 1125; Ф. 1405. Оп. 323. Д. 1475. Л. 1–2об, 42–45; Оп. 530. Д. 181. Л. 80; ГАРФ. Ф. 102. 3-е делопроизв., 1906 г. Д. 1. Ч. 19. Л. Б. Л. 5–5об; ГАВО. Ф. 14. Оп. 5. Д. 1453. Л. 1, 3; Д. 1496. Л. 9–9об; Д. 1462. Л. 181об, 257–258; Д. 1487. Л. 2; Д. 1496. Л. 10; Д. 1540. Л. 12–12об; Ф. 266. Оп. 1. Д. 235. Л. 90–90об; ГАИО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 906. Л. 237–238; ГАЯО. Ф. 73. Оп. 4. Д. 4496. Л. 165–165об, 178, 228–229; Д. 4498. Л. 178, 237–238; Ф. 674. Оп. 3. Д. 73. Л. 17; Ф. 906. Оп. 4. Д. 472. Л. 3–3об; Д. 486. Л. 3–3об; Д. 414. Л. 435–439об; Русские ведомости. 1905. 27 октября. № 282; Северный край. 1905. 2 ноября. № 257; Костромской листок. 1905. 30 октября. № 107.

¹¹ ГАВО. Ф. 14. Оп. 5. Д. 1462. Л. 257–258.

¹² ГАРФ. Ф. 102. 3-е делопроизв., 1906 год. Д. 1. Ч. 46. Л. Б. Л. 11–11об; ГАИО. Ф. 349. Оп. 1. Д. 534. Л. 58–59; Д. 532. Л. 322–324; Костромской листок, 1905, № 9, 23, 27 ноября; 2, 14 декабря, № 111, 117, 119, 124, 125; Северный край, 1905, 13, 27 ноября, № 268, 281.

¹³ ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 81. Л. 2об; ГАЯО. Ф. 73. Оп. 4. Д. 4496. Л. 311; Северный край, 1905, 26, 28 ноября, 5 декабря, 280, 282, 289.

¹⁴ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 1. Д. 943. Л. 183об–196.

¹⁵ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 1. Д. 943. Л. 194

¹⁶ ГАЯО. Ф. 906. Оп. 4. Д. 414. Л. 423об; Ф. 674. Оп. 3. Д. 73. Л. 17.

¹⁷ РГИА. Ф. 1328. Оп. 2. Д. 10. Л. 28–29.

¹⁸ РГИА. Ф. 1328. Оп. 2. Д. 10. Л. 29; ГАВО. Ф. 266. Оп. 1. Д. 1516. Л. 4–4об.

¹⁹ ГАВО. Ф. 709. Оп. 2. Д. 5. Л. 65–65об.

²⁰ РГИА. Ф. 1328. Оп. 2. Д. 10. Л. 29.

²¹ ГАВО. Ф. 14. Оп. 5. Д. 1461. Л. 45–47.

²² Сравни некролог в «Новой жизни», 1905, № 21 и рапорт Иваново-Вознесенского полицмейстера от 17 января 1906 г.: ГАВО. Ф. 14. Оп. 5. Д. 1461. Л. 29–29об.

²³ См.: РГИА. Ф. 1405. Оп. 530. Д. 181. Л. 141–141об; ГАВО. Ф. 14. Оп. 5. Д. 1481. Л. 129; ГАИО. Ф. 349. Оп. 1. Д. 533. Л. 17об 18; Д. 534. Л. 55–55об.

²⁴ *Петрункевич И. И.* Из записок общественного деятеля. Воспоминания // Архив русской революции. В 22 т. Т. 21. М., 1993. С. 406–407.

²⁵ ГАТО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 20319. Л. 3об.; Д. 20320. Л. 8об., 14об.

²⁶ См.: *Новиков А. В.* Рабочее движение в Костромской губернии в 1895 феврале 1917 гг.: Хроника. – Вып. 1. 1895–1905 гг. Кострома, 2003 С. 79–80.

²⁷ РГИА. Ф. 587. Оп. 56. Д. 235; Северный край. 1905. 26 октября. № 250.

²⁸ ГАЯО. Ф. 73. Оп. 4. Д. 4496. Л. 178; Ф. 906. Оп. 4. Д. 486. Л. 3–3об.

²⁹ РГИА. Ф. 23. Оп. 30. Д. 4. Л. 85об.; Ф. 1405. Оп. 323. Д. 1475. Л. 1–2об.; ГАВО. Ф. 14. Оп. 5. Д. 1462. Л. 182–182об, 258–260.

³⁰ ГАЯО. Ф. 73. Оп. 4. Д. 4496. Л. 141, 183–183об; Ф. 397. Оп. 2. Д. 1013. Л. 111–113об.

³¹ ГАЯО. Ф. 73. Оп. 3. Д. 2602. Л. 47–47об.; Оп. 4. Д. 2296. Л. 348–349.

³² ГАНИКО. Ф. 383. Оп. 1. Д. 56. Л. 29–30об.

³³ ГАКО. Ф. 340. Оп. 1. Д. 1121. Л. 2.; Д. 1124. Л. 2.

³⁴ ГАКО. Ф. 340. Оп. 1. Д. 1132. Л. 2–2об.; Д. 1135. Л. 2; Д. 1140. Л. 2.

³⁵ ГАКО. Ф. 340. Оп. 1. Д. 1126. Л. 2–2об.

³⁶ ГАКО. Ф. 340. Оп. 1. Д. 1134. Л. 2.

³⁷ ГАКО. Ф. 340. Оп. 1. Д. 1123. Л. 2–2об.; Д. 1129. Л. 2об.; Д. 1130. Л. 2; Д. 1136. Л. 2.

³⁸ ГАКО. Ф. 340. Оп. 1. Д. 1139. Л. 2–3, 43об., 98.

Д. С. Иванцов, Е. А. Чугунов
г. Кострома

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ КУЛЬТУРНОГО УРОВНЯ ПРОМЫШЛЕННЫХ РАБОЧИХ ВЕРХНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В ЭПОХУ ПОСЛЕДНЕГО РОССИЙСКОГО ИМПЕРАТОРА

Начавшаяся после отмены крепостного права в 1861 г. промышленная модернизация Российской империи наиболее быстрые темпы приобрела в эпоху царствования Николая II (1894–1917). Ускорение развития промышленного производства повлекло, в свою очередь, значительную социально-производственную эволюцию рабочих, рост их общеобразовательного и квалификационного уровня¹. Интересы промышленного производства рубежа XIX–XX вв. требовали грамотного рабочего, способного прочесть инструкцию, чертеж и т. д.

Именно на правление Николая II пришлось время «серебряного века» русской культуры, что, конечно, не является прямым или даже косвенным следствием политики последнего российского императора. Вместе с тем, культурное развитие Российской империи было обусловлено социально-экономической политикой предыдущих государей – Александра II (1855–1881) и Александра III (1881–1894). Именно в этот период начинается и процесс роста культурного уровня промышленных рабочих.

Последнее обстоятельство было обусловлено сразу несколькими факторами, в том числе: увеличение общего числа школ, растущая доступность книжной и вообще печатной продукции при одновременном развитии сети общедоступных (публичных) библиотек и читален, открытие и распространение новых форм и типов досуговых организаций (народных домов, клубов, курсов и др.).

При этом количество предпринимателей, заботящихся о народном просвещении и образовании, было в целом невелико. Так, по состоянию на 1900 год в Костромской губернии школы для рабочих имелись на 27 предприятиях

из общего числа 245 (в сравнении – во Владимирской на 36 из 537, в Ярославской на 9 из 284)².

В журнале собрания учредителей Товарищества Новой Костромской льняной мануфактуры (ТНКЛМ) за 1886 год можно найти следующие записи: «Собрание постановило иметь при фабрике двухклассное училище»³. Через 10 лет встречается новая запись: «Ввиду недостатка помещения для учащихся согласно составленного плана построить новое каменное здание для училища»⁴. В начале XX века в названной школе обучалось около 700 учащихся⁵.

Анализ данных по фабричным школам Костромской губернии свидетельствует о том, что при незначительной части несовершеннолетних (около 2 %) основную массу посещавших школы составляли взрослые рабочие (60–65 %)⁶. Среди немаловажных обстоятельств получения образования детьми из рабочей среды можно указать постоянную нехватку материальных средств, которая вынуждала забирать 7–12-летних детей из школы и устраивать на производство, отдавать в услужение и т.д. После революционных событий 1905–1907 годов постепенно среди обучаемых количество детей и подростков начинает увеличиваться.

Обучение в школе Товарищества Новой Костромской льняной мануфактуры вели 18 учителей, причем с течением времени уровень профессиональной подготовленности самих учителей значительно возрастает, и уже к началу XX века практически все они имели специальное педагогическое образование. Этому способствовало широкое распространение курсов повышения квалификации учителей, в том числе учителей фабричных школ⁷.

Занятия в школе при ТНКЛМ проводились на двухгодичной основе по следующим дисциплинам: «Родиноведение», «Народоведение», «Естествознание», «Литература», «Арифметика», «Закон Божий», «Письмо». Важно отметить, что в течение учебного года рабочие изучали такой предмет, как «Машины и условия производственной работы». Такой подход позволял рабочему быстро включаться в технологию освоения современного производства и уже на первом году (из двух) получать необходимый для этого образовательный минимум.

Как отмечалось в общедоступном «Вестнике мануфактурной промышленности» за 1911 год: «Некоторые из окончивших фабричную школу получают дальнейшее образование (директор прядильни инж.-техн. Федор Иванович Перунов также воспитанник фабричной школы), а обычно, оставаясь работать на фабрике же, они занимают места средних и низших служащих»⁸.

Известный костромской фабрикант М.М. Красильщиков, открывший на свои средства 10 школ со всем необходимым учебным оборудованием, как-то заметил: «Только значительная систематическая подготовка поможет ученикам-рабочим ... усвоить себе те общие законы природы, на коих зиждется здание специальных наук, которые в толковых и умело направленных руках способствуют усовершенствованию производства, увеличению продуктивности труда, улучшению материального положения рабочих, а, следовательно, содействуют общему прогрессу промышленности страны»⁹. Действительно, реальная практика доказала обоснованность и эффективность такого подхода фабрикантов к делу образования и просвещения рабочих.

На рубеже XIX–XX веков в России начинает активно формироваться массовая книжная культура. Данный период времени характеризуется не только ростом общего числа библиотек, но и принципиальным изменением отношения к книге как таковой. Появление большого количества дешевых (доступных по цене) книг (типографии И. Д. Сытина и др.) позволило кардинально расширить читающую аудиторию и, тем самым, значительно повысить общекультурный уровень населения в целом, и промышленного пролетариата, в частности.

Особую роль в этом процессе сыграла подвижническая деятельность Ивана Дмитриевича Сытина (костромича по рождению).

Именно он одним из первых в России выработал концепцию книги для «читателя из народа». Сытин, подвергая критике «теорию особой литературы для народа», полагал, что: «Никакой отдельной литературы для народа создать нельзя, да и не нужно, первоклассные писатели всех наций для народа доступны ... Народ нуждается в доступных по цене книгах классиков: Пушкина, Гоголя, Тургенева и т. д.»¹⁰. Не останавливаясь подробно на деятельности И.Д. Сытина, укажем, что жизнь подтвердила правоту книгоиздателя. Им была организована разветвленная сеть распространения книг для народа, в том числе направленная на комплектование фабричных библиотек¹¹.

Библиотеки играли значительную роль в деле повышения общего уровня культуры промышленных рабочих. Общедоступные библиотеки как социальный феномен стали появляться в России еще во второй половине XVIII века, но широкое свое развитие они получили только в пореформенной России. Важное значение в народном просвещении и развитии провинциальной библиотечной сети имел возникший в пореформенной России институт земств. Так, по инициативе и благодаря соответствующим усилиям земств уже к 1909 году общее число народных (общедоступных) библиотек в Костромской губернии достигло 283 единиц¹².

В основной своей массе библиотеки открывались в городах и промышленных поселках. Помимо того, создавались небольшие библиотечки и книжные уголки при фабриках, заводах, просветительских и иных обществах¹³. Крестьяне же так и не получили реального доступа к книге. Горожане читали и более систематично и более равномерно, чем сельские жители. Помимо географического фактора, этому способствовали еще как минимум два обстоятельства: большее количество времени досуга и более значимая потребность в книге как источнике знания (связанная, в том числе, с необходимостью профессионального соответствия и роста).

В конце XIX – начале XX вв. неизменный интерес у читателей общедоступных библиотек вызывала художественная литература, книги по истории и географии. Динамично росло количество читающих периодические издания¹⁴.

Однако, осязаемая немногочисленность бесплатных народных библиотек не могла утолить «жажду просвещения» в полном объеме. Это обстоятельство обусловило появление в Костромском крае сети передвижных библиотек, суть деятельности которых заключалась в доставке книг в деревни и рабочие поселки, не имевшие стационарных библиотек, и в периодическом обмене прочитанной литературы на новую.

Анализируя статистические данные земств по обследованию бесплатных народных библиотек, можно охарактеризовать половозрастной состав тогдашних читателей: основной их контингент (примерно 57 % от общего числа читателей) составляла молодежь в возрасте от 11 до 20 лет, после двадцатилетнего возраста интерес к чтению ослабевал так, что читатели старше 50 лет составляли всего лишь 1,5 %. Преимущественно, читателями были мужчины. Этот факт, на наш взгляд, объясняется следующими обстоятельствами. Во-первых, читательницы гораздо позднее мужчин начали приобщаться к просвещению и образованию. Во-вторых, женщины были значительно больше скованы бытовыми и прочими жизненными обстоятельствами.

В каждой из рассматриваемых библиотек книги тематически делились на 11 отделов: 1 – религиозно-нравственные; 2 – художественные; 3 – исторические и биографические; 4 – по географии; 5 – естественнонаучные; 6 – по сельскому хозяйству; 7 – по медицине, гигиене и санитарии; 8 – о ремеслах; 9 – юридическая и общественная литература; 10 – периодические издания; 11 – прочие¹⁵. Наиболее привлекательными для всех категорий читателей бесплатных народных библиотек были художественные книги. Чуть менее востребованными по сравнению с ними были книги по истории и географии. Следует обратить внимание на факт, что такое распределение читательских интересов определялось не только большим или меньшим пристрастием их к литературе какого-либо из разделов, но и тем, что читатели народных библиотек находились в таких условиях, при которых приходилось читать не то, что нужно и интересно, а то, что есть в библиотеке в наличии. То есть не книжный фонд приспособлялся ко вкусам и потребностям читателя, а наоборот – читательский спрос – к наличествующему книжному фонду. Важно отметить, что актуальная в то время литература по так называемому «рабочему вопросу», естественно, в библиотеки не попадала, хотя во многих из них именно рабочие составляли основную массу читателей.

В это же время среди трудящихся увеличивается стремление к чтению периодических изданий. В числе газет, наиболее востребованных, например, среди рабочих, были «Русские ведомости», «Курьер», «Новости дня», «Свет»; среди журналов наиболее читаемыми были следующие издания: «Журнал для всех», «Новое время», «Русское слово», «Нива», «Русский паломник». Причем, в периодических изданиях «народный читатель» хотел видеть не только практические советы по хозяйству, семейным взаимоотношениям, но и отражение важнейших общественно-политических событий и процессов, происходивших в стране и мире и т. д.

Таким образом, в период правления последнего российского императора Николая II происходят положительные изменения в культурном уровне промышленных рабочих, связанные во многом с изменениями в стране социально – экономического и политического порядка. Важнейшими факторами, определявшими положительный характер этих изменений явились: расширение сети библиотек, клубов, образовательных учреждений, рост доступности книги и печатной продукции для трудящегося населения, активизация благотворительной и просветительской деятельности предпринимательского корпуса и земства¹⁶.

Примечания

¹ См. подробнее: *Чугунов Е. А.* Положение и культурный уровень промышленных рабочих Верхнего Поволжья. Конец XIX – 1913 г. (По материалам Владимирской, Костромской и Ярославской губерний). – Кострома, 2001.

² *Чугунов Е. А.* Положение и культурный уровень промышленных рабочих Верхнего Поволжья. Конец XIX – 1913 г. (По материалам Владимирской, Костромской и Ярославской губерний). С. 116.

³ *Давыдова Г. В.* «В собрании сем положили следующее...». Журнал собрания учредителей Товарищества Новой Костромской льняной мануфактуры // Губернский дом. 2006. № 6. С. 32.

⁴ Там же.

⁵ «Величайшая, единственная в мире» // Губернский дом. 2006. № 6. С. 37.

⁶ См. подробнее: ГАКО. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 31. Л. 5, 15, 23, 32, 38.

⁷ См. подробнее: Отчет об общеобразовательных учрежденных Костромским губернским земством курсах учителей и учительниц Костромской губернии в г. Костроме летом 1904 года. Кострома, 1904.

⁸ Цит. по: «Величайшая, единственная в мире» // Губернский дом. 2006. № 6. С. 37.

⁹ ГАКО. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 123. Л. 3.

¹⁰ *Сытин И. Д.* Страницы пережитого // Жизнь для книги. М., 1985. С. 95.

¹¹ См. подробнее: *Чугунов Е. А.* О роли просветительской деятельности И. Д. Сытина в формировании культурного облика рабочих России в конце XIX – начале XX вв. // Тезисы научно – практической конференции преподавателей Костромского государственного педагогического института им. Н. А. Некрасова. Кострома, 1993. С. 68–76; *Иванцов Д. С.* Деятельность пролеткультов в просвещении жителей Костромского края и традиции сытинских начинаний // Сытинские чтения. Сб. статей областной научно-практической конференции 23 июня 2006 г. / Сост. С.в. Рябинцев. Кострома, Костромской музей-заповедник, 2008. С. 53–61 и др.

¹² См.: *Анохин А.* Преображение Костромы // Губернский дом. 1993. № 1. С. 16.

¹³ См.: *Чугунов Е. А.* Положение и культурный уровень промышленных рабочих Верхнего Поволжья. Конец XIX в. – 1913 г. (По материалам Владимирской, Костромской и Ярославской губерний). Кострома, 2001.

¹⁴ См. подробнее: *Иванцов Д. С., Чугунов Е. А.* Просветительская роль библиотек Костромского края в конце XIX – первой четверти XX века // Информационные ресурсы и сервисы открытого образования. – Ярославль, 2007. С. 88–91.

¹⁵ См. подробнее: *Чугунов Е. А.* Положение и культурный уровень промышленных рабочих Верхнего Поволжья. – Кострома, 2001.

¹⁶ См. подробнее: *Чугунов Е. А.* О просветительской деятельности Костромского губернского и уездных земств в конце XIX – начале XX вв. // Российская государственность: этапы становления и развития. Кострома, 1993. С. 102–109; Он же. О роли Костромского губернского и уездных земств в повышении культурного уровня рабочих и крестьян губернии в конце XIX – начале XX вв. // Молодые учёные – школе и науке: теоретические и методические аспекты. – Кострома. 1993. С. 17–19.

К. С. Рубанков
г. Кострома

**«...НЕ ДОПУСТИЛИ РАЗРУШЕНИЯ ДОРОГОГО НАМ
ПАМЯТНИКА СУСАНИНУ»: ТЕЛЕГРАММЫ КОСТРОМСКИХ
ПРАВОМОНАРХИСТОВ ИМПЕРАТОРУ НИКОЛАЮ II**

Тактика правомонархических организаций, активно действовавших в Костромской губернии в 1905–1913 гг. и пользовавшихся значительной популярностью (к 1908 г. в рядах губернского отдела Союза Русского Народа – главной монархической партии страны – насчитывалось более 5 тыс. членов¹) до сих пор недостаточно изучена. Одним из интересных сюжетов в деятельности костромских правомонархистов, являются их попытки своеобразно влиять на правительственный курс путем отправки многочисленных «верноподданнических» телеграмм императору Николаю Второму.

Первое обращение к монарху было вызвано действительно крайне острой для местных крайне правых ситуацией, сложившейся в начале 1907 г.: в феврале суд приговорил участников костромского погрома 19 октября 1905 г, направленного против левых сил, к различным срокам заключения². К этому времени целый ряд активных участников октябрьского погрома вступил в местные монархические организации, начавшие формализоваться на территории губернии осенью 1906 г. На суде виновными правомонархисты себя единодушно не признали, приговором остались недовольны, и обратились за помощью лично к императору, отправив ему телеграмму с просьбой «дарования прощения костромским патриотам... неправильно осужденным Московской судебной палатой, за то, что они [19 октября 1905 г.] встали на защиту Тебя [от крамольников и не допустили разрушения дорогого нам памятника Сусанина]»³.

На этом обращении Николай Второй начертал «В чем дело?» и поручил премьер-министру П. А. Столыпину разобраться в ситуации. В результате вмешательства императора 24 участника антиреволюционных беспорядков получили помилование: большую часть выпустили на свободу, остальным значительно уменьшили сроки заключения⁴.

Текст телеграммы показывает, что костромские правомонархисты довольно четко представляли настроения монарха и стремились их использовать: в трактовке событий 19 октября 1905 г. они не остановились даже перед значительными преувеличениями. Действительно, в ходе революционного митинга, фактически спровоцировавшего погром 19 октября, левые ораторы взобрались на памятник Ивану Сусанину, и произносили оттуда оскорбительные для императора речи⁵, а после того, как раздалось несколько выстрелов, в толпе прошел слух, что «революционеры» намеренно стреляют в памятник. В реальности о разрушении монумента, разумеется, речи не шло – это в личном письме главе Союза Русского Народа А. Дубровину признавал и лидер костромских правомонархистов К. Русин, тоже осужденный за участие в погроме⁶. Однако образ патриотов, защитивших памятник другому русскому патриоту, тесно связанному с историей династии Романовых, оказался понятным императору, что и обеспечило благоприятный для крайне правых результат.

Таким образом, канал «прямой коммуникации» местных монархистов с императором оказался весьма эффективным, и в дальнейшем костромские крайне правые старались активно его использовать. Императора буквально засыпают телеграммами: только за 1908 г. было послано 8 телеграмм, за первую половину 1909 г. – 4 телеграммы⁷.

Послания к монарху были одним из важнейших аспектов тактики местных крайне правых: их лидер, глава костромского отдела Союза Русского Народа К. Русин в 1907–1908 гг. убеждает своих соратников сразу же после открытия в губернии каждого нового подотдела СРН обязательно посылать царю телеграмму об этом «хоть слов тридцать»⁸. Составление телеграммы на имя императора быстро стало частью процедуры открытия подотделов. Совет К. Русина почти совпадает с директивой, которую Главный совет Союза Русского Народа рассылал по губернским отделам, убеждая посылать как можно больше обращений руководству СРН: «каждый привет, каждое пожелание, каждый голос... укрепляет... преданность долгу перед русским Самодержавием, перед Родиной и народом»⁹. Многочисленные обращения со всей страны должны были показать власти популярность монархических идей в России.

Телеграммы, которые костромские правомонархисты отправляли императору, достаточно четко делятся на два части: первые касались местных событий или являлись поздравлениями членов царской семьи, вторые явно инспирированы Главным советом СРН: они были частью общенациональных политических кампаний по посылке телеграмм – тексты аналогичного содержания шли Николаю Второму от монархистов со всей страны.

Самостоятельно костромские правомонархисты в телеграммах поздравляли императора и членов его семьи с днями тезоименитства, годовщиной восхождения Николая Второго на престол, или выражали «верноподданнические чувства» – часто в связи с открытием очередного отделения СРН. Тексты этих многочисленных посланий практически идентичны.

Более разнообразно содержание телеграмм, которые члены костромского отдела СРН посылали в ходе нескольких общероссийских кампаний правомонархистов: в 1907 г. они призывали императора разогнать вторую Думу, позже – выражали ему недовольство Третьей Думой, а в 1909 г. просили Николая Второго передать дело лидера СРН А. Дубровина, которого обвиняли в причастности к убийству кадета М. Герценштейна, из финского суда (где видному монархисту, до этого призывающему ограничить права Финляндии в составе империи, нельзя было рассчитывать на снисхождение) в «беспристрастный и трезвый русский суд, дабы великий патриот Дубровин, впутываемый в это дело, мог опровергнуть всю возводимую на него клевету»¹⁰. Крайне правые скоро смогли убедиться, что их телеграммы вызывают нужную реакцию: после разгона второй Государственной Думы на очередном собрании костромского отдела СРН они радостно констатировали, что первые две Думы «сломали»¹¹. Чтение манифеста 3 июня 1907 г. о роспуске парламента постоянно прерывалось аплодисментами и криками «ура!»¹².

Как видим, во всех обращениях к императору, начиная с самой первой телеграммы, когда костромские правомонархисты в значительной степени искажали обстоятельства погрома 19 октября, местные крайне правые старались давать

информацию, которую монарх хотел бы услышать: число членов правомонархических организаций растет, постоянно открываются новые отделы, Государственная Дума не имеет поддержки в обществе.

По всей видимости, монарх в значительной степени доверял подобным телеграммам. Так, после публикации Манифеста 17 октября Николай Второй говорил: «Я получаю много телеграмм отовсюду очень трогательного свойства с благодарностью за дарование свободы, но с явным указанием на то, что желают сохранения самодержавия. Зачем они молчали раньше, - добрые люди?»¹³. Решение разогнать первую Думу в определенной степени было мотивировано аналогичными обращениями: «...я продолжаю получать ежедневно десятками телеграммы, адреса, прошения со всех концов и углов земли русской от всякого сословия людей. Они изъявляют мне трогательные верноподданнические чувства вместе с мольбою не ограничивать царской власти»¹⁴.

Между тем, вопрос о том, насколько широкое общественное мнение выражали подобные телеграммы, остается дискуссионным. В частности, многочисленные «всеподданнейшие» телеграммы, которые отправлялись Николаю Второму от имени всех жителей села Красного Костромской губернии (где действительно были очень сильны монархические настроения), в реальности явно отражали мнение не всего местного общества, а только его верхушки. И если интеллигенция села была запугана, то наемные рабочие, начавшие склоняться к социал-демократическим идеям, стали проявлять недовольство сложившейся ситуацией. В результате «верноподданное» село Красное в 1906–1907 гг. постоянно сотрясали конфликты традиционному настроенных сил и их оппонентов: произошло два погрома, а третий удалось остановить только после того, как власти отправили сюда конных стражников¹⁵. Достаточно противоречивой выглядит и сама практика подписания жителями подобных «верноподданных» телеграмм: например, в начале 1906 г. один из священников Макарьевского уезда (Костромская губерния) прославился «акцией» по выявлению местных оппозиционеров: по его плану, вывести их на чистую воду должна была всеподданнейшая телеграмма царю. Ее священник и предложил подписать крестьянам, считая, что те, кто откажутся, и есть крамольники¹⁶.

Мысль о том, насколько широкое общественное мнение выражают телеграммы от отделов СРН, постепенно проникала и в правящие круги. В результате, после особенно ожесточенной кампании СРН – императору шли многочисленные телеграммы с просьбами разогнать только что избранную третью Государственную Думу – по указанию П.Столыпина провинциальные жандармские и охранные отделения произвели проверку как личностей, отправлявших телеграммы, так и состояния местных отделов СРН. Возглавлявший Петербургское охранное отделение А. В. Герасимов вспоминал, что результаты проверки в «большинстве [случаев] были прямо убийственны для СРН. Состав отделов и подготовлен отделов СРН обычно не превышал 10-20 человек. Руководителями же были часто люди опороченные»¹⁷. По его сведениям, эта информация была доведена П.Столыпиным до императора и произвела впечатление. Как видим, власть довольно жестко реагировала в тех случаях, когда требования, изложенные монархистами в верноподданнических телеграммах, расходились с правительственным курсом.

А после того, как правомонархическое движение вступает в полосу кризиса (с 1909–1910 гг.), посылка телеграмм действительно становится практически единственным видом деятельности местных крайне правых, маскирующим тот факт, что реальной работы они не ведут.

Сами правомонархисты склонны были придавать своим телеграммам важное значение. Весьма показательны, что многочисленные сборы денежных средств, проходившие во время собраний костромского отдела Союза Русского Народа, и достаточно редко приносившие ощутимый эффект (большинство местных правомонархистов составляли небогатые мещане), всегда оказывались удачными, когда собирали деньги на телеграммы в Царское Село. Представление о приоритетах местных крайне правых дает и анализ расходов костромского отдела СРН 1906–1909 гг.: по статье «телеграммы» было истрчено 150 рублей, то есть в 2 раза больше, чем на проведение губернских съездов (все расходы отдела в это время составили 2180 рублей)¹⁸. Чтение ответов императора на многочисленные телеграммы костромских монархистов традиционно завершало их собрания – обращения Николая II зачитывали сразу после пения национального гимна, иногда вместо молитвы¹⁹.

Можно согласиться с высказанным в историографии мнением, что телеграммы «как на высочайшее имя, так и в адрес чиновников различных уровней, являлись способом осуществления политического давления на правительственный аппарат», создавали «атмосферу общественной поддержки, служа противовесом многочисленным петициям и резолюциям со стороны оппозиции»²⁰. Однако, на наш взгляд, очень важное значение для правомонархистов имел и символический смысл этого «прямого» общения между императором и его подданными. Консервативный лагерь в России сформулировал идею о том, что проблемы, с которыми монархия столкнулась в начале XX в., вызваны тем, что «чиновничий строй» заслонил «светлый образ» царя от народа. Ликвидация «бюрократической стены», непосредственное общение монарха с подданными – эти идеи часто артикулировались участниками правомонархического движения. На одном из собраний монархистов г. Кинешмы (Костромская губерния) местный оратор озвучил эту же мысль: «Государь Император Манифестом от 17 октября 1905 года ... желал войти в более близкое общение с народом. Ранее же тут была глубокая пропасть, именуемая чиновничьей камарильей»²¹. «Общение» с помощью телеграмм, которые отправляли лично императору, несомненно, поддерживало у местных правомонархистов иллюзию близости к власти, которая прислушивается к ним. Очень большое значение имело и то, что на все послания местных крайне правых всегда следовал высочайший ответ (убеждая своих товарищей по партии посылать как можно больше телеграмм императору, глава костромских крайне правых К. Русин особо подчеркивал: «вы непременно получите [на телеграмму] ответ»²²). Для костромских правомонархистов – небогатых мещан, относительно недавно перебравшихся в город, которые сами признавали свой невысокий образовательный уровень и не без обиды именовали себя «мужиками»²³, людей, тяжело переживавших свою бесправность перед губернскими властями, высочайшее внимание со стороны императора было очень важным. Возможно, определенную роль в том, что местные крайне правые так ценили «общение» с царем, сыграло ощущение связи региона и династии Романовых – на собраниях костромских правомонархистов подчеркивалось, что Кострома – «родина монархов»²⁴.

Последним эпизодом «общения» между местными правомонархистами и Николаем Вторым стали многочисленные обращения костромских крайне правых с просьбами принять их делегации во время визита царя в Кострому в ходе празднования 300-летия династии Романовых. Император их принял, однако общение прошло крайне формально²⁵. Несмотря на многочисленные просьбы позволить женщинам-членам костромского отдела СРН представиться императрице Александре Федоровне, разрешения на это дано не было.

На наш взгляд, телеграммы правомонархистов к императору в определенной степени способствовали появлению ложных, иллюзорных представлений у обеих сторон. Николай Второй оказался убежден в поддержке общества в большей степени, чем это имело место в действительности. В свою очередь местные монархисты оказались уверены в том, что власти будут постоянно оказывать поддержку – в результате правомонархическое движение оказалось не готово работать в ситуации, когда ее не стало.

Примечания

¹ Государственный архив Костромской области (ГАКО). Ф. 133. Оп. 38. Д. 17. ЛЛ. 7–42.

² Костромской листок. 1906. 3 января; Поволжский вестник. 1907. 12 февраля; ГАКО. Ф. 133. Оп. 38. Д. 15. Л. 23.

³ ГАКО. Ф. 133. Оп. 38. Д. 15. Л. 229.

⁴ ГАКО. Ф. 133. Оп. 38. Д. 15. Л. 23.

⁵ Костромские епархиальные ведомости. 1905. № 21. Неофиц. ч. СС. 633–634, 648–649, 652; Государственный архив новейшей истории Костромской области (ГАНИКО). Ф. 383. Оп. 2. Д. 94. Тетрадь 1. ЛЛ. 34–35. Поволжский вестник. 1907. 9 февраля.

⁶ Размолодин М. Л. Черносотенное движение в Ярославле и губерниях верхнего Поволжья в 1905–1915 гг. Ярославль, 2001. С. 20.

⁷ Подсчитано по: Поволжский вестник. № 503, № 517, № 518, № 529, № 559, № 561, № 567, № 585, № 586, № 587, № 589, № 648, № 710, № 757.

⁸ ГАКО. Ф. 133. Оп. 38. Д. 15. Л. 312.

⁹ Владимирский край. 1907. 25 апреля

¹⁰ Поволжский вестник. 1909. 26 апреля.

¹¹ Поволжский вестник. 1908. 13 января.

¹² Поволжский вестник. 1907. 9 июня.

¹³ Ферро М. Николай II. М., 1991. С. 120.

¹⁴ Цит. по: Степанов С. А. Черная сотня в России (1905–1914 гг.). М., 1992. С. 124

¹⁵ ГАКО. Ф. 133. Оп. 35. Д. 15. Л. 329; Костромская газета. 1906. 30 мая.

¹⁶ Костромской голос. 1906. 8 февраля.

¹⁷ Герасимов А. В. На лезвии с террористами // <http://terijoki.spb.ru>

¹⁸ Размолодин М. Л. Указ. соч. С. 96.

¹⁹ Поволжский вестник. 1908. 5 марта.

²⁰ Омелянчук И. В. Черносотенное движение в Российской империи (1901–1914 гг.). Автореф. дисс. ... док. ист. наук. Воронеж, 2006. С. 40

²¹ Поволжский вестник. 1907. 24 ноября.

²² ГАКО. Ф. 133. Оп. 38. Д. 15. Л. 312.

²³ Поволжский вестник. 1908. 7 марта.

²⁴ Поволжский вестник. 1907. 15 ноября.

²⁵ ГАКО. Ф. 133. Оп. 31. Д. 2884. Л. 2.

А. В. Зябликов
г. Кострома

МОНАРХИЧЕСКИЕ ИДЕАЛЫ РУССКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЭЛИТЫ НАЧАЛА XX ВЕКА

Принято считать, что начало XX в. стало временем, когда образованное сословие буквально заболело идеями политического обновления. В стан либералов и конституционалистов легко зачисляются и многие выдающиеся деятели русской культуры, писатели, художники, музыканты. На наш взгляд, тезис о «либеральных чаяниях» русской художественной элиты нуждается в серьезной корректировке. Именно художники выступили как наиболее последовательные и убедительные выразители монархического идеала.

Сложность и двусмысленность процессов, шедших в России в начале XX в., заключалась в том, что большая часть творческой элиты признавала необходимость определенных исторических инверсий. При этом в радикальной смене режима справедливо усматривалась угроза началам государственности и культуры, а идея ограничения самодержавия оказывалась политическим оксюмороном: одна часть этого понятия полностью исключает другую. В. Л. Величко еще в 1902 г. писал о том, что отступление от незыблемых устоев православия – самодержавия – народности поставило бы отечество на край гибели, «а человека, служащего ему пером, – на край измены вечно-созидательным началам русского народа, творческой силе русского духа»¹. Писатель был убежден, что в этой формуле уже содержатся в необходимой пропорции и охранительный, и прогрессивный элементы: и разумное народоправство, и «освященное религией» единовластие, «и стремление к высшей духовной свободе, и свободное подчинение религиозно-политическим нормам, облагораживающим ее»².

«Царь есть первый воин во время войны и первый пахарь во время мира»³, – формулировал свое понимание самодержавия С. Н. Сыромятников. Поэт Н. М. Соколов считал, что либеральная идея ограничения самодержавия есть полная «дезорганизация» общества, выдаваемая за идеал общественного благоустройства⁴. Эта же мысль многократно повторяется в личной переписке С. Н. Сыромятникова и Н. М. Соколова⁵. «Самодержавие есть закон»⁶, – утверждал Н. А. Энгельгардт. За полвека до первой российской революции Ф. И. Тютчев убеждал, что «конституционный» произвол, облеченный во внешние формы законности, куда более деспотичен и страшен, нежели «простодушный» деспотизм царского самодержавия⁷. С. Н. Булгаков в мемуарах психологически достоверно показал свой путь от революционных искушений к пониманию подлинного существа монархии: «Я стал, по подлому выражению улицы, царист. Я постиг, что царская власть в зерне своем есть высшая природа власти, не во имя свое, но во имя Божие»⁸. И. Л. Солоневич считал русское самодержавие единственной в мире классической монархией – политической организацией народа, построенной на «диктатуре православной совести»⁹. Этой же мысли придерживался романист и поэт Н. Ф. Берг¹⁰.

В том, что многие художники благосклонно отнеслись к учреждению в 1906 г. органа представительной власти, нет никакого противоречия. Государственная

Дума, воспринималась русскими почвенниками как модернизированная модель Земского собора. Она должна была встать на пути всевластия бюрократии и облечь народные чаяния в строгие формы обязательного для всех закона. Земский собор мог стать прочной основой для умиротворения страны: с одной стороны, он решал проблему формирования народного представительства, с другой – не казался чужеродным российскому государственному организму образованием. Модель Земского собора как способ «терапевтического» оздоровления российской государственности принималась даже в кругах, близких Русскому собранию и журналу «Русский вестник».

Показателен спор, который вели между собой на рубеже XIX–XX вв. В. В. Розанов-«монархист» и В. В. Розанов-«республиканец». Идея красоты, примененная к государству, может означать присутствие начал гармонии, симметрии в соотношении друг с другом государственных органов и функций. К самым антиэстетичным проявлениям государства писатель относит бюрократию и охлократию. Впрочем, при равном уважении к праву личности и «гауптвахте» государства В. В. Розанов допускает гармонию приказывающего чиновника и сложного, «эластичного» обывателя¹¹. Именно антиэстетизм политики отталкивает от ее, казалось бы, удобных и полезных форм художественно одаренные натуры и даже целые народы. В эстетическом плане монархия, безусловно, привлекательнее республики, хотя последняя современнее, практичнее и удобней. Исторический процесс в значительной степени зависим от эстетического фактора, хотя влияние это, по мнению В. В. Розанова, до конца не понято и не оценено. В 1899 г. в «Эмбрионах» писатель предложил афоризм: «Совершенство формы есть преимущество падающих эпох»¹². Что же выбрать: прекрасную, но ветшающую или безобразную, но живую политическую форму? Существует ли средство Макропулоса, способное разгладить морщины на старческом лбу аристократии и монархии?

Один из таких паллиативов видится в парламенте. Он представляется В. В. Розанову едва ли не лучшей трибуной для формулирования и согласования мнений: «Это же – совсем отлично: ксендз и мулла в одном собрании, с правом того же голоса, с правом речи на всю Европу...»¹³. Писатель настаивает на том, что Дума – это не «калька» европейских законодательных собраний, а плод русской истории. И огромную роль в его созревании сыграло не только освободительное движение, но и русские государи. Дума, по мысли писателя, должна стать местом, где лицом к лицу встретятся Царь и народ, где «умирится многое, сполнируются острые края, улягутся противоречия...»¹⁴.

Важно заметить, что в художественном сознании процессы 1905–1907 гг. обладали качествами не идеологических конструкторов, а «тектонических» движений истории и культуры. «Если революция переживаемая есть истинная революция, – писал Вяч. И. Иванов, – она совершается не на поверхности жизни только и не в одних формах ее, но в самых глубинах сознания»¹⁵. В «трансцендентную» революцию верил Д. С. Мережковский¹⁶. В 1906 г. Вяч. И. Иванов связывал достижение политической свободы с возвращением к «пророческому» типу народной общины, в которой неразличима грань между «хоровым» театральным действием и гражданским сходом¹⁷. Потому даже та-

кой утилитарно-политический институт, как Дума становится в представлении художников своего рода светским «собором», соединяющим в себе качества национального «ареопага» и совета старейшин.

Характерно, что, например, В. В. Розанов не воспринимает события 1905 г. как возмущение социальных низов, как борьбу тех или иных общественных страт за свои права. Для писателя смута – это видимое проявление более глубоких процессов, связанных с корректировкой национально-культурных и религиозных представлений. С. К. Маковский назвал это «мечтательным мятежом»¹⁸, В. В. Розанов – «преобразованием нравственного идеала»¹⁹. В. В. Розанов видит или, по крайней мере, хочет видеть в революции не просто бунт против бюрократии, а бунт против пассивных идеалов, пробуждение народного самосознания, подобное тому, что помогло три столетия назад победить Великую Смуту. «И теперь, – писал В. В. Розанов в августе 1905 г., – мы стоим перед задачей выдвинуть и сотворить новый идеал *святости* – как *активности* души, а не как пассивности (терпение). Все, что *святого* в Руси – пусть двинется или может двинуться на подвиг *слова, размышления и дела*»²⁰. Понятно почему статья «Исторический перелом», содержащая приведенный выше и подобные ему императивы, была снята в «Новом времени» с набора. Масштаб розановских проектов пугал. Государственная Дума казалась «мелковатой» для реализации столь грандиозных замыслов. Новые политические силы России были не готовы, да и не планировали решать столь сложные и ответственные культурные задачи. Их цели были более локальными и прагматичными: ограничение (или свержение) самодержавия, вхождение во власть, строительство «конституционного» строя, реализация тех или иных экономических, социальных проектов.

В 1906 г. появляется программная статья писателя «Ослабнувший фетиш. Психологические основы русской революции». В. В. Розанов вновь формулирует свое понимание исторических катаклизмов, как движения стихий, «в котором каменная нужда и эфирнейшее воображение, сплетаясь в непостижимый узор, играют не меньшие роли, чем определенные политические партии»²¹. Лица, вовлеченные в водоворот революции, управляются не столько программами, сколько неосознаваемыми, иррациональными мотивами. С этих позиций В. В. Розанов оценивает два альтернативных политических потока: монархический и республиканский. Оба течения в своих «идеальных» проявлениях в равной степени отвлечены, утопичны: «...Грингмут и Иловыйский, произнося слово “монархия”, не рисуют себе, и чистосердечно не рисуют, – “удавленники”, “застреленные”, “раскраденная казна”, “награжденные за службу вору”: и республиканцы тоже не рисуют себе департаментов, прокуроров, налогов и “обязанностей службы”, хотя все это, по прискорбию, должно быть, и в республике будет»²². Оба идеала равнозаконны. Оба потока проистекают из глубин самосознания, однако монархический идеал в XIX столетии вступил в фазу иссякания, он утратил былой ореол святости и мистической полноты.

К началу XX в. историческое «электричество», по мысли В.В. Розанова, сосредоточилось вокруг республиканской идеи, которая не лучше и не хуже монархической, но именно она объективно более соответствует новым историческим реалиям. Монархия в своем каноническом, священном качестве есть

«сотворение эпох темных – не в порицательном смысле, а вот в том смысле наивности, доверчивости, однотонности души человеческой...»²³. Потому монархия обречена уступить место республике, которая есть молодость, «юность и труд, надежды и поэзия, совершенно иного, не воспоминательного и грустного колорита...»²⁴. Возражением В. В. Розанову звучал голос М. О. Меньшикова: «А что если эта республика повторит нам по свирепости своей самодержавие Ивана Грозного?»²⁵.

Эти предчувствия и страхи объясняют, почему многие в манифесте 17 октября узрели начало конца Российской Империи. «Интеллигенция получила, наконец, долгожданный парламент, – писал Великий князь Александр Михайлович. – Русский Царь стал отныне пародией на английского короля, и это в стране, бывшей под татарским игом в годы великой хартии вольностей»²⁶. Монархия состоятельна именно как «фетиш», а значит модель «думской монархии», которую в 1905–07 гг. В. В. Розанов считал приемлемой для России, приобретала качества заведомо недееспособного новообразования, несовместимого с идеократической природой российской государственности. Данное противоречие В. В. Розанов смог разрешить лишь через несколько лет, признав, что царская власть «есть духовное и личное осмысление всей Руси», что царская власть дала государству «то, чего ей недоставало в родовом быте: земле-прикрепление, плането-прикрепление»²⁷. Эту особенность самодержавия хорошо понимал П. А. Флоренский – отсюда характерная для мыслителя нелюбовь к демократическим и парламентским институтам.

Около 1905 г. в философском кружке Московской духовной академии П. А. Флоренский сделал доклад «О цели и смысле прогресса», в котором изложил свою теорию государства²⁸. Эта интересная работа – своего рода историко-софская теорема. П. А. Флоренский выделяет два «закона», два принципа построения государства: иерархический (теократический) и анархический (антропократический). Основа первого – «внутренняя стройность» и «многообразность в единстве», свободное следование всех членов общества одному безусловному (неюридическому!) закону, главная особенность второго – «внутренняя нестройность, однообразность в дробности», принуждение с помощью юридической регламентации жизни²⁹. Теократический строй – желаемая, но, увы, нереализуемая модель общественного устройства. Причиной тому – извращенная суть человека, его «любовь ко злу», проявляющаяся с той или иной интенсивностью. Анархический строй, построенный на внешнем принуждении и стремящийся к «естественной гармонии эгоизмов», реально осуществим, но неизбежно ведет к «коллективному помешательству» и самоуничтожению.

Получается, что один строй желателен, но не осуществим, другой – осуществим, но нежелателен. Преодолеть это противоречие, утверждая как способ его разрешения «абсолютный пессимизм» – атаксию, невозможно, ибо отказ от всякой деятельности отрицает саму жизнь. Следовательно, нужно признать, что тезис о нежелательности анархического строя и невозможности строя теократического уместен лишь «применительно к человеческой природе и человеческой жизни»³⁰. Вывод П. А. Флоренского: приведение общества в «должный» порядок возможно только при условии «качественного преобразования человеческой

природы». Точку перехода человека в иное качественное состояние, а, стало быть, и качественное изменение всей жизни мыслитель называет «концом истории»³¹. Для П. А. Флоренского это понятие наполнено позитивным, жизнеутверждающим смыслом и ни в коей мере не тождественно апокалиптическому «концу света».

Таким образом, П. А. Флоренский признавал возможность идеального человеческого общежития, но оно будет фактом уже какой-то «другой» истории. Мери утопичности этой концепции каждый вправе определить самостоятельно. Ее непросто принять, но еще труднее опровергнуть.

П. А. Флоренский находил, что далее всего от теократического идеала ушла социалистическая республика, а менее всего отстоит от него самодержавно-монархическое правление. В связи с этим тезис о пресловутых монархических симпатиях П. А. Флоренского, на наш взгляд, требует поправки. Уместнее выразиться так: самодержавная монархия вызывала *наименьшую антипатию* мыслителя. П. А. Флоренский считал, что русское самодержавие – узел, связующий православие с политической историей страны. «Вера в царское самодержавие, мистическое к нему отношение, – писал П. А. Флоренский, – это один из непременных элементов православия, и поэтому изменения в способах управления страной наносят православию новый удар»³². Именно поэтому мыслитель с тревогой воспринимал попытки конституционного «обновления» царизма: парламент при всех его достоинствах не может быть цементирующей основой в идеократическом государстве.

Итак, концепция «думской монархии» принималась значительной частью русской художественной элиты при условии сохранения исключительных прерогатив монарха. Художники-почвенники воспринимали народное представительство как форму укрепления, совершенствования, а не ограничения самодержавного правления. Они видели в Думе обновленную форму Земского собора, необходимую прежде всего для того, чтобы доносить до государя и правительства земские заботы и искать пути их решения. В представлении художников, работа думских фракций должна была стать не соперничеством, а разумным полилогом, партнерством, рожденным общими заботами о нуждах государства и народа.

Примечания

¹ Русский вестник. 1902. № 5. С. IV.

² *Величко В. Л.* Старый фазис в истории «Вестника Европы» // Русский вестник. 1902. № 7. С. 336.

³ *Сыромятников С. Н.* Опыты русской мысли // Новое время. 1901. 21 января.

⁴ Русский вестник. 1902. № 9. С. 312.

⁵ Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 2571. Оп. 1. Ед. хр. 393. Л. 35., ОРК РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 1333. Л. 27.

⁶ *Энгельгардт Н. А.* Самодержавие и бюрократия в царствование Императора Николая Павловича // Русский вестник. 1902. № 12. С. 599.

⁷ ...из русской думы. Т. 1. М., 1995. С. 134.

⁸ *Булгаков С. Н.* Тихие думы. М., 1996. С. 337.

⁹ *Солоневич И. Л.* Народная монархия. М., 2003. С. 64.

¹⁰ РГАЛИ. Ф. 2571. Оп. 1. Ед. хр. 20. Л. 19.

¹¹ *Розанов В. В.* Собрания сочинений. Легенда о Великом инквизиторе Ф. М. Достоевского. Литературные очерки. О писательстве и писателях. М., 1996. С. 331.

¹² *Розанов В. В.* Сочинения. М., 1990. С. 248.

РАЗДЕЛ I

- ¹³ Розанов В. В. Собрание сочинений. Когда начальство ушло. М., 1997. С.98.
- ¹⁴ Розанов В. В. Собрание сочинений. Русская государственность и общество. М., 2003. С. 64
- ¹⁵ Иванов В. И. Родное и вселенское. М., 1994. С. 620.
- ¹⁶ Мережковский Д. С. Было и будет. Дневник. 1910–1914; Невоенный дневник. 1914–1916. М., 2001. С. 90.
- ¹⁷ Иванов В. И. Родное и вселенское. С. 50.
- ¹⁸ Маковский С. К. На Парнасе Серебряного века. М.-Екатеринбург, 2000. С.156.
- ¹⁹ Розанов В. В. Собрание сочинений. Когда начальство ушло. С. 51.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Розанов В. В. Собрание сочинений. Когда начальство ушло. С. 145.
- ²² Там же. С. 147.
- ²³ Там же. С. 152.
- ²⁴ Там же. С. 155.
- ²⁵ Меньшиков М. О. Петербургские тревоги // Новое время. 1905. 19 ноября.
- ²⁶ Великий князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний. М., 1991. С. 185.
- ²⁷ Розанов В. В. Сочинения. С. 452–453.
- ²⁸ Комментаторы считают, что названные тезисы тождественны неизвестной статье П. А. Флоренского «Абсолютизм и монархия».
- ²⁹ Флоренский П. А. Сочинения: в 4 т. М., 1996. Т. 1. С. 198.
- ³⁰ Там же. С. 202.
- ³¹ Там же. С. 203.
- ³² Там же. С. 662.

Т. В. Белова
г. Кострома

ПАТРИОТИЧЕСКАЯ ТЕМА В МАССОВОЙ КУЛЬТУРЕ РОССИИ ПЕРИОДА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Первую мировую войну рабочие России встретили патриотическим подъемом. Прекратились стачки, мощная волна которых прошла буквально накануне войны. Более того, во всех крупных городах России проходят многочисленные демонстрации, на которых рабочие объединяются со студентами. Означает ли это, что рабочие и в самом деле были настроены патриотически? Действительно ли всеобщее патриотическое воодушевление свело на нет экономические и политические требования, характерные для забастовочного движения в начале июля 1914 г.?

История русского пролетариата за 1914–1917 гг. основывалась, главным образом, на хронологии и интенсивности забастовок. При помощи статистических данных рассматривались от месяца к месяцу (а также от общенационального уровня к местному, от центра к провинции) как сами забастовки, так и их участники¹. Исследуя количество забастовок, а также их характер, историки стремились показать, как рабочие, пережив вспышку патриотизма, возвращались

затем к своему революционному делу. Патриотизм в этом случае выглядел как временное отклонение от революционного пути и явное противоречие по отношению к забастовочному движению.

На самом деле, правильно оценить патриотическое выступление – задача более сложная. С помощью хронологии невозможно объяснить, какие чувства владели рабочими, как они воспринимали врага и свою собственную страну.

Одним из способов для уточнения отношения рабочих к войне, предложил немецкий историк Х. Ян² – изучение народных увеселений. К 1914 году русские рабочие были активными участниками массовой городской культуры. Помимо обычного досуга, как выпивка или гуляние, рабочие посещали цирк, сады, кинотеатры, народные дома, театр и оперетту. Кроме того, они влияли на рынок, способствуя обращению такой продукции, как недорогие газеты и журналы, лубки, почтовые открытки.

Данные о посещаемости увеселительных заведений «для низших классов», включая цирк, народные дома, кинотеатры и парки с аттракционами, показывают, что в 1915–1916 гг. эти учреждения пользовались огромной популярностью. Так, в 1916 г. Петроградский народный театр посетило более 1,5 млн. человек, в парках столицы побывало за этот год около 0,5 млн. человек и столько же в кинотеатрах³. Можно с уверенностью предположить, что значительное число посетителей составляли рабочие. Тираж лубков и открыток достиг за годы войны нескольких миллионов, и немалая их часть также покупалась рабочими.

Патриотическая тема преломилась в массовой культуре России периода первой мировой войны в высшей степени разнообразно. Официальная государственная символика и геральдика соперничают здесь с народными героями и национальными играми, а традиционный фольклор соседствует с техническими достижениями и ужасами войны. Необходимой стороной патриотизма в военное время является изображение противника, т. е. проекция на чужую страну, ее правителей всевозможных негативных стереотипов. Основной мишенью для насмешек стали Вильгельм II; Франц-Иосиф и турецкий султан. Приблизительно 30% патриотических открыток представляли Вильгельма II; он же был главным отрицательным героем лубков. Вильгельм изображался на лубках как антихрист, сидящий верхом на диком кабане, или как бешеный пес с островерхим шлемом. Открытки показывают его пьяным мародером или зверем в московском зоопарке⁴.

Нападки на кайзера не ограничивались лишь народными формами визуального искусства. Во время цирковых представлений Вильгельма выкатывали на ринг в особой тележке, что вызывало ассоциации с навозом⁵. Этот цирковой номер напоминает о традиции рабочих протестов, когда ненавистного управляющего выкатывали из заводских ворот на точно такой же тележке. В фильмах, которые широко производились в начале войны и напоминали собой движущиеся лубки, Вильгельм также становился шутовским персонажем, оседлавшем игрушечного коня или марионеточным колбасником.

Создание образа врага – лишь одна из сторон патриотизма. Не менее важно развитие позитивной патриотической символики. В России, как и в других

государствах, классическими позитивными символами национального значения были флаг и гимн. Эти символы в огромном количестве появляются в годы войны. Что касается Николая II, то он в своей традиционной роли царя-батюшки занимал в тогдашних массовых развлечениях не слишком заметное место. Его изображение, если и появлялось на открытках, то в основном, на тех, что печатались Скобелевским комитетом, полуофициальной организацией, занимавшейся пропагандой и благотворительностью. Портреты царя несли на патриотических демонстрациях или же выставляли на, так называемых, «патриотических концертах», организованных Марией Долиной, певицей Петроградского Мариинского театра.

Новой формой патриотического воздействия, возникшей в годы войны, была борьба на арене цирка – состязания между «хорошим» и «плохим» борцом. «Плохой» немец наносивший противнику оскорбление, делал это лишь для того, чтобы русский герой мог потребовать справедливости и примерно наказать его. Физическая сила, наряду с представлениями о справедливости, была компонентом как крестьянско-деревенской, так и пролетарско-городской культуры. Единоборство на арене цирка отвечало этим понятиям, а кроме того, создавало иллюзию мира, где просто и ясно различаются добро и зло, что соответствовало ситуации военного времени⁶.

Излюбленными персонажами массовой патриотической культуры были не царь и его генералы, а народные герои, более близкие к рабочим по своему социальному облику и культурному уровню. Главными героями народной культуры со времен Стеньки Разина выступали казаки. В годы первой мировой войны они стали ведущими фигурами, воплощавшими народный патриотизм. В цирковых спектаклях казаки скакали на лошади, демонстрируя свои акробатические номера, «джигитовку», а в печатных изданиях изображалось в картинках, как они ловко расправляются с кайзером. В газетах рассказывалось о подвигах отдельных казаков. Один из них, Козьма Крючков, стал поистине национальным героем. Уже в начале войны ходили рассказы о том, как он единым взмахом копья уложил одиннадцать немцев. Этот героический поступок воспроизводился в цирке и на эстраде, в кинофильмах, на лубках и почтовых открытках. Почти все издатели включали в выпускаемые ими лубочные серии, по меньшей мере, один из вариантов этого подвига: Крючков, сидящий на лошади, легко, как шашлык, пронзает своим копьем немецких солдат⁷.

В годы первой мировой войны растет число приверженцев кинематографа. Важную роль при этом играл запрет на употребление алкоголя; в ином случае люди, заполнявшие зрительные залы, просто отправились бы в пивную. Летом 1916 г. на экранах появился фильм под названием «Умер бедняга в больнице военной». Восходящий к известному стихотворению К.Р. (великого князя Константина Романова) в исполнении народной певицы Надежды Плевицкой, одной из первых в России «звезд» фонографа, фильм «Умер бедняга...» стал символическим выражением усталости вследствие войны. В нем рассказывалось про молодого деревенского парня, который ушел на войну и, спасая жизнь офицера, сам оказался раненым в сражении. Он попадает в военный госпиталь и,

в конце концов, умирает – одиноко и вдали от родного дома. Людей, сидевших в зрительных залах, эта история волновала до слез⁸.

Успех этого фильма заставляет предположить, что «вкусы» массовой аудитории претерпели за годы войны некоторые изменения. К середине 1915 г. значительная часть ура-патриотического репертуара постепенно исчезла. И хотя кайзера, по-прежнему, изображали «кровавым Вильгельмом», он, тем не менее, все реже подвергался побоям. Веселые разудалые казаки становились серьезнее и задумчивее, все более популярными оказывались человеческие чувства и сентиментальные истории про войну. Эта эволюция от ура-патриотизма в сторону сентиментальности не была оторвана от событий самой войны; огромных потерь на фронте при поражениях 1915 г. и разочарования, охватившего российское общество.

Уже в 1915 г. кинематографический журнал «Сине-Фоно» отмечал, что патриотические фильмы продолжают пользоваться огромным успехом в пролетарских районах Петрограда (у Нарвской заставы и Московских ворот), в то время как патриотический репертуар в целом неуклонно снижается в столичных кинотеатрах. Такую же популярность патриотических фильмов журнал «Сине-Фоно» отметил и в отношении российской провинции⁹.

Из этого можно сделать вывод, что внутри одного и того же коллектива могут ужиться и политический радикализм и вкус к патриотическим фильмам. Одни рабочие, вероятно, и вовсе не замечали противоречия между тем и другим, в то время как иные, по-видимому, сумели бы даже обосновать с патриотических позиций свои политические взгляды и неприятие войны. Изучение массовых увеселений показывает, что патриотизм в рабочей среде не создал единой концепции, способной оправдать существующее государство или саму войну. Единая патриотическая доктрина, так, в сущности, и, не определившись, не могла привести к сближению классов и групп российского общества.

Примечания

¹ *Кирьянов Ю. И.* Стачечное движение в России в 1914 – феврале 1917 года (По материалам официальных источников и «хроник» выступлений рабочих) // История СССР. 1990. № 5. С. 121–134.

² *Х. Ян* Русские рабочие, патриотизм и Первая мировая война // Рабочие и интеллигенция в России в эпоху реформ и революций 1861 – февраль 1917. СПб., 1997. С. 379–396.

³ *Петровская И.* Театр и зритель российских столиц. 1985–1917. Л., 1990.

⁴ *Х. Ян.* Указ. Соч. С. 384.

⁵ Варьете и цирк. 1915 № 28. С. 6.

⁶ *Лебедев И. В.* История профессиональной французской борьбы. М., 1928. С. 48.

⁷ *Х. Ян.* Указ. Соч. С. 389.

⁸ *Симаков В. И.* Солдатские песни. Сборник военных песен. Ярославль, 1915. С. 10–13. Вестник кинематографии, 1916. № 10. С. 80.

⁹ Сине-Фоно, 1915. № 10. С. 80.

С. В. Цветков
г. Кострома

КУЛЬТУРА БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ В ПЕРВУЮ МИРОВУЮ ВОЙНУ (НА ПРИМЕРЕ КОСТРОМСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Благотворительность во 2-й половине XIX в. занимала важное место в общественной жизни России. Меценаты и благотворители большие средства тратили на поддержку русской культуры, образования, науки. Не последнюю роль в русской благотворительности играла и поддержка людей, оказавшихся по разным причинам в сложной жизненной ситуации. Наиболее остро проблема оказания помощи таким людям вставала в период военных конфликтов – во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., Русско-японской и Первой мировой.

В Первую мировую войну Россия понесла огромные человеческие и экономические потери. Многие жители страны потеряли кров и вынуждены были покинуть постоянное место жительства, другие оказались в сложной жизненной ситуации вследствие потери кормильца. Мало оставалось таких людей, которые не ощутили бы на себе все тяжести военного времени. Но были и такие люди, которые не оставались безучастными к судьбе пострадавших от тягот войны. Эти люди использовали все возможности, чтобы оказать помощь.

Костромская губерния, несмотря на то, что на её территории боевые действия не проходили, также оказалась затронута тяжестью войны. Среди пострадавших от войны, которым оказывалась помощь в нашем крае, можно выделить несколько групп: 1) семьи мобилизованных на войну солдат, 2) беженцы 3) русские военнопленные 4) раненые и больные войны.

В благотворительной помощи пострадавшим от войны принимали участие все классы российского общества: крестьянство, духовенство, буржуазия, интеллигенция. Эта помощь была также разнообразной: трудовая помощь, предоставление жилых помещений, устройство спектаклей и концертов в пользу пострадавших и т. д.

Крестьяне составляли большую часть населения Российской империи и Костромской губернии, их финансовое благополучие было невысоким, но это не мешало им заниматься благотворительностью. Семьи крестьян мобилизованных на войну получали денежное пособие от государства и земств, но его размера не всегда хватало. Крестьяне нашей губернии отмечали: «...чтобы как-то про существовать, приходится продавать необходимый скот и упускать хозяйство»¹. Помощь со стороны односельчан поступала разнообразная. Наиболее распространённой формой была денежная помощь, которая оказывалась как со стороны отдельных крестьян, так и крестьянскими кооперативами. По данным анкетирования, проведённого КНОИМК, помощь нуждающимся крестьянским хозяйствам была оказана со стороны 24 % кооперативов губернии. Основной формой, в которой выразилась помощь с их стороны, – это денежные отчисления обычно в виде единовременной помощи. Также кооперативами предоставлялись льготы по кредиту в виде отсрочки ссуды и т. д.² Среди крестьян многих уездов Костромской губернии производились добровольные сборы, так называемые

«кружечные сборы» («специальный сборщик ходил по домам с кружкой»). Собранные и отчисленные крестьянскими сходами суммы обычно распределялись через волостные попечительства³.

Другим видом помощи являлась трудовая помощь. Чаще всего она выражалась в обработке полей семей, оказавшихся без хозяина, так как возможности заплатить наёмным рабочим у них не было. Но «обычно трудовая помощь оказывалась лишь бедным, наиболее нуждающимся семьям, состоящим из жены и малых детей и не имеющих лошади»⁴. Оказание помощи нуждающимся заключалось не только в уборке урожая и посевных работах, но также и в заготовке сена, дров и т. д. В одной из костромских газет сообщается об организации трудовых артелей, основной целью которых являлась помощь семьям воинов в обработке полей⁵. Члены Костромского научного общества отмечали, что «если принять во внимание, что земледелие составляет основное занятие 3/4 населения губернии и определить участие каждого из призванных хотя бы двумя неделями рабочего времени, то размер оказанной трудовой помощи только осенью 1914 года определится по губернии не менее чем в миллион рублей»⁶.

Другой группой населения Костромской губернии, оказывавшей благотворительную помощь пострадавшим от войны, была интеллигенция. Врачи, учителя, деятели искусства не остались в стороне от происходивших событий и старались внести свою лепту в общее благое дело.

Формы помощи со стороны интеллигенции были различны. Одной из самых распространённых являлась трудовая помощь. Данная категория населения бесплатно осуществляла заготовку предметов для нужд армии, оказывала помощь больным и раненым воинам, принимала участие в проведении и организации благотворительных концертов, спектаклей и лотерей. Очень часто сельская интеллигенция (прежде всего, учителя) привлекались земскими учреждениями к организации различных благотворительных мероприятий среди местного населения в свободное от работы время (например, заготовка белья для раненых воинов).

Организация благотворительных мероприятий являлась распространённым видом помощи. В этом мы можем убедиться на основании данных костромских периодических изданий того времени. Интеллигенция также принимала большое участие в деятельности земских учреждений.

Свой вклад в помощь пострадавшим от войны внесло и духовенство. Среди помощи можно выделить три основных направления: благотворительные сборы в пользу воинов и их семей, проведение молитвенных служб за победу русской армии, предоставление духовными учреждениями помещений под госпитали для раненых и больных воинов.

В период Первой мировой войны многие церкви и монастыри предоставляли свои помещения под госпитали для раненых воинов. Уже через полтора месяца после начала войны, как сообщает нам газета «Костромская жизнь», был открыт военный госпиталь в помещении духовной семинарии⁷. В начале 1915 года другая костромская газета «Курьер» пишет: «...администрация лазарета при духовной семинарии на днях отказала в приёме партии раненых только что прибывшей с вокзала, ибо названный лазарет переполнен сверх нормы»⁸. Госпиталь на 35 мест был открыт и при Богоявленском монастыре⁹. Лечебные учреждения

открывались не только церковными учреждениями, но и отдельными представителями духовенства. «В доме... на улице Русиной в квартире священника Раевского был открыт лазарет на 7 кроватей»¹⁰. Русская православная церковь личным примером поднимала боевой дух действующей армии. Во многих частях русской армии были организованы так называемые походные церкви. Костромские священники также принимали участие в этих событиях. Так, костромской священник из села Малые Соли сопровождал 9-й передовой отряд, организованный в Костромской губернии, а также являлся настоятелем походной церкви, созданной при отряде¹¹. Помогали пострадавшим и воспитанники церковных учебных заведений. Костромской прессой сообщается о том, что «воспитанницы епархиального женского училища отправили в Пултусский полк подарки солдатам в виде сшитых тёплых фуфаяк»¹². Интересен тот факт, что благотворительная помощь со стороны духовных учебных заведений оказывалась не только гражданам нашей страны, но и поданным вражеских государств. Одна из костромских газет сообщает о том, что в помещении семинарии пленному австрийцу за его игру на скрипке перед семинаристами была собрана сумма более одного рубля¹³.

Помощь пострадавшим от войны оказывала не только православная церковь, свой вклад в общее дело внесли и старообрядцы. В храме Стрельниковской старообрядческой общины по инициативе церковного старосты М. И. Морозова по воскресеньям стал производиться тарелочный сбор на бельё для действующей армии. Также каждое воскресенье служились молебны «о даровании победы русскому оружию»¹⁴.

Благотворительной деятельностью занимались и ремесленники. Например, кустарь-серебряник из села Красного В. Н. Чулков изготовил 400 серебряных и 1 000 медных позолоченных образков для раздачи раненым и больным воинам¹⁵. Также на ремесленников выпала большая нагрузка по выполнению заказов для нужд армии (снаряжение, одежда и т. д.).

Чиновники также не остались в стороне от беды, коснувшейся большей части населения. Многие ведомства отчисляли часть зарплаты для благотворительных целей. Так, например, чиновники местной контрольной палаты с начала войны отчисляли 2 % своего жалованья в пользу разных организаций по обеспечению воинов и их семей¹⁶.

Благотворительной помощью занимались и предприниматели Костромской губернии. Основная помощь этой группы населения заключалась в помощи призванным с фабрик рабочим, а также их семьям. Ярким примером являлась фабрика товарищества И. И. Скворцова Нерехтского уезда. На этой фабрике «семействам служащих, взятых на войну, оставлено полное содержание и квартира, семействам рабочих – полное содержание, если никто из семьи взятого не работает на фабрике, и половина заработка, если кто-либо из семьи работает на фабрике»¹⁷. От многих предпринимателей в период Первой мировой войны поступают денежные пожертвования. Так, вышеупомянутое товарищество мануфактур Скворцова направило в земский союз пожертвование в размере 6 тысяч рублей¹⁸. На многих фабриках устраивались благотворительные вечера, сбор от которых шёл в пользу призванных в армию и их семей. О проведении таких вечеров на фабриках Томна и Ветка мы узнаём из отчётов, которые предоставлялись

в канцелярию губернатора¹⁹. Некоторые предприниматели предоставляли свои фабрики под лазареты для раненых и больных воинов. Такой госпиталь на 30 коек был открыт при фабрике братьев Зотовых²⁰, на фабрике Скворцовых²¹, а также на мануфактуре льняной фабрики К. А. Брюханова²².

Но в период Первой мировой войны встречались и случаи лжеблаготворительности, когда люди стремились заработать на несчастье людей и доверии общества. Об одном из таких случаев пишет «Поволжский вестник». Газета сообщает: «...отдан приказ о задержании всех сборщиков закрытого ныне общества попечения об увечных воинах»²³. Другая костромская газета «Костромская жизнь» информирует своих читателей о двух лжеблаготворительных патриотических концертах, устроенных неким Шумским в городском театре. В афишах указывалось, что 50 % с чистого сбора будет отчислено в пользу раненых. Позднее выяснилось, что сбор в размере 600 рублей не оправдал всех расходов, и не было сделано ни одного рубля отчислений пострадавшим от военных действий²⁴.

В период Первой мировой войны общество сочувственно относилось к людям, пострадавшим от неё. Каждый независимо от уровня дохода и социального статуса стремился помочь тем, кого война не пощадила. Об изучаемом периоде, на наш взгляд, можно сказать, что в обществе сложилась своя культура благотворительности, которая определялась не социальным положением человека, а сочувствием к тем, кто оказался в трудной жизненной ситуации, вызванной войной. Находились и те люди, которые под личиной благотворительности стремились решить свои корыстные интересы, но в тот период они составляли ничтожную долю и осуждались обществом. Встречалась ещё одна категория граждан – равнодушные. Таких людей было много, но всё-таки большая часть общества стремилась всеми возможными средствами оказать помощь затронутым войной людям.

Примечания

¹ Языков А. Общественная помощь призванным и их семьям // Костромская деревня в первое время войны. Кострома, 1916. С.3.

² Дюбюк Е. Помощь призванным на войну и их семьям со стороны местного населения // Война и Костромская деревня. Кострома, 1915. С. 14.

³ Там же. С. 12.

⁴ Там же. С. 9.

⁵ Поволжский вестник 1915. № 2637. 5 июля.

⁶ Языков А. Общественная помощь призванным и их семьям // Костромская деревня в первое время войны. Кострома, 1916. С. 19.

⁷ Костромская жизнь. 1914. № 204. 18 сент.

⁸ Курьер. 1915. № 97. 18 апр.

⁹ РГВИА. Ф. 12762. ОП. 1. Д. 7. Л. 2.

¹⁰ РГВИА. Ф. 12762. ОП. 1. Д. 7. Л. 7.

¹¹ Курьер. 1915. № 78. 12 марта.

¹² Костромская жизнь. 1914. № 234. 25 окт.

¹³ Костромская жизнь. 1914. № 239. 31 окт.

¹⁴ Поволжский вестник. 1915. № 2510. 21 янв.

¹⁵ Поволжский вестник. 1915. № 2502. 11 янв.

¹⁶ Поволжский вестник. 1915. № 2512. 23 янв.

¹⁷ Костромская жизнь. 1914. № 210. 25 сент.

¹⁸ Костромская жизнь. 1914. № 230. 19 окт.

¹⁹ ГАКО. Ф. 133. ОП. 2. Т. 9. Д. 12526. Л. 49–59.

²⁰ РГВИА. Ф. 12762. ОП. 1. Д. 7. Л. 14.

²¹ РГВИА. Ф. 12762. ОП. 1. Д. 7. Л. 16.

²² РГВИА. Ф. 12762. ОП. 1. Д. 7. Л. 2.

²³ Поволжский вестник. 1915. № 2640. 9 июля.

²⁴ Костромская жизнь. 1914. № 212., 27 сент.

Н. В. Миловидова
г. Кострома

БАРОН Н. Н. ВРАНГЕЛЬ И ЕГО «ПОМЕЩИЧЬЯ РОССИЯ»

Вспомним, как там, у Н. А. Некрасова:

... Во время недалекое
Империя Российская
Дворянскими усадьбами
Была полным – полна...

Дворянские усадьбы – и те, что на слуху: Петергоф, Царское Село, Останкино, Кусково, Архангельское, Михайловское, и те, о которых знаем немного : средне- и мелкопоместные сельские имения, разбросанные в глубине России... Все они имеют свою неповторимую историю, представляя собой микромир, в котором отражались внутри- и внешнеполитические события эпохи, социально-экономические и культурные процессы российской действительности. У каждой усадьбы был свой период становления, расцвета и упадка. По-разному складывались и судьбы нескольких поколений их владельцев, от образа мыслей и вкусов, возможностей которых зависела судьба самого дворянского гнезда

Научный интерес к истории и культуре русской усадьбы, как одной из составляющих помещичьей России, в разное время был неодинаковым. Были годы разрушений и забвения, но скоро наступало отрезвление и начинали предприниматься попытки сохранить то малое, что еще осталось от этого уникального в своем роде культурного пласта России. Изучение усадебной культуры – это не только обращение к жизни и деятельности известных и неизвестных архитекторов и скульпторов, творчеству русских писателей, поэтов, художников, композиторов, крепостных строителей и актеров, как говорят, талантов из народа, но и к истории русской повседневности, ментальности. На память приходят фамилии тех, кто одними из первых начинали изучать усадьбы еще в 1900-х годах. Это П. Вейнер, Г. Лукомский, Ю. Шамурин, А. Бенуа, В. Згура, А. Чаянов, А. Греч и другие исследователи. Безусловно, в этом списке мы называем и историка искусства барона Н. Н. Врангеля.

Известно, что Николай Николаевич был одним из представителей многочисленного рода баронов Врангелей. По свидетельству А. Бенуа гордились

бароны и своим происхождением «из арапа Петра Великого»¹. Какую бы ветвь баронов мы не взяли, то обязательно бы увидели, что мужчины в их роду были, в основном, людьми военными, а вот в лице Василия Георгиевича и Николая Николаевича нашли бы тех, кто отдал себя служению искусству².

Н. Н. Врангель родился в 1880 году (по другим данным – в 1882 году)³ в имении Головкивка Чигиринского уезда Киевской губернии. Его старшим братом был Петр, в будущем – генерал-лейтенант, главнокомандующий Вооруженными силами Юга России в годы Гражданской войны. Воспитанием детей занималась мать Мария Дмитриевна, урожденная Дементьева – Майкова. В доме всегда было много картин русских и западноевропейских художников, коллекционного фарфора, мебели, ковров. Получалось так, что Николай фактически вырос среди этих предметов помещичьего быта. Со временем он и будет заниматься поиском и изучением подобных предметов искусства, в том числе в усадьбах России. Его любовь к искусству, литературе, истории в семье поощрялась. Пребывание в Италии и Германии, где он поправлял свое здоровье, еще более усилило его влечение к прекрасному. В 1900 году Врангель возвратился в Россию. В Петербурге он скоро познакомился с известным живописцем и графиком, художником, музейным деятелем А. Н. Бенуа, а через него с С. Дягилевым и другими членами «Мира искусства». Общение с этими людьми не прошло для Врангеля даром.

В 1902 году в залах Академии художеств открылась уникальная выставка русского портрета, организатором которой и был уже начинающий историк искусства Н. Врангель. Подготовил он и иллюстрированный, богатый информацией, каталог, который произвел очень хорошее впечатление на А. Н. Бенуа⁴. И чем дальше, тем больше выставочная работа захватывала Врангеля, но предполагала она не только создание экспозиций картин, но и написание каталогов и других материалов, т. е. требовала от него исследовательской деятельности. Так, в 1904 году Н. Врангель опубликовал двухтомник «Русский музей императора Александра III. Живопись и скульптура», научная ценность которого сохраняется и по сей день. В 1905 году открылась, как все отмечали, грандиозная выставка портретов в Таврическом дворце. В нее вошли портреты кисти Д. Левицкого, О. Кипренского, В. Тропинина и др. Всего их было почти две с половиной тысячи, взятых из имений, частных коллекций и музеев. И естественно, самое непосредственное участие в ее организации, подготовке каталога и биографических материалов о художниках, чьи работы были представлены на выставке, принимали А. Н. Бенуа, Н. Н. Врангель, С. П. Дягилев⁵. Следующим шагом по пути познания прекрасного и желанием сделать художественные произведения той или иной эпохи достоянием общественности, стала организация очень интересной выставки «Ломоносов и елизаветинское время». Посетители ее, придя в залы Академии художеств, сразу как будто попадали в Россию середины XVIII века. Все здесь им напоминало о том времени, его людях и культуре, благодаря представленным портретам государственных деятелей, гравюрам, макетам зданий, книгам, рукописям, предметам быта, церковной утвари, монетам и т. д. Путеводитель и каталог выставки состоял из 17 книг. Вступительную статью написал Н. Н. Врангель.

В 1906 году он поступил на службу в Императорский Эрмитаж. И здесь барон проявил себя с лучшей стороны, как свидетельствовали его сослуживцы.

Они вспоминали о нем, как о талантливом исследователе, хотя и еще молодом, с большим художественным вкусом, знающем, энергичном, умелом организаторе⁶. А ведь надо отметить, что все его образование складывалось из шести классов ростовской гимназии и незаконченного курса обучения в IV петербургском реальном училище. Некоторые, учитывая его, главным образом, домашнее образование и самообразование, даже называли Врангеля дилетантом, но необычным. По долгу своей службы ему необходимо было проводить осмотры произведений искусства, составлять описи, экспозиции, ездить по старым усадьбам. При этом он успевал побывать и на балах, премьерах, выставках; работал в архивах, библиотеках. Жизнь его, как видим, была очень насыщенной. С людьми он был общительным, быстро находил общий язык и с художником, и с поэтом, и с артистом, и со статским советником. Известность Н. Врангеля росла, в том числе в связи с его публикациями в журналах. Вскоре его пригласил к сотрудничеству В. А. Верещагин, известный тогда библиограф и искусствовед. Это означало, что у Николая Николаевича появилась возможность еще более проявить себя и показать сделанные наработки на страницах журнала «Старые годы». Первая статья барона, появившаяся во втором февральском номере за 1907 год, называлась «Забывтые могилы». Вообще, этот журнал считался лучшим историко-искусствоведческим изданием в России тех лет. Читателей он привлекал, в том числе и публикацией интересных материалов Врангеля. В нем Николай Николаевич опубликовал 47 сообщений и 23 крупные статьи⁷. «Старые годы» многое значили для него, как и он для них. В целом, как отмечали современники, его работы основывались на самостоятельном изучении первоисточников и представляли собой огромную ценность⁸, добавим, в т. ч. и в наши дни.

Судя по тем материалам, которые написаны сегодня о Н. Н. Врангеле, следует отметить, что их немного, есть разночтения, неоднозначные оценки его личности, деятельности. Нам видится более интересным рассмотрение его статьи «Помещицья Россия» с целью расширения представлений о русской усадебной культуре XVIII–XIX века, тем более, что появление этих материалов на страницах журнала «Старые годы» приблизило награждение его редакции золотой медалью А. С. Пушкина, и с интересом читалась современниками. Именно статья Н. Врангеля и открывала в 1910 году тройной номер этого журнала, который назывался «Старые усадьбы. Очерки русского искусства и быта».

Еще в 1902 году начались его первые поездки в провинцию, продолжение которых состоялось в 1904 году. А только за лето 1909 года Н. Врангель побывал в 25 помещицких усадьбах⁹. В 1910 году он опять едет по усадьбам, но теперь уже в качестве секретаря Петербургского Общества защиты и сохранения памятников искусства и старины. Объехал он Поволжье, особо исследовал Арзамас. Ему предстояло эти усадьбы изучать, бороться за их дальнейшее сохранение; из найденных в них произведений искусства и предметов дворянского быта составлять и открывать выставки, писать научные труды, одновременно занимаясь и популяризацией искусства прошлых эпох, в целом.

Отправимся и мы вместе с Николаем Николаевичем в его очередную поездку по России. В некотором роде нашим путеводителем могут быть произведения писателей А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева, А. Ф. Писемского,

И. А. Гончарова, С. Т. Аксакова, а также воспоминания князя В. А. Оболенского, который много объехал и описал помещичьих усадеб, будучи земским статистиком, то есть материалы всех тех людей, кто жил и творил в усадьбе и об усадьбе и оставил свои заметки для потомков¹⁰. «Едешь по бесконечным дорогам, – писал Н. Врангель, – вдоль пахотных земель, вдоль шумящих лесов и прихотливых змей-речек, едешь по бедным обнищавшим деревням и с ужасом и тоской видишь разруху, страшную разруху на каждом шагу»¹¹. Но, даже по оставшимся фрагментам усадеб, описанным Врангелем, можно представить, как выглядели и чем жили эти помещичьи имения в период своего расцвета.

Кстати, статья барона «Помещичья Россия» состоит из шести частей, каждая из которых знакомит нас с различными усадьбами и их обитателями, убранством их комнат, именами создателей, в частности, крепостных мастеров. Пятая – шестая части построены в виде историко-философских рассуждений автора. Н. Врангель назвал среди причин гибели усадеб России не только пожары, войны, реформу 1861 года, но и разложение общества, самодурство помещиков, безалаберность, прожигание жизни, «русский бунт» и др. «И как безумно, до слез жаль этой старой, милой, дорогой и ласковой поэзии помещичьего быта, – писал барон, – этих замечательных времен, как жаль развалившегося, сгнившего ларинского дома и тех признаков близкой старины, что улетели от нас...»¹². Все материалы Врангеля проникнуты ностальгией по прошлому помещичьей России, на наш взгляд, это не столько боль по поводу разрушения того мира, неотъемлемой частью которого он был сам, сколько в связи с гибелью того прекрасного с точки зрения искусства, что было создано веками. В статье 205 сноска. Рассмотрев их более подробно, можно заключить, что это в основном сноски на разнообразные источники¹³. В частности, интерес представляют документы личного происхождения: записки, воспоминания, рассказы, дневники, сочинения современников, материалы личных архивов, а также периодическая печать – газеты и журналы; словари, путеводители, каталоги. Среди авторов записок и воспоминаний военный писатель, поэт С. А. Тучков, секретарь австрийского посла в России Гвариента И. Корб, мемуарист и коллекционер Ф. Ф. Вигель, писатель, издатель А. Т. Болотов, граф, русский писатель В. А. Соллогуб, этнограф, натуралист, академик Петербургской АН И. И. Георги, государственный деятель, писатель, секретарь Екатерины II А. В. Храповицкий, историк, литератор, коллекционер, галльский дворянин из Костромской губернии П. П. Свиньин, а также английский дипломат Дж. Флетчер, немецкий ученый и путешественник А. Олеарий и др.¹⁴ В сносках есть масса комментариев искусствоведческого характера, особенно, если речь идет о картинах, гравюрах, миниатюрах¹⁵.

При всех своих особых чертах усадьбы России имели и нечто общее. Барон Н. Врангель это удачно выразил в своих записках. «Белые дома с колоннами в тенистой чаще деревьев, – писал он, – сонные, пахнущие тиной пруды с белыми силуэтами лебедей..., старые нянюшки..., бабушки в чепцах..., старые лакеи, босоногие девки, сенные девушки, крепостные актрисы, живописцы...»¹⁶. Вообще, стиль дворянских усадеб стал ярко вырисовываться только со второй половины XVIII столетия, так как только с этого времени дошли до нас целиком сохранившиеся помещичьи дома, читаем мы у Н. Врангеля. Если вспомнить

помещиков XVI века, то жили они бедно и непрехотливо. Богатейшие дети боярские, выслуживаясь до придворных чинов, со временем стали выстраивать роскошные палаты. В силу ряда обстоятельств, а также отсутствия потребностей к роскоши и удобствам, русские люди XVI и XVII века жили все-таки очень просто. Захолустная помещицья Россия следовала старым традициям, но все изменилось с приходом Анны Иоанновны. Красоту стали замечать, создавать, поклоняться. Началась погоня за роскошью. Великолепию двора стали подражать горожане, а потом и помещики в провинции, но с большим опозданием. Вторая половина XVIII века стала временем расцвета русской усадьбы. Хозяева, что побогаче делали заказы иностранным архитекторам, наиболее прославившимся своими постройками в городах. Это и Ринальди, Деламот, Фельтен, Вальи, Кваренги и др. В начале они строили дома в усадьбах в стиле классицизма, но потом стали обращаться к готике, «рыцарскому» стилю, а «боярские хоромы» были забыты. Сады и парки в них разбивались в голландской, французской или английской традиции, часто с помощью садовников – иностранцев. Еще сегодня остались где-то липовые аллеи, дубовые рощи, ряды серебристых тополей и белых берез, кусты акации и сирени, фруктовые деревья.

В Архангельском сады, чертоги и аллеи –
Как бы творение могущей некой феи,
За диво бы почли и в Англии самой...

В парках сооружались пруды, водопады, использовались естественные реки и ручьи, строились мосты и мостики, каналы, создавались островки, беседки, гроты, фонтаны, цветочные клумбы, боскеты, мельницы, ставились мраморные статуи, устраивались зверинцы и вольеры с экзотическими птицами. В другой своей статье под названием «История одного дома» Н. Врангель писал о том, что нельзя рассматривать отдельно дом от деревьев в его саду, птичьего говора, от игры красок на узорах стен, блеска мебели в комнатах, от шепота листьев за окнами, немного разговора портретов, от тихой думы старинных книг на полках, хриплого кашля часов на стене. Сколько различных усадебных домов посетил барон и при жизни хозяев и после их смерти, пытаясь проследить жизнь и судьбу владельцев усадьбы. Он любовался еще оставшимися фресковыми узорами на потолках и стенах барских домов; живописной росписью комнат; печами, белыми, кафельными, с рельефными фигурами и орнаментами (гирлянды цветов и др.); голландскими шкафами с инкрустированной фигурой Петра Великого, прелестными бюро, развалистыми бесконечными диванами, красивыми золочеными зеркалами, люстрами, портретами предков, коллекциями картин русских и западноевропейских мастеров, книгами. Можно понять, почему он испытывал такие чувства и предпринимал соответствующие действия. Одна из причин состоит в том, что сам барон, вырос в усадьбе, и много хорошего, наверняка, у него с ней ассоциировалось. Так, он и стал бытописателем помещицьеи России. Он верил, что еще можно сохранить островки старого искусства, имея в виду состояние таких усадеб, как Дубровицы, Кузьминки, Архангельское, Останкино, Кусково, Петровское, Марьино, Суханово, Покровское-Стрешнево и др. При произношении названий этих усадеб всплывают в памяти и фамилии их знаменитых владельцев: Голицыны, Разумовские,

Шереметевы, Юсуповы, Орловы, а в связи с ними и различные страницы российской истории. «В усадьбах – в очагах художественного быта – важны не подробности, не частности, – отмечал Н. Врангель, – а все то общее – краски, звуки и фон, которые, взятые вместе, создают нечто знаменательное и важное. В этом вся русская жизнь...»¹⁷.

Весь мир русской усадьбы, ее быт создавался и держался благодаря крепостным. Поэтому с отменой крепостного права в 1861 году многое в этом мире резко изменилось. Крепостные – это не только домашние слуги, шуты, но и артисты, архитекторы, живописцы, музыканты и поэты. «Простой же русский крестьянин, – писал Врангель, – одарен от природы не только сметливостью, но и особым, совсем бессознательным, но неизменно верным пониманием красоты»¹⁸. Помогало в становлении крепостных талантов не только иногда доброе сердце хозяина, но и наставники, в т. ч. в лице иностранцев. А вообще, жизнь их при этом осталась достаточно тяжелой. В материалах барона наряду с такими именами крепостных как В. Тропинин, Аргуновы, упоминается и имя А. Полякова. А, как известно, это был крепостной костромских помещиков Корниловых. В частности, именно генерал П. Я. Корнилов, заметив у мальчика способности к рисованию, будет и дальше способствовать его обучению. Скоро талантливый юноша вместе с английским живописцем Дж. Доу будет работать над созданием галереи портретов генералов 1812 года, и часть картин напишет сам, читаем мы у Врангеля¹⁹. Эти и другие данные о жизни и творчестве А. В. Полякова фигурируют в работах различных исследователей и XX века, в том числе и костромских, но при этом на Врангеля у них почему-то нет сносков, хотя он в свою очередь исследовал источники, датированные 1829, 1861, 1894–1900 годами.

Параллельно с поездками в провинцию Н. Врангель читал лекции у графа Зубова в Институте истории искусств и участвовал в подготовке юбилейной Романовской выставки, но многое изменилось в России и его жизни с началом Первой мировой войны. Он стал работать в Красном Кресте, занимаясь организацией прифронтовых лазаретов. В октябре 1914 года отбыл на Западный фронт в качестве уполномоченного на санитарном поезде имени великой княжны Ольги Николаевны. Ужасы войны, человеческие жертвы потрясли Николая Николаевича, о чем свидетельствуют его военные дневники «Дни скорби».

В нынешнем году исполняется 130 лет со дня рождения барона Н. Н. Врангеля. В Петербурге создано общество «Наследие Врангелей». 28 июня установлен день его памяти. С 2009 года проводятся «Врангелевские дни».

Уверена, что сегодня, отойдя от всех классовых и политических оценок и клише, соглашаясь или нет с выводами барона, нам есть над чем задуматься в плане сохранения своей истории и культуры, российских национальных традиций, чтобы было, что передать потомкам, и изучение жизни и деятельности Н. Врангеля нам в этом должно помочь.

Примечания

¹ См.: *Вейнер П. П.* Барон Н. Н. Врангель. Биографический очерк // Врангель Н. Старые усадьбы: очерки истории русской дворянской культуры. СПб., 1999. С. 285.

² Отечественная история: энциклопедия: в 5 т.: Т. I. М., 1994. С. 473.

РАЗДЕЛ I

---

³ См.: *Вейнер П. П.* Указ. соч. С. 285; Врангель Н. Письма к А. Бенуа // Наше наследие. 1996. № 37. С. 77; Большая энциклопедия: в 62 т. Т. 10. М., 2006. С. 273–274.

⁴ См.: *Мурашев А. А.* «Потомок негров безобразный» (штрихи к портрету барона Н. Н. Врангеля) // Отечественная история. 1999. № 3. С. 181.

⁵ *Лурье Ф.* Дилетант // Врангель Н. Старые усадьбы. С. 9.

⁶ Там же. – С. 10.

⁷ Там же. – С. 15.

⁸ См.: Библиографические листки // Старые годы. 1912. янв. С. 51.

⁹ См.: *Вейнер П. П.* Указ. соч. С. 289.

¹⁰ См.: *Тургенев И. С.* Дворянское гнездо // Тургенев И. С. Соч. в 15 т. Т. 7. М., 1964; *Писемский А. Ф.* Люди сороковых годов // Писемский А. Ф. Соч. в 5 т. Т. 4. М., 1983; *Гончаров И.* Обрыв // Гончаров И. Соч. в 4-х т. Т. 3. М., 1981; *Аксаков С. Т.* Детские годы Багрова – внука: повесть. М., 1986; *Оболенский В. А.* Моя жизнь. Мои современники. Париж, 1998. С. 182, 185–187, 196, 200 и др.

¹¹ *Врангель Н.* Помещичья Россия // Врангель Н. Старые годы. С. 146.

¹² Там же. С. 147.

¹³ Там же. Примечания. С. 170–186.

¹⁴ Там же. С. 147, 154–155, 185.

¹⁵ Там же. С. 173–177, 185, 186 и др.

¹⁶ Там же. С. 25.

¹⁷ *Врангель Н.* История одного дома // Врангель Н. Старые годы. С. 190.

¹⁸ *Врангель Н.* Помещичья Россия // Там же. С. 68.

¹⁹ Там же. С. 86–88.

В. Г. Андреева
г. Кострома

ЧЕЛОВЕК, НАРОД И ВЛАСТЬ В ДИЛОГИИ В. В. КРЕСТОВСКОГО «КРОВАВЫЙ ПУФ» И РОМАНАХ Л. Н. ТОЛСТОГО «ВОЙНА И МИР» И «АННА КАРЕНИНА»

Диалогия В. В. Крестовского «Кровавый пуф» состоит из двух позднее объединенных автором романов: «Панургово стадо» и «Две силы», печатавшихся в журнале «Русский Вестник» в 1869–1874 годах и вышедших отдельным изданием в 1875 году. Нам показалось интересным сопоставить изображение народа, личности и власти в романах корифея русской литературы Л. Н. Толстого и диалогии явно реакционного писателя второго ряда В. В. Крестовского. К указанному сопоставлению нас подводят и хронологические рамки написания и публикации произведений. Работа Толстого над романом-эпопеей начинается в 1863 году – именно в это время происходят в «Кровавом пуфе» заключительные события, а в пору написания «Анны Карениной» выходит в свет диалогия Крестовского (действие в «Анне Карениной», согласно подсчетам исследователей, начинается в феврале 1872 года).

Ю. С. Сорокин и, в большей степени, А. И. Батюто отметили своеобразную неоригинальность Крестовского, проявившуюся в подражании И. С. Тургеневу

и Н. С. Лескову. А. И. Батюто указывает на сходство героев «Кровавого пуфа» с отдельными персонажами из «Отцов и детей», «Дыма», «Некуда», а также «Марева» Ключникова¹. Однако, как можно предположить, Крестовский соотносил свою дилогию и с «Войной и миром». Толстой начал повествование с неудачного для России 1805 года и постепенно показал заложенную в русском народе силу, явленную миру в 1812 году. Крестовский также начал свою дилогию с изображения полнейшего хаоса, а закончил, показав силу России, заключающуюся, по его мнению, в самодержавии и жестких мерах относительно всех инакомыслящих. Более того, говоря о чуткости русского народа, о его единении с царем, Крестовский сопоставил петербургские пожары 1862 года с пожаром Москвы 1812 года. От подражания философским и историческим отступлениям Толстого в романе-эпопее может происходить и перенасыщенность рассуждениями «Кровавого пуфа».

«Погружаясь в прошлое, замысел «Войны и мира» приближался к современности. Обдумывая причины неудач Крестьянской реформы, Толстой искал более верные дороги, ведущие к единству дворян с народом», – пишет Ю. В. Лебедев². В «Анне Карениной» Толстой попытался на уровне жизни отдельных людей показать бушующие в пореформенное время страсти и путь выхода к добру через единение с народным миром. В «Кровавом пуфе» мы видим односторонние взгляды автора, который не прочь вернуться в прошлое. Не случайно И. И. Замотин в статье «Тенденциозная беллетристика 60–70-х годов», упоминая об авторах и их произведениях в порядке нарастания реакционности, Всеволоду Крестовскому отводит место в самом конце: «...Его перу принадлежат романы, написанные уже в крайнем реакционном направлении»³. Парадоксально, но противоречия, отмечаемые читателями в художественно мире дилогии Крестовского, помогают нам отличить явно надуманное. Во многом под влиянием Н. С. Лескова выбранный Крестовским жанр хроники способствует саморазоблачению большинства эпизодов, хотя некоторые при этом сохраняют свою ценность.

Указанное нами издание «Кровавого пуфа» состояло из четырех томов: внушительный объем произведения соответствовал подзаголовку к нему – «Хроника нового смутного времени Государства Российского». Обилие героев, многие из которых появляются лишь в некоторых смежных главах романа, а потом исчезают, авторских отступлений, описаний не связанных между собой происшествий – все это довольно затрудняет чтение. Композиционные нестройности дилогии, как можно предположить, связаны не только с неумением автора объединить в единое целое разные жизненные картинки, не только с различной степенью их достоверности, но и с состоянием дел в России того времени. Художественный гетерокосмос Крестовского, при всех недостатках произведения, повторяет беспорядок, царивший в русской действительности. Как и Л. Н. Толстой в «Анне Карениной», Крестовский изображает смешение, хаос; правда если у Толстого построение произведения поддерживает впечатление упорядоченности бытия и не позволяет читателю говорить о полном разобщении (линия Левина является у Толстого выходом к гармонии жизни), то у Крестовского мы сталкиваемся с резко и по-разному состыкованными, словно наслаивающимися друг на друга или далеко отходящими картинками.

Дилогия «Кровавый пуф», по словам рецензента «Русского Вестника», будет иметь «значение исторической монографии»⁴. Но мнение критика реакционного журнала в данном случае не совсем верно, предвзятое отношение автора к некоторым фактам, как и справедливое изображение других, обнаруживаются при сопоставлениях. «Кровавый пуф» – это литературное произведение, в названии которого содержится ключ для восприятия его: словосочетание «смутное время» не может не воскрешать в памяти ситуации смены властителей в русской истории в начале XVII века. «Хроника» указывает на особую форму литературного произведения, а определение «новое» заставляет нас еще раз обратиться к толкованию понятия «смута». Смута в словаре В. И. Даля – «тревога, переполох; возмущение, восстание, мятеж, крамола, общее неповиновение, раздор меж народом и властью; замешательства, неурядица, непорядок, расстройство дел; домашние ссоры...»⁵.

Главный герой романа, дворянин средней руки, Константин Хвалынцев, оказываясь очевидцем страшной сцены в селе Высокие Снежки, отправляется в город Славнобубенск, где встречает людей разных взглядов и убеждений, а также искренно полюбившую его девушку Татьяну Стрешневу. В Петербурге, попадая в водоворот событий, Хвалынцев меняет Татьяну на польскую героиню Цезарину, под влиянием чар которой сближается с кружком революционеров. Герой отправляется служить в Варшаву, до этого посещает Литву, где видит притеснения народа. В Варшаве Хвалынцев вторично попадает под влияние Цезарины и поляков, пытается отойти от них и переживает покушение, внешне явившееся неудачным исполнением вынесенного ему народным трибуналом подпольной организации смертного приговора. Хвалынцев будет ранен при подавлении польского восстания, но счастливо встретится с Татьяной, а в России начнет служить крестьянскому делу. Но краткий пересказ главной сюжетной линии дилогии не позволяет целостно воспринять произведение. Сам автор в предисловии к дилогии писал о том, что он не трактовал Хвалынцева, как *героя*. «Он мне нужен был просто затем, чтобы связать посредством него ряд событий избранной мною эпохи – событий, имевших место и внутри коренной России, и в Петербурге, и в Литве, и в Варшаве», – отмечал Крестовский⁶. Автор говорит о Константине как о «представителе *шаткости* и *слабости* общества». Так же на Хвалынцева смотрит прояснившимся взором полюбившая его Татьяна: «...Ее брало сомнение, что он человек мягкий, ветренный, поверхностный и вообще ненадежный, на которого едва ли можно в каком-либо деле крепко опереться» (1, 382)⁷.

Крестовскому важно показать с самого начала не самостоятельного и твердого героя, а увлекающегося человека. Хвалынцев, которого можно сопоставить с Николаем Ростовым в «Войне и мире», часто, не осознавая происходящего, чувствует истинное положение вещей. Но если у Толстого Николай Ростов оказывается гармоничной фигурой, и мы видим тонко проведенную писателем линию его отношения к власти, объясняемую внутренним миром Ростова, его характером и убеждениями, при этом оттеняющую взгляды других героев, то приход Хвалынцева к осознанию справедливости существующей власти оказывается в «Кровавом пуфе» необоснованным и схематичным. На фоне отношения двух

героев к власти мы можем оценить мастерство Толстого-реалиста и выявить подведение героя Крестовского под общественно-политические воззрения автора.

Вспомним восторженное восприятие Николаем Ростовым императора на поле после Аустерлица и в Тильзите, где съехались французский и русский императоры. В указанную последнюю встречу в чуткой к фальши душе поручика Ростова поднимаются сомнения при виде вежливости императора Александра к Наполеону и наигранному поведению франта Бонапарте, дурно и нетвердо сидевшего на лошади. Сомнение Ростова растет в его сердце незаметно для него самого, хоть и проявляется ярко только в Тильзите после увиденной дипломатической встречи императоров. Но ведь до этого Ростов из уст самого государя слышит отказ, данный на просьбу Денисова, а еще ранее, после Аустерлица, он первоначально отказывается узнавать государя, думая: «Но это не мог быть он, один посреди пустого поля» (9, 352)⁸. Вероятно, получающая выражение в этой внутренней речи пословица «один в поле не воин» гармонирует с увиденной до этого Ростовым картиной сползающих на поле вместе, по два и по три раненых. А возможность такого сопоставления писатель подчеркивает, сравнивая раненых с копнами на *хорошей пашне* и изображая государя переходящим на отдых на территорию окопанного *огорода*.

Примечательно, что перед второй встречей с государем в Тильзите, Толстой вновь заставляет своего героя увидеть раненых. Ростов едет в госпиталь, чтобы навестить Денисова; он видит множество раненых, умирающих и даже уже умершего, но не убранного с утра солдата, и чувствует свою неспособность что-либо изменить. Сраженный невыносимым запахом гниющего тела и больницы и завистливыми взглядами раненых, Ростов пытается поскорее удалиться, «стараясь пройти незамеченным сквозь строй этих укоризненным и завистливых глаз...» (10, 136). Впечатлительный и не склонный к каким-либо сложным рассуждениям, Ростов прозревает, напрямую сталкиваясь с событием, и старается быстро заглушить в себе появившиеся сомнения, поскольку они не свойственны Николаю, так как разрушают цельную и имеющую значение только при этой цельности личность героя.

Хвалынцев не склонен к долгим рассуждениям, однако он довольно проницателен, обладает интуицией, являющейся толчком к его сомнениям в диалогии. Но Крестовский не делает своего героя созерцателем петербургского пожара и радостной встречи с государем: «Русский народ встречал Русского Царя. Иной встречи и быть не могло: у них одна и та же радость и горе, одни и те же друзья и недруги, и это высшее единение чувствовалось инстинктивно, <...> естественно рождалось из двух близких слов, из двух родных понятий: *народ* и *царь*» (1, 576). Сопоставляя различные эпизоды диалогии, читатель понимает, что патетическое описание встречи царя с народом, которая, по мнению автора, стала знаковой в эпохе смуты, поворотным моментом ее, не согласуется с картинами упадка. Можно предположить, что образ сомневающегося героя не выгоден Крестовскому рядом с фигурой царя и идеей единения, и он выбирает для этого сомнения иные, более безопасные области, показывая внутренний мир Хвалынцева, Польшу с ее бедами.

Хвалынцеву, собирающемуся на службу в Варшаву, Татьяна дает совет бросить эту затею и отправиться лучше в свое имение хозяйствовать. Однако герой

в начале диалогии, по мнению автора, не сознает своего предназначения. Если Константин Левин, в отличие от многих других помещиков, понимает необходимость заниматься хозяйством, чтобы жить именно дворянской жизнью, то Хвалынцев отправляется служить крестьянскому делу, лишь повстречавшись с генералом М. Н. Муравьевым, и признав в этом человеке, прозванном за жестокость при подавлении польского восстания «вешателем», «необычайно много доброй и разумной простоты и такой сердечности, которая встречается как коренное свойство в матерых русских натурах» (2, 549). Крестовский не проясняет, как именно крестьянскому делу собирается служить Хвалынцев под руководством генерала Муравьева. А сама фигура генерала, видимо, должна быть, по мысли автора, положительно завершающей череду изображенных в диалогии властителей, невольно соотносится читателем с неприглядным образом генерала, появившегося в самом начале диалогии.

Открывающая роман картина чтения «воли» и наказания крестьян символична в рамках всего «Кровавого пуфа». Собравшиеся в селе Высокие Снежки мужики с женами и ребятишками, словно дети чуда, ожидают приезда генерала. Но приехавший генерал быстро уходит в дом, высылая для разгона толпы своего адъютанта, и появляется лишь для произнесения предупреждения о возможной стрельбе. Читателя поражает не сам факт столкновения народа и представителей власти, а абсолютное непонимание последними сложившейся ситуации. «Двое почтенных, благообразных стариков, с длинными, седыми бородами, в праздничных синих кафтанах» подносят адъютанту каравай пшеничного хлеба и солонку (1, 20). Адъютант негодует, называет стариков бунтовщиками и объясняет, что приехал не есть, а наводить порядок. Стариков арестовывают, а крестьян охватывает недоумение. Нежелание увидеть один из русских обычаев, которым встречают почетных гостей, отражает полное непонимание своей страны и народа. Мотив предательского отношения к Родине и землякам постепенно нарастает в романе: сначала мы видим поведение губернаторши Славнобубенска, помогающей деньгами не нуждающимся детям, а ксендзу Кунцевичу, далее, из письма учителя Устинова узнаем о ненависти ко всему русскому, которая проникает во многие эпизоды диалогии.

В описанном автором городе Славнобубенске показана власть, пренебрегающая исполнением своих обязанностей. По принципу антитезы построены картины описания Славнобубенска: панихиде противопоставлено «генеральное кормление с музыкой и проч.», литературно-музыкальному вечеру в пользу воскресной школы – спектакль у губернаторши, а последней литургии владыки Иосафа – «бал у ее превосходительства. Но хаос проникает и в положительные элементы антитезы, а у читателя создается впечатление невозможности добра и порядочности в обществе. Система повторов и соответствий рождает мысль о процветании множества пороков, которые, маскируясь, проникают в порядочные дома и семьи. Крестовский действительно показывает, как далеко от «Божьих слуг», «отмстителей в наказание делающему злое» (Рим. 13:4) находятся многие представители власти города Славнобубенска, не признающие над собой ни власти Божьей, ни власти родительской. Вспомним, к примеру, как в день рождения губернаторши у нее в доме собирается отборное общество города Славнобубенска.

Читатель видит праздник, посвященный полностью процессу упитывания, где главное внимание «гастрономическим наслаждениям» отдает «интимный кружок губернаторского дома», в котором лишними оказываются только родители губернаторши: «Один только ни к чему не пригодный князь-рара, с ни к чему не нужно княгиней-татап составляли тут нечто вроде официально-неизбежного зла» (1, 164). Параллельно пренебрежительное отношение к отцу видим мы и со стороны Анны Лубянской, сбегавшей из дома к Полюярову.

Крестовский, как и после Л. Н. Толстой в романе «Анна Каренина», соотносит разные картины и судьбы на основе общего состояния человеческой помраченности страстями. В путях любовной страсти оказывается Хвалынцев и Анна Лубянская, из-за чего первый чуть не погибает, а вторая платится жизнью; страстью к славе и почету горит лжец Ардалион Полюяров, ради возвышения среди своих соратников поддельвающий адресованное к самому себе письмо Герцена, а потом и строчащий на себя донос от имени учителя Устинова; страстью к обогащению охвачены пан Слупчицкий и Анзельм Бейгуш, женившийся на вдовушке Сусанне и страдающий после от пробудившегося любовного чувства, идущего вразрез с его честолюбивыми планами. Книги Крестовского не обходятся без символа времени – торга, устраиваемого между героями.

Но автор не изображает пореформенного поведения русских помещиков: перенесение действия в Польшу позволяет писателю сделать не причастными к обману русских землевладельцев. Система соответствий, разворачиваемая в диалогии, способствует сопоставлению определенных эпизодов, при этом с бесправием перекликаются картины нарочито изолированного города Славнобубенска. С бунтом в Высоких Снежках в первой книге соотносится эпизод, в котором пан Котырло принуждает литовских крестьян отказаться от земли и получает во владение двадцать прекрасных участков и сорок безземельных батраков во второй книге; с постоянными празднествами губернатора Славнобубенска сопоставимо изображение охоты пана Котырло, которая более напоминает браваду и называется Хвалынцевым «игрой в солдатики» (2, 68).

Описание празднеств у губернатора в первой части «Панургова стада» написано несколько в стиле М. Е. Салтыкова-Щедрина и отчасти соотносимо с эпизодом обеда после выборов в романе «Анна Каренина». В «Панурговом стаде» автор подчеркивает ничтожность губернаторских гостей, сравнивая их с насекомыми: «С вышины хор движущиеся фраки кажутся чем-то вроде ползающих мух» (1, 63), и устами философа города выводит даже закон постоянно организуемых этими людьми собраний: «Главная-то суть у нас всегда была, и есть, и будет неизменно все одна и та же: это – жратва!» (1, 70). В отличие от сатиры Крестовского, у Толстого мы видим очень тонкую иронию. В «Анне Карениной» устраиваемый Вронским обед все-таки намного приличнее, однако писатель указывает на его возможное продолжение, отмечая возрастающее веселье общества, которое движется по нарастающей. «В конце обеда стало еще веселее. Губернатор (у Крестовского и Толстого виновниками торжеств оказываются губернаторы – В. А.) просил Вронского ехать в концерт в пользу *братии*, который устраивала его жена, желающая с ним познакомиться» (19, 241). Нельзя не обратить внимания и на курсив в данной цитате. Л. Н. Толстой

не конкретизирует что это за братья, читатель может лишь предполагать, а у Крестовского «братией», в пользу которой губернаторшей организуется спектакль, оказывается кружок ксендза Кунцевича.

В финале дилогии читатель увидит, что Ардалион Поляров проворовался около крестьянского дела. Как нам кажется, это еще один из грехов, искусственно причисляемых Полярову автором, оправдывающим представителей власти. А Левин в романе «Анна Каренина» сторонится каких-либо должностей, выходит из земского собрания, потому что все это ему мешает честно исполнять задуманное им дело, строить хозяйство по новому образцу. В начале романа Л. Н. Толстой не показывает нам беспредела, читатель лишь слышит оправдание Левина перед братом Кознышевым: «Левин в оправдание стал рассказывать, что делалось на собраниях в его уезде» (18, 29). Однако неудача работы земств постепенно проясняется и становится абсолютно ясной уже на губернских выборах, где, как показывает писатель, дворяне группируются лагерями, различаются по возрасту и костюмам, много говорят, но чрезвычайно мало о насущных вопросах.

Герой Крестовского, пройдя жизненную школу, был подведен автором к восторженному отношению к жестокому крепостнику и фактически оказался вдали от народа и его интересов, а Левин у Толстого стал настоящим народным героем, ведь его дворянский путь хозяйствования и искания истины пересекся с крестьянским (вспомним эпизод косьбы и прозрение Левина после разговора с подавальщиком Федором). Изобразив Левина, Л. Н. Толстой выразил свою надежду на обновление дворянства через таких хозяев, которых, как писал А. А. Гильдебрандт, в пореформенное время катастрофически не хватало: «Нам надо было людей – дела, усидчивого труда, людей, посвятивших себя на серьезное изучение нужд и положения местного населения, на изучение причин бедственности крестьянства, на изучение экономических условий страны...»⁹.

Примечания

¹ Батюто А. И. Антинигилистический роман 60–70-х годов: В кн.: Истории русской литературы: в 4 т. Т. 3. Л.: Наука, 1982. С. 302–304.

² Лебедев Ю. В. История русской литературы XIX века: в 3 ч. Ч. 3. М.: Просвещение, 2008. С. 294.

³ Замотин И. И. Тенденциозная беллетристика 60–70-х годов. В кн.: История русской литературы XIX века: в 5 т. Т. 4. М.: Тв-во Мир, 1911. С. 158.

⁴ А. Новые сочинения Всеволода Крестовского // Русский вестник. 1875. № 3. С. 336.

⁵ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 4. СПб.: Диамант, 1996. С. 239.

⁶ А. Новые сочинения Всеволода Крестовского. С. 337.

⁷ Крестовский В. В. Кровавый пуф: роман в 2 кн. Кн. 1, 2. М.: Совет. писатель, 1995. Ссылки на это издание даются в тексте с указанием книги и страницы.

⁸ Толстой Л. Н. ПСС: в 90 т. М.: Худ. лит., 1928–1958. Ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома и страницы.

⁹ Гильдебрандт А. А. Сельскохозяйственное обозрение // Русское с/х. 1873. Т. XIII. С. 243.

В. В. Чекмарёв, Т. Н. Юдина, О. А. Вакурова

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ЦАРЯ ИВАНА IV ВАСИЛЬЕВИЧА И ЦАРЯ АЛЕКСЕЯ МИХАЙЛОВИЧА

В последние десятилетия XV – начале XVI вв. домостроительство на Руси продолжалось. Хозяевами Русского Дома – Хозяйства с 1547 г. стали цари, продолжившие его строительство. Период XV–XVI вв. – это время Московского царства, когда уже Государство Российское ассоциировалось с Москвой, а не с Киевом и Владимиром, как ранее. В этот период заканчивается начатый еще при Великом Князе Иване Калите длительный и сложный процесс собирания Земли Русской вокруг Москвы, ликвидации феодальной раздробленности страны, образования централизованного Русского государства. Карл Маркс писал: «Изумленная Европа, которая в начале княжения Ивана III едва подозревала о существовании Московии, зажатой между литовцами и татарами, была огорошена внезапным появлением колоссальной империи на ее восточных границах»¹

Образование централизованного государства – Московского царства или Великорусского государства – сопровождалось институциональными преобразованиями в области хозяйства и экономики, политики, но не только в области идеологии. По-прежнему домостроительство представляло собой идеологию хозяйственной жизни Московского царства, а Святая Русь – ядро Московского царства. Институциональные изменения касались хозяйства и экономики и проявлялись в виде реформ, прежде всего. Институциональные преобразования в политике сопровождалась трансформациями в соотношении сил различных господствующих социальных слоев, ослаблением роли боярства (боярства), родовой феодальной знати, а также в возвышении дворянства. Образование централизованного государства произошло путем усиления самодержавия власти царя, опирающегося на дворянство, а также на своих верноподданных крестьян² и др. Ф. Энгельс писал, что в России «...покорение удельных князей шло рука об руку с освобождением от татарского ига и окончательно было закреплено Иваном III»³.

В 1480 г. Великий Князь Московский Иван III Васильевич Рюрикович (1440–1505 гг.), сын Великого Князя Василия II Темного, порывает ханскую грамоту, что говорит о полном освобождении России от татаро-монгольского ига. Оно принесло Русскому хозяйству за два с половиной века экономическую отсталость от Запада, потери культурных ценностей, в том числе книг, людей, которые (именно люди как православные христиане) являются главной ценностью в Государстве Российском. С середины XV в. в русском хозяйстве «выращиваются» институциональные образования, институты. Так появляется денежная рента, которая явилась результатом замены натурального оброка денежным, а также денежные налоги. В этот период широко распространяется институт помещного землевладения. Он связан с несением военной службы дворянина – служилого землевладельца – Великому Московскому Князю, а с 1547 г. – царю. На стыке XV–XVI вв. окрепло монастырское землевладение. Известно, что монастыри владели примерно одной третью всей освоенной земли⁴.

РАЗДЕЛ I

В Московском царстве функционировала домашняя промышленность, тесно связанная с землевладением. В XV–XVI вв. отечественный домострой имел крупное промышленное производство таких товаров, как соль, железная руда и др. Крупное отечественное предпринимательство осуществлялось в вотчинах, крупных монастырях (например, Соловецком). На казенных (государственных) предприятиях производилось оружие. Историк С. В. Бахрушин писал о предпосылках всероссийского рынка в XVI в.⁵, вырастающего из развитых товарно-денежных отношений между различными городами и регионами. Развивалась и внешняя торговля с западноевропейскими странами через Белое море, а также с восточными странами.

Домостроительство как идеология и основа хозяйственной жизни России в конце XV – начале XVI вв. остается неизменной. Многонациональное Государство Российское было Русским Домом, Русским Государством, потому что «в России роль объединителя взяли на себя великороссы»⁶. В период царствования Иоанна IV Васильевича Рюриковича (1547–1584 гг.) окончательно формируются два конституирующих начала отечественного Дома–Хозяйства. Это самодержавие и домостроительство, которое предполагает не только экономический, но и культурно-хозяйственный рост. И. В. Сталин писал: «Только страна, объединенная в единое централизованное государство может рассчитывать на возможность серьезного культурно-хозяйственного роста, на возможность утверждения своей независимости»⁷.

Институциональные основы экономической политики двух великих самодержцев Государства Российского: Великого Князя всея Руси Иоанна III Васильевича и первого Русского царя Иоанна IV Васильевича Рюриковичей можно представить синтезированной в следующей таблице (см. табл.).

Т а б л и ц а

*Институциональные основы домостроительства
Великого Князя Иоанна III и Царя Иоанна IV Рюриковичей*

Государи Великорусского царства	Великий князь всея Руси Иоанн III Васильевич Рюрикович 1440–1505 гг.	Царь Иоанн IV Васильевич Рюрикович 1530–1584 гг.
Критерии	1	2
Годы княжения и царствования	Великий князь московский и «всея Руси» с 1462 г. по 1505 г.	Великий князь всея Руси с 1533 г; царь с 1547 г; оконча- тельно с 1564 г. по 1584 г.
Новшества в госу- дарственном управ- лении	Образование централизо- ванного государственного аппарата в виде «приказов»	Создание новых приказов. Реформа местного само- управления в сторону усиле- ния центральных органов. Упразднение наместников и волостелей. Учреждение опричнины

Продолжение табл.

1	2	3
Обще-государственное законодательство	Начало единого общегосударственного законодательства. Судебник 1497 г. вместо прежних судебных грамот отдельных княжеств	Новый судебник 1550 г. (введение единого для всей страны судопроизводства); «царские вопросы» на Стоглавом соборе (1551 г.), указы, уставные и таможенные грамоты царя Иоанна IV. Уложение о службе с вотчин и поместий 1555 г. (или 1556 г.)
Цели и направления экономической политики и выращивание новых отечественных институтов. Институциональные преобразования (в виде экономических реформ). Начало политики протекционизма	В области землевладения начало поместной системы землевладения: переход от вотчины как полной феодальной собственности на землю к поместью как условной собственности, связанной с военной и государственной службой феодала (бояр, князей, дворян) и др. Финансовая политика. Централизация финансов, начало общегосударственной финансовой системы. Переход от поголовного и подворного обложения к подошному (единица измерения – соха, т. е. 2 или 3 работника). Право чеканки монеты только за престолонаследником (старшим сыном Великого Князя). В области внутренней торговли: ликвидация барьеров как следствие феодальной раздробленности. Расширение внешней торговли с Западом, с Азовом, Кафой. Соперничество с Ганзейским союзом, защита отечественных купцов. Начало протекционизма. В области ремесла: успехи в зодчестве, живописи, поиск серебряной руды	Цель: упрочнение единства Дома – государства и Дома – Хозяйства – Московского царства; укрепление самодержавной и хозяйственной власти царя. Земельная реформа. Усиленное выращивание института (поместного землевладения) «Испомещение» «избранной тысячи» – «лучших слуг» вокруг Москвы. Законодательное установление прямой связи крупного землевладения с военной службой государству. Описание земельного фонда всей страны. Программа измерения и учета всех земель. Введение «большой московской сохи». Ограничение владельческих прав вотчинника. Сближение двух форм феодального землевладения: вотчиной и поместьем. Вотчинное землевладение, как и поместное, становилось условным, связанным со службой вотчинника. Создание опричнины (1565–1572 гг.) Массовая конфискация княжеско-боярских вотчин. Опричнина как институт укрепления централизованного Дома – Хозяйства и институт уничтожения экономической базы власти князей и бояр. Чрезвычайное обогащение монастырей землями.

РАЗДЕЛ I

Окончание табл.

1	2	3
<p>Цели и направления экономической политики и выращивание новых отечественных институтов. Институциональные преобразования (в виде экономических реформ). Начало политики протекционизма</p>		<p>Торговая и промышленная политика. Начало развития крупной промышленности на основе казенной и частной собственности. Борьба против экономической зависимости во внешних экономических связях (с Литвой, Швецией, Польшей). Борьба за выход к Балтийскому морю. Борьба против иностранной монополии во внешней торговле. Ликвидация привилегий английских купцов. Введение монополии на торговлю, например, хлебом, икрой, пенькой и др. «заповедными» товарами. Запрещение вывоза из страны денег, а также золотых и серебряных изделий. Ограничение закладничества. Финансовая политика. Введение новых налогов. Указ 1555 г. о полной отмене системы кормлений. <i>Развитие частного кредита без ростовщичества</i>. Завершение создания единой государственной денежной системы. Появление копейки</p>
<p>Государственное регулирование производственных отношений феодалов и крестьян. Крепостное право.</p>	<p>Тенденция к ограничению источников полного холопства (рабства). Рост применения наемного труда (наймитов). Ограничение крестьянского отказа, т. е. права крестьян на переход от одного владельца к другому, одним сроком в году – Юрьевым днем. Установление уплаты «пожилого». Начало юридического оформления крепостных отношений</p>	<p>3 апреля 1580 г. юридическим актом официально утверждено крепостное право в России.</p>

Источники: История русской экономической мысли. Т. I. Ч. I. / под ред. Пашкова А. И. М.: Госполитиздат, 1955. С. 100–113; С. 157–189; Послания Ивана Грозного / под ред. чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. Подготовка текста Д. С. Лихачева и Я. С. Лурье. Перевод и комм. Я. С. Лурье. Репринтное воспроизведение изданий 1951 г. СПб: Наука, 2005. С. 7–277.

Из таблицы видим те институциональные изменения, экономические реформы, которые произошли в конце XV–XVI вв. В этот период русское хозяйствоводомострой укреплялось, а именно: оно создавало величие Московского царства, прежде всего с точки зрения. Великая Россия заявит о себе в имперский период, т. е. со времен императора Петра I. Внутри зарождающейся Великой России, ее ядром по-прежнему была первая ипостась – Святая Русь⁸. О третьей ипостаси – России Державной речь пойдет дальше в III главе.

Сознанием величия Руси-России наполнены, например, Послания царя Иоанна IV Васильевича Рюриковича к английской королеве Елизавете (1570 г.). Царь Иван IV Васильевич Грозный писал: «Мы думали, что ты в своем государстве государыня и сама владеешь и заботишься о своей государственной чести и выгодах для государства – поэтому мы и затеяли с тобой эти переговоры. Но, видно, у тебя помимо тебя, другие люди владеют, и не только люди, а мужики торговые, и не заботятся о наших государских головах, и о чести, и о выгоде для страны, а ищут своей торговой прибыли. Ты же пребываешь в своем девическом звании, как всякая простая девица. А тому, кто хотя бы и участвовал в нашем деле, да нам изменил, верить не следовало»⁹.

24 октября 1570 г. царь Иван IV Грозный писал английской королеве Елизавете: «Пусть те мужики, которые пренебрегли нашими государскими головами и государской честью и выгодами для страны, а заботятся о торговых делах, посмотрят, как они будут торговать! А Московское Государство пока и без английских товаров не бедно было»¹⁰. Все свои грамоты по торговым делам с Англией царь Иоанн IV Васильевич Рюрикович объявлял недействительными. Расчеты Англии сделать Россию своей колонией были гениально раскрыты и доказаны самим нашим первым русским царем Иоанном IV и историей экономики России. Царь Иоанн IV Грозный сумел обеспечить домострою Святой Руси независимость от западноевропейского торгового капитала.

Следует отметить и такую характерную черту отечественного домостроительства как негативное отношение к институту ростовщичества. Оно красной нитью проходит через все письменные древние и средневековые источники по хозяйственной мысли Руси-России. Глубоко образованный человек, величайший мыслитель XVI в. царь Иван Васильевич Рюрикович, создавал основы отечественной финансовой науки в России. Перекидывая «исторический» мост в наше время, можно уверенно сказать, что современная финансовая наука в России не самостоятельна, она отражает положения и принципы западной финансовой, прежде всего англо-саксонской науки. Царь Иоанн IV считал, что деньги в России – признак нашей государственности, т. е. самодержавности. Свойством русских денег является также государственность наряду с ликвидностью, доходностью и риском. В целом институциональные преобразования в хозяйстве и экономике Московского Царства в начале XV–XVI вв. способствовали развитию производительных сил Государства Российского¹¹.

Представления Дома Рюриковичей о домострое и домостроительстве, а также о самодержавии в Московском Царстве, ядром которого считалась Святая Русь нашли воплощение в идеологии Романовых. Царь Алексей Михайлович Романов (10/23 марта 1629 – 30 января/12 февраля 1676 гг.), названный народом

«Тишайшим» или «гораздо тихим» был продолжателем строительства Русского Дома, начатого Великим князем всея Руси Иоанном III и первым русским царем Иоанном IV Васильевичем Рюриковичами. Известно из биографии царя Алексея Михайловича, что он, обученный грамоте с пяти лет, читал Псалтырь и Деяния апостолов, с девяти лет осваивал церковное пение, а к десяти годам «до мельчайших подробностей изучил чин богослужения и пел с дьяком на клиросе стихиры и каноны»¹². Его библиотека состояла из 13 томов, из которых девять – богословские, одна назидательная (Главизны наказательны), и только три – светские (Грамматика, Лексикон, Космография)¹³. 28 сентября (11 октября) 1645 г. состоялось венчание государя Алексея Михайловича на царство. Царь Алексей Романов вступил в управление «Божиим и своим государевым и земским делом»¹⁴.

Русский царь Алексей Михайлович Романов считал все государственные дела делами Божиими, ибо с детства правильно усвоил догмат о царской власти как богоустановленной и придерживался его всю жизнь. В своем письме от 3 сентября 1653 г. князю Н. И. Одоевскому второй царь из рода Романовых писал: «А мы, великий государь, ежедневно просим у Создателя ... чтобы Господь Бог ... даровал нам, великому государю, и вам, бояром, с нами единодушно люди Его, Световы, *разсудити в правду всем равно*»¹⁵. «*Правити... правду*», «*разсудити в правду*» – вот формула царского служения Богу и народу царя Алексея Михайловича Романова.

Как и царственные и царские предшественники из рода Рюриковичей Великий князь всея Руси Иоанн Васильевич III и царь Иоанн Васильевич IV, царь Алексей Михайлович Романов твердо придерживался концепции «Москва (Россия) – Третий Рим, а четвертого не быти», считал себя ответственным за вселенское православие и за каждого православного христианина, его душу, тем более за своих верноподданных.

«Тишайший» или «гораздо тихий» царь Алексей Михайлович свою государственную деятельность направил на укрепление института самодержавия и домостроительства. Для второй половины XVII в. требовались институциональные изменения: небольшой исторический срок прошел со Смутного времени, оставались некоторые его рецидивы. Для времени царствования Алексея Михайловича были характерны крестьянские восстания, например, крупное восстание под руководством Степана Разина, а также бунты, например, Соляной бунт, вспыхнувший в Москве в июне 1648 г.

Реакцией на нестроения, неисправы в Русском Доме было принятие *Соборного Уложения 1649 г.* Этот законодательный акт Московского царства основывался на Правилах святых Апостолов, святых отцов, градских законах греческих царей (известно, что царь Алексей Михайлович слыл «*грекофилом*»), судебных Рюриковичей и боярских приговорах. В Уложении 1649 г. институционально оформлена трансформация сословно-представительной монархии в неограниченную (*абсолютную*) монархию.

Согласно Соборному Уложению 1649 г. и решениям церковных соборов 1666–1667 гг. были зафиксированы два основополагающих институциональных принципа на основе догмата о царской власти:

во-первых, главенство царской власти над церковной в общегосударственных вопросах;

во-вторых, абсолютное право верховной власти (т. е. самодержавной власти царя) на всю государственную территорию: царь-государь стал полным хозяином и вотчинником земельной собственности в Московском царстве¹⁶, хозяином всей России.

Институциональные преобразования царя Алексея Михайловича коснулись дальнейшего по сравнению с Рюриковичами решения проблем вотчинного и поместного землевладения в Московском Дворце по пути слияния вотчин и поместий. Две главы Соборного Уложения 1649 г. а именно: глава XVI «О поместных землях» и глава XVII «О вотчинах» отражают процесс слияния поместий с вотчинами. В этих главах отражен и механизм такого слияния:

свобода обращения поместий между служилыми людьми;

обмен поместья не только на поместье, но и на вотчину;

обмен вотчины на поместье;

сдача поместий;

наследование поместий женами и детьми «на прожиток»;

установление нормы поместных дач (раздатков – по Бессоновой О. Э.) для служилых людей;

институционализация «родовых», «выслуженных», «купленных» вотчин.

Трансформация поместий в вотчины и вотчины в поместье, а также сам дальнейший процесс стирания различий во второй половине XVII в. между вотчиной и поместьем отражает новый этап разрешения важнейшей институционально-экономической проблемы для всех времен и народов – проблемы власти и собственности. При царе Алексее Михайловиче Романове дворянство постепенно превращалось в господствующее сословие землевладельцев с «крепостными душами» («душевноладельцев»). Воины (дворянство) оказались сплоченными, сумели приблизиться к престолу, выделив из своей социальной среды полномочную бюрократию в Приказы как органы государственного управления. Так между представителями власти и собственности (богатства) во второй половине XVII в. сформировалась иная по сравнению с сословно-представительной моделью самодержавия XVI в. тенденция. Эта тенденция такова, что не имущество (богатство) стало средством включения в правящую элиту, а, наоборот, зачастую достижение власти открывало широкий простор к обогащению¹⁷.

Процесс институциональных преобразований (реформ) коснулся не только землевладения, но и системы государственного управления, финансов. Особо следует выделить институциональные изменения, связанные с институтом крепостничества. Соборное Уложение 1649 г. (вслед за Стоглавым собором 1551 г.) определило самодержавие как институт российской государственности в абсолютной форме. Всю полноту власти в Государстве Российском: законодательную, исполнительную, судебную (и даже сегодняшнюю четвертую власть – СМИ) отныне имел Государь-царь. Власть принадлежала всецело и нераздельно царю, не была ограничена ни Земскими соборами, ни Боярской думой. Царь Алексей Михайлович смог избавиться от вмешательства церкви в государственные дела, которое нарушало истинный догмат о царской власти. Согласно этому догмату царь назначал и снимал патриарха, становился главой церкви. Царь – земной – образ Первообраза – Царя Небесного. Именно в этом ключе следует понимать

первенство царской власти над церковной. *Немецкий ученый энциклопедист*¹⁸ *Олеарий Адам* (1599–1671 гг.), побывав в России, в своей классической работе «Описание путешествия в Москву и через Московию в Персию» дал объективную характеристику географии природы, административного, хозяйственного устройства, культуры Московского царства. Он писал: «... русские полагают ... что великий князь исполняет все по воле Божьей. Для обозначения непогрешимой правды и справедливости в действиях великого князя они имеют поговорку: «Слова Бога и великого князя нельзя переименовывать, но нужно исполнять неукоснительно»¹⁹. Фактически и юридически Соборное Уложение 1649 г. зафиксировало, что Царь в Московском Царстве – глава Русского Дома – Дома–Государства и Дома–Хозяйства – Отец Отечества, Хозяин.

Административная реформа царя Алексея Михайловича коснулась изменения характера системы государственного (центрального) и местного управления. Ещё в XVI в. при царе Иоанне IV Васильевиче Рюрикoviче система дворцово-вотчинного управления стала трансформироваться в систему приказов. При царе Алексее Михайловиче Романове система приказов совершенствовалась в сторону их диверсификации и расширения. Механизм взаимодействия царя и приказов был разработан в Соборном Уложении. Соответствующее положение Уложения констатировало: «спорные дела, которых в приказе за чем вершить будет немощно, вносить ис приказов в доклад к государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всея Руси, и к его государевым бояром, и околничим, и думным людям. А бояром, и околничим, и думным людям сидеть в полате, и по государеву указу всякие дела делать всем вместе»²⁰.

Великий государь всея Руси царь Алексей Михайлович осмысливал и решал финансовые проблемы в своем Доме–Хозяйстве в период своего царствования с 1645 по 1676 гг. Два основных органа государственного управления – два приказа: Большая казна, собиравшая доходы от казенной промышленности и торговли, чеканки денег и др., а также Большой приход, занимавшийся сбором таможенных пошлин на большой территории Государства Российского и пр. – выполняли фискальные функции ведали стремящимися к централизации финансов централизованного самодержавного Московского царства.

Таким образом, Царский синклит (правительство) принимали меры по созданию единого финансового института государственного финансового регулирования. В качестве успехов домостроя и домостроительства во время царя Алексея Михайловича можно определить «Новоторговый Устав», написанный «государственным человеком XVII в.» Афанасием Лаврентьевичем Ордин-Нащокиным и подписанный «Тишайшим» царем 7 мая 1667 г. Реализация новых правил организации внешней торговли, денежного обращения, промышленности, укрепления государственной казны и проч. способствовали получению положительного платежного баланса страны в условиях постоянной войны с Польшей, Швецией, Крымским ханством, Турцией. Как в годы Смуты и после неё в структуре государственных налогов преобладали косвенные. Превышение доли и размера косвенных налогов над прямыми объяснялось недостаточным уровнем развития отечественной промышленности и накопления денежного богатства – хрематы – в торговле.

Домострой как хозяйственный строй во второй половине XVII в. характеризуется усилением крепостничества. Институт крепостничества сложился в XVI в. в Государстве Российском. Он был необходим для строительства самодержавного государства, основывающегося на принципе домостроительства, целью развития которого является «душеспасительство». О необходимости института крепостничества объективно написал историк Н. М. Карамзин. Он отмечал, что для твердости бытия Государственного, безопаснее поработить людей, нежели дать им не во время свободу, для которой надобно готовить человека исправлением нравственным²¹. Действительно, главным богатством развития Государства Российского является сохранение и размножение русского народа как народа Богоносца (это открытие принадлежит русскому энциклопедисту М. В. Ломоносову), «душеспасительство». Под свободой на Русской Земле понимали не распушенность и вседозволенность, а свободу от грехов. Для свободы от грехов, действительно, нужно «готовить человека исправлением нравственным», можно даже дополнить исправлением духовно-нравственным, наращиванием духовно-нравственного капитала, проведением исповеди в экономических грехах.

В свете самого Соборного Уложения 1649 г. можно представить очередной этап в развитии крепостничества во время царствования «Тишайшего» царя. Управлением «урочных лет» синклит (правительство) решало одновременно ряд проблем: а) защиту царской власти дворянством; б) обеспечение стабильного, увеличивающегося дохода царской казне; в) прекращение масштабной миграции населения; г) упрочение самодержавного централизованного государства в целом, его хозяйства в частности, недопущение центробежных сил; д) недопущение разрушительных начал в домостроительстве в виде восстаний и бунтов в условиях ведения постоянных войн с Польшей, Швецией, Крымским ханством, Турцией; е) накопление духовно-нравственного капитала; ж) эффективного отношения «принципал – агент».

Используя язык и понятия И. Т. Посошкова – царского человека конца XVII – первой четверти XVIII вв., царь Алексей Михайлович Романов стремился к наращиванию «невещественного богатства – правды» в Московском царстве. Он негативно относился ко всякого рода ересям и не допускал их распространения в Богохранимой Русской Земле – Святой Руси. Один из его современников писал: «У нас царь благочестивый. Ереси некоторые не любит. И по всей его государьской земле ереси нет. У печати сидят книги правят избранные люди и безпрестанно над тем делом сидят. А над теми людьми надзирают по государеву указу ... кому государь укажет»²².

Такова «царская правда». Таковы институциональные преобразования домостроя первых российских царей. Таковы царские законы. Очевидно из предшествующего анализа, что в период царствования Иоанна Васильевича Рюрика и Алексея Михайловича Романова были заложены институционально-экономические основы православного миропорядка в Московском Царстве – Москве (России) – Третьем Риме, – Святой Руси. Отечественный миропорядок и сама Россия как мир-хозяйство (по Броделю) основывался на самодержавии и домостроительстве. Он исключал всякие ереси, а также бунты, восстания, расшатывающие самодержавные основы. Миропорядок в Государстве Российском освобождался

от ростовщичества, как «родимых пятен» протодомостроя, провозгласил труд как добродетель, как делание правды. Поиски институционально–хозяйственной мысли были направлены на определение справедливой цены. Главным институциональным принципом было домостроительство, а также принцип справедливости – правды. Идея справедливости – правды проходила красной нитью через произведения тех отечественных мыслителей, философов отечественного хозяйства, которые верно служили государю-царю и Отечеству, обогащали своими идеями отечественную домостроительную мысль.

Примечания

- ¹ *Karl Marx*. Secret Diplomatic History of the eighteenth century. London, 1899. P. 81.
- ² О соотношении слов «крестьянин» и «христианин» см: А. В. Ладушкин. К вопросу о развитии этнического самосознания древнерусской народности («хрестеяни» и «хрестьянский») в памятниках летописания XI-XIII вв.) // Средневековая Русь. Вып. 6 / отв. редактор А. А. Горский. М.: «Индрик», 2006. С. 29–65.
- ³ *Ф. Энгельс*. О разложении феодализма и развитии буржуазии // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVI. Ч. I. С. 450.
- ⁴ История русской экономической мысли / под ред. Пашкова А. И. Т. 1. Ч. 1. М.: Госполитиздат 1955. С. 101.
- ⁵ *Бахрушин С. В.* Предпосылки «всероссийского рынка» в XVI в. // Ученые записки Московского гос. университета. Вып. 87. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1946. С. 38–65.
- ⁶ *Сталин И. В.* Марксизм и национальный вопрос. Соч. Т. 2. С. 304.
- ⁷ *Сталин И. В.* Приветствие Москве в день ее 800-летия // Правда. 1947. 7 сент. / цит. по: История русской экономической мысли. Т. 1. Ч. 1. С. 104.
- ⁸ Понятие Святая Русь, появившееся примерно в 80-х гг XV в., определяется также сквозь призму множества святых на Русской Земле. В частности, таким русским святым является и сам царь Иоанн IV Васильевич Рюрикович, названный Грозным. – См: *Голубинский Е. Е.* История канонизации святых в Русской церкви. М., 1903. С. 358; *Сергий (Спасский)*, архиепископ. Полный месяцеслов Востока. 2-е изд. Т. 1. г. Владимир, 1901. С. 353, 356; Свидетельство почитания Царя Иоанна Васильевича Грозного из Святцев Коряжемского монастыря // Русский вестник. 2002. № 45–46. С. 11; Самодержавная Русь. 2003. № 6. С. 1.
- ⁹ Послания Ивана Грозного. С. 332–333.
- ¹⁰ Указ. ист. С. 333.
- ¹¹ История русской экономической мысли. С. 100–102.
- ¹² *Зайцева Л. И.* Русские провидцы о российской государственности (середина XVI – начало XX вв.) Ч. II. XVII в. / под общей редакцией Л. А. Зубченко. М.: Институт экономики РАН, 2003. С. 161.
- ¹³ Указ. соч. С. 162.
- ¹⁴ Государи из дома Романовых. 1613–1913. М., 1913. С. 94.
- ¹⁵ Собрание писем царя Алексея Михайловича. – М., 1856. – С. 225, 231.
- ¹⁶ См.: Статья 12 главы XVII Соборного Уложения, 1649 г. / под ред. А. Г. Манькова. Л.: 1987. С. 85.
- ¹⁷ *Омельченко О. А.* Становление абсолютной монархии в России. М. 1986. С. 40.
- ¹⁸ В наше время труды и оценки энциклопедистов особенно значимы, т. к. они конкурентоспособны.
- ¹⁹ *Олеарий Адам*. Описание путешествия в Московию. М., 1996. С. 228.
- ²⁰ Соборное Уложение 1649 г. / под ред. А. Г. Манькова. Л., 1987. С. 31.
- ²¹ *Карамзин Н. М.* Записки о Древней и Новой России. СПб., 1914. С. 83.

²² Суханов А. Проскинтарий: Сб. сочинений, содержащий описание путешествия автора в Египет, Иерусалим по поручению Алексея Михайловича // ГПБ, Эрм. Собр. № 409. С. 30. Цит. по: Зайцева Л. И. Русские провидцы о российской государственности. С. 225.

Д. С. Иванцов, Е. А. Чугунов
г. Кострома

КОСТРОМСКОЙ КРАЙ: О Т ИЗБРАНИЯ НА ПРЕСТОЛ МИХАИЛА РОМАНОВА К 400-ЛЕТИЮ ДОМА РОМАНОВЫХ

Грядущее в 2013-м году 400-летие восшествия династии Романовых на российский престол на протяжении ряда лет находится в центре внимания губернатора и администрации Костромской области, органов исполнительной власти региона, государственных и муниципальных учреждений культуры и образования, общественных организаций. В рамках подготовки к празднованию этого юбилея значительный пласт задач решается департаментом культуры Костромской области, департамент внешнеэкономических и межрегиональных связей Костромской области, государственными и муниципальными учреждениями культуры.

В концептуальном, комплексном виде эти задачи были определены администрацией области в 2004–2005 гг.¹ В этот период департаментом культуры области совместно с Костромским государственным университетом им. Н. А. Некрасова была разработана «Концепция областной целевой программы «Историко-культурное, природное и духовное наследие Костромской области (до 2020 года)»², в которой, в частности, представлены основные параметры «программных мероприятий, посвящённых сохранению традиций Российской государственности, – 400-летнему юбилею Дома Романовых»³. С точки зрения разработчиков концепции, приоритетной задачей программы необходимо «выделить создание специального проекта «Костромской край – исторические вехи династии Романовых», в котором единой связью будут объединены исторические города и поселения области: Кострома – Сусанино – Макарьев – Красное»⁴. При этом во всероссийском и международном масштабе данный проект предполагает территории реализации Кострому и Костромскую область, Москву, Санкт-Петербург и Екатеринбург⁵.

В настоящее время разрабатывается и уточняется программа по подготовке и проведению мероприятий, посвящённых празднованию 400-летия окончания Смутного времени, возрождения российской государственности, подвига Ивана Сусанина и избрания Михаила Романова, реализация которой рассчитана на период 2011–2013 гг.

На сегодняшний день многие мероприятия названной программы апробированы, а ряд из них фактически приобрёл статус традиционных, поскольку они успешно состоялись на территории Костромской области в 2008, 2009 и 2010

годах, вызывая неподдельный интерес не только у жителей, но и гостей региона⁶. В этой связи речь, прежде всего, может идти о мероприятиях, легших в 2010 году в основу Романовского фестиваля. Это «Исторический день»⁷, «Романовские чтения»⁸, Парламентский форум «Историко-культурное наследие России»⁹, Губернаторский благотворительный бал¹⁰, Всероссийский конкурс молодых исполнителей на народных инструментах «Юные дарования Поволжья» и др.¹¹.

Помимо вышеназванных мероприятий Романовский фестиваль 2010 года включал в себя: «Сусанин – трофи 2010. Зима», выставку картин Павла Рыженко¹², выставку «Искусство Фаберже»¹³, концерт «Три века хоровой музыки», спектакль «Амадей» (по мотивам трагедии А. С. Пушкина «Моцарт и Сальери») и др.¹⁴

Важно, что мероприятия Романовского фестиваля состоялись не только в областном центре – городе Костроме, но и во всех муниципальных образованиях Костромской области. В них приняли участие люди самых разных возрастов (от воспитанников детских садов до ветеранов), профессий, национальностей, вероисповеданий и т. д. На муниципальном уровне было проведено более двухсот мероприятий соответствующей тематики и направленности¹⁵.

Предполагается, что «Романовский фестиваль» как тематический цикл будет проходить на территории Костромской области ежегодно вплоть до 2013 года, поскольку основной его целью является подготовка и проведение мероприятий во всероссийском масштабе, посвящённых празднованию 400-летия окончания Смутного времени, возрождения российской государственности, подвига Ивана Сусанина и избрания на российский престол Михаила Романова.

Фестиваль призван решить такую задачу, как восстановление исторической преемственности, обращение к тем символам и урокам прошлого, которые призывают современных россиян к единению перед лицом возникающих проблем. Ведь именно в единстве нашли своё спасение и выход из Смуты наши предки в 1613 году, когда всенародно возвели на царский трон юного Михаила Романова и сообща стали возрождать страну.

Другой важнейшей задачей фестиваля является актуализация того богатейшего культурного наследия, которое досталось нынешним поколениям от эпохи царствования династии Романовых.

Начиная с 1993 года, когда на Костромской земле состоялся масштабный фестиваль «Вехи», посвящённый 380-летию Династии Романовых, проделана огромная научно-исследовательская работа соответствующей направленности, результаты которой нашли отражение в сотнях различных изданий. Эта работа при непосредственном участии департамента культуры Костромской области и подведомственных ему учреждений совместно с Костромским государственным университетом им. Н. А. Некрасова продолжается по сей день. Благодаря этой многолетней и плодотворной, целенаправленной работе сложилась очень объёмная и содержательная научно-информационная база, позволяющая комплексно осмысливать романовскую тематику в историческом, краеведческом, культурологическом, социально-экономическом и иных направлениях¹⁶.

Важное значение в этом осмыслении имеет и широкая издательская деятельность, осуществляемая администрацией и департаментом культуры Костромской

области, Костромским государственным университетом им. Н. А. Некрасова, Фондом российской государственности и 400-летия Династии Романовых¹⁷.

В преддверии 400-летнего юбилея Дома Романовых расширяется и активизируется выставочная деятельность музеев и библиотек Костромской области, имеющая соответствующую направленность¹⁸. Одним из знаковых событий такого рода стало открытие в Костромском историко-архитектурном и художественном музее-заповеднике уникальной выставки «Костромское дворянство: кадры для трона». Выставка посвящена борьбе за верховную власть в России в период Смутного времени конца XVI – начала XVII вв. Её материалы содержательно и красочно представляют историю боярских родов Годуновых и Романовых, которым судьба отвела роль российских государей.

В оставшийся до юбилейного 2013 года период охарактеризованные выше и другие направления работы, несомненно, будут продолжены и расширены с учётом накопленного опыта и искреннего желания костромичей сохранить и утвердить за своей малой Родиной статус «Кострома – колыбель Дома Романовых» с прочным позиционированием бренда «Кострома царственная – колыбель Династий Годуновых и Романовых, оплот российской государственности» в общероссийском и мировом социокультурном и туристическом пространстве.

Примечания

¹ См.: Постановление губернатора Костромской области № 210 от 26.04. 2004 г. «Об областной программе «Историко-культурное, природное и духовное наследие Костромской области (до 2015 года)»; Постановление губернатора Костромской области № 100 от 4.03.2005 г. «О концепции областной целевой программы «Историко-культурное, природное и духовное наследие Костромской области (до 2020 года)».

² См.: «Концепция областной целевой программы «Историко-культурное, природное и духовное наследие Костромской области (до 2020 года)». – Кострома, 2005. 56 с.

³ Там же. С. 31.

⁴ Историко-культурное, природное и духовное наследие Костромской области (Информационные материалы). – Кострома, 2005. С. 23.

⁵ Концепция... С. 33.

⁶ *Иванцов Д. С., Рогов И. В., Чугунов Е. А.* Имидж регионов России в отечественном и зарубежном контексте: в преддверии 1000-летия Ярославля. Материалы научно-практической конференции. / под ред. Л. С. Леонтьевой, В. Н. Степанова. Ярославль, 2009. С. 136–143.

⁷ См.: Исторический день. Призвание на царство Михаила Фёдоровича Романова 27 марта 1613 года. Кострома, 2009.

⁸ См.: Романовские чтения. История российской государственности и династия Романовых: актуальные проблемы изучения. Материалы конференции. Кострома, 29-30 мая 2008 года. – Кострома, 2008. 345 с.; Романовские чтения. Центр и провинция в системе российской государственности. Материалы конференции. Кострома, 26–27 марта 2009 года. Кострома, 2009. 470 с.

⁹ 27 марта 2010 года в г. Костроме состоялся II Парламентский форум «Историко-культурное наследие России», посвящённый 65-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Задачи форума включали в себя: исследовать исторические параллели, извлечь из них важнейшие государственные уроки, увидеть Россию как страну, открытую миру, способную к восприятию исторических вызовов и усвоению новых, современных целей. Вопросы, поставленные на форуме, должны послужить решению

РАЗДЕЛ I

задач духовно-нравственного воспитания, развития патриотических чувств и идей государственности.

¹⁰ Губернаторский благотворительный бал проводится в здании бывшего Дворянского собрания. В его рамках организаторы и участники представляют различные сюжеты и аспекты трёхсотлетнего царствования династии Романовых (XVII–XX вв.). Бал 2010 года включал в себя такие тематические сюжеты: «Год 1718 (1672 от Р.Х.)», «1703 год. Петровская ассамблея», «1786 год. Екатерининский бал», «1815 год. Дефиле победителей», «1832 год. Николаевский маскарад». Средства, вырученные от устройства бала, направляются в детские социальные учреждения.

¹¹ См. подробнее: III Межрегиональный конкурс молодых исполнителей на народных инструментах «Юные дарования Поволжья». Кострома, 2010. 13 с.

¹² Выставка состоялась в период со 2 марта по 9 мая 2010 года в Концертно-выставочном центре «Губернский». См.: Рыженко П. Каталог исторической живописи. – Кострома, 2010. 32 с.

¹³ Выставка состоялась в марте-апреле 2010 года в здании бывшего Дворянского собрания («Золотой зал»). Здесь было представлено около 150 предметов из собрания Музея Фаберже в г. Баден-Баден (ФРГ). См. подробнее: Иванов А. Н Искусство Фаберже. Каталог выставки. Кострома, 2010. 197 с.

¹⁴ В постановке спектакля приняли участие артисты Государственной филармонии Костромской области и Московского театра «Новая опера» им. Е. Колобова.

¹⁵ Например: конкурс плаката и рисунка «Иван Сусанин – патриот Земли Русской» (г. Буй); краеведческая викторина «Страницы родословной бояр Романовых» (г. Галич); краеведческие чтения «Династия Романовых и Костромской край» (г. Мантурово, г. Нерехта); краеведческие часы и беседы «Первый царь из Дома Романовых», «Последний российский император», «Император Николай II и его время» (Октябрьский муниципальный район); познавательная программа «Легенды и предания Смутного времени» (Островский муниципальный район) и др.

¹⁶ Наиболее общий обзор публикаций вузовских учёных представлен Иванцовым Д. С. и Чугуновым Е. А. в статье «Романовская эпоха (1613–1917 гг.) в трудах костромских исследователей: по страницам «Вестника КГУ им. Н. А. Некрасова» // Романовские чтения. История российской государственности и династия Романовых: актуальные проблемы изучения. Кострома, 2008. С. 270–281.

¹⁷ См., например: Первый царь из Дома Романовых. М.; 2009; Книга рекордов Костромской области. 2008. Кострома, 2009; Краеведческие записки. Вып. VI. Кострома, 2003; Край Костромской. Информационный справочник туриста. Кострома, 2006; Костромская область – гордость России. Каталог книжно-иллюстративной выставки. Кострома, 2009; Костромская область: вехи, события, имена. Кострома, 2009; Служение Отечеству. Руководители Костромской губернии и области, 1778–2008. Кострома, 2009 и др.

¹⁸ См.: Спешите видеть. В Костроме открывается Романовский фестиваль // Северная правда. 2010. 5 февраля; Романовы: начало великой династии. Кострома, 2008.

РАЗДЕЛ II. РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ И КУЛЬТУРА В ЭПОХУ РОМАНОВЫХ

Н. П. Видмарович
г. Загреб

РОЛЬ АГИОГРАФИИ В РУССКОЙ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЕ

Слова протоиерея Александра Шмемана о том, что русская культура «все лучшее и “вечное” в себе выразила и воплотила в своих святых и в своих писателях»¹, обретает в настоящее время особую значимость, ибо в непрерывном потоке разнородных культурных событий человек нередко пребывает в состоянии «духовной *растерянности*»². И выход из этой трагической дезориентированности видится лишь в «радикальном разрыве с основной неправдой современности – с ее упорной дехристианизацией»³. Очевидным становится тот факт, что именно святость, оттесненная длительным натиском агрессивной бездуховности, «это святое наследие духовной культуры, хранимое и развиваемое народом, этим же наследием живущим и вскармливаемым, слишком многое объясняет и в высших достижениях секуляризованных форм русской культуры»⁴. Ведь русские святые – «это создатели “духовного тела России”, в котором сгорает и преображается все, что еще *только* культура, “сеется в тлении” и еще только призвано “восстать в нетлении”»⁵.

Агиография заключает в себе особый практический опыт восточного аскетического подвижничества, перенесенного из Византии на Русь. Отличительная черта этого подвижничества состояла в том, что оно было проникнуто особым религиозным смыслом, явившимся по словам О. Климова, одухотворяющей реальной силой для многих людей, поскольку в самой Византии религиозного индифферентизма практически не существовало: византийские мистики «учили о вовлеченности тела в жизнь духа, о вовлеченности бытовой жизни в религиозную»⁶, и тем самым уменьшали расхождение между жизненным идеалом и повседневностью. Агиография, таким образом, явилась средоточием подлинного духовного опыта святых подвижников, опыта, в котором «святые отцы аккумуляли виденное и услышанное, прочувствованное и пережитое в собственном опыте жизни с целью постижения Высшего»⁷. Распространение на Руси монашества означало для человека средневековья возможность непосредственного духовного окормления у прославленных подвижников – Киево-Печерской лавры и других монашеских обителей, – у таких же старцев, лики которых проходили перед ним в житиях и смотрели на него с икон и фресок.

Житие предстает как описание двух потоков жизни, протекающих в сложнейшем взаимном переплетении – повседневного (бытового) тока существования, и процесса непрерывного «подвига», «подвизания» на духовно-душевно-телесной стезе, на которой преодолеваются ограничения, налагаемые биологическими законами бытия. Словесное творение воссоздавало все этапы пути подвижника, посвятившего свою жизнь обожению, возвращению к первоначальному человеческому естеству – тому совершенному состоянию, в котором человек и был сотворен Богом. Целью агиографа было показать, что труд подвижника оказывается и «подлинно Боговдохновенным творчеством в гармонизации мира, человека, его пути»⁸.

Создавая образ святого, максимально приблизившегося к области инобытия, в которой во всей полноте «осуществлен идеал красоты»⁹, духовной и материальной, агиограф приступал не просто к высокохудожественному словесному творчеству. Ведь в оценке красоты человека, немислимой без *естественности и простоты*, предпочтение Отцами Церкви отдавалось *простоте*, «претворенной из лукавства чрез многие поты и труды»¹⁰, ибо она «бывает причиною высочайшего смиренномудрия и кротости»¹¹. *Естественное* же состояние души, как «ведение Божиих тварей, чувственных и мысленных»¹², необходимо ведет человека к познанию премудрости Божьей, поскольку устремленность к Богу, по мысли Исаака Сирина «сообразна с естеством»¹³, что впоследствии приводит к *сверхъестественному* состоянию, «возбуждению к созерцанию пресущественного Божества»¹⁴. Агиограф, таким образом, создавал словесную икону, ибо и житие подобно иконе, служащей напоминанием о горнем мире, выводило сознание в духовное инобытие, побуждая к восприятию мира и человека, претворенного Божественной благодатью. Как и в иконных клеймах, обрамляющих срединное изображение фигуры святого, поданное в житии в похвальном слове святому, перед читателем последовательно и одновременно разворачиваются все значимые этапы подвижнического пути, представляющего собой древнейшую аскетическую практику преображения человеческого естества: мистический смысл ее раскрывался в не всегда понятных для современного читателя выражениях, считающихся «языковыми трафаретами».

Но ведь в житии, как и в иконе, все подчинялось канону, на котором зиждилось единообразие житийных повествований: он диктовал и композиционное построение жития, и принципы изображения святого, и языковую форму. Недоумение современного читателя по поводу того, каким образом жития могли стать излюбленным чтением для всех слоев, как раз и объясняется подменой понятием «шаблона» и «трафарета» того, что называется каноничностью житийного содержания и формы. В свое время, сравнивая изображения фигур на фреске Васнецова «Радость праведных о Господе» в киевском Владимирском соборе с фресками Андрея Рублева на ту же тему, Е. Трубецкой отмечал наличие «чересчур естественного характера физического движения»¹⁵ праведников у Васнецова, которые «устремляются в рай не только мыслями, но и всем туловищем...»¹⁶. Возможно, что определенный реализм живописи Васнецова был привычнее, и потому понятнее и ближе. У Рублева наоборот, «духовная жизнь передается одними глазами совершенно неподвижного облика»¹⁷, причем именно благодаря

этому «символически выражается необычайная сила и власть духа над телом. /.../ именно это сочетание совершенной неподвижности тела и духовного смысла очей, часто повторяющееся в высших созданиях нашей иконописи, производит потрясающее впечатление»¹⁸. То же отмечается и в словесных образах. За внешней устойчивостью выражений, кажущейся статичностью слова, скрываются тончайшие оттенки смысла, передающие богатство душевных движений и напряженной работы аскетической мысли, поскольку «словесные трафареты» только в агиографическом контексте обретают полноту. Роль освященных традицией приемов иконописания, ставших позднее основой иконописных подлинников, в житии играли особые языковые средства: тончайшую игру штрихов, тонов, и красок на словесном уровне заменяли разнообразными языковыми вариациями.

Понимание ликов и языка агиографии, проникновение в механизм ее воздействия невозможно без учета специфики православного религиозного сознания, включающего способность восприятия житийных и иконных ликов, молитвословий и песнопений в их неразрывном единстве. Подобная взаимопронизанность и синергия словесных, зрительных и иных образов ощутимее всего в храме. Флоренский указывает на то, что «синтез храмового действия /.../ вовлекает в свой круг искусство вокальное и поэзию, – поэзию всех видов /.../ Тут в с е подчинено единой цели, верховному эффекту кафарсиса этой музыкальной драмы, и потому в с е, соподчиненное тут друг другу, не существует, или по крайней мере ложно существует, взятое порознь»¹⁹. Чтение жития в этом совокупном религиозном контексте выступало одним из средств Богопознания, осуществляемого «путем всецелой тотальной благоговеющей устремленности к Богу...»²⁰, причем такое состояние способно вызвать не слово, найденное в результате творческого экспериментирования, но рожденное в процессе напряженной духовной работы мысли. «Художество восхождения, – писал о. Павел Флоренский – построено м е х а н и ч е с к и . /.../ Идя от действительности в мнимое, натурализм дает мнимый образ действительного, пустое подобие повседневной жизни; художество же обратное – символизм – воплощает в действительных образах и н о й опыт, и тем даваемое им делается высшею реальностью»²¹. Но чем ближе слово к грани, отделяющей умопостижимое от умонепостижимого, тем труднее оно дается книжнику, и тем непостижимее становится для нас этот процесс творчества. Слова Епифания Премудрого, обращенные к Кириллу Тверскому и описывающие манеру иконописания Феофана Грека, лишь частично приоткрывают завесу над средневековым творческим таинством: «...но мняшеся яко иному пишущу рукама убо изообразуя писаше, ногама же бес покоя стояше, языком же беседуя с приходящими глаголаше, а умом дальная и разумная обгадываше; чюственныма бо очима разумныма разумную видяше доброту си»²². В слове возникают «символические образы мира невидимого»²³ при закреплении его агиографом на письме. Можно искусно подражать творчеству выдающегося мастера, но невозможно механически уловить и передать тот дух, который один только и живит творение; можно создавать по канону как по трафарету житийные копии, но невозможно создать подлинное житие при отсутствии понимания того, что каждое слово должно быть получено свыше по Благодати, напитано религиозным опытом, прежде чем обрести конкретную смысловую и звуковую форму.

Именно поэтому благоговейный восторг, включающий в себя «страх (...), трепетную радость (...), сознание своего недостойнства и низости (...), своей слабости перед величием и могуществом Единого Носителя святости»²⁴, вызывают эти освященные творения, передающие образы горнего мира, мысленно увиденные и запечатленные агиографом и иконописцем в словах и красках.

Агиография – зеркало эстетики аскетизма, отражающее «созерцательное ведение»²⁵, обретаемое подвижником в личном мистическом опыте. Следуя словам Апостола: «и не сообразуйтесь с веком сим, но преобразуйтесь обновлением ума вашего» (Рим. 12, 2), удалялся будущий святой от мира и предавался трудоположничеству, преодолению «страстного состояния», ибо плоть только тогда греховна, когда «наслаждение, идущее от тела к уму, делает весь ум телесным... передавая уму свою изменность, от чего и весь человек становится плотью»²⁶. Но если духовная сладость переходит от ума на тело, то от общения с умом и «тело преображает, делая его духовным»²⁷. Ум пустытника, «оставив заботу о земле... и сам таинственно ощущает Божью красоту и в меру своего успеха передает свою красоту телу»²⁸. Аскетизм, таким образом, является в житии «непременным условием одухотворения человеческого облика»²⁹.

Преображенный лик подвижника выступал в житии свидетельством о соприкосновении со сферой инобытия, что подчеркивалась и через постоянные противопоставления земного существования – жизни будущей, вечной. Отдавая должное красоте мира, агиограф обращал внимание читателей на то, что, подобно «худостным ризам» святого, скрывающим истинный его образ, эта красота не вечна. В ней «вся суть временная, потом без вести бываемая - аще велика, аще мала – подобна сени и сну преходящу или цвету утренему, иже при вечери усыхающе и отпадающе»³⁰ Земной красоте противопоставлена красота небесного града Иерусалима, из новой перспективы которого подвижник иначе видит земную систему ценностей: жизнь, отождествлявшаяся на земном уровне с радостью, покоем и удобствами, хотя и кратковременными, теперь становится символом смерти, труда и печали, скорби и суеты, всего того, что обобщено емким выражением «многомутное житейское море». Подвижничество обретает новый смысл, прекрасно передаваемый семантически контрастными словосочетаниями: святой, «смирением высокий, нищетою богатый»³¹, «стяжав нестяжание и безименство»³², переходит от «смерти в живот, от труда въ покой, от печали в радость, от подвига въ утешение, от скръби въ веселие, от суетнаго жития въ вечную жизнь, от маловременнаго века въ веки бесконечныя, от тля в нетление, от силы в силу и от славы въ славу»³³. Принимая Божественную любовь свыше, подвижник многократно возвращает ее миру, выступая «нищимъ кормителю, скорбящим милостивное утешение, слепымъ вождь, плачущим радость, обидимымъ помощникъ, немощнымъ врачъ, обуреваемымъ въ гресехъ пристанище и скорый всемъ заступник...»³⁴ и т. д. Все чувства святого дополняются сверхприродными способностями и все тайны бытия открываются перед ним – потому многие святые и становятся чудотворцами, исцелителями и прорицателями. Однако и сам святой, прикоснувшись к нетварному свету, облекается в новую форму телесности: происходит «актуальное обретение всем человеком иного образа бытия»³⁵. Воскрешая в своей памяти лики древних святых – Антония Великого,

Евфимия Великого, Саввы Освященного, Пахомия и Федосия, Сергей Радонежский несколько раз отмечает, что сии старцы «въ плоти живушей на земли аггельскы пожиша»³⁶, «плотяни суще, бесплотныя врагы победиша, аггелом съжители быша, диаволу страшнии»³⁷. Агиография в словесном образе демонстрирует нам доказательство того, каким образом, следуя воле Божьей, «даже и ограниченное человеческое тело может быть преображенным, прославленным, свободным от несовершенств материальной телесности»³⁸. Мироточивые нетленные мощи, благовоние и благоухание бессмертия, исходящее от источающего свет тела святого, красноречиво свидетельствует не только о необходимости, но и о реальной возможности изменить свою смертную природу, превратив ее в бессмертную. Это и есть то обожение, которое как высшую цель человека в «неслиянном слиянии» с Божественным первоисточником, настойчиво проповедует агиограф и наглядно подтверждает своим примером тот, кто достиг преподобия, пройдя до конца путь аскетизма.

Агиография есть словесное «художество нисхождения». Читая житие, проникаясь им, читатель совершает обратный путь – путь восхождения навстречу слову: возникает синергия читателя и агиографа, сопереживание с читаемым, вызывая очищение души и ума. При ином подходе житие до конца понять сложно: «При малой вере, рассмотрение плотским ?лжеименным? разумом духовных истин приводит к снижению значения этих истин. С них снимается покров таинственности, глубины Божественной мудрости. Эти истины делаются предметом ?пререкания языков?... »³⁹. Пример аскета дается для постоянного подражания каждому православному верующему, ибо если святость связана с Богоизбранностью, то путь самоусовершенствования связан с сознательным выбором каждого человека: *«аскетизм не есть удел немногих избранных, но есть неперемное и необходимое условие подлинно христианского жития, поскольку каждый христианин в принципе обязан быть подвижником, «аскетом»»*⁴⁰. Лик святого, бережно хранимый житиями и почитаемый Церковью и народной памятью, выступает живым и правдивым свидетельством осуществленной надежды единения с Божественным первоисточником. И оставлять без внимания этот аспект жития, не учитывать тесной взаимосвязанности житий с богатой многовековой церковной традицией, которая «никогда не прекращала своего прямого или косвенного воздействия на духовность и эстетику русской культуры»⁴¹, значит, по словам Флоренского, проявить «недомыслие» и «недочувствие»⁴² и сознательно лишить себя возможности приобщения к глубокому мистическому содержанию агиографического сочинения.

Примечания

¹ Шмеман А., прот. Собрание статей. 1847-1983. М.: Русский путь, 2009. С. 760.

² Зеньковский В. В. Собрание сочинений. М.: Русский путь, 2008. Т. 2. С. 403.

³ Зеньковский В. В. Указ. соч. Т. 2 С. 403.

⁴ Топоров В. Н. Святость и святые в русской духовной культуре. М.: «Гнозис», 1995. Т. 1. С. 11.

⁵ Шмеман А., прот. Собрание статей. 1847-1983. М.: Русский путь, 2009. С. 760.

⁶ Климов О. Опыт безмолвия. Человек в мирозерцании византийских исихастов. Алетейя, 2001. – Византийская библиотека. С. 5.

РАЗДЕЛ II

- ⁷ Климкова С. Феноменология святости и страстности в русской философии культуры. СПб.: АЛЕТЕЙЯ, 2004. С. 63.
- ⁸ Топоров В. Н. Указ. соч. Т. 1. С. 683.
- ⁹ Лосский Н. О. Мир как осуществление красоты. М.: Прогресс-Традиция, 1998. С. 58.
- ¹⁰ Лестница возводящая на небо преподобного отца нашего Иоанна игумена Синайской горы. М.: «Правило веры», 1997. С. 309.
- ¹¹ Лестница возводящая на небо... М.: «Правило веры», 1997. С. 309.
- ¹² Иже во святых отца нашего аввы Исаака Сирина, подвижника и отшельника, бывшего епископом христоролюбивого града Ниневии Слова подвижнические. М.: Правило веры, 2002. С. 30.
- ¹³ Неточная цитата из Иже во святых... С. 30.
- ¹⁴ Иже во святых... М.: Правило веры, 2002. С. 30.
- ¹⁵ Трубецкой Е. Избранные произведения. Ростов-на-Дону, «Феникс». 1998. С. 351.
- ¹⁶ Трубецкой Е. Указ. соч. С. 351.
- ¹⁷ Трубецкой Е. Указ. соч. С. 351.
- ¹⁸ Трубецкой Е. Указ. соч. С. 351.
- ¹⁹ Трубецкой Е. Указ. соч. С. 52.
- ²⁰ Михаил, архиепископ Вологодский и Великоустюжский. Святость, освящение, святые. Журнал Московской Патриархии. М., 1987. № 10. С. 64–65.
- ²¹ Флоренский Павел, свящ. У водоразделов мысли. Собрание сочинений. I. Статьи по искусству. Paris: YMCA-PRESS, 1985. С. 205.
- ²² Письмо Епифания Премудрого к Кириллу Тверскому. Памятники литературы Древней Руси. XIV – середина XV века. М.: «Художественная литература», 1981. С. 444.
- ²³ Флоренский Павел, свящ. Указ. соч. С. 205.
- ²⁴ Михаил, архиепископ Вологодский и Великоустюжский. Святость, освящение, святые // Журнал Московской Патриархии. Москва 1987. № 10. С. 64–65.
- ²⁵ О. П. Флоренский цит. по: Бычков В. В. Русская теургическая эстетика. Научно-издательский центр «Ладомир». Москва. 2007. С. 218.
- ²⁶ Палама Г. Триады в защиту священнобезмолвствующих. «Канон». Москва 1995. С. 166.
- ²⁷ Там же. С. 166.
- ²⁸ Палама Г. Триады в защиту священнобезмолвствующих. «Канон». Москва 1995. С. 167.
- ²⁹ Трубецкой Е. Умозрение в красках. Вопрос о смысле жизни в древнерусской религиозной живописи // Философия русского религиозного искусства XVI–XX вв. «Прогресс». Москва 1993. С. 203.
- ³⁰ Житие и подвизи преподобного отца нашего игумена Кирилла // Преподобные Кирилл, Ферапонт и Мартиниан Белозерские. «Глаголь». Санкт-Петербург 1994. С. 50.
- ³¹ Житие и подвизи преподобного отца нашего игумена Кирилла // Преподобные Кирилл, Ферапонт и Мартиниан Белозерские. «Глаголь». Санкт-Петербург 1994, С. 164.
- ³² Житие Сергия Радонежского // Памятники литературы Древней Руси XIV – середина XV века. «Художественная литература». Москва 1981. С. 418.
- ³³ Житие Сергия Радонежского // Памятники литературы Древней Руси XIV – середина XV века. «Художественная литература». Москва 1981. С. 422.
- ³⁴ Житие и подвизи преподобного отца нашего игумена Кирилла // Преподобные Кирилл, Ферапонт и Мартиниан Белозерские. «Глаголь». Санкт-Петербург 1994, С. 164.
- ³⁵ Хоружий С. С. К феноменологии аскезы. М.: Изд. гуманитарной лит. 1998. С. 148.
- ³⁶ Житие Сергия Радонежского. Памятники литературы Древней Руси XIV – середина XV века. М.: «Художественная литература», 1981. С. 332.
- ³⁷ Житие Сергия Радонежского... С. 332.

³⁸ Лосский Н. О. Мир как осуществление красоты. Основы эстетики. М.: Прогресс-Традиция, 1998. С. 37.

³⁹ Игумен Никон (Воробьев). Как жить сегодня. Письма о духовной жизни. М.: ООО «Форма Т», 2008. С. 148.

⁴⁰ Сидоров Древнехристианский аскетизм и зарождение монашества. М.: «Православный паломник», 1998 С. 53.

⁴¹ Лепяхин В. Икона в изящной словесности. Сегед, 1999. С. 209.

⁴² Флоренский Павел, свящ. Указ. соч. С. 49.

А. В. Гневашев
г. Кострома

НЕДВИЖИМАЯ СОБСТВЕННОСТЬ АВРААМИЕВО-ГОРОДЕЦКОГО МОНАСТЫРЯ КОСТРОМСКОЙ ЕПАРХИИ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Авраамиево-Городецкий монастырь на всём протяжении существования в дореволюционный период был крупнейшим землевладельцем в Чухломском уезде, а в период до 1764 г. и крупнейший владелец сначала зависимых, а потом крепостных крестьян. Большие земельные (в 1861 г. – 4690 дес.)¹ и иные богатства обеспечивали его экономическую независимость, и позволяло играть ведущую роль не только в уезде, но и всей северо-западной части губернии. Кроме земельных и водных владений монастырю принадлежала недвижимая собственность – мукомольные мельницы, кирпичный завод, питейный дом, торговые лавки.

В середине XIX века монастырю принадлежит две мукомольные мельницы – на р. Костроме и р. Вёксе². Точной даты получения данных владений неизвестно. Впервые одна из мельниц (на реке Костроме в селе Кожухово) упоминается как собственность Авраамиева монастыря ещё 1-й трети XVII в.³

Существующие общие описания владения (1859 г.; 1861 г. – два; 1868г.)⁴ не дают практически никакой информации о мельницах. Исключение труд Д. Ф. рилуцкого по нему: «одна (авт. – мельница) – о четырёх поставах..., другая о трёх поставах с маслобойней»⁵. Автором даётся краткая техническая характеристика – одна из мельниц имела четыре пары жерновов, а вторая – три и маслобойню. Все остальные описания просто фиксируют факт владения мельницами.

В 19 веке мельницы упоминаются уже в 1801 г., правда, только одна. В документе епархиальное начальство даёт ответ на просьбу строителя иеромонаха Аркадия разрешить тратить деньги с мельницы на трапезу⁶. Аналогичный случай имеет место в 1841 г., документ говорит о разрешении закупить для мукомольной монастырской мельницы три «дерновых» камня. Также говорится про одну только мельницу, без её расположения⁷.

Вероятнее всего обитель уже в начале 19 в. владела двумя мельницами, которые остались во владении после секуляризации 1764 г. (но возможен и другой вариант – мельницы были дарованы во время правления императора Павла, когда началось возвращение и получение новых владений монастырям). В середине века, как

уже указывалось, обитель точно владеет двумя мельницами (в 1864 г.⁸ и 1872 г.⁹ монастырю также принадлежит две мельницы). В дальнейшем упоминания об этом владении также идут по отдельности (как и в 1801¹⁰ и 1841¹¹ гг.), и соответственно нельзя утверждать, что принадлежит одна или две мельницы. С полной уверенностью можно говорить про монастырские владения накануне Февральской революции (1916 г.). В бюджете обители за этот год указывается – получено 833 руб. «за мельницу»¹². Скорее всего, это мельница на реке Вёксе, т. к. она находилась ближе, и следить за её сохранностью и деятельностью было проще. Из-за малого количества источников установить время и причину потери владения нельзя. Вероятнее всего мельница была продана жителям Солигаличского уезда в котором она находилась.

Доходность мельниц была различна, и зависела от места нахождения, размера, количества и состояния жерновов и других технических средств. Подтверждением этому служат данные за 1864 год, а именно: «мукомольные водяные мельницы доставившие доходу: первая (река Вёкса) 888 рублей 88 коп.; вторая (река Кострома) 160 рублей»¹³.

Из арендаторов монастырских мельниц известно только два человека – Черивлисов¹⁴ и солигаличский мещанин Фёдор Матвеевич Астафьев¹⁵. Первый арендовал с 1892 по 1896 гг., второй с 1896 г. и возможно до 1906 г. Любопытны обязанности, которые брал на себя арендатор. По документу от 29 февраля 1896 г., «Проект условий. В отдачу в арендное содержание мукомольной мельницы на реке Вёксе»¹⁶ арендатор должен: 1. деньги за мельницу обязан уплачивать вперед в начале каждого месяца; 2. брать за помол с пуда не более 4 коп.; 3. священнослужителей допускать без очереди; 4. для монастыря молоть любой зерновой хлеб в течение всего арендного срока, сколько бы не потребовалось, молоть в любое время, бесплатно и безотговорочно (всего 17 пунктов)¹⁷. Кроме арендной платы монастырь получал часть улова рыбы, бесплатный и безграничный помол хлеба, а также полная поддержка всех построек и починка устройств и механизмов в случае поломок и пожаров (единственный случай пожара на монастырских мельницах отмечен в 1892 году)¹⁸. Сдача, в аренду при таких условиях была очень выгодна для обители, затрат монастырь при этом никаких не имел. Условия сдачи в аренду монастырских мельниц в более ранний период (первая половина и середина XIX века) неизвестны, но вероятно отличались. В 1856 г. монастырское руководство просило разрешение в консистории на проведение ремонтных работ на мельнице. На что получило ответ: «его преосвященства Филофея Епископа костромской и галичский кавалер утвердил: для большей прочности на р. Вёксе мукомольной мельницы, дозволить перестроить прилежащую к анбару старую плотину»¹⁹. Кроме этого, к данной мельнице было разрешено: «устроить кузницу»²⁰, использование которой приносило монастырю ощутимую прибыль.

При работе с архивными музейными данными была обнаружена информация о монастырских владениях, которых нет в общих описях угодий²¹. Из контракта от 1834 г. видно – «монастырь имел свой кирпичный завод на котором работали Буйского уезда, Домнинской волости, деревни Павлова Семён Макаров»²². Аналогичные данные за 1833 и 1836 года²³. Можно предположить то, что монастырь и не владел заводом, а только был заключён договор, по которому обитель покупала кирпич, за 1 тысячу штук платили от 6 до 6.30 рублей. В таком случае возникает вопрос – зачем

покупать кирпич у себя. Но это вполне объяснимо. Монастырь владеет заводом, но для того чтобы производить качественный кирпич, нужен хороший специалист, таким и был Семён Макаров. Деньги же платили ему за выполненную работу, с выше указанной расценкой. До какого времени обитель владеет данным владением неизвестно. В 1848 году он действует и на нём – «М. Ю. Лермонтова просила о дозволении ей на монастырских кирпичных заводах для новостроящейся 3-х престольной церкви сделать 50 000 кирпича и за обжиг его уплатить 300 руб.»²⁴. В дальнейшем данное владение не встречается в документах, единственное косвенное упоминание встречено в указе КДК от 1856 года, и по нему: «к выделке ста пятидесяти тысяч кирпичей на постройку колокольни»²⁵ допустить крестьянина Алексея Зайцева. В описи за 1859 г.²⁶ упоминание о данном промышленном объекте нет. Возможно, за ненадобностью (к концу 50-х годов крупномасштабное строительство в монастыре закончилось) завод был продан.

Следующей собственностью монастыря, которая как и предыдущая не встречается не в одной из общих описей, было питейное заведение. По договору между обителью и чухломским купцом Аполлоном Ивановичем Завьяловым «я Настоятель отдаю, а Завьялов берет в арендное содержание у монастыря устроенный близ монастыря на монастырской земле балаган, для торговли дозволенными Акцизным Учреждением напитками»²⁷. По данному отрывку видно, что во владении монастыря были объекты продажи и распития спиртных напитков. Всё это отдавалось в арендное пользование на следующих условиях: 1. арендатор пользуется балаганом и погребом в течении 10 лет, с 1 января 1879-го по 1-е января 1889 г., и платит определённую сумму; 2. деньги вносит каждые полгода первую половину 1 января, а вторую 1 июля; 3. если балаган сгорит, то арендатор если не желает продолжать торговлю, то он оставляет ранее внесённую половину денег, если же он продолжает торговать, то тот за свой счет отстраивает все поврежденные постройки; 4. подлинное условие должно быть в монастыре, а у арендатора за подписью настоятеля копия²⁸.

Упоминание о данном владении есть в церковно-приходской летописи по Покровской церкви села Ножкина²⁹. В 1882 и 1883 гг. крестьяне Алешковской волости, Ножкинского и Андреевского общества, выступали за его закрытие. Они писали жалобы в уездные органы управления, но всё безрезультатно. Летопись показывает и месторасположения «кабака»: «...стоит в нач. 12 версты от г. Чухломы, на землях Чухломского Авраамиева монастыря и от него отстоит примерно на 100 сажнях (213 м.) и от нашей Покровской церкви в 40 сажнях (85 м.)...»³⁰. Упоминание «кабака» встречается и в фондах ГА КО. В 1884 году перед монастырём (вероятно) был поставлен вопрос – может ли монастырь сдавать данное владение в аренду. В результате (вероятно) многочисленной переписки, настоятелю был прислан ответ: «статья закона уполномачивает настоятеля с братиею монастыря отдавать в наем недвижимыя имущества, принадлежащая монастырю, ненужныя для употребления последняго, не долее однако же как на 12 лет»³¹. Этот же документ подтверждает что в это время арендное содержание «кабака» ведётся: «купцом Аполлоном Ив. Завьяловым»³². До какого времени «кабак» принадлежал обители неизвестно³³, но в смете доходов и расходов за 1916 г. он не упоминается³⁴, и собственностью монастыря он не является³⁵. Питейный дом был построен в конце 1800 или начале 1801 гг. 22 февраля 1801 г. епархиальное руководство спрашивало действительно ли

построено на монастырской или на крестьянской земле, о чём велено было доложить³⁶. Таким образом, «кабак» – одно из самых старых владений монастыря, которое сохраняется до конца века, а может и дольше.

Последним из владений монастыря были торговые лавки. По данной собственности информации мало, известно количество лавок (всего 87: 18-ть каменных и 69-ть деревянных), и когда они были построены (каменные в 1810 г.)³⁷. Каменные лавки были расположены в два, а деревянные в шесть рядов. Именно в них (монастырь сдавал лавки в аренду, и получал большую выгоду, так в 1864 году «за отдачу коих в наём, в 4 торговые дня, в сем году получено 236 рублей 28 коп.»³⁸) и рядом проходили монастырские ярмарки. До какого времени монастырь владел ими неизвестно, однако по найденным фотографиям обители, относящимся к началу 20 века на которых они присутствуют можно предположить, что они просуществовали вплоть до 1917 года, после чего вероятно использовались также для торговли или были разобраны за не надобностью или ветхостью.

Примечания

¹ Прилуцкий Д. Ф. Историческое описание Городецкого Авраамиева монастыря. СПб., 1861. С. 24.

² Чухломский Авраамиев Городецкий монастырь. Кострома, 1859 г. С. 10; Материалы для географии и статистики России. СПб. 1861, С. 473; Самарянов В. А. Памятная книга для Костромской епархии. Кострома 1868, С. 116; Прилуцкий Д. Ф. Историческое описание Городецкого Авраамиева монастыря. СПб., 1861. С. 14.

³ Прилуцкий Д. Ф. Историческое описание Городецкого Авраамиева монастыря. СПб., 1861. С. 24.

⁴ Чухломский Авраамиев Городецкий монастырь. Кострома, 1859 г. С.10; Материалы для географии и статистики России. СПб. 1861, С. 473; Самарянов В. А. Памятная книга для Костромской епархии. Кострома, 1868 г., С. 116; Прилуцкий Д. Ф. Историческое описание Городецкого Авраамиева монастыря. СПб., 1861. С. 14.

⁵ Прилуцкий Д. Ф. Историческое описание Городецкого Авраамиева монастыря. СПб., 1861. С. 23.

⁶ Государственный архив костромской области (далее ГАКО).Ф. 715. Оп. 1. Д. 1. Л. 20.

⁷ ГАКО. Ф. 715. Оп. 1. Д. 6. Л. 2.

⁸ ГАКО. Ф. 702. Оп. 1. Д. 19. Л. 39.

⁹ Данная информация содержится в фондах Чухломского краеведческого музея (далее ЧКМ). Была найдена старая тетрадь, в которой находятся записи по истории монастыря. Однако обложка не сохранилась и поэтому невозможно узнать номер единицы хранения. Кем она была составлена неизвестно. Можно предположить, что она была написана Г.И. Лебедевым, но если сравнить подчерка, то сразу видна разница. Возможно, она была составлена Казариновым Л. Н. во время его работы в музее или кем-то из работников музея.

¹⁰ ГАКО. Ф. 715. Оп. 1. Д. 1. Л. 20.

¹¹ ГАКО. Ф. 715. Оп. 1. Д. 6. Л. 2.

¹² ЧКМ. Кп. № 881. Инв. № 763.

¹³ ГАКО. Ф. 702. Оп. 1. Д. 19. Л. 39.

¹⁴ ЧКМ. Кп. № 881. Инв. № 769.

¹⁵ ЧКМ. Кп. № 881. Инв. № 770.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ ГАКО. Ф. 466. Оп. 1. Д. 134. Л. 39.

¹⁹ ГАКО. Ф. 715. Оп. 1. Д. 17. Л. 39.

²⁰ ГАКО. Ф. 715. Оп. 1. Д. 17. Л. 38.

²¹ Чухломский Авраамиев Городецкий монастырь. Кострома, 1859. С. 10; Материалы для географии и статистики России. СПб. 1861. С. 473; Самарянов В. А. Памятная книга для Костромской епархии. Кострома, 1868. С. 116; Прилуцкий Д. Ф. Историческое описание Городецкого Авраамиева монастыря. СПб., 1861. С. 24.

²² Тетрадь без инвентарного номера из фондов ЧКМ.

²³ Там же.

²⁴ ГАКО. Ф. 130. Оп. 2. Д. 1071.

²⁵ ГАКО. Ф. 715. Оп. 1. Д. 17. Л. 103.

²⁶ Чухломский Авраамиев Городецкий монастырь. Кострома, 1859. С. 10.

²⁷ ЧКМ. Кп. № 881. Инв. № 782.

²⁸ Там же.

²⁹ ЧКМ. Кп. № 1133. Инв. № 2209.

³⁰ Там же.

³¹ ГАКО. Ф. 715. Оп. 1. Д. 46. Л. 69.

³² Там же.

³³ Как ни странно данное владение не упоминается в «сведениях о состоянии Авраамиево-Городецкого монастыря за 1864 год» поданных настоятелем монастыря иеромонахом Сергием благочинному монастырей (ГАКО. Ф. 702. Оп. 1. Д. 19. Л. 38–40), хотя подтверждено документами, что монастырь владеет данной собственностью в этот период.

³⁴ ЧКМ. Кп. № 881. Инв. № 763.

³⁵ С этим можно было бы поспорить т.к. из ниже указанного будет видно что владеет «кабаком» в течении века и за весь период ни в одном официальном издании он не был указан. Это объясняется довольно просто, цензура не могла пропустить в печать тот факт что «святое место» владеет таким «злачным» объектом как «кабак». Однако какая цензура может быть в монастырском бюджете, соответственно обители к 1916 году «кабак» не принадлежит.

³⁶ ГАКО. Ф. 715. Оп. 1. Д. 1. Л. 11.

³⁷ Прилуцкий Д. Ф. Историческое описание Городецкого Авраамиева монастыря. СПб., 1861. С. 24.

³⁸ ГАКО. Ф. 702. Оп. 1. Д. 19. Л. 39.

Игумен Серафим (Фирстов)
г. Кострома

**ЦАРЬ АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВИЧ РОМАНОВ
И ИЕРОМОНАХ СИМЕОН ПОЛОЦКИЙ
КАК ТИПИЧНЫЕ ПРЕДСТАВИТЕЛИ «БУНТАШНОГО» ВЕКА**

XVII столетие русской истории называют «бунташным веком». Действительно этот век не самый светлый период в отечественной истории, период драматический, период, насыщенный событиями, проходящий в нестроениях, мятежах и спорах, в различного рода противостояниях внешних и внутренних. Начинается он Смутным временем, с утери династии, продолжается противостоянием

различных общественных групп и кончается стрелецким бунтом. Русское общество находится в постоянном напряжении, политико-социальном нравственно-культурном стрессе. Потеряно равновесие «Все сорвано, сдвинуто с места, и самая душа сместилась»¹. «Закачался»² Русский Мир.

В это время во внутреннем развитии Московского государства происходят значительные перемены, ввиду скопившихся проблем, требующих разрешения: военных, управленческих, экономических, социальных, государственно-политических, церковно-культурных. Залечивание «ран», порожденных смутой, изыскание средств «лечения», диагноз «болезни», постепенно раскрывает несостоятельность тогдашнего общества, что в свою очередь вызывает во второй половине XVII века сознание новой потребности – расширения культурного пространства в стране. Культурная работа идет в двух направлениях: в области духовного просвещения (школа, литература, общение с Западом) и церковной реформы (реформы патриарха Никона). Эта внутреннее и внешнее брожение Русского Мира выдвигает на историческую арену ярких и неординарных людей. Поэтому С.Соловьев называет эту эпоху – «богатырской».

Общество, оказавшееся перед очередным вызовом истории, раскалывается на противоборствующие группы «Овии к Востоку зрят, овии к Западу», немало и «пестрых»³, – сокрушается современник событий. Действительно, одни со страхом и упорством держатся старых форм жизни, отвращая свой взор от чужого и нового, не в силах ни понять, ни противостоять ему, другие вступают в борьбу с новыми веяниями, как «прелестью бесовской», третьи, наоборот, без осмысления наметившихся перемен безоговорочно принимали новые идеи и их эмиссаров и делались их адептами, четвертые, сомневающиеся, те кто впитал традиционную модель существования и опирался на них, с интересом смотрят в сторону изменений, понимают их необходимость и осознанно пытаются путем преобразований развить и закрепить новые начала в жизни русского общества.

На двух типичных для XVII века характерах, конечно не богатырях, но внесших свою лепту, в культурный образ Русского государства я хотел остановить ваше внимание. Это два человека, шедших в одном направлении, один интуитивно, другой сознательно. Один природный, поставленный в определенные условия, не во всем уверенный в своих делах и перспективах, сомневающийся, как сегодня принято говорить «рефлексирующий» – Великий князь и Московский государь Алексей Михайлович «тишайший», другой – чужак, свободный, уверенный в себе и необходимости своей миссии, искательный – иеромонах Симеон Вельяминович Петровский-Ситианович.

Общественное мнение и историческая наука за немногим исключением представляет Алексея Михайловича в положительном свете и называет его «тишайший», хотя А. М. Панченко склонен считать это слово «культурным мифом», имеющим свое начало в старинной формуле, символизирующей благоустройство и благоденствие государства и являющимся титулярным элементом, не вошедшим в официальный титул царей⁴. Конечно, его реальные дела, некоторые поступки, свойства характера не вполне укладываются в этот термин, особенно, если смотреть на них с точки зрения современности.

Тем не менее, образ московского самодержца второй половины XVII века имеет весьма симпатичные черты, и даже некоторые его враги (староверы) проявляют заметную мягкость в его отношении, позиционируя его, как невольную жертву в той или иной ситуации⁵.

С одной стороны, государь воплощал в себе наиболее привлекательные качества и особенности русского средневекового человека. От отца он воспринял мягкость, благодушие, человечность. Искренняя, глубокая патриархальная религиозность и через старорусское, традиционное воспитание наследников престола, а также свойственная его природе нравственность пронизало все его существо и в определенных обстоятельствах сообщало ему иногда необыкновенное умиление и величие, могущее послужить примером и для современного человека «Изумительно – говорили иностранцы, что при неограниченной власти над народом, привыкшим к совершенному рабству, он не посягнул ни на чье имущество, ни на чью жизнь, ни на чью честь»⁶. Обладая неограниченной властью в своей стране, он в личных интересах не посягал ни на имущество, ни на честь, ни на жизнь своих подданных. Это удивляло иностранцев.

Подобно средневековому русскому книжнику, он мог бы сказать: «Я человек... учился буквам, а еллинских борзостей не текох, а риторских астрономий не читал, с мудрыми философы в беседе не бывал, учуся буквам благодатного закона, дабы мощна моя грешная душа очистити от грехов»⁷. Целью его жизни было спасение души, и этой цели подчинялась вся его деятельность, как он ее понимал и даже некоторые недостатки его характера, как, то слабость воли, бытовая грубость, свойственная тому времени, полярность чувств – гнева и ласки, проявляемых им, сдерживалось его религиозностью и свидетельствовало о его эмоциональной тонкой натуре, о его совестливости, ранимости и человеческой незащищенности, являясь примером удивительного влияния христианства на живую душу человека. Так, например, в определенный момент противостояния боярской аристократии против Никона, он, государь, «находясь на грани нервного срыва, науськиваемый боярами мог лишь беспомощно бормотать: «О, Господи! О, Господи!»⁸, не в силах сразу стать ни на сторону своих помощников, ни на сторону бывшего «собиноного» друга.

С другой стороны в этом традиционно воспитанном человеке отмечают живой ум, восприимчивость и удивительную открытость всему новому. Впечатлительность, и страстность человека стремящегося к познанию и расширению своего кругозора.

Не только на Восток с его религиозно-политической проблематикой обращены взоры царя, но и на Запад в связи с неудачами и связанными с ними проблемами модернизации страны. Сложное положение Московского государства в XVII веке побуждает Алексея Михайловича и его правительство действовать:

- в материально-практическом,
- в идейном религиозно-государственном,
- в культурно-бытовом направлениях.

Во время его царствования в различных областях русской жизни наблюдаются существенные изменения. Некоторые из них, касающиеся так, например, церковной сферы вызывают оторопь его современников. «Мы, сошедшиеся

со отцы задумались; видим яко зима хошет быти: сердце озябло, и ноги задрожали»⁹, – восклицает протопоп Аввакум.

Поэтому традиционалисты воспринимают его как реформата и «прелагая». Ибо он по мнению того же Аввакума «отеческое откиня...» странное (иностранное) «богоборство возлюбиха извратишася»¹⁰.

Действительно, новым в материально-практическом направлении развития является значительное ускорение деятельности московского правительства и государя по сравнению с прошлыми временами.

Дитя своего века, окруженный с детства и до самой смерти воспитателями и советниками, главным образом «западниками-практиками» Морозовым, Ордын-Нащекиным, Матвеевым и другими, он подпадал под их влияние.

И хотя сам он находился в постоянном движении, не в пример своему отцу, редко покидавшему царские палаты, по свидетельству историков был не способен к системной государственной деятельности, работало его правительство. Это всеобщее движение, придавало русской жизни динамизм. Появляется новый тип государя деятельного и новое правило – «Работать не покладая рук», преподносившееся его помощниками-западниками, как благо и осуждавшееся его противниками¹¹. Здесь мы видим культурную новацию не свойственную средневековому человеку, жившему в сфере религиозно-церковного, созерцательного сознания. Мельтешить и суетиться – бесовское занятие и значило бы для тогдашнего человека разрушение того мира духа, молитвы, домашних традиций, в котором он жил и жили его предки. Мерность, покой во всем. Поиск благочиния и красоты и ее созерцания. В *служении Богу* всего Русского Мира: царя, вельмож, народа, пастырей Церкви. Мира целостности, самодостаточности и незыблемости.

Но Алексея Михайловича волновали и *идейные религиозно-государственные* соображения. Вопросы взаимоотношения между государством и Церковью, вопрос царской власти, в основании которых лежала Византийская теократическая идеология «Единого Вселенского Православного Царя всех христиан», обязанностью которого была забота и о *Православном государстве и о Православной Церкви*, таковым царем-василевсом Алексей Михайлович себя и осознавал. Это подтолкнуло его, и здесь не обошлось без советчиков, к церковной реформе, где «книжная справа», приведшая к расколу была только следствием этой реформы, которая в своем историческом развитии приближала наступление новой западной государственной *идеологии абсолютизма* (см. Уложения, деятельность монастырского приказа, решения Собора 1667 г.).

Следующее направление происходящих перемен наблюдается в *интеллектуальной и бытовой* культуре.

Осознавая недостаток знаний и образовательных средств и необходимости просвещения русское правительство, частные лица стали приглашать извне, учителей-наставников и традиционно, боясь западного влияния, пользовались услугами близких по вере и национальной принадлежности юго-западных ученых-монахов, специфическая деятельность которых, как нельзя лучше отвечала основной направленности попыток преобразований в русской жизни XVII века – к западной культуре. Вначале в быту, далее в образовании церковном, в интересе к свободным наукам, давшим импульс к формированию светского образования,

к новым поведенческим нормам и вкусам. Тогда в этом направлении многое делалось неосознанно, ввиду неподготовленности русского общества. В обычной жизни средневековый человек начинает подражать своим учителям, и, прежде всего во внешнем облике, в жизненных запросах.

В Московском государстве богослужения, церковные обряды считались единственным достойным источником удовлетворения духовных потребностей. А Священное Писание, церковные уставы, назидательные чтения и беседы являлись единственным источником образования, средоточием духовной и культурно-общественной жизни. Возможностей скрасить свой досуг, вне Церкви, было немного, мирские праздники и увеселения считались зазорными. По большей части, ввиду их либо непристойности, либо языческой направленности. Но народ все же находил возможность веселиться, искать и получать различного рода удовольствия вне церковной ограды, что с точки зрения пастырей Церкви являлось языческими, нелепыми «наполненными козлогласованиями и бесстыдными словесами» деяниями. Государство поддерживало намерения Церкви своими указами для народа против искусственных увеселений языческих празднеств и безобразного времяпровождения удовлетворяющих какую-либо страсть, Сам же царь и вельможи находили для себя возможным тешить себя различными рода забавами. Алексей Михайлович любил забывать себя соколиной охотой, вечерними кушаньями с боярами, со всякими играми. Так «В 1674 году 21 октября было у государя вечернее кушанье в потешных хоромах, ели бояре все без мест, думные дьяки, и духовник. После кушанья изволил себя тешить всякими играми, играл в органы немчин, и в сурну, и в трубы трубили и в суренку играли, и по накрам, и по литаврам били; жаловал духовника, бояр и дьяков думных, напоил их всех в пьяных, поехали в двенадцатом часу ночи»¹². К такого рода развлечениям близким по душе государю был театр, заимствованный из немецкой слободы ближними государя, через который он воспринимал новые идеи, тем самым, пролагая дорогу петровской «реформе веселья» (машкерадам и ассамблеям). И если Алексей Михайлович сам несколько смущался, когда приходилось допускать пляску с музыкой, да еще с мифологическим сюжетом (все же это была свободная забава для двора и вельмож), то уже в имперскую эпоху присутствие на такого рода мероприятиях было обязательным и для некоторых духовных лиц. Так, например, при Павле I выдающийся архипастырь и деятель русского просвещения Гавриил (Петров), митрополит Санкт-Петербургский и Новгородский, посчитавший для себя невозможным быть на торжественном театральном представлении придворного спектакля с оперой и балетом в Гатчинском дворце, был уволен со своей кафедры¹³. Новшество появляется в пении и музыке, где существенную роль играют киевские «вспеваки», воспитанные на образцах западноевропейской, польской музыки. В живописи, как под воздействием внутренних причин, так и в результате освоения европейского художественного опыта (парсуна). И в языке, и в зодчестве. Развивается поэтическое творчество, которому был не чужд и сам государь.

Приезжие наставники обогащают культурную жизнь общества при деятельном участии царя, но вместе с тем они постепенно затуманивая средневековые

идеалы, меняют их новыми идеалами секулярного мировоззрения и мироощущения. Одним из таких проповедников новизны был иеромонах Симеон Вельяминович Петровский-Ситианович.

Воспитанник Киево-Могилянского коллегиума, он после обучения за границей вернулся на родину в Белорусию, принял постриг и стал учителем Полоцкой школы, за что и получил в России прозвище – Полоцкий. Это один из тех ученых монахов, которые в середине XVII века появляются в Москве по разным причинам, иногда их приглашают, как учителей иностранных языков, для переводческой деятельности («книжной справы»), для обучения детей и «словено-российского» народа эллинскому наказанию или просто в поисках лучшей жизни.

Эти монахи вносят немалую лепту в духовное просвещение Московского государства и формируют культурный облик конца эпохи. Именно этот иеромонах оказывает наиболее весомое влияние на царя и московский двор, отчасти в силу обстоятельств, отчасти в силу своего характера. Симеон обладал разносторонними, но не глубокими знаниями, как замечает Аввакум он имел остроту «т е л е с н о г о да лихо упрямство; а се не умеет науки!» ума¹⁴. Всюду заявлял о себе, искал случая угодить государю своими хвалебными виршами, поздравлениями, театральными представлениями – комедиями собственного сочинения, и наконец добился своего, став воспитателем наследника престола и самым близким к нему человеком.

Выбор такого наставника был неслучаен и в тоже время необычен для вельмож и царских наследников, природного учителя – подьячего, при Алексее Михайловиче, заменил приезжий образцовый домашний учитель, умевший писать и говорить обо всем. Семена деятельности Симеона упали на подготовленную почву при дворе и в аристократических кругах. Москва, обратившаяся к школьной культуре в сторону Запада, с легкостью постепенно впитывала в себя воздух западничества в близкой ей, полу-русской, полу-польской форме. В Москве Симеон развил бурную деятельность, поспевал везде, и как защитник Православия против раскола (выступал экспертом на Соборе), и как богослов (предложивший свою схоластическую систему), и как проповедник (издавал сборники своих проповедей). Во всей его деятельности было мало значительного, основательного, талантливого, оригинального. Самым существенным в его просветительской деятельности были не сами его сочинения, а русская жизнь изображенная в них и он сам.

Тем не менее, у Симеона появляются ученики, он создает литературно-научную школу. Он мечтает ввести в России системное высшее школьное образование, для чего задается составлением проекта высшей школы. Его образ жизни и произведения представляют нам некоторые характерные мировоззренческие установки, отличные от старомосковского, традиционного взгляда на Божие и человеческое мироустройство. В своих произведениях он развивает и популяризирует достижения западной секулярной культуры, некогда, вышедшей не без борьбы с Римской Церковью на самостоятельный путь развития. Во многих его мыслях и высказываниях можно видеть ростки основных признаков современных гуманистических, просветительских, интеллигентских постулатов¹⁵: во взгляде на Священное Писание, на историю, на творчество и т. д. Для примера можно обратиться к его театральным пьесам. Так в «Комедии-притче о блудном сыне»,

он сознательно вольно трактует Священную Историю¹⁶. Для него более важен свой творческий подход – авторский замысел, который с точки зрения секулярного сознания является важнейшим признаком свободного творчества художника независимого ни от кого и даже от Бога. Блудный сын по Симеону бросает родину, потому что мечтает о славе, успехе, потому что слава – порука бессмертия, человек уходит из земной жизни, слава остается. Это также является важнейшим признаком секулярной культуры, это не Евангельский и не древнерусский идеал, это поведенческий западноевропейский стереотип. Сам Симеон, отчасти и есть этот «блудный сын», ищущий славы и успеха, в конечном счете, добившийся их в своей жизни.

Деятельность Алексея Михайловича, а также Симеона Полоцкого и подобных ему чужаков обострило противостояние различных общественных групп Московского государства, и расколола Русский Мир. Алексей Михайлович и Симеон Полоцкий оказались победителями в этом противостоянии. Но во многом это положило начало «Пирровой победе» над Церковью, над народом, над национальным самосознанием.

Это было время «утечки» святости¹⁷ (в конце XVII века не было явлено ни одного святого). «Для благочестивого Алексея Михайловича осталось только помолиться к их гробницам»¹⁸, время западного духовного ига. «Древняя Русь предпочла путь святости пути культуры»¹⁹.

В заключении можно сказать, что «Бунташный век», во-первых, явился последствием закономерного историко-культурного процесса позднесредневекового Московского государства.

Во-вторых, показал неразвитость отдельных форм жизни русского общества, и вследствие этого, неумения на определенном этапе, генерировать новые идеи, неготовность конкурировать с ними, а также отсутствие других альтернатив развития, ввиду ослабления византийской традиции.

В-третьих, явил личные амбиции, человеческий грех гордыни, который помешал беспристрастному и объективному, с пользой для Отечества, осмыслению истинного положения происходящих в стране событий.

Собственно, все эти три составляющие можно отнести к периодам кризисов, эпохальных переломных моментов в истории и культуре государств.

Сегодня мы переживаем подобные процессы, как некогда наши предки в XVII столетии. И вновь вглядываясь в противоречия «бунташного века» мы задаемся вопросами, пытаясь ответить на очередные вызовы настоящего и грядущего времени. В чем и какие были наши потери и приобретения? Кто мы?

Примечания

¹ Флоровский Г., протоиерей Пути Русского богословия. Париж 1937. С. 58.

² Концевич И. М. Стяжание Духа Святого в путях Древней Руси. М., 1994. С. 190.

³ Флоровский Г. Указ. соч. С. 77.

⁴ См.: Панченко А. М. Я эмигрировал в Древнюю Русь. Спб., 2008. С. 86, 86.

⁵ См.: Зеньковский С. Русское старообрядчество : духовные движения семнадцатого века. М., С. 350.

⁶ Соловьев С. М. Сочинения. История России с древнейших времен. Кн. VI. Т. 12. М., 1991. С. 586.

РАЗДЕЛ II

---

⁷ Доброклонский А. Руководство по Истории Русской Церкви. Вып. 2. М., 1886. С. 117.

⁸ Вернадский Г. В. Московское царство. Ч. 2. Тверь Москва., 1997 С. 116.

⁹ Пустозерский сборник. Автографы сочинения Аввакума и Епифания. Житие Аввакума. Л., 1975. С. 23.

¹⁰ Цит. по: Панченко А. М. Указ. соч. С. 89.

¹¹ См. Там же. С. 84.

¹² Соловьев С. М. Указ. соч. Кн. VII. Т. 13. С. 124.

¹³ См. Поселянин Е. Русская Церковь и русские подвижники XVIII века. Спб., 1905. С. 197.

¹⁴ Кутузов Б. П. Церковная «реформа» XVIII века. М., 2003. С. 140.

¹⁵ См. Панченко. Указ. соч. С. 253.

¹⁶ См. Кутузов. Указ. соч. С. 142.

¹⁷ Федотов Г. Святые Древней Руси. М., 1990. С. 196.

¹⁸ Там же. С. 196.

¹⁹ Там же. С. 197.

А. А. Федотов
г. Архангельск

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО О РЕЛИГИИ И АНТИЦЕРКОВНЫЕ РЕПРЕССИИ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В 1929–1930-Е ГОДЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ИВАНОВСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ ОБЛАСТИ)

Советское законодательство в отношении религии и Церкви сформировалось к 1929 году и с незначительными изменениями сохранялось до 1990 года. 20 января 1918 года был принят, а 23 января опубликован декрет СНК, вошедший в историю под названием «Об отделении Церкви от государства и школы от Церкви». В декрете провозглашалось запрещение религиозным обществам владеть собственностью, лишение их прав юридического лица и национализация церковного имущества¹. 8 апреля 1929 года ВЦИК и СНК РСФСР приняли постановление «О религиозных объединениях», по которому вся жизнь последних ставилась под контроль государства². Священнослужители исключались из состава «двадцаток», религиозным объединениям запрещалась благотворительная деятельность, частное обучение детей религии, дозволенное Декретом 1918 года об отделении Церкви от государства, интерпретировалось в предельно суженном объеме лишь, как право родителей обучать религии своих детей³. И по этому репрессивному закону, по которому «служители культа» были лишены даже избирательных прав, Церкви пришлось жить многие десятилетия, причем были мнения, что и он слишком мягок⁴.

Советское государство ни в коей мере не собиралось считаться с внутренними установлениями, иерархией каких бы то ни было религий, и Православия в том числе. Церковь была поставлена в условия полулегального существования.

Согласно с постановлением народного комиссариата юстиции и внутренних дел от 19 июня 1923 года «ни одна религиозная организация не имеет права

вмешиваться, как власть имущая, в деятельность какой-либо другой религиозной организации против ее воли... ибо отдача в ее пользование храма или молельни местным исполнительным комитетом происходит не в пользу какой либо церковной иерархии, а лично тем гражданам, которые подпишут договор с исполнительным комитетом»⁵.

Тем самым государство подрывало основу для деятельности Русской Православной Церкви, основой которой является иерархичность. Исходя из смысла этого постановления, каждый приход оказывался «самоуправляемым», его актив, следуя букве советского права, вполне мог игнорировать распоряжения епископа.

Русская Православная Церковь – единая организация, с единой иерархией и ей естественно было обладать в целом единым имуществом. После октябрьской революции все церковное имущество было национализировано, право же бесплатного пользования церковными и молитвенными зданиями было предоставлено исключительно группам верующих или религиозным обществам, причем, всякого рода центральные организации (всероссийские, епархиальные и т. д.), а также съезды религиозных обществ и избираемые ими исполнительные органы, не могли: 1) обладать культовым имуществом или получить его по договору; 2) заключать какие бы то ни было имущественные договоры и сделки; 3) устанавливать принудительные сборы⁶. Таким образом, вся высшая церковная иерархия практически оказывалась лишенной источников существования, так как не только все имущество было у нее отнято, но и появились законодательные препятствия к получению обязательных взносов от приходов.

Согласно Постановлению ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 года религиозные общества и группы верующих были лишены прав на статус юридического лица. Каждое религиозное общество или группа верующих могли пользоваться только одним молитвенным помещением. Число учредителей религиозного общества должно было составлять не менее 20 человек⁷. Духовенство было лишено избирательных прав.

Конституция СССР 1936 года, провозглашавшая равноправие граждан и свободу совести, тем не менее, предоставляла лишь право на «свободу отправления религиозных культов и свободу антирелигиозной пропаганды»⁸.

Таким образом, неравноправие верующих и атеистов было закреплено конституционно. Безбожники имели все возможности для активной деятельности, а религиозным объединениям воспрещалось: «1) создавать кассы взаимопомощи, кооперативы, производственные объединения и вообще пользоваться находящимся в их распоряжении имуществом для каких-либо иных целей, кроме удовлетворения религиозных потребностей; 2) оказывать материальную поддержку своим членам; 3) организовывать как специально детские, юношеские, женские молитвенные и другие собрания, так и общие библейские, литературные, рукодельческие, трудовые, по обучению религии и т. п. собрания, группы, кружки, отделы, а также устраивать экскурсии и детские площадки, открывать библиотеки и читальни, организовывать санатории и лечебную помощь»⁹. Существовал и еще целый ряд запретов.

15 мая 1932 года было опубликовано правительственное Постановление, объявлявшее в стране «безбожную пятилетку». Еще в 1925 году возникла всесоюзная

организация «Союз безбожников» (с 1929 года – «Союз воинствующих безбожников»), имевший целый ряд отделений на местах, они вели активную антирелигиозную агитацию.

В Ивановской промышленной области, в 1929–1936 годах включавшей в себя бывшие Владимирскую, Костромскую и Ярославскую губернии, атеистическая работа была достаточно активной. Газеты пестрели объявлениями подобными следующим: «Мы, рабочие механического отдела Верхне-Середской фабрики, требуем закрыть в г. Середе старообрядческую церковь и передать ее под культурные нужды. Просим горсовет возбудить об этом ходатайство перед вышестоящими организациями. Рабочие механического отдела. 90 подписей»¹⁰; «Общее собрание студентов рабочего университета постановило заниматься во все праздничные дни, кроме 1-го и 2-го мая»¹¹.

О проводимой атеистической работе рапортовалось в средствах массовой информации. Например, областная газета «Рабочий край» 17 апреля 1929 года опубликовала следующую информацию: «Широко развернулась антирелигиозная работа в клубе Воробьево-Глинищевского района. Начиная с диспута на тему «Был ли Христос», который проходил месяц тому назад, антирелигиозная работа приняла постоянный характер. Каждую среду перед большой аудиторией рабочих проводятся естественно-научные и антирелигиозные лекции. Для посетителей не хватает даже мест. Намечено поставить в клубе не менее шести кинокартин антирелигиозного характера. Многие из них будут сопровождаться лекциями. Поставлено задачей широкое привлечение не только взрослых, но и детей. Только силами коллектива мы сумеем победить темноту и предрассудки, мешающие великому делу социалистической стройки»¹².

В целях атеистической пропаганды использовались и священнослужители, отказавшиеся от веры и Церкви. В той же газете было помещено следующее заявление: «Будучи попом я понял, что зависим, как денежно, так и по должности, ибо кулацкий элемент нас содержит, а раз содержит, то и велит делать, что ему заблагорассудится. А его благорассудство заключается исключительно в подрывании в глазах темной массы авторитета светской власти и в стремлении как можно больше навредить ей. С первых шагов узнав все это, я заключил, что церковь есть ничто иное, как антисоветский лагерь, а раз так, то мне это скоро опротивело и говорить о том, что я верил не приходится. Бывший поп Чиганов Александр. Г. Кохма»¹³.

Любая попытка священнослужителей проявить даже небольшую религиозную активность жестко отслеживалась, вызывая публичную критику местных советских учреждений за слабость атеистической пропаганды. В качестве примера можно привести следующую публикацию в областной газете: «Среди рабочих фабрики им. Свердлова антирелигиозная работа стоит на точке замерзания. Религиозные праздники в районе всегда сопровождаются самовольными прогулами на производстве. В ноябре прошлого года рабочие организовали кружок безбожников, но он, лишенный поддержки и руководства, в январе уже развалился. Антирелигиозными лекциями район обслуживается скверно. Зато попы часто навещают рабочий поселок. Например, поп села Каверино. Перешел в наступление и поп села Эдемского. Никакого отпора со стороны антирелигиозников они не встречают»¹⁴.

В начале 1930-х, с усилением атеистической пропаганды в целом по стране, усилилась она и в Ивановской промышленной области. Газетные публикации этого времени становятся еще более агрессивными по отношению к Церкви. Так Э. Ефанов писал: «Одна из особенностей Ивановской области состоит в том, что Ярославская, Костромская, Владимирская губернии, вошедшие в Ивановскую область, являлись оплотом православия, так сказать, «русским Ватиканом». Достаточно сказать, что на территории области до 1917 года было 3207 церквей, из которых закрыто только 1001, а 2006 церквей еще продолжают функционировать. На территории области мы имели 82 монастыря, 8 554 монахов и монашек и около 13 000 служителей культа. ... Малейшее ослабление антирелигиозной пропаганды ведет к глубокому прорыву на идеологическом фронте. ... Следует отметить, что в большинстве районов организации союза воинствующих безбожников развалились, никакой антирелигиозной пропаганды не ведется. ... В Кохме местные организации антирелигиозную литературу сдали в макулатуру. ... Об антирелигиозной пропаганде многие привыкли говорить с усмешкой, не принимая дела всерьез. Этот участок всеми забыт, но о нем пора вспомнить»¹⁵. На религиозный фактор пытались списать и чисто хозяйственные недостатки: «... Классово-враждебные элементы – церковники, сектанты, кулаки и их агиттура в колхозах и нередко даже в сельском советском аппарате, не гнушаясь в выборе средств, всеми силами старались сорвать льнозаготовки. Дванадцатые и иные праздники во многих сельсоветах дезорганизуют всю колхозную работу. ... И райком партии и другие районные организации, располагая колоссальными возможностями для политической работы в массах, для борьбы с пережитками и остатками классового врага, не разобрались в обстановке и не взяли по большевитски за главное звено своей работы. Отсюда – отставание в льнозаготовках»¹⁶.

Борьба с религией в этот период в Советском Союзе носила не столько теоретический, сколько «практический» характер. Например, запрещение колокольного звона и последовавшее за ним решение о снятии колоколов и сдаче их в металлолом были связаны, как с общим направлением активной атеистической политики этого периода, так и с нарастающими темпами индустриализации. Осенью 1929 года Президиум ВЦИК запретил трезвон (звон во все колокола). Затем начался процесс снятия колоколов. Совнарком считал, что данному процессу не следует придавать политического звучания и излишней огласки.

Необходимо отметить, что в 1930-е годы была сформирована процедура снятия колоколов и передачи их в металлолом, которая должна была придать этим антицерковным акциям «законный» вид. Окончательное решение принимал облисполком, говорилось о желательности обращений и постановлений общественных организаций, общих собраний населения о том, что колокольный звон «препятствует» их нормальной деятельности. Так, в протоколе заседания комиссии по вопросам культа при президиуме Ивановского облисполкома от 27 января 1934 года разъяснялось: «1. Постановления Горсовета или РИКа о прекращении колокольного звона в действующих церквях должно предприниматься, как правило, по ходатайствам местного населения, выраженном в постановлениях местных общественных организаций, учреждений, а также общих собраний

граждан данного населенного пункта. В виде исключения эти постановления могут приниматься по мотивированным постановлениям с/советов и Городских Советов рабочих поселков и городов – с указаниями на препятствия, создаваемые колокольным звоном для нормальной работы местных учреждений (напр. школ, больниц и т. п.), расположенных поблизости от культовых зданий. 2. При представлении Горсоветами и РИКами в Облисполком постановления о прекращении колокольного звона на утверждение должны присылаться все материалы по делу, т.е. ходатайства местного населения и мотивированные постановления низовых органов советской власти, а также и жалобы религиозных общин против прекращения звона, в случае их поступления в РИК. Кроме того, РИК должен присылать справку о количестве и весе колоколов в тех церквях, о прекращении колокольного звона в которых говорится в данном постановлении РИКа. 3. До утверждения Облисполкомом постановления РИКа или Горсовета о прекращении колокольного звона не должно допускаться как прекращение звона, так и снятие колоколов для передачи их Металлолому»¹⁷.

Характерно, что устанавливались планы заготовки колокольной бронзы. Например, в проекте постановления президиума облисполкома Ивановской промышленной области в сентябре 1934 года было написано: «1 ... установить план заготовки лома колокольной бронзы на IV-й квартал текущего года по области в размере 1694 тонны с разверсткой по районам области в следующих размерах ... 2. Ответственность за выполнение плана заготовок колокольной бронзы в количестве 1694 тонны возложить на областную контору «Металлолом»... 3. Обязать райисполкомы и горсоветы не позднее 15 сентября выявить по районам колокольную бронзу и в 15-дневный срок через райфо и горфо выдать облконторе «Металлолом» наряды на съемку колоколов, в соответствии с контрольными цифрами»¹⁸.

Но главным направлением антицерковных репрессий стали уголовное преследование против священнослужителей и прихожан, а также массовое закрытие храмов. Объем статьи не позволяет здесь затронуть проблему репрессий против верующих, так как эта тема заслуживает отдельной публикации.

Причинами же для закрытия храма могли стать не только какие-либо нарушения советского законодательства о религиозных объединениях, не только наличие задолженности по уплате страховки, налога со строений или земельной ренты. Основанием могли стать требования местного населения и организаций, потребность в помещениях для государственных и общественных нужд. Принималось соответствующее решение райисполкома, которое затем утверждалось облисполкомом. Если решение облисполкома в 15-дневный срок не было обжаловано в Верховный Совет РСФСР, то оно вступало в законную силу. Но, как правило, проблем с утверждением подобных решений не было. В циркуляре облисполкома Ивановской промышленной области от 18.02.1930 г. разъяснялось: «При отказе самой группы верующих от пользования молитвенным зданием соответствующий горсовет или райисполком принимает меры к передаче этих молитвенных зданий другой группе верующих в порядке, установленном ст. 34 и 35 Постановления ВЦИК и СНК от 8.4.29 г. «О религиозных объединениях», причем в объявлении, вывешиваемом на дверях молитвенного здания указывается, что передача в пользование этих зданий может быть произведена лишь после

ликвидации новой группой верующих всех долгов предыдущей группы. При отсутствии заявления о желании взять молитвенное здание и фактической уплаты при этом всех указанных платежей в течение недельного срока с первого дня объявления о передаче, эти молитвенные здания считаются ликвидированными, о чем горсовет или райисполком сообщает окрисполкому. ... При наличии достаточных оснований – требований местного населения и организаций, наличия потребности в помещениях для культурно-просветительских целей и для других государственных и общественных нужд – горсоветы или райисполкомы могут возбудить вопрос о ликвидации пользования этими зданиями и при отсутствии задолженности»¹⁹.

Созвучно этому и разъяснение Ивановского облисполкома от 03.07.1939 года об основаниях для закрытия церквей: «В том случае, когда та или иная религиозная община или группа верующих отказывается от выполнения взятых на себя договорных обязательств ... дает полное основание к расторжению договора с таковой. После того, как договор был расторгнут, райисполкомом на дверях церкви вывешивается объявление на сдачу такового в арендное пользование. Если в течение семи дней другой религиозной общины, желающей заключить договор на пользование молитвенным зданием, не найдется, выносится решение о закрытии»²⁰.

Верующие пытались и в условиях кровавых репрессий 1930-х годов как-то противостоять закрытию храмов. Однако в тех исторических условиях случилось, что борьба за открытие храма принимала уродливые формы. Так, например, ходатайство об открытии храма в с. Иворово, которое подписали 100 человек, в большей степени является все же доносом на председателя сельского совета, особенно в условиях той политической реальности. Рассмотрим выдержки из него (с сохранением орфографии и пунктуации оригинала): «8 октября (1939 года. прим. авт.) Будьте любезны, наш дорогой товарищ Сталин, просим вас об открытии церкви. Пред. с/с имели закрыт у нас церковь. Просьбу вас группа верующих просим открыть и восстановить нас верующих 130 человек. Он взялся совершенно не за свое дело за нашей церковью задолженностей нет никаких и раскрыл кладбищенскую церковь и ограду и продал на Шороду железо. А озимняя осталась не паханая не смотреть он за колхозными порядками. На ваше имене подано заявление 2го сентября в Верховный совет Р.С.Ф.С.Р. хлопчим 8 месяцев куда не падаем нам ответу нет. Не должен он быть у нас пред. с/с. Он поддерживает сторону капитала. Жена у него взята от кулака. Имел свои местные назначения леса. Имел заводы и лес промышленник имел санный завод имел чужой труд имел молоилку и мельницу. Дядя его был первый зачинщик на восстание в 1918 году в город Юрьев-польским дети его в гражданскую войну были дезертиры. За что у него сын был расстрелен. И еще брат выслан за политическое и не известно насколько. Зять его выслан за политическое. Так-что мы считаем все его родство как негодные лементы. И еще раз просим вас. Просьбу нам верующим не отказать. А эта есть ему идея что у пристаревших отнять удовольствие. Он чем же раньше громить храм смотреть-бы за колхозными порядками. Просим ответит нам поскорее. 100 подписей»²¹. Впрочем, оно все равно осталось без удовлетворения.

Приводимые ниже статистические материалы показывают, каковым было реальное количество храмов, сохранившихся на момент их составления в Ивановской промышленной области. При этом нужно учитывать, что таблица «Сведения

РАЗДЕЛ II

о церквях ИПО» показывает количество сохранившихся храмовых зданий вне зависимости от того, каким именно религиозным направлением они использовались. Две же следующие таблицы показывают реальное соотношение приходов Российской Православной Церкви (так называемое в советских документах того периода «тихоновское направление»), входящих в ее же структуру единоверческих приходов, а также с другой стороны обновленческих. Под «группами верующих», по всей видимости, понимается то, что современное Российское законодательство о религии определяет, как «централизованные религиозные организации», то есть епархии. Советское государство вплоть до конца Великой Отечественной войны юридически не признавало иерархичности церковного устройства, но на практике все же с ним считалось. Косвенным свидетельством этому является и регистрация епископов не в райисполкомах, а облисполкомах, и определение их района деятельности не каким-то одним храмом, а всеми храмами района, составляющего канонические границы епархии, в которую он был назначен.

Таблица 1

Сведения о церквях ИПО²²

Было церковью до Октябрьской революции			Действует церковью по состоянию на 1.1.1935 г.			Закрывается церковью по постановлению облисполкома с 1.1. по 1.9.1935 г.			Действует церковью по состоянию на 1.8.1935 г.		
всего	из них		всего	из них		всего	из них		всего	из них	
	в городах	в селах		в городах	в селах		в городах	в селах		в городах	в селах
3206	свед. нет	свед. нет	1975	150	1825	31	5	26	1944	145	1799

Таблица 2

Сведения о религиозных объединениях ИПО по состоянию на 1.07.1934 года²³

№	Название культов	Групп верующих	Религиозных обществ	Молитвенных зданий не спец. постройки	Молитвенных зданий в пользовании религиозных обществ	Служителей культа, действительно управляющих культ
1	Тихоновского направления	6/1	122/1459	3/3	119/1505	181/1602
2	Обновленческого направления	1/1	50/304		54/365	91/317
3	Единоверческого направления		2/1		1/1	2/1

Примечание: числителем во всех графах показаны данные по городу, а знаменателем данные по сельской местности.

Таблица 3

Сведения о религиозных объединениях ИПО по состоянию на 1.01 1935 года²⁴

№	Название культов	Групп верующих	Религиозных обществ	Молитвенных зданий не спец. постройки	Молитвенных зданий в пользовании религиозных обществ	Служителей культа, действительно управляющих культ
1	Тихоновского направления	/2	105/1407	1/3	105/1435	183/1810
2	Обновленческого направления	/7	34/317		35/319	68/347
3	Единоверческого направления		3/4		3/5	6/5

Примечание: числителем во всех графах показаны данные по городу, а знаменателем данные по сельской местности.

К началу Великой Отечественной войны произошло практически полное разрушение церковной инфраструктуры в Советском Союзе, число оставшихся действующими храмов было незначительно, священнослужители и активные прихожане в большинстве репрессированы, значительная часть священнослужителей была вынуждена перейти на светскую работу, в духовной сфере общественной жизни царил засилье атеизма, поддерживаемого государством.

Примечания

¹ См.: Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. М., 1999. С. 73–74.

² См.: Шкаровский М. В. Указ. соч. С. 88.

³ См.: Цыпин В. прот. История Русской Церкви. 1917–1997. М., 1997. С. 91–92.

⁴ См.: Шкаровский М. В. Указ. соч. С. 93.

⁵ См.: Законодательство о религиозных культах. (Сборник материалов и документов). М. 1971. С. 66, 68.

⁶ Там же. С. 68–69.

⁷ Там же. С. 84–86.

⁸ Там же. С. 76.

⁹ Там же. С. 87.

¹⁰ Рабочий край. 1929. 16 апреля.

¹¹ Там же. 25 апреля.

¹² Там же. 17 апреля.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. 13 июля.

¹⁵ Ефанов Э. Забытый участок // Рабочий край. 1934. 21 ноября.

¹⁶ Москалев В., Куликов А. В маске православия и сектантства // Рабочий край. 1934. 6 декабря.

¹⁷ ГАИО. Ф. р-2953, оп. 1, д. 2, л. 4–5.

¹⁸ ГАИО. Ф. р-2953, оп. 1, д. 5, л. 146–148.

¹⁹ ГАИО. Ф. р-2953, оп. 3, д. 23, л. 47.

²⁰ ГАИО. Ф. р-2953, оп. 1, д. 27, л. 325.

²¹ ГАИО. Ф. р-2953, оп. 1, д. 27, л. 392–394.

²² ГАИО. Ф. р-2953, оп. 1, д. 9, л. 1.

²³ ГАИО. Ф. р-2953, оп. 1, д. 6, л. 7.

²⁴ ГАИО. Ф. р-2953, оп. 1, д.9, л. 6.

С. А. Губанов
г. Кострома

**КОНЦЕПЦИЯ ЭНЕРГИЙНОСТИ АНТИНОМИЙ
В МИРОВОЗЗРЕНИИ О. П. А. ФЛОРЕНСКОГО
(НА МАТЕРИАЛЕ ТРУДА «ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТА»)**

Совершенно особое и специфическое место в творческом наследии о. П. А. Флоренского занимают размышления об онтологической специфике антиномического дискурса вещей и явлений в Бытии. Доминантой познания такого многоуровневого энергийного движения смысловых единств действительности становится их хронологическое и функциональное упорядочивание, по внутренним свойствам и наполнениям, в концептуальные парадигмы. Безусловно, данные концептуальные парадигматические единицы не претендуют на основы абсолютно точной и четкой дифференциации в своих онтологических пределах существования, но, однако, в то же время, имеют притязания на достижения подобного пространственно-временного регламента. Отсюда, модель условного мировоззренческого разделения антиномического движения присовокупляет в онтологии своего развития единственную точку отсчета и выход параллельных содержаний из нее, адекватных их инвариантному состоянию, но распространяющихся и обогащающихся в уже инородной экзистенциальной плоскости. Движимой исходной точкой формирования их энергийной среды выступает религиозное сознание и восприятие, аккумулирующиеся в бессознательной чувственности человеческого мироощущения, и придающее сознательное формулирование проникновения в таинство энергийности представляющего и познающего. Корреляция онтологических формул представляющего (воспринимающего) и познающего (вещи или явления) идентифицируется в качестве символического пересечения их метафизичности антиномической синергии, позволяющей исследовать неоднозначность значений внутренней формы энергийности с точки зрения феномена их взаимодействий в различных временных исчислениях онтологического дискурса: «В антроподицее П. А. Флоренский рассматривает весь видимый мир как производное человеческого тела, он считает, что сама граница видимого и невидимого мира, равна как внешней и внутренней формы, проходит сквозь тело человека <...>»¹.

В мировоззрении о. П. А. Флоренского такого рода онтологический синкретизм является важнейшей средством в построении общих и частных моделей антиномий, каждая из которых, изображает индивидуальный и во многих отношениях уникальный энергийный потенциал. Исключительность опознавания структурной организации энергийности антиномий в пространственной модели зависит от характерологии эмпирического столкновения результативной деятельности познающего и познаваемого в Бытии, границы интуитивного прочувствования: «Любая интуиция, будь то вторая (рациональная, или логическая), будь то первая (чувственная) ступень познания, интеллектуальна в широком смысле – она есть проявление логики познания, которая начинается на чувственной ступени <...>»². Рассматривая с позиции онтологического результата момент такой органической конфронтации смысловых состояний, происходящих во внутренней энергии антиномий, можно увидеть, что объективное перемещение или приращение специфики сосредоточенности одного онто-пласта для другого, или в обратной последовательности, осуществима только тогда, когда наступает соединение какой-либо их частной практики эмпирического опыта, снимая этим многие формальные противоречия. Следовательно, апеллируя к безусловному моменту синергии онто-пластов, богослов, тем самым, реанимирует функциональную значимость их инвариантной точки отсчета – религиозного сознания, которое становится устойчивой средой процесса их форменных диффузий: «Последовательность мысли может быть обратной реальной последовательности познаваемых событий, но, главное: связь между ними воспроизводится <...>»³. Отталкиваясь от специфики указанной точки отсчета, можно справедливо выстроить следующую формулу внутренней энергийности антиномий, где каждый структурный компонент ретранслирует способность к онтологической обратимости содержательных исчислений, то есть свойства взаимозаменяться и перераспределяться, в зависимости от условий эмпирического синтеза: $x_0 = x_1 + x_2$, однако, где $x_1 + x_2$ в известной степени тождественен x_0 , поскольку последний только лишь равнозначное условие для образования онтологических координат формы объективного смысла в предшествующих компонентах. Онтологический состав демонстрации орнаментальных уровней внутренней энергии, входящих в состав данной формулы компонентов, признает следующее обозначение: x_0 – исходная точка феургии онтологии, за которой скрывается феномен религиозного сознания и формулы его духовного воздействия, адекватным сосредоточием которой определяется человеческое мироощущение, а следственные факты – $x_1 + x_2$ – являют собой закономерность развития внутренней энергийности x_0 , воплощенной в диалектике познающего и конфронтации познаваемого, соединенных общей суммой стремлений к распознаванию недостатков и абсолютов имплицитной синергии, обособливающейся в процессе их чуткого энергийного отождествления.

В размышлениях Флоренского, показательным носителем имплицитной энергии антиномий становится обычная человеческая речь, ретранслирующая собой неповторимую синтагму символьных утверждений, за которыми скрываются произвольно располагающиеся действенные формулы типа: $x_0 = x_1 + x_2$, где уже $x_0 = x_1$, поскольку этимология произносимой речи равна или тождественна религиозному сознанию, так как зарождение энергии слова в духовном мире

человека прямо пропорционально энергии его конкретного воплощения в реальности, по преимуществу, таинственное и сокровенное, отвечающее сразу нескольким вариантам смысла: эксплицитного и имплицитного состояний: «Слово может отождествляться с различными духовными субстанциями; оно может приобретать и философское, и религиозное, и поэтическое толкование <...>»⁴. В то же время, стоит отметить, что эксплицитность, то есть выраженность человеческой речи не всегда, отчасти, вступает в онтологическое содружество с моделью константной парадигмы форм имплицитности – метафизичностью идей, вкладываемых в процесс исследования энергий какой-либо антиномии пространства в Бытии. Исключительность способов человеческого мышления определяет онтологическое направление диалектики искусного соединения эксплицитности и имплицитности в одном речевом потоке, приобретающем, по словам философа, определенный стилистический уровень обнаружения – область философии. С точки зрения построения в религиозном сознании антиномий, эта плоскость реальности представляет собой уже состоявшейся акт внутренней синергии, поскольку ставит задачу выработки абсолютно нового и ноуменального постижения смысловых реалий Бытия на принципах заданности ранее освоенной сознанием энергии познаваемого. Средоточие в восприятии личности результатов взаимодействия внутренней синергии и энергии только еще познаваемого воссоздает детальную сторону содержащегося и интерпретирующегося человеческим сознанием смыслов постигаемого объекта, и сопровождающегося попыткой выхода за пределы номинальности содержания при помощи литургического анализа: «<...> Между тем, как обычная речь часто есть полу-сознательное средство скрыть иной, более сокровенный смысл импульсов и волнений, так и в философии – высказываемая концепция, понятая так, как этого требует от на ее творец, в большинстве случаев не согласуется с сокровенным смыслом, который она имеет, как существующая сама по себе, и эти свои подпольные энергии освобождает и проявляет в читателях, воспринявших ее мысли, но не подчинившихся цензурным запретам и велениям автора»⁵.

Потенциалом значений и движимой силой синергетической системы эксплицитности и имплицитности человеческой речи, в мировоззрении Флоренского, становится условное, в онтологических дефинициях человеческого чувства, понятие Центр Смысла, которое фигурирует как реальность и прогноз состояний внутренней энергии антиномий самой личности, служит способом пополнения и обновления ее онтологической фактурности. Последнее мыслится как необходимое условие, факт достижения области неразрывного согласования с характером духовной энергичности сознательных постижений человеком антиномий реальности, культивирующихся в ноуменальной области культа, и являющихся энергичными фракциями объектов, рассредоточено представленных в формах видимого и чувственного пространства в Бытии. Такая онтологическая аккумуляция во многом обеспечивает не беспредметное состояние постоянно стремящейся к обновлению внутренней энергичности индивидуума в пространстве, а поддерживает растворение ее функциональных потенциалов в фактах безусловности онтологических координат существования, за которыми вуалируется естественный момент консолидации энергии антиномий личности и антиномического познания вещей. Неизменность указанного состояния можно четко обозначить в качестве сложноорганизованной парадигмы

онтологической синергийности познаваемого и познающего, или же, обусловить в виде пространственно-временной транзакции, своеобразного перехода, из пределов одного энергийного цикла в другой, более или менее прогрессирующий: «Понятно и то, что таким центром кристаллизации системы или системой немногих таких центров бывает смысл, явившийся как смысл безусловный, т.е. смысл, около которого кристаллизуется и вся личность. Но, чтобы быть безусловным, он должен быть не мыслью отдельного сознания, а данною ему реальностью: он должен быть культом, элементом культа <...>»⁶.

Превалирующей онтологической системой выявления и ортодоксальной автономности существа энергии антиномий становится структурная организация культа, в которой каждый наличествующий уровень опознается продуктом неуклонных стремлений основы духовной метонимии сознания личности, носящей, обновляющей и трансформирующей средоточие мнимости и истинности жизнепонимания, в том числе, и модернизирующей потенциал энергийности антиномий. Обладая возможностью к средоточию духовной метонимии, познание и восприятие индивидуума впитывают, и постепенно вбирают в чистой или, чаще всего, смешанной видовой репрезентации источники энергийности антиномического дискурса, происходящего в окружении ноуменальной онтологии феноменов (вещей). В результате, наблюдается мотивация личности к попыткам достижения психологического предела уровнями самосознания антиномий сущего культа, в котором происходит однозначная дифференциация инициаций двусмысленности и энергийной бинарности антиномий по отношению к истинной синергии – символам трансцендентности, поддерживающим самодостаточность осмысления и осмысленности реальности: «Познание личности предстает иным, чем познание вещи, поскольку в личности всегда сохраняется⁷ «внутреннее ядро, которое нельзя поглотить, потребить ... в отношении которого возможно только чистое бескорыстие <...>»⁸. Признание духовным средоточием личности параметров функционирования модели действительности с аналогичным онтологическим наполнением, символизирует ее не приходящую энергию жизненность и органичность, сквозь которые, проступает Центр Смысла. Онтологическое значение Центра Смысла достаточно велико для Флоренского, поскольку он становится одной из центральных частей концентрации зарождения антиномий и их объективной энергийности в Бытии. Однако благодаря процессу непрерывности обнародования энергии в структурной организации антиномий, Центр Смысла перевоплощается в конкретную метафизическую диафрагму – Воплощенного смысла, признающего объективное состояние в дефинициях субъективного самоопределения: «<...> Но только реальность может воистину прорваться до этого «да» «да» или «нет», «нет» – реальность, а не просто вопрос небытийственного, безжизненного, бессильного смысла, – но реальность осмысленная: воплощенный смысл лишь может потребовать от нас решительного ответа, – и своим ответом мы определяемся в истинном смысле своего жизнеописания <...>»⁹.

В размышлениях Флоренского особую притягательность приобретает метафизика абсолюта психологической дискретности, надрывистости при установлении различных уровней энергийности антиномий, онтологического статуса основополагающих критериев их живого движения, проистекающего от неизменного постоянства выработки методов в разнородности отделения и перераспределения

внутренних приоритетов в познании вещи от мнимостей, изображаемых ею в пространственной дихотомии, смысловых перспектив. Заложенное природным началом в человеческое созерцание условие сознательного и бессознательного расщепления таинственности смысловых средоточий познающей антиномии (объекта), всегда настроено на преодоление органического синтеза и принятие двусмысленности, за которой, впоследствии, происходит теологизация истинности. Сфокусированная ноуменальность в диалектике подобной истинности предполагает расщепленное онтологическое признание на существование внутренней энергичности антиномии преимущественно через призму самого культа, сквозь который, прорываясь, сознательная деятельность восприятия и мироощущения достигает практического очищения от видов вторичного, всесторонне условного смыслового анализа исследуемого феномена реальности. Механизм духовного освоения аналогичной умопостигаемой операции личностью показывает весьма не привязную чистоту к детальной единичности и неповторимости фабулы самораскрытия интуитивно постигаемых значений явления, где на первый план выступает энергичность антиномического смысла, а не поиски критериев противостояния: «<...> Культ имен, именно он, с беспощадною четкостью врезывается в сознание, разрывая психологизм и дойдя до «разделения души и духа», до ноуменальной воли нашей, и требует себе либо «да» либо «нет». Как меч обоюдоострый, рассекает культ сознание, вскрывает двусмысленность»¹⁰.

Последовательно в мировоззрении Флоренского устанавливается едва ли заметная диалогическая, сообщающаяся между уровнями самостоятельной организации, система онтологического переключения, перемещения акцентов в осмыслении феномена энергичности антиномического дискурса Бытия. Сущность подобного перенесения номинальных методов в исследовании данного вопроса ни сколько не снижает его важности, а, наоборот, подчеркивает обширность и сложность поднимаемой проблемы. Так, богослов, переходя от диалектики образования внутренней энергии, скапливаемой между онтологией антиномий индивидуума и реальностью, во многом приближается к созданию отвлеченной, теоретически подкрепленной, апробации идеи духовного величия и самозарождения персонификации результатов этого действия в границах феноменологических устремлений природы философии культа. Сущностными характеристиками и показателями подобной унификации в структурной организации концепта энергичности антиномий, признается восприятие сознанием личности таинства равновеликой гармоничности символа Воплощенного Смысла и Образа Божьего в Бытии. Открытие важности данной гармонии для духовной диалектики процессов познания личности, становится провозглашением идеи прикосновения к пределам временной Вечности и пространственной бесконечности, ретранслирующих самосознательную деятельность человеческого духа к устойчивым стремлениям постижения абсолютной части мира Бытия – ничем не делимой синергии духовного опыта, ориентировочно практического: «Идея Бога – высшего духовного Существа – возникла в глубокой древности. Эта идея обладает энергией и потенциальной властью над человеком. Принятие ее есть акт совести, свободного выбора. Человек не может удовлетвориться представлением, согласно которому первоисточником всего сущего является мертвая, неодушевленная материя <...>»¹¹.

Категория личностного опыта в размышлениях Флоренского отличается поразительной лабильностью и адаптацией различного рода к исследовательским интерпретациям содержащейся энергии в антиномиях, происходящим в непосредственной близости к основам духовной деятельности человека. Сама по себе, духовная практика личности выступает преимущественным форматом в закреплении моментов логической последовательности зарождения внутреннего желания в постижении онтологической энергии антиномического движения, причем избирательно и сосредоточенно. Форма возникновения внутреннего желания проникновения личности в ноумен энергии антиномии признается реализацией этапа перерождения, переходящего на новый уровень, синергии духовного опыта, развивающегося в догмате истинного начала только благодаря избирательности самой точки отсчета в первоначальной установке практического опыта познающего, производящегося в антиномиях культа. Если ранее концептуальность энергии оправдано конституировалась в причинно-следственных связях антиномий имманентности и практической стороны духовного опыта антиномий сознания человека, то теперь, уровневые составляющие этого соединения претерпели кардинальную онтологическую трансформацию. Специфика смыслового наполнения указанного вида энергийного синтеза пространственных антиномий теперь раскрывается не в границах бинарного прямолинейного пересечения (онтологического сообщения двух плоскостей), а в уже осмысленных формах обозначения духовного достижения энергии антиномий Бытия, как прототипа внутреннего религиозного прочувствования внешних дефиниций, без вмешательства каких-либо погрешностей инородного чувства или обстоятельств жизненного процесса. Регистрация оптимальной устойчивости функционирования этого прототипа идентифицируется статусом готовности и подготовленности духовного чувства личности к познанию совершенного смысла (истины явления) и его Воплощенной идеи, тронутой синергией таинственной истинности, пролегающей в трансцендентальных ипостасях. Уже после того, как тронутая одухотворенной энергией истинного начала антиномия естественного исчисления метафизических особенностей смысловых ресурсов действительности, обеспечивающая самостоятельную продуктивность при помощи результирующих формулировок и эмпирических выводов индивидуума, постепенно начинает позиционально сдвигаться к выходу за пределы собственной энергийной упорядоченности расположения в действительности.

Однако после того как произошло данное онтологическое сведение к смысловой логичности концентрирующейся энергии антиномий, к ее основам постепенно пытается присоединиться энергия чувств и разумности человека, играющих важную роль в опознавании сущности вещей, диалектики их истинного духовного предназначения, раскрывающегося только в онтологически правильной координации мысленного средоточия. В тоже время, для того, чтобы в полноценной степени ощутить энергетический переход от стадии старательного стремления человеческого духа к достижению пребывания антиномического дискурса как парадигмы наступающих противоречий до трансформации их в органическую структуру детального выражения, релевантную по внутренним установкам символикe противоречий, Флоренский снова обращается к онтологии духовных выразителей культа. Проходя сквозь антиномию самосознания личности,

составляющие духовного выражения культа, задают уникальную формулу осмысленности пространства и формацию ее конкретной реализации на истинности существа изначально произведенного смысла: «Воплотившийся Смысл – Лицо Господа Иисуса Христа – истинная ориентировка мысли. Культ же – конкретное распространение этой ориентировки. Непременные элементы культа – христианские категории: они и конкретны, и реальны сразу, сообразно самой ориентировке. Таковы Крест, кровь, свет и т. д. и т. д. <...>»¹².

Таким образом, место онтологии культа для прогрессивности развития энергичности антиномического дискурса в действительности признается неоспоримым фактом в процессах жизнедеятельности, как личностного мироощущения, так и объектов его умозрительного постижения. Модель онтологического пространства определяется в виде смыслового единения чувственного и сверхчувственного опыта личности, предвидится в качестве синтагмы функциональных обновлений, видоизменений в диалектике мировоззрения. Самостоятельно, процесс перемещения концентрирующейся энергии антиномий феноменов (вещей) чувственного мира к предметам сверхчувственного опыта, признающегося уравновешивающей формой внутренней энергии имманентных состояний и антиномической энергии, находящейся в удержании формулы постоянных духовных обновлений, личности. Выработанная модель квинтэссенции целостного источника энергичности антиномий, в процессе аккумуляции онтологического дискурса вещей и чувственного созерцания их практического смысла, находит окончательное отражение в дефинициях трансцендентности, где обнаруживает всестороннее преобразование и духовное растворение.

Примечания

¹ Громова А. Е. Онтологическая сущность границы в концепции искусства П. А. Флоренского // «Энтелехия». № 6. 2003. С. 36.

² Шульц Л. Б. Проблема интуиции: рационализм XVII в. и полемика Е. Н. Трубецкого с П. А. Флоренским // «Энтелехия». № 6. 2003. С. 43.

³ Там же. С. 45.

⁴ Капитонова Н. А. «Слово-конденсатор воли» Слово-логос в эстетике П. Флоренского и поэтической теории Н. Гумилева // «Энтелехия». № 6. 2003. С. 62.

⁵ Флоренский П. А., священник. Собрание сочинений. Философия культа (Опыт православной антропологии) / сост. игумен Андроник (Трубачев); ред. игумен Андроник (Трубачев). М.: «Мысль», 2004. С. 110.

⁶ Там же. С. 102.

⁷ Ерошкина Е. В. Словарь символов (Symbolarium) П. А. Флоренского в контексте творчества русского символизма // «Энтелехия». № 6. 2003. С. 64.

⁸ Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1983. С. 361.

⁹ Флоренский П. А., священник. Собрание сочинений. Философия культа (Опыт православной антропологии) / сост. игумен Андроник (Трубачев); ред. игумен Андроник (Трубачев). М.: «Мысль», 2004. С. 103.

¹⁰ Там же. С. 102.

¹¹ Кудрявцева Т. А. П. А. Флоренский и проблемы религиозного сознания творческой личности (на материале житийно-творчества М. И. Цветаевой) // «Энтелехия». № 6. 2003. С. 72.

¹² Флоренский П. А., священник. Собрание сочинений. Философия культа (Опыт православной антропологии) / сост. игумен Андроник (Трубачев); ред. игумен Андроник (Трубачев). М.: «Мысль», 2004. С. 116.

РАЗДЕЛ III. НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: ОПЫТ И ТЕНДЕНЦИЯ РАЗВИТИЯ

В. Р. Веселов
г. Кострома

ПРОВИНЦИАЛЬНОЕ УЧИТЕЛЬСТВО – АКТИВНАЯ СИЛА КУЛЬТУРНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В 1920–1930-Е ГОДЫ

Актуальность проблемы «Роль интеллигенции в социокультурной жизни российской провинции возрастает в условиях современного реформирования общества, поисков оптимальной модели взаимодействия интеллигенции и власти в достижении устойчивого и динамичного развития страны. Особую культурнообразующую миссию традиционно выполняет массовый отряд интеллигенции – учительство, чья профессиональная и общественная деятельность вносит высокий вклад формирование духовного потенциала общества. Критическое переосмысление опыта социальной активности учительства в противоречивый период советской истории имеет сегодня немаловажное теоретическое и практическое значение.

В новейшей историографии указанная проблема находит все больше свое отражение¹. В данной статье ставится задача продолжения освещения темы, исследуя ее на материале крупного региона страны Верхнего Поволжья.

Культурное строительство в районах Верхнего Поволжья имело свою специфику. Ряд факторов носил позитивный характер и благоприятствовал работе: высокий процент городского населения (21,2 % против 17,9 % по стране), относительно высокая, по сравнению с другими территориями, особенно национальными регионами, общая грамотность населения (56,8 %) и др. Другие региональные особенности, напротив, препятствовали культурному развитию: разбросанность сельских поселений, удаленность от городских и районных центров, низкая плотность населения и др. В Костромской губернии в среднем на одно село приходилось всего 85 жителей, что по тем временам было нетипично².

Особую специфику составлял, говоря современным языком, гендерный вопрос. По уровню преобладания женского населения Верхнее Поволжье занимало первое место в стране. К тому же в ряде отраслей народного хозяйства здесь преобладал женский труд. Традиционным для верхневолжской деревни был «отход» мужского населения на заработки в города, в другие районы из-за рентабельности сельского хозяйства в нечерноземной полосе. К 1927 г. уровень

¹ Работа выполнена в рамках исследовательского проекта, поддержанного грантом РГНФ № 10-01-5400/а/Ц

«отходничества» здесь был высоким и составлял в целом по отношению к трудоспособному населению 16 %. В отдельных регионах он был значительно выше³. По данным переписи 1926 г. в городах Верхнего Поволжья на 1000 мужчин приходилось 1 146 женщин, в селах соответственно 1 223 женщины. К концу 1920-х годов женщины составляли 56,5 % всего отряда промышленных рабочих, в том числе 63 % рабочих текстильной промышленности, традиционно тесно связанных с деревней, сельским хозяйством. К тому же большая часть текстильных предприятий была размещена в районных центрах, посёлках Вичуге, Кинешме, Нерехте и др., где рабочие занимались дополнительно сельским хозяйством и многие из них проживали в ближайших сёлах.⁴

Особый культурообразующий смысл имела такая специфическая черта региона, находящегося в центре России, как богатство его культурно-исторического наследия, прочность традиций культуры, быта, образа жизни. Данный потенциал, конечно же, способствовал культурному строительству. Однако он одновременно представлял собой прочный материал сопротивления сомнительным экспериментам политики «культурной революции», псевдореволюционным стремлениям разрушить старое культурное наследие и, в первую очередь, религиозную культуру.

В районах Верхнего Поволжья традиционно прочными были устои православия, органичной составляющей мировосприятия населения, особенно крестьянства, его быта, уклада жизни. Достаточно крепкими были здесь и позиции Русской Православной Церкви, опирающейся на широкую общественную поддержку. К 1927 г. только в Костромской губернии действовали 308 церквей, из них 247 сельских, 12 420 православных общин, в том числе 9 980 сельских, в которых работали 1 200 священнослужителей. Сохранился в ряде районов авторитет старообрядческой церкви⁵. К сожалению указанные социокультурные особенности региона не всегда верно учитывались в деятельности властных органов, следующих часто за директивными указаниями сверху по общим схемам, что осложняло ситуацию, в частности в сфере антирелигиозной пропаганды среди населения и др.

Центральным направлением культурного строительства в 1927–1932 годов была борьба за ликвидацию массовой неграмотности в стране. Как и проблема начального всеобуча, задача достижения всеобщей грамотности населения в эти годы имела преимущественно сельскую прописку. К 1927 г. около 80 % городского населения страны считались грамотными, тогда как более половины сельских жителей не умели читать и писать. Ещё выше неграмотность была в среде женского населения деревни, достигая критической отметки почти 70 %. Эта же тенденция присутствовала и в районах Верхнего Поволжья, где разрыв между уровнями грамотности городского и сельского населения составлял более 30 %⁶.

Более высокий по сравнению с другими регионами страны уровень грамотности населения Верхнего Поволжья, особенно городского, способствовал работе местных органов власти, общественности по развёртыванию культурного строительства. Тем не менее, и здесь острота проблемы сохранялась. Среди мужского населения грамотность составляла к 1927 г. здесь 66,9 %, среди женщин – всего 48,9. на селе же, особенно в отдалённых районах, более половины взрослого сельского населения было неграмотным⁷.

В решениях обкома ВКП(б) Ивановской промышленной области⁸ от 15 июня 1929 г. и от 31 августа 1930 г. обращалось внимание местных комитетов ВКП(б) и ВЛКСМ, отделов народного образования на особую роль учительской интеллигенции в общей борьбе за ликвидацию неграмотности в области⁹. 15 сентября Ивановский облоно утвердил следующие маршруты так называемой «культурной эстафеты»: сплошная грамотность, всеобуч, культурно-просветительная работа¹⁰.

Тем самым объединялись три взаимосвязанные проблемы, что свидетельствовало о комплексном подходе к вопросам культурного строительства. Работники просвещения области брали на себя обязательство выделить 7 000 «культурармейцев», подготовить каждому учителю из числа грамотных не менее одного «культурармейца» и др.¹¹ Обращает на себя внимание полувоенная терминология тех лет («культурармия», «культпоход», «Эстафета», «культурный фронт»), в чём также проявлялась общая атмосфера подъёма общественной активности, темпов культурного строительства.

В 1929 г. в качестве «культурармейцев» в Костромском округе работало: от профсоюза работников просвещения – 1 353 человека, от ВЛКСМ – 930 человек. «Основные кадры культурного строительства, – отмечала окружная газета «Шуйский пролетарий», – составляет учительство, в первую очередь сельское, которое проявляет небывалую активность в борьбе за всеобщую грамотность». По данным 51 района Ивановской промышленной области в 1931 г. работали «культурармейцами» 7 377 учителей.

За период с 1927 по 1932 года число учителей-«культурармейцев» выросло в стране более чем в 7 раз и составило 700 тыс. человек. Только в 1930/31 учебном году с помощью педагогов ликвидировали свою неграмотность и малограмотность более 2 млн. взрослого населения страны¹².

С учётом социокультурной специфики региона местное руководство особое внимание уделяло делу обучения грамоте промышленных рабочих, проживающих в сельской местности, а также рабочих совхозов, МТС, леспромхозов, дальнейшему повышению их культурного уровня. По договору, заключённому в декабре 1929 г. между профсоюзами работников просвещения и сельскохозяйственных рабочих, ивановские учителя брали на себя обязательства обучения грамотности 3 тыс. рабочих, подготовить на рабфак 92 человека, в техникумы – 72 человека, в вуз – 200 человек. Уже к 1 мая 1930 г. было обучено грамоте 5 397 неграмотных рабочих¹³.

Следует отметить взаимозаинтересованный, конструктивный характер распространённых в 1920–1930-е годы договоров отраслевых профсоюзов, принимаемых на себя обязательств в ходе «социалистического соревнования» за достижение всеобщей грамотности. Например, по договору, заключённому в 1929 г. Костромским окружным профсоюзным комитетом работников просвещения с другими отраслевыми профсоюзами, педагоги обязывались обучить 1 ноября 1930 г. 251 рабочих-текстильщиков, 1 247 сельскохозяйственных и лесных рабочих, организовать сеть детских комнат при пунктах ликбеза, обеспечить школы грамоты учебными пособиями и т. д. В свою очередь, отраслевые профсоюзы должны были отчислить в фонд культурного строительства 50 тыс. руб., направить в распоряжение отдела народного образования 2 тыс. «культурармейцев» из числа грамотных рабочих и др.¹⁴

Материалы информационных отчетов профсоюзных организаций работников просвещения, комиссий по ликвидации неграмотности позволяют проследить заметную и продуманную эволюцию в расстановке учительских кадров, в их функциональных обязанностях в процессе культурного строительства. В начале 1930-х годов все большая часть педагогических кадров работает уже не «культармейцами», а сосредотачивается на методической работе по подготовке «культармейцев» из числа старшеклассников, грамотного взрослого населения, на организации для них консультаций, обеспечении необходимой литературой, пособиями школ и пунктов ликбеза.

В 1929 г. методистами работали менее 13 % учителей, участвующих в работе по ликвидации неграмотности. Уже в 1930/1931 учебном году ситуация существенно меняется: из 300 тыс. педагогов, выделенных ЦК профсоюза рабпроса на проведение «культпохода», направлялись в качестве методистов – 22 %, организаторов пунктов ликбеза – 30 %, ликвидаторов неграмотности – 30 %. Из 7 377 просвещенцев, участников «культпохода» по районам Верхнего Поволжья, работали в 1931 году методистами 1 190 человек, ликвидаторами неграмотности 2 540 человек¹⁵.

Напряженные усилия властных структур, учительской интеллигенции, широкой общественности по расширению сети школ и пунктов ликбеза, введению в них непрерывного учебного года и т. д., не в состоянии были решить в обозримой перспективе проблему грамотности без осуществления начального всеобщего обучения. К 1927 г. за пределами школ страны, в основном сельских, оставалось около 6 млн. детей и подростков школьного возраста¹⁶. В районах Верхнего Поволжья к концу 1920-х годов сельскую начальную школу заканчивали не более трети учащихся, поступивших в первый класс¹⁷. Переход к всеобщему обязательному начальному обучению и его в целом, как показано в предыдущем параграфе данной главы, успешное осуществление к 1932 г. в сельской местности создавали серьезную базу для успешной ликвидации массовой неграмотности в деревне.

Размах борьбы за ликвидацию безграмотности населения, растущие масштабы соревнований между различными ведомствами не обходились без характерных для того времени погони за процентами, завышенной статистической отчетности, формальной, некачественной работы. Большой степенью достоверности отличаются материалы контрольных обследований культурной работы со стороны центральных и местных органов рабоче-крестьянской инспекции (РКИ). С 10 октября по 20 ноября 1930 г. комиссия областной РКИ обследовала работу по ликвидации неграмотности Ивановского облоно, 6 районных отделов народного образования, 16 сельских советов. Наряду с несомненными достижениями были выявлены и серьезные недостатки в работе: увлечение количественными показателями в ущерб качеству обучения, завышение показателей, слабое обобщение передового опыта и т. д.¹⁸.

Преодолевая немалые трудности, используя тягу самих масс к знаниям, энтузиазм учительства, других отрядов интеллигенции, культурных сил страны, советское государство и в целом общество добились впечатляющих достижений в борьбе за всеобщую грамотность страны. 12 июня 1931 г. город Иваново-Вознесенск первым в области и третьим в РСФСР стал городом сплошной грамотности. В июле

этого же года приехал новый нарком просвещения А. С. Бубнов, чья жизнь и революционная деятельность были тесно связаны с городом. Руководитель Наркомпроса ознакомился с работой органов народного образования, педагогических коллективов. В докладе на партийном активе он отметил важную роль учительской интеллигенции в культурном строительстве, особенно на селе¹⁹.

К 1932 г. число неграмотных в Ивановской промышленной области в возрасте от 16 до 50 лет составило 21 тыс. человек против 260 тыс. в 1929 г.²⁰. Решающие сдвиги в борьбе за всеобщую грамотность произошли. В последующие годы предстояло закрепить успех и продолжить эту работу, в первую очередь на селе.

За период с 1927 по 1932 годы в Верхнем Поволжье было обучено грамоте 300 тыс. человек взрослого населения. В 1932 г. грамотность колхозников составила 88,2 %, на селе работали 4 658 школ, в которых обучалось 385 536 учащихся²¹.

Задачи культурного строительства в деревне далеко не сводились к ликвидации неграмотности населения. Решались вопросы приобщения масс к достижениям современной цивилизации, открытия на селе библиотек, клубов, радиодиффузии деревни. То, что для европейских обывателей давно стало привычным явлением, в российской глубинке воспринималось подчас как нечто уникальное. В отчете инструкторов Костромского губкома ВКП(б) о поездке в деревню приводились факты о том, что некоторые крестьяне принимали школьный радиорепродуктор за «нечистую силу», отказывались верить в реальность такого «чуда». Причем речь шла не о 1917-1918 годах, а уже о 1928 годе, спустя десятилетие Советской власти²².

Сельская школа в те годы выступала в качестве проводника не только общих знаний, но и новых форм быта, культурного досуга населения, продвижения книги, средств массовой информации в глубинку.

В соответствии с постановлением секретариата Ивановского ОК ВКП(б) «О мероприятиях по укреплению сельской печати» от 19 марта 1931 г. учителя взяли на себя не без определенного административного нажима обязательства «завербовать» 50 тыс. подписчиков на «Крестьянскую газету», 35 тыс. – на областную газету «За колхозы», распространить 80 тыс. экземпляров центральных и местных газет среди обучающихся грамоте. Подобная масштабность потребовала от учителей немалых усилий, напряжения. Тем более что вся эта работа осуществлялась ими без отрыва от своего школьного дела. К восьмилетнему юбилею «Крестьянской газеты», состоявшемуся 25 ноября 1931 г., многие взятые на себя обязательства учителя Верхнего Поволжья выполнили досрочно²³.

Активное участие сельские учителя принимали в борьбе с массовым пьянством на деревне, самогонварением, проводили разнообразную антиалкогольную пропаганду среди крестьянства. Интересный подход к этой работе проявили учителя и учащиеся Семеновской школы Кинешемского района. Они прошли по селу с наглядной агитацией и плакатами. На одном из них была дана такая информация к размышлению: за год на водку было истрачено 487 733 рубля, на эти деньги можно было бы купить 1 143 конных молотилок или 2875 сортировак, построить здания для 20 школ I ступени и др.²⁴.

Под руководством учителя А. Малиновского в селах Нерехтского района было установлено 100 радиустановок, в том числе на ссыпных пунктах, на сенокосных

станах и др. Активное участие в радиофикации села принимали под руководством своего педагога И. Кусакина учащиеся Еремеевской школы Ярославского района²⁵.

В 1932 г. В Ивановской промышленной области работало более 500 библиотек, 524 радиоустановки, 400 кинопередвижек, 250 клубов, 922 избы-читальни, 165 радиоузлов, объединяющих 57,5 тыс. радиоточек. Объем финансирования социально-культурного строительства вырос с 1927 по 1932 годы более чем в три раза. Немалый вклад в достигнутые результаты внесла учительская интеллигенция. За успехи в деле культурного строительства свыше 600 учителей страны были занесены в Книгу почета Наркомпроса РСФСР, сотни педагогов были награждены орденами и медалями²⁶.

Вместе с тем, культурное строительство в исследуемый период проходило в условиях жесткой классовой политики государства, сопровождаемой грубыми нарушениями прав людей, целых социальных групп на доступ к объективной информации, к достижениям современной цивилизации. Политика так называемой «культурной революции» ставила во главу угла задачу формирования «нового человека» и была нацелена на отрицание многих традиций и достижений культурно-исторического наследия. Наиболее разрушительно и болезненно процесс революционного отрицания «старой культуры» проходил в районах с богатыми культурно-историческими традициями, какими были районы Верхнего Поволжья.

Особенно драматично сложилась здесь ситуация с положением Русской Православной Церкви. Многие храмы, уцелевшие в период гражданской войны и первых лет революционной ломки, в начале 1930-х годов варварски уничтожались, обезображивая лик русских городов и сел. Только в Костромском крае в эти годы было уничтожено свыше 30 православных храмов, в том числе соборный ансамбль Костромского кремля, ценнейший памятник русской культуры. Были репрессированы многие служители РПЦ²⁷.

Учительская интеллигенция, большую часть которой составляли верующие люди, болезненно переживала антикультурный погром храмов. Еще тяжелее было исполнять административные распоряжения об участии в антирелигиозной работе среди населения, собирать подписи за закрытие церквей, проводить атеистические вечера, антипасхальные мероприятия и др. Материалы печати, документы работы школ, отделов народного образования, властных органов свидетельствуют о широком участии учителей в этих акциях²⁸. Вместе с тем, они не показывают реальную картину настроений значительной части учителей, выполняющих неприятную для них работу из-за угрозы увольнения, остракизма в партийно-комсомольской среде, чувства опасения за судьбу своих близких. Проведенные автором данной работы интервьюирование, беседы с бывшими учениками школ 1930х годов, с детьми и внуками педагогов, работающих в те годы, знакомство с их семейными архивами, дают достаточные основания говорить о наличии в учительской среде и в целом в общественном сознании в исследуемый период такого явления, как «подпольное сознание», «двойная мораль», принудительный характер социального поведения, общественной деятельности.

Противоречивый исторический опыт партийно-государственной политики по развитию профессионально-педагогической и общественной активности сельской учительской интеллигенции на одном из драматичных этапов советской истории заслуживает пристального внимания не только историков. Его критическое переосмысление в контексте современных проблем социокультурной жизни российской провинции представляется чрезвычайно актуальным и социально значимым.

Примечания

- ¹ См.: Дайч З. П. Школьная политика в СССР: уроки партийно-государственного руководства: перспективы развития. М., 1991; Веселов В. Р. Интеллигенция и провинция в исторической судьбе России. Кострома, 2001. Веселов В. Р. Журавлев А. М. Учительская интеллигенция и ее роль в социокультурной жизни российской провинции. Кострома, 2009; Золотарев О. В. Советское учительство в 1920 х годах // Интеллигенция и мир. 2009. № 3. С. 28–40 и др.
- ² См.: Ивановская промышленная область. Материалы к областному районированию. Иваново-Вознесенск, 1929. С. 9–11.
- ³ См.: Шустов А.К. Победа колхозного строя в Верхнем Поволжье (1927–1937 г.г.). Ярославль, 1971. С. 12, 172.
- ⁴ См.: Ивановская промышленная область. Материалы к областному районированию. – Иваново-Вознесенск, 1929. С. 10–11; ГАИО, ф. 327, оп. 2, д. 1, л. 41.
- ⁵ ГАНИКО, ф. 1, оп. 2, д. 1684, л.л. 1–4.
- ⁶ См.: Ивановская промышленная область. Материалы к областному районированию. Иваново-Вознесенск, 1929. С. 11.
- ⁷ ГАИО, ф. 327, оп. 2, д. 1, л. 41.
- ⁸ В состав образованной в 1929 г. Ивановской промышленной области входило до 1936 большинство районов бывших Владимирской, Иваново-Вознесенской, Костромской, Ярославской губерний
- ⁹ ГАИО, ф. 427, оп. 1, д. 48, л. 191.
- ¹⁰ ГАИО, ф. 427, оп. 1, д. 48, л. 191.
- ¹¹ Там же, д. 32, л.л. 1-3; Шуйский пролетарий, 1930, 23 ноября.
- ¹² ГАИО, ф. 427, оп. 1, д. 54, л. 128.
- ¹³ ГАРФ, ф. 5462, оп. 12, д. 223, л. 19.
- ¹⁴ ГАИО, ф. 427, оп. 1, д. 54, л. 98.
- ¹⁵ ГАКО, ф. р-556, оп. 1, д. 31, л. 26.
- ¹⁶ Работник просвещения, 1930, № 13–14, с. 14; ГАКО, ф. 427, оп. 1, д. 54, л. 98.
- ¹⁷ Элькина Л. Ю. На культурном фронте. Из истории борьбы за ликвидацию неграмотности в СССР. М., 1959. С. 122.
- ¹⁸ Вопросы просвещения. 1928. № 3–4. С. 1.
- ¹⁹ ГАРФ, ф. 406, оп. 12, д. 2290, л. 10.
- ²⁰ ГАИО, ф. 327, оп. 2, д. 44, 1, 58.
- ²¹ Материалы к отчету обкома ВКП(б) 3-ей областной партконференции Ивановской промышленной области... С. 161–162.
- ²² Там же. С. 28.
- ²³ ГАНИКО, ф. 1, оп. 2, д. 1515, л. 30.
- ²⁴ ГАКО, ф. Р-2101, оп.1, д. 23, л. 36.
- ²⁵ Просвещение Ивановской области. 1929. №4. С. 89.
- ²⁶ ГАКО, ф. Р-2101, оп. 1, д. 23, л. 36.
- ²⁷ Куманев В. А. Социализм и всенародная грамотность. М., 1967. С. 302.
- ²⁸ История Костромского края. XX век. Кострома, 1997. С. 108–109.

Л. М. Артамонова
г. Кострома

**ЗНАЧЕНИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ НИКОЛАЯ I
ДЛЯ НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ЮГО-ВОСТОКА ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ)**

Изучение образовательной политики Николая I представляется актуальным в современной историографической ситуации. Совсем недавно эта политика рассматривалась как абсолютное препятствие на пути прогресса, т. к. «тормозила распространение образования», хотя и «бессильна была его остановить»¹, до сих пор встречается ее характеристика как «удара по народной школе»². Однако негативные оценки этой политики, которые долгое время казались незыблемыми, раздаваясь со стороны либералов и консерваторов, народников и марксистов, выглядят ныне не столь бесспорно, как прежде.

Объективными современными исследователями подчеркивается, что в результате развития школьного дела за вторую четверть XIX в. практически не осталось уездных городов, где бы не открылись уездные училища, что именно к 1830–40-м гг. относится «факт появления организованной сельской школы» в России. Этим успехом удалось добиться совместными усилиями государственных ведомств, духовенства и образованных дворян, вроде тех, кто создал Комитет грамотности при Московском обществе сельского хозяйства³.

Положительная роль в процессе распространения образования признается теперь даже за известной триадой графа С. С. Уварова («православие, самодержавие, народность») и деятельностью возглавляемого им Министерства народного просвещения, прежде всего, потому, что «следствием политики министерства было увеличение числа образованных людей в провинции»⁴. В основе уваровской программы развития школ разного уровня обнаруживаются «не только назидательно-запретительные принципы, но и научно-просветительские идеи»⁵.

Образовательная политика включена важнейшей компонентой в развернутую формулу оценки всего николаевского царствования, которую предложил Б. Н. Миронов: «При Николае I получило дальнейшее развитие многое из того, что начинало осуществляться при Екатерине II и Александре I в сфере прав условий, укрепления законности в управлении, распространения образования, ограничения крепостничества – все это готовило почву для следующего либерального царствования». Ближе к нашей теме эта оценка становится еще благожелательней: «В целом вторая четверть XIX в. – время расцвета литературы, науки, искусства, образования». Автор разъясняет, что имеются в виду все уровни образования: высшего, среднего «и народного просвещения»⁶. Рост грамотности, числа школ, количества школьников в николаевское время рассматривается как один из основных показателей повышения уровня жизни и благосостояния населения, в т. ч. удельных и государственных крестьян⁷.

Такой взгляд на эпоху Николая I вытекает из всей концепции Б. Н. Миронова, который, во-первых, считает, что «российское самодержавие являлось лидером модернизации, бесспорным проводником экономического, культурного

и социального прогресса в стране». Во-вторых, он рассматривает образовательные реформы в ряду важнейших государственных преобразований. В-третьих, исследователь пришел к выводу, «что распространенное в литературе мнение о том, что царизм тормозил развитие просвещения не соответствует действительности», т. к. «не развитие народного образования отставало от потребностей народа, а, наоборот, потребности народа в образовании отставали от возможностей, которые создавала существовавшая система народного просвещения»⁸.

Ряд исследователей в целом соглашались со справедливостью этих положений для разных периодов⁹, хотя некоторые не склонны признать ведущую роль в развитии образования за самодержавным государством. Так, А. Е. Чекунова¹⁰ подвергла критике мнения Б. Н. Миронова и Л. М. Артамоновой¹¹ о низкой заинтересованности в образовании большинства населения в XVIII – первой половине XIX вв., о невозможности перестройки русской школы в более современные формы по инициативе «снизу», о неизбежности исполнения верховной властью ведущей роли в развитии народного просвещения. Однако указанные возражения выглядят малообоснованными и по источникам XVIII века, которые послужили конкретным основанием приведенной выше полемики¹², и в отношении первой половины следующего столетия. Как было показано в литературе¹³, еще в начале 1800-х гг. именно от провинциальных педагогов-разночинцев прозвучали призывы свернуть на путь школьного строительства по сословному признаку¹⁴. Эти предложения за четверть века вперед предвосхитили консервативные идеи, возобладавшие после принятия школьного Устава 1828 года. Профессиональных учителей разочаровывало отсутствие пользы и необходимости проводить через полный курс обучения в народных училищах детей из низших сословий, составлявших подавляющее большинство учеников и не имевших за редким исключением перспективы приложить полученные знания на ответственных службах или развить их в учебных заведениях более высокого уровня.

Таким образом, распространенное мнение о том, что принципы сословного образования насаждались в первой половине XIX в. исключительно сверху и по классовым соображениям, является односторонним. С точки зрения утилитарного подхода к народному просвещению, эти принципы в реалиях дореформенной России могли сделать публичную школу более привлекательной, практичной, эффективной и массовой, что и реализовала политика Николая I.

Интерес к прошлому высшей и средней школы, т.е. университетов и гимназий, удовлетворен исследованиями разных лет в большей степени, чем к истории начального образования. Создание массовой школы в провинции, особенно сельской, остается малоисследованным, что определило основную тему нашей статьи. Обширность страны, разнообразие регионов вызвали обращение преимущественно к данным по юго-восточным губерниям Европейской России.

Основными источниками послужили документы Национального архива Республики Татарстан (НАРТ), госархива Ульяновской области (ГАУО), Российского государственного исторического архива (РГИА), Научного архива Русского географического общества (НАРГО). Ценные сведения содержат также официальные издания и периодика, в т. ч. Отчеты по министерству народного просвещения и «Журнал министерства народного просвещения» (ЖМНП).

Возможность и желательность развития школьного образования на селе предусматривало еще законодательство Екатерины II. Устав народных училищ 1786 года разрешал создание начальных школ – «малых народных училищ», не только в городах, но и селах. Предварительные Правила народного просвещения 1803 года, закрепленные на следующий год в новом школьном уставе, переименовали низшее образовательное звено в «приходские училища». Однако прямой поддержки малым народным, а затем и приходским училищам государственная власть не оказала. Их материальное содержание возлагалось в крепостных имениях на помещиков, в казенных деревнях и в городах – на самих жителей и местное самоуправление. Не предпринималось никаких мер понуждения землевладельцев, горожан, крестьян к заведению школ¹⁵.

В таких условиях на создание приходских школ шли лишь общества сравнительно больших и богатых городов да некоторые просвещенные помещики. Последние открывали частные вотчинные школы, практически неподведомственные министерству народного просвещения. Отчетность о состоянии вотчинных школ сводилась к простой подаче сведений о них органам управления образованием не напрямую, а через местных предводителей дворянства. За этими школами отсутствовал организационный и методический контроль государственных структур и профессиональных учителей высокой квалификации.

Тяжелой была ситуация в казенной деревне. Крестьянским общинам заведение школ казалось непосильным, а польза от него не выглядела очевидной.

Развитие школы, тем более сельской, в царствования Екатерины II, Павла I, Александра I проходило не очень успешно. Хотя общее число «главных» и «малых» народных училищ с 1786 по 1800 гг. возросло с 40 до 315, а учеников в них с 4 398 до 19 915 чел.¹⁶, но это выглядело каплей в людском море России.

подавляющее большинство указанных школ находилось в городах, причем крупных. К 1801 г. было открыто 161 малое народное училище, из которых 48 приходилось на Петербург, Москву, Петербургскую и Московскую губернии. Более половины уездов России к началу XIX в. не имело ни одной начальной школы даже в административных центрах. В 3 обширных губерниях Среднего Поволжья и Заволжья (Симбирской, Саратовской и Оренбургской) имелось всего-навсего 4 главных и 5 малых народных училищ с 671 учеником¹⁷.

К 1825 г. численность начальных школ России выросла до 1095, сосредоточенных по-прежнему почти только по городам. Однако и тогда не было школ в 131 из 533 уездных городов страны, в 81 из 102 заштатных городов, в 47 из 51 посада и местечка¹⁸. Если даже в городах ситуация была неудовлетворительной, то предписания Предварительных Правил 1803 года о заведении училища в каждом сельском приходе или на два соседних оставались благими пожеланиями.

Приходские школы, которые находились в ведении министерства народного просвещения, не были церковными, слово «приход» в связи с ними употребляется как синоним местного самоуправления. Подведомственные Синоду сельские школы, тоже называвшиеся приходскими, существовали, как правило, только на бумаге. В 1810 г. Новгородская епархия заявила о наличии у себя 110 училищ, но в ходе проверки ни одно (!) из них не оказалось действующим¹⁹.

В подобном состоянии дело народного образования досталось в наследство Николаю I. Начало его царствования ознаменовалось принятием в 1828 г. нового Устава учебных заведений. С 1830 по 1849 гг. численность приходских училищ ведения министерства народного просвещения на территории Казанского учебного округа, охватывавшего 9 губерний Поволжья и Урала, хотя и выросла с 39 до 123²⁰, но оставалась явно недостаточной.

Однако школьное дело не являлось монополией уваровского министерства, которое с пониманием относилось к инициативе других ведомств по развитию начального образовательного звена. После издания в 1836 г. Синодом правил обучения детей крестьян в церковных школах, число последних стало увеличиваться. К 1853 г. по России их считалось 4820. В литературе по истории народного образования эти «успехи», с одной стороны, ставятся под сомнение²¹, а с другой, находят частичное подтверждение в материалах таких регионов, как Русский Север²². Поскольку в источниках не удалось найти подтверждения развитию начальной церковной школы на юго-востоке Европейской части России во второй четверти XIX в., то разрешение спорных моментов истории упомянутого типа школ осталось за рамками нашего исследования. Также подлежат особому рассмотрению в силу своей специфики учебные заведения военного ведомства в гарнизонах, казачьих и калмыцких поселениях края²³.

Со всей определенностью можно утверждать о реальных успехах участия в школьном деле таких государственных ведомств того времени, как министерство государственных имуществ и министерство Императорского Двора. В ведении Департамента Уделов последнего из названных министерств находилось управление имениями императорской фамилии. 29 октября 1832 г. последовало Высочайшее повеление о заведении по одному училищу в каждом сельском приказе, являвшемся низшим звеном управления удельного ведомства и объединявшем несколько близлежащих селений. Главное начальство над училищами каждого удельного имения, состоявшего из нескольких приказов, принадлежало управляющему удельною конторою. Сам управляющий при обозрении имения должен был осматривать и училища, 3 раза в год подавать ведомости об их состоянии в Департамент Уделов, а также докладывать о них в своем ежегодном отчете. Хотя считалось, что «надзору училищного начальства министерства народного просвещения училища Удельного ведомства вовсе не подлежат», однако управляющие обязаны были подавать в местные органы народного образования сведения о числе учащихся в своих школах. Программа обучения должна была полностью соответствовать курсу приходского училища по уставу 1828 г.: Закон Божий, чтение, письмо, арифметика. В 1845 г. к этому перечню было добавлено обучение церковному нотному пению²⁴.

Содержание школ было возложено «на общественный счет» жителей удельных имений и включало жалование учителю, предоставление помещения для занятий, бесплатное снабжение учащихся учебными пособиями. Учителями, как правило, назначались местные священники, за что им полагалось в год 145 руб. серебром. Если учитель не имел священнического чина, то жалование составляло 85 руб., а Закон Божий вел приходской священник за 75 руб. в год²⁵.

В селениях, где проживало более 800 душ м.п., мог быть введен в училище «высший класс» для изучения пространного катехизиса, священной истории

и «окончания арифметики», а учителю придавался помощник²⁶. Так, в школе с. Обшаровки помощниками учителя были два воспитанника специальных учебных заведений удельного ведомства. Павел Григорьев воспитывался в Красносельском главном сельском удельном училище, созданном в 1828 г. для подготовки учителей начальной школы, а Андрей Нестеров обучался в земледельческом удельном училище, открытом в 1832 г.²⁷

Требование Департамента Уделов о заведении школы в каждом сельском приказе выполнялось постепенно. В Саратовском удельном имении, где насчитывалось 9 сельских приказов и 2 отделения, в 1837 г. появилось сначала всего 4 школы. В 1842 г. к указанным ним добавилось еще 3 школы. Из мест, где не было училищ, небольшое число крестьянских детей посылалось на учебу в селения своего или ближних приказов, имевшие школы. В конце 1850-х гг. число училищ удельного имения в Николаевском уезде, переданном из Саратовской в Самарскую губернию, дополнили школы еще в 2 селах²⁸.

Еще больше было сделано для развития образования крестьян Самарского удельного имения в Самарском и Ставропольском уездах, где задача устройства училищ «при каждом приказе» была решена полностью. В 1841 г. здесь было 18 училищ, каждое на 30 мальчиков. Учитывая, что число школ в удельных селениях по всей России составило в 1853 г. 204, а количество их учеников – 7 477 чел., можно подсчитать, что на Самарское удельное имение к концу царствования Николая I приходилось 9 % всех училищ Департамента Уделов и 7 % их учеников. К 1854 г. число мальчиков, обучавшихся в школах, достигло 600 чел., «кроме того, обучаются 6 мальчиков фельдшерскому искусству и 6 ветеринарному, а по 2 мальчика у архитектора и землемера», – сообщал современник. Здесь «некоторые из окончивших учение, смотря по способностям, поступили для научения канцелярскому порядку в Удельную контору и сельские приказы с целью подготовить хороших писарей для последних, а прочие распущены по домам для занятия крестьянскими работами». Схожая картина наблюдалась и в Саратовском удельном имении, где «служит уделу или готовится к службе» 6,07 % всех обучившихся за 1837–1859 гг., «занимается крестьянскими промыслами»: хлебопашеством, садоводством, судоходством, торговлей – 54,25 %, ремеслом – 1,99 %, письмоводством «у должностных или частных лиц» – 1,90 %, «поступили на военную службу» – 15,76 %, умерли – 8,76 %. Остальные находились в бегах, или были привлечены к ответственности за «дурное поведение», или «ничем не занимались по разным причинам»²⁹.

В 1850 г. в Самарском удельном имении появились и школы для девочек. В них в 1851 г. обучалось 470 чел. или 44 % от всех 1 066 учениц женских школ удельного ведомства России. В школах для девочек «обязанность учителей приняла на себя грамотные крестьянки, а изъяснение Закона Божьего и надзор за наставницами – местные священники без всякой платы». Учебные пособия должны были приобретать родители, но это не уменьшило числа желавших «поместить свою дочь в школу». Дело «дошло до того, что, по тесноте помещения школ, начальство принуждено было отказывать» некоторым в приеме³⁰.

Когда в состав Сызранского удельного имения Симбирской губернии вошло в 1845 г. имение, купленное у богатейшей помещицы А. А. Орловой-Чесменской, то в бывшем доме управляющего в с. Новодевичье было размещено вместе

с приказом сельское училище. Вскоре было решено предоставить училищу отдельное здание, а все расходы по его возведению приняли на себя крестьяне по мирскому приговору. Училище было открыто и в с. Переволоках, перешедшем от Орловой-Чесменской в то же удельное имение³¹.

К концу 1850-х гг. в Сызранском удельном имении работали 23 училища. В Алатырском и Симбирском имениях Симбирской же губернии их было соответственно 20 и 29. Всего на эту губернию накануне Великой реформы приходилось 72 из 254 удельных училищ страны, 2 793 из 8 462 их воспитанников³².

В 1837 г. было образовано министерство государственных имуществ во главе с П. Д. Киселевым и началась реформа управления казенными крестьянами, составной частью которой стали меры по распространению среди них образования. 30 апреля 1838 г. Николай I утвердил закон «О управлении государственными имуществами», где имелось указание «о постепенном учреждении при каждом сельском обществе для крестьянских детей приходских училищ»³³.

К 1842 г. в государственной деревне России было 770 школ. Из них 748, т. е. подавляющее большинство, считались «временно-учебными заведениями» без определенного статуса. К тому же они не имели «приличных» зданий³⁴.

Недостатки развития начального образования среди государственных крестьян привели к появлению проекта по его улучшению. По докладу Киселева 22 июня 1842 г. Николай I издал высочайшее повеление о переустройстве всех училищ для государственных крестьян на основе Устава 1828 года, т. е. по образцу учебных заведений министерства народного просвещения. 25 августа Совет министерства государственных имуществ начал рассмотрение этого вопроса, в результате было разработано «Наставление для управления сельскими приходскими училищами в селениях государственных крестьян». Все учебные заведения, находившиеся в селах государственных крестьян, получали статус приходских училищ и переходили в ведение киселевского министерства. Предполагалось открыть 2000 новых училищ в казенных селениях. Выполнение этой задачи потребовало около 10 лет. К 1853 году их число увеличилось до 2 795³⁵.

На территории степного и лесостепного Заволжья государственные крестьяне проживали в трех западных уездах Оренбургской губернии (Бугульминском, Бугурусланском, Бузулукском) и двух левобережных уездах Саратовской (Николаевском и Новоузенском). В них в 1846 г. насчитывалось 55 школ и 1 724 ученика. Учащиеся из этих 5 уездов составляли в 1846 г. 3,4 % всех обучавшихся в начальных учебных заведениях министерства государственных имуществ по России в целом (от 50 540 чел.), 42,05 % – по Саратовской губернии (962 от 2 288 чел.), 42,15 % – по Оренбургской (762 от 1 808 чел.)³⁶.

Указанные уезды в 1851 г. вошли в Самарскую губернию. В ней появились также училища в новых поселках государственных крестьян в Самарском и Ставропольском уездах на землях казаков и калмыков, выселенных на восток.

Министерство народного просвещения уделяло училищам в государственной деревне пристальное внимание, что еще раз подчеркивает односторонность негативного подхода к его деятельности при Николае I. Упомянутое Наставление по управлению приходскими училищами было напечатано и принято к руководству только после того, как оно было одобрено в 1843 г. Уваровым. За год до того он

приказал осуществлять «надзор со стороны общего училищного начальства в мере, определенной Уставом учебных заведений, над приходскими училищами в казенных селениях» и содействовать «преуспеянию оных»³⁷.

По административно-хозяйственным вопросам эти училища находились под управлением Палат государственных имуществ и окружных начальников, которые заведовали казенными селениями. Однако Палаты обязаны были уведомлять губернские органы народного просвещения об открытии и закрытии приходских училищ, предоставлять ежегодные ведомости о них с указанием количества учителей и учеников. Директора гимназий и штатные смотрители уездных училищ должны были осматривать школы для государственных крестьян и сообщать о результатах проверки окружным начальникам и в Палаты.

На эти школы оказывало влияние и духовное ведомство. Местное епархиальное начальство предлагало для них учителей из лиц духовного звания: священников, диаконов, причетников и выпускников семинарий.

Опосредованно воздействовала на указанные школы активность Департамента Уделов в области образования. В разработке решений, принятых по школам министерства государственных имуществ в 1842–1843 гг., учитывался опыт удельных училищ, о чем прямо говорилось в документах³⁸.

На примере сельских учебных заведений для удельных и казенных крестьян отчетливо видно наличие у государственной власти в предреформенные десятилетия осознанного стремления к развитию начального образования. Усилия по распространению церковных, удельных, казенных училищ не просто совпадали во времени. Они были звеньями одной политической линии, в осуществление которой были активно вовлечены Министерства народного просвещения и государственных имуществ, Департамент уделов и Синод.

Конечно, образовательная политика Николая I полностью осуществлялась в рамках сословного и крепостного строя. Однако именно в его правление были достигнуты реальные успехи в становлении массовой начальной школы, не известные «просвещенному абсолютизму» Екатерины II и Александра I. Накапливались учительские кадры, организационный и педагогический опыт, росла потребность населения в грамоте, без чего не был возможен качественный подъем народного просвещения в России в пореформенное время.

Примечания

¹ *Эймонтова Р. Г.* Просвещение в России первой половины XIX века // Вопросы истории. 1986. № 10. С. 93.

² *Яковина Н. И.* История русской культуры. Первая половина XIX века. СПб., 1998. С. 19.

³ *Кошман Л. В.* Город в общественно-культурной жизни // Очерки русской культуры XIX века. М., 1998. Т. 1. С. 31, 68; *Кузнецов С. В.* Культура русской деревни // Там же. С. 238–239; *Калинина Е. А.* Народные школы Олонецкого края в XIX – начале XX века. СПб., 2009. С. 56.

⁴ *Козляков В. Н., Севастьянова А. А.* Культурная среда провинциального города // Очерки русской культуры XIX века. Т. 1. С. 142, 151.

⁵ *Петров Ф. А.* Российские университеты в первой половине XIX века. Формирование системы университетского образования. М., 2000. Кн. 3. С. 196.

⁶ *Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX вв.) СПб., 1999. Т. 2. С. 217.

⁷ *Миронов Б. Н.* Благополучие населения и революции в имперской России: XVIII – начало XX вв. М., 2010. С. 343–345.

⁸ *Миронов Б. Н.* Социальная история. С. 226–227.

⁹ *Сысоева Е. К.* К истории начального образования в России в первой четверти XIX в. (Училищный устав 1804 г.: идеи и их реализация) // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1998. № 5. С. 29; Моряков В. И. Проблема воспитания «истинного сына Отечества» в России XVIII в. // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2009. № 2. С. 4–4 и др.

¹⁰ *Чекунова А. Е. В. В.* Крестинин и его проект создания «малых» школ // Вопросы истории. 2007. № 7. С. 121–129.

¹¹ *Артамонова Л. М.* Общество, власть и просвещение в русской провинции XVIII – начала XIX вв. (Юго-восточные губернии Европейской России). Самара, 2001. С. 12.

¹² *Артамонова Л. М.* Проекты преобразования школьного дела России в 1760–1770-е годы // Самарский земский сборник. 2008. № 1 (17). С. 22–23.

¹³ *Артамонова Л. М. Записка А. И. Шестакова «Нечто о просвещении в России»* – неопубликованный памятник общественной и педагогической мысли начала XIX века // Россия и мир: панорама исторического развития. Екатеринбург, 2008. С. 295–301.

¹⁴ НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 26. Л. 21–36об.; РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 109. Л. 1–13об.

¹⁵ Извлечение из отчета министерства народного просвещения за 1831 год. СПб., 1833. С. 4; Фальборк Г., Чарнолуский В. Народное образование в России. СПб., 1900. С. 16, 20.

¹⁶ Фальборк Г., Чарнолуский В. Указ. соч. С. 18.

¹⁷ Очерки русской культуры XVIII века. М., 1987. Ч. 2. С. 275–276.

¹⁸ *Фальборк Г., Чарнолуский В.* Указ. соч. С. 23.

¹⁹ Там же. С. 21.

²⁰ Извлечение из Отчета министерства народного просвещения за 1831 год. Таб. 1; ЖМНП. 1850. № 5. Отд. I. С. 75.

²¹ ЖМНП. 1838. Ч. 17. Отд. III. С. 128; Фальборк Г., Чарнолуский В. Указ. соч. С. 30.

²² *Калинина Е. А.* Указ. соч. С. 50–54.

²³ См.: *Артамонова Л. М.* Калмыцкая школа в Ставрополе // Самарская область. Этнос и культура. Информационный вестник. 1996. № 2; Абрамовский А. А., Абрамовский А. П. Казачьи школы Оренбургского края в XIX веке. Челябинск, 2008.

²⁴ Воронов А. Историко-статистическое обозрение учебных заведений Санкт-Петербургского учебного округа с 1842 по 1853 год. СПб., 1854. С. 235–236.

²⁵ ГАУО. Ф. 322. Оп. 1. Д. 503. Л. 74об.–75; ЖМНП. 1852. Ч. 76. № 10. Отд. VII. С. 30.

²⁶ ЖМНП. 1861. Ч. 112. № 11. Отд. IV. С. 52.

²⁷ ГАУО. Ф. 322. Оп. 1. Д. 179. Л. 6об.

²⁸ ЖМНП. 1861. Ч. 112. № 11. Отд. IV. С. 53.

²⁹ НАРГО. Р. № 34. Д. 22. С. 12–13; ЖМНП. 1852. Ч. 76. № 10. Отд. VII. С. 30; ЖМНП. 1861. Ч. 112. № 11. Отд. IV. С. 54.

³⁰ ЖМНП. 1852. Ч. 76. № 10. Отд. VII. С. 30–31.

³¹ ГАУО. Ф. 322. Оп. 1. Д. 287. Л. 578об.–579; Д. 503. Л. 72об.–73; Оп. 5. Д. 78. Л. 4, 16.

³² *Григорьева Г. И.* Просвещение удельных крестьян Симбирской губернии в первой половине XIX в. // Крестьянство и власть Среднего Поволжья. Саранск, 2004. С. 145.

³³ РГИА. Ф. 381. Оп. 1. Ч. 2. Д. 360. Л. 10об.

³⁴ Там же. Л. 14об.–15об.

³⁵ Общий отчет по министерству народного просвещения за 1845 год. СПб., 1846. С. 102; Фальборк Г., Чарнолуский В. Указ. соч. С. 30; Воронов А. Указ. соч. С. 231–234.

³⁶ Подсчитано по: РГИА. Ф. 383. Оп. 9. Д. 7752. Л. 2об.–7, 12об.–20; Д. 7759. Л. 2об.–6, 12об.–13, 29об.–33, 39об.–41; Оп. 10. Д. 8974. Л. 2–2об.

³⁷ Общий отчет по министерству народного просвещения за 1842 год. СПб., 1843. С. 5.

³⁸ РГИА. Ф. 381. Оп. 1. Ч. 2. Д. 360. Л. 9, 16об.

О. В. Горохова
г. Кострома

РОМАНОВСКАЯ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКАЯ ШКОЛА В КОСТРОМЕ

Подготовка к празднованию 300-летия Дома Романовых в Российской империи началась задолго до юбилея и широко освещалась как центральными, так и местными периодическими изданиями, сообщавшими о повсеместной установке памятников, учреждении юбилейных наград, выходе в свет новых книг о династии и пр. Костромские газеты 1910-х годов, кроме того, регулярно помещали хронику строительства Романовского музея, ремонта Ипатьевского монастыря и подготовки площадки для памятника 300-летию династии, но одно событие, связанное с юбилеем, осталось незамеченным.

11 августа 1911 года епископ Костромской и Галичский Тихон (Василевский Николай Павлович)¹ ходатайствовал перед Синодальным училищным советом об отпуске денежных средств на строительство в Заречье школы для сирот духовного звания.

Не прошло и года, как Синодальный училищный совет 11 апреля 1912 года ответил Костромскому епархиальному училищному совету, что в ознаменование исполняющегося в 1913 году 300-летия царствующего Дома Романовых им постановлено по проекту, составленному членом Синодального училищного совета, художником-архитектором Козловым и одобренному к исполнению технически-санитарным комитетом хозяйственного управления Святейшего Синода, устроить при костромском Ипатьевском монастыре церковно-приходскую школу и на ее строительство отпустить в распоряжение Костромского епархиального училищного совета из специальных издательских средств Синодального училищного совета 8940 руб. 60 коп.

Месяц спустя Костромской епархиальный училищный совет образовал строительную комиссию (председатель – протоиерей Александр Крутиков, члены комиссии – священники Иоанн Аделфинский и Михаил Звездкин) и 12 мая 1912 года заключил контракт на строительство школьного здания с подрядчиком – крестьянином деревни Крюково Березниковской волости Нерехтского уезда Петром Ивановичем Новиковым, (односельчанином и, по всей видимости, родственником главного маршала авиации и дважды Героя Советского Союза (1945) Александра Александровича Новикова).

Контракт предусматривал возведение не позднее 1 сентября 1912 года «деревянного на каменном фундаменте одноэтажного здания для одноклассной ЦПШ при Ипатьевском монастыре согласно проекту и смете архитектора Козлова, утвержденным технико-строительным комитетом хозяйственного управления Святейшего Синода от 6–27 февраля 1912 года за № 60, кроме работ по штукатурке и побелке стен и потолка» за подрядную сумму 7 000 руб.²

В приложенном плане помимо помещений для учителя и сторожа значились классная и спальная комнаты и рекреационный зал для учеников (позднее, во время I Мировой войны, выяснилась также необходимость устройства общезначимости для 20 беспризорников). Правление Ипатьевского монастыря со своей

стороны уведомляло, что от монастыря ученики новой школы будут снабжаться водой, обедом, ужином и баней, за исключением мыла, а от архиерейского дома – чаем, сахаром, белым хлебом и мойкой белья³.

Перед началом учебного 1912/1913 года последовало «Объявление от Епархиального Попечительства к сведению родителей и опекунов беднейших детей – сирот духовного звания:

При Костромском Ипатьевском монастыре, с 15 сентября сего года открывается Романовская одноклассная церковно-приходская школа. При ней будет устроено общежитие на 15 мальчиков с бесплатным пищевым довольствием для них. На означенные 15 вакансий предположено принимать беднейших сирот духовного звания, о чем и уведомляются родители и опекуны с пояснением, что прошения о приеме детей-сирот в общежитие при школе следует присылать в Епархиальное Попечительство и к прошению должны быть приложены метрическая выписка от приходского причта и сведения об имущественном состоянии от благочинного»⁴.

В октябре того же года Костромским епархиальным училищным советом была сформирована библиотека Романовской церковно-приходской школы на основе книг, рекомендованных и централизованно рассылавшихся Синодальным училищным советом для новооткрытых церковно-приходских школ и содержащих 187 наименований книг религиозного и 172 наименований книг исторического и художественного содержания (в том числе Жития святых, произведения М. Н. Загоскина, К. В. Лукашевич, Д. В. Григоровича, С. Т. Аксакова, С. Д. Арсеньевой, А.-Э. Брэма, детский журнал «Солнышко», популярная серия «Книжка за книжкой» и др.)⁵.

Список книг, направленных Романовской церковно-приходской школе Костромским епархиальным училищным советом (347 названий в 232 экземплярах) и полученных 18 декабря 1912 г. заведующим школой Михаилом Звездкиным является, т. о., каталогом библиотеки Романовской ЦПШ⁶.

Костромское православное Федоровско-Сергиевское братство, озабоченное борьбой с расколом и сектантством в Костромской епархии и распространявшее книги, брошюры и листки противораскольнического и противосектантского содержания, со своего центрального склада при Костромской духовной семинарии также направило Романовской церковно-приходской школе свою литературу (такие издания, как «150-летие Костромской духовной семинарии», «Изъяснения всеобщего бдения», «Училище благочестия», «Библейские рассказы», «Правда о Толстом», «Христианство в Японии», «Басни и баснописцы», «Родное слово», рассказы и пр. – всего 63 названия) и счет на 25 руб. 70 коп.⁷ (в КЕВ – на 28 руб. 70 коп.⁸).

И, соответственно, с самого открытия ЦПШ для ее учеников и учителей и всего Костромского епархиального училищного совета наступила ответственная пора. «Особливое место в ряду обычных праздников занимают юбилейные дни текущего года. Много труда в преддверии их выпало на долю костромских городских и ближайших к ним школ. Ежевоскресно, а в конце года ежедневно, устраивались в них спевки, довольно часто – сводные уроки гимнастических упражнений, разучивались стихотворения, читались статьи, имеющие отношение

к предстоящим торжествам ... 14 марта, в день вступления на престол Михаила Федоровича, после литургии был устроен исторический вечер, на котором в присутствии Архиепископа Тихона и Преосвященного Амвросия, Епископа Михайловского, соединенным хором учащих церковных школ было исполнено несколько священных песнопений и патриотических гимнов... Вечер закончился раздачей книг «Царствование Дома Романовых» и образков Феодоровской Божией Матери»⁹.

«Истории Царствующей династии Романовых в отчетном году во всех школах было отведено видное место, так что ... дети во всех школах были подготовлены у сознательному участию в юбилейном праздновании 300-летия Дома Романовых. Особенно это надо сказать о школах г. Костромы и тех сельских, которые удостоились лицезреть Государя ... Военный строй и гимнастика преподавались во всех школах Костромы и некоторых сельских. В костромских школах занятия проводились унтер-офицерами Пултусского пехотного полка под руководством штабе-капитана Оссовского. В школах, готовящихся к юбилейным торжествам, имели место сводные уроки военного строя с деревянными ружьями... К весне хор учащих, путем ежедневных напряженных усилий, был доведен до возможного совершенства и окончательно был приготовлен в сретение Государя»¹⁰, – повествовал епархиальный наблюдатель церковно-приходских школ Костромской епархии.

Перед юбилейными торжествами проводились репетиции общего хора школьников, в который вошли 350 человек из числа учащих всех городских школ, и около 250 учащих Нерехтского и Кинешемского уезда. Сводный хор школьников составил ок. 600 певцов, – подтверждал «Поволжский вестник»¹¹.

Порадовать своим искусством высочайших особ сводному хору, однако, не довелось. В первый день визита хористы были расставлены «шпалерами по обеим сторонам Царского пути»¹² и лишь однажды подали голос, когда «восторженными криками провожало Костромское Дворянство своих дорогих АВГУСТЕЙШИХ Гостей. Крики эти моментально подхвачены были стоявшими по пути следования ИХ ИМПЕРАТОРСКИХ ВЕЛИЧЕСТВ воспитанниками и воспитанницами учебных заведений Костромской губернии»¹³. И на следующий день «к линии войск примкнули и спустились по Ильинскому спуску к реке Волге, вплоть до городской Царской пристани, шпалеры воспитанников средних и нисших учебных заведений Костромской губернии, каждое училище с своим значком и под командой своих учителей... Сквозь гущу всей многотысячной народной массы, от пристани – вверх по Ильинской улице, до Соборной площади, виднелась узкая линия Царского пути, окаймленная двумя тонкими белыми лентами – шпалерами потешных с ружьями, воспитанников различных учебных заведений Костромской губернии. Сменяясь один другим, по обе стороны пути следования ИХ ИМПЕРАТОРСКИХ ВЕЛИЧЕСТВ стояли отряды гимназистов, реалистов, учеников городских школ и, примыкая уже к настоящим войскам, молодецки выровнялась сводная рота потешных (также учащих) Северных железных дорог, в защитного цвета рубахах, с ружьями и собственным оркестром...»

Именное название, ни особого внимания высочайших особ, ни каких бы то ни было привилегий Романовской ЦПШ не принесло. Она по-прежнему осталась на скромном содержании Костромского епархиального училищного совета и – несмотря на название – не являлась ни приходской, ни монастырской¹⁴. Ее учителем состоял псаломщик Богородице-Феодоровской церкви при костромском тюремном замке (с сентября 1913)¹⁵ Александр Заболотский¹⁶, а заведующим и законоучителем (до сентября 1916 года) – священник Успенской церкви Андреевской слободы, что близ Ипатьевского монастыря, Михаил Звездкин¹⁷, 21 февраля 1913 года награжденный камилавкой¹⁸ и 1 сентября того же года утвержденный членом управления епархиального свечного завода в Ипатьевском монастыре¹⁹. В последнем учебном 1916/1917 году законоучителем Романовской ЦПШ был иеромонах Ипатьевского монастыря Иоанн²⁰.

Примечания

¹ Полный православный богословский энциклопедический словарь: в 2 т. / изд. П. П. Сойкина. СПб., б.г. Т. 2. Стб. 2167; Митрополит Мануил (Лемешевский) Русские православные иерархи периода с 1893 по 1965 годы (включительно). Эрланген, 1989. Т. VI. С. 292–293.

² ГАКО. Ф. 438. Оп. 1. Д. 1193. Л. 6, 37–39 об.

³ Там же. Л. 51–51 об.

⁴ КЕВ. 1912. № 15. Отд. оф. С. 304–305.

⁵ ГАКО. Ф. 438. Оп. 1. Д. 1654. Л. 8–9 об., 10–11 об.

⁶ Там же. Д. 1099. Л. 25–29.

⁷ Там же. Л. 1–2 об.

⁸ КЕВ. 1913. Приб. к № 22/23. С. 13.

⁹ *Казанский К.* Отчет о состоянии церковных школ Костромской епархии в учебно-воспитательном отношении за 1912/13 уч. г. // КЕВ. 1914. № 14. Отд. оф. С. 422.

¹⁰ Там же. С. 401–404, 423.

¹¹ К организации хора школьников на предстоящих торжествах // Поволжский вестник. 1913. № 2027. С. 4.

¹² Виноградов Н. Н. Празднование трехсотлетия царствования Дома Романовых в Костромской губернии 19-21 мая 1913 года / сост. Н. Н. Виноградов; изд. КГУАК. Кострома: Губ. тип., 1914. С. 77.

¹³ Там же. С. 91–92.

¹⁴ ГАКО. Ф. 438. Оп. 1. Д. 1193. Л. 1.

¹⁵ КЕВ. 1913. № 19. Отд. оф. С. 376.

¹⁶ ГАКО. Ф. 438. Оп. 1. Д. 1193. Л. 11; Д. 1226. Л. 15.

¹⁷ Там же. Д. 1193. Л. 2; Д. 1226. Л. 1.

¹⁸ КЕВ. 1913. № 5. Отд. оф. С. 92.

¹⁹ Там же. № 19. Отд. оф. С. 436.

²⁰ ГАКО. Ф. 438. Оп. 1. Д. 1226. Л. 1.

К. Е. Балдин
г. Иваново

КРУЖОК ЛЮБИТЕЛЕЙ ХУДОЖЕСТВ В ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСКЕ (1911–1917 ГГ.)

В начале XX в. в российской провинции некоммерческие и неолитические организации стали появляться сначала десятками, а потом сотнями. Особенно активизировался этот процесс после революции 1905–1907 гг., в этом отношении особенно важное значение имели демократические свободы, объявленные в Манифесте 17 октября 1905 г. и «Временные правила» о союзах, принятые 4 марта 1906 г. В одном только безуездном городе Владимирской губернии Иваново-Вознесенске в начале XX столетия насчитывалось несколько десятков общественных объединений – благотворительных, просветительных, досуговых, спортивных и др. Свое важное место среди них занимал кружок любителей искусств, который объединял элиту местного образованного общества.

Профессиональные художники появились в Иваново-Вознесенске в конце XVIII – начале XIX вв. К концу позапрошлого столетия их в городе работало уже несколько десятков. Но в отличие от многих крупных губернских центров, это были не живописцы, а рисовальщики, а еще точнее – художники текстильного рисунка. Это была особая каста несомненно творческих людей, мало связанных друг с другом, впрочем, они и не стремились к объединению. Не было случая, чтобы до революции в Иваново-Вознесенске проходили какие-то общегородские выставки текстильных рисунков. Если в столицах гремели сражения между академистами и реалистами, посетители ходили на выставки передвижников, а затем – «Мира искусства» и других объединений, то в Иваново-Вознесенске художественная жизнь до начала XX в. практически отсутствовала.

Пробуждению ее способствовали педагоги учебных заведений, преподававшие в них рисование. Первым из них стал статский советник Л. В. Самыгин, который работал в местном реальном училище. В 1903–1905 гг. он устроил у себя на дому несколько выставок своих картин. По мнению самого Самыгина они не имели успеха: «Два чиновника, трое рабочих, пять-шесть учащихся – вот посетители первых выставок», – вспоминал Самыгин о первых художественных экспозициях в Иваново-Вознесенске.

В 1906 г. Л. В. Самыгин совместно с А. А. Синевой устроил выставку картин, а также мебели в русском стиле, которая прошла в Иваново-Вознесенской женской профессиональной школе. Таким образом, выставки становились уже не домашними, а публичными.

Особого зала для показа картин в городе не было, поэтому приходилось арендовать случайные помещения. В 1907 г. выставка прошла в доме Безрукова на Новой улице. Кроме Самыгина на ней выставил свои картины художник С. П. Бурьлин. Эта выставка была первой, пробудившей интерес у широкой публики к живописи. В выставке 1909 года, проходившей в доме Д. Г. Бурьлина, участвовали Л. В. Самыгин, С. П. Бурьлин, И. И. Трифонов, С. Сыров, А. Беляев. Здесь впервые были показаны детские рисунки, авторами которых юные художники 8–12 лет¹.

В выставке 1910 г. участвовали уже 11 художников. Кроме перечисленных выше экспонентов предыдущего года, свои картины показали М. Бубнов, И. Бубнов, А. Королев, С. Смирнов, А. Шахов. Как сообщала газета «Ивановский листок», работы живописцев можно было посмотреть в доме Кулакова на Песках, вход был открыт ежедневно с 12 до 19 часов пополудни. Плата за это удовольствие была невелика – 30 коп., для детей – 15 коп.²

В 1911 г. выставка, устроенная в летнем саду приказчиков, собрала уже 26 участников. Помимо завсегдаев, выставившихся уже не первый год, в 1911 году здесь показал свои картины известный впоследствии ивановский пейзажист И. Нефедов. В первые дни на выставке бывало по 200 посетителей, а всего с экспозицией ознакомился 1 251 чел.³

Постоянное общение местных художников как на выставках, так и в неформальной обстановке, привело их к идее официально оформить объединение. 29 января 1911 г. состоялось собрание местных художников, которые решили создать в Иваново-Вознесенске организацию под названием «Кружок любителей живописи, ваяния и зодчества». Однако архитекторов в городе можно было пересчитать по пальцам, впоследствии в списке членов кружка фигурировал только один зодчий – П. А. Трубников. Что касается скульпторов, то их в Иваново-Вознесенске как видно не было. Поэтому при обсуждении устава будущей организации ей решили дать более краткое название: «Кружок любителей художеств».

Устав был утвержден губернатором 13 декабря 1911 г. Целью организации было «сближение» художников, архитекторов, скульпторов, фабричных гравиров, фотографов, развитие в их среде эстетического вкуса. Кружок планировал открыть художественную студию для совместных занятий рисованием и лепкой, устраивать, как и ранее, выставки, организовать свою искусствоведческую библиотеку. Члены должны были внести при вступлении в общество 2 р., ежегодный взнос составлял 3 р.⁴

В самом начале своей деятельности кружок насчитывал 85 членов, в конце 1912 г. – 119 чел. В его состав входили преподаватели рисования местных учебных заведений, мастера текстильного рисунка с фабрик, художники-любители и просто поклонники искусств. Членом кружка был московский предприниматель П. А. Бурьшкин – автор известных мемуаров «Москва купеческая». Как и в другие общественные организации, в кружок входили местные фабриканты, оказывавшие ему материальную помощь.

Почетными членами кружка являлись две супружеские пары Бурьлиных – Дмитрий Геннадьевич с Анной Александровной и Николай Геннадьевич с Надеждой Харлампиевной. В почетные члены был также избран известный в России меценат, покровитель искусств граф А. А. Бобринский, вдова Л. Н. Толсто-го – графиня Софья Андреевна⁵.

Председателем комитета (т.е. правления) кружка с самого его возникновения и до начала 1916 г. являлся К. Н. Кривобоков. Он преподавал в местном реальном училище, дослужился до чина статского советника, который придавал весомость просьбам и инициативам, с которыми выступал кружок перед начальством. В состав правления входили также А. А. Никифоров, А. О. Шейман, Л. В. Самыгин, И. Д. Шелошенко, они преподавали рисование или живопись в местном реальном

училище или в профессиональной рисовальной школе. В состав ревизионной комиссии неоднократно избирался талантливый архитектор П. А. Трубников⁶.

Кроме того, в кружке был предусмотрен пост почетного председателя. Им на протяжении всей истории общества был Дмитрий Геннадьевич Бурылин. Он финансировал выставки, которые устраивались кружком, собрания кружка проводились в музее, построенном Д. Д. Бурылиным. Выбор его почетным председателем был обусловлен и тем, что он являлся знатоком искусства, собрал уникальную коллекцию редкостей и древностей.

Безусловно, наиболее крупными событиями в жизни кружка были выставки, которые проходили практически ежегодно. На устройство каждой требовалась санкция начальства. Полицмейстер по требованию губернатора лично осматривал перед открытием все экспонаты и в меру своего художественного вкуса определял – что оставить на выставке и что снять.

В этой связи типичным был случай, происшедший на выставке, состоявшейся на Рождество с 26 декабря 1913 по 6 января 1914 года. Забавная и в то же время печальная история произошла с известным ивановским художником Тульевым. Жил он бедно и, будучи семейным, сильно нуждался. Он служил ретушером в частной фотографии и подрабатывал тем, что рисовал французским углем или карандашом портреты с фотографий. Это было трудоемкое дело, а получал он мало – всего по 5–6 р. за портрет. На выставке 1913–1914 г. им были представлены два карандашных портрета Д. Г. Бурылина. По отзыву С. П. Бурылина они были выполнены превосходно. На той же выставке Тульев решил показать несколько копий углем с картин известных художников. Среди них была и копия с полотна Бутеро, изображавшего обнаженную женщину в анфас и полный рост. Копия была выполнена мастерски и не содержала ничего непристойного. Однако, полицмейстер Авчинников, осматривавший выставку накануне ее открытия, в категорической форме потребовал убрать ее. Это больно ударило Тульева как по самолюбию, так и по карману, т.к. он надеялся продать эту картину, над которой долго и тщательно работал⁷.

Основательно готовилась выставка, назначенная на конец 1914 – начало 1915 г. Все расходы по ее устройству взял на себя Д. Г. Бурылин, он же предоставил для выставки свой музей. Доход от выставки планировалось использовать для устройства приюта для воинов, получивших увечья на фронтах Первой мировой войны. К участию были приглашены различные художественные учебные заведения, в том числе – столичные, фабрики – как местные, так и иногородние. Выставку, учитывая ее характер, решено было назвать художественно-промышленной. Накануне были опечатаны и расклеены по городу афиши, издан каталог. Эскизы афиш и пригласительных билетов были выполнены учениками местной рисовальной школы⁸.

26 декабря 1914 г. выставка торжественно открылась при большом стечении публики. Играл оркестр музыкального училища и пел хор Благовещенской церкви. Все обширное здание музея было отдано Д. Г. Бурылиным под выставку.

В цокольном этаже располагалась диорама, напоминавшая зрителям о трудном военном времени, которое переживала страна. Диорама представляла собой искусно воспроизведенный зимний пейзаж – поле боя, на котором еще совсем недавно гремело сражение. На переднем плане валялись винтовки, брошена амуниция. Здесь в редком ельнике оставлен на произвол судьбы раненый солдат,

которого атаковала стая волков. Он отстреливался и несколько хищников уже лежали убитые. Эта жутковатая композиция была задумана местным охотником В. С. Плужанским, им же были пожертвованы для нее чучела волков.

Наиболее интересные экспонаты ждали посетителей, поднявшихся на второй этаж. Здесь были размещены картины из коллекции Бурьлина, в том числе полотна Айвазовского, Шишкина, Поленова, Верещагина, Бенуа, Якоби, Клевера. Здесь же были принадлежавшие Дмитрию Геннадьевичу работы скульпторов Микешина и Шервуда.

Широко было представлено на выставке творчество членов художественного кружка. С. П. Бурьлин выставил свои пейзажи «Перед дождем», «Июльский день», «Вечер». Зодчий П. А. Трубников показал архитектурные проекты квартиры для фабричных служащих, фабричной конторы и церкви. Его таланты не ограничивались архитектурой, на выставке посетители могли увидеть и его полотно, называвшееся «Этюд». Брат П. А. Трубникова – Дмитрий Алексеевич представил на суд зрителей картины «Весна», «Зима» и др. Выставил картины из своей домашней коллекции страхового агент И. Е. Сакин, это были работы его дочери В. И. Сакиной. Судя по названиям это были сентиментальные вещицы: «Икона с лампадкой», «Сиротка», «Головка». На выставке были представлены также работы московских и саратовских художников второго и третьего ряда⁹.

На втором этаже особый отдел занимали серебряные изделия артели их села Красного Костромской губернии, известного своими кустарями-ювелирами; цепочки, запонки, брелки, солонки, ножи для разрезания бумаги и другие симпатичные мелочи. Стенды с фарфором занимала продукция всероссийски известной фирмы «Товарищества М. С. Кузнецова», владевшей несколькими заводами. Фирма Кузнецова показывала свои чашки, вазы, блюда, солонки, ковши.

Раз художественно-промышленная выставка проходила в Иваново-Вознесенске, то можно было бы ожидать на ней разноцветья местных ситцев. Однако по каким-то причинам ни одна (!) из местных фабрик не откликнулась на приглашение принять участие в выставке. Зато здесь показывала свою продукцию крупнейшая московская фирма – Прохоровская мануфактура. Были представлены также льняные изделия фабрики В. Дороднова из села Яковлевского – нарядные платки и скатерти. Иваново-Вознесенская женская профессиональная школа демонстрировала искусство своих учениц – вышитые салфетки, подушки, кофты, фартуки, сумочки.

Был на выставке и военный отдел. В нем было собрано то, что военным корреспондентам газеты «Русское слово» удалось собрать на поле боя, экспонаты прислала редакция газеты. Это было немецкое и австрийское вооружение, ранец, патронташ, сабля, турецкая пуля «дум-дум». Большой интерес вызвал осколок снаряда, выпущенного немецким крейсером «Гебен» при обстреле мирного российского порта Батум 27 ноября 1914 года.

Весь третий, т. е. верхний этаж музея занял кустарный отдел. Здесь были расположены изделия ремесленников Московской, Владимирской и Костромской губерний – игрушки, куклы, подносы, вышивки, ткани¹⁰.

Выставка работала две недели и была открыта с 10 часов утра до 10 вечера. В день ее открытия билет стоил 1 рубль, поэтому на эту презентацию прибыли только именитые посетители. В дальнейшем билет стоил 25 к., для детей – 10 к.,

нижние чины могли посмотреть экспозицию совершенно бесплатно. В общей сложности выставка дала прибыль в 1147 р.¹¹

Этого было явно недостаточно для приюта увечных воинов, который был задуман художественным кружком, даже если учесть, что Д. Г. Бурылин пожертвовал для лазарета еще 10 тыс.р. в процентных бумагах. Решено было устроить для пополнения денежного фонда приюта еще одну выставку, которая также имела самостоятельное и художественное значение. Выставку назначили на весну 1916 г., как и прежде Д. Г. Бурылин любезно предоставил для нее помещение музея. Экспозицию сделали тематической и назвали «Война и искусство». Заранее в различные организации и фирмы были разосланы приглашения. В них формулировались задачи выставки – показать вооружение врагов России, выяснить влияние войны на искусство. До начала апреля шел сбор экспонатов, которые присылали и из других городов. Расходы по их пересылке кружок брал на себя. Всеми организационными хлопотами ведала комиссия, возглавлявшаяся И. И. Трифоновым, ему помогали Л. В. Самыгин, И. Н. Нефедов и др.

Под выставку были отданы пять залов бурылинского музея. Как и год назад здесь был обширный отдел военных трофеев. Вниманию посетителей была представлена новая панорама под названием «Окоп». Из местных фабрик только Куваевская мануфактура показала своей военный ассортимент – палатки из ткани защитного цвета и корпуса трехдюймовых снарядов. Особенностью этой выставки был довольно большой отдел детских рисунков, отобранных членами общества (учителями рисования) в реальном училище, частной гимназии Крамаревской и в рисовальной школе.

Военная тема на выставке была отражена в творчестве нашего земляка художника И. Н. Нефедова, он показал два своих рисунка: «Сестра милосердия» и «Все для войны». Художник Л. О. Пастернак выставил свои рисунки «Раненый часовой», «В лазарете за игрой в шашки». Здесь же экспонировались работы знаменитостей – А. М. Васнецова и А. Е. Архипова.

Билеты на эту выставку для разных категорий стоили 80, 40 и 5 копеек. Выставку посетили 7620 человек, сбор с нее составил 1297 рублей¹². Организация выставок была гласным направлением деятельности кружка, но не единственной. Через год после начала работы художественного объединения в Иваново-Вознесенске было положено начало его библиотеке. Почетный член организации граф А. А. Бобринский подарил местным любителям изданные им дорогие книги по искусству – несколько выпусков «Народных русских деревянных изделий» и «Орнамент горных таджиков». Еще один почетный член организации Софья Андреевна Толстая прислала в Иваново-Вознесенск 20-томное собрание сочинений своего покойного мужа. Были приобретены такие капитальные издания как «История русского искусства» И. Грабаря и «История живописи всех времен и народов» А. Бенуа. Д. Г. Бурылин с 1913 г. подписывал кружок на журнал «Голос минувшего». Организация получала также такие периодические издания как «Солнце России», «Искусство», «Свободное художество». Кроме того, кружок получал иностранные искусствоведческие журналы на английском языке «Студия» и «Искусство и декорация». Вскоре для размещения этой литературы пришлось купить книжный шкаф. Он стоял

в помещении рисовальной школы, которая служила «штаб-квартирой» ивановских любителей изящных искусств¹³.

Руководство кружка предполагало устроить для своих членов и для всех любителей искусств цикл лекций. Однако заполучить квалифицированных лекторов из Москвы и Петербурга оказалось непросто. Удалось организовать только одну лекцию под названием «Пути русской живописи» с показом слайдов. Это мероприятие прошло в 1913 г. в помещении Нового клуба, перед аудиторией выступил председатель художественно-артистической ассоциации из Москвы Б. - Н. Курдиновский¹⁴.

Очень интересной была еще одна инициатива, зародившаяся внутри кружка. 5 мая 1912 г. на его общем собрании выступил член организации Сергей Сидорович Грачев – рисовальщик с фабрики Н. Дербенева, с предложением устроить в Иваново-Вознесенске «ситцепечатный музей» (так была сформулирована эта идея в делопроизводственных документах кружка). Других упоминаний об этой инициативе найти не удалось¹⁵. Однако сам по себе представляет большой интерес тот факт, идея об открытии музея ситцев появилась в начале нашего столетия. Реализована она была сравнительно недавно – в 1987 г. когда был открыт современный музей ивановского ситца.

История возникновения и деятельности кружка любителей искусств в Иваново-Вознесенске свидетельствует о том, что в провинциальных городах в начале XX в. постепенно начинают появляться ростки гражданского общества. О сформированном гражданском обществе в это время говорить не приходится, т. к. самостоятельных и самодеятельных организаций было сравнительно немного, а круг их участников был очень узок, охватывая лишь узкую прослойку интеллигенции и отчасти просвещенных предпринимателей.

Примечания

¹ Отчет кружка любителей художеств в г. Иваново-Вознесенске за 1912 г. Иваново-Вознесенск, 1913. С. 3.

² Ивановский листок. Иваново-Вознесенск. 1910, 6 марта.

³ Старый владимирец. Владимир. 1911, 20 апреля, 3 мая.

⁴ Устав кружка любителей художеств в г. Иваново-Вознесенске. Иваново-Вознесенск, 1912. С. 1–2, 4.

⁵ Отчет кружка любителей художеств в г. Иваново-Вознесенске за 1912 г. С. 5–6.

⁶ Государственный архив Ивановской области (далее – ГАИО). Ф. 4. Оп. 1. Д. 1239. Л. 62, 65, 70.

⁷ Рукописные воспоминания А. Я. Луганского. Музей писателей текстильного края в Ивановском государственном университете.

⁸ Государственный архив Владимирской области. Ф. 14. Оп. 4. Д. 4135. Л. 1, 4, 5.

⁹ Отчет кружка любителей художеств в г. Иваново-Вознесенске за 1914 г. Иваново-Вознесенск, 1915. С. 31, 37.

¹⁰ Там же. С. 33, 35.

¹¹ Там же. С. 26.

¹² ГАИО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1239. Л. 77, 81.

¹³ Отчет кружка любителей художеств в г. Иваново-Вознесенске за 1912 г. С. 8–9.

¹⁴ Отчет кружка любителей художеств в г. Иваново-Вознесенске за 1913 г. Иваново-Вознесенск, 1914. С. 4.

¹⁵ ГАИО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1239. Л. 19.

Н. В. Мухачев
г. Кострома

ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОБЩЕСТВ ТРЕЗВОСТИ ВЕРХНЕВОЛЖЬЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В истории России середина XIX в. была временем обострения противоречий в социально – экономической и политической сферах. Важным явлением в общественной жизни того времени являлось крестьянское движение, одной из форм которого было так называемое «Трезвенное движение» 1858–1860 гг.

В самой деревне неперенным элементом народного быта сделались кабаки и трактиры. Необходимость борьбы с пьянством становилась очевидной и власти и обществу.

Упор делался на общества трезвости, призванные научить «простой народ и фабричных более разумным развлечениям». Деятельность энтузиастов, открывших первые общества, могла обрести общенациональную значимость и эффективность при известной популяризации и согласованности действий. Для антиалкогольной пропаганды решено было использовать православную церковь. Считалось, что церковный приход является готовой структурой для массивной компании по искоренению пьянства. В 1889 г. Святейший Синод издал указ, в котором говорилось, «что не прекращающееся донныне пьянство среди низших классов городского и сельского населения весьма усиливается», в связи с чем священникам предписывается всемерно содействовать возникновению обществ трезвости¹.

От членов общества требовался отказ от употребления спиртных напитков, особенно в праздники, связанные с выполнением церковных обрядов, а также избавление от дурных привычек, сопутствующих, как считалось, пьянству – сквернословия, курения и картежной игры. В качестве «вознаграждения» предполагались меры особой социальной поддержки семей трезвенников (организация касс взаимопомощи, похоронных касс, отделений помощи погорельцам и т. п.)².

Первые церковно-приходские общества трезвости в Верхневолжских губерниях начали создаваться: в Костромской губернии при Покровской церкви с. Смольница Галичского уезда в 1887 г.; при церкви с. Матвеева Кологривского уезда в 1888 г. и в с. Ильинском на реке Шаче Буйского уезда в 1890 г.; Ярославской губернии – Христорожденственское на Ухре при погосте Даниловского и в с. Ильинское Пошехонского уездах в 1890 г.; Вологодской губернии – Часовское в Яренском уезде в 1890 г., Чивозерское в Сольвычегодском и Вахомское в Николаевском уездах в 1891 г.; Владимирской губернии – в с. Торчинское Суздальского уезда и Щербовское в 1890 г.; Тверской губернии – Спас – Митековское в Ржевском и Зубцовском уездах в 1891 г.³

Направление церковной деятельности стал контролировать Костромской епархиальный комитет народной трезвости, учрежденный в декабре 1907 г. В 1911 г. в епархии имелись 254 подобных общества, только в 226 из них насчитывалось около 11 780 чел. В общества принимались люди всякого звания, обо-его пола не моложе 15-ти лет, не только предающиеся спиртному, но и трезвенники. Целью обществ провозглашалось: всеми возможными нравственными

и материальными мерами содействовать отрезвлению жителей прихода и поднятию уровня религиозно-нравственного состояния вообще, а в частности – содействовать отрезвлению и восстановлению семейного и имущественного благополучия отдельных лиц в приходе, способных к исправлению. Сочувственно к обществам отнеслись фабриканты, давая денежные пособия на устройство читален, чайных⁴.

В мае 1910 года на первом съезде деятелей церковных обществ трезвости Ярославской епархии в 900 приходах числилось 52 общества трезвости с 69 581 человек⁵.

Всех обществ трезвости в Костромской епархии по имеющимся отчетам и сведениям к концу 1913 года состояло 340, из них 27 обществ было открыто вновь в течение 1913 года. В 281 приходских обществах трезвости в 1913 г. всех трезвенников насчитывалось 14 747 чел. обою пола, что составляло по 52 чел. на общество⁶.

Для достижения цели искоренения и ослабления пьянства, общества трезвости и словом и делом распространяли в народной массе понятия о пользе трезвой и трудовой жизни. С этой целью, общества открывали чайные и дешевые столовые, народные библиотеки и читальни, устраивали публичные народные чтения, книжные склады, разумные народные развлечения, воскресные школы, организовали материальную помощь нуждающимся, конторы для приискания занятий, лечебницы для алкоголиков, издавали полезные книги и т. д.

Обыкновенно общество трезвости начинало свою деятельность с устройства чайной. Чайная, доставляя за умеренную плату невинный напиток, отвлекала рабочий люд от питейных домов и кабаков – этих рассадников безнравственности и разрушения здоровья, и служила для простого народа учителем порядка и дисциплины. При чайной в скором времени возникала народная библиотека и читальня, которая служила проводником полезных чтений. Таковы, обыкновенно, первые шаги обществ трезвости на пути к осуществлению своей деятельности.

Народные библиотеки – читальни разрешались местным губернатором. Для широкого доступа, желательного, чтобы в библиотеках существовало бесплатное пользование книгами. 11 июня 1894 г. по высочайшему повелению были допущены издания к народным чтениям, а с 28 января 1901 г. народные чтения, устраиваемые при учебных заведениях министерства народного просвещения⁷. Для устройства публичных народных чтений требовалось разрешение директора народных училищ и уездного отделения епархиального училищного совета. Органами распространения просвещения и развития в народе являлись книжные склады, которые разрешались в провинции местным губернатором и продавались все незапрещенные цензурой издания.

С введением казенной продажи вина в районе винной монополии устраивались правительственные попечительства трезвости. Устав попечительств о народной трезвости высочайше утвержден 20 декабря 1894 г. Попечительства состояли в ведении министерства финансов по главному управлению неокладных сборов и казенной продажи питей. Уездные предводители дворянства назначались во главе губернских и уездных комитетов попечительств о народной трезвости⁸. Делами попечительств заведовали губернские и уездные комитеты.

Губернский комитет состоял под председательством губернатора, первыми членами губернского попечительства о народной трезвости были епархиальные архиереи, депутаты от духовенства, губернский предводитель дворянства, председатель и прокурор окружного суда. Состав уездных попечительств о народной трезвости по своему характеру был также административным, их целью было: распространение среди населения здравых понятий о вреде пьянства; попечение об открытии и содержании лечебных приютов для страдавших запоями; надзор за торговлей крепкими напитками по установленным правилам; содействие друими учреждениям, стремившимся к достижению тех же целей⁹.

В 1897 г. Попечительства существовали уже в 20 губерниях, а в 1898 г. – в 35 губерниях России. Помимо непосредственного нравственного воздействия на народ, та же цель отвлечения народа от пьянства достигалась попечительствами посредством устройства разных предприятий для разумного заполнения досуга населения – предприятий, которые создавали общедоступную обстановку как для подкрепления физических сил и здорового отдохновения от трудов (чайные, столовые, гулянья, танцевальные вечера), так и для умственного и эстетического развития (публичные чтения, библиотеки и читальни, вечерние классы, воскресные школы, спектакли, концерты и т. п.).

Потребность в книгах, главным образом для читален и библиотек, а затем и для желающих приобретать книги в собственность, наконец, дороговизна выписки книг из центров в розницу вызвали организацию местных книжных складов.

При всей несомненной пользе библиотек и читален, все-таки они служили для небольшой, грамотной части населения и лишь косвенно, когда книги брались для семейного чтения, имели значение и для более широкого круга. Для массы же сельского и городского рабочего люда, книга становилась доступной лишь путем публичных чтений, к устройству которых деятели комитетов обращались с особой охотой. Картины, волшебные фонари и другие необходимые для устройства чтений приспособления большею частью закупались уездными (а иногда и губернскими) комитетами для потребностей всего уезда и пересылались из одного пункта в другой.

Упрощенный вид публичных народных чтений представлял собой практикующиеся во многих чайных демонстрации, с краткими лишь пояснениями на словах.

В области развлечений, отвлекающих народ от нетрезвого праздничного препровождения времени, большим успехом пользовались гулянья и танцевальные вечера, местами практиковалось устройство концертов, елок и прочих увеселений.

Какие же были отзывы населения о деятельности попечительств о народной трезвости в разных сферах? «В городской чайной замечено, что она успела приобрести постоянных посетителей, которые ежедневно, в известные часы, являются в чайную пить чай, читать газеты или же играть в шашки. Это отрадное явление несомненно указывает на благотворное влияние чайных и позволяет думать, что учреждения эти уже начинают приобретать столь желательный характер народных клубов». (Смоленская губерния)¹⁰.

Костромское губернское попечительство о народной трезвости было основано 5 апреля 1901 г. Оно нашло самым здоровым открыть, прежде всего, дешевые

чайные-библиотеки, где бы народ смог проводить свободное время и отвлекаться от порока пьянства. Так, в 1901 г. было открыто 4 чайных – читальни от попечительства в городах: Костроме, Нерехте, Ветлуге и Кологриве и 2 в селах: Середы Нерехтского и Баках Варнавинского уездах.

В 1903 г. деятельность попечительства выразилась в содержании 26 чайных, 25 библиотек, 6 книжных складов, 3 воскресных школ и организации 534 народных чтений с привлечением 63 тысячи слушателей, 14 театральных представлений и 7 танцевальных вечеров, народных гуляний и т. п. развлечений¹¹.

В 1904–1905 гг. Костромское губернское попечительство о народной трезвости имело: 21 и 25 чайные – столовые, народные дома в городах Костроме, Ветлуге и Макарьево, 43 и 53 библиотеки – читальни, 5 и 22 книжных складов, 32 и 5 воскресных школ. Проведено – 562 и 479 народных чтений, 19 и 38 театральных представлений и 25 танцевальных вечеров (1905г.)¹²

В 1913 году количество обществ трезвости в Костромской губернии по уездам составило – 348¹³.

Насколько деятельность общества трезвости соответствует правительственным взглядам, видно также из того, что та же программа деятельности указана правительственным попечительствам в неоднократных циркулярах министра финансов. В числе рекомендуемых мероприятий министр финансов указывает на устройство чайных, столовых, читален, народных чтений, театров и прочее¹⁴.

В 1913 г. министерство внутренних дел внесло в Государственный Совет законопроект о новой организации попечения о народной трезвости. Сущность проекта сводится к следующему: попечение о народной трезвости составляет государственную задачу, выполнение которой возлагается на губернатора и уездные земские учреждения, городские общественные управления и комитеты о народной трезвости. Непосредственное участие в деятельности попечения о народной трезвости принимает духовенство. Общее заведование попечением о народной трезвости сосредотачивается в министерстве внутренних дел и главном управлении по делам местного хозяйства¹⁵.

Таким образом, в Верхневолжских губерниях с 1898 г. началась подготовка в организации попечительства о народной трезвости, на которые возлагалась организация здорового досуга. В начале XX в. общества трезвенников действовали по всей России. Их основными задачами была борьба с пьянством в крестьянской среде. Именно просветительской работой в обществах, населению удалось внушить, что пьянство – это не освященный традицией ритуал, а серьезный социальный недуг, бороться с которым следует всем миром. Возглавить его обязан естественный наставник православных сограждан – приходской священник.

Успех модернизации любого общества в значительной степени связан со способностью противостоять негативным побочным явлениям этого процесса. В 1914 г. императорским указом в России вводится закон о трезвости; 1985–1987 гг. проводится антиалкогольная кампания в СССР; 2009 г. Правительством РФ разработана долгосрочная антиалкогольная программа, в том же году аналогичная программа утверждена и в Костромской области.

Примечания

¹ См.: Церковные ведомости. 1889. № 34.

² См.: «Устав» и «Правила» Власьевского Казанского общества трезвости // Тверские епархиальные ведомости (ТЕВ). 1907. № 18. С. 436–446.

³ См.: Костромские епархиальные ведомости (КЕВ) № 9, 1.05.1914. Отчет Костромского епархиального комитета народной трезвости за 1913 год. С. 1–24; Трезвая жизнь № 11, 1912. Список обществ трезвости в России. С. 522; Там же № 12, 1912. С. 611; Гудков Б. И. Деятельность церковно – приходских обществ трезвости Нижегородской губернии в конце XIX – начале XX в. // Мининские чтения: Материалы научной конференции. Н. Новгород, 1992. С. 81; Русские общества трезвости, их организация и деятельность в 1892–1893 гг. / сост. Н. И. Григорьев. СПб., 1894. С. 25; Трезвая жизнь № 11, 1912. С. 525; там же № 12, 1912. С. 613–616; Тверские губернские ведомости (ТГВ). № 18, 1905. С. 3.

⁴ См.: *Бердова О. В.* Культурная жизнь Костромской губернии в зеркале периодической печати конца XIX – начала XX века. Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2002. С. 179.

⁵ См.: Ярославские епархиальные ведомости (ЯЕВ) № 28, 10.07. 1911. С. 211–216.

⁶ См.: Костромские епархиальные ведомости (КЕВ) № 9, 1.05.1914 г. Отчет Костромского епархиального комитета народной трезвости за 1913 год. С. 1–24.

⁷ См. Трезвая жизнь. № 1, 1905. Мордвинов И. П. Трезвость и просвещение. С. 72–94.

⁸ См.: Общества трезвости, их цель и деятельность. Владимир, 1900. Типография губернской земской управы. С. 2; Там же. С. 3–5.

⁹ Энциклопедический словарь / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. Т. 48. С. 547.

¹⁰ См.: Статистика по казенной продаже за 1897 и 1898 гг. СПб. 1901. С. 256–257.

¹¹ См. Отчет о деятельности Костромского попечительства о народной трезвости за 1903 год. Кострома, 1904. С. 13–18.

¹² См.: Там же. Отчет за 1904 год. Кострома, 1905. С. 3–15; Там же. Отчет за 1905 год. Кострома, 1906. С. 3–29.

¹³ См.: *Бердова О. В.* Культурная жизнь Костромской губернии в зеркале периодической печати конца XIX – начала XX века. Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2002. С. 180–181.

¹⁴ См.: Общества трезвости, их цель и деятельность. Владимир, 1900. Типография губернской земской управы. С. 5.

¹⁵ См.: Костромские епархиальные ведомости. № 9, 1.05.1913. С. 340.

Н. Н. Бобков
г. Кострома

**ПОИСК АЛЬТЕРНАТИВНЫХ ФОРМ ДЕТСКОГО
И МОЛОДЕЖНОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА**

В конце XIX – начале XX вв. Россия вступает в период ускоренной модернизации. В данных исторических условиях особое значение приобретает формирование новой личности. Новые формы работы с детьми стали искать различные социальные и политические институты российского общества. В 90-х гг. XIX в. в России появились разнообразные общественные объединения, занимающиеся проблемами детства. Эти объединения были непрочны, часто и быстро

возникали, но так же часто и быстро распадались. Среди наиболее известных: «Комитет содействия молодым людям в достижении нравственного и физического развития» в Санкт-Петербурге (1900 г.), «Майский союз» в Иркутске (1901 г.), «Общество школьных вакационных колоний» в Москве (1901 г.) и др.¹

Деятельность данных обществ, педагогические новации послужили основой создания разнообразных детских, подростковых объединений. В 1909 г. в России была переведена и издана книга Баден-Пауэлла «Скаутинг для мальчиков» (в России вышла под названием «Юный разведчик»). Основателем российского скаутского движения стал Олег Иванович Пантюхов. 30 апреля 1909 г. он организовал два отряда юных разведчиков в Павловске и Царском Селе, где дети два раза в неделю занимаются строем и гимнастикой, в проводимых играх участвует около 600 детей². В декабре 1915 г. на Первом Всероссийском съезде «инструкторов и лиц, интересующихся скаутизмом» были приняты основные документы, регламентирующие деятельность дружин и отрядов, сформулированы правила, законы, обычаи, утверждена форма скаута и т. п.³

В Верхнем Поволжье отряды скаутов появились в 1916 г.⁴ Наибольшее распространение в России и Верхневолжье в послереволюционные годы получил как направление скаутизма юкизм, появившийся в 1918 г. Помимо скаутских организаций, привнесенных в Россию извне, однако быстро прижившихся в ней, существовали самые различные детские и подростковые организации и объединения, главной особенностью которых было то, что многие из них были локальны, недолговечны и действовали изолированно друг от друга. Так по инициативе С.Т. Шацкого в 1905 г. были созданы первые клубы для детей рабочих в некоторых предместьях Москвы⁵. Массовый толчок созданию многих детских организаций и объединений дала Февральская революция. В 1917–1925 гг. в стране действовало 17 детских организаций⁶. Время от февраля до октября 1917 г. для многих детских и юношеских объединений послужило отправной точкой. Именно в это время зарождаются истоки многих союзов, объединений, организаций. Организации и объединения детей и юношества возникают, как правило, при участии взрослых. Примеров создания детских организаций самими детьми крайне мало. Так, после революции в д. Яковлевское Даниловского уезда Ярославской губернии образовался «Союз мальчиков» из подростков 16–18 лет. В своей программе они записали «Клянемся совестью свободного гражданина прекратить картежную игру, не ругаться скверными словами, не драться и не ссориться между собой, не воровать в огородах ягоды»⁷.

В создании организаций принимали активное участие политические партии. Это способствовало тому, что детские объединения не были едины в идеологических, политических, нравственных установках, в своих организационных построениях. Наряду с «политическими» объединениями детей намного шире были распространены различные культурно-просветительные, научные, спортивные объединения. Детских объединений, открыто стоявших на позициях буржуазных партий было мало, так как подавляющее большинство объединений детей организационно оформились уже после октября 1917 г. В 1917 – начале 1918 г. определенное влияние на детское движение оказывали партии эсеров и меньшевиков. Возникший в октябре 1917 г. Первый детский социалистический клуб

в г. Костроме, был организован меньшевистской интеллигенцией и вплоть до середины 1918 г. получал финансовую поддержку от города⁸. После Ярославского мятежа 6–21 июля 1918 г. детские организации эсеро-меньшевистской направленности распускаются.

Большое внимание работе среди детей уделяют РКП(б) и РКСМ. В резолюции III Всероссийского съезда РКСМ, состоявшегося в октябре 1920 г., говорится: «От постановки коммунистического воспитания детей, от их физического и духовного развития зависит создание нового поколения здоровых духом и телом строителей коммунистического общества. Поэтому вопрос о воспитании детей чрезвычайно важен для всего Советского государства»⁹. Вопросы о воспитании детей, о создании детских объединений регулярно рассматриваются в партийных организациях Костромы, Ярославля, Иваново-Вознесенска и других городов Верхнего Поволжья¹⁰. К временным детским объединениям можно отнести детские площадки и детские колонии. Срок их деятельности составлял от 20–30 дней до нескольких месяцев.

С детскими колониями российское общество познакомилось еще в самом начале XX в. В 1912 г. в Костроме были организованы летние детские колонии, о чем сообщалось в местной печати¹¹. Детские колонии существовали в Ярославле, Рыбинске, Ростове, Угличе, Шуе, Кинешме и др. городах¹². После революции, детские колонии в Верхневолжье как правило организовывались для больных детей. Причем Летние детские колонии были организованы таким образом, чтобы все дети смогли побывать две – три недели за городом в деревне¹³.

Еще до 1917 г. В России появились детские площадки. Целью организации детских летних площадок являлось предоставление детям возможности для физического развития, привлечения их к труду. Путем предоставления им разумных развлечений оградить детей от вредного влияния улицы. В Верхнем Поволжье появление детских площадок относится к началу XX в. Первоначально они устраивались в Костроме, Ярославле, Иваново-Вознесенске, Галиче и других городах исключительно частными организациями и лицами. Причем их количество было весьма незначительным 1–2 площадки в городе¹⁴. Лишь летом 1917 г. Демократическому женскому союзу при солидной финансовой поддержке удалось организовать это дело в более широких размерах. Так, в Костроме было организовано 4 детских площадки¹⁵. В 1918 г. в Костроме создается специальная комиссия по организации детских площадок, в которую вводятся представители губернского отдела народного образования, четырех фабрично-заводских комитетов, районного социалистического клуба и служащих на площадках¹⁶. Подобные комиссии создаются в Ярославле, Данилове, Мышкине, Иваново-Вознесенске, Кинешме, Юрьевце, Галиче, Буге, Кологриве.

Широкое распространение получили спортивные объединения, особенно в Иваново-Вознесенской губернии. В отличие от Костромской и Ярославской губерний, работу по физическому воспитанию допризывников предполагалось проводить в специальных спортивных клубах, учреждаемых во всех городах и больших селах¹⁷. В 1919 г. в губернии работали спортивно-гимнастический городок (Иваново-Вознесенск); кружок при спортивном обществе «Сокол» (Кинешма); клуб «Культура тела» (Шуя); спортивное стрелковое общество (Юрьевец);

спортивные кружки в деревнях: «Юный коммунист» в Кутилове, «Волна» в Алешкове, «Марс» в Борщеве и т. д. Юрьеvecкого уезда. Детские спортивные клубы существовали при спортивных обществах «Спартак» в Костроме, «Марс» в Рыбинске¹⁸. Дети с увлечением посещали занятия спортивных клубов: так вместе с мальчиками девочки «...аккуратно посещают занятия клуба» – отмечает Иваново-Вознесенская молодежная газета «Юный текстильщик»¹⁹.

Идея мировой революции, волновавшая в те годы умы многочисленных ее сторонников, способствовала развитию кружков эсперантистов. Идея эсперантизма всегда пользовалась симпатией со стороны юношества. Создаются всевозможные кружки юных эсперантистов, а в 1918 году организуется Всероссийский союз юных эсперантистов. Кружки юных эсперантистов организуются в Костроме, Рыбинске, а кружок юных эсперантистов Юрьеvца насчитывал около 300 человек²⁰.

Многие детские, подростковые организации не имели четкой идеологической направленности и занимались культурно-просветительной, хозяйственной деятельностью. Детские культурно-просветительные кружки существовали в основном в сельской местности, объединяя детей в возрасте 8–15 лет. Целью кружков являлось расширение кругозора детей, а зачастую, ликвидация детской неграмотности. Так, например, 21 февраля 1919 г. в д. Бандарки Пушкинской волости Мологского уезда Ярославской губернии открылся детский кружок для деревень Бандарки, Давыдово, Нажерово, Катино, Жужелтно и Глазково, который «вместе с тем стал и школой»²¹. Ребята из кружка «Звездочка» д. Куниково Костромского уезда на первом общем собрании выбрали правление, избрали председателя, и выработали правила, которым обязались подчиняться: «снимать шапки в помещениях, кланяться старшим, не браниться, не ходить в чайную, не драться, не курить»²². Культурно-просветительные кружки были так же организованы в Минском, Самети, Шунге, Гридине, Шувалове. Шуваловский кружок «Тишина» насчитывал 15 человек (8 мальчиков и 7 девочек). Возраст кружковцев – от 12 до 15 лет. Занятия проводились три раза в неделю. Кружок имел собственную библиотеку. 22-го февраля 1918 г. в Костроме был организован кружок рассказчиков, который впервые собрался в библиотеке-читальне имени А. Н. Островского. Инициатором кружка был городской инструктор по внешкольному образованию П. И. Кравченко. Кружок посещало 70 детей²³.

Начиная с 1917 г. в России возникли десятки детских допионерских организаций и объединений созданных на самостоятельной основе. Данные организации либо тяготели к компартии и комсомолу, либо действовали под их непосредственным руководством. В Верхнем Поволжье распространение получили детские социалистические клубы. Они существовали в Ярославле, Ростове, Рыбинске, Иваново-Вознесенске, Кинешме, Галиче, Буе, Кологриве, Макарьеvе, Нерехте и других городах, но особо многочисленными и активными они были в Костроме.

Оценивая работу костромских детских клубов, А. В. Луначарский обращал внимание на их роль в развитии творческой активности детей, их самостоятельности: «Трудно сказать, что представляет собой клубное самоуправление: есть ли это игра в маленькую республику, или это серьезнейшее дело гражданского

взаимообучения и замена учительской дисциплины коллективным общественным мнением? Работа увлекает детей, начиная с самых маленьких и до самых взрослых»²⁴. На базе многих детских клубов в 1923 г. были организованы в регионе первые пионерские отряды²⁵.

РКП(б) и РКСМ рассматривали создаваемые ими или подконтрольные им детские объединения и организации, как важное средство влияния на подрастающее поколение. Из 9,5 тысяч детей и подростков Костромы 8–16 лет около 50 %, были вовлечены в работу различных детских организациях или объединений. В Иваново-Вознесенске указанная категория детей и подростков составляла приблизительно 40 %. РКП(б) и РКСМ, используя государственные рычаги власти, общественность, агитационно-пропагандистские методы, либо поддерживали детские объединения (детские клубы, спортивные кружки и т. д.) либо, первоначально используя в своих интересах определенные методы работы отдельных организаций, затем способствовали их закрытию (юк-скауты, многие детские культурно-просветительские кружки и др.)

При определении сущности организации и форм детского движения в послеоктябрьский период, большевиками был в определенной мере изучен и учтен дореволюционный опыт скаутских и других объединений. Однако становление концепции детского движения в Советской России шло противоречиво, отражая разнообразный спектр мнений существовавших в послереволюционном обществе. Детское движение использовалось как средство формирования личности ребенка как «борца за дело рабочего класса», его социализации, активного включения с раннего возраста в общественно-политическую жизнь. Несомненно, первый опыт сотрудничества государственных, общественных структур с детскими объединениями будет позднее использоваться в партийно-советской работе с пионерами и комсомольцами.

Особое значение приобретал в контексте глубоких революционных перемен в обществе и всеобщей нестабильности первый опыт самоорганизации детей, их настойчивое, подчас инстинктивное стремление к обустройству своей жизни, к нормальным человеческим радостям. По существу тем самым формировался неполитизированный, внеклассовый фактор обретения обществом своего устойчивого стабильного развития. Конечно, этот фактор не мог серьезно противостоять классовому, идеологизированному духу своего времени. Но он не просто сошел с исторической сцены, а трансформировался в более широкое пионерское, комсомольское движение, в котором, при всей его идеологизированности, все же жили и развивались непреходящие ценности творческого мировосприятия детей и молодежи последующих поколений.

Примечания

¹ Кудряшев Ю. В. Российское скаутское движение. Исторический очерк. – Архангельск, 1997. С. 25–26.

² Русский спорт. 1910. № 32. С. 5; № 36. С. 3; № 44. С. 4; № 45. С. 3.

³ Молодежное движение в России (1917–1928 гг.) Документы и материалы М., 1993. Ч. 1. С. 28.

⁴ Жуков И. Н. Русский скаутизм. Краткие сведения о русской организации юных разведчиков. Пг., 1916. С. 30.

⁵ Миронов Н. Из истории детского движения. Харьков, 1926. С. 14.

- ⁶ Кудинов В. А. Общественные движения и организации детей и молодежи в России в XX веке.: Автореф. дисс. д.и.н. СПб., 1994. С. 29.
- ⁷ Из истории КПСС. Ученые записки ЛГУ. Серия исторических наук. Вып. 34. Л., 1969. С. 36.
- ⁸ Первый год советской работы по народному образованию в г. Костроме. Кострома, 1921. С. 73–74.
- ⁹ Всесоюзная пионерская организация имени В. И. Ленина. М., 1981. С. 20.
- ¹⁰ ГАНИКО. Ф. 1. Оп.-1. Д. 267. Л. 15., ЦДНІЯО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 147. Л. 16., ГАІО. Ф. П. 2. Оп. 3. Д. 82. Л. 68.
- ¹¹ Наша Костромская жизнь, 1912. 22 августа. С. 2.
- ¹² ГАЯО. Ф. Р. 178. Оп. 1. Д. 265. Л. 73; Оп. 2. Д. 39. Л. 6.
- ¹³ Внешкольное дело. Кострома, 1920. № 1. С. 29; Юный Спартак, 1920. 15 августа, № 10. С. 2.
- ¹⁴ Наша Костромская жизнь, 1912. 15 августа. С. 2; ЦДНІЯО. Ф. 496. Оп. 12. Д. 14. Л. 34 об.
- ¹⁵ Первый год советской работы по народному образованию в г. Костроме. – Кострома, 1921. С. 41.
- ¹⁶ Родионов В. А. Развитие физической культуры и спорта в Костроме в первые годы Советской власти // Из истории Костромского края: сб науч. тр. Вып 33. Ярославль, 1972. С. 145.
- ¹⁷ ГАРФ. Ф. 1240. Оп. 1. Д. 88. Л. 82.
- ¹⁸ ГАРФ. Ф. 1240. Оп. 1. Д. 88. Л. 86.
- ¹⁹ Юный текстильщик, 1921. 18 мая, № 6. С. 4.
- ²⁰ Жизнь и творчество русской молодежи. М, 1919. № 34–35. С. 8.
- ²¹ ЦДНІЯО. Ф. 495. Оп. 4. Д. 6. Л. 22.
- ²² Юная мысль. Журнал деревенских кружков подростков. Кострома, 1919. № 1. – С. 14.
- ²³ ГАКО Ф. Р. 1151. Оп. 4. Д. 12. Л. 8.
- ²⁴ Советская газета. Кострома, 1919 г., № 140, 29 июня. С. 2.
- ²⁵ ГАНИКО. Ф. 3125. Оп. 1. Д. 48. Л. 13; ГАІО. Ф. П. 288. Оп. 1. Д. 120. Л. 16; Рабочий край, 1922. 1 октября, № 222, С. 4; Кудинов В. А. Большие заботы маленьких граждан. М., 1990. С. 41; Алексеев П. Дети рабочих, смело за нами // Молодой ленинец, 1987. 11 августа. С. 3.

А. В. Нифонтов
г. Кострома

ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ИДЕИ ЕВРОПЕЙСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II

Двух из династии Романовых в историографии называют Великими – Петра I и Екатерину II и, прежде всего, из-за их роли в преобразовании российской цивилизации. Благодаря этим правителям XVIII века в России начался пересмотр своего самобытного пути, во многом определявшийся ее особой ролью хранительницы православия и восприемницы Византийской культуры, и иначе взглянули

на свое место в Европе и мире. И ключевую роль в культурной модернизации России сыграла императрица Екатерина II. Её внешнеполитической стратегической целью было утверждение Российской империи в качестве общепризнанной европейской державы, поэтому она понимала, что культурную политику нужно проводить в соответствии с современными ей европейскими тенденциями. Причем если социально-политические преобразования в России при всей их масштабности вели к трансформации и ускоренной модернизации существовавших ранее структур, то научно-культурная составляющая этих преобразований во многом представляла попытку внедрения идей и художественных образцов европейского Просвещения на новую почву. Остановимся на главных политических и исторических идеях императрицы Екатерины II.

Императрица Екатерина II выступила не только «законодательницей идеологических мод», но и внесла большой личный вклад в комбинировании различных политических идей европейского происхождения и в их внедрение в российский общество. В продолжение своего более чем 30-летнего царствования Екатерина II последовательно и своеобразно проводила процесс идеологической «европеизации», начатый Петром I. Она была убеждена, что для успеха политических и культурных преобразований необходимо создать режим «просвещенной монархии» и добиться активного содействия своим реформам как со стороны элиты, так и народа своей империи, и поддержку связывала в первую очередь не с принуждением со стороны государства, как Петр Великий, но с развитием системы европейского просвещения и образования, которые должны были убедить ее подданных, что цели политики ее правительства соответствуют их личным интересам. Императрица стала широко использовать печать для формирования общественного мнения, которое поддерживает официальную точку зрения. Она не только поощряла и финансово поддерживала издание литературных журналов, издатели, которых пропагандировали «правильную линию», но и сама участвовала в полемических дискуссиях, публикуя свои статьи, которые хотя и выходили без подписи, но ее авторство не скрывалось. Екатерина II исходила из умозрительного предположения о том, что россияне, только общающиеся к европейскому просвещению, не знакомы с новейшими «ложными теориями» (к ним она относил сочинения Ж.-Ж. Руссо и других просветителей-радикалов), и еще не испорчены нравственно, как западные народы. Ей казалось, что народ в России – *tabula rasa* (лат. «доска выскобленная», то есть чистая доска; на ней ничего еще не написано), и представляет перспективное поле деятельности для «просвещенного монарха». Поэтому она провозгласила идеи умеренных французских и английских просветителей стержнем своей государственной и культурной политики. Она считала себя их ученицей, переписывалась с Вольтером и Дидро и вместе со своими современниками – королем Пруссии Фридрихом II и австрийским императором Иосифом II – открыла эпоху «просвещенного абсолютизма», где единоличный монархи провозглашались гарантиями осуществления веры просветителей в прогресс – неуклонное поступательное развитие общества и торжества разума¹.

Исходя из необходимости создания национального государства – одной из обязательных основ европейского Модерна – Екатерина II приветствовала

попытки формирования российского национального сознания и поддерживала первые ростки российского национализма. П. Н. Милюков отмечал, что « для националистического настроения более чем для какого-либо другого, – и чем дальше, тем больше, – сама Екатерина задает тон и выражение. С самого своего появления в России, с ревностью иностранки, решившей, во что бы то ни стало сделаться русской и спешившей перенять для этого все тонкости чуждого ей народного быта, Екатерина увлеклась тем, что мы назвали *этнографическим народолюбием*. До конца жизни она писала без всяких правил орфографии и путала русские падежи; но русские пословицы, русские поверья, обычаи, предрассудки она считала себя знающей в совершенстве. Создавшийся таким образом интерес к этнографической старине возрастал по мере того, как падало уважение и доверие к «модным философам»². В официальном дискурсе екатерининской эпохи доминировало представление о возможности воспитать «дух народа», изменить его традиции и обычаи. Императрица подчеркнуто выделяла законы в качестве формирующего «дух народа» фактора. При этом она считала важным подготовить умы подданных к новым законам. Таким образом, в центре внимания оказывались политическое воспитание. На основании законов, говорилось в ее «Наказе», должны формироваться умы. Согласно немецким камералистским наукам, а им в данном случае следовала императрица, приобщать собственный народ к цивилизации означало «шлифовать нацию» («polir la Nation»). Пути изменения традиций и обычаев «Наказ» усматривал, прежде всего, в подражании, в тесном общении с другими народами, которое стимулировало бы эти изменения. Насколько взгляды извне влияли на дискуссию о «духе народа» и национальном характере, показывает написанный Екатериной II на французском языке и изданный анонимно в 1770 г. «Antidote». Это произведение послужило развернутым ответом на вышедший в 1768 г. «Voyage en Sibirie» – труд французского аббата и путешественника Ш. д'Отроша, который создал негативный образ России и российского самодержавия. Отсутствие у русских собственного духа и гения он объяснял последствиями деспотического режима, основывающегося исключительно на страхе как стимуле к действию. В своем ответе императрица парировала это заявление указанием на свойственную русским патриотизм («любовь к славе и Отечеству»), а также на способствующее тому правление. Созданному Ш. д'Отрошем образу народа без гения и больших достижений в науке (каковые он способен лишь перенять) Екатерина II противопоставила «живую сообразительность» как характерное свойство русских. Особенно она выделила положительные черты характера простого народа и дремлющие в нем способности к развитию.

Тема национального характера была в центре вопросника Д. Фонвизина, напечатанного в журнале «Собеседник любителей российского слова» за 1783 г. вместе с ответами Екатерины II. На вопрос «В чем состоит наш национальный характер?» императрица ответила: «В остром и скором понятии всего, в образцовом послушании и в корени всех добродетелей, от Творца человеку данных». В «Грамоте на права, вольности и преимущества благородного Российского Дворянства» (1785), императрица прибегает к похвалам в адрес «подвластного, послушного, храброго, неустрашимого, предприимчивого и сильного Российского народа» и в качестве национальных свойств русских особо выделяет «глубоко

укорененные христианские добродетели». Эти качества стали основой ее концепции верноподданного – «патриота-государственника». Однако Екатерина II не шла так далеко, как радикальный националист Д.Фонвизин, который утверждал, что за границей «во всем генерально хуже нашего... а у нас все лучше, и мы больше люди, нежели немцы». Она довольствовалась защитой более скромной позиции, – что «у нас не хуже», или, по крайней мере, что «за границей так же худо, как у нас»: «в России люди такие же, как и повсюду: ни вполне хороши, ни вполне дурны: такое среднее состояние – в природе вещей и существует у всех народов, ибо человек всегда приблизительно одинаков, под каким бы небом он ни родился». К этой ее аксиоме примыкает вывод: «Русский народ стоит приблизительно в уровень с остальными народами Европы...русские избы воняют, но поезжайте в Вестфалию: там услышите и не такие запахи». Ее представления о русском национальном характере стали первым в России пространным изложением *доктрины официального патриотизма*, которая станет образцом «оборонительно-наступательной» риторики для будущих российских национал-патриотов. Екатерина, поднимая вопрос о национальной самобытности русского народа, опровергает суждения европейских русофобов о природной его порочности, грубости и невежестве, рассказывает о России XVIII столетия, приближающейся к европейскому просвещению и уже выдвинувшей своих выдающихся ученых и литераторов, среди которых называет Ломоносова. Но при этом последовательно отклоняются справедливые обвинения французского автора, пишущего о жестокости и лихоимстве представителей власти, бедственном положении простого народа. Она пишет: «Бирон был плох, но не лучше и правление хваленого кардинала Ришелье. ...Тайная канцелярия – не хороша: но она сделана ненужной и упраздняется, а Бастилия еще существует».

Екатерина II не ограничивается защитой от критики, а идет в наступление: «русский крестьянин во сто раз счастливее и обеспеченнее, чем французские крестьяне... Наши чиновники и на сотую долю не такие тираны, как чиновники французского короля ...мало есть государств, в которых закон уважался бы так как у нас...наши законы – самые простые в Европе и во многом самые ясные и разумные...граждане – наименее стеснены, наименее подвержены мелочным придиркам(!)...какой современный народ может похвастаться, что в целом своем составе был призван к составлению своих законов?» (!!!). Национально-государственный пафосный патриотизм императрицы переходит все границы и переходит в фарс. Ее показное русофильство можно сравнить только с западноевропейской русофобией, которую она хорошо знала и которой давала отпор в том же стиле. «Всей Европой признано (?), что нет народа более сильного и более неутомимого...Общеизвестно(?), что нет народа более работающего... Не признавать всего этого может только предубеждение и предрассудок (или чаще Екатерина говорит: «зависть и злоба»)....Враги русской славы стараются изобразить Россию такую, какую они желали бы, чтобы была эта страна, но не такую, какую она есть, то есть цветущую и сильную... Вот источник всех клевет иностранцев против России»³. Таким образом, прием «потемкинских деревень» был сначала риторически продемонстрирован самой императрицей в ее полемике с европейскими русофобами и критиками российского деспотизма. Но она беспощадно

административно расправлялась с российскими «просвещенными правдолюбцами» без всякой литературной полемики (самый известный пример – А. Радищев, книгу которого она оценила «опаснее Пугачева»).

Патриотическая роль театра была также очевидна императрице, и именно этим определялось повышенное внимание в ее царствование к театральным зрелищам и к их репертуару, который усиливал общественно-политическое звучание театральных зрелищ, способствуя формированию патриотических настроений в обществе, особенно при использовании исторических сюжетов. В драматургическом наследии императрицы есть несколько произведений на темы государственного патриотизма из русской истории. Прежде всего, это: «Историческое представление из жизни Рюрика», «Начальное управление Олега», «Игорь» (все 1786 г.). Они связаны с представлениями императрицы о том, какой должна быть русская национальная драма. По ее мнению, отечественные драматурги были призваны создать образы лучших россиян-правителей и тех, на кого они могли опереться в те критические моменты, когда решалась судьба государства; прославлять народных героев всех времен, отражать обычаи, нравы и чаяния простых русских людей, преданных трону, вносить в речи персонажей своеобразные черты народного языка. Наряду с фольклорными включениями, Екатерина помещала в свои пьесы и предназначенные для хорового пения фрагменты ломоносовских од, которые наиболее отвечали основной идее императрицы-драматурга – величия России в ее прошлом и настоящем. Политико-воспитательные задачи автора явно преобладали над художественными. В уста первых русских князей она вкладывает собственные рассуждения о главных факторах российского могущества – сильной монархической власти, целостности государства, просвещения, которое насаждает в народе просвещенный правитель. Так, Рюрик назван в пьесе сыном финского короля Людбрата и Умилы, средней дочери новгородского князя Гостомысла. Для Екатерины очень важно подчеркнуть, что с этим правителем-полуиностратцем к восточным славянам уже тогда приходит «просвещение», – у читателей и зрителей сразу же возникали современные аналогии: просвещенная Екатерина уже давно не была для них иностранкой, а в жилах ее сына текла кровь монархов России и Запада. В финале проводится также мысль о недопустимости распрей между родственниками, входящими в «первое семейство» страны. Насыщая свои исторические хроники современными идеями, Екатерина избегала откровенной модернизации; в них присутствуют реалии далекой эпохи: события, главные действующие лица, бытовые детали и т. д., а при постановке «Олега» костюмы для артистов шили по образцам, запечатленным на древнерусских книжных миниатюрах, т. к. Екатерина была хорошо знакома с дошедшими до ее времени лицевыми рукописями⁴. Ее пьесы стали одним из образцов для будущей национальной классики-оперы «Жизнь за царя» М. Глинки.

История была для Екатерины II также оправданием и подтверждением верности «дела Петра» по «возвращению России в Европу». Она интересовалась русской историей уже в середине 1740-х годов, когда, мечтая об императорской короне, стремилась хорошо изучить новую для себя страну, нравы и обычаи ее народа. Но постепенно этот интерес перерос в увлеченность, и историографические

опыты стали для нее творческой необходимостью. Она читала труды Татищева, Ломоносова, Миллера, Шлецера и других авторов, писавших о России, и убеждалась в том, что «История России», которую можно было бы сравнить с «Анналами» Тацита, еще не написана. В начале 1780-х Екатерина приступила к систематическому изучению рукописных источников – древнерусских летописей, древних актов, хранящихся в государственных и церковных архивах. Главный ее исторический труд – «Записки касательно Российской Истории» – в значительной мере является изложением документальных свидетельств, сведенных воедино, включает также генеалогию русских князей, параллельные хронологические ряды фактов русской и всемирной истории, гипотезы и комментарии автора. Материалы к «Запискам» Екатерине помогали подбирать знатоки русских древностей – И. Н. Болтин, А. А. Барсов, И. П. Елагин, А. И. Мусин-Пушкин, митрополит Платон (П. Е. Левшин), А. П. Шувалов. Вместе с тем, как отмечает в предисловии к академической публикации «Записок» А. Н. Пыпин, весь «склад изложения, с начала и до конца однородный», указывает «на единоличную работу» императрицы. В архиве сохранились сотни рукописных листов – автографов Екатерины II на русском языке, относящихся к работе над «Записками». Императрица намереваясь составить что-то вроде учебного пособия по отечественной истории для своих внуков. Но шесть томов «Записок» были адресованы и будущему «русскому Тациту». Это – фундаментальное научное сочинение, фактография которого огромна, а многие авторские интерпретации исторических фактов не вызывают возражений у современных исследователей. Конечно, полностью уйти от современности Екатерине-историку не удалось. В предисловии к «Запискам» она вступает в полемику с новейшими западными историками, чьи сочинения, выходящие «под именем Истории Российской», «скорее именовать можно творениями пристрастными...». Екатерининские «Записки», основанные на отечественных источниках, о которых не ведали эти сочинители, должны были стать для Европы «окном в Россию», опровергнуть тенденциозные оценки ее исторического прошлого, возникшие у авторов «историй», где «каждый лист свидетельством служит, с какою ненавистью описан...». «Записки» можно рассматривать и как монументальный исторический комментарий к «Наказу»; они идеологически однородны.

Приводя исторические примеры государственной мудрости россиян, Екатерина стремится показать превосходство сильной и просвещенной, мудрой и милосердной монаршей власти над всеми другими формами правления. Екатерина рисует портреты сильных правителей Руси. Любуясь ими, она сознательно их идеализирует. Резко отрицательные оценки действий Рюриковичей довольно редки в «Записках». Екатерина словно хочет помирить всех русских князей во имя будущего единства и могущества России. К центробежным силам, приведшим страну на край гибели, она относит властолюбивых бояр, «угодщиков и ласкателей», всех, кто, втершись в доверие к своему князю, давали ему плохие советы и первыми ему изменяли. Этот сквозной мотив «Записок», безусловно, имеет документальную основу, но отражает и личный опыт Екатерины, всегда с опаской пользовавшейся советами представителей аристократической партии и нередко поступавшей вопреки этим советам. Однако с историческими фактами, которые не вписывались в указанную выше концепцию, императрица-историк поступала точно так же, как

и с непокорными подданными, которых ожидали опала или репрессии: она либо замалчивает эти факты, либо искажает их, «поправляя» историю во имя собственных умопостроений. По поводу появившихся в печати критических замечаний («Записки» публиковались анонимно) Екатерина писала: «... я нашла во многом здравую критику, но что написано, то написано; по крайней мере, ни нация, ни государство в оных не унижено». Не было в российской истории другого такого монарха, который мог сказать о себе так, как говорила Екатерина: «Я люблю эту историю до безумия». Она работала над «Записками» увлеченно и страстно. В самый разгар французской революции Екатерина углубилась окончательно в русскую историю и демонстративно заявляла: «Ничего не читаю, кроме относящегося к XIII веку российской истории. Около сотни старых летописей составляют мою подручную библиотеку». Благодаря этому неподдельному интересу императрицы к памятникам древнерусской письменности мы располагаем ныне допечатным списком «Слова о полку Игореве» (т. н. Екатерининский список).

На тот же путь исторического национализма толкала ее и внешняя политика. Начиная с польских разделов и кончая знаменитым «греческим проектом», Екатерина лишь применяла и развивала дальше традиционную русскую националистическую теорию «панрусизма» и «панславизма». Задолго до русских историков – националистов XIX века – она пишет, что «скоро докажет, что древние славяне дали свои названия большинству рек, долин и урочищ во Франции, Шотландии и других местах», что уверена, что «салический закон есть славянский и недаром французские короли приносят в Реймсе присягу над славянским евангелием». Эти смелые гипотезы Екатерина оставляла, правда, про себя. Но она громко высказывала и крепко держалась за другой свой исторический вывод, именно что «в течение с лишком семисот лет, то есть до смерти царя Феодора Иоанновича, Россия управлялась, имела приблизительно те же нравы, шла тем же путем и находилась почти на одном уровне, как и все государства Европы. Только смуты перед воцарением Петра немножко задержали ее назад». Но ее законодательство поможет быстро наверстать потерянное. Концепция «Записок» повлияла на замысел «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина.⁵

В памяти современников ее правление осталось «золотым веком». Но сама же Екатерина, когда Сенат поднес ей титул Великой и Премудрой Матери Отечества по аналогии с Отцом Отечества – Петром Великим (еще собирались ей поднести титул «Матери народов») решительно отказалась от такой чести: «Один Бог премудр, ни одно из Его творений не имеет права на сие высокое титуло. Потомство будет судить дела мои...». К этому времени политик-реалист переборол в ней кабинетного мечтателя с «республиканской душой» (собственные ее слова). Думается, не только над депутатами-спорщиками, но и над собственными иллюзиями посмеялась императрица в сочиненной ею «сказочке» о том, как шили мужичку, одежда которого изнасилась, новый кафтан. «Как пришло (время) надеть кафтан – не лезет: позабыли мерку снять. Начали портные спорить о покрое, а мужик между тем на дворе дрожит». Вероятно, Екатерина осознала, что в спектакле, где была постановщиком и главным исполнителем, она проявила себя хорошим актером («ложь была главным оружием царицы: всю жизнь, с раннего детства до глубокой старости, она пользовалась этим оружием, владея

им, как виртуоз, обманывая родителей, гувернантку, мужа, любовников, подданных, иностранцев, современников и потомков»⁶), но не справилась с общей задачей – превратить Россию в культурную периферию Европы. Может это повлияло на то, что в конце жизни Екатерина перечеркнула либеральный вектор своей культурной политики и стала употреблять власть для ограничения «европейского просвещения»: появились костры из книг, наполненных, по словам императрицы, «нелепыми умствованиями» и стали ожесточенно бороться со «свободным словом» вопреки прежним ее заявлениям о том, что «в самодержавном государстве, хотя и нетерпимы язвительные сочинения... их не должно вменять в преступление... так как излишняя строгость будет угнетением разума, производит невежество, отнимает охоту писать и гасит дарования ума». Знаменательно, что за несколько недель до своей кончины императрица подписала указ «Об ограничении свободы книгопечатания и ввоза иностранных книг, об учреждении цензур и об упразднении частных типографий».

Тем не менее, екатерининская эпоха придала процессу европеизации России XVIII столетия завершенность: если Петр Первый начал ее в военно-политической и бытовой сферах, Екатерина II довершила ее в идеологической и культурной сферах. Она способствовала созданию идеологии государственного патриотизма и внедрению российского варианта европейского просвещения с опорой на вестернизированную государственную элиту из дворян и городских разночинцев. В результате в постекатерининской России сложились два социокультурных мира: проевропейский в крупных городах и традиционный – в провинциальных городах и деревнях. В одной социокультурной системе оказались государство (правительство – по Пушкину – единственный в России европеец) и дворяне, в другой – все остальное население, платившее дань государству и выживающее самостоятельно. Несомненные достижения городского культурного мира – это шедевры, созданные российскими художниками и архитекторами, композиторами и балетмейстерами, литераторами и поэтами, а также открытия и изобретения ученых и инженеров XIX – начала XX веков, которые стали частью мировой культуры, но они оказались востребованы (и то только отчасти) правящими классами, и одновременно стали объектом непримиримой критики национальной почвеннической элиты и остался чужды для крестьянского большинства, более того: «основная масса русского народа при всем почитании монарха была далека от согласия и примирения с системой, базирующейся на крепостном праве, подушной подати и рекрутчине»⁷.

Это и определило исход революции и гражданской войне 1917–1920 годов, когда эти два социокультурных мира, как две разные по объему планеты при сближении столкнулись. Надо отдать должное: культурная политика Екатерины II – это своеобразная и имеющая отдельные успехи попытка «примирения-синтеза» российской и западноевропейской социокультурных систем, но с перекосом в сторону запада. В результате Россия в цивилизационном и культурном плане превращалась в европейскую периферию, что вызвало отторжение как справа (традиционалисты, национал-патриоты, славянофилы), так и слева (либералы западники). Однако исторический опыт культурной политики Екатерины II показывает, что «примирять-синтезировать» разные социокуль-

турные системы надо, но только без «перекосов», ибо как радикальный космополитизм или западный глобализм, так и истерическое почвенничество или реакционный консерватизм ведут в тупик.

Примечания

¹ *Рахматуллин М. И.* Интеллект власти: императрица Екатерина II // Отечественная история. 2005. № 4. С. 21.

² *Милуков П. Н.* Очерки по истории русской культуры: в 3 т. Т. 3. М., 1995. С. 416–419.

³ *Ширле И.* Учение о духе и характере народов в русской культуре XVIII в. / Вводя нравы и обычаи Европейские в Европейском народе»: К проблеме адаптации западных идей и практик в Российской империи. М., 2008. С. 45–51.

⁴ *Екатерина II.* О величии России. М., 2003. С. 141–166.

⁵ *Лосиевский И.* С пером и скипетром / там же. С. 5–56.

⁶ *Анисимов А.* В борьбе за власть. М., 1988. С. 299.

⁷ *Хоскинг Дж.* Россия: народ и империя (1552–1917). Смоленск, 2000. С. 161.

В. Л. Еремеева
г. Кострома

ИЗ ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ СТАТИСТИКИ В РОССИИ

Историю развития статистики в России можно с уверенностью отнести к эпохе царствования Александра I, именно по его указу в России были введены министерства, на одно из которых возлагались и обязанности организации административной статистики¹. Примечательно, что в начальный период своего становления, статистика рассматривалась не как самостоятельная наука. Определение предмета статистики было «государствоведение», под именем которого подразумевалось описание всего достойного внимания в стране, и большее распространение скорее получили «статистические методы» сбора нужной информации из губерний.

В министерство Внутренних дел, на которое и была возложена основная нагрузка в организации административной статистики, стали поступать губернаторские отчеты, осведомлявшие высшую власть о положении дел на местах. Но перед губернаторами ставились сложные задачи, ведь правительство требовало от них не только подробные сведения о хозяйственном состоянии губерний, но и сведения, затрагивавшие нравственные аспекты. Естественно, что ввиду отсутствия опыта такая информация часто была низкого качества².

Когда статистическое отделение находилось в министерстве полиции, на руководящую должность был назначен известный статистик того периода К. Ф. Герман, который мог привлекать к участию в работах людей, имевших достаточные статистические знания и опыт. Однако, в первой трети XIX века административная статистика не получила своего должного развития,

держась в основном на инициативе и профессиональности своего руководителя К. Ф. Германа. Для собирания и обработки сведений необходимо было создать самостоятельное государственное учреждение. Но несмотря на понимание правительством необходимости создания губернских и областных статистических комитетов, последовавшие дальнейшие изменения в разработке табелей прилагаемых для заполнения губернаторам, организации сети корреспондентов, статистический комитет по сути просуществовал в виде временного учреждения до 1858 года, когда было издано новое положение, определившие его организацию и присвоившее ему наименование «Центрального», а затем в 1863 году был создан Статистический совет – высший орган управления административной статистикой России³.

Именно с 1835 до 1860 годов выстраивается вся система административной статистики, от высшего органа – Статистического совета, до местных – губернских и областных статистических комитетов (начало формирования, которых относится к 1834 году). Таким образом, сложилась трех ступенчатая структура административно-статистических учреждений. Большую роль в этом процессе сыграло и участие России в работе Международных Статистических конгрессов, на сессиях которых собиралось значительное число ученых и представителей государственных органов, происходил широкий и систематический обмен информацией⁴. Так, 8-я сессия Международного статистического конгресса проходила в Санкт-Петербурге в 1872 году. Нельзя не отметить, что положительные тенденции, этого периода, были связаны с именем выдающегося русского ученого и политического деятеля Петра Петровича Семенова Тянь-Шанского. Именно благодаря ему, в 1870 году в Санкт-Петербурге состоялся и первый Всероссийский статистический съезд. Большинство участников которого, были секретарями губернских и областных статистических комитетов. На съезде рассматривались вопросы организации переписей, сборов и обработки сведений, деятельность самих губернских статистических комитетов. Успех этого мероприятия, можно было целиком приписать его председателю П. П. Семенову Тянь-Шанскому⁵. Трудно переоценить его заслуги. Но нельзя не отметить, что первая всероссийская перепись 1897 года, была реализована именно благодаря усилиям Петра Петровича. Несмотря на критику ее программы и организации, эта перепись, по сравнению с опытом проведения ревизий, была большим шагом вперед⁶.

Время, когда он был руководителем Центрального Статистического комитета, среди исследователей прочно закрепилось как «эпоха Семенова», именно это время считается расцветом административной статистики, увеличиваются масштабы деятельности статистических учреждений, повышается качество поступающих в МВД данных, русская административная статистика развивается в рамках международного сотрудничества с другими государствами. Однако такой подъем сменился спадом, это было связано не только с уходом с поста директора Центрального Статистического комитета Семенова Тянь-Шанского, но и с общей обстановкой в стране. Помимо недостаточной научной квалификации руководителей комитета, революционная ситуация, острый политический кризис и Первая Мировая Война отодвинули

реформирование системы административной статистики на второй план⁷. Но и в это время статистические учреждения продолжали выполнять возложенную на них нагрузку, публиковать данные. В частности, продолжались проводиться местные городские переписи населения. Например, 1904 году право переписей было передано губернаторам, что упростило и ускорило их проведение на местах⁸.

Что касается местных статистических учреждений, на них следует остановиться подробнее. Образование постоянно действующих статистических органов на местах не было случайным явлением. Их создание было необходимо не только для функционирования центрального органа управления статистикой, но для всего процесса внутреннего развития государства. Хотя данные проверок МВД о состоянии местных административных учреждений были первое время не утешительными. Так, в 1866 году, рассматривая деятельность 70 губернских и областных статистических комитетов, П. П. Семенов Тянь-Шанский отмечал, и наличие ряда комитетов которые за несколько лет не обнаружили никаких признаков существования⁹. Интересно, что центральная власть соотносила это положение напрямую с начальниками губерний. Несомненно, что человеческий фактор – личности самих губернаторов, и как следствия их отношения к статистическим комитетам играли (особенно в первое время) решающую роль, но нельзя забывать о других не менее важных факторах¹⁰.

Поток самой документации к сороковым годам XIX века достиг невероятных объемов. В год губернаторы должны были подписывать до 100 тыс. документов или 270 бумаг ежедневно¹¹. Параметры обширных программ сведений, которые требовало правительство были очерчены довольно слабо, о способах собирания точных данных, задумались лишь в 1864 году. В то время, как в ежегодно предоставляемые отчеты входили данные о посевах, урожае хлебов по уездам, отдельно по землям владельческим и крестьянским, фабриках, заводах, с указанием числа предприятий, суммы производства и количества рабочих, о естественном движении населения по городам и уездам, о числе и роде преступлений и т. д. Сбор таких сведений организовывали не сами статистические комитеты, они лишь получали готовые сведения от административных и других местных органов и придавали им форму статистических таблиц¹². Это были исправники, духовенство, казенные палаты, земские управы. Особенно широкие функции были у полицейских чинов и волостные правления. Реально сложившаяся низовая структура комитетов зафиксирована в энциклопедической статье Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрона: «фактически волостные правления являются главным поставщиком всех сведений»¹³. Волостной писарь, в целом был любопытной фигурой. Он сам собирал, а не редко и сочинял первичные данные. В целом, комплектование статистических комитетов членами-корреспондентами было достаточно серьезной проблемой, тем более, что вознаграждение за труды предлагались не всеми губернаторами. А финансирование статистических комитетов было серьезной проблемой, с которой губернии должны были справляться своими силами, и которых почти всегда не хватало. Источником финансирования как

правило являлись средства губернских типографий и пожертвования частных лиц¹⁴.

Стоит отметить однако, что эти проблемы озвучивались самими губернаторами, и кроме того, они сами предлагали возможные пути их решения, что позволяет сказать, о возросшей ответственности и активности местного управления в вопросах развития статистики. В целом, развитие губернских статистических комитетов гармонично входило в расцвет всей административной статистики. И на местах эти положительные тенденции реализовывались в краеведении, различных исследованиях по истории и культуре края, в которых принимали участие самые разные представители общества.

Если просмотреть состав статистических комитетов, то в нем можно увидеть представителей практически всех основных сословий. Диплом и звание члена-корреспондента статистического комитета ценились у купечества, это давало им право считать себя причастными к государственной службе. Хотя, как правило, прямого участия в работе комитета, купцы не принимали, а ограничивались пожертвованиями¹⁵. Охотно брали звание членов корреспондентов представители духовенства. Проживая долгое время в одной местности, будучи грамотными и приближенными к народу, они часто вели собственные наблюдения и заметки. Путь самореализации через статистические комитеты увидели и учителя и служащие учебных заведений. Провинциальная интеллигенция повышала, таким образом, свой научный уровень, а некоторые даже приобретали известность в столичных научных кругах. Такую исследовательскую активность так же поддерживали научные общества. Например, Русское географическое общество, уже в 40-е годы XIX века приглашало к сотрудничеству широкие слои населения. Грамотное составление анкет и денежные премии стимулировали интерес населения к статистическим работам. Одним из показателей этого интереса служила и издательская деятельность комитетов. Первоначально, статьям историко-статистического характера посвящалась так называемая «неофициальная» часть «Губернских ведомостей». В дальнейшем, с развитием интереса к краю и активизации населения в этих вопросах, стали издавать «Памятные» и «Справочные книжки», «Адрес-календари». Нельзя не отметить и целые исследования отдельных авторов. Анализ их дает представление о широком спектре проблем волновавших исследователей второй половины XIX века. Статистика в их глазах была не просто сухим перечислением фактов экономико-социальной сферы и уже не рассматривалась как ненужная обременительная обязанность административных органов. Так различные статистические исследования публиковались не только в издательствах министерства внутренних дел, но и усилиями местных органов. Как пример можно назвать, большой труд И. С. Иванова «Движение населения Костромской губернии в 1880 году», опубликованный силами Костромского губернского статистического комитета.

Нельзя не отметить колоссальную работу по сбору сведений и их анализа. Исследовательский интерес был направлен и на культурное и нравственное развитие населения. Как пример, можно назвать сборник общества любителей естествознания рассматривавший обычаи, обряды и верования крестьян¹⁶. Нельзя не упомянуть работу К. С. Веселовского «Нравственная статистика России», по-

священную проблеме самоубийств. Так же любому исследователю и историку нужно учитывать тот факт, что значительная часть краеведческих исследований дошла до нашего времени только в форме публикаций в периодических изданиях, что являются большой редкостью и ценностью.

Было бы большой ошибкой умалять значение трудов статистических комитетов, которые во второй половине XIX века развернули широкую деятельность, сохранили многие памятники старины, организовали связь культуры провинции с центром, открыли имена выдающихся исследователей, привили любовь и интерес к местной истории у широких слоев населения.

Примечания

¹ Высшие и центральные государственные учреждения России. Т. 1. 1801–1917. СПб., Наука, 1998. С. 47–48.

² *Захарова И. М.* Провинциальные статистические комитеты Северо-запада России. Диссертация к.и.н. СПб., 2005. С. 24.

³ *Гозулов А. И.* История отечественной статистики. Госстатиздат. М., 1957. С. 21.

⁴ *Золотарев А. М.* Записки Военной статистики России. Т. 1. Теория статистики. Обзорение России. Вооруженные силы. СПб. С. 30.

⁵ Сборник в память первого русского статистического съезда 1870 года. Вып. 2. Нижний Новгород, 1875. С. 9–10.

⁶ *Кауфман А. А.* Статистическая наука в России. Теория и методология. 1806–1917. Историко-критический очерк. М.: Типография статистического управления, 1922. С. 50–51.

⁷ *Елисеева И. И.* *Проскураков В. М.* Российская Государственная статистика. М., 1996. С. 49.

⁸ *Захарова И. М.* Провинциальные статистические комитеты Северо-запада России. Диссертация к.и.н. СПб., 2005. С. 53.

⁹ *Семенов П. П.* Предисловие // Статистический временник Российской Империи. СПб., 1866. Т. 1. С. 111.

¹⁰ *Лохвицкий А. В.* Губерния, ее земские и правительственные учреждения. Ч.1 СПб., 1864. С. 187, 201.

¹¹ *Литвак. Б. Г.* очерки источниковедения массовой документации. Наука. М., 1979. С. 137.

¹² *Гозулов А. И.* История отечественной статистики. Госстатиздат. М. 1957. С. 24.

¹³ *Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А.* Энциклопедический словарь. Статистика-Судоустройство. СПб., 1901. Т. 3. С. 476.

¹⁴ Записка об устройстве губернских и областных статистических комитетов. СПб., 1859. С. 4–7.

¹⁵ *Захарова И. М.* Провинциальные статистические комитеты Северо-запада России. Диссертация к.и.н. СПб., 2005. С. 100.

¹⁶ Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России / под. ред. Николая Харузина. Вып. 1. М., 1889.

И. Н. Сулоев
г. Кострома

КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ КРЕСТЬЯНСКОГО «ПРИГОВОРНОГО ДВИЖЕНИЯ» В КОСТРОМСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

На рубеже XIX–XX вв. Российская империя являлась аграрной страной. В Костромской губернии на 1890 г. проживало: дворян – 7 895 чел., духовенство – 22 411 чел., почётных граждан и купцов – 4 865 чел., мещан – 58 120 чел., военнослужащих – 48 466 чел., крестьян – 1 274 326 чел, и других сословий – 283 чел¹. По данным исследователей к началу 1896 г., в Костромской губернии насчитывалось 868 школ, семинарий, гимназий и др., что соответствовало по одному учебному заведению на 1 711 жителей. Таким образом, в начале XX века в Костромской губернии ощущалась нехватка учебных мест, а большая часть населения оставалась неграмотной. Высшие учебные заведения в губернии отсутствовали. Количество грамотных крестьян подсчитать не возможно, но в последнее время ряд исследователей отмечают, что «представление о грубом, неграмотном и тёмном крестьянине в России кон. XIX – нач. XX в. ушло в прошлое. Большинство крестьян не отрицало необходимость образования...»². В связи с этим актуальным становится изучение отношение крестьян к повышению своего культурно-образовательного уровня в период первой русской революции, когда наряду с социально-экономическими и политическими обрели важность проблемы образования для крестьянства. С другой стороны, приговоры и наказания, получившие распространение в 1905–1907 гг. являются важнейшим источником изучения крестьянства в период первой русской революции и на сегодняшний день ещё не достаточно полно изучены³.

Первая русская революция выявила, комплекс имеющихся в Российской империи социально-экономических и политических проблем. 18 февраля 1905 года императором Николаем II в попытке ввести народное движение в мирное русло, был издан манифест⁴, в котором разрешалось всем подданным Российской империи подавать петиции «по вопросам касающихся усовершенствования государственного благоустройства и улучшения народного благосостояния». Данный документ положил начало «приговорного движения» под которым, «условно понимается принятие и отсылка в высшие инстанции коллективом крестьян документально оформленных обращений, обязательно содержащих в себе общеполитические и общеэкономические требования и пожелания». В приговорах и наказаниях большей частью были отражены экономические, социально-политические требования. Историки конца 70-х гг. XX в. уже обращались к приговорам и наказаниям, выделяя среди них такие требования, как «снижения цен на аренду земли», «демократическую реформу суда», «отчуждения частновладельческих, удельных, церковных и ... земель»⁵. На первом месте находились требования «амнистии политических заключённых, выделялись также требования «всеобщего бесплатного образования»⁶. Таким

образом, вместе с экономическими и социально-политическими требованиями в «приговорном движении» выявлялись и потребности крестьян в повышении своего культурно-образовательного уровня. Вместе с тем, в этом аспекте в целом по периоду первой русской революции эта проблема не исследовалась.

В Костромской губернии в период революции автор выделил 15 приговоров и наказов (т. е. 1/3 от всех наказов) крестьян, содержащих требования о повышении своего культурного и образовательного уровня. В их развитии можно выделить несколько этапов, связанных с деятельностью первой и второй Государственной думы.

Первый этап отражает предвыборную кампанию в первую Государственную думу. В приговоре крестьян Ликургской волости Буйского уезда в Государственную думу 4 декабря 1905 г. проблеме образования посвящено два пункта. В первом, крестьяне требуют «учредить всеобщее бесплатное обучение как в высших, так и в средних и низших учебных заведениях за государственный счёт»⁷. В другом требовании, крестьяне хотят «иметь народу в школах более учителей, а крайнем случае со средним образованием, так как в настоящее время преимущество отдано учительницам, а недостаток их физических сил мешает им нести такое тяжёлое и ответственное дело воспитания лиц обоего пола»⁸. Таким образом, крестьяне задумываются о повышении своего образовательного уровня, и ставят вопрос о получении знаний в средних и высших учебных заведениях. Для его получения требуют уравнивать их в правах получения образования и сделать его бесплатным. В школьном образовании они видят нехватку профессиональных кадров, а именно недостаток подготовленных учителей имеющих высшее образование. В приговоре 28 декабря 1905 г. крестьяне Солигаличского уезда, Чудцовской волости, Печёнговского сельского общества требуют «бесплатное обучение во всех низших, средних, высших учебных заведениях, и доступ во все учебные заведения для всех должен быть одинаковым»⁹. В приговоре, крестьяне высказывают и конкретное предложение о преобразовании народного училища в двухклассное с ремесленными курсами. Крестьяне готовы были ассигновать необходимые денежные суммы и выделить 3 десятины земли. К этому времени для организации 2-х классового училища в деревне Печёнга имелся дом и хорошая пристройка. «Если же понадобится ещё какая либо пристройка, желаем, чтобы она была произведена на государственный счёт»¹⁰. В приговоре так же для улучшения уровня образования в деревне крестьяне выражают готовность возместить часть затрат, что свидетельствует о понимании прикладного значения образования и его важности для ведения хозяйства. В другом приговоре, крестьян Нероповской волости Солигаличского уезда в Государственную думу от 30 декабря 1905 г., крестьяне хотят, чтобы «все дети школьного возраста обоего пола» получали образование «за на государственный счёт», «чтобы в Государстве не было безграмотных ни в какой семье. Средних и высших учебных заведений должно быть в соответствии с общественной потребностью и свободным доступом к образованию»¹¹. В отличие от предыдущего требования, крестьяне требуют законодательно оформить обязанность

родителей давать детям школьное образование. Последнее связано с имевшим место опасением родителей, что условия жизни, нехватка рабочих рук в семье, привело к тому, что многие не отпускали детей в школу. Таким образом, крестьяне понимают, что благополучие государства зависит от уровня образования граждан. Требуют крестьяне решить и кадровый вопрос, желая иметь в школе образованных учителей. Крестьяне требуют для солдат выписки «газет на казённый счёт и устройство для солдат библиотеки, чтобы солдат в свободное время мог читать»¹². В этом же приговоре крестьяне просят для себя «бесплатную всестороннюю газету в каждую деревню»¹³. Крестьяне хотели быть в курсе всех происходящих событий в государстве и на них соответственно реагировать, что свидетельствует о политической активности и стремлении расширить свой кругозор. В приговоре крестьян д. Фатьянова Кологривского уезда в Государственную думу 17 января 1906 г. крестьяне сообщали, что «население наше крайне малограмотное»... «за недостатком своих средств на образование», а так же желают видеть вопрос о просвещении в законодательной работе Думы в приоритетном порядке и «чтобы на удовлетворении нужд этих были ассигнованы самые широкие средства». Выказывалось так желание осталось «всеобщее начальное обучение»¹⁴. Крестьяне ставят проблему образования на одно из первых мест на рассмотрение в Думе, считая её важнейшей социальной проблемой. Свою малограмотность они видят в недостатке средств на обучение и фактически ставят вопрос о всеобщем начальном образовании на общегосударственном уровне.

Следующий этап в «приговорном движении» наступает с открытием работы I Государственной думы 27 апреля 1906 года. В приговоре крестьян Кондауровской волости Юрьеveckого уезда депутату от конституционно-демократической партии Ф. П. Голубеву 14 мая 1906 г. крестьяне ходатайствовали «о всеобщем бесплатном обучении детей и об открытии сельскохозяйственных практических школ»¹⁵. Крестьяне Горбушанской волости Юрьеveckого уезда в приговоре I Государственной думе 18 мая 1906 г., хотят всеобщего бесплатного обучения и открытия «сельскохозяйственных практических школ»¹⁶. В другом наказе выборных крестьян Рождественской волости Ветлужского уезда в I Государственную думу депутату от конституционно-демократической партии Н. А. Огородникову, крестьяне просят дать (в смысле доступа) «свободу образования»¹⁷. В отличие от прежних приговоров, требование об образовании не вынесено в отдельную строку, что свидетельствует о неактуальности проблемы образования для крестьян в настоящее время. В другом приговоре крестьян деревни Стрелки Макарьевского уезда в «почтеннейшем прошении» в I Государственную думу 5 июня 1906 г. высказывалось желание «поскорее распорядится усовершенствовать техническое образование и распространить его всюду, и в частности, усовершенствовать крестьянские земледельческие орудия и удешевить их, что принесёт громадную пользу стране»¹⁸. Крестьяне связывают решение проблемы образования с интенсификацией сельского хозяйства. Таким образом, присутствует личная заинтересованность в открытии специальных школ и применении знаний в практической плоскости. В «приговоре» крестьян Кондауровской волости

Юрьевецкого уезда Государственной думе от 6 июня 1906 г. крестьяне считают необходимым «ввести в России общее обязательное и бесплатное образование»¹⁹. Аналогичное требование присутствует в приговоре крестьян Шудской волости Варнавинского уезда в I Государственную думу от 5 июня 1906 г., в котором крестьяне так же вместе с уничтожением всех сословных привилегий требуют всеобщего образования²⁰. Таким образом, на данном этапе мы видим конкретные адресаты в приговорах и наказах крестьян. Очень часто, это кадеты, как партия одержавшая победу в на выборах в Думу.

Следующий этап в «приговорном движении» приходится на работу 2-й Государственной Думы. В наказе крестьян с. Суховерова Кологривского уезда во II Государственную думу высказанного в апреле 1907 г., имеется пожелание «учредить всеобщее обязательное бесплатное обучение как-то в низших, средних и высших учебных заведениях за государственный счёт»²¹. Появляются так же радикальные требования «отделить школу от церкви, а церковь от государства»²², что вело к важным переменам в государственном строе. Аналогичное требование выдвинули крестьяне селений Бурдова и Глебова Кологривского уезда (наказ от 5 марта 1907 г.). По всей видимости, данные взгляды были распространены среди представителей земской управы. Бросается так же и полное сходство обоих текстов. В наказе крестьяне хотят «учредить всеобщее и обязательное бесплатное обучение, как-то низших, средних и высших учебных заведениях за государственный счёт», а так же «отделить школу от церкви, а церковь от государства»²³. Таким образом, крестьяне требуют всеобщего, бесплатного, светского образования всех уровней. В приговоре крестьян Костромской губернии во II Государственную думу депутату П. Юницкому в марте 1907 г. звучит требование «всеобщего обязательного образования»²⁴. Таким образом, на третьем этапе появляются и наиболее радикальные требования, что свидетельствует о влиянии на крестьян крайних революционных партий.

Таким образом, в «приговорном движении выделяется три этапа, связанные с появлением представителей от крестьянства Государственной Думы. Для первого этапа, характерны общие требования крестьянами бесплатного начального, среднего, высшего образования. На втором этапе крестьяне акцентируют внимание на усовершенствовании средне-специального образования. На третьем этапе во время деятельности 2-ой Государственной Думой приходится влияние на крестьян земской народнической интеллигенции и содержит призывы к изменению государственного строя.

Примечания

¹ Энциклопедический словарь / Ф. А. Брокгауз, И. А. Эфрон. Ярославль, 1991. Т. 31. С. 412.

² Бердова О. В. Культурная жизнь Костромской губернии в зеркале периодической печати конца XIX – начала XX века. Кострома, 2002. С. 33.

³ Приговоры и наказания крестьян Центральной России 1905–1907 гг. Сборник документов / авт.-сост. Л. Т. Сенчакова. М., 2000. С. 23.

⁴ Ольденбург С. С. Царствование императора Николая II. СПб., 1991. С. 272.

РАЗДЕЛ III

---

⁵ Буховец О. Г. К методике изучения «приговорного» движения и его роли в борьбе крестьянства в 1905–1907 гг. (По материалам Самарской губернии) // История СССР. 1979, № 3. С. 98.

⁶ Там же. С. 98.

⁷ Приговор крестьян Ликургской волости Буйского уезда Костромской губернии в Государственную думу от 4 декабря 1905 г. // Революционное движение в 1905–1907 гг. в Костромской губернии. Сборник документов. Кострома, 1955. С. 184.

⁸ Там же. С. 184.

⁹ Костромская жизнь. 1906. 8 января.

¹⁰ Там же.

¹¹ Приговор крестьян Нероповской волости Солигаличского уезда Костромской губернии в Государственную думу от 30 декабря 1905 г. // Приговоры и наказания крестьян Центральной России 1905–1907 гг.: сб. документов / авт.-сост. Л. Т. Сенчакова. М., 2000. С. 148.

¹² Там же. С. 149.

¹³ Там же. С. 149.

¹⁴ Приговор крестьян д. Фатьяново Кологривского уезда Костромской губернии в Государственную думу от 17 января 1906 г. // Там же. С. 159.

¹⁵ Приговор крестьян Кондауровской волости Юрьевоцкого уезда Костромской губернии в I Государственную думу от 14 мая 1906 г. // Там же. С. 182.

¹⁶ Приговор крестьян Горбушанской волости Юрьевоцкого уезда Костромской губернии в I Государственную думу от 18 мая 1906 г. // Там же. С. 185.

¹⁷ Приговор выборных крестьян Рождественской волости Ветлужского уезда Костромской губернии в I Государственную думу (Н. А. Огородникову) // Там же. С. 231.

¹⁸ «Покорнейшее прошение» крестьян – домохозяев д. Стрелки Макарьевоцкого уезда Костромской губернии в I Государственную думу // там же. С. 240.

¹⁹ «Приветственный адрес Государственной Думе» крестьян Кондауровской волости Юрьевоцкого уезда Костромской губернии от 6 июня 1906 г. // Там же. С. 243.

²⁰ Приговор крестьян Шудской волости Варнавинского уезда Костромской губернии в I Государственную думу от 5 июня 1906 г. // Там же. С. 240.

²¹ Наказ крестьян с. Суховерова Кологривского уезда Костромской губернии во II Государственную думу от апреля 1907 г. // Там же. С. 366

²² Там же. С. 366.

²³ Наказ крестьян селений Бурдова и Глебово Кологривского уезда Костромской губернии во II Государственную думу от 6 марта 1907 г. // Там же. С. 331.

²⁴ Там же. С. 331.

²⁵ Приговор крестьян Костромской губернии во II Государственную думу от марта (ранее 31 марта) 1907 г. // Там же. С. 357.

РАЗДЕЛ IV. ИМПЕРСКИЕ ЧЕРТЫ В КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ ПРОВИНЦИИ

И. А. Едошина
г. Кострома

КТО И ПОЧЕМУ ПОЗВАЛ РОМАНОВЫХ НА ЦАРСТВО (К ВОПРОСУ О ЛЕГИТИМНОСТИ ПРИХОДА ДИНАСТИИ К ВЛАСТИ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ РОССИИ)

Русская история развивается своеобразным образом, а уж ее осмысление и вовсе словно «бегает» между противоположными установками. В результате выработалась весьма специфическая культура преемственности власти и ее осмысления. Например, для Василия Татищева, человека искренне любившего Россию, Марина Мнишек была женой «бывшего Расстриги и нынешнего вора»¹. В этих определениях даны все оценки, которым Мнишек как жена и личность вполне соответствовала. А в наши дни в известной серии «Жизнь замечательных людей» вышла книга под названием «Марина Мнишек». Смотрела я на книгу и думала, что все же показалось автору замечательного в этом персонаже: ее искренняя, скажу мягко, нелюбовь ко всему русскому или ее пребывание в женах обоих Лжедмитриев? Хотя, конечно, есть еще один аспект: Марина Мнишек подписывалась – «императрица московская». Может быть, здесь просматривается некая преемственность с будущим «осьмнадцатым» столетием в его женском облике? Но вернусь к началам русской истории и тем культурным традициям, которые складывались.

Было язычество на Руси, идолов вдоль рек да на высоких местах поставили. Приняли христианство, идолов – долой в реку, на месте капищ храмы построили. Кажется, стерли язычество с лица земли, ан нет, по сей день можно обнаружить и рассказы о домовых, леших, русалках, и веру в приметы, и остатки языческих праздников, например – святки, масленица. Более того, современное неоязычество стремится занять место православия, утверждая свою идеологию как подлинно национальную религиозную доктрину.

Позвали иностранцев в качестве правителей и затеяли творить русскую идею, основу которой в XI веке заложил митрополит Иларион:

И уже не теснится человечество в Законе,
а в Благодати свободно ходит².

Приятие же Благодати могло состояться в силу природной склонности

славян к красоте мира. Но красоту надо суметь увидеть, чтобы затем суметь ею восхититься. Потому созерцание мира становится онтологическим основанием русской культуры, что находит явственное отражение, например, в мифологических образах неба. Напомню из «Поэтических воззрений славян на природу» А. Н. Афанасьева: «Н е б о, видимое очами смертного, представляется огромным блестящим куполом, обнимающим собою и воду и сушу, круглую прозрачную чашею, опрокинутою над землею»³. Афанасьев использует лексему *видимое*, благодаря которой небо получает очертания мирозерцательного феномена⁴.

Как справедливо замечает современный исследователь, визуальную составляющую в осмыслении бытия «нельзя сознательно сконструировать, открыть, изобрести. Реализуясь в сознательной творческой деятельности, она вместе с тем предстает как нечто объективно предпосланное этой деятельности в качестве одного из ее универсальных императивов, который меняется независимо от человеческого сознания и только с изменением фундаментальных основ всего общественного организма»⁵. В языке эти изменения отражаются той частью речи, которая передает действие или состояние как процесс, – глаголом. Так, в глаголе *видеть* запечатлена способность сущностного постижения человеком чего-либо, возможность схватывания глазом предмета и одновременно (через родственно корневое *ведать*) *узреть* его сути.

Зрению должен открыться онтологизм мироустройства, только в этом случае зрение может стать «светильником для тела», соединяя таким образом мир чувственный и мир сверхчувственный.

Приоритет созерцания неизбежно актуализирует визуальные образы предметного мира, стремясь обнаружить в них гармонию или ее отсутствие. В народном сознании красота высвечивает личность, предьявляет личность миру. По этим причинам красота как форма гармонии играет особую роль в русском народном миропонимании. Вот почему посланцев Владимира в Константинополь, если верить автору «Повести временных лет», поразила *лепота*⁶ византийских храмов и ослепительная пышность служб.

Призванные к власти Рюриковичи усердно строили храмы, воевали, собирали русские земли в единое государство. Не все их деяния отзывались добрым словом в народе и потомках, но в итоге всех роднило и объединяло живое религиозное чувство. Потому и великий князь конец своего земного бытия мог видеть в постриге, как например, Александр Невский. Однако, поставив перед собой высокие цели, человеческое сообщество далеко не всегда добивается успехов, приходя подчас и к вовсе неутешительным результатам.

Так, династия Рюриковичей получила свое завершение в личности и правлении Иоанна IV, прозванного в народе Грозным. Любопытное прозвище. Грозный – прилагательное от существительного «гроза». Слово это имеет библейский смысл, который связан с громом, геенной огненной, что свидетельствует и о величии Божиим, и гнев Его. В таком случае в именовании Грозный угадывается скорее гнев Божий (на Рюриковичей?), за которым следует наказание: в явленном облике в личности самого царя, в его поступках; менее зримо – в его подданных. Думается, что для общества, избравшего своей

целью Благодать, подлинные смыслы происходящих событий следует искать не только (а может быть, и не столько) в реальном бытии, сколько в области сверхчувственных идей.

Меж тем, историки по-разному объясняют причины возникновения Смуты.

Татищев указывает на борьбу представителей старого боярского рода с хитрым Борисом Годуновым.

Карамзин определял род Годуновых как «злое племя»⁷, а появление самозванца – как лихой промысел незаконных деяний Басманова. Личностный аспект в целом весьма характерен для размышлений Карамзина.

Иное прочтение дает Соловьев. В избрании «миром» Бориса Годунова историку видится первое проявление народного самосознания, сделавшего собственный выбор. При этом, правда, он добавляет: «Говорят, будто народ пригнан был неволею, – грозили, что, если кто не пойдет, с того будут взыскивать деньги»⁸. А далее Соловьев в своих описаниях и размышлениях следует той же логике, что и Татищев, усматривая главную причину Смуты в борьбе за власть. Правда, он отмечает такую значимую подробность, как вовлечение в эту борьбу «черни», которая стала подпитывать Смуту, поддерживая идею самозванства.

Ключевский выстраивает причины Смуты в соответствии с тогдашними общественными стратами: наверху бояре, внизу простой народ. Затеяна Смута была, по его мнению, боярством⁹. Но главный источник Смуты видит в недовольстве общественных низов.

Иловайский подлинную причину Смуты усматривает в «адском замысле против Московского государства», плодом которого явилось самозванство¹⁰. Но есть, по его мнению, и другая причина: «Прекращение древнего царствующего дома Владимира Великого, прекращение, подготовленное тиранством Ивана Грозного, не пощадившего и собственного потомства»¹¹.

Платонов выделяет в истории Смуты три периода, которые, собственно, определили источники нестроений: Смута династическая, Смута как проявление социальной борьбы (правление Шуйского и самозванцы), Смута как борьба за национальность (Сигизмунд, Владислав, выход из унии с Польшей)¹². Платонов справедливо усматривал в Смуте проявление кризисного сознания, суть которого предлагает понять самим читателям.

При всей разнице во взглядах историков на причины происхождения Смуты есть, конечно, и общее. Это общее заключается прежде всего в том, что все принимают избрание Романовых на престол как величайшее благо для России. По этой причине легитимность избрания не подвергается сомнению. Более того, все историки специально подчеркивают, что избирали нового правителя земским собором, почти всенародно. Однако не все так просто, если известные факты сопоставить между собой.

Прежде всего необходимо отметить, что почти все известные боярские роды активно сотрудничали с поляками. Это и старые бояре (Мстиславские, Воротынские, Голицыны, Салтыковы), и вновь народившаяся знать в лице, например, известного торгового мужика Андропова, назначенного в казначей Сигизмундом. Все они искали должностей, денег и земли, мало думая о буду-

щем государства. Все были готовы присягнуть польскому королевичу Владиславу. Ситуация несколько изменилась после смерти Лжедмитрия II, которая послужила своеобразным сигналом к борьбе с поляками. Казалось, внутренняя проблема ушла, что позволяло сосредоточиться на задачах государственной целостности и национального единства. В качестве последнего явилось ополчение князя Дмитрия Пожарского и мясного торговца Кузьмы Минина. За свои заслуги перед отечеством они будут хорошо вознаграждены: Пожарский – саном боярина, а Минин – чином думного дворянина. Кроме того, князь Дмитрий Михайлович Пожарский получит еще и богатое село Холуй, знаменитое соляными промыслами и мастерством иконописцев.

Когда поляков стали со всех сторон теснить, они частью закрылись в Московском кремле, а с ними вместе находились, в частности, Мстиславский, Шереметев, Иван Никитич Романов с племянником Михаилом Федоровичем¹³. Когда войска Минина и Пожарского окружили кремль и его сидельцы вынуждены были сдаться, то первыми вышли из кремлевских стен Мстиславский, Воротынский, Иван Никитич Романов с племянником Михаилом Федоровичем¹⁴. Обычно пишут, что всех их держали в кремле в качестве заложников. Но обратимся к некоторым фактам из жизни одного из так называемых заложников.

Федор Иванович Мстиславский (из рода Гедеминовичей) служил Годуну, юному царю Федору, далее Лжедмитрию I, получив от него в дар кремлевский двор Бориса Годунова, потом состоял в теплых отношениях с Львом Сапегой. Пребывая во главе семибоярщины, он сблизился с гетманом Жолкевским, активно участвуя в переговорах, составлении и утверждении договора о призвании королевича Владислава, договор этот он запечатал собственной печатью. При Михаиле Федоровиче он до смерти сохранит высшее положение среди московского боярства.

Надо заметить, что в Смуту самый неприглядный образ имело боярство, которое легко шло на любые сговоры с кем угодно. Так, князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой в 1608 году предает царя Василия Шуйского и перебирается в Тушино, где получает звание главы тушинской боярской Думы. С появлением в Пскове нового самозванца – Лжедмитрия III – Трубецкой признает его «истинным царем» и присягает. После победы Трубецкой развивает активную предвыборную деятельность, расположившись на дворе царя Бориса Годунова в кремле. Была подготовлена грамота на пожалование Трубецкому волости Вага (на Двине). Владение этой волостью рассматривалось как ступень к царской власти, поскольку этой волостью в свое время владел Борис Годунов.

Здесь следует заметить, что в период после Смуты Борис Годунов являлся для боярства и дворянства своеобразным образцом того, как следует приходить к высшей власти. В этом контексте становится понятным, почему Романовы присвоили себе Ипатьевский монастырь, который числился за Годуновыми. Царь Борис был избран и удержал власть в своих руках. При этом все, кажется, забыли о судьбе его близких и детей. Избрав путь Бориса, Романовы словно обрекли своих потомков той же участи. Хотя бы и через триста с небольшим лет.

Бояр (Мстиславских, Трубецких, Заруцких, Воротынских, Романовых,

Шереметевых) объединяло служение Зигизмунду, готовность принять в качестве правителя Владислава, довольно тесное общение с казаками и самозванцами, что вместе дает образ не только не патриотический, но и вообще весьма сомнительный. Естественно, указанным знатым людям не мог быть близок патриотический настрой Пожарского. Князь Дмитрий Михайлович по характеру своему был человеколюбивым, не стремящимся к власти, легко уступил, например, власть Трубецкому. Хотя бояре Трубецкой и Заруцкий в свое время прославились служением и полякам, и самозванцам. Думаю, именно по этой причине, хотя сугубо внешне по другой – Пожарский не был боярином, Трубецкой оказался во главе правления государством.

Теперь посмотрим, кто входил в ту группу лиц, которая отправилась в Кострому звать на царствие юного Михаила Федоровича Романова. Обратимся к известному сказанию Троицкого келаря Авраамия Палицына, входившего в состав делегации. Хотя сам он тоже не без греха: был среди участников создания самозванщины, за что поляками ему с братией была отдана прежняя пошлина на конской площади с продажи коней, а монастырь освобожден от уплаты в казну откупной суммы в 100 рублей. И все-таки обратимся к свидетельству участника событий тех дней.

... от священного собору избравше пресвященного архиепископа Рязанского Федорита, да от Чудова монастыря архимандрита Авраамия, да от Троицкого Сергиева монастыря келаря старца Авраамия Палицына, да Ново-Спасского монастыря архимандрита Иосифа; от царского же синклита избравшее боярина Федора Ивановича Шереметева, а с ним окольничие и стольники, дворяне и дети боярские, и атаманы, и казаки и всех чинов множество людей и отпустиша их к Костроме со образом Преподобная Владычица наша Богородица и Приснодевы Мария, юже написал Петр митрополит и со образом великих чудотворцев Петра и Алексея и Ионы бити челом благоверной государыне Марфе Ивановне и сыну ея...¹⁵

Боярин Федор Иванович Шереметев (позднее – Шереметьев) состоял в дальнем родстве с Романовыми через боярина великого князя московского Андрея Кобылу. Его потомки – Кошкины, Юрьевы, Романовы, Яковлевы, Ляцкие, Колычевы, Жеребцовы, Шереметевы – в XIV–XVI веках играли значимые роли в среде московского боярства. Потому опала 1600 года, которая напрямую касалась Романовых, отразилась в судьбе Шереметева: он был отправлен на воеводство в Тобольск. И сегодня из Москвы отправиться на службу в Тобольск явно не повышение, а в те времена – прямая опала. Шереметев был прощен Годуновым, когда появился Лжедмитрий I. Царь Борис назначил его действовать против мятежных Кром, где Шереметев воевал вяло и безрезультатно. В результате Лжедмитрием был обласкан: получил боярский чин. В правление Василия Шуйского возглавлял войска для подавления мятежей в приволжских районах. Во время осады Москвы Первым и Вторым ополчениями Шереметев сидел вместе с поляками (и Романовыми в том числе) в кремле. Именно Шереметев возглавил посольство к Михаилу Федоровичу Романову.

Таким образом, собрание собора, поиском кандидатуры занимались люди, чья репутация не была безупречной. Им нужно было поставить на место царя такого человека, который был бы им своим и никогда бы этого прошлого не вспом-

нил. Малолетний (менее 20 лет, несмышленный и безвольный) Романов оказался самой подходящей кандидатурой именно для тех, кто сотрудничал с самозванцами и поляками. Молодой Романов был, что называется, «сам такой же», только вроде бы не по своей воле, а потому и «чистый».

Между тем, польское (читай: европейское) влияние с самого начала определяет политику пришедшей к власти династии. Не случайно уже первых царских детей учили поляки. Позднее авторами первых «русских» учебников по грамматике и арифметике станут поляки – Смотрицкий и Магницкий. Широко известна деятельность Симеона Полоцкого и Феофана Прокоповича. Как в свое время заметил И. Анненский, «жасминовые тирсы наших первых менад примихались быстро». Написаны эти слова были, конечно, по другому поводу, но зато очень выразительно передают быстрое явление нового.

Так, во времена правления Алексея Михайловича, прозванного «тишайшим», была проведена известная реформа, и впервые русское общество оказалось расколотым на приверженцев новой и старой веры. Оно и не могло быть иначе, если вспомнить, что его дед получил сан патриарха во время Смуты при весьма сомнительных обстоятельствах и в таком качестве фактически управлял Россией от имени своего сына Федора Михайловича.

С приходом Романовых к власти традиции русского зодчества (так называемого до монгольского периода), традиции иконописания (XIV–XVI веков) были преданы забвению. Их место заняли европейские традиции, иконописцы учились по гравюрам «Лицевой Библии» (1650) Н. И. Пискарова. В своем «Житии» протопоп Аввакум писал о новых образах: «Есть же дело настоящее: пишут Спасов образ Еммануила; лице одутловато, уста червонная, власы кудрявые, руки и мышцы толстые, персты надутые, тако же и у ног бедра толстыя, и весь яко немчин брюхат и толст учинен, лишю сабли при той бедре не писано»¹⁶.

Собственно Петр Первый только довершил начатое дедом, превратив церковь в один из департаментов. Живое религиозное чувство оказалось побежденным московским благочестием с его приоритетом формы. Образованное общество заговорило на французском языке, перенимая одежду, нравы, быт, а заодно и передовую идеологию европейских государств. Сформировавшаяся в XIX веке идеология славянофилов оказалась чуждой правящей династии и большей части образованного общества, хотя именно славянофилы стояли на государственной позиции. К сожалению, Романовым как династии всегда был чужд интерес к историческому прошлому России в силу, с моей точки зрения, двух причин: малопривлекательному собственному прошлому в эпоху Смуты и ориентации на европейские ценности.

В результате правления Романовых Россия была принесена в жертву европейской идее всеобщего равенства, братства, счастья.

Таков грустный итог деятельности династии: несправедливо избранная, она не принесла гармонии на русскую землю, но ввергла страну в пучину бандитского большевизма и сама сгинула в ней столь же страшно и столь же чудовищно.

Конечно, многое в деятельности династии Романовых послужило и благу России, но вопрос заключается в том, чего оказалось больше. Потому в преддверии четырехсотлетнего юбилея династии Романовых хорошо бы представить объек-

тивную историю ее правления. И хорошо бы всем нам помнить, что по плодам воздается. Итогом («плодом») правления династии Романовых, которая во времена несторения российского общества просто бросила страну на произвол судьбы, стали буржуазная революция и большевистский переворот.

P.S. На конференции по окончании чтения этого доклада мне был задан вопрос: почему сегодняшняя власть так печется о династии Романовых, борясь при этом со всякими проявлениями имперского сознания? Ответ, как мне кажется, лежит на поверхности и следует из культурных традиций прихода к власти, что сложились в России: нелегитимность прихода к власти, в которой оказались все те же, только теперь *бывшие* коммунисты и комсомольцы, их дети и внуки. Поэтому и в сегодняшней жизни «Гайдар шагает впереди». Интересом к династии современная власть «забеливает» собственное кровавое прошлое, привычно принося Россию в жертву чуждой ей идеологии.

Примечания

¹ Великие российские историки о Смутном времени / авт. сб.: В. Татищев, Н. Карамзин, С. Соловьев, В. Ключевский, Д. Иловайский. М.: Астрель: АСТ; Хранитель, 2007. С. 78.

² Иларион. Слово о Законе и Благодати / сост., вступ. статья, пер. В. Я. Дерягина; Реконстр. древнерус. текста Л. П. Жуковской; коммент. В. Я. Дерягина. М.: Столица, Скрипторий, 1994. С. 41.

³ *Афанасьев А. Н.* Поэтические воззрения славян на природу. Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований, в связи с мифическими сказаниями других родственных народов: в 3 т. Т. 1. Репринт 1865 года, с исправлениями. М.: Индрик, 1994. С. 114.

⁴ Собственно, лексема феномен от греческого *φαινω* светиться, являться, то есть получать внешнее, видимо-зримое оформление.

⁵ *Сунягин Г.Ф.* Визуальный опыт и пространственные построения в живописи // Советское искусствознание. Вып. 20. М.: Сов. художник, 1986. С. 230.

⁶ Замечу, что в результате развития от этого слова в русском языке сохранилась лексема, весьма характерная для понимания сути исторических процессов, – нелепость, нелепый. Так язык демонстрирует наглядный пример эволюции человечества: от лепости к нелепости, то есть от гармонии к дисгармонии.

⁷ Великие российские историки о Смутном времени. С. 132.

⁸ Там же. С. 376, 377.

⁹ Там же. С. 477.

¹⁰ Там же. С. 454.

¹¹ Там же. С. 722.

¹² *Платонов С. Ф., академик.* Смутное время. Очерк истории внутреннего кризиса и общественной борьбы в Московском государстве XVI и XVII веков. М.: «АИРО-XXI»; СПб.: «Дмитрий Буланин», 2007. С. 56–98; 99–141, 142–185.

¹³ Великие российские историки о Смутном времени. С. 415.

¹⁴ Собственно, далее Марфа вывозит сына (будущего царя Михаила Федоровича) в Кострому, чтобы тот мог избежать возможных последствий сидения в Кремле.

¹⁵ Сказание Авраамия Палицына / Троицкий сборник. № 2. Свято-Троицкая Сергиева лавра, 2002. С. 318–319.

¹⁶ Пустозерская проза: сборник / сост., предисл., коммент., пер. отд. фрагментов М. Б. Плюхановой. М.: Московский рабочий, 1989. С. 102.

**ПОСЕЩЕНИЕ ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ
АЛЕКСАНДРОМ I И АЛЕКСАНДРОМ II
В ВОСПОМИНАНИЯХ СОВРЕМЕННОКОВ**

Пермская Губерния, хотя и находилась на отдалении от культурного центра России, неоднократно видела лиц императорской фамилии. К числу таких посещений, прежде всего, нужно отнести пребывание в Перми Императора Александра I в 1824 году и цесаревича Александра Николаевича в 1837 году. Эти визиты императоров оказали огромное значение на культурное развитие города и, так же, надолго остались в памяти пермяков.

Александр Павлович, обозревая восточные окраины России, приехал из Оренбурга в Пермь. К встрече императора готовились тщательно. Губернатору К. Я. Тюфяеву и городскому голове Д. Е. Смышляеву пришлось похлопотать, чтобы к посещению Перми в 1824 году императором Александром I город выглядел прилично. Вместо прогнивших верстовых столбов, стоящих на въезде в город в начале и конце Бульвара, были поставлены заставы, увенчанные орлами. Александр I въезжал в город через сибирскую заставу, а уезжал через Казанскую. К приезду Государя была благоустроена самая зеленая улица города – Оханская (Газеты «Звезда»). Казенные и частные здания были обновлены, покрашены с фасада, площади и улицы очищены от нечистот и сорной травы, впервые созданы по городу тротуары, насажены четыре ряда аллей берез, или бульвар, устроен для встречи Государя павильон, названный ныне ротондой. И. И. Свиязев получил в 1824 году заказ на строительство в Загородном саду беседки-ротонды (круглая в плане беседка, возведенная на каменном основании, представляет собой двенадцать колонн, поддерживающих полусферический купол. Сооружение было деревянным, но благодаря отделке, производит впечатление каменного).

Александр I прибывает в Пермь 30 сентября. Почти с утра 30 сентября толпы народа вышли на Сибирскую от заставы до императорской квартиры. Наиболее нетерпеливые и любопытные дожидались императора даже за чертой города, расположившись по обе стороны тракта. В одном из экипажей ехал почетный лейб-хирург Д. К. Тарасов, который позже написал «Воспоминания моей жизни», опубликованные в 1871 году, где он рассказал о своем путешествии с Александром I в Пермь: «Прибыли в Пермь 30 сентября. В Перми мы встретили осень; наступила пасмурная холодная и дождливая погода, которая неблагоприятно подействовала на здоровье Государя. Впрочем, это более происходило от помещения его в Губернаторском доме, который не был пригоден для принятия Государя надлежащим образом, ибо она (квартира) была сыра и холодна. Приняты были все предосторожности, и здоровье его вскоре восстановилось»¹.

Приезд императора был важнейшим событием в истории провинциального города, поэтому с данным событием связано огромное количество легенд и приданий. Одна из них в народе носит название «Как заработать бриллиантовый

перстень за пять минут». Когда архитектор Свиязев жил в Перми, он построил себе небольшой деревянный домик в глубине леса неподалеку от будущей Сибирской заставы, которая, как и Казанская, была воздвигнута у въезда в город по его проектам в 1824 году, к приезду императора Александра I. Император прибыл в Пермь 30 сентября 1824. Немного отъехав от Сибирской заставы, он остановил карету у первого домика, стоявшего в глубине сада, и попросил у хозяев дома разрешения переодеться, Александр всегда появлялся перед публикой в белоснежном мундире, поэтому нужно было сменить дорожное платье на новый сияющий мундир. Супругам Свиязовым в благодарность за прием были вручены бриллиантовые перстни из рук самого императора.

Далее Государь отправился в кафедральный собор, где был встречен епископом Дионисием. Отслушав молебственные в соборе, Александр отправился на свою квартиру. Все прилегающие к зданию улицы были усеяны толпами народа, кричавшими «УРА». В течение вечера Государь более пяти раз выходил на балкон и раскланивался, благодаря собравшихся за радушие. На другой день, 1 октября, в 5 часов утра Государь показался на балконе и раскланялся с народом. Около 7 часов Его Величество отправился на развод местного батальона, который располагался на площади, носящей теперь имя Театральная. Литургию и молебен Государь слушал в Преображенском летнем соборе. По окончании молебна Император один, без свиты, направился к дому епископа Иустина, потом в теплый собор св. Стефана, а затем в домовую архиерейскую церковь.

На следующий день, 2 октября, государь с 7 часов утра начал объезд казенных заведений, посетил дом губернатора, тюремный замок, богадельню приказа общественного призрения, военный госпиталь, место, на котором предполагалось построить городскую больницу, дом умалишенных, а затем Мотовилихинский завод. На Егошихинском мосту к нему обратились с просьбой бедные жители о дозволении им селиться у подошвы горы и о замене ветхих строений новыми². Государь, улыбнувшись, сказал, что всякий по состоянию волен строить себе дом в городе. Император Александр I при посещении богоугодных заведений Перми сделал замечание губернатору Тюфяеву: «Не мешало бы позаботиться о приведении заведений Приказа в лучший вид, а то они настоящие руины, хотя и содержатся в примерном порядке»³. Это замечание относилось к больнице в деревянном бараке на Вознесенской, который простоял уже несколько десятков лет и пришел в негодное состояние. Тюфяев после такого замечания предложил горожанам подписку в пользу больницы. С 1825 по 1836 год была собрана огромная сумма – 437 тысяч рублей. 16 мая 1827 года происходила закладка здания больницы и дома умалишенных. Оба дома были закончены к 1830 году, но окончательная отделка затянулась до 1833. Больница стала называться Александровской.

Существует еще одна легенда связанная и именем Александра в Перми, эта легенда основана на реальном событии. Александр I посетил тюремный замок. Арестанты были выстроены в шеренгу. Государь спрашивал каждого, за какое преступление тот здесь содержится; каждый старался в немногих словах высказывать свои страдания и невиновность. Только один арестант пал в ноги Государю и чистосердечно признался в краже. Государь велел ему встать, сказал:

«Бог тебя простит», – и обратился к губернатору: «...Прикажите его отсюда уволить и отпустить в место его жительства, он один оказался виновным, а виновному с правыми вместе нельзя, правым же объявите, чтобы защищали себя законным образом»⁴. Арестант был отпущен на свободу.

Вечером, 2 октября, в честь Государя готовился бал. Но Александр сказал, что на балу присутствовать не будет, по причине того, что ему рано утром собирается в дорогу. В этот вечер Тюфяев убедил Государя отменить уже состоявшийся перевод доктора Ф. Х. Граля в другую губернию. Александр повелел навсегда оставить в Перми незаменимого Граля инспектором врачебной управы⁵.

На следующий день, в 5 утра, Император был готов к отъезду. Его благословил в дорогу епископ Дионисий и под колокольный звон покинул город.

Александра в городе еще долго вспоминали. Жители Кунгурского уезда вспоминают, как Александр I, не выходя из экипажа, встречался с местным священником в присутствии крестьян. В селе Большие Ключи Красноуфимского уезда император заночевал у местного священника Т. Бурдина и на память подарил золотые часы⁶. И не только яркий приезд императора, но и полезные его указания. Уже после отъезда императора, но по его настоянию была построена знаменитая Александровская больница на пожертвования жителей Перми 17 ноября 1833 года. Так же после приезда императора активно занялись обустройством города, был поднят вопрос об освещении улиц города Перми в ночное время. Раньше по улицам города ходили с фонарем или с факелом. И губернатор Тюфяев К. Я. 3 ноября 1825 г. предписал губернскому архитектору Васильеву составить смету и проект фонарей⁷. Вот так приезд Александра способствовал облегчению передвижения пермяков в ночное время. Так же, жители Перми с благодарностью вспоминали указ императора об отмене перевода доктора Граля в Перми.

Через двенадцать с половиной лет Пермь посетил наследник Александр Николаевич, во время своего путешествия по России. Цесаревич прибыл в Пермь поздно вечером 23 мая. Автор «Летописи г. Перми» Прядильщиков днем прибытия Цесаревича считает 21 мая⁸. Но сейчас доказано, что это ошибочное мнение.

Мысль о путешествии наследника принадлежит Императору Николаю I, желавшему, чтобы сын хорошо узнал страну, который был управлять, узнал все её преимущества и недостатки.

Весь день 23 мая прошел для пермяков в томительном ожидании. При отсутствии телеграфов, медленного передвижения на лошадях нельзя было точно указать заранее время прибытия цесаревича. Толпы народа стояли по обеим сторонам дороги. «Солнце уже закатилось, весь день город блистал тысячами площадок и фонарей. С высокой колокольни Кафедрального собора Пермь казалась утонувшею в море огней, а самая колокольня, собор, как и вся набережная, также залитая огнем, эффектно отражались в тихих водах могучей Камы»⁹. Только к 11 часам вечера поезд с цесаревичем стал приближаться к городу. Городничий Вайгель в парадном мундире, на белой верховой лошади ожидал царский «поезд» у самой Казанской заставы, построенной к приезду императора Александра I. Поезд с императором двигался довольно медленно, это объясняется тем, что от многотысячной толпы, двинувшейся за Александром Николаевичем, поднялась такая пыль, что цесаревич вынужден был закрыться шинелью и глубже надвинуть

на лицо фуражку. Экипаж проехал по аллеям, соединяющим заставы, Казанскую и Сибирскую и направился дальше по сибирской улице к Каме. Эффектно была иллюминирована ротонда. Поезд должен был направиться к Кафедральному собору, где цесаревича ожидал архиепископ Аркадий с духовенством, но Александр, утомленный долгим переездом, перенес посещение храма на следующий день. И направился к дому губернатора, где ему была предоставлена квартира. Александр, умывшись и, переодевшись, беседовал с чиновниками, похвалил дороги, созданные еще в начале века губернатором К. Ф. Модерахом. Позже неоднократно подходил к окну и отвечал на приветственные крики народа в его честь. На другой день, 24 мая, в 9 часов утра отправился в Кафедральный собор. Потом, в доме губернатора, принимал архиепископа, вице-губернатора и других чиновников. После приема начался объезд города. Александр посетил все городские учреждения: тюремный замок, училище детей канцелярских служителей, Александровскую больницу, богадельни, дом умалишенных и т. д. Вечером цесаревич пожелал прокатиться по реке. По воспоминаниям современников, этот вечер был особенно хорош. Пермь вспоминают, что будущий император сам правил рулем. Народ с берега приветствовал цесаревича. Два часа длилась прогулка. Когда Александр Николаевич после прогулки сел в карету, то пожелал еще раз полюбоваться на реку и проехаться по набережной, любуясь красотой иллюминации. Весь город блеснул огнями. Огни отражались в водах реки, создавая поистине незабываемое зрелище¹⁰. В 10 часов вечера Александр прибыл на свою квартиру, еще раз поклонился народу, и занялся бумажными делами. На другой день, цесаревич вышел из квартиры в 7 утра и сел в дорожный экипаж, принимая просьбы народа. При отъезде Александр подарил майору Голенищеву бриллиантовый перстень. И поезд тронулся по Сибирскому тракту, сопровождаемый криками «Ура» и колокольным звоном всех городских церквей.

Примечательна «Легенда об отравлении царевича в Оханске». В 1824 году здесь побывал Александр I следовавший в Сибирь, а в 1837 году город посетил царевич Александр Николаевич и В. А. Жуковский. Пребывание будущего императора Александра II жителям Оханска больше всего запомнилось случаем, который произошел с ним в селах Большая Сосновка и Дуброво Оханского уезда. Как необычайный факт местной истории, его запечатлел в своем дневнике И. П. Вахрушев:

Про него рассказала хозяйка дома Е. М. Гладких, где он останавливался, которая и угощала царевича. Было лето жаркое, примчался вперед курьер и известил, что из Казани в Пермь выехал Его императорское Высочество цесаревич Александр Николаевич. После этого поднялась такая тревога, все готовились его встречать... В день приезда царевича улица до дома была застелена коврами и половиками, а дальше до конца села пихтою. По сторонам стояли офицеры, а старички стояли с хлебом-солью, священство облачилось в самые лучшие ризы, сам голова в кафтане с серебряными позументами держал на блюде хлеб-соль, а сверху лежал рапорт.

Из царской кареты вышел толстенький человек, думали, что это царевич. Караул крикнул: «Здравия желаем, Ваше императорское величество!» Кругом закричали: «Ура! Государь наследник!» Толстенький человек улыбнулся и снял шляпу с плешивой головы. Вдруг из кареты выпрыгнул юноша лет 17–18 в мундирчике и фуражке с красным околышем. Толстенький человек (Жуковский В. А.)

поклонился голове и, указывая на юношу, сказал: «Ваш государь – наследник». Все опустились на колени. Царевич пожелал закусить, и хотя много было наготовлено всякой всячины, царевич захотел холодной простокваши. Свекровь подала нетронутую кринку. Царевичу простокваша понравилась и он съел её всю. Затем пожелал бражки. Царевич отбыл, все разошлись. Прошло четыре часа. Вдруг прибыл адъютант, врач и исправник со стражниками. Оцепили наш дом, всех взяли под арест. Адъютант потребовал простокваши, бражки которыми свекровь угощала царевича. Заставил нас есть и пить, остатки опечтал. Посадили под арест. Всю ночь мы не спали, а утром на другой день опять гонец из Дубровы – сказал снять караул и освободить всех из-под стражи. Свекровь голосом заревела от радости, что царевич жив. Что случилось? А оказалось, простокваша да бражка в брюхе царевича «поссорились»... После свекру, видимо за напрасное подозрение, прислан был кафтан, шитый золотом, и медаль, а свекрови – бархатный чепчик, усыпанный жемчугом и самоцветными камнями¹¹.

Александр I и Александр II были не единственными царственными персонами, посетившими Пермскую губернию. В 1868 году в Перми побывал Великий князь Владимир Александрович. В 1873 Великий Князь Алексей Александрович, в его честь было открыто пермское Алексеевское реальное училище. В 1887 году прибыл великий Князь Михаил Николаевич с сыном Сергеем, они присутствовали при открытии здания Пермской Мариинской женской гимназии¹². В 1909 через Пермь II последовал Великий Князь Константин Константинович. Так же можно вспомнить печально окончивших свои дни в Пермской губернии «первого и последнего из Романовых» двух Михайлов в 1601 году сюда был сослан (и вскоре здесь умер) Михаил Никитич Романов, дядя будущего царя Михаила Федоровича; и Михаил Александрович, расстрелянный близ Перми в 1918 году.

Но приезды Александра I и Александра II были первыми посещениями столь титулованными особами города Перми и наиболее значимыми и запоминающимися для пермяков и жителей губернии. Поскольку до приезда и после приезда Государей город хорошел и изменялся. Долгое время сохранялись рассказы, легенды и мифы об императорах, посетивших провинциальный город Пермь в первой половине XIX века.

Примечания

¹ *Тарасов Д. К.* Воспоминания моей жизни (о пребывании Александра I в Перми 1824 г.) в кн.: Е. А. Спешилова *Старая Пермь. Дома. Улицы. Люди.* Пермь: Курсив, 1999. С. 131–132.

² *Дмитриев А. А.* Очерки из истории губернского города Перми – Пермь: Типография П. Ф. Каменского, 1889. С. 188.

³ *Спешилова Е. А.* *Старая Пермь. Дома. Улицы. Люди.* Пермь: Курсив, 1999. 398 с.

⁴ Там же. С. 333.

⁵ *Дмитриев А. А.* Очерки из истории губернского города Перми – Пермь: Типография П. Ф. Каменского, 1889. С. 189.

⁶ *Чагин Г. Н.* История в памяти русских крестьян среднего Урала в середине XIX – н. XX века. Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 1999. 78 с.

⁷ Страницы Истории Земли Пермской. Часть вторая: Пермь: Книжный мир, 1997. 93 с.

⁸ *Прядильщиков Ф. А.* Летопись губернского города Перми с примечаниями Д. Д. Смышляева. – в кн.: календарь пермской губернии на 1884 год.

⁹ *Дмитриев А. А.* Очерки из истории губернского города Перми. Пермь: Типография П. Ф. Каменского, 1889. С. 109.

¹⁰ В. С. Верхованцев «Город Пермь, его прошлое и настоящее». Пермь: Пушка, 1994. С. 75–76.

¹¹ Дневник И. П. Вахрушева в кн.: Г. Н. Чагина, А. В. Шилова Уездные провинции Кунгур, Оса, Оханск. Пермь: Книжный мир, 2007. С. 364–366.

¹² Пребывание Их императорского Высочества Государей Великого Князя Михаила Николаевича и Сергея Михайловича в пределах Пермской Губернии в июне 1887 г. // ПГВ (пермские губернские ведомости) 1887 № 58–62.

С. В. Алексеева
г. Санкт-Петербург

СТОЛИЦА ПРИ ПЕРВЫХ РОМАНОВЫХ: РОЛЬ МОСКВЫ В ИДЕОЛОГИИ РУССКОГО САМОДЕРЖАВИЯ

Роль Москвы в истории династии Романовых трудно переоценить, этот вопрос всегда находился в поле зрения историков, исследователей Москвы, искусствоведов.

Никакой другой город России кроме Москвы не мог стать столицей для первых Романовых, и тому было много причин. Утвердившись на московском престоле, Романовы соединили прерванную Смутой цепь развития русской национальной государственности. Романовы стали приемниками политического и духовного наследия потомков Ивана Калиты, своим великокняжеским правлением подготовивших ту базу, на которой выросла идея русского самодержавия и мощная мировая держава – Российская империя.

Первые Романовы на московском престоле – Михаил Федорович и Алексей Михайлович – унаследовали не только территориальные приобретения Калитичей и их могущественную столицу – Москву. Пред ними лежала огромная страна, ослабленная голодом, внутренним неустройством, безвластием, разорительными иноземными вторжениями, сама столица переживала огромный экономический и культурный упадок.

Вывести Россию и русский народ из последствий Смуты было нелегким делом. Главное наследство Рюриковичей, доставшееся первым представителям Романовых и позволившее им преодолеть страшное прошлое, стала идейная основа русской государственности, выработанная в предшествующий период. Она была уже закреплена в идеологии Русской православной церкви, в государственных символах, в искусстве, и во многом транслировалась именно через культуру города Москвы.

Союз церкви и власти московских князей Рюриковичей лежал в основе создания единого Русского государств, помог преодолеть зависимость от монголо-татар, и это был взаимовыгодный союз. «Церковь нуждалась в Москве, оплоте Православия, и последовательно поддерживала политику московских князей.

Московские князья нуждались в Церкви, легитимизировавшей их власть и способствовавшей возвышению Москвы»¹.

Идейная основа великокняжеской власти потомков Ивана Калиты лучшим образом нашла выражение в концепции монаха Филофея – «Москва – Третий Рим»². Во многом она явилась завершением политики московских князей, направленной на союз с церковью.

Формула Филофея поднимала статус московских правителей на международный уровень, наделила их особой мессианской ролью защитников православия во всем мире. Именно как поборники веры и русского народа в условиях польской и шведской оккупации, при угрозе потери конфессиональной и политической самостоятельности пришли к власти бояре Романовы, Михаил Федорович был избран царем и принял высшую светскую власть, а его отец Федор Никитич (патриарх Филарет) стал во главе церкви.

При первых Романовых слияние светской и церковной власти практически дошло до своего апогея. Патриарх Филарет наравне со своим сыном царем Михаилом Федоровичем участвовал в управлении государством. Вплоть до конфликта едины были и Алексей Михайлович с патриархом Никоном. Власть государя, укрепленная мощным авторитетом предстоятеля Русской православной церкви, достигала невиданных высот, позволила потомкам Михаила Федоровича на 300 лет утвердиться во главе Русского государства.

Но наряду с положением правопреемников основных идей прошлого Русского государства, русской духовной культуры, первые Романовы стали и вестниками принципиально нового в жизни страны и общества.

XVII в. был переходным временем в истории нашего государства, когда средневековые уступало место эпохи нового времени, и правление первых Романовых ярко запечатлело на себе смену исторических периодов.

Исследователи искусства писали об определенном кризисе XVII в.: «Жажда знания, обогащения духовного мира человека и преобразование действительности именно через знание и посредством рук человеческих сменили стремление к духовному самоусовершенствованию путем “внутреннего делания”... Этим объясняются в большинстве случаев те приобретения и утраты, которыми отмечено русское искусство XVII века»³.

Москва с XIV в. выполняла роль центра объединения Руси, а духовная и художественная жизнь Москвы стала неотъемлемой частью и ярким выразителем этого процесса сложения единого Русского государства и укрепления верховной власти московских князей. Культура Москвы стала квинтэссенцией культуры всего государства, поэтому проанализировать ее составные части особенно важно⁴.

Первостепенным символом власти московских великих князей был Кремль. Его основной архитектурный ансамбль окончательно сформировался в конце XV – начале XVI вв. Новое звучание комплексу Московского Кремля придал XVII в.: восстановление величия России и Кремля шло одновременно. Е. Ю. Гагарина писала: «После окончания Смуты, освобождения Москвы в 1612 году и венчания на царство в 1613 году Михаила Романова началось возрождение России и Москвы. В Кремле собрались лучшие художники и ремесленники из старинных русских городов для восстановления и украшения дворцов и соборов. В Кремлевских мастер-

ских создавался новый стиль, в котором слились традиции искусства Москвы XVI века, местные особенности и элементы западноевропейского искусства»⁵.

В XVII в. ансамбль Кремля совершенствовался и развивался. Романовы бережно приняли то, что досталось им от Рюриковичей. В 40-е гг. – 50 гг. было предпринято масштабное обновление росписей интерьеров московских соборов. Кремль и внешне стал выглядеть могущественнее, его башни получили шатровые завершения.

Для Михаила Федоровича в 30-е гг. XVII в. был построен Теремной дворец, а при патриархе Никоне был возведен Патриарший дворец с церковью Двенадцати апостолов. Как нельзя лучше и нагляднее в резиденции русских царей отразилась идея союза светской и духовной власти: Архангельский собор – усыпальница правителей, Успенский – патриархов, дворец царя и дворец патриарха.

Двор первых Романовых – особая тема для отечественной историографии. Этикет двора московских Романовых, наполненный символикой и церковной образностью, детально проанализированный И. Е. Забелиным, безусловно, отражал представления о власти московских государей⁶. Цари выступали активными участниками церковной жизни, носителями идеи православия.

Одновременно с этим, в жизни московского двора уже появилась та щелочка, через которую на Русь стали проникать новшества европейской жизни. Общение с иностранцами оказывало сильное влияние на высшие слои общества, в их быт и развлечения проникали элементы европейской культуры. Например, пастор Немецкой слободы Грегори завел при дворе Алексея Михайловича театр.

В изобразительном искусстве и в архитектуре отчетливо прослеживалось влияние западных образцов, все это меняло не только форму, но и расширяло творческое мировоззрение.

Сочетание нового и старого, традиционного и европейского особенно ярко проявилось в живописи. Мастера Оружейной палаты – художественного центра страны – создавали иконы и «парсуны». Но иконы имели уже черты реализма, а портреты были еще «иконописны» по технике исполнения. Московская живопись ярко отразила расширение миропонимания русского человека XVII в.

Живопись XVII в. успешно развивала идею, лежавшую в основе государственного устройства России – союз церковной и светской власти, заключенный во имя защиты и процветания русского народа. В иконописи предпринимались попытки выйти за рамки церковного канона, не только в целях совершенствования художественных приемов, но и для расширения тематики. Осмысление исторического прошлого стало важнейшей темой для иконописца. В иконе «Среднее иконы «Богоматерь Владимирская»» середины XVII в. из Государственной Третьяковской галереи был описан исторический сюжет – крестный ход митрополита Киприана и великого князя Василия Дмитриевича с иконой «Богоматерь Владимирская» в 1395 г. Согласно представлениям того времени, это избавило Москву от нашествия Тамерлана. Символично то, что и митрополит, и великий князь изображены с нимбами на голове, их взоры молитвенно устремлены к Божественной Заступнице, за ними тянется огромный поток жителей Москвы. Процессия выходит из Спасских ворот Кремля. Подробно на иконе представлен Кремль, особенно выделяется пятиглавый Успенский собор.

Самая известная икона этого периода, созданная в 1668 г. «царским изографом» Симоном Ушаковым, «Древо государства Московского» стала подлинным гимном православию и государственной власти. В ней через поклонение образу Владимирской Богородицы были прославлены русские князья, цари, святые, иерархи церкви. В данном произведении нашло отражение умонастроение эпохи: Московский Кремль был показан домом Пресвятой Богородицы.

XVII в. был тем временем искания просвещения, когда и сама церковь не могла оставаться прежней. И в этом новом, более научном, даже критическом подходе к церкви, к церковному искусству уже крылись те противоречия, которые послужили разделителем русского общества на приверженцев «старинны» и «новизны», исконных русских традиций и западничества.

Попытка исправления богослужебных ошибок, привнесение в церковное служение некоторого анализа, осмысление исторического опыта привели к всенародной трагедии XVII в. – к расколу.

Возникновение в Москве в 1687 г. первого высшего учебного заведения Славяно-греко-латинской академии, конечно, не могло еще подорвать высокого авторитета церкви как центра мысли и творчества. Но альтернативное направление в области накопления и обработки знаний о мире и человеке уже заявило о себе в столице Русского государства.

Проблема XVII в. состояла в том, что зачастую носителями образования и просвещения выступали иностранцы, вот поэтому прогресс должен был восприниматься с осторожностью, мог выглядеть «предательством» своей культуры. В этот период остро встали вопросы международных, межэтнических, межконфессиональных контактов. Очень образно об этом написал С. М. Соловьев: «Казалось, что Русь отгородилась от немцев, но это могло только казаться так. Русь трогалась с востока на запад, и Запад выставил ей на пути как свою представительницу Немецкую слободу. Исторический черед был за Немецкой слободой, и скоро старая Москва преклонится перед этою слободой своею, как некогда старый Ростов преклонился перед пригородом своим Владимиром; скоро Немецкая слобода перетянет царя и двор его из Кремля, обзаведется своими дворцами. Немецкая слобода – ступень к Петербургу, как Владимир был ступенью к Москве»⁷.

Приток иностранцев в столицу, технические новшества, светское искусство – все же серьезно меняло мировоззрение людей XVII в., заставляло их по-новому оценивать окружающую действительность и отечественную культуру. Очевидно, что в жизни москвичей XVII в. столкнулось и новое, и старое. Известный историк М. Н. Тихомиров писал: «Совершенно естественно, что среди русских людей XVII вв. находились охотники перенимать иноземное и видеть в подражании иноземному своего рода прогресс... Однако в этом отношении XVII век был осторожнее, чем последующее столетие. Царь Алексей Михайлович завел при дворе театр (“комедийную хромину”) и первый журнал (“куранты”), но остался верен прежнему московскому быту»⁸.

Взаимодействие разных культур в пространстве Москвы, конечно, происходило, но еще в более мягкой форме, чем через некоторое время это будет иметь место в Петербурге. С одной стороны, страх перед потерей национальной и культурной независимости в сознании людей был еще достаточно силен. С другой

стороны, развитие образования, науки, искусства в Москве в ключе усиления контакта с Западом было неизбежным процессом, подготавливавшим приход эпохи просвещения в Россию.

Московское самодержавие первых Романовых, базировавшееся на наследии княжеского дома Калитичей, легло в основу Петровской империи. Но город (столица) сформировавшийся как огромный социальный организм, единое культурное пространство не мог коренным образом измениться и принять те тяжелые условия и ускоренные темпы европеизации, которых потребовала от России Петровская эпоха. Москва для этого была слишком русской, слишком православной. Новая столица с европейским названием – Санкт-Петербург – стала символом новой эпохи, новой политики, новой культуры. Союз правительства с Церковью, как главным носителем национальной идеи, был подорван под натиском секуляризации и европеизации, лидирующее положение заняло светское государство.

Примечания

¹ Сазонов Д. И. Церковь и государство: на пути к Третьему Риму // Романовские чтения. История Российской государственности и династия Романовых: актуальные проблемы изучения. Материалы конференции. Кострома, 29–30 мая 2008 года. Кострома, 2008. С. 26.

² Сеницина Н. В. Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.). М., 1998.

³ Древнерусское искусство: XVII века. М., 1964. С. 7.

⁴ Культура средневековой Москвы: XVII век. М., 1999.

⁵ Гагарина Е. Ю. Предисловие // Иконописцы царя Михаила Романова: Каталог выставки. М., 2007. С. 7.

⁶ Забелин И. Е. Домашний быт русского народа в XVI и XVII ст. Т. I. Ч. 1–2. Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст. М., 2000.

⁷ Соловьев С. М. Соч. В 18 кн. Кн. VII. История России с древнейших времен. Т. XIII – XIV. М., 1991. С. 167.

⁸ Тихомиров М. Н. Москва и культурное развитие русского народа в XVI–XVII вв. // Труды по истории Москвы. М., 2003. С. 514.

О. В. Хохлова
г. Кострома

**ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ ИМПЕРАТОРА: ЦАРСТВОВАНИЕ НИКОЛАЯ I
В ВОСПОМИНАНИЯХ Д. А. МИЛЮТИНА**

Почти 30-летнее царствование императора Николая I часто называют апогеем самодержавия. Действительно, международный престиж империи никогда не был столь высоким, как в эпоху Николая I. Однако поражает ее внутренняя противоречивость, которая была отражением неоднозначности самой личности императора, принимавшего деятельное участие во всех начинаниях государства.

Частная жизнь и государственная деятельность Николая I, его характер, привычки, взаимоотношения с самыми различными людьми нашли отражение

во многих дневниках и воспоминаниях современников, в том числе и в мемуарах Д. А. Милютин.

Необходимость обращения к воспоминаниям Д. А. Милютин как важному источнику изучения истории России XIX века обусловлена целым рядом причин. В первую очередь, необходимо отметить, что Милютин являлся современником Николая I, при нем началась его осознанная жизнь, служба и военная карьера. Однако при этом Милютин намного пережил и Николая I, и его сына, и даже внука. Долгая и богатая на события жизнь позволила Милютину накопить огромный багаж опыта, он имел представления о разных периодах истории нашей страны не понаслышке, и ему было с чем сравнивать эпоху Николая Павловича. Милютин взвешен и достаточно объективен в своих оценках, поскольку у него не было причин ни «обелять», ни «очернять» царствование Николая I, а время написания воспоминаний (конец XIX века) окончательно отсеивает все поводы усомниться в объективности автора. Ведь в тот период он мог не опастаться Высочайшего гнева в ответ на критические замечания в адрес Государя. Кроме того, Д. А. Милютин, в мемуарах вновь возвращаясь к событиям Крымской войны и общественной атмосфере той поры, обнаруживает заметную неудовлетворенность скоропалительными суждениями того времени, в результате чего он один из первых заговорил о необходимости более объективной оценки николаевского наследия в целом.

Сопоставив высказывания, оценки и приводимые в воспоминаниях Д. А. Милютин факты относительно жизни и деятельности императора Николая I с другими известными сведениями, возможно составление, несмотря на некоторую мозаичность, достаточно целостного портрета правителя, именем которого называется целая эпоха в истории России.

Итак, первое «знакомство» будущего фельдмаршала с императором состоялось в 1830 году Милютин был еще совсем юным, чтобы давать какие-либо оценки (ему было 14 лет), но уже тогда Николай I произвел на Милютин противоречивое впечатление. В глазах юноши приезд императора в Москву и посещение им больниц и разных заведений во время вспышки холеры выглядели весьма мужественным поступком, появление императора среди зараженного города ободряло всех. В числе прочих заведений Николай пожелал посетить и университетский пансион, в котором обучался Дмитрий Алексеевич. Комичная ситуация, возникшая во время этого посещения, во всей красе рисует николаевскую систему, с которой на протяжении долгого времени придется иметь дело Милютину¹.

Справедливости ради, надо отметить, что во время вторичного императорского посещения московского университетского пансиона в 1831 г., все действующие лица прошлогоднего курьеза вели себя с точностью до наоборот: среди учащихся царила дисциплина, а «Государь остался доволен найденным порядком и как будто хотел своей благосклонностью изгладить тяжелое воспоминание о своем гневе»².

Но на этот раз, очевидно, решающую роль сыграла предварительная подготовка к визиту императора. Подобная готовность к официальным смотрам, парадом и т. д. была неотъемлемым элементом как повседневной жизни солдат, военачальников, так и всей николаевской системы в целом. Милютин, не понаслышке

знающий о «линейных» учениях, маневрах, дает ей яркую характеристику: «Редкое учение или смотр обходились без бури, без «распеканий», арестов и даже розог для солдат. К осмотрам Государя готовились, как на страшный суд. Исправность лагерной службы проверял сам Государь, приезжая в лагерь внезапно, в ночное время и поднимая войска по «тревоге»³. Вообще же, «известно, какое значение имели большие маневры в те времена, когда сам Император Николай лично принимал в них живое участие»⁴, которое порой сводилось к тому, что он заезжая в «кадетский лагерь», иногда совершенно неожиданно, поднимал по тревоге весь отряд и производил учение или маневр, потешаясь, как игрушкой»⁵.

Стремление Николая I проникнуть во все, даже самые мельчайшие тонкости любой сферы деятельности государства (не только военной), желание над всем установить свой контроль, касалось и науки. Из воспоминаний мы узнаем, что император сам прочитывал рукописные труды историка Михайловского-Данилевского, занимавшегося описанием войн. Государь интересовался лично и «хроникой» полковника Висковатова, составлявшего хронологическое описание всех перемен, происходивших в течение времени в составе и устройстве русских войск, в их обмундировании, снаряжении, знаках отличия, знаменах и т. п. Подобное «вмешательство» обуславливалось, в первую очередь тем, что «Николай Павлович знал до тонкости все мельчайшие подробности по этой части»⁶. Не обделил император вниманием и исторический труд самого Милютин. Все рукописи «Истории войны России с Францией в царствование императора Павла I, в 1799 году» были прочитаны с такой внимательностью, что монарх «давал себе труд делать собственноручные заметки и даже поправки попадавшимся опискам»⁷.

Как ни странно, это стремление «замкнуть» все дела на себя уживалось у Николая с явно не оправданным доверием к некоторым лицам из его ближайшего окружения. «Величайшим недостатком» отца наследник престола, будущий император Александр II, считал то, что тот был «слишком доверчив» к людям, полагая, что «все, подобно ему, стремятся к общему благу, нисколько не подозревая, как обманывают его иногда своекорыстие и неблагодарность приближенных»⁸.

В российской историографии превалирует мнение о том, что Николай I оказался несостоятельным в попытках решения одной из самых жгучих проблем той эпохи, связанной с положением крепостного крестьянства. Действительно, один за другим создаваемые им секретные комитеты для обсуждения вопроса об «изменении быта помещичьих крестьян» не дали позитивного результата. Но, как справедливо подмечает Д. А. Милютин, «все эти попытки правительства возбуждали много толков в помещичьей среде, принимались с явным неудовольствием и раздражением. Благие стремления императора и настойчивые усилия графа Павла Дмитриевича Киселева встречали упорное противодействие в самом составе высшего правительства»⁹. Сам же император в конце концов пришел к твердому убеждению: «...Крепостное право, в нынешнем его положении у нас, есть зло, для всех ощутительное и очевидное, но прикасаться к нему теперь было бы делом еще более гибельным»¹⁰.

Воспоминания Милютин позволяют почувствовать то далёкое время последних лет существования крепостного права, задуматься о неоднозначности

правительственной политики Николая I, о наличии оттенков и красок в созданной им консервативно – охранительной системе.

Интересно обратиться к Воспоминаниям Милютин, как прекрасного знатока Кавказа, непосредственного участника военных действий, в вопросе политики Николая I в Кавказском крае. В 1844 г. Милютин писал по поводу обнаруженных записок о покорении Кавказа: «разительно выказывалось, с одной стороны, как основательно знал край и понимал условия Кавказской войны генерал Вельяминов. А с другой – как мало знали и понимали Паскевич и сам Император»¹¹. Милютин, соглашаясь с Николаем в необходимости решительных действий в горах, считал ошибочным взгляд императора на усиление войск на Кавказе как на меру «временную, чрезвычайную, имевшую целью – сильным решительным ударом восстановить обаяние русской власти в крае»¹². Однако уже во время Крымской войны, одним из 2-х главных фронтов которой являлся Кавказ, Милютин отдает должное Николаю I, в том, что он ни при каком давлении со стороны кавказского руководства, не согласился оставить Дагестан с целью усиления войск в Закавказском крае «ввиду новой мнимой опасности – враждебных действий со стороны Персии»¹³. А оставление Дагестана, хотя бы временное, по мнению Милютин, отдалило бы на десятки лет окончание Кавказской войны¹⁴.

Эпохальным в истории России, и рубежным в череде царствований событием стала Крымская (Восточная) война 1853–1856 гг., явившаяся результатом обострения восточного вопроса. В течение всей Крымской войны Милютин состоял «для особых поручений» при тогдашнем военном министре князе В. А. Долгорукове. Затем он был назначен в свиту его величества. Будучи непосредственным наблюдателем разворачивающихся событий, Дмитрий Алексеевич дает очень ценные сведения относительно дипломатических замыслов русского императора, его повседневного поведения, рисуя яркие картины горечи поражений и радости побед, восприятие событий войны Царем, так и не увидевшим ее окончания.

Дмитрий Алексеевич в своих воспоминаниях убеждает читателя в том, что Николай I не хотел войны. И надо сказать, у него это вполне получается, поскольку воспоминания дают нам мало известные факты о том, как император «подавался на всякие уступки, совместные с достоинством России»¹⁵ на протяжении всей войны. Милютин неоднократно упоминает «желание и надежды нашего Государя покончить мирным путем столкновение с Портой»¹⁶, ярко описывает «начало войны, разразившейся совершенно вопреки воле Императора Николая I»¹⁷. Даже когда в 1854 г. англо-французская эскадра вступила в Черное море с формальным заявлением принять под свою защиту суда и берега Турции, (что было почти равносильно объявлению войны), «Император Николай выказал такую сдержанность, такую уступчивость, каких нельзя было ожидать от его гордого, непреклонного характера»¹⁸.

Намерения России выражались в Высочайших манифестах, которые подтверждали, что русский император, «подняв оружие единственно для восстановления нарушенных прав подвластных Порте православных христиан, не искал и не ищет ни завоеваний, ни преобладающего влияния в Турции»¹⁹.

Дмитрий Алексеевич задается вопросом: «можно ли добросовестно возлагать вину на Императора Николая после всех сделанных им уступок для избежания

войны)? и приходит к выводу, о том, что «совершенно ложно иностранные публицисты выставляли, будто бы Россия сама вызвала войну, заранее приготовившись к ней». В подтверждение своих убеждений, Милютин приводит ошеломляющие факты того, что «война застала нас, можно сказать, врасплох; совершенно неожиданно очутились мы лицом к лицу перед могущественной коалицией и поставлены были в крайне опасное положение»²⁰.

Отдавая должное познаниям Николая I в военном деле, его необыкновенной энергии и трудолюбию, фантастической памяти, Милютин, вместе с тем, не одобрял его роли руководителя, входящего во все подробности военной администрации, при котором военный министр был на положении секретаря, пунктуально выполняющего высочайшие предписания. Советником же государя по военным делам можно было признать разве одного фельдмаршала князя Паскевича, который пользовался почти до конца авторитетом в глазах Императора²¹.

Военному же министру почти каждый вечер из кабинета Государя присылались целые тетради мелко исписанных листов. Записки Императора заключали в себе самые подробные указания относительно формирования войск, снабжения их, распределения и т. д. Государь с необыкновенной отчетливостью следил за распоряжениями местным начальникам, за передвижением каждого батальона²². При получении известий с фронтов Государь сам вскрывал привезенные конверты, пробегал донесения и лично расспрашивал приехавшего вестника²³. «Едва ли возможно довести военное управление до более абсолютной централизации», – заключает Милютин.

Результатом подобной высочайшей опеки становилось то, что такие подробности только «связывали руки начальникам и затрудняли их, тем более что при тогдашних средствах сообщения, повеления Государя доходили поздно до отдаленных мест, когда по изменившимся обстоятельствам полученные Высочайшие указания оказывались уже совершенно несвоевременными»²⁴.

Со временем опыт показал, что непосредственное и безраздельное ведение какой бы ни было части управления самим самодержцем, даже при такой выдающейся личности, каков был Император Николай I, не ограждает от неудач и ошибок²⁵.

Но вместе с тем, возвращаясь к вопросу тотального контроля над всеми операциями со стороны Николая, Милютин приводит интересные факты того, как император предоставлял свободу действий одному из наиболее талантливых военачальников – князю Горчакову. Когда тот еще до получения Высочайшего повеления о подкреплении войск в Крыму 16-й пехотной дивизией, сам на собственную ответственность отправил немедленно эту дивизию на Перекоп, на донесении князя Горчакова об этом распоряжении Государь написал: «Благородная душа, искренний друг и верный слуга». В таком же смысле Император высказал свое одобрение и самому князю Горчакову. «Какая противоположность с эгоизмом князя Варшавского, который в письме к князю Горчакову осуждал его благородный поступок, не признавая никакой надобности в подкреплениях для Крыма», – восклицал Милютин, полностью одобряя действия государя²⁶. Впоследствии же император в Высочайшем повелении князю Горчакову сообщал, что «имея в виду прежний образ действий его, ...не считает нужным стеснять его распоряжения какими-либо положительными повелениями»²⁷.

Не обошел Милютин в своих воспоминаниях и глубокие заблуждения монарха в стратегии военных планов. Как в записках Николая I, так и в соображениях его ближайшего соратника фельдмаршала И. Ф. Паскевича «высказывалось чрезмерное пренебрежение к военным силам Турции; все предполагавшиеся предприятия обуславливались полным бессилием ее, – отмечает Милютин явно неодобрительно. – Вместе с тем устранялась всякая возможность деятельного вмешательства западных держав, а со стороны Австрии даже допускалась возможность дружественного содействия». Не понадобилось много времени, чтобы убедиться в ошибочности этих представлений. И такие неожиданные разочарования в течение войны пришлось переживать не раз. Николай I совсем не предвидел стремительное развитие событий в Крыму, не сомневался, что «Севастополь будет обеспечен».

Во всех своих письмах к князю Меншикову Император ободрял его, поручал ему благодарить войска и моряков, высказывал в самых теплых выражениях свое доверие к молодецкой их стойкости, высказывал сожаление о том, что «сам не с ними», «зато, – писал он, – дети мои среди вас будут». В то время была решена уже поездка в Крым молодых Великих Князей Николая и Михаила Николаевичей. Императором выражалась «поистине отеческая заботливость о войсках и моряках, как «о любимых своих детях»²⁸. Князю Голицыну поручено было обойти все бастионы и батареи, чтобы объявить защитникам их – морякам Царскую благодарность. Эти знаки Царской заботливости и внимания способствовали поддержанию духа в среде защитников и населения многострадального города²⁹.

Даже после поражения в Инкерманском бою, император писал: «Не унывай, любезный Меншиков. С такими молодцами было бы стыдно и думать о конечной неудаче. Скажи вновь всем, что я ими доволен и благодарю за прямо русский дух, который, надеюсь, никогда в них не изменится. Бросить же Севастополь... было бы постыдно и помышлять, значило бы забыть стыд и не быть русскими. Пасть с честью, но не сдавать и не бросать»³⁰.

Существенной мерой для поддержания духа в среде защитников Севастополя было Высочайшее повеление считать каждый месяц пребывания в гарнизоне осажденного города за целый год службы³¹.

Заботы, искренние переживания Николая, его стремление подбадривать военачальников и простых солдат, поддерживать воинский дух кажутся в воспоминаниях Милютина еще более трагичными на фоне тех мучительных страданий, которым сам подвергался император. «Государь заметно терял прежнюю самоуверенность и веру в свою звезду. Нравственные страдания и грусть выражались на его прекрасном мужественном лице»³². Военные неудачи дополнялись личными проблемами: «унылое настроение еще усилилось тяжелой болезнью Императрицы Александры Федоровны». Государь был крайне встревожен; жаль было на него смотреть. Мощная натура его едва была в силах бороться с такими тяжелыми испытаниями, с такими разочарованиями, какие пришлось ему выносить в эту злополучную эпоху³³. Все эти испытания вконец подорвали физическое и душевное состояние императора, «казавшегося воплощением силы и здоровья»³⁴.

Незабываемые страницы Воспоминаний Милютина относятся к описанию последних дней Николая I, хода болезни, сломившей могучий организм еще не состарившегося монарха³⁵.

Кончина Императора Николая Павловича на 59-м году жизни поразила всех своей неожиданностью. Его сразила не столько немощь телесная, сколько потрясение нравственное. Мощная натура его не выдержала удара, нанесенного душевным его силам. После тридцатилетнего царствования, ознаменованного славой и могуществом, увидев Россию в отчаянном положении, Император Николай не мог перенести горести от такого печального исхода всех его многочисленных державных трудов. Это было слишком тяжкое разочарование, которое и свело его в могилу³⁶.

Естественно, что завершение целой эпохи в истории России со смертью императора, вызвало стремление самых различных представителей общества подвести ей итог, дать некоторые оценки правлению Николая I. «Одни благоговели перед ним как Царем и как человеком; ставили высоко твердость и непоколебимость с которыми держал он, в продолжение 30 лет бразды правления, и восхищались его правдивым, рыцарским характером. Другие же видели в нем олицетворение сурового деспотизма, считали его жестокосердным, бесчеловечным»³⁷.

Не остался безучастным в этом процессе и Дмитрий Алексеевич. Не претендуя на научную оценку личности самодержца и его тридцатилетнего царствования, Милютин дает свои наблюдения современника, далекие от упрощения и однозначности: «Беспристрастная оценка личности и значения Императора Николая, конечно, принадлежит истории. О такой крупной, можно сказать, колоссальной личности можно судить, как о всяком большом предмете, только отступая несколько поодаль», – это суждение Милютин-историка и сегодня вполне актуально.

А Милютин – современник императора Николая, видел эпоху, в которой жил в таком свете: «Говоря совершенно откровенно, я, как большая часть современного молодого поколения, не сочувствовал тогдашнему режиму, в основании которого лежали административный произвол, полицейский гнет, строгий формализм. В большей части государственных мер преобладала полицейская точка зрения, то есть забота об охране порядка и дисциплины»³⁸. В этом видел Милютин корень зла, отсюда, по его мнению, проистекали и подавление личности, и крайнее стеснение свободы во всех проявлениях жизни, в науке, искусстве, слове, печати. Как представителя складывавшегося ядра либеральной бюрократии, Милютин не могло не возмущать то, что «во все 30-летнее царствование Императора Николая никто вне правительственной власти не смел поднять голос о делах государственных и распоряжениях правительства; даже в домашних кругах говорилось о них только разве шепотом. Всякая частная инициатива была подавлена; существовавшие недостатки и болячки нашего государственного организма тщательно прикрывались ширмой официальной фальши и лицемерия»³⁹.

Однако Милютин вовсе не уподобляется ненавистникам Николая, излишне критичным и односторонним в своих оценках. Он подчеркивает и «громкие успехи, сделанные в это 30-летнее царствование во всех отраслях государственного устройства России». Роль Николая в этих успехах первостепенна, поскольку «во всем же, что было сделано в этот период, Государю принадлежало личное, непосредственное руководство».

Не понаслышке знающий о состоянии дел в империи в тот период, Милютин продолжал: «Кто имел случай сколько-нибудь прикоснуться к ведению дел

в его царствование, тот знает, как велика была личная деятельность Императора, с какой добросовестностью относился он к делам, каким чувством долга, какой горячей любовью к России и желанием ей блага был он проникнут»⁴⁰.

Кроме того, в воспоминаниях Милютина предстает перед нами не только Николай-император, но и простой человек со своими достоинствами и недостатками, в суждениях о котором, по мнению Милютина, также было много несправедливости: «Неверно было признавать его жестокосердным и бесчеловечным. Правда, он был крутого нрава, очень вспыльчив и в порывах гнева несдержан. Поэтому он внушал страх самым приближенным лицам; его боялись даже члены семейства. Но порывы его выкупались рыцарским великодушием, прямоотой, высоким благородством».

Николай Павлович имел особенную способность внушать привязанность к себе, и когда бывал в хорошем расположении духа, «обворожал своей любезностью». В этом отношении Милютин ссылается на свой собственный опыт: в тех случаях, когда ему приходилось лично иметь дело с грозным Императором, например, на маневрах, в путешествии, – Дмитрий Алексеевич не только не испытывал страха и трепета, но его наоборот «пленяли благосклонное его обращение, открытый, пронизательный взгляд, звучная, чистая, отчетливая речь»⁴¹.

Очень незначительны, но тем не менее весьма ценны наблюдения Милютина по поводу поведения императора в домашнем быту. Во время пребывания в Гатчине Дмитрий Алексеевич мог видеть, как Николай будто сбрасывал с себя свое Царское величие и обращался в благодушного, любезного хозяина дома. Опровергает Милютин и распространенное мнение об ограниченном уме императора, говоря о том, что тот был богато одарен природой: «При своей внушительной наружности он отличался быстротой соображения и замечательным даром слова. Превосходно владея многими языками, он был в полном смысле слова оратором. Обращался ли он к войску, к толпе народа или говорил в совещательном собрании, представителям сословий, иностранным дипломатам – во всех случаях речь его изливалась непринужденно, гладко, звучно и метко. Слово его всегда производило впечатление»⁴².

Таким предстает перед нами Николай Павлович – император и просто человек – в воспоминаниях Д. А. Милютина, далекого от идеализации монарха и его системы, равно как и от их очернения, но внесшего существенный вклад в дело изучения этого важного периода в истории России посредством как подтверждения имеющихся фактов о жизни и государственной деятельности императора, так и введения в оборот новых, ранее не известных сведений. Но тем не менее, вопрос об историческом значении политической системы императора Николая I представляется сейчас вновь открытым, ожидая объективного и беспристрастного исследователя.

Примечания

¹ Во время одной из перемен император вдруг предстал в коридоре среди бушевавшей толпы ребятишек: стоит только догадываться, «какое впечатление произвела эта вольница на Самодержца, привыкшего к чинному натянутому строю петербургских военно-учебных заведений». Толпа же в свою очередь совершенно не обратила внимания на

появление «величественной фигуры Императора». Но самое смешное было впереди. Вошедшего в класс императора узнал один единственный ученик, некогда видевший его в Царском селе. Встав с места, он громко приветствовал: «Здравия желаю Вашему Величеству!», на что получил неподдельное изумление своих товарищей по поводу этой выходки. Некоторые даже «выразили негодование на такое неуместное приветствие вошедшему «генералу». Можно себе представить, как был озадачен и разгневан Государь, и как досталось не вовремя отлучившимся директору, инспектору и надзирателям! «Перепуганные, бледные, дрожащие», руководители пансиона, равно как и учащиеся, подверглись излиянию императорского гнева «с такой грозной энергией, какой нам никогда и не снилось», – вспоминает Милютин.

² Милютин Д. А. Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина: 1816–1843 / под ред. Л. Г. Захаровой. М.: Ред. альманаха «Рос. Архив», 1997. С. 96.

³ Там же. С. 120.

⁴ Там же. С. 426.

⁵ Милютин Д. А. Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. Т. 2. 1843–1856 / под ред. Л. Г. Захаровой. М.: Ред. альманаха «Рос. Архив», 2000. С. 108.

⁶ Там же. С. 150.

⁷ Там же. С. 164.

⁸ Там же. С. 173.

⁹ Из записок барона М. А. Корфа // «Русская старина», 1900. № 3. С. 550.

¹⁰ Милютин Д. А. Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. Т. 2. 1843–1856 / под ред. Л. Г. Захаровой. М.: Ред. альманаха «Рос. Архив», 2000. С. 128–129.

¹¹ Материалы и черты к биографии императора Николая I и к истории его царствования. Рождение и первые двадцать лет жизни (1796–1817 гг.) // Сб. РИО. Т. 98. СПб., 1896. С. 114.

¹² Милютин Д. А. Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. Т. 2. 1843–1856 / под ред. Л. Г. Захаровой. М.: Ред. альманаха «Рос. Архив», 2000. С. 86.

¹³ Там же. С. 94.

¹⁴ Там же. С. 246.

¹⁵ Там же. С. 247.

¹⁶ Там же. С. 199.

¹⁷ Там же. С. 200.

¹⁸ Там же. С. 219.

¹⁹ Милютин Д. А. Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. Т. 2. 1843–1856 / под ред. Л. Г. Захаровой. М.: Ред. альманаха «Рос. Архив», 2000. С. 232.

²⁰ Там же. С. 250.

²¹ Там же. С. 234.

²² Там же. С. 466.

²³ Там же. С. 234.

²⁴ Там же. С. 261.

²⁵ Там же. С. 299.

²⁶ Там же. С. 429.

²⁷ Там же. С. 269.

²⁸ Там же. С. 282.

²⁹ Там же. С. 289.

РАЗДЕЛ IV

---

³⁰ Милютин Д. А. Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. Т. 2. 1843–1856 / под ред. Л. Г. Захаровой. М.: Ред. альманаха «Рос. Архив», 2000. С. 290.

³¹ Там же. С. 292–293.

³² Там же. С. 296.

³³ Там же. С. 294.

³⁴ Там же. С. 298.

³⁵ Там же. С. 311.

³⁶ Там же. С. 321.

³⁷ Там же. С. 325.

³⁸ Там же. С. 325.

³⁹ Там же. С. 423.

⁴⁰ Там же. С. 326.

⁴¹ Там же. С. 327.

⁴² Там же.

О. В. Румянцева
г. Кострома

ДВА ПОРТРЕТА ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИЗАВЕТЫ АЛЕКСЕЕВНЫ ИЗ ПОРТРЕТНЫХ ГАЛЕРЕЙ КОСТРОМСКИХ УСАДЕБ

После манифеста 1762 года «О вольности дворянству» большая часть российского дворянства поселяется в своих родовых усадьбах, доселе запустелых и заброшенных из-за отсутствия хозяина. Несмотря на общепринятое противопоставление города и усадьбы, официального и частного, усадьба становится для ее владельца своего рода государством, а жизнь в нем – службой отечеству. Жизнь в усадьбе была не только частной жизнью, но и новой формой служению государству. Честная и бескорыстная служба на пользу обществу в эпоху Просвещения считалось одной из достойнейших целей в жизни дворянина.

Безусловным образцом для строительства нового усадебного мира служили императорские резиденции. Во-первых, они являли собой европейскую модель частной жизни, во-вторых, воплощали в себе идеи русской государственности, которые, пусть и в новом понимании, но продолжали играть в жизни русского дворянина важную роль.

Символическим отражением государственности в русских усадьбах стали царские изображения, существовавшие во многих больших и малых русских усадьбах. Располагались царские портреты чаще всего в парадных залах и создавали особое сакральное пространство в усадебном доме. Царские изображения были и признаком лояльности хозяев к действующей власти, и чистосердечным пиететом перед матушкой-царицей или батюшкой-царем, и знаком служения отечеству.

Из известных на сегодняшний день усадеб, в портретных галереях которых были царские изображения, выделяются две. Это усадьба Дорок Чухломского

уезда и усадьба Нероново Солигаличского уезда. Из усадьбы Дорок ведут свое происхождение три примечательных изображения: «Портрет Евдокии Лопухиной», «Портрет царя Михаила Федоровича Романова» и «Портрет императрицы Елизаветы Алексеевны». Из картинной галереи дворян Черевиных сохранились портреты Петра I, Александра I, Александра II, вел. кн. Михаила Николаевича, сделанные в подражание столичным оригиналам.

Об усадьбе Дорок практически ничего неизвестно. В альбоме-каталоге Костромского художественного музея (Музеи Костромской земли: альбом / авт. и сост. В. Н. Лебедева. – Л.: Художник РСФСР, 1985. С. 235–236) владельцами усадьбы значатся некие Кадниковы. Кто был владельцем усадьбы на рубеже XVIII–XIX веков, когда был создан портрет, неизвестно. Однако обращает на себя внимание сам факт наличия в провинциальной усадьбе портретов царя Михаила Федоровича и царицы Евдокии Лопухиной. Более распространено было собирание портретов высочайших особ, царствующих в данный период. Затем эти портреты «накапливались» и соответственно образовывался целый комплекс императорских портретов. Императорских, потому что в массовом масштабе портреты правящих особ в России стали собирать, когда широкое распространение получает сам феномен усадебной жизни, т. е. после 1762 г. Поэтому чаще всего в русских провинциальных усадьбах наиболее распространены были портреты Екатерины Великой, Александра I и так далее. Наличие в усадьбе Дорок портретов и царских, и императорских говорит о том, что владельцы, по всей видимости, желали создать «полное собрание» изображений царствующих лиц Дома Романовых.

Портреты императрицы Елизаветы Алексеевны, как и изображения Марии Федоровны, Александры Федоровны, Марии Александровны и т. д. относительно менее распространены в провинциальных усадьбах. Это связано, на наш взгляд, с тем, что в первую очередь существовала необходимость в портрете правящего императора, а затем уже императрицы. Изображения Елизаветы Петровны и Екатерины II получили распространения как изображения правящих лиц.

В настоящий момент известны два портрета императрицы Елизаветы Алексеевны, супруги императора Александра I, происходящих из костромских усадебных портретных галерей. Один – из усадьбы Дорок Чухломского уезда, другой портрет – из неизвестной костромской усадьбы, предположительно Чухломского, Галичского или Солигаличского уездов. На этой территории находилось наибольшее количество крупных, культурно развитых усадебных комплексов.

Портрет из усадьбы Дорок представляет собой типичный образец провинциального примитивного портрета. Оригинал, с которого делалась копия, неизвестен, но он, безусловно, был. Все царские портреты, находившиеся в усадебных галереях, написаны с гравированных копий со столичных портретов. Это был наиболее распространенный способ распространения царских изображений. Царская особа позировала только избранным столичным портретистам.

В провинциальных усадьбах портреты царей часто создавались местными художниками. На качество портретов обращали особое внимание, дабы неумелость мастера ни привела к неуважению к первообразу, то есть царской особе. Образцами для провинциальных портретистов служили гравированные повторения

официальных царских изображений. Многие провинциальный художник домысливал сам, что приводило к появлению портрета-примитива. Повторяются композиционные схемы, портретные черты, но меняется цвет и общее психологическое восприятие художником, а значит и зрителем, представленной модели.

В связи с этим возникает проблема диалога «модель – портретист» и «модель – зритель». Столичные образцы часто создавались представителями россики. В европейской культуре модель ощущала себя гораздо более естественной и свободной, чем в русской, а тем более провинциальной культуре. Человек как личность в Европе начинает развиваться еще со времен эпохи Возрождения. В России же человек вплоть до Петровского времени ощущал себя частью «Мы», а не конкретным «Я».

Во второй половине XVIII столетия представители высшего русского аристократического общества уже в большой степени принадлежали культуре европейской. Члены российского императорского Дома не только по менталитету, но и по крови во многом европейцы. Процесс портретирования в столице, скажем так, европейской личности европейским живописцем даст один результат, в провинции – другой. Например, имеется большая галерея изображений императрицы Елизаветы Алексеевны, красотой и характером которой восхищались все. Портреты кисти столичных и европейских мастеров чаще всего являют собой образец хорошей живописи парадного или камерного портретной жанра. Наряду с этим, известны и изображения, где появляются черты примитивизма, делающие изображение более резким и жестким. Когда за изготовление копии берется провинциальный портретист с иконописной подготовкой, он воспринимает модель по своим канонам. Прежде всего, появляется ощущение напряженности и замкнутости модели, хотя для нее самой это может быть и не характерно. Отсутствие диалога связано со спецификой восприятия модели именно живописцем.

Как правило, в провинциальном портрете зритель находился на той же ступени становления личности, что и модель. По обе стороны портрета шел одинаковый процесс выделения индивидуального «Я» из социального «Мы». Поэтому до известного момента модель на провинциальном портрете не вступает в диалог со зрителем. Чтобы диалог получился, процесс развития личности должен идти по обе стороны полотна и пройти определенные этапы. Но в случае с императорским изображением это правило недействительно. Модель занимает высшую ступень в иерархии личностного становления, провинциальный зритель, а тем более провинциальный и, весьма вероятно, крепостной художник – находится в ее самом начале. Пиетет перед моделью чрезвычайно высок. Все что характерно для парсунного портрета: отгороженность модели от зрителя, «взгляд в вечность», почти «священное» отношение к изображенной модели, – все это чаще всего присутствует на провинциальных царских портретах.

На чухломском портрете модель представлена в платье и прическе «аля антик», орденом Св. Екатерины, горностаевой мантии. То есть изображение являет собой тип полупарадного императорского портрета. Портрет из усадьбы Дорок написан местным живописцем: это или иконописец, пишущий светские портреты, или крепостной. Портрет создан ориентировочно в первом десятилетии XIX века. Чувствуется рука мастера, больше привыкшего работать в иконописной или

парсуной традиции. Особенно наглядно это проявляется в лепке лица: форма головы, ушей, брови, нос, подбородок – все угловатое и несколько неправильное.

Красоту Елизаветы Алексеевны современники называли ангельской. Действительно, судя по изображениям, созданным столичными и иностранными живописцами, у нее были мягкие, нежные черты лица, правильные формы и пропорции. На чухломском портрете Елизавета Алексеевны предстает несколько суровой и даже грубоватой. Однако та торжественность и простодушная непосредственность, с которой изображена модель, придает этому изображению своеобразное очарование.

Люди, окружавшие Елизавету Алексеевну, воспринимали ее скорее как прекрасную женщину, полную доброты и благородства. Политического влияния на императора Александра I она не имела, хотя и была ему преданной супругой. Но провинциальный портретист воспринимает Елизавету Алексеевну, прежде всего, как императрицу. Соответственно и предстает она на чухломском портрете, наделенная теми чертами, какими должна была обладать, по представлению провинциального портретиста, царская особа.

Второе «костромское» изображение Елизаветы Алексеевны представляет собой копию с портрета Елизаветы Алексеевны кисти Ж.-Л. Монье. Технологической экспертизы портрета проведено не было, поэтому достоверно трудно определить датировку портрета. Теоретически копия могла быть сделана на протяжении всего девятнадцатого века, но, скорее всего, работу можно отнести, все же, к началу столетия. Данное изображение является практически полной копией со столичного портрета. Здесь мы видим уже другое отношение живописца к выполняемой работе. Если в первом случае портретист представляет свое видение изображаемой модели, то во втором – он смотрит на модель глазами столичного мастера.

Таким образом, два представляемых портрета Елизаветы Алексеевны демонстрируют различные точки зрения восприятия провинциальным портретистом изображаемой модели, принадлежащей к высшей ступени социальной иерархии.

А. А. Мещенина
г. Санкт-Петербург

НИКОЛАЙ II И БОРЬБА ЗА СОХРАНЕНИЕ ТРАДИЦИЙ РУССКОЙ ИКОНОПИСИ

В 1870-х годах в России начали поступать в продажу иконы, изготовленные фабричным способом и представлявшие собой наклеенные на доску литографические изображения. Одними из первых такие иконы начали выпускать одесские промышленники – И. Тиль и Е. Фесенко. Возросший к концу XIX столетия спрос на подобную массовую продукцию привел к тому, что два предприимчивых поляка А. Жако и В. Бонакер на своих московских фабриках, изготавливавших жестяные коробки для ваксы и консервов, одновременно начали производить

и жестяные иконы. Пластинку из жести с напечатанным изображением набивали на доску, и такая икона «до обмана» была похожа на рукописную¹. Первоначально фабриканты в своем стремлении угодить непритязательному вкусу покупателей не стеснялись изменять изображения чудотворных икон, придавая им почти лубочный характер, но в дальнейшем стали привлекать к работе мастеров из Мстеры и Палеха – центров иконописного промысла Владимирской губернии, отчего изображения приобрели более канонический вид. Иконы продавались вместе с другими «жестянками» фабрик Жако и Бонакера, в том числе в специально открытой лавке на Красной площади рядом с собором Василия Блаженного. Бурное возмущение духовных лиц, привело к тому, что лавка была разделена на две части: с одной стороны продавали иконы, с другой – ваку.

Яркие и недорогие иконы пользовались отменным спросом, и предприниматели продолжали развивать свое производство, вкладывая новые капиталы и рассылая сотни агентов для распространения своих изделий в лавках, монастырях, иконных лавках и складах при церквях. Деятельность торговых агентов, разумеется, была весьма успешной, тем более что оптовые цены на иконы из жести были значительно ниже цен на рукописные произведения. В результате в короткий срок рынок оказался наводнен дешевыми иконами, а традиционные центры русской иконописи оказались в критическом положении, поскольку заказы со стороны монастырей и церковных приходов резко сократились. Многие мастера из Мстеры, Палеха и Холуя вынуждены были оставить иконописный промысел и уйти работать на ткацкие и прядильные фабрики. Бедственное положение оставшихся заставило жителей этих сел обратиться в Св. Синод с ходатайством о запрещении продажи жестяных икон в лавках, монастырях и церквях и просьбой позаботиться об улучшении экономического положения в центрах русского иконописания, причем прошение было одобрено и поддержано министром земледелия и государственных имуществ Н. В. Пономаревым². Однако Св. Синод отношением от 23 октября 1899 г. уведомил, что заботы об экономическом благосостоянии народа не входят в его задачи и что каноны Церкви не содержат прямого запрещения изготавливать иконы из жести³.

Ситуация была настолько острой, что взволновала многих деятелей науки и культуры. Историк и меценат граф Сергей Дмитриевич Шереметев сумел привлечь к этой проблеме внимание известных ученых и уникальных специалистов, организовав их работу в специально учрежденном Комитете попечительства о русской иконописи.

Созданию Комитета предшествовала поездка С. Д. Шереметева, Н. П. Кондакова и В. Т. Георгиевского по иконописным селам, состоявшаяся в начале лета 1900 г. Впечатления были удручающими. Н. П. Кондаков писал, в частности, что «сама иконопись стала направляться к исчезновению», поскольку ручной труд никак не мог соперничать с машинным, а «промышленность настолько возоблада над мастерством, что оно попало к ней, видимо, в кабалу, и выбиться из-под этого гнета мастерство может только получив откуда-либо помощь...»⁴.

С. Д. Шереметев, по-видимому, был еще более потрясен увиденным. В Холуе дело дошло уже до того, что начали писать иконы «под Жако»! После отказа в помощи Св. Синода иконописцы смотрели на графа как на спасителя, человека,

посланного самим Царем, и «даже под лившим дождем выстраивались по деревне посмотреть» на него⁵. По возвращении С. Д. Шереметев составил записку, в которой отмечал, что «машинное производство икон – это начало конца» народного церковного искусства, а как только народ забудет икону, он навсегда будет оторван от «исконного исторического пути»⁶. Более подробно посещение сел Владимирской губернии С. Д. Шереметев описал, уже находясь в своем подмосковном имении Михайловское летом 1900 г. Вновь подчеркивая отрицательное значение машинного производства, он писал: «Настало решительное время. Одно из двух: или мы поддерживаем развитие иконописания на древней основе, или мы сознательно идем к его уничтожению»⁷.

Побывав тем же летом в Ростовском Борисоглебском монастыре С. Д. Шереметев обнаружил, что изделия предприимчивых поляков потеснили даже уникальные ростовские иконы на финифти. Однозначный вывод С. Д. Шереметева о необходимости решительно бороться с машинной иконой был подкреплён письмом В. М. Васнецова, который подчеркивал, что председателя Общества ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III «не может не волновать такое грустное явление в области религиозного искусства как повсеместное распространение икон, изготовляемых на жести иноверцами»⁸.

Вернувшись осенью в Петербург С. Д. Шереметев приложил все возможные усилия к тому, чтобы обратить внимание на необходимость решительных действий для сохранения традиционного искусства со стороны не только частных лиц, но и государства⁹. 19 марта 1901 г. Николай II подписал Именной высочайший указ Правительствующему Сенату и «Положение о Высочайше учрежденном Комитете попечительства о русской иконописи»¹⁰. Император решил принять на себя верховное попечительство в деле возрождения традиций древнерусской иконописи и тут же «на одном листе» назначил председателем Комитета С. Д. Шереметева, а Н. П. Кондакова «непременным членом – управляющим делами», причем С. Д. Шереметев должен был лично докладывать обо всех делах государю, а уволиться они могли только вместе со всем Комитетом¹¹.

Комитет был учрежден с целью «обеспечения благосостояния и дальнейшего развития русской иконописи», при этом особо подчеркивалась необходимость сохранения в ней традиций «русской старины и византийской древности»¹². В связи с этим ему предоставлялось право: открывать иконописные школы и устраивать в них артели мастеров; издавать Лицевой иконописный подлинник и другие руководства для иконописцев; устраивать иконные лавки и выставки лучших произведений современной иконописи, а также препятствовать распространению икон фабричного производства и коммерческих фирм, типа Жако и Бонакера¹³.

Летом 1901 г. С. Д. Шереметев совершил еще одну поездку по русским монастырям «с целью более подробного ознакомления с положением иконописного дела»¹⁴. В первую очередь он осмотрел московские монастыри: в иконных лавках Даниловского, Симонова и Новоспасского монастырей в продаже не оказалось ни одного рукописного образа, а посетителям настойчиво предлагали приобрести иконы фабрик Жако и Бонакера. На выраженное С. Д. Шереметевым недоумение по поводу отсутствия писаных икон, было сказано «с усмешкой, что таковых более не принято держать»¹⁵. Несколько лучше обстояло дело

с иконной торговлей в Кремлевском Вознесенском монастыре, где наряду с изделиями фирмы Жако все же были представлены рукописные иконы.

Положение иконописного промысла в южных районах Российской Империи также не осталось без внимания. С. Д. Шереметев посетил Игарский монастырь (г. Лубны), где вновь увидел всё те же изделия фабрики Жако. Но особенно его поразило состояние иконной торговли в Киеве, где в «первобытных лавочках» продавались иконы «такого грубого и безобразного пошиба, такого невыразимо низкого уровня», что на их фоне «жестянки» выглядели гораздо привлекательнее.¹⁶ Только в Киево-Печерской Лавре продавали живописные иконы, поскольку митрополит Феогност (инициатор открытия иконописных школ во Владимирской губернии) был большим противником печатной иконы, но уже у самых ворот Лавры торговля фирмы Жако шла «вовсю»¹⁷.

Комитет попечительства о русской иконописи после неоднократных обращений в Св. Синод с ходатайством о необходимости ограничения продажи икон изготовленных на жести, сумел добиться в 1902 г. запрещения торговли жестяными иконами при церквях и монастырях, но, увы, на деле это постановление систематически не выполнялось¹⁸.

18 февраля 1903 г. на заседании Комитета Н. В. Султановым вновь был поднят вопрос о необходимости оказания помощи кустарям в их борьбе с печатной иконой¹⁹. А через два дня на имя С. Д. Шереметева была прислана докладная записка от представителя фирмы Бонакера М. Ф. Клифиса, в которой сообщалось, что, иконы, изготавливаемые фирмой с разрешения Св. Синода, получили распространение по всей России и за ее пределами и в настоящее время на фабрике найден способ печатания икон прямо на дереве, которые отличаются от рукописных только «большой точностью передачи оригинала»²⁰. М. Ф. Клифис подчеркивал, что у предприятия и Комитета общие цели – дать народу хорошие и дешевые «иконные снимки» по низкой цене. Кроме того, он обращал внимание на то, что фирма, в виду увеличивающегося сбыта икон, предполагает преобразовать свои фабрики на акционерных началах, но если Комитет признает полезным устранить производство путем экспроприации фабрик, то администрация согласна на переговоры²¹. Ознакомленный с этой запиской Н. В. Султанов, пришел к выводу, что Комитету необходимо решить два главных вопроса: возможно ли бороться с машинным производством икон и если да, то в какой форме, а если нет, то «открыто это признать и не обманывать кустарей–производителей надеждами на улучшение их участи»²².

С точки зрения С. Д. Шереметева что-то изменить можно было только действуя через самого императора и представил Николаю II записку М. Ф. Клифиса, образцы нового производства фирмы Бонакера, а также листки типографии Е. Фесенко и Троице-Сергиевой Лавры²³. В сопроводительном письме он указал, что «одна из существенных целей (т. е. борьба с машинным производством икон. – А. М.), положенных в основание деятельности Комитета иконописи, не может быть достигнута»²⁴. Император направил все материалы в Св. Синод. Составленная уже 24 февраля записка К. П. Победоносцева, содержащая его мнение по поводу печатных икон, была передана Николаем II С. Д. Шереметеву, с припиской: «дело это без сомнения трудное, но никогда не следует предаваться

отчаянию, а наоборот нужно настойчиво и постоянно стремиться к ясно обозначенной цели»²⁵. В записке К. П. Победоносцев писал о невозможности запрещения продажи печатных икон, а также о том, что эти иконы служат противодействием бумажным иконным картинам, которые «кипами» привозят из Германии и развозят по деревням и селам²⁶.

Нужно было искать какой-то компромисс. Н. П. Кондаков составил записку, в которой кратко описал растущее засилье машины в производстве икон, особенно на юге России, и опроверг доводы фабрик о дешевизне продукции, сообщив, что жестяные иконы Жако и Бонакера продаются по цене от 1,5 до 3 руб. и у простого народа спросом не пользуются. Соглашаясь с тем, что невозможно полностью запретить машинное изготовление икон, Н. П. Кондаков подчеркивал, что «зло не в самом печатании икон, а в том, что оно попало в дурные руки» и предлагал сосредоточить производство икон в трех лаврах. Иконы, по его мнению, должны печататься только на деревянных досках, а не на жести, следовать «простым и верным иконописному преданию» рисункам, а на каждой иконе должна стоять «печатная» помета и указана стоимость в розницу и оптом²⁷. Члены Комитета одобрили это предложение, а Н. В. Покровский поставил вопрос о необходимости особенно строгой цензуры для печатных икон²⁸.

После продолжительных обсуждений, на заседании Комитета 10 марта 1903 г. были выработаны основные меры борьбы с машинным производством: «1) воспретить пропуск из-за границы всякого рода икон и религиозных листов; 2) предоставить право печатать иконы монастырям, лаврам и учреждениям ведомства православного исповедания (например, Московской Синодальной типографии); 3) допустить в церквях употребление исключительно рукописных икон, с тем, чтобы находящиеся в них печатные постепенно заменялись на рукописные; 4) установить при мастерских строгую технически, художественно и догматически осведомленную цензуру при участии Комитета попечительства о русской иконописи»²⁹. Эти меры были изложены С. Д. Шереметевым в Царском Селе и получили высочайшее одобрение³⁰, более того, на их проведение было получено согласие большинства министерств.

Но на деле осуществить эти решения оказалось невозможным – распространение печатных икон продолжалось. Журнал заседания Комитета от 5 мая 1905 г. подробно описывает противодействие заинтересованных министерств (Финансов, Земледелия и государственных имуществ, Министерства Императорского Двора) усилиям Комитета. В основном речь шла о невозможности сокращения деятельности фабрик, производящих печатные иконы³¹. Наиболее противоречивым было мнение К. П. Победоносцева. Он писал, что только машинное производство может удовлетворить массовые запросы на иконы, критикуя при этом предложение Комитета о монопольном праве печатания икон в Лаврах, так как при этом монастырь получает «неканонический вид... и неканоническое значение промышленного предприятия и торговой фирмы, чего и канонически и в нравственном отношении допустить невозможно»³². Кроме того, обер-прокурор указывал на невозможность выполнения даже первого пункта, поскольку таможня и полиция не могут прекратить провоз запрещенных икон

и листов из-за границы, тем более, что на этих иконах обычно имелись фальшивые подписи и печатные удостоверения о том, что они сделаны в России и одобрены цензурой³³.

В этой ситуации, единственное, что смог сделать Комитет, это добиться от Синода подтверждения запрета продажи жестяных икон в лавках монастырей и церквей, которое последовало в сентябре 1906 г. С. Д. Шереметев просил также обер-прокурора о назначении особых лиц для наблюдения за исполнением этого указа, хотя бы в Москве, Киеве, Казани, Харькове и Воронеже³⁴.

В то же время в Комитет обратились иконописцы А. А. Купчинин из Мстеры и В. И. Мазаев из Палеха с предложением организовать печатное производство икон в селах Владимирской губернии. Н. П. Кондаков согласился с мнением мастеров, заметив, что «машина вредит иконописи» только в том случае, если «заступает» ее место³⁵. В результате обсуждения этого вопроса, С. Д. Шереметевым была образована Комиссия для разработки правил печатания икон, в которую вошли Н. П. Кондаков, Н. В. Султанов, Н. В. Покровский, В. Т. Георгиевский и представитель Министерства торговли и промышленности А. Н. Бенуа.

Комиссия начала свою работу в апреле 1906 г.³⁶ В мае Н. П. Кондаков и В. Т. Георгиевский во время своей поездки по селам Владимирской губернии предложили иконописцам обсудить вопрос о печатном производстве икон на сходках, и к 1907 г. проекты уставов иконописного цеха и товарищества печатания икон на дереве были готовы (против цеха выступали фольгоуборщики, опасаясь конкуренции)³⁷.

На основе Устава иконописного товарищества в Мстере была основана фабрика В. С. Крестьянинова, оснащенная новейшим оборудованием³⁸. Открытие фабрики вызвало непонимание в обществе. Так, Д. К. Тренев обвинил Комитет в отступлении от «первоначальных» взглядов на «машинную икону»³⁹, а В. М. Васнецов в письме к С. Д. Шереметеву от 12 марта 1909 г. писал, что «предложенный способ поощрения иконописи представляется до некоторой степени похожим на то, как если бы министр финансов для борьбы с распространением фальшивых ассигнаций вздумал разрешить печать частным лицам такие же фальшивые ассигнации, дабы конкуренцией ослабить производство»⁴⁰.

Конечно, подобные обвинения были справедливы, но сотрудники Комитета прекрасно понимали, что запретить или хотя бы ограничить машинное производство икон было совершенно невозможно, а открытие мстерской фабрики, в первых, способствовало повышению качества печатных икон, а во-вторых, давало местным жителям возможность для постоянного заработка.

Примечания

¹ Кондаков Н. П. Современное положение русской народной иконописи // Памятники древней письменности. Т. СXXXIX. СПб., 1901. С. 37.

² Высочайше учрежденный Комитет попечительства о русской иконописи и его задачи. СПб., 1907. С. 8–9.

³ Там же. – Н. П. Кондаков, писал в своих воспоминаниях, что Жако и Бонакер получили у Св. Синода (по слухам за большую взятку) разрешение печатать иконы на жести

и настолько развернули свою деятельность, что «все иконописные слободы взвыли от такой печатной конкуренции своим художествам и даже фабричным изделиям» (Кондаков Н. П. Воспоминания и думы / сост. И. Л. Кызласовой. М., 2003. С. 179).

⁴ Кондаков Н. П. Современное положение русской народной иконописи. С. 19. – Позднее, уже в воспоминаниях, он добавил, что сама «судьба, или так называемый капитализм, осудила русское иконописание насмарку, и только современная война, разрушившая легко и наскоро устроенные фабрики и заводы, задержала на некоторое время полный разгром иконописного мастерства» (Кондаков Н. П. Воспоминания и думы. С. 179).

⁵ Кондаков Н. П. Современное положение русской народной иконописи. С. 39.

⁶ РГАДА. Ф. 1287. Оп.1. Д. 4091. Л. 1 об.-2.

⁷ Шереметев С. Д. Проселки: Мстера, Холуй и Палех. Вып. 2. М., 1901. С. 9.

⁸ РГАДА. Ф. 1287. Оп.1. Д. 4102. Л. 1–2.

⁹ См. об этом: Меценца А. А. Н. П. Кондаков как основатель Комитета попечительства о русской иконописи // Кондаковские чтения II. Проблемы культурно-исторических эпох: Материалы II Международной научной конференции. Белгород, 2008. С. 6–15.

¹⁰ ПСЗ. Т. XXI. 1901. Отд. 1. СПб., 1903. С. 144–145.

¹¹ РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 4075. Л. 97; Кондаков Н. П. Воспоминания и думы. С. 189.

¹² Известия высочайше учрежденного Комитета попечительства о русской иконописи. Вып. 1. СПб., 1902. С. 13.

¹³ РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 4075. Л. 70 об.

¹⁴ Известия Высочайше учрежденного Комитета попечительства о русской иконописи. Вып. 1. С. 34–37.

¹⁵ Там же. С. 35.

¹⁶ Там же. С. 36.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Тренев Д. К. О русской иконописи. По поводу вопроса о ней в Государственной думе. М., 1910. С. 18.

¹⁹ Иконописный сборник. Вып. I. СПб., 1907. С. 10.

²⁰ РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 4081. Л. 1–1 об.

²¹ Иконописный сборник. Вып. I. С. 12.

²² РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 4081. Л. 5.

²³ Иконописный сборник. Вып. I. С. 12.

²⁴ РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 4081. Л. 11 об.

²⁵ Там же. Л. 13.

²⁶ Там же. Л. 15–16 об.

²⁷ Иконописный сборник. Вып. I. С. 16–18.

²⁸ РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 4081. Л. 25.

²⁹ Иконописный сборник. Вып. I. С. 21–22.

³⁰ РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 4081. Л. 32.

³¹ Иконописный сборник. Вып. I. С. 52.

³² Там же.

³³ Там же. С. 57.

³⁴ Там же. С. 41–42.

³⁵ Там же. С. 32.

³⁶ РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 4067. Л. 1.

³⁷ Д. 381. Л. 35; Д. 4093. Л. 1–5 об.

³⁸ Коромыслов Б. И. Лаковая миниатюра Мстеры. Л., 1972. С. 17.

³⁹ Тренев Д. К. О русской иконописи. С. 19.

⁴⁰ Иконописный сборник. Вып. III. СПб., 1909. С. 116–117.

Е. А. Флейман
г. Кострома

ИМПЕРАТОР АЛЕКСАНДР I И ЦАРСТВО ПОЛЬСКОЕ: СТАНОВЛЕНИЕ ТЕКСТИЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ЛОДЗИ

По решению Венского конгресса (1814–1815) территория герцогства Варшавского, созданного еще Наполеоном, была разделена между странами победительницами: Россией, Пруссией и Австрией. Основная часть герцогства, в том числе Лодзинский регион оказался в составе России под названием Царство Польское со столицей в Варшаве.

Теперь польскими королями должны были быть российские цари. Александр I добавил к своему титулу еще и «Царь Польский». Однако Царство Польское получило автономию с конституцией, поляки имели право занимать государственные должности и участвовать в правительстве, во главе которого стал родной брат Александра Великий князь Константин Павлович.

В 1815 в Царстве Польском проживало около 2,7 миллионов человек. Подавляющее большинство жителей занималось сельским хозяйством¹.

Варшавское правительство, заручившись поддержкой Александра I, обратило внимание на возможности промышленного развития Царства Польского. Выбрали несколько местностей, в том числе, Лодзь. Немецкий историк Е. О. Косман, характеризуя особенности лодзинского ландшафта, убедительно показал его значение по превращению этой вначале маленькой деревушки в крупнейший индустриальный центр Европы². Правительство как инициатор проекта, прежде всего обратило внимание на природные условия региона, оценило его экономический потенциал, связав с уникальными возможностями здешней речной системы и богатством лесных массивов.

Но еще в конце XVIII века Лодзь представлял собой небольшое поселение, впервые упоминаемое в документах 1332 года. Хотя уже в 1387 здесь действовало «немецкое право». Пользовалась им и соседние деревни Widzew, Wolka и Zarzew. Они как и другие немецкие поселения с мельницами в речных долинах, впоследствии стали очагами текстильных промыслов. Именно водная сила местных рек, испытав сначала средневековые мельничные механизмы, запустила впоследствии первое колесо лодзинской крупной текстильной индустрии.

В Лодзинский регион необходимо было привлечь опытных специалистов – прядильщиков и ткачей. В правительстве рассуждали так: дефицит квалифицированных работников можно устранить, если пригласить их из других мест. Применили при этом давно испытанный и, как видно, решающий стимул – льготы и привилегии. Тем более, что договор между державами – победительницами разрешал в течение 6 лет жителям разделенных территорий свободно мигрировать в поисках работы и местожительства, а при необходимости и возвращаться на родину.

В сентябре 1820 от имени Государя Императора Александра I на заседании Административного Совета Царства Польского был утвержден закон, по которому ряд маленьких городков, в том числе Лодзь причислялись к разряду привилегированных «фабричных» городов. Этот закон еще больше привлёк специалистов.

Вместе с суконщиками и прядильщиками должны были приехать и владельцы капиталов, без которых все благие намерения властей оставались бы только на бумаге. Предприниматели стремились строить фабрики, вкладывать деньги в производство и получать прибыль.

Привлекая нужных людей, правительство выполнило обещания: на казенные деньги сооружались кирпичные заводи, мастерские для валяния сукон, прядильни и помещения для тканья, новоселы обеспечивались земельными участками, топливом и материалом для строительства школ и церквей. На призыв собирались в основном немцы – лютеране. И власть, справедливо полагая, что людям потребуется духовная помощь в традициях отечества, предписала строить кирхи и жилье для пасторов.

Приезжали специалисты из различных регионов немецкоязычного пространства, так как именно там существовали традиционные текстильные центры. Многие пришли Северной Богемии с городами Schluckenau, Ehrenberg и Warnsdorf и области Oberlausitz. Охотно отозвались специалисты из Силезии, особенно района Rieseberg, из Саксонии – тамошних текстильных городов Chemnitz, Grimmitschau, Glauchau; из восточной части Бранденбурга; некоторых районов Познани, принадлежавших Пруссии. Лодзинский регион оказался привлекательным и для текстильщиков более отдаленных мест – Швабии, Вюртемберга и Северного Эльзаса.

В 1820 в Лодзи проживало 767 человек³. Получив статус «фабричного» города, он начинает свое динамичное развитие. В 1823 году рядом со «Старым городом» Altstadt) возникло поселение суконщиков – «Новый город» («Neustadt»). В 1825 году основали колонию ткачей Lodka, названную по имени реки, на которой поселение возникло, а рядом колонию прядильщиков Neu Lodka. В этом же году учредили колонии, где поселились ткачи из Богемии и Силезии. Город Лодзь быстро разрастался – сюда устремились ткачи-специалисты и другие мастера по льну и хлопку.

И в немалой степени тому способствовал курс правительства на выпуск льняных и хлопчатобумажных тканей, но главным образом, все же хлопчатобумажных. Дело в том, что в конце XVIII – начале XIX века в Англии и в мире произошел переворот в хлопчатобумажном производстве. Череда изобретений, водяные и паровые машины сделали процесс тканья и прядения механическим. Производство хлопчатобумажных тканей из разряда промыслов стремительно перешло в стадию крупного фабричного производства. Планы правительства по развитию в Лодзи хлопчатобумажной промышленности, разумеется, опирались на передовой опыт Англии. Лодзь должен был стать «Манчестером Востока» – крупнейшим центром не только в Царстве Польском, но и во всей Российской империи.

Очередным шагом Царского правительства стала отмена таможенной границы между Царством Польским и остальной Империей, что увеличило рынок сбыта текстильных товаров. Одновременно были введены высокие таможенные ставки на товары из Австрии и Пруссии, что ограничивало наплыв дешевого текстиля оттуда.

В 1825 году на «лодзинское чудо» приехал посмотреть Александр I. Он с интересом осмотрел город и приказал расширить его территорию.

Индустриализация охватила и соседние поселения. В 1822 году немецкое городское право получил Александров, основанный в 1816 году и названный в честь Александра I. К этому времени в городе проживало более 3 000 человек, главным образом, немецкие ткачи⁴.

По имени Великого князя Константина был назван соседний к Лодзи текстильный город Константинов. Его рождение связано с организацией здесь в 1821 году первого текстильного предприятия. Оба эти города в Польше сохранили свои названия до сегодняшнего дня.

К текстильным поселениям, словно венцом окруживших Лодзь, следует отнести и Zgierz, Rzgow, Brzeziny, Strykow.

Статус фабричного города получил и расположенный к югу от Лодзи Pabianice. В 1825 году на речке Dobrzynka разметили место для квартал «Neustadt». В 1825 году приехали 14 суконщиков, а на следующий год здесь проживало уже 30 специалистов⁵.

В Лодзинском промышленном регионе доминировали немецкие предприниматели и фабриканты: Фридрих Вендиш, Иоганн Айзерт, Готлиб Штейнерт, братья Ланге. Все они были из Саксонии, Силезии и Вюртемберга. А вот Роберт Бидерманн родился уже в Царстве Польском в Zdunska Wola, но родители его были из Баварии. По инициативе Людвиг Гайера из Берлина в Лодзи установили первую паровую машину, а предпринимателей Траугота Громана и Карла Шейблера в Царстве Польском называли «отцами Лодзи».

Это были люди, которые не просто владели фабрикой, а были знакомы со всеми тонкостями дела. Своим успехам они были обязаны личным трудом, так как начинали карьеру, как простые работники.

Польский писатель Владислав Реймонт в романе «Земля обетованная», впервые опубликованном в 1897 году в Польше, в одном из героев романа достоверно запечатлел этот тип здешнего предпринимателя – трудяги:

«Герман Бухгольц, осмотрев цех поплелся дальше. Он проходил по корпусам, поднимался в лифтах, проверял ткани, по временам грозно поглядывая на людей или бросал короткую фразу, которая с быстротой молнии облетала всю фабрику, отдыхал на кипах, а иногда на подоконнике, исчезал, чтобы вскоре появиться на другом конце фабрике.

Сам он делами уже не занимался, фабрикой управлял зять, но, по привычке всей своей жизни, он каждое утро приходил на фабрику вместе с рабочими.

Жизнь ему была не мила вдали от этого могучего царства, которое он создал трудом своего предпринимательского гения ...».

В 1825 году умирает Александр I. Его политику по развитию лодзинской промышленности продолжили другие российские императоры.

В 1839 году численность населения Лодзи возросла до 8 559 человек⁶. В 1864 году в городе проживало уже 33 535 человек⁷.

Между тем, текстильная промышленность Лодзинского региона испытывала конкуренцию со стороны некоторых текстильных губерний Центральной России. Но, к сожалению, эта борьба часто проходила не на должной экономической арене, а посредством интриг и заговоров со стороны московских фабрикантов. Жалобы фабрикантов на невозможность конкуренции с Лодзью и просьба

о восстановлении таможенной границы Царства Польского, вызвали даже правительственное расследование этого вопроса. Однако, особых преимуществ лодзинская промышленность не имела. Рабочий получал там больше, чем в Московском регионе, но и труд его был производительнее. Топливо дешевле (домбровский каменный уголь), хотя и московский район стал получать еще более дешевой жидкое топливо – нефть и мазут. Главное преимущество лодзинской промышленности были труд и знание со стороны специалистов и предпринимателей, хорошо устроенный сбыт «лодзинского товара» – дешевых хлопчатобумажных изделий из вторичного сырья, которые пришлось по вкусу невзыскательному русскому покупателю – ткань, имеющая вид фланели или одеяла наподобие шерстяных. Выработку таких тканей заимствовали из Саксонии, а первая фабрика, приступившая к их выпуску в лодзинском регион, располагалась в Pabianize.

Деятельность Александра I оставила нашим современникам исторический образец: как высокая государственная идея, опираясь на профессионализм исполнителей, способна в кратчайший срок осуществить масштабные экономические проекты.

Примечания

¹ Дыбковская А., Жарын М., Жарын Я. История Польши с древнейших времен до наших дней / под ред. Анны Сухени – Грабовской и Эгуниуша Цезары Круля. Варшава: Науч. изд-во ПВН., 1995. С. 172.

² См.: Lodz: Eine historisch – geographische Analyse von Oskar Kossmann. Holzner – Verlag, Vuerzburg.

³ Ibid. S. 50.

⁴ Alexandrow Lodzki. Geschichte <http://de.wikipedia.org/wiki/Aleksandr%C3%B3w>

⁵ Deutsche in Pabianize http://de.wikipedia.org/wiki/Deutsche_in_Pabianize

⁶ Lodz: Eine historisch- geographische Analise von Oskar Kossmann ... S. 151.

⁷ Ibid. S. 158.

И. В. Голубева

г. Кострома

**КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ РАБОТА
КОСТРОМСКОГО ЗЕМСТВА В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА**

В первые десятилетия своего существования земства, занятые созданием системы школьного образования, не смогли сделать многого в области внешкольного образования; существовал утилитарный взгляд - не школа существует для того, чтобы дать населению пользоваться книгами из библиотеки, а наоборот – библиотека учреждена для того, чтобы несколько укрепить и расширить знания, данные школой. Начиная с 90-х гг. XIX в. постепенно этот взгляд меняется. Внешкольное образование признается земствами уже не как поддержка

школы, но и как возможность усилить и продолжить ее благотворное влияние на широкие народные массы. После Общеземского съезда по народному образованию в 1911 г., когда был провозглашен принцип равноценности образования школьного и внешкольного, были определены основные принципы организации культурно-просветительской работы – общественность, самостоятельность, общедоступность, бесплатность, систематичность и планомерность, интерес земства к этому направлению работы значительно усилился¹.

Одной из первых мер в деле внешкольного образования, предпринятых Костромским губернским земством, можно считать ассигнование в 1898 г. средств на развитие библиотечного дела и открытие в том же году книжного склада². В 1902 г. устраивается педагогический музей и музей наглядных пособий при книжном складе; ассигнуется 2 400 руб. на наглядные пособия для уездов³. В докладе школьной комиссии губернского земства о реформе школьного и внешкольного образования, рассмотренного на очередной сессии губернского земского собрания в январе 1906 г. определялись основные желательные формы просветительской работы земств. По данным отчета дирекции народных училищ Костромской губернии за 1909 г., к этому времени имелись следующие из них: – народные чтения, которые проводились в 129 училищах, публичные (народные) библиотеки – читальни (всего 224, из них 114 при училищах и 110 «вне оных»), при нескольких земских управах (Буйской, Кологривской, в селе Молвитино Буйского уезда) существовали склады народных книг и письменных принадлежностей, имелось 5 педагогических музеев – в Костроме при губернской земской управе, в Ветлуге при уездной управе и при трех начальных училищах Кологривского и Юрьевоцкого уездов, действовали в губернии и 13 воскресных школ для обучения грамоте взрослого населения⁴. Уровень внешкольной работы в докладе школьной комиссии очередному губернскому собранию сессии 1910 г. оценивался как явно недостаточный⁵. Начавшаяся сразу после Общеземского съезда кампания борьбы против хулиганства, а за тем и движение за трезвость, особенно в связи с прекращением в 1914 г. продажи спиртных напитков, еще больше активизировали культурно-просветительскую работу земств. Земские сессии 1914 г. прошли под знаком борьбы за трезвость и за широкую культурно-просветительскую работу. Так, Костромское губернское земское собрание постановило: вопрос «о мерах экономического подъема населения и условий его нравственно и умственного совершенствования в связи с вопросом о борьбе с пьянством передать на предварительное рассмотрение уездных земских собраний», с тем, «чтобы заключения последних вместе с общим заключением Губернской земской управы было представлено на рассмотрение ближайшей очереди Губернского земского собрания». Губернской управе было поручено разработать общегубернский план внешкольного образования и внести его в земское собрание очередной сессии будущего года⁶.

В выработке планов внешкольного образования уездными земствами в последующий период большую роль сыграло Совещание по вопросам внешкольного образования», которое проходило в г. Ярославле 7 августа 1915 г. Совещание постановило, что центрами не только различных просветительных учреждений, но и местной общественной жизни, развития культурной самодеятельности

местного населения должны быть Народные Дома. Совещание рекомендовало земствам «безотлагательно приступить к созданию необходимых капиталов для этой цели, «чтобы путем ежегодных отчислений из прибыли, земских касс мелкого кредита и всех кооперативных учреждений уезда или губернии при соответствующих кассах или других центральных кооперативных организациях были образованы особые фонды на культурно-просветительские цели»⁷.

Решения Совещания по вопросам внешкольного образования стали основой для решений Костромского очередного уездного земского собрания в 1915 г., которое постановило создать при уездной управе постоянную комиссию, и включить в нее управу в полном составе, заведующего Отделом народного образования, представителей учителей народных школ, от костромского губернского кооперативного комитета, женской учительской семинарии и др. Комиссии было поручено выработать план организации в уезде просветительских мероприятий и обратиться с ходатайством в Губернское земство «взять в свои руки объединение по губернии всех мер внешкольного образования и культурно-просветительской деятельности, образовать фонд выдачи субсидий»⁸.

Во многом аналогичные решения, повторяющие решения Ярославского Совещания, были вынесены в 1915 г. Нерехтским и Чухломским уездными земскими собраниями⁹. Фактически «ушли» от решения вопроса в 1915 г. Варнавинское, Макарьевское и Юрьевоцкое земство, мотивируя это неразработанностью вопроса и «достаточностью» мер, принятых для борьбы с пьянством¹⁰.

Очередное губернское земское собрание сессии 1915 г., рассмотрев доклад «приготовительной комиссии», обобщившей решения уездных земств в сфере внешкольной культурно-просветительской работы, постановило образовать при губернской управе Совещание по внешкольному образованию, «просить уездные земства разработать поуездную сеть Народных Домов, губернской управе составить погубернскую сеть и внести ее на утверждение губернского земского собрания»¹¹. Финансовое обеспечение вопроса было решено таким образом:

«1) Четыре пятых капитала им. Александра II обратить в фонд для выдачи ссуд на постройку кооперативных народных домов, одну же пятую часть этого капитала назначить на проведение в жизнь различных мероприятий внешкольного образования; 2) 4%-е ссуды отдельным кооперативам на постройку народных домов должны выдаваться в размере не превышающем 2/3 сметной стоимости здания народного дома и не более 4000 руб. в каждом отдельном случае; 3) губернская управа выдает эти ссуды по получении заключений со стороны соответствующих управ... 10) внести в расходную смету 1916 г. 27 тыс. руб. на выдачу упомянутых выше безвозвратных пособий, зачислить эту же сумму в доходную смету их капитала Александра II»¹².

Одним из главных проводников культурно-просветительной работы в деревне земство рассматривало кооперацию. На страницах журнала «Известия Костромского губернского земства» неоднократно подчеркивалось, что хозяйственные успехи любого кооператива во многом определяются самостоятельностью населения, осмысленным активным участием его членов в делах своего общества. Выражалась уверенность в том, что именно рост кооперации создаст благоприятные условия для организации Народных Домов в деревне как центров

внешкольного просвещения, поскольку кооперативы так или иначе вынуждены решать проблему строительства помещения для собрания своих членов. Это и создаст постепенно условия для их использования в просветительских целях - для организации лекций бесед, устройства библиотек и т. д.¹³

Летом 1915 г. губернское земство провело специальное обследование на предмет ведения кооперативами культурно-просветительной работы. В самом общем виде полученные данные выявили ее «зачаточный» характер. Так, из 65 «отозвавшихся» кредитных обществ (всего их в губернии на 1-е января 1915 г. было 164) лишь 2 имели собственные библиотеки, 50 выписывали книги и газеты, 3 товарищества имели Народные Дома. Из 133-х потребительских обществ предоставили сведения о культурно-просветительной работе 26. Из них только в двух имелись библиотеки, лишь в 7 случаях вынесены решения об ассигновании средств на устройство библиотечек и покупку книг, журналов, газет¹⁴. Более развернутые данные по работе сельскохозяйственных обществ были изложены в том же номере «Известий...» известным деятелем Костромского земства А. Ковальковским. Он писал, что библиотеки зарегистрированы в 13 обществах из 49. В каждой библиотеке в среднем около 100–120 названий, а так же выписывается несколько периодических изданий преимущественно сельскохозяйственного содержания, 10 обществ строят Народные Дома, нередко силами нескольких кооперативов. Автор статьи констатировал, что «на эту сторону работы пока обращено слишком мало внимания...», тогда как она «является одной из самых важных»... и на нее «должны быть затрачиваемы надлежащие суммы»¹⁵.

Губернское земство финансировало строительство Народных Домов кооперативами из губернской кассы мелкого кредита. Обязательным условием выдачи ссуд было предоставление плана Народного Дома или «хотя бы описания тех помещений, которые отведены для культурно-просветительских целей. Решение об удовлетворении ходатайств выносили специальные совещания при губернской кассе мелкого кредита, чаще всего которые возглавлял глава кооперативной комиссии, член губернской управы Г. П. Рогаст¹⁶.

1916 год был ознаменован новыми важными сдвигами в деле постановки внешкольного образования. 24–25 мая 1916 г. на специальном совещании, созванном Костромским губернским земством, были обсуждены и приняты важнейшие принципы данного направления работы. По сути, это была своего рода концепция, которая в дальнейшем должна была быть конкретизирована в плане практических мероприятий.

В основу такого плана были положены «два принципа: а) самодеятельность народа и б) систематическая последовательность и планомерность мероприятий». Были определены следующие направления работы:

– Каждый уезд должен быть разделен на несколько районов (с 15–20 радиусом), во главе каждого района должен быть районный центр, сосредоточивающий в себе все мероприятия по внешкольному образованию (библиотека – читальня, музей, книжная торговля, пособия для лекции и чтений, выставок, занятий со взрослыми и пр.) Работа районного центра должна опираться на совет, состоящий из представителей, как земства, так и местного населения.

– Учреждением, вмещающим и объединяющим все мероприятия районного центра, должен являться земский народный дом, заведование которым поручалось особому лицу.

– Во всех селениях, имевших школы, если только школа находится действительно в надлежащем пункте, должны были быть открыты библиотеки – читальни, в задачу которых входило бы «стремление наполнить живым содержанием окружающую жизнь и привлечение местного населения к изучению местного края».

– Для обслуживания селений, лишенных постоянных библиотек, необходимо было организовать при каждом районном центре несколько передвижных библиотек. Управление библиотеками должно было быть построено на коллегиальных началах с участием самого населения.

– В уездных городах должны были функционировать при отделе народного образования центральные библиотеки, музеи, склады и другие учреждения внешкольного образования, а при губернском отделе такие же губернские учреждения более повышенного типа.

– Планомерное устройство народных чтений необходимо по возможности связать с деятельностью местных библиотек.

– Широкая помощь населению со стороны земства в деле народного театра и музыкальных способностей народа путем инструктирования и ознакомления с простейшими способами устройства сцены и сценического инвентаря.

– Для достижения наилучших результатов в деле внешкольного образования, необходимы периодические созывы губернских и уездных съездов деятелей по внешкольному образованию.

– Для проведения в жизнь мероприятий по внешкольному образованию, кроме учреждения районных центров, необходимо, чтобы отделы народного образования как губернские, так и уездные были пополнены особыми специалистами по внешкольному образованию. Все эти органы должны быть в тесном между собой взаимодействии и вся их деятельность должна опираться на состоящие при управах комиссии или совещания.

– В расходах уездных земств на мероприятия по внешкольному образованию губернское земство должно принимать частичное участие¹⁷.

Компетенция губернского и уездных земств в деле внешкольного образования определялась следующим образом: задача губернской управы – «внести планомерность в дело внешкольного образования, согласованность в работе уездных отделов...», вести теоретическую разработку всех вопросов, касающихся внешкольного образования. «Губернский отдел народного образования должен содействовать уездным и районным центрам и прочим учреждениям по внешкольному образованию путем издания, изготовления и выписки различного рода пособий,... консультации и инструктирования,... подготовки работников по внешкольному образованию и повышению их специальных знаний,... снабжения из своих складов наглядными пособиями, световыми картинками, кинематографическими лентами»¹⁸. При губернской управе должно действовать особое совещание по вопросам внешкольного образования, на которое опиралась бы вся деятельность отдела, и в состав которого входили бы представители уездных отделов народного образования.

На оборудование районных центров внешкольного образования предполагалось выдать земствам безвозвратные пособия по 3 200 руб. на центр из пособия, назначенного от Министерства народного просвещения. Губернское земство должно принимать участие в содержании этих центров путем выдачи из своих средств пособий уездным земствам в размере половины расходов, предусмотренной сметой, то есть по 1 375 руб.¹⁹

В ноябре 1916 г. состоялось совещание губернской управы с представителями уездов, заведующими отделами народного образования на местах, кооперативными работниками, и др., работающими в сфере просвещения. Предметом совещания стал вопрос о создании в начале 1917 г. районных центров по внешкольному образованию. В губернии предполагалось открыть 12 центров, по одному на уезд. Особо совещание остановилось на вопросах, связанных с их оборудованием и определением ежегодной сметы на их содержание. Оборудование одного центра исчислялось в 3 200 руб. (а двенадцати – 38 400 руб.), куда входили траты на мебель для библиотеки, на книги, переносной киноаппарат, наглядные пособия, на оборудование музея и т. д.²⁰ Смета на ежегодное содержание одного из центров составляла 2750 руб. (двенадцати – 33 000 руб.), включая жалования персоналу центра, пополнение и ремонт инвентаря, найм помещения и т. д.²¹ В целом объем средств был признан «скромным». Сметы были одобрены совещанием, намечалось так же половину необходимой суммы изыскать из земских источников, а для получения другой – направить ходатайство в Министерство народного просвещения.

Тогда же в 1916 г. вопросы организации сети народных домов и районных центров были предметом рассмотрения Солигаличского, Макарьевского, Нерехтского уездных земских собраний²².

На основе поуездных планов был выработан «Общегубернский план внешкольного образования», утвержденный на очередной сессии Костромского губернского земства 1916 г. Было решено «первые районные центры, намеченные к открытию в 1917 г.,... учредить в пунктах, указанных уездными собраниями, а именно: по Галичскому уезду в дер. Шокше, по Кинешемскому – в городе Кинешме, по Кологривскому – в г. Кологриве, по Макарьевскому – в г. Макарьево, по Нерехтскому – дер. Середи, по Юрьевоцкому – в с. Парском»²³. По остальным 6-ти уездам губернской управе было поручено «войти в соглашение» с уездными управами и открыть районные центры в пунктах, которые будут намечены путем этих соглашений. На основе данного плана в 1917 г. в губернии началась организация 12 районных центров внешкольного образования²⁴;

О произошедших сдвигах в организации внешкольного образования уездными земствами свидетельствуют, например, данные по Юрьевоцкому уезду. К 1916 г. по инициативе населения в уезде возникли 4 народных дома, 2 – строились и 5 были намечены к постройке, в селах Парском и Родниках возникли музыкально – драматические кружки, в четырех селах возникли общества народных развлечений и общество «Народный дом», в трех селах организованы библиотечные советы²⁵. В 1917 г. в Юрьевоцком уезде народные библиотеки имелись в 25 пунктах, из них 4 – при народных домах, в селе Родники кроме библиотеки – читальни был открыт книжный склад; народные чтения проводились

в 27 пунктах, было проведено 131 чтение, включая 94 с «туманными картинами»; в 9 пунктах устроены воскресные школы; также существовал народный театр, поставивший 6 спектаклей²⁶.

Организуя сеть внешкольных культурно-просветительских учреждений, Костромское земство заботилось об их кадровом обеспечении. Летом 1916 г. в городе Костроме были проведены первые в России трехнедельные курсы по внешкольному образованию²⁷. Программа курсов включала в себя: 1) «Общие вопросы внешкольного образования»; 2) «Библиотечковедение и библиотеки-читальни»; 3) «Детские библиотеки»; 4) «Образовательные чтения, лекции, курсы для взрослых»; 5) «Народный театр, организация деревенских театров, кружка и его труппы»; 6) «Устройство и оборудование сцены, режиссерство, грим, костюмы»; 7) «Образовательный кинематограф»; 8) «Музей, выставки, экскурсии»; 9) «Санитарно-гигиенические мероприятия»²⁸.

Как отмечалось в «Известиях...», курсы пользовались успехом, в их работе участвовало 315 человек²⁹: учителя Костромской губернии и г. Костромы, Ярославской, Нижегородской, Тверской, Кутаисской, Тульской, Московской, Калужской, Вологодской губерний, а также 10 учителей – беженцев, командированных Варшавским учебным округом,

Важную роль в просветительской деятельности земства играли учреждения, «обслуживающие» школьное и внешкольное образование. К ним в первую очередь относились общеобразовательный и естественно – исторический музей, кустарный музей, астрономическая вышка и книжный склад.

Общеобразовательный и естественно-исторический музей имел показательные наглядные пособия для школьного дела, коллекции флоры и фауны Костромской губернии. В 1914 г. музей был реорганизован, «коллекции его были приведены в полный порядок и размещены в строго научной системе»³⁰. В 1916 г. музей пополнился рядом новых приборов и наглядных пособий (главным образом на пожертвования)³¹, небольшой коллекцией спиртовых препаратов беспозвоночных фауны Черного моря³². Посещался музей очень охотно как городскими жителями, школами и учреждениями, так и приезжими. Только за 1916 г. в музее побывало 1 248 человек, в том числе: учащиеся первой и второй мужской гимназии, Григоровской и Смольяниновской женских гимназий, Чижевского технического училища, Наволокской начальной школы и Ярославской первой высшей начальной школы, а так же слушателями Костромских курсов по внешкольному образованию³³.

Кустарный музей был создан земством с целью изучения состояния кустарной промышленности в крае, ознакомления кустарей с лучшими образцами народных изделий, а также для расширения сбыта кустарных изделий. В основу коллекции кустарного музея Костромского земства были положены образцы, собранные для Казанской (1909 г.) и Петроградской (1913 г.) выставок и Костромской областной выставки в 1913 г.³⁴ В 1917 г. экспонаты музея были перенесены в музей изучения местного края.

В тесной связи с музейным делом стояла организация выставок по различным отраслям хозяйства. Они показывали достижения земства в области образования, медицины, дорожного строительства, сельского хозяйства. В некоторых

уездах, например, в Кинешемском, строились специальные выставочные городки, предназначенные для ежегодных выставок. «Венцом» выставочной работы стала земская выставка 1913 г., в честь 300-летия Дома Романовых. На этой выставке было показано все то, чем могла гордиться на тот период Костромская губерния. Однако это был, прежде всего «апофеоз деятельности Костромского земства, отдельные павильоны рассказывали о работе статистического, кустарного, пчеловодного отделов, отдельно были показаны достижения в области землеустройства, дорожного строительства, народного просвещения и здоровья»³⁵.

В 1915 г. на губернском земском собрании был поднят вопрос об организации при губернском санитарном бюро «фундаментальной передвижной выставки» с целью распространения гигиенических знаний³⁶. Подготовленная в 1916 г. санитарным бюро «показательная выставка – музей» состояла из ряда отделов, посвященных методам предотвращения таких болезней как туберкулез, сифилис, борьбе с эпидемиями, детской смертностью; имелись отделы по анатомии, школьной гигиене и т. д. Это начинание получило большой отклик в уездных земствах³⁷. В губернии в 1916–1917 гг. был разработан и действовал план выставок, которые сопровождались народными чтениями с применением световых картин или кинематографа. Опыт показал, что эти выставки имели большое значение в санитарно-гигиеническом просвещении населения.

Еще одним из учреждений, ведущих просветительскую работу, была астрономическая вышка, расположенная в здании губернской управы. Вышка была снабжена телескопом, «позволяющим производить наблюдения не только над планетами, но и звездами второй и третьей величин»³⁸. В 1916–1917 гг. к организации наблюдений была привлечена группа воспитанников старших классов местного реального училища, увлекающихся астрономией. Только за 1916 г. вышку посетило 2 193 человек; результаты наблюдений многократно обсуждались на устраиваемых по этому поводу вечерах³⁹. Среди посетителей преобладала молодежь средних и отчасти низших учебных заведений.

Вопрос об организации собственной книжной торговли возник в земствах уже в первые годы их деятельности. Такая мера имела не только просветительное значение, но и хозяйственную выгоду для земства. В Костромской губернии был открыт в 1898 г. книжный склад «Костромич». «В задачи книжного склада, – как говорилось в “Докладе губернской земской управы о состоянии хозяйства губернского земства” – кроме поддержания на сравнительно невысоком уровне цен на писчебумажный и книжный товар, входила борьба с лубочной или пустой литературой и стремление дать народу хорошую здоровую книгу»⁴⁰. В уездах так же открывались особые склады в основном на средства уездных земств и с беспроцентной ссудой на 15 лет в размере 3 000 руб.⁴¹ Они были открыты в Кинешме, Галиче, Ветлуге, Буге, Солигаличе, Нерехте и Кологриве. В операции земских книжных складов входила торговля не только книгами и письменными принадлежностями, но также и наглядными учебными пособиями для народных земских школ.

С началом Первой мировой войны при «Костромиче» было сразу же организовано составление библиотечек для раненых в местных лазаретах. Население Костромы было оповещено об этом мероприятии и приглашалось

к пожертвованиям книг и газет для раненых⁴². Уже к 15 октября 1914 г. было передано в лазареты 2 320 книг и 110 экземпляров журналов, что являлось только началом работы по снабжению печатными изданиями поступавших в губернию раненых⁴³.

С 1915 г. «Костромич» стал активно сотрудничать с кооперативами, снабжая их книжной продукцией. Таким операциям нередко способствовала Губернская земская касса мелкого кредита. Те кооперативы, которые желали приобрести товар на складе, но не имели на это наличных средств, обращались в земскую кассу мелкого кредита и по разрешению последней, забирали товар на выписанную сумму. Склад же получал деньги из кассы мелкого кредита.

С расширением просветительской деятельности в земствах возникла ее новая отрасль – земское издательское дело. Земства издавали книги, брошюры, листки, плакаты по сельскому хозяйству, медицине, строительству, восполняя недостаток в специальной литературе; издавали учебники и наглядные пособия для школы. Почти каждое земство имело свои периодические издания. В Костромской губернии с 1912 г. стал выходить журнал «Известия Костромского Губернского земства». Целью этого ежемесячного (а с 1916 г. – еженедельного) журнала было широкое ознакомление общественности с деятельностью губернского и уездных земств Костромской губернии, освещение всех земских мероприятий, направленных к повышению народного благосостояния и культуры. Популяризируя агрономические мероприятия и сельскохозяйственную культуру, освещая вопросы кооперации, культурно-просветительское движение в деревне, события, связанные с первой мировой войной, журнал вызывал положительные отклики в свой адрес у крестьянского населения⁴⁴.

Земское внешкольное образование было живым, развивающимся делом, в нем постоянно возникали новые формы. Костромское губернское земство высоко оценивало деятельность Костромского научного общества по изучению местного края, созданного в 1912 г., ежегодно выплачивая ему специальное пособие. Так, очередное губернское земское собрание сессии 1914 г. постановило внести в смету на 1915 г. 300 руб. для этих целей⁴⁵.

В 1917 г. была закончена, начатая в 1916 г. организация губернского театрального «Музея – студии народного театра». С февраля 1917 г. в нем была начата работа по устройству показательных спектаклей, изготовлению для деревенских сцен дешевых декораций и костюмов.

В декабре 1917 г. была почти закончена организация губернского склада световых картин и кинематографических лент, «приобретен высокого качества волшебный фонарь, заказано до 2000 картин различного содержания..., часть из них уже была получена управой»⁴⁶.

По мере развития внешкольной просветительской работы земство все больше стало нуждаться в сборе статистического материала по данному направлению работы. Статистический отдел при отделе народного образования Губернской управы был создан в 1913 г., однако до 1917 г. велись только школьные статистические обследования, сведений по внешкольному образованию не собиралось. На очередной сессии 1916 г. губернское земское собрание постановило «приступить к правильному обследованию мероприятий по внешкольному

образованию»⁴⁷. В 1917 г. отделом были выработаны опросные бланки по статистике внешкольного образования, в основу которых легли «примерные» бланки Харьковского общеземского съезда, которые охватывали все стороны внешкольной просветительской деятельности. Обследованием предполагалось охватить и деятельность кооперативов. Статистический отдел стремился получить сведения о степени систематичности занятий с взрослыми и подростками, о кинематографе, о музеях, выяснить число посетителей, о народном театре, о книжной торговле и др. Бланки анкет были напечатаны губернской управой и разосланы по уездам, а во второй половине 1917 г. начали обрабатываться и ответы.⁴⁸ К сожалению, эта работа была прервана революционными событиями в крае.

Итак, внешкольное образование, возникнув, как развитие деятельности земской школы, выработало, как подтверждает опыт Костромского земства, многообразие форм культурно-просветительской работы. В годы Первой мировой войны, главным образом благодаря усилиям губернского земства, была сделана попытка значительно расширить просветительскую работу, внести в нее плановость и последовательность, активно использовать в этом направлении кооперативы. По сути, культурно-просветительская работа осознается земством как самостоятельное направление деятельности. Все это позволило охватить ею определенную часть населения. Однако удалось сделать лишь первые шаги, а, по сути, заложить фундамент в деле решения исторической задачи – развития культуры широких народных масс.

Примечания

¹ *Абрамов В. Ф.* Земство, народное образование и просвещение // Вопросы истории. 1998. № 8. С. 54.

² *Шпилов А. Д.* Деятельность земства по развитию народного образования в Костромской губернии во второй половине XIX – нач. XX века // История России и Костромской край: пособие для учителей. Кострома, 1993. С. 96.

³ *Андреев Я.* Краткий очерк деятельности Костромского губернского земства по народному образованию. Кострома, 1907. С. 21.

⁴ Там же. С. 99–100.

⁵ Там же. С. 99–100.

⁶ Постановления Костромского губ земского собрания очередной сессии 1914 г. с приложениями. Кострома, 1914. С. 27; Постановления Костромского губернского земского собрания 51 очередной сессии 1915 г. с приложениями. Кострома, 1916. С. 1.

⁷ Постановления Костромского губернского земского собрания 51 очередной сессии 1915 г. С. 15.

⁸ Постановления Костромского губернского земского собрания 51 очередной сессии 1915 г. С. 15.

⁹ Там же. С. 13–14.

¹⁰ Там же. С. 5, 12, 14.

¹¹ Там же. С. 24.

¹² Там же.

¹³ *Травин С.* Народный Дом // Известия .... 1915. № 3. С. 2–3.

¹⁴ *Ширман М. Г.* Культурно-просветительная деятельность кооперативов Костромской губернии // Известия ... 1915. – № 11. С. 5–14.

¹⁵ *Ковальковский А.* Мелкорайонные сельскохозяйственные общества в Костромской губернии и основные черты их деятельности // Известия .... 1915. № 11. С. 23.

- ¹⁶ Известия ... 1915. № 4. С. 49; № 7. С. 55; 1916. № 1. С. 25; № 7. С. 38.
- ¹⁷ Известия ... 1917. № 7. С. 7–8.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Там же. С. 9.
- ²⁰ *Мошков А. С.* У дверей районных центров по внешкольному образованию // Известия ... 1916. № 17. С. 1–2.
- ²¹ Там же. С. 2.
- ²² Известия ... 1916. № 18. С. 26; № 22. С. 22–23.
- ²³ *Мошков А. С.* У дверей районных центров по внешкольному образованию // Известия... № 17. С. 9.
- ²⁴ Подсч. Авт. : Доклад губернской земской управы о состоянии хозяйства губернского земства. Кострома. 1918. С. 28.
- ²⁵ Известия... № 5–6. С. 41.
- ²⁶ *Грацианская О.* Внешкольное образование по данным школьной статистики // Известия... 1917. № 23. – 10 июля. С. 23–24.
- ²⁷ Известия... 1916. № 5–6. С. 72.
- ²⁸ См. подр. Доклад № 32. О курсах по внешкольному образованию для учащихся народных училищ, бывших в г. Костроме летом 1916 г. // Доклады Костромской земской управы очередному губернскому земскому собранию сессии 1916 г. по отделу народного образования. Кострома, 1917. С. 15–16.
- ²⁹ Известия... 1916. № 5–6. С. 72.
- ³⁰ Постановления Костромского губернского земского собрания L – очередной сессии 1914 с приложениями. С. 23–24.
- ³¹ Доклад № 5 // Постановления Костромского губернского земства 51 – очередной сессии 1915 г. с приложениями. – Кострома, 1916. С. 9–11.
- ³² Доклад № 24 // Доклады Костромской губернской земской управы очередному губернскому земскому собранию сессии 1916 г. С. 1.
- ³³ Там же. С. 4.
- ³⁴ Там же. С. 36.
- ³⁵ *Сизинцева Л.* «Двинулся и пошел наш крестьянин...» // Губернский дом. 1994. № 1. С. 27.
- ³⁶ См. подр. Доклад № 5 о передвижной выставке по борьбе с народными болезнями // Приложения к сборнику постановлений Губернского земского собрания сессии 1915 г. Ч. 3. санитарный отдел. Кострома, 1915. С. 32–35.
- ³⁷ Известия ... – 1916. № 22. – 22 декабря. С. 19.
- ³⁸ Доклад губернской земской управы о состоянии хозяйства губернского земства. С. 31.
- ³⁹ Доклад № 30 по астрономической вышке // Доклады Костромской губернской земской управы очередному губернскому земскому собранию сессии 1916 г. С. 6.
- ⁴⁰ Доклад губернской земской управы о состоянии хозяйства губернского земства. С. 31.
- ⁴¹ Там же. С. 32.
- ⁴² Постановления Костромского губернского земского собрания L- очередной сессии 1914 г. С. 20.
- ⁴³ Там же. С. 21.
- ⁴⁴ Известия... 1915. № 8. С. 54.
- ⁴⁵ Постановления Костромского губернского земского собрания L- очередной сессии 1914 г. С. 29.
- ⁴⁶ Доклады Костромской губернской земской управы очередному земскому собранию сессии 1916 г. по отделу народного образования. Кострома, 1917. С. 1.

⁴⁷ Доклад губернской земской управы о состоянии хозяйства губернского земства. С. 29.

⁴⁸ Там же. С. 33.

⁴⁹ См. напр. *Грацианская О.* Внешкольное образование в Юрьевецком уезде по данным шольной статистики // *Известия...* 1917. № 23. – 10 августа. С. 23–25.

Е. И. Кашин
г. Кострома

ОБРАЗЫ МИРА И ВОЙНЫ В ИСКУССТВЕ КОСТРОМСКИХ ХУДОЖНИКОВ Н. ШУВАЛОВА И А. КОЗЛОВА

Имена Н. Шувалова и А. Козлова прочно связаны с представлением о внутренней свободе и независимости. Опорой в жизни и в творчестве для них являлись духовные ценности, которые и помогали им сохранить чувство собственного достоинства. Всякое давление извне рассматривалось как посягательство на интеллектуальную свободу. Так рождалось несогласие и сопротивление подавляющей и обезличивающей творческую личность системе.

Шувалова и Козлова объединяла не только дружба со времени обучения в Костромском художественном училище, но и интерес к опыту истории, опыту искусства, к тем художественным образам, которые демонстрировали веру в силу человеческого разума, отстаивающего священные права жизни и мира на земле.

Молодое поколение художников 50–60-х годов, отвечая общественной потребности в художественном постижении феномена современности стремились осознать себя как часть интеграционного потока революционного искусства новейшей эпохи. Вполне закономерно обращение молодых художников к наследию искусства 20-х годов и к творческим достижениям неореализма. По мнению А. И. Морозова встречи с подобным искусством помогали каждому поколению преодолевать наивно-романтический эстетизм и музейные штампы видения в поисках стиля и изобразительного мастерства.

У А. Козлова и Н. Шувалова этот процесс привёл к особой психологической настроенности колорита, через который художник стремился выразить чувство времени, ощущение напряженных противоречий, какими заряжен мир.

Поиски новых способов поэтического освоения мира у Алексея Козлова сказались прежде всего в области пластики и содержания пейзажа и натюрморта. А. Т. Ягодковская отметила тип восприятия, при котором доминантой художественного образа является «непосредственность переживания и острота наблюдения. Этот тип восприятия становится принципом поэтики художественных направлений в живописи конца 60-х годов»¹. 70-е годы заявляют о себе субъективно-индивидуальным видением внешнего мира.

В основу символически обобщающих образов положена напряжённость цветовых восприятий, которая соединила остроту мысли с непосредственностью визуального впечатления.

В произведениях костромских художников Николая Шувалова и Алексея Козлова чувственно-ощутимым аккомпанементом бытия человека, его вечным спутником служила природа. Сошлёмся на слова Г. Гачева о том, что природа определяет лицо народа, природа, среди которой он вырос и творит свою историю. Для русского человека природа всегда ассоциировалась со свободой, волей, привольем. Жанровые произведения Николая Шувалова (пейзажи, портреты и натюрморты), портреты и пейзажи Алексея Козлова можно иконографически обозначить как «картины мира».

Широкие просторы убранных хлебных полей вдохновили Н. Шувалова на создание красочного жизнеутверждающего полотна, наполненного воздухом и светом («Хлеб» 1967 г.). Художник испытывал острый интерес к бытовому жанру, сочетая условности современного живописного языка с документальной повествовательностью. Он воспроизводит характерные приметы сельской жизни. В картине «Хлеб» художник изобразил во время перерыва в сельской страде мотив крестьянской трапезы. Три женские фигуры в картине – своеобразный вариант троицы: Вера, Надежда, Любовь. Этот мотив уже встречался в картине «Предки» 1866 г. и «Домовик» 1966 г., в более позднем произведении «Лето» 1968–1977 г.

Произведение типично для периода середины 60-х годов прошлого века. Этот период характерен для художника обращением к народному искусству, прикосновением к истокам русской художественной культуры. Уравновешенная композиция картины «Хлеб» симметрично строится по кругу: автор отказывается от эмпирической содержательности и не строит изображение в глубину, а совмещает пейзаж-фон – тело земли с её холмами и перелесками с женскими фигурами, тем самым подчёркивая связь между человеком и освоенной им природой. Сама сцена трапезы является символом единения, мира и покоя.

Пространственная характеристика изображений сведена к элементарным отношениям «фигура-фон» (женских фигур и пейзажного фона), при этом яркость цвета восполняет отсутствие перспективного выражения глубины. Важно подчеркнуть семантику жёлтого цвета в картине: это цвет осени, цвет урожая, а с другой стороны – это цвет уходящего времени, как части жизни, уходящей в вечность.

Ритмы движений жестов, взглядов, предметов организуют перемещение взгляда зрителя в картине по замкнутому кругу. Так Вера – традициям, Надежда – ожидание, Любовь становятся ЕДИНЫМ.

Живописец А. Козлов – поэт костромской деревни. Его картины полны света и воздуха. Его пейзажи хранят память прожитых лет, напоминание о том, что дорого.

К какому бы жанру не обращался художник: натюрморту, портрету, пейзажу, главной темой произведения художника является Родина, даже если он изображает её маленьким уголком земли, затерянным среди лесов и увалов. А. Козлов писал о своей родине: «Я полюбил её с той минуты, когда впервые босою ногой ступил на неё, когда выходил с отцом вырубать делянки, метать стога, купаться на Васину мельницу. Мне с мальчишеских лет были до боли дороги лица и глаза, и руки, и дыхание моих сельчан, хуторян, моих земляков»².

На большом горизонтального формата полотне «Моя Родина» 1966 г. до самого неба заполняет всё пространство «политые золотом и мёдом» холмы и зелёные потоки, стекающие вниз к деревне, которая вытянулась вдоль угора в центре композиции. В небесах и на земле ликует осень. Золотые и оранжево-охристые деревья, возвышаясь над домами «сверкают осенними красками, а дома, стога и журавли-колодцы буквально алеют, светятся изнутри красно-алым цветом. Это тот красный цвет на моих полотнах, – говорил художник, – который я так люблю, это цвет радости, цвет пролитой крови, цвет надежды, цвет силы и праздничной доброты моего народа»³.

Пейзажи А. Козлова подобны русской протяжной песне или былине. Тоска и стремление к простору и воле, восторг перед мирными пространствами присутствуют в его картинах как продолжение традиций русской художественной культуры, которые обозначил Д. С. Лихачёв: «Русская культура считает волю и простор величайшим эстетическим и этическим благом для человека»⁴.

Поиски формы Н. Шуваловым не следует рассматривать как самоцель. Найти форму выражения, наиболее адекватную замыслу, значило для него обрести единство с миром, стать его частью.

Остросовременным, общечеловеческим и жизненно важным содержанием наполнена героическая тема триптиха «Непокорённые» 1975 г. Сама трактовка темы чрезвычайно оригинальна и неожиданна. Объединяя в одном произведении три имени: Джордано Бруно, Нгуен-Ван-Чоя и Юрия Смирнова, он, отказываясь от традиционного воспевающего повествования о подвиге, идёт к выявлению глубинных основ героического.

Понятие «подвиг» (по-двиг) по определению Д. С. Лихачёва, – «то, что сделано движением, побуждено желанием сдвинуть с места что-то неподвижное ... Именно с подвигом связано целеустремлённое движение воли и силы в достижении определённой цели»⁵. В одном из писем Н. Рерих со словом «подвиг» связывает выражение каких-то сокровенных черт русского человека: движение, проворство, терпение и знание.

Сила и воля звучит в «Непокорённых» как ипостась универсального человеческого начала. При этом сила-воля – не средство для достижения чего-либо, а развёрнутое во времени состояние неотделённости от мира (я – мир), принятие всего происходящего в нём: и страданий, и тяжёлых испытаний.

Триптих «Непокорённые» 1975 г., над которым художник работал 7 лет, начиная с 1967 г. и по 1975 г., объединяет подвиг итальянского учёного, не изменившего своим убеждениям в костре инквизиции, героя Вьетнама, и в центральной части – подвиг земляка художника, распятого фашистами. Все три части органично сливаются в единое целое. Иконографические реминисценции (мотив распятия) придают триптиху смысл своего рода *живописного памятника*, мемориала жертвам войны.

Характерен для новой поэтики этого произведения отказ от классического принципа единства времени и места действия, которое сменяется иным приёмом живописного повествования. *Время* трактуется сложно, как историческое, событийное и мифологическое. Последнее, актуализируясь, становится доминирующим, превращая восприятие в созерцание. Перед зрителем предстаёт

застывшая судьба, помещённая в замкнутое пространство картины, которое, в свою очередь, может быть интерпретируемо как застывшее время.

В основе композиции всех трёх частей лежит вертикаль, по которой строится изображение фигур. С точки зрения семантики вертикаль – это направленное движение, устремлённость силы и воли. Движение развивается с левого угла в правый верхний: по направлению языков пламени костра кверху, к свету (свечению планет), в центральную часть через движение планет к левому верхнему углу центральной части, – через горизонталь (руки) к изображению красного солнца в правом верхнем углу, – а затем по вертикали правой части, по склонённой фигуре, вниз. Таким образом, единое движение объединяет все три части произведения.

В построении пространства художник использует метод фронтально-изометрической перспективы. Мир при этом воспринимается как прямое продолжение собственного пространства зрителя, находящегося на одной линии с миром картины. Центральная часть, объединяющая правую и левую, более тяжёлая, более загружена деталями.

В левой части триптиха направление движения взгляда перемещается от больших масс внизу изобразительной плоскости (красные языки пламени, уменьшающиеся кверху) к фигуре через овал плеч, к голове, вокруг которой, как орёл, светила: солнце, луна, планеты. Эта часть имеет вертикальное расположение с приблизительными пропорциями 1 : 2,5. Такой формат способствует расположению изображения по вертикали и подчёркивает движение фигуры вверх, она будто застыла в воздухе, поднятая языками пламени. Вся плоскость решается в соотношении «фигура-фон» на чередовании красного (пламя, фигура, столб), синего (небо), чёрного (нечисть). Изображение фигуры строится снизу, что придаёт композиции монументальность, а сцене – значительность.

Три основных цветовых компонента произведения образуют трёхмерную шкалу смысловых пространств: сине-красное небо со светящимися планетами, тёмно-красная фигура и красновато-оранжевый огонь, при этом каждый цвет обретает свою символику (*красный* – огонь, дух, *белый*, *холодный* – истина, знания, разум, *чёрный* – мрак, силы мрака).

Отказываясь от традиционного пафосного решения темы подвига, от попыток изобразить величие героя, Н. Шувалов погружает зрителя в более глубокие размышления о нравственной высоте подвига.

«Воспоминания о сорок первом» – так называется картина А. Козлова, который, побывав на войне, не любил говорить о ней. Название картины, по словам дочери художника, определил случай: А. Козлову предложили участвовать в выставке ветеранов Великой Отечественной войны: так картина «Воспоминание о прошлом», вбирающая в себя тему уходящей Руси, приобрела более конкретный смысл.

В пейзаже вертикального формата над маленьким селом нависла огромная туча. Всё вокруг охвачено огненным светом и гулом надвигающейся беды. Эта туча трактуется художником как взвихрённый хаос: порывистые мазки розового, красного, оранжевого цвета воплощают динамику встревоженной мысли. Напряжённость цветовых восприятий, положенных в основу символически

обобщающего образа, позволяет сочетать остроту мысли с непосредственностью визуального впечатления.

Война давно закончилась, но мирная жизнь не наладилась. Старый знакомый художника А. И. Боборыкин вспоминал одну из последних бесед с А. Козловым: «Вот так и живу, брат. Хожу от одного окна к другому, а за ними черёмухи, дубы да клёны. Хоть кричи – никто не услышит. Дико, брат стало ... И куда, брат, все подевались? Где все эти Хлупины, Татариновы, Сенниковы. все эти веселья, гулянья, хохот, визг, разухабистые песни под гармошку Володьки Хлупина?»⁶. Каждый раз, приезжая из Москвы в родные места, художник мучительно задавал этот вопрос: «Где всё это?»...

Оба художника, и Н. Шувалов, и А. Козлов, которых объединила не только Кострома, но и сложная творческая судьба, смогли уйти от прямолинейного и плакатного пафоса в образах Родины, в трактовке подвига, которые зазвучали у них поистине современно. Остаются они такими же современными и поныне.

Примечания

¹ Ягодовская А. Т. От реальности к образу. М., 1985, С. 87.

² Куранов Ю. Озарение радугой. Л., 1984, С. 119.

³ Там же. С. 119.

⁴ Лихачёв Д. С. Заметки о русском. М., 1984, С. 12.

⁵ Там же. С. 11.

⁶ Козлова М. А. Уже не жизнь, а житие... М., 2005, С. 145.

Н. К. Кашина
г. Кострома

МИФОЛОГЕМА «ЦАРЬ» В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ В. РОЗАНОВА

Переписывать историю, переоценивать её факты по формуле «Что было бы, если бы...» бессмысленно, гораздо важнее попытаться понять, что же всё-таки произошло со страной. Вероятно, именно поэтому время от времени вновь появляется тема судьбы монархии в России. Кроме того, эта тема сопрягается с попыткой понять не менее значимое для России: так ли уж неотвратима тирания?

Недавно на телеэкране был показан фильм П. Лунгина «Царь», который вызвал разные отклики. Выделим несколько из них.

Историк Пётр Мультиатули: «... цель Лунгина можно определить следующим образом: вам говорят, что монархия была благом для России, что она создала Россию. Вот вам ваша монархия! Вот вам ваши цари! Кровавые тираны, безумные маньяки, одержимые жаждой крови. Вы хотите такой власти? Вы хотите быть той серой толпой, которую порют, казнят, вешают на дыбу, травят медведями? Цель фильма, чтобы на этот вопрос большинство людей сказала бы: нет! Не хотим!»¹.

Ректор Костромской духовной семинарии архимандрит Геннадий (Гоголев) отметил: «Главный смысл картины заключается в том, что она наносит смертельный удар по самой монархической идее, которая как раз в настоящее время начинает в России завоевывать все больше сторонников»².

Чтобы понять, что значит для русского писателя, мыслителя В. Розанова само слово «царь», следует подчеркнуть, что в его работах нельзя найти логически построенных рассуждений с убедительной мотивировкой. Писатель не доказывает нам некие исторические теоремы, он переживает реалию, глубоко воспринимая её сущность. В силу своего особой природы мышления, мифологической, В. Розанов в различных произведениях представляет мифологему **Царь**, которая порождает многообразие мифологических сюжетов, порой противоположным образом рисующих этот облик.

В. Розанов изначально делает утверждение «Царская власть есть чудо»³. «Государь есть лучший человек в России» – утверждает автор, ибо «с молоком матери» для него нет другого интереса, как благо России. Царь, по Розанову, «выработан» поколениями как противоположность метафизическому злу, а поэтому «злоумыслить что-нибудь на царя и отказать ему в повиновении, если он по болезни страстен и гневен (Грозный) или даже если бы он лишён рассудка, – УЖАСНАЯ ВЕЩЬ В ОТНОШЕНИИ ВСЕЙ ИСТОРИИ, всего будущего, тысячи лет вперёд; ибо это неповиновение или злоумышление могло бы в последующих государях разрушить то главное, что составляет суть всего: их благодать и их всецелую без остатка для себя благорасположенность ко всем и всему окружающему в стране своей»⁴. Упомянув историю с Павлом I, В. Розанов назвал её чёрной, подлой и омерзительной.

В 1912г. В. Розанов издал в Петербурге книгу «О подразумеваемом смысле нашей монархии». В ней он спрашивает: «... разве кровь, проливаемая Иоанном IV, текла без боли? Разоряемый Новгород, готовый стать разорённым Псков – не трепетали? В Ливонской войне не было унижено царство? Итак, что берегли в этом теле – старом, ненужном, блудном, упившемся в крови? Правителя беззаконного, военачальника побитого, политика осмеянного, судью бессудного? Нет, всё это было ему... не прощено, не забыто, но всё это – малилось перед необъятным иным, что он нёс в себе, в этом изношенном теле, помешанном уме, развращенном сердце, точнее – что нёс, что светилось для всего народа ОКОЛО этой не погаснувшей, мучительной, презренной и, однако, бережно хранимой жизни»⁵.

«Царствование Царя трагично», – пишет В. Розанов в «Последних листах». «Помолимся о Царе нашем несчастном, который в заключении встречает Пасху»⁶, – пишет он в марте 1917 г.

«Что такое царь? – восклицает В. Розанов, – ... Обязанность его, исключительно к величавости, настолько трудна и неизъяснима, что почти нельзя “быть хорошим царём”... И вот попробуйте выдерживать это величие во всём. Нет, что же “выдерживать”: быть подлинным и оригинальными во всём величии. Конечно, это почти божеское качество, и цари недаром называются “земными богами”... Он бог. Земной и на земле, если бог – то всё-таки чрезмерен»⁷.

«Нельзя, чтобы внуки и внучки наши, слушая сказку “О Иване Царевиче и сером волке”, понимали, что такое “волк”. но уже не понимали, что такое

“царевич”... И они почувствуют, через 3–4 поколения, что им дана не русская история, а какая-то провокация на место истории, где вместо “царевичей” и “русалок” везде происходит классовая борьба»⁸.

«государи терпели. ...

Вообще государи терпели, этого никак нельзя забывать. Государствование есть терпение.

И мы, подданные, должны быть с “терпением государевым”. Помогая ему трудом, сочувствием и пониманием...»⁹.

Не раз возвращался В. Розанов к проблеме «царь и парламент». Возможно ли это разделение власти? Этот вопрос отпадает, если принять *разноприродность* их как божеское, вечное и слишком повседневное: «Лавочники... Парламент есть просто собрание лавочников. Людей сегодняшнего “вторника”, без мысли о среде и без воспоминания о понедельнике.

И когда парламент, т. е. “эти лавочники”, борются с царскою властью, они борются и ненавидят именно Древность и Вечность, как отрицание их “вторника”.

Я думаю, у “парламента” и Царя нет общих слов, нет одного разума...»¹⁰.

Окончательное завершение этих отношений – 17 год – открывает трагедию по-розановски: без истерик, без пафоса, его царь достойно уходит из истории: «Он не ломался, не лгал. Но видя, что народ и солдатчина так ужасно отреклись от него, так предали..., и тоже – и “господа купцы”, – написал просто, что, в сущности, он отрекается от такого подлого народа. И стал (в Царском) колоть лёд. Это разумно, прекрасно и полномочно»¹¹ «“Белая Русь”... Как это выговорить? а уже выговаривается...» – так звучит последний аккорд в последнем произведении В. Розанова¹².

С самой фигурой царя ушла из русской жизни и метафизика, которая была её отличительной, основополагающей чертой. И вдруг оказалось, что русские ничего не умеют, не хотят делать. Исчез из истории не только царь, но и рабочий класс, и крестьянин: «Не осталось Царства, не осталось Церкви, не осталось войска, и не осталось рабочего класса. Что же осталось-то? Станным образом – буквально ничего...».

Наступило время *самоубийства* не уважающего себя народа:

« – Я рабочий трубного завода, а до остального мне дела нет.

– Мне бы поменьше работать.

– Мне бы побольше гулять.

– А мне бы не воевать.

И солдат бросает ружьё. Рабочий уходит от станка.

– Земля – она должна сама родить.

И уходит от земли.

– Известно, Земля Божия. Она всем поровну.

Да, но не Божий ты человек. И земля, на которую ты надеешься, ничего тебе не даст. И за то, что она не даст тебе, ты обagriшь её кровью...»¹³.

О том, как сбылись эти страшные пророчества В. Розанова, свидетельствует вся наша история.

С потерей царя Россия потеряла себя, прервалась (или оборвалась) связь с внутренней, сокровенной жизнью, с её метафизической сущностью. Оказав-

шись один на один с рациональной Европой, русский человек почувствовал себя беспомощным: «... в России нет ни одного аптекарского магазина, т. е. сделанного и торгуемого русским человеком, - ... мы не умеем из морских трав извлекать йоду, а горчишники у нас “французские”, потому что русские всечеловеки не умеют даже намазать горчицы, разведённой на бумаге с закреплением её “крепости”, “духа”»¹⁴...

«... Царская власть рационализировалась.

А она никогда не должна была рационализироваться.

Как только она рационализировалась, она пала.

Одни сказали: «Какая проза».

Другие сказали: «Какое неудобство».

И все: «Какая скука»¹⁵.

В. Розанова называли консерватором, но этот консерватизм не имеет отношения ни к каким политическим направлениям. Его консерватизм порождён глубокой интуицией, которая ясно рисовала невозможность и бессмысленность «революционно-демократических» проектов. Любая западная демократия, а другой просто не существует, строится на разумности законов и рациональности их исполнителей. Если в Европе, в США законы принимаются безоговорочно как гарантия личной свободы и жизни граждан, то в России они – препятствие, которое следует обойти. Доказать неразумность подобного понимания порой просто невозможно. Вот и получается классическое: «Умом Россию не понять...». С потерей метафизической связи с миром наступил Апокалипсис, о чём и свидетельствует с болью автор одноимённого произведения. Правда, существенно уточнение, сделанное им: Апокалипсис *нашего* времени; могут прийти и другие времена, но строить такие долгосрочные прогнозы В. Розанов не берётся.

Примечания

¹ http://www.ei1918.ru/russian_today/ne_prikasajtes.html

² [_http://www.polomniki.ru/2009-07-14-22-09-57/groups/viewdiscussion/](http://www.polomniki.ru/2009-07-14-22-09-57/groups/viewdiscussion/)

³ Розанов В. В. Собрание сочинений. Сахарна. М., 2001, С. 173.

⁴ Там же. С. 174.

⁵ Цит. по: «Настоящая магия слова»: В. В. Розанов в литературе русского зарубежья. СПб, 2007, С. 177.

⁶ Розанов В.В. Собрание сочинений. Последние листья. М., 2000, С. 135.

⁷ Там же. С. 244.

⁸ Там же. С. 241.

⁹ Розанов В. В. Розанов В. В. Собрание сочинений. Сахарна...С. 63.

¹⁰ Там же. С. 213–214.

¹¹ Розанов В. В. Собрание сочинений. Апокалипсис нашего времени. М., 2000, С. 6.

Там же. С. 6.

¹² Там же. С. 8.

¹³ Там же. С. 7.

¹⁴ Там же. С. 9

¹⁵ Там же. С. 236.

С. С. Каткова
г. Кострома

ХРАНИТЕЛЬНИЦА НАСЛЕДИЯ К. Г. ТОРОП

Калерия Густавовна Тороп (1917–1997). Заслуженный работник культуры РСФСР, лауреат премии им. Д. С. Лихачева, Почетный гражданин г. Костромы¹.

В 1941 окончила Московский архитектурный институт. Была направлена в Министерство путей сообщения: работала «Средазжелдорстрое», в 1943 году в Ростовской области по восстановлению железнодорожных объектов. С 1944 года в Костроме. 1947–1948 гг. архитектор облпроекта Минкомхоза. 1948–1956 гг. – главный архитектор Костромы. 1956–1957 гг. – зам. начальника отдела по делам строительства и архитектуры облисполкома. С 1957 года главный архитектор Костромской специальной научно-реставрационной производственной мастерской. 1974–1993 гг. архитектор «Костромареставрация». 1950–1959 гг. депутат Костромского горсовета. Член правления Союза архитекторов РСФСР, с 1968 г. председатель правления Костромской областной организации Союза архитекторов, член художественного и архитектурного советов при горисполкоме, член президиума областной организации ВООПИиК.

На Аллее признания в центре Костромы первой среди исторических личностей названа наша современница архитектор-реставратор Калерия Густавовна Тороп (1917–1997). Рядом с ней на той же Аллее архитекторы П. И. Фурсов, С. А. Воротилов. Оба создатели архитектурного ансамбля центра Костромы, который и по сей день определяет лицо города. Чем же отличилась их коллега, чтобы занять столь почетное место и заслужить признание современников. Ей выпала нелегкая доля защищать то, что ее знаменитые предшественники сумели построить, реализуя свой талант зодчего и градостроителя. Я неслучайно разделила их. Хороших архитекторов немало, но талант градостроителя редок и редко кому удается проявить его в полной мере. Кострома предоставила П. И. Фурсову такую возможность за время исполнения им должности главного архитектора в 1822–1831 гг.

К. Г. Тороп тоже около 10 лет занимала должность главного архитектора. Проектировала и строила по мере возможности². Наиболее известно выстроенное по ее проекту административное здание на углу улиц Козуева и Пятницкой. Но главным делом ее в эти годы было сохранение исторического наследия. Она понимала значимость для города сохранения архитектурного ансамбля центра, Ипатьевского и Богоявленского монастырей.

Есть мужество в бою, и есть героизм в повседневной жизни. Я сама видела эти многостраничные и короткие, как выстрел, приказы о сносе рядов, о строительстве зданий Обкома партии в самом центре площади. Для того чтобы отстоять от сноса Большие Мучные ряды, не дать построить некоего многоэтажного монстра в центре «сковородки» в жестокие 1950-е годы требовалось не только знание, любовь к архитектурному наследию, но и дар убеждения, самоотверженность бойца. Система перемалывала всех, героев и мужественных людей, ученых и талантливых. И в этих условиях всякое сопротивление власти было подвигом. А у Калерии Густавовны за спиной был весьма уязвимый тыл.

Маленькая дочка, старики родители, уже потерявшие на фронте и в репрессиях двух сыновей. И все-таки, правило, которому она следовала всю жизнь: не перекладывать решения на других, заставляло ее защищать памятники архитектуры. Она вступалась за то прошлое, которым можно гордиться, которое необходимо хранить для потомков.

Калерия Густавовна умела находить поддержку у самых разных представителей власти и науки. С уважением относилась к памяти первого секретаря Обкома партии Л. Я. Флорентьева, который понял и принял ее доводы о сохранении исторического ядра города, той особенки, которая отличает Кострому от других городов на Волге.

И все-таки административные должности главного архитектора города, зам. начальника отдела по делам строительства и архитектуры облисполкома слишком много времени отнимали на чисто организационные вопросы: заседания, совещания, планерки. В 1957 году она принимает решение от слов в защиту памятников заняться их восстановлением, спасением от разрушения. «Ну, что ж, начнем спасать и сохранять памятники архитектуры, культуры и искусства...». С этими словами она и заняла должность главного архитектора Реставрационной мастерской, которая не без ее участия, появилась еще в 1950 году.

Собственно это был небольшой прорабский участок, не имевший своей производственной базы. К. Г. Тороп начала с подбора кадров архитекторов, техников, начальников участков и даже директора. Два основных объекта на многие годы станут главными в деятельности реставрационной мастерской: Ипатьевский монастырь и Торговые ряды.

Сейчас только историки и краеведы знают, что все мало-мальски пригодные к жилью помещения Ипатьевского монастыря были заселены семьями костромских текстильщиков. Около 300 семей, настоящий городок. Вдоль крепостных стен тянулись поленицы дров, из звонницы торчали железные трубы, клубился дым. Отопление всех помещений было печное, остальные удобства были во дворе. Чтобы начать восстановление всех построек, надо было сначала получить постановление Совета министров РСФСР о создании на базе этого ансамбля историко-архитектурного музея-заповедника, получить финансирование реставрационных работ. Это и сегодня добиться было бы нелегко, а в начале 1950-х, когда страна все средства и резервы направляла на восстановление разрушенного войной хозяйства!.. Директор областного краеведческого музея М. М. Орехова обивала кабинеты Министерства культуры, доказывая, что необходимо срочно спасать архитектуру Ипатьевского монастыря, что в стенах его можно разместить один из лучших музеев на Волге. Она ходила не с пустыми руками, под руководством главного архитектора города подготовили предварительные расчеты и предложения по ведению работ.

Куда было девать жителей? Эту проблему начали решать вместе с городом и текстильными предприятиями. В начале поселка Первомайский реставрационная мастерская начала строить двухэтажные дома с отдельными квартирами и переселять в них семьи текстильщиков. Процесс восстановительных работ в Ипатьевском монастыре был организован так, что освободившиеся площади сразу же реставрировали и передавали музею. К этому времени музей уже разрабатывал

экспозиционные, выставочные планы и начинал перевозить экспонаты из Романовского музея, который не закрывался, но постепенно менял специализацию. Последние жильцы выехали из здания богадельни в 1968 году, когда уже монтировали экспозиции отдела природы во втором этаже.

Объем выполненных производственных работ по монастырю был огромен. Для того чтобы реставрировать стены крепости и зданий XVI–XVII веков требовался особый кирпич, большемерный, который не выпускали кирпичные заводы. Мастерская наладила производство своего кирпича, за стенами монастыря на берегу пруда устроив небольшой заводик.

Все требовало участия главного архитектора. Авторитет К. Г. Тороп в городе был очень высок, и это помогало в решении многих вопросов.

Много лет КСНРПИМ не уходила с Торговых рядов и в итоге уникальный ансамбль не только спасен от дальнейшего разрушения, исполняет свою функцию и украшает город. Восстановление церкви Спаса в рядах, обезглавленной и лишенной верха колокольни было одной из сложнейших задач не только в проектировании, но, прежде всего, в самом факте восстановления глав с крестами и колокольни³. В атеистической идеологии это рассматривалось как протаскивание религии. Надо отдать должное главе городского Совета В. Ф. Широкову, который поддержал инициативу мастерской и прикрыл от нападков борцов с религией. Поставить крест на колокольне удалось не сразу, он несколько лет простоял на производственной базе мастерской.

Каждое здание площади центра города прошло через руки реставраторов и каждое требовало не только обследования на предмет сохранности, состояния конструкций, перекрытий, но исследования всех этапов строительства, перестроек, дополнений.

Здания Гауптвахты (1825–1826), Пожарная каланча (1824–1827). арх П. И. Фурсов.

Мы привыкли к их нарядному виду и уже не представляем их другими. Реставрацию центра начали со здания гауптвахты, играющего важную роль в облике центральной площади города. Оригинальная деревянная решетка ограды, которая так удачно соединяет здание с соседними строениями, была воссоздана в 1954 году по авторским чертежам П. И. Фурсова. Их обнаружил в архиве архитектор И. Шевелев, автор проекта реставрации здания гауптвахты.

Пожарную каланчу порядком изменял железный фонарь, из практических побуждений в 1880 году заменивший смотровую беседку наверху башни. Легкую, изящную беседку – «караульную» воссоздали в 1956 году реставраторы КСНРПИМ (автор проекта реставрации, архитектор Г. И. Зосимов). Пристроенные в 1870-е годы с боков крылья-депо подчеркнули практическое назначение здания и вписали его в участок на углу улиц⁴. Такая пристройка не обезобразила здание, а лишь выявила его функциональное назначение.

Уже первые шаги в реставрации зданий ансамбля центра показали, насколько значимы архивные исследования. Вся работа мастерской под руководством К. Г. Тороп строилась на базе основательной проработки документальных источников в архивах, библиотеках и музеях не только Костромы, но и столиц. Тщательно собирались все сохранившиеся сведения о памятнике, начиная с первых

упоминаний, актах покупки, дарения земли, о заказчике и строителе. И о дальнейшей судьбе: о пожарах, перестройках, смене владельца и об изменении облика здания, порой менявшего функциональное назначение. Работа кропотливая, требующая усидчивости и навыка в работе с документами. К этому поиску К. Г. Тороп старалась приобщить каждого из архитекторов проектного отдела, а искусствоведам дорога в архив была предписана судьбой.

Архивные изыскания помогли установить авторов проекта здания Дворянского собрания, торговых рядов в Галиче, Нерехте. Сама К. Г. Тороп любила работать в архиве. Она хотела заниматься наукой и даже поступила в аспирантуру (заочную). Темой ее исследования стала планировка Костромы и уездных центров губернии. Закончить аспирантуру не удалось. Она считала, что если уж идти в науку, то уж никак до седин не ходить в кандидатах. И, если уж заниматься наукой, то только как доктор, а лучше академик. В те времена для докторских диссертаций местные темы не утверждали. Но если бы судьба предоставила ей такую возможность, то она и в науке добилась бы выдающихся успехов.

До последних дней работы в КСНРПМ Калерия Густавовна ходила в ГАКО, в поисках сведений для паспортов на здания исторической застройки в границах двух первых полуколец центра города.

Вместе с известным архивистом и краеведом В. Н. Бочковым они написали путеводитель по Костроме². Это наиболее полное и достоверное издание о памятниках архитектуры Костромы, в котором все сведения были подтверждены архивными документами. К тому же К. Г. Тороп удалось выпустить цветной альбом о Костроме, участвовать в публикациях альбомов по Золотому кольцу. Она регулярно публиковала свои материалы о памятниках города и области, находках в архиве и на объектах в местных газетах, сборниках. Популяризация исторического наследия ввела в повседневный обиход костромичей понятия «памятник архитектуры», «реставрация», а обновленные здания сами свидетельствовали о значимости реставрационного дела в судьбе города.

1960–1970 годы отличались всплеском общественной активности, интересом к истории края. Наконец, разрешили к публикации страницы истории не только о революционном движении, но и о культурном наследии прошлых веков. Общественное движение в защиту памятников истории и культуры оформилось в Всесоюзное общество (ВООПИиК). В организации костромского отделения К. Г. Тороп принимала самое активное участие. Она рассматривала ВООПИиК как основного помощника и проводника знаний об Отечестве на самом широком уровне. Была членом Правления, Президиума ВООПИиК и всегда, участвуя в совещаниях и конференциях, выступала с глубоко продуманными и обоснованными предложениями. Пустословия она не любила, всегда повторяла «кто ясно мыслит, тот ясно излагает». В 1991 году в городе был проведен VI Съезд ВООПИиК, который признал эффективность работы местной организации и активность, научную обоснованность реставрационных работ, проводившихся на памятниках города и области.

Сейчас мало кто знает, что реставрационные работы по спасению портретов Г.Островского из Солигаличского музея и картин Е. Честнякова были выполнены на средства, собранные ВООПИиК. Так что каждый кто своим взносом

поддерживал эту общественную организацию реально участвовал в сохранении исторического наследия .

Кадры решают все. Это залог успеха такого сложного организма как реставрационные мастерские. На протяжении многих лет К. Г. Тороп формировала, пестовала коллектив КСНРПМ. Она с первых шагов работы в мастерской поставила задачу на проведение комплексных работ на памятнике.

С первых лет работы К. Г. Тороп в КСНРПМ началось обследование памятников архитектуры в области. В ближние села архитекторы выезжали на своих велосипедах: фотографировали, обмеряли, описывали сохранность. Совместно с музеем ездили в экспедиции. На основе этих обследований родилась идея создания Музея деревянного зодчества на стрелке у Ипатьевского монастыря.

Первые экспонаты были размещены в слободе, рядом с церковью Иоанна Богослова. Уникальная церковь Собора Богородицы, изба из Вохомского района, ветряные мельницы-толчеи и овины. Основной объем деревянных строений разместили по берегу речки Игуменки. Прежде чем перевезти то или иное строение, архитекторы на месте изучали его историю, составляли подробные обмерные чертежи и только затем выезжали плотники, маркировали каждое бревно, причелину и все особенности интерьера. Затем все разбирали и привозили в Кострому. Старались при сборке максимально сохранять подлинный материал и тактично вводить вычинки.

К решению проблемы защиты древесины от биоразрушителей К. Г. Тороп как всегда привлекла науку, заключив договор с лабораторией модификации древесины Белорусского технологического института. Она не терпела самодеятельности, работы на «авось», излюбленной в национальной традиции. Сама старалась привлекать профессионалов, растить профессионалов. Поэтому настоящим профессором в плотницком деле был И. Каргин, каменщик К. Белов, резчик по дереву Н. Шаров, кровельщики и позолотчики.

К. Г. Тороп не просто создала свою службу проектировщиков, но и вырастила своих конструкторов, понимая, что выпускники института учились новому строительству и не сразу начнут понимать специфику работ на старых исторических зданиях. В помощь конструкторам была открыта своя лаборатория, где химики могли определить характер грунта, его влажность, насыщенность солями, характер строительных растворов и их составляющих. Фотограф фиксировал все этапы обследования: от стенок шурфов до конструкции стропильных перекрытий, чердачных окон, журавцов главок. На основе всего этого материала создавались проектные предложения, разрабатывалась методика ведения работ. Все этапы проектирования обязательно обсуждались на совете мастерской. Это было школой для всех. Никакого давления, каждый мог задавать вопросы автору проекта, конструктору, высказывать свои сомнения и предложения. На основе такого коллегиального обсуждения вносились какие-то изменения в проект, или же он одобрялся и отправлялся на утверждение в научно-методический совет Министерства культуры РСФСР. Только после рассмотрения его там и одобрения или же указаний на доработки можно было приступать к проведению работ. Длительный процесс, но он позволял избежать ошибок. Реставрация подтверждала свой статус соединения науки и практики, неслучайно в названии мастерской

эти понятия стоят рядом, но наука все-таки впереди. Ибо нельзя к наследию подходить вслепую, с готовностью произвести любой евроремонт. Что сегодня часто называют реставрацией.

Качество всех типов комплексной реставрации в КСНРПИМ было по заслугам оценено Научно-методическим советом Министерства культуры РСФСР, который не только утверждал проекты, но и регулярно проверял соблюдение методики и технологии производимых работ на разных памятниках. В 1967 году в Костроме было проведено Всесоюзное совещание реставраторов. Это было не просто совещание, скорее спецсеминар для специалистов со всех концов СССР. В музее была устроена выставка проектов и фотоотчет о реставрированных объектах, художники реставраторы показали опыты по реставрации древних икон, копии фресок из церкви Воскресения на Дебре и Троицкого собора. К этому времени в составе мастерской уже набрала силу знаний и опыта бригада художников реставраторов монументальной живописи.

Это было любимое дитя К. Г. Тороп. Работая по реставрации архитектуры Троицкого собора, она привлекла к обследованию живописи реставраторов из ГЦХРМ им. И. Э. Грабаря, кандидата искусствоведения В. Г. Брюсову. Та с увлечением занималась изысканиями архивных материалов о костромских изографах XVII века и вместе с реставраторами произвела несколько зондирующих раскрытий. К. Г. Тороп была ошеломлена результатом. Он мало походил на восторженные отзывы современников талантом и цветом фресок Г. Никитина. Она справедливо предположила, что кроме фактора времени на результат влияют материалы реставрации, которые по каким-то обстоятельствам не подходят для данного памятника. Она приостановила реставрационные работы группы Брюсовой и однажды, находясь на совещании в Союзе архитекторов, выяснила у коллег из Киева, что там при Академии строительства и архитектуры УССР есть лаборатория монументальной живописи, исследователи которой работают в знаменитой Софии Киевской. Лаборатория имеет серьезный исследовательский аппарат. Научные сотрудники изучают разного рода болезни фрески и пути их устранения с помощью новых материалов. К. Г. Тороп решила набрать группу из местных молодых художников и направить их в Киев на стажировку. Таким образом, получить не только своих реставраторов, но и подключить для проведения всего комплекса исследовательских работ по Троицкому собору сотрудников лаборатории.

На основании исследования материалов основы и красочного слоя, влажности, поражения их биоразрушителями и солями, сотрудник лаборатории кандидат химических наук и реставратор высшей категории О. Ф. Плющ предложила в Троицком соборе работать новым химическим реактивом из арсенала новых высокомолекулярных соединений полиакриламидом (ПАА). Он дал поразительный результат по укреплению распыленного красочного слоя, уничтожая все виды плесневых грибков и давая наилучший эффект при очистке поверхности от высолов, загрязнений, сохраняя чистоту цвета. Только после работы этим материалом стало возможно оценить всю красоту росписи Гурия Никитина -лучшего знаменщика второй половины XVII века и его славной дружины.

После совещания в Кострому за опытом стали приезжать художники реставраторы из других областей. Бригада не делала секрета из работы с ПАА,

обучала всех, но так и осталась единственной, в полной мере освоившей приемы работы с материалом. Конечно, исследования киевской лаборатории и их контроль корректировали работу костромичей, чего в других мастерских не было. Надо сказать, что этот материал хорошо зарекомендовал в работе в неотопливаемых помещениях. Благодаря ПАА были выполнены работы по реставрации стенописи еще в более чем 20 храмах области. Слаженная работа коллектива продолжалась более 40 лет.

Именно деятельность К. Г. Тороп сделала реставрационную мастерскую важнейшим звеном в архитектурном комплексе области и одним из лучших в России. КСНРПМ вела работы не только в Костроме. Одним из первых памятников восстановленных в области стала церковь Богоявления в с. Красном на Волге. Уникальный шатровый храм, выстроенный в 1592 году на средства и при участии бояр Годуновых. Торговые ряды в г. Галиче были, буквально, спасены от сноса и даже достроены в соответствии с проектом Н. Метлина⁶. Значительным объектом был Макарьево-Унженский монастырь (автор проекта А. П. Чернов). Прорабский участок в г. Нерехта вырос в самостоятельную мастерскую и выполнил реставрационные работы по всем храмам города. В Авраамиевом и Паисьевом монастырях проводились консервационные работы, предотвратившие разрушения этих комплексов. А сколько обмерных чертежей выполнили архитекторы на разных памятниках, в надежде, что если даже не дойдет очередь до их реставрации, то память о них будет сохранена.

Хранить память для нее было ответственным делом и потому свой личный архив, она передала на хранение в ГАКО. Ее выписки из архивных документов, фотокопии чертежей проектов, планов приобрели особую ценность, так как сами документы оказались утраченными в пожаре 1982 года. Долгие годы она хранила архив писателя, журналиста и искусствоведа П. П. Перцева, сознавая его значимость для истории культуры России конца XIX века, передала его в ГАКО.

В конце строительного сезона обычно К. Г. Тороп устраивала поездки на автобусе по историческим городам, где работали реставрационные мастерские. Маршруты были многодневные, побывали в Прибалтике, Грузии, Пскове, Новгороде и др. Это были своего рода семинары по обмену опытом, они много давали всем участникам поездок.

По линии Союза архитекторов К. Г. Тороп организовывала поездки за рубеж в Болгарию, Югославию, Финляндию. И там тоже устанавливала связи с реставраторами, что меняло программу группы и позволяло познакомиться с опытом восстановления архитектурных памятников и исторической среды.

В 1974 году она ушла с поста главного архитектора КСНРПМ, но осталась в мастерской. Свой опыт и знания она передавала молодым. К сожалению, невозможно передать талант организатора, одержимость исследователя, страстность борца.

В 1987 году в Центральном выставочном зале (Манеж) г. Ленинграда была открыта выставка «Искусство Костромской земли. Новые открытия советских реставраторов» (авторы К. Г. Тороп и С. С. Каткова), которая подытожила вклад костромских реставраторов в дело сохранения национального культурного наследия.

До последних дней жизни К. Г. Тороп интересовалась всеми делами реставрационной мастерской. Художники-реставраторы сумели свозить ее в Нерехту

и отчитались за выполненные работы по реставрации стенного письма в Никольском, Владимирском храмах.

В этом году КСНРПМ (теперь «Костромареставрация») отмечает свое 60-летие и 36 лет из них Калерия Густавовна была сердцем, матерью костромской реставрации.

За последние два десятилетия было много потерь, и среди них развал стройной системы реставрации привел к невосполнимым утратам, скорбный список которых и сейчас продолжается.

Примечания

¹ Каткова С. С. Слово о счастливом человеке. // Почетные граждане города Кострома. 1967–2001 годы. Кострома 2002.; Гончарова Т. Г. Дом в вишневом саду // Губернский дом. № 2, 1997; Каткова С. С., Резепин П. П. Городские архитекторы // Губернский дом. № 5–6, 2005; Едошина И. А. Хрупкая женщина с мужским характером // Кострома. Памятники архитектуры. Фотоальбом. Кострома, 2006.

² Каткова С., Резепин П. Городские архитекторы. С. 73–74.

³ Чертежей колокольни Спаса в рядах не сохранилось. Проект архитектор Л. С. Васильев выполнил на основе фотоматериалов.

⁴ 1873–1874 гг. архитектор Н. Н. Черницкий автор проекта депо при Пожарной каланче.

⁵ Бочков В. Н., Тороп К. Г. Кострома. Путеводитель. Ярославль. 1970.; Кострома. Памятники архитектуры. (автор текста К. Г. Тороп) М., 1974.

⁶ К Галичу у К. Г. Тороп особое личное отношение. Она всегда помнила, что ее прадед Елисей и прабабушка Акулина были крепостными галичского помещика, который променял их на пару борзых собак помещику из Иконникова. Всего три поколения отделяют нас от того времени когда крещеной собственностью мог так распорядится барин.

О. Б. Евгеньева
г. Кострома

ХУДОЖНИК И ВЛАСТЬ: МОРИАК – ДЕ ГОЛЛЬ

Франсуа Мориак – поэт, романист, драматург, журналист, литературный критик, искусствовед. Этот выдающийся французский литератор XX века стал лауреатом Нобелевской премии и всемирно известным мэтром французского психологического романа. Аксиома о том, что человек талантливый талантлив во всём, как нельзя лучше прослеживается в жизни и творчестве Мориака. Работая в разных литературных жанрах, Мориак занимался в том числе и публицистикой. Именно этот аспект его деятельности позволяет проследить нам его отношения с властью, в том числе с его политическим кумиром Шарлем де Голлем.

Ни в довоенном творчестве Мориака, ни во время немецкой оккупации мы не найдём у этого автора ни одного упоминания имени де Голля. Первая статья о нём, написанная рукой Мориака, появляется 25 августа 1944 года в день освобождения

Парижа. В генерале Шарле де Голле Мориак увидел не только личность, поднявшую Сопротивление, но и политического деятеля, которому будет по плечу тяжёлая задача возвращения Франции её былого величия. О необходимости для Франции сильной личности, способной навести в стране порядок, Мориак писал задолго до прихода де Голля к власти. Сначала ему казалось, что такой личностью может стать Бидо, позже – Мендес-Франс¹, но ни тот, ни другой не смогли конкурировать с яркой, колоритной фигурой де Голля, которому Мориак раз и навсегда отдал свои политические симпатии и верность которому, несмотря на взлёты и падения популярности де Голля, сохранил до конца дней.

В статье «Первый из нас», напечатанной в «Фигаро» 25 августа 1944 года, Мориак пишет: *«В самую печальную пору нашей жизни надежда Франции была сосредоточена в одном человеке, её выражал голос этого и только этого человека. ... Именно к нему Франция, освобождённая от плена, обращает свой зов, именно к нему она, отвязанная от позорного столба, протягивает искалеченные руки...»*²

В связи с явно лидирующей после освобождения фигурой де Голля, Мориак начинает размышлять о будущем страны, о том, какой быть Четвёртой республике и что для неё может сделать де Голль. Он пишет: *«Франция, преданная и проданная врагам, - вот что было вверено де Голлю... Его миссия – поддерживать в возрождённой Франции тесную сплочённость по принципу той, что в братских могилах, вырытых палачами, сплетала тела убитых коммунистов и священников»*³.

В предисловии к своему четвёртому «Дневнику» Мориак констатирует, что в период 1944–1946 годов, когда жизнью страны руководило временное правительство, было для писателя тем временем, когда все его надежды носили исключительно положительную окраску⁴ и были связаны с будущим Четвёртой республики. Это было обусловлено общим политическим подъёмом после освобождения и популярностью участников Сопротивления во главе с де Голлем.

Мориаку импонирует деголлевское равнодушие к воздаваемым почестям и славе в противоположность его глубокому интересу к делу возрождения Франции⁵. Мориак надеется, что после выработки новой конституции де Голль согласится возложить на себя ответственность главы государства и поставит Четвёртую республику на новые рельсы⁶. Однако генерал де Голль, возглавлявший в этот период временное правительство, заявляет 20 января 1946 года о своей отставке. Это повергает Мориака в глубокое уныние, и он пишет: *«Уход генерала де Голля рассеял последние облака чудесной благодати, которая ещё витала над только что воскресшей Францией»*⁷.

По мнению Мориака, уходу де Голля способствовали следующие обстоятельства. Во-первых, временное правительство оказалось перед лицом двух неразрешимых в то время задач: с одной стороны – продолжать войну, с другой – решать экономические проблемы, которые встали перед Францией на другой же день после освобождения. Во-вторых, внешняя политика правительства была ориентирована на национальную независимость, а Франция во многом зависела теперь от своих союзников, с интересами и амбициями которых она не могла не считаться. И наконец, в силу взаимного недоверия между де Голлем и партиями,

входившими во временное правительство, не представлялось возможным создать демократические институты в форме президентского правления на американский манер, как этого хотел генерал⁸.

В первые дни Четвёртой республики Мориак почти не вспоминает в своих статьях о де Голле. Лишь иногда он комментирует его некоторые высказывания и всё больше укрепляется в вере в исключительное предназначение, уготованное де Голлю⁹. Однако, отдавая дань его исключительности, Мориак критикует его за создание собственной партии. Эту партию под названием «объединение французского народа» Мориак считает политическим просчётом и грубой тактической ошибкой де Голля. Нецелесообразность этого, образованного 14 апреля 1947 года формирования, Мориак аргументирует невозможностью теперь *«проводить независимую политику как от России, так и от Америки»*, следовательно *«неизбежностью выбирать между одним из этих блоков»*, а значит *«весьма слабой вероятностью избежать гражданской войны и участия в подготовке новой мировой бойни»*¹⁰. Эти высказывания Мориака относятся к 1947 году, но и в 1953 году писатель остаётся верен своей оценке деятельности «Объединения французского народа» и роли де Голля в нём. Он пишет: *«Образовывая политическую группировку, генерал де Голль предаёт своё Божественное предназначение – не принадлежать никому и ничему, кроме Франции, быть инструментом в деле возрождения французской нации в столь трагический период её истории»*¹¹.

С большим облегчением воспринимает Мориак роспуск «Объединения французского народа», констатируя при этом, что падение последнего не повлекло за собой падение де Голля. Вот что писал Мориак по этому поводу: *«“Объединение французского народа” было, на мой взгляд, грубой ошибкой. Я опасался, что его провал будет концом и для человека, который воплощал собою для многих Францию. Но “Объединение французского народа” пало; ему, как я и предвидел, была уготована именно эта судьба; а человек, о котором речь, выжил. И когда он говорит: “Я был Францией!” – это прошедшее время переходит для нас в настоящее»*¹².

Постепенно Мориак обнаруживает всё большее недовольство парламентским строем Четвёртой республики. Это недовольство особенно возрастает в период марокканского и алжирского мятежей. Единственным человеком, который остаётся на высоте в решении вопросов внутренней и внешней политики, является Шарль де Голль, и к нему Мориак вновь обращает свои надежды: *«Выступление де Голля... Едва он начал говорить, мы услышали всё тот же тон суверена... Он выводит на чистую воду французскую политику, и мы понимаем, что это политика отчуждения...»*¹³.

С 1955 года упования Мориака на де Голля учащаются и перерастают в конце концов в упрёки: *«Вы навсегда принадлежите нам. Вы не должны быть сторонним наблюдателем...»*¹⁴ Мориак уверен, что только генерал де Голль, славу и престиж которого не смогли скомпрометировать никакие события, может возродить государство. Он уверен, что в де Голле единственный выход из кризиса, иначе – *«стремительный распад страны»*¹⁵.

Государственный переворот в Алжире в мае 1958 года привёл к критическим по своей остроте отношениям между метрополией и бывшей колонией. В условиях этого кризиса Мориак видит лишь два решения: либо восстановле-

ние Национального Фронта, либо возвращение к власти генерала де Голля. Однако идея Национального Фронта кажется ему менее пригодной в силу существовавшего тогда раскола левых сил. Генерал де Голль, напротив, может прекрасно заполнить пустоту, образовавшуюся в результате слабости и раскола левого блока, предоставив возможность мирного урегулирования алжирского конфликта. Мориак начинает компанию в прессе по объединению французов вокруг де Голля.

Наступает 15 мая 1958 года, когда де Голль делает заявление о готовности «принять на себя полномочия республики». В июне Национальное собрание утверждает полномочия де Голля на формирование правительства, предоставляет правительству на шесть месяцев чрезвычайные полномочия и принимает закон о возможности пересмотра конституции. В сентябре 1958 года референдумом утверждается конституция Пятой республики, а 21 декабря 1958 года де Голль избирается её президентом.

В Пятой республике Мориак полностью поддерживает политическую программу генерала де Голля. Яростно защищая политическую доктрину своего кумира, Мориак порывает со многими из своих собратьев по перу. Это, например, Этьен Борн, Жак-Лоран Бост, Клод Бурде, Андре Мандуз, Жан-Жак Серван-Шрайбер. Мориак пишет: «*Наши политические разногласия не так серьёзны. Серьёзным является противостояние двух образов мышления*»¹⁶. По каким же вопросам левая оппозиция в лице, например, Серван-Шрайбера, директора знаменитого «Экспресса», полемизировала с Мориаком?

Полемика развернулась прежде всего по алжирскому вопросу. Де Голлю была вручена народом власть, чтобы скорейшим образом решить эту проблему. Но проходит два года после его избрания, а война в Алжире всё продолжается. По мнению Серван-Шрайбера, это «*политика обмана “наших” и “ваших”, которая не решает конфликт, а оставляет его тлеть на медленном огне*»¹⁷. Мориак трактует эту политику иначе: «*На пять шагов продвинуться, на три отступить*»¹⁸. Да, это не политика быстрого реагирования, к которой так тяготеют левые, но тем не менее определённый прогресс в результате её последовательного проведения очевиден. Терпеливость и расчётливость де Голля Мориак относит к его большим достоинствам, противопоставляя их импульсивности и скоропалительности представителей левого блока.

Далее полемика разворачивается о достоинствах де Голля как политика. Серван-Шрайбер считает, что де Голль, несомненно, выдающаяся личность, «*прекрасный ора тор, но, увы, средний политик*»¹⁹. Мориак, напротив, считает де Голля выдающимся политиком, несомненными достоинствами которого являются упорство, прагматизм, чувство реальности²⁰. Мориак особо подчёркивает, что де Голль старается соотносить проводимую им политику с требованиями христианской морали, «*он знает, что настоящее имя справедливости – милосердие, но милосердие в глубинном смысле этого слова – это тоже политика*»²¹.

Следующий пункт полемики – одиночество де Голля, отсутствие активно поддерживающих его сторонников. А это одиночество, по мнению Серван-Шрайбера, результат лавирования де Голля между хитроумием и инертностью, которое выражается в отступлении перед любым применением силы²². Для Мориака

это указание Севан-Шрайбера на одиночество де Голля служит лишним доказательством его величия. Противостоя правому блоку, де Голль не может опереться и ни на одну партию левого. *«Генерал де Голль ищет в одиночку путь к прекращению огня и миру»*, поэтому алжирский конфликт всё *«тлеет и тлеет»*²³.

Полемика разгорается и вокруг усиления личной власти президента Пятой республики. Серван-Шрайбер усматривает в этом *«оскорбление демократии, архаизм и неомонархизм»*²⁴. Мориака, выступающего по сути дела за авторитарный режим, эти обвинения ничуть не смущают. Он считает, что левые просто путают демократию с *«параличом исполнительной власти, идущим от слабости законодательной»*²⁵. Высшим проявлением демократии деголлевского режима Мориак считает проведение всенародных референдумов (например, референдум 1961 года по вопросу самоопределения Алжира или референдума 1962 года по вопросу прекращения войны в Алжире), которым почему-то так сопротивлялись левые силы, рассматривая их как нарушение законности. *«Кто же настоящий демократ?»* – спрашивает Мориак. – *Тот, кто просит непосредственно народ выразить свою волю, или тот, кто предпочитает народу обладателей мандатов?»*²⁶. Таким образом, Мориак считает *«консульскую республику»*, то есть *«республику во главе с человеком, у которого достойные ум и сердце»* единственной формой демократического режима, приемлемого в современную эпоху²⁷.

Предметом полемики становится и европейское устройство. Мориак полностью разделяет взгляды де Голля по проблеме европейского устройства, активно выступая против идеи П.-А. Спаака, Генерального секретаря НАТО, о единой Европе без различия стран и народов, то есть против идеи Европейской Федерации. И де Голль, и Мориак за конфедерацию, то есть за равноправный союз стран и их народов, без подчинения их какому-либо единому центру в лице одного из государств. Мориак пишет: *«де Голль не за лучшую воображаемую Европу, а за лучшую возможную Европу. Воображаемое и возможное – это то, что отделяет прагматизм де Голля от доктринёров, всех мастей левой оппозиции»*²⁸. Наиболее точно Мориак сформулировал свою позицию по этому вопросу в интервью 1962 года, данном С. Кушниру, который резюмирует её следующим образом: *«Мориак мечтает об образовании Соединённых Штатов Европы, предупреджая, что этот политический процесс будет долгим»*²⁹.

Острая полемика ведётся во Франции и по вопросу вхождения Великобритании в Общий рынок. Несмотря на свои утверждения о целесообразности нахождения Великобритании в составе Европы, Мориак одобряет в 1963 году наложенное де Голлем «вето» на вхождение Англии в Общий рынок³⁰. Он аргументирует это тем, что в случае вступления Великобритании в Общий рынок она будет больше ориентироваться на него, нежели на Европейский континент. Кроме того, вхождение Англии в общий рынок будет способствовать установлению её более тесных контактов со Штатами, что создаст в Европе угрозу англо-саксонской гегемонии³¹. Итак, Мориак и де Голль едины во мнении, что ничто не должно препятствовать гегемонии французского духа в Европе.

Подводя итоги мориаковскому голлизму, следует отметить в мориаковском поклонении де Голлю превалирование эмоций над политическими взглядами. Подтверждением тому служат различные модификации мориаковской политической

доктрины в зависимости от соответствующих политических взглядов де Голля: это и переход от пропаганды политики нейтралитета к одобрению вхождения Франции в Североатлантический блок, от критики ядерных испытаний в Америке к поддержке идеи атомного оружия в самой Франции, от страха перед русским коммунистическим нашествием к мыслям о добрососедстве и сотрудничестве с СССР вплоть до включения его в состав будущей объединённой Европы, от уверенений в целесообразности нахождения Англии в составе объединённых европейских государств до организации компании против принятия Великобританией в Общий рынок и т. п. Мориака очень обижали упрёки в том, что у него доминируют эмоции над политическими убеждениями. Он уверяет, что если и менял их, то из соображений здравого смысла, а не из-за состояний аффекта после очередного выступления де Голля. Однако элемент эмоционального восприятия де Голля Мориаком несомненно был. Особенно чётко это прослеживается в его книге «Де Голль», выпущенной в 1964 году. Здесь Мориак – политик отступает на второй план, давая место Мориаку – моралисту, Мориаку – поэту; от того и образ де Голля рисуется в лирических тонах, иногда даже с элементами мистики, особенно когда писатель пытается проводить аналогии между де Голлем и Христом, между де Голлем и Жанной д'Арк³². Отражая общий эмоциональный дух книги, на её страницах довольно часто мелькают выражения типа «с бьющимся сердцем», «перехватило дыхание», «с дрожью в голосе», «со слезами на глазах» и т. п.

В чём же истоки мориаковского голлизма?

Во-первых, они начинаются с католицизма. Мориаку был близок де Голль и проводимая им политика прежде всего потому, что он пытался соотносить её с христианскими нормами и прежде всего с милосердием.

Во-вторых, Мориаку была близка деголлевская концепция ценности человеческой личности, что опять же возвращает нас к столь любимой Мориаком христианской заповеди «искать Бога в людях».

В-третьих, Мориак, как и де Голль, веровали в исключительное предназначение Франции в мире.

В-четвёртых, Мориаку и де Голлю была свойственна независимость, в силу которой ни тот, ни другой не принадлежали ни к каким партиям.

В-пятых, их объединяла общая демократическая направленность взглядов.

Однако говоря об общности взглядов де Голля и Мориака, нельзя забывать, что во многом она была обусловлена одинаковым происхождением, похожим воспитанием, сходным образованием.

Примечания

¹ *Mauriac F.* Bloc-notes (1952–1957). Paris, 1958. P. 44, 149, 267, 363.

² *Мориак Ф.* Вырванный кляп / Мориак Ф. Не покорятся ночи. М, 1986. С. 272–273.

³ Там же. С. 273.

⁴ *Mauriac F.* Journal IV. Preface. Paris, 1950.

⁵ *Mauriac F.* L'Anniversaire // Le Figaro, le 19 juin 1945.

⁶ *Mauriac F.* Le Gouvernement et les partis // Le figaro, le 12 septembre 1945.

⁷ *Mauriac F.* Les trois contradictions // Le Figaro, le 14 février 1946.

⁸ Ibid.

⁹ *Mauriac F.* Le Tournant de Strasbourg // Le Figaro, le 10 avril 1947. ■

- ¹⁰ Interview de F. Mauriac par Louis Pauwels. // *Combat*, le 23 novembre 1947.
- ¹¹ *Mauriac F.* Conclusion // *Le Figaro*, le 13 mai 1953.
- ¹² *Mauriac F.* Bloc-notes (1952 – 1957). – Paris, 1958. – P. 72.
- ¹³ *Ibid.*
- ¹⁴ *Mauriac F.* Tentation de Chateaubriand // *L'Express*, le 09 juillet 1955.
- ¹⁵ *Mauriac F.* Bloc-notes (1952–1957). Paris, 1958. P. 368
- ¹⁶ *Mauriac F.* Le Nouveau Bloc-notes (1961–1964). Paris, 1968. P. 404.
- ¹⁷ Servan-Schreiber J.-J. L'Editorial de l'Express, le 08 octobre 1959 et le 28 janvier 1960.
- ¹⁸ *Mauriac F.* Le Nouveau Bloc-notes (1958–1960). Paris, 1961. P. 271.
- ¹⁹ Servan-Schreiber J.-J. L'Editorial de l'Express, le 10 mars, 1960.
- ²⁰ *Mauriac F.* Le Nouveau Bloc-notes (1958–1960). Paris, 1961. P. 227, 271.
- ²¹ *Ibid.* P. 156.
- ²² Servan-Schreiber J.-J. L'Editorial de l'Express, le 30 avril, 1959.
- ²³ *Mauriac F.* Le Nouveau Bloc-notes (1958–1960). Paris, 1961. P. 332.
- ²⁴ Servan-Schreiber J.-J. L'Editorial de l'Express, le 10 novembre 1960.
- ²⁵ *Mauriac F.* Le Nouveau Bloc-notes (1958–1960). Paris, 1961. P. 203.
- ²⁶ *Mauriac F.* «Bloc-notes» du Figaro litteraire, le 22 decembre 1962.
- ²⁷ *Ibid.* – Le 16 fevrier 1967.
- ²⁸ *Mauriac F.* «Bloc-notes» du Figaro litteraire, le 05 janvier 1963.
- ²⁹ *Kuschnir S.* Mauriac. Paris, 1972. P. 209 210.
- ³⁰ *Mauriac F.* «Bloc-notes» du Figaro litteraire, le 26 janvier 1963.
- ³¹ *Ibid.* Le 09 fevrier 1963.
- ³² *Mauriac F.* De Gaulle. – Paris, 1964. – P. 102.

Т. М. Денисова, Е. М. Калинина
г. Кострома

ДИНАСТИЯ РОМАНОВЫХ – РУССКИЕ ИЛИ НЕМЦЫ?

Начало правящей династии Романовых было положено, как известно, избранием на русский престол царя Михаила Федоровича Романова в 1613 г. В последнее время возрос интерес к личности последнего русского царя, Николая II. Между тем история всей династии Романовых интересна своей необычностью.

Недавно в одном из своих заявлений великая княгиня Леонида Георгиевна, вдова претендента на российский престол великого князя Владимира Кирилловича, объявила, что если ее внук Георгий – наследник русского престола – вступит на престол, династия будет именоваться Романовы-Голштейн-Готторп.

Такое наименование русской династии стало откровением для многих наших соотечественников. Возник вопрос: династия Романовых – русские или немцы?

Генеалогические исследования показывают глубокое родство русских и немецких аристократических фамилий. Но ряд историков придерживаются другого мнения. Они начинают исследование с династии Рюриковичей. Рюриковичи – династия, происходящая от рода прибалтийских вендов – промежуточного племени между славянами и германцами. Оно принадлежало к одной из волн арийских

миграций, «материалом» которых были также германцы и славяне. Германская экспансия оттеснила вендов на восток, в том числе и на русский север (точно как и англов – на Британские острова, а галлов – к югу). Из вендского рода (варяго-русского, «от рода варяжска») происходит основатель русской великокняжеской династии Рюрик, который «взял роды свои» и переселился к своим ближайшим по культуре и антропологии соседям – в район Старой Ладogi (где уже проживало немало русских переселенцев, оттеснивших или поглотивших финно-угров), а затем основал Новгород – в противовес Старграду-Рерику, откуда сам был родом. Русскими (при малом смешении с инородцами) были все великие князья Руси. Романовы – «природные цари», ближайшие родственники угасшей ветви Рюриков, также – русы, русские. По мужской линии большинство русской знати восходит к вендским династиям, которые себя ни к немцам, ни к скандинавам не относили и звались Русью.

Разрыв наследования по мужской линии в династии Романовых произошел после Петра I, когда, как известно, его дочь вышла замуж за герцога Карла-Фридриха Гольштейн-Готторпского. Родословная последнего по прямой мужской линии восходит к датско-норвежскому (а одно время и шведскому) королю Христиану I. Но его родовое древо – вовсе не скандинавское. Оно связано с ольденбургской фамилией. Династия герцогов Ольденбургских прослеживается от начала XII века – от того момента, когда разделение славян и германцев было условным, и они скорее представляли языковые общности с близкими антропологическими чертами. Близкие вендские корни немцев и руссов присутствуют и в герцогстве Мекленбург, откуда ведут свой род множество аристократических фамилий русской и немецкой знати. В род Романовых Мекленбург регулярно «поставлял» своих принцесс.

Карл-Фридрих, таким образом, был наследником, с одной стороны, германо-скандинавских, а с другой – русских кровей. В значительной мере он возвращал династии русских царей их исходный генотип.

Таким образом, династия Романовых вовсе не была немецкой. Аристократия не знала жесткого кровного деления на русских, вендов и немцев. В противном случае никакие династические браки не были бы возможными. Напротив, русско-немецкие династические переплетения отделены от многих прочих, которые не считались родственными и равнородными. Русские аристократы в массе своей, например, не рождались с южно-европейскими и западноевропейскими фамилиями. Романовы и вовсе предпочитали рождаться с наименее смешанными северогерманцами.

После брака Анны Петровны с герцогом Карлом Гольштейн-Готторпским род Романовых фактически перешёл в род Гольштейн-Готторпов, однако по династическому договору сын от данного брака (будущий Пётр III) признавался членом Дома Романовых. Таким образом, по генеалогическим правилам род именуется Романовы-Гольштейн-Готторпские, что нашло отражение на родовом гербе Романовых и гербе Российской империи. Юридически члены царской, а затем императорской, семьи не носили вообще никаких фамилий («царевич Иван Алексеевич», «великий князь Николай Николаевич» и т. п.). Кроме того, с 1761 года в России царствовали потомки сына Анны Петровны и герцога

Гольштейн-Готторпского Карла-Фридриха, которые по мужской линии происходили уже не от Романовых, а от Гольштейн-Готторпов (младшая ветвь Ольденбургской династии, известной с XII века). В генеалогической литературе (особенно, зарубежной) представители династии, начиная с Петра III, носят название Романовы-Гольштейн-Готторп.

Последним мужским представителем основной линии династии Романовых был император Петр II Алексеевич (1715–1730), внук Петра I, сын царевича Алексея, а последней представительницей рода – императрица Елизавета Петровна (1709–1761), дочь Петра I.

Династии обычно продолжают по мужской линии. Однако в России после смерти Елизаветы Петровны Романовых-мужчин не осталось, и на русский престол вступил Карл-Петер-Ульрих Гольштейн-Готторпский, получивший имя Петра III Федоровича (1728–1762), – сын герцога Гольштейн-Готторпского Карла-Фридриха и цесаревны Анны Петровны, дочери Петра I.

Далее в России неизменно правили монархи, хотя и состоявшие в отдаленном родстве с Романовыми, но носившие эту фамилию несколько условно. Таким образом, было положено начало Гольштейн-Готторпской династии в России.

Гольштиния – небольшое герцогство на севере Германии со столицей в Киле. Предки Петра III из младшей ветви Ольденбургского дома с конца XVI в. управляли готторпской частью Гольштинии.

Петр III в 1762 г. был свергнут и вскоре убит. На престол вступила его жена, Екатерина II (принцесса Софья-Фредерика-Августа Ангальт-Цербтская). Ее мать, герцогиня Иоганна, была дочерью герцога Карла-Фридриха-Христиана-Августа, из младшей ветви Готторпской линии Ольденбургов, отделившейся от основной династии еще в начале XVIII в. В 1751 г. сына Христиана-Августа, дядю Екатерины Адольфа-Фридриха, при поддержке России избрали королем Швеции. Екатерина II позаботилась и о втором своем дяде из готторпского дома. Вступив на престол, она урегулировала большой для российско-датских отношений готторпский вопрос – спор о готторпской части Гольштинии. Императрица приказала сыну Павлу подписать договор с Данией, по которому он как готторпский герцог отказался от своих прав в пользу Дании. Взамен Дания (где с 1448 г. правила старшая ветвь Ольденбургов) передала в 1773 г. принадлежавшее ей графство (с 1777 г. герцогство) Ольденбургское на северо-западе Германии Фридриху-Августу Гольштейн-Готторпскому – младшему брату шведского короля Адольфа-Фридриха. Сам он, его сын, а затем потомки его младшего брата Георга-Людвига составили герцогскую династию Ольденбурга, находившуюся под особым покровительством российских императоров.

После смерти Екатерины II в 1796 г. на русский престол вступил ее и Петра III (Карла-Петера-Ульриха) сын, Павел I, женатый на Марии Федоровне (принцессе Софии-Доротее Вюртембергской), который правил до 1801 г., когда в результате переворота был убит. Но династия Ольденбургов на русском престоле продолжалась: на престол вступил старший сын Павла I, Александр I, – внук Екатерины II и Петра III, женатый на Елизавете Алексеевне (принцессе Луизе-Августе Баденской).

РАЗДЕЛ IV

После смерти Александра I в 1825 г. на престол вступил его брат, Николай I, женатый на Александре Федоровне (принцессе Шарлотте-Каролине Прусской); после него в 1855 г. трон занял его старший сын, Александр II, женатый на Марии Александровне (Максимильяне-Вельгельмине-Августе-Софии-Марии Гессен-Дармштадтской).

В 1881 г. после трагической смерти Александра II на престол вступил его сын, Александр III, женатый на Марии Федоровне (Софии-Фредерике-Дагмаре Датской). Ему наследовал в 1894 г. его старший сын, Николай II, женатый на Александре Федоровне (принцессе Алисе-Виктории Гессен-Дармштадтской).

Если допустить, что генеалогия соответствует кровному родству, то мужской генотип Романовых восходит к Ольденбургской северогерманской (то есть исконно арийской) аристократии. По женской линии в династию поступали гены от восточногерманских фамилий, включая те, что сложились на вендских и прусских землях.

Таким образом, вопросы о происхождении представителей династии Романовых остаются открытыми и по сей день. Вопросы, которые требуют ответов – именно потому, что затрагивают судьбу русского народа.

Примечания

1. <http://www.romanowy.ru>
2. <http://www.bibliotekar.ru>
3. <http://www.rom-dinastiya.narod.ru>
4. <http://www.spsl.nsc.ru>
5. Энциклопедия российской монархии: Великие князья. Цари. Императоры. Символика и регалии. Титулы / под ред. В. Бутромеева. М.: Деконт+: Подкова, 2000. 275 с.

С. В. Рябинцев

г. Кострома

ВЛИЯНИЕ ПРИРОДНО-ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ФАКТОРА НА ХОЗЯЙСТВЕННУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И НА МИРОВОЗЗРЕНИЕ ВЕРХНЕВОЛЖСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВЕКОВ

В отечественной историографии вопрос о роли природно-географического фактора, о его влиянии на экономическое и социально-политическое развитие России является дискуссионным. В оценке значимости специфических природных условий развития русского народа сформировались диаметрально противоположные подходы: от признания природно-географического фактора решающим в становлении общественного и государственного устройства России (Л. В. Милов.), до тотального отрицания решающей роли природного фактора в внутренних экономических процессах и формировании некоторых ментальных черт русского этноса (С. Б. Миронов)¹.

Для обозначения той части природного окружения человека, которая образует среду его обитания и с которой он непосредственно связан в своей

жизнедеятельности, используется понятие «географическая среда»². Географическая среда – объективное условие жизни и деятельности человека вообще и сельского труженика в частности. Отличительная черта географической среды – относительная стабильность. Дело в том, что скорости изменения географической среды и общества несоизмеримы. Важен и тот факт, что изменения климата, определяющего элемента географической среды, носят циклический характер³.

Какова же была географическая среда Верхнего Поволжья в конце XIX – начале XX вв., и какое влияние она оказывала на хозяйство костромского и ярославского крестьянина, как влияла на их мировоззрение.

Климат Костромской и Ярославской губерний – умеренно-континентальный с четко выделяющимися сезонами года. Господствующий фактор для здешнего климата – континентальная воздушная масса умеренных широт и вторжение арктического воздуха. Циклоны, попадавшие сюда с юго-западными ветрами, определяли погоду весьма большой части дней в году. Умеренно теплое лето (+18° +20°) сменялось довольно холодной зимой (–15° –20°)⁴.

Особенностью климата Костромской и Ярославской губернии являлась его изменчивость вследствие отсутствия на севере гор, которые парализовали бы влияние Ледовитого океана. Во всеподданнейших отчетах костромского и ярославского губернаторов можно встретить такое описание погоды в весенне-летний период «В мае погода была непостоянная; в первой трети – сухая и жаркая, во второй – теплая, но с перепадающими дождями, а в последней трети – дождливая ветреная и холодная, при чем температура поднималась днем до +10, а ночью до +3: местами выпадал град. С середины до конца месяца [июня] погода стояла сухая и прохладная, сильными северо-восточным ветрами и крайне резкими перепадами температуры дня и ночи; так нередко дневная температура в 26 и 28 ночью падала до 8, 6 и 4 градусов, а кое где наблюдались даже слабые заморозки: дожди хотя и выпадали но очень редко и притом местами» (Ярославская губерния 1897 год)⁵.

В южных и северных уездах Верхневолжских губерний климат имел существенные различия. Так благодаря растянутости Костромской губернии северные уезды находились в менее благоприятных условиях: разница между средней годовой температурой воздуха города Костромы, лежащего в южной части губернии и города Солигалича, лежащего в северной половине губернии составляла 1,4°. Поэтому снежный покров зимой в городе Костроме составлял в среднем 154 дня, а в городе Солигаличе 164 дня, то есть на 10 дней больше⁶.

Главнейшей особенностью сельского хозяйства является использование солнечной энергии. Средством для этого служат растительные организмы, которые кинетическую энергию солнца превращают в потенциальную энергию органического вещества, служащую источником жизни человека. Поступлением солнечной энергии определяются климатические ресурсы данной местности. Так, показателем теплообеспеченности территории служит сумма температур воздуха выше 10 °С, называемая биологами суммой активных температур, т. е. тех, которые дают возможность вегетации большинства культур. Сумма активных температур складывается из числа дней в году со средней температурой выше 10 °С для данной местности. Чем выше сумма температур, тем больше и разнообразнее выбор культур, которые можно выращивать на данной территории.

Например, на территории Костромской губернии она изменяется от 1600° на севере до 1900 на юге⁷. Другими словами, сумма активных температур на юге была почти на 20 % больше, чем на севере. Данный фактор влиял на урожайность, сроки посева, выбор зерновых культур.

Нужно добавить, что не слишком большая удаленность территории Верхневолжских губерний на восток от моря, делала их доступной влиянию западных ветров, несущих осадки. Так, если тепла в регионе Верхнего Поволжья было мало, то во влаге недостатка, как правило, не было. Наоборот, значительное увлажнение большей части территории Костромской и Ярославской губерний, неглубокое залегание грунтовых вод способствовали заболачиванию огромных территорий и делали невозможным использование их в сельском хозяйстве.

Годовая сумма осадков в Верхневолжских губерниях составляла 550–700 мм⁸. Вот что сообщал словарь Брокгауза и Эфрона о Ярославской губернии «в отношении годового прихода воды она занимает среди других губерний, исключая побережий Черного моря, одно из первых мест»⁹. Данная особенность климата имела и положительное значение для сельского хозяйства. В данном случае большая влажность весьма способствовала развитию в регионе льноводства и, кроме того, создала благоприятные условия для роста кормовых трав, а отсюда для развития скотоводства¹⁰.

Рельеф – совокупность форм земной поверхности, различающихся по очертаниям, размерам, происхождению, истории развития. Рельеф образуется главным образом в результате длительного одновременного воздействия на земную поверхность тектонических, вулканических и других процессов, деятельности воды, ветра, солнца, ледников и др.¹¹.

Рельеф Костромской и Ярославской губерний был практически идентичен наблюдаемому сегодня на этих территориях. Некоторые отличия могут быть связаны с процессами естественной эрозии и хозяйственной деятельности человека (мелиорация, земляные работы, создание Костромского и Рыбинского водохранилищ и т. д.).

Рельеф местности часто определяет ее микроклимат. Поэтому расположенные недалеко друг от друга деревни могли иметь неодинаковые условия для ведения сельского хозяйства. Теплообеспеченность местности зависит не просто от ее более южного или северного местоположения, но и от рельефа данной территории. Так, в Костромской губернии, по которой проходила южная граница тайги, на возвышенностях, имеющих выпуклые формы, период с температурой выше 10 °С продолжался 115–120 дней в году. На плоских участках – 100 дней, а во впадинах – 80–85 дней¹².

Особенности рельефа оказывали влияние на образ жизни населения. В местностях, заливаемых водой (Мисковская волость и другие селения к западу от Костромы), где выращивать рожь было невозможно, крестьяне занимались хмелеводством и обрабатывали сенокосы¹³. Да и простое расположение земельного надела на северном или южных склонах любого холма влияло на сроки полевых работ, выбор культур, использования тех или иных приемов обработки земли.

Трудно переоценить значение качества почв для крестьянского хозяйства. Качество почвы являлось одним из главных условий выращивания различных

видов сельскохозяйственных культур и их урожайности. Почвы в большей части Костромской и Ярославской губерний не способствовали развитию земледелия. По своему характеру состав почв в губернии не является однородным. По различию почв, степени увлажненности и рельефа местности в Костромской и Ярославской губерниях, можно выделить около десятка почвенных разновидностей, относящихся к трем почвенным типам: подзолистому, болотному и аллювиальному. Особенностью всего Нечерноземья является лоскутный характер локализации плодородных земель. Пойма, или заливная земля, образуемая песчанистым или глинистым илом, оставляемым разливами рек, составляла лишь небольшую часть всего объема земель Костромской и Ярославской губерний, поэтому сельский хозяин должен был учитывать бедность почв питательными веществами «а потому в основу земледелия должна быть положена забота об удобрении»¹⁴.

Коснемся проблемы, насколько климатические и вообще естественные условия Верхневолжских губерний отрицательно влияли на крестьянское земледелие.

Отрицательные факторы могут быть климатическими: заморозки, градобития, ветер, недостаток или избыток атмосферных осадков; воздействие вредных насекомых; воздействие сорных трав.

Вычислить точно размер повреждений нанесенных теми или иными факторами достаточно трудно. Можно только отметить факт их существования и в самых отдаленных чертах указать размеры.

В источниках чаще всего отражены отрицательные климатические факторы. По мнению Г. Г. Еремина «злаковые культуры находятся в большой зависимости от целого ряда метеорологических элементов, но главным образом от осадков и страдают, как от избытка их, так и от недостатка»¹⁵. Так, в 1904 году в Костромской губернии умолот «был слабее прежних лет, – преимущественно от сильных ветров и дождей, которые обивали цвет ржи и, пригибая ее к земле вызывали недоразвитие и утечку зерна... вследствие частых дождей в период сенокосных работ, убрано сено недосушенным, почему более или менее значительная часть его погнила и получилась серою»¹⁶.

Большой вред крестьянскому сельскому хозяйству наносил град. В 1904 году в Костромской губернии «...выпавшим в течении июня месяца градом побито: В Ветлужском у[езде] 713 д[есятн] озим[ых] на 23 280 руб»¹⁷. В 1910 году в Ярославской губернии в Мологском уезде «В Сугновской волости выпавшим 12 июля градом побило озимого хлеба 782 десятин, овса 868 десятин, льна 49 десятин, ячменя 43 десятины всего на сумму 17 000 рублей»¹⁸. В источниках подобные явления в Костромской и Ярославской губернии зафиксированы практически каждый год.

Кроме отрицательных климатических явлений, на урожай влияло появление на полях различных вредных насекомых. В 1904 Костромской губернии Ветлужском уезде «появилась на хлебах Гессенская и Шведская муха»¹⁹. В 1906 году в Костромском уезде урожай огородных овощей «попортил какой-то червь»²⁰.

Настоящим бичом для крестьян Верхнего Поволжья была спорынья. В 1910 году в Ярославской губернии в Ростовском уезде был плохой урожай хлеба

из-за холодов и спорыньи²¹. По данным статистического комитета в 1904 году в Костромской губернии в Погощенской волости Кологривского уезда «от избытка спорыньи ржаное поле кое-где казалось как бы черным»²².

Все эти отрицательные факторы влияли на земледелие в Костромской и Ярославской губерниях. Но при это нужно отметить, что один и тот же отрицательный фактор никогда не отражался или, по крайней мере, очень редко отражался на всех сельскохозяйственных культурах одинаково²³.

Жесткая зависимость земледельческого труда от погодных условий нашла свое отражение в народных приметах. Приметы жителей села «на погоду», «на урожай» были органично связаны с перечнем традиционно выращиваемых культур и природно-климатическими особенностями данной местности. Даже названия месяцев древнерусского календаря показывают, насколько внимательно исстари велись наблюдения за сезонными явлениями²⁴.

Значение весеннего тепла для земледельца, а также капризы погоды в средней полосе России предопределили ту тщательность, с которой русский крестьянин старался предугадать ход весеннего потепления. В Сретенье – 2(15) февраля, день первой встречи весны, если в этот день было холодно, то весну ожидали позднюю, а если была оттепель, то раннюю. Народная примета гласит «На Сретение утром снег – урожай ранних хлебов, если в полдень – средних, если к вечеру – поздних»²⁵. Если первое марта – Евдокия – холодная и Великий Четверг страстной недели – холодный, то весна холодная²⁶.

Значительное число долгосрочных крестьянских прогнозов погоды опирались лишь на фенологические наблюдения, не обращаясь к календарю. Такие наблюдения характерны для каждого времени года, так как каждый сезон обусловлен своим определенным кругом изменений в природе. Значительные колебания из года в год срока наступления весеннего потепления, характерные для средней полосы России, обусловили особое внимание к фенологическим явлениям, что отразилось в приметах. Например:

На Крещение снег да тепло и в амбаре полно²⁷.

Если в Благовещенье ясная погода, то будет хороший урожай пшеницы²⁸.

На Николу дождь, так будет рожь²⁹.

Данные приметы хорошо иллюстрируют и основную цель наблюдений крестьянина за погодой – обеспечить успех жизнедеятельности, а также специфическую особенность этих наблюдений: часто предсказывается не характер предстоящей погоды, а то, как повлияет эта ожидаемая погода на те или иные стороны жизни, прежде всего хозяйственной.

В Верхнем Поволжье в крестьянской среде широко была распространена практика церковных богослужений-молебнов о хорошей погоде³⁰. Ежегодные крестные ходы и молебны на крестьянских полях во благополучие всего селения проводились в дни Господских и Богородичных праздников, а также в дни, связанные с почитанием Богородицы и популярных в крестьянской среде св. Ангелов, Апостолов, Пророков, великих святителей, мучеников, и других святых (Вознесения, Владимирской иконы Божьей матери, Боголюбской иконы Божьей матери, св. апостолов Петра и Павла, Ильи-Пророка, Николая-Угодника, Велико-мученика Георгия)³¹.

Сроки проведения крестного хода зависели от степени популярности и почитания святого в конкретной местности (волости, уезде, ряде уездов), и от того, в чью честь назван престол (или один из престолов) церкви того или иного прихода.

Крестные ходы, проводившиеся по особым дням в память о неурожае, градобитии и т. п. в прошлом и о предотвращении такого несчастья в настоящем и будущем, были, как правило, обетными.

Исследователи русской деревни часто отмечают весьма резкий контраст между ее жизненным ритмом в летние месяцы и в остальную часть года. Краткость периода полевых работ вызывает необходимость предельного напряжения сил в течение нескольких месяцев. Фактор времени, как дамоклов меч, постоянно довлел над русским мужиком³². Разумеется, скоротечность рабочего сезона земледельческих работ, требующая почти круглосуточной тяжелой и быстрой физической работы, за многие столетия сформировала русское крестьянство как народ, обладающий не только трудолюбием, но и быстротой в работе, способностью к наивысшему напряжению физических и моральных сил.

Но даже тогда, когда крестьянин сделал все как положено, он не мог быть до конца уверен в том, что получит ожидаемый урожай. «Человек предполагает, а Бог располагает». Крестьянин в своих трудах традиционно полагался на волю Божью. И в этом уповании не следует видеть распространенный «авось». Это было четкое осознание ограниченности человеческой тщеты и могущества Творца³³. Немалая доля крестьян была в этих условиях подвержена чувству обреченности и становилась от этого отнюдь не проворной и трудолюбивой, проявляя безразличное отношение к собственной судьбе.

Новое приживалось в деревне с трудом. И дело здесь не в консерватизме крестьян, а скорее в том, что климатические и почвенные условия вынудили крестьян не рисковать; один ложный шаг, потеря нескольких дней – и его ожидает голод³⁴.

Обобщая выше сказанное, можно говорить, что природно-климатические факторы Верхневолжских губерний, в особенности северных уездов, нельзя назвать благоприятными для развития сельского хозяйства. Климатические условия, ограничивали период полевых работ Костромской и Ярославской губерниях всего 150 днями. Земля не прокармливала костромского и ярославского крестьянина. Для сбалансирования дефицитного хозяйства крестьянин должен был или поднять на более высокий уровень свое хозяйство, что, однако, требовало затрат времени и денег, либо искать побочные заработки.

Примечания

¹ Милов Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998.; Миронов Б. Н. Социальная история России: генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства XVII – начало XX в. СПб., 1999. Т. 1.

² Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVII – начало XX в.). Т. 1. СПб., 1999. С. 53.

³ Александров Н. М. Проблемы аграрной истории России (вторая половина XIX – начало XX в.). Ярославль, 2003. С. 6.

⁴ Милов Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998. С. 11.

РАЗДЕЛ IV

- ⁵ Государственный архив Ярославской области (далее ГАЯО). Ф. 73. Оп. 1. Д. 6942. Л. 25.
- ⁶ *Владимирский Н. Н.* Отход крестьян Костромской губернии на заработки. Кострома, 1927. С. 9.
- ⁷ *Александров Н. М.* Проблемы аграрной истории России (вторая половина XIX – начало XX в.). Ярославль, 2003. С. 7.
- ⁸ *Милов Л. В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998. С. 11.
- ⁹ Энциклопедический словарь / Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Спб., 1904. Т. XLIIa. С. 823.
- ¹⁰ *Владимирский Н. Н.* Отход крестьян Костромской губернии на заработки. Кострома, 1927. С. 9.
- ¹¹ Новый иллюстрированный энциклопедический словарь / под ред. В. И. Бородулина, А. П. Горкина, А. А. Гусева. Н. М. Ланда и др. М., 2003. С. 607.
- ¹² *Александров Н. М.* Проблемы аграрной истории России (вторая половина XIX – начало XX в.). Ярославль, 2003. С. 9.
- ¹³ Поволжский вестник. 1906. № 147. С. 3.
- ¹⁴ ГАЯО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 1246. Л. 5. (Доклад Ярославского губернского агронома С. Левочкина о почвах Ярославской губернии. 1903).
- ¹⁵ *Еремин Г. Г.* Климатические элементы Костромской губернии и сельскохозяйственные культуры края. Кострома, 1924. С. 4.
- ¹⁶ Государственный архив Костромской области (далее ГАКО). Ф. 133. Оп. 2. Д. 11687. Л. 3–5.
- ¹⁷ ГАКО. Ф. 205. Оп. 2. Д. 642. Л. 18.
- ¹⁸ ГАЯО. Ф. 485. Оп. 1. Д. 927. Л. 182 об.
- ¹⁹ ГАКО. Ф. 205. Оп. 2. Д. 642. Л. 18.
- ²⁰ Поволжский вестник. 1906. № 141. С. 2.
- ²¹ ГАЯО. Ф. 485. Оп. 1. Д. 924. Л. 41.
- ²² ГАКО. Ф. 161. Оп. 1. Д. 384. Л. 2 об.
- ²³ *Каблуков Н.* Об условиях развития крестьянского хозяйства в России. (Очерки по экономии сельского хозяйства). М., 1899. С. 31.
- ²⁴ Русские. М., 1991. С. 183.
- ²⁵ Круглый год. Русский земледельческий календарь. М., 1991. С. 101.
- ²⁶ Костромской государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник (далее КГИАХМЗ). Фонд «Документы». КМЗ НВ 13089/16. (Костромская губерния Кологривский уезд Михалевская волость деревня Суршино).
- ²⁷ КГИАХМЗ. Фонд «Документы». КМЗ НВ 13090/41. (Костромская губерния Чухломской уезд Просековская волость деревня Лечниково).
- ²⁸ КГИАХМЗ. Фонд «Документы». КМЗ НВ 13090/46. (Костромская губерния Чухломской уезд Муравьишенская волость деревня Малинино).
- ²⁹ КГИАХМЗ. Фонд «Документы». КМЗ НВ.13089/4. (Костромская губерния Кологривский уезд Медведицкая волость деревня Неустроиха).
- ³⁰ КГИАХМЗ. Фонд «Документы». КМЗ КОК 38735/20 (Ответы на анкету «Культ и народное сельское хозяйство» Костромская губерния Нерехтский уезд Митинская волость с. Остров.).
- ³¹ Русские. М., 1991. С. 191.
- ³² *Безгин В. Б.* Крестьянская повседневность (традиции конца XIX – начала XX века). М., Тамбов. 2004. С. 32.
- ³³ *Безгин В. Б.* Крестьянская повседневность (традиции конца XIX – начала XX века). М., Тамбов. 2004. С. 38.
- ³⁴ *Пайтс Ричард* Россия при старом режиме. М., 1993. С. 190.

РАЗДЕЛ V. КУЛЬТУРА КОСТРОМСКОГО КРАЯ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

И. П. Верба
г. Кострома

ОТРАЖЕНИЕ УКЛАДА КРЕСТЬЯНСКОЙ ЖИЗНИ СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА В «СЛОВАРЕ РУССКОГО НАРОДНОГО ЯЗЫКА» А. Н. ОСТРОВСКОГО

XIX век характеризуется, как известно, выработкой основ общерусского национального языка. В. И. Даль в «Напутном слове» писал: «Пришла пора подорожить народным языком и выработать из него язык образованный. Народный язык был доселе в небрежении; только в самое последнее время стали на него оглядываться, и то как будто из одной снисходительной любознательности»¹. Ф. И. Буслаев так определял это время: «Громадным поворотам надобно было совершиться и в жизни, и в умах... чтобы перенести свои эстетические интересы от Вергилия и Вольтера к простонародной песне... от Рафаэля к бессмысленному узору бабьего полотенца»².

Большую роль в развитии русского национального языка сыграл великий русский драматург А. Н. Островский. Как известно, в течение всей жизни Александр Николаевич работал над составлением «Словаря русского народного языка». Большая часть материала для «Словаря» была собрана им в результате этнографической экспедиции весной – летом 1856 года, а также весной – летом 1857 года. Именно в этот период А. Н. Островский подходит к творчеству, по словам друга Александра Николаевича, писателя и этнографа С. В. Максимова, с «новым взглядом на русскую жизнь и русского человека, с особенным преимуществом знатока великорусского народного быта и его несомненно верных и до тонкостей изученных национальных свойств, а в особенности отечественного языка в изумительном совершенстве»³.

Широкое представление об укладе крестьянской жизни, в частности её бытовой стороне, дают материалы, подготовленные А. Н. Островским для «Словаря русского народного языка». Лексика материалов многочисленна и разнообразна. Это названия крестьянского жилища и его частей, различных построек *бесѣдка, завѣзня, засѣпка, мякѣнница, овѣн*, домашней утвари *зобѣтка, пѣстер*, одежды и обуви *однопѣдка, пѣголенки, пѣриши*, видов пищи *кулѣйка, помолотѣха, пѣльсь*, средств передвижения и путей сообщения *лѣвы, рѣзвальни, рѣспуски*. Кроме того, это предметная лексика рыболовства *наплѣв (наплавѣк), недѣтка*,

подлёдник, льноводства *обжѣмки*, *омзльѣ*, *отрѣлье*, других видов производственной деятельности, являющихся традиционными для жителей костромского края.

В ряду слов, обозначающих необходимые в крестьянском хозяйстве приспособления, отметим лексемы *засѣпка*, *мякѣнница*, *овѣн*.

Существительное *засѣпка*, образованное от глагола *засѣпать*, имеет в «Словаре» А. Н. Островского значение ‘каморка’, что определяет функциональное назначение этой части жилища – место, где хранятся, по-видимому, продуктовые запасы. В современных костромских говорах слово имеет развитую семантическую структуру, в которой актуализируются и переносные значения: 1. Помещение для хранения зерна. *Зерно-то раньше в засыпках хранилося*. Остров. Щельково. 2. Небольшая каморка, чулан. *Да он в засыпке своей сидит*. Остров. Щельково. 3. Щитовая постройка, между досками которой засыпаны опилки для тепла. *Вот, засыпку построили, теперь моемся в своей бане*. Макарь.

Лексему *мякѣнница* А. Н. Островский толкует описательно и включает в дефиницию однокоренное диалектное слово: ‘сарай для хранения мякины и всякого мелкого корму’; географических помет две, одна из которых – помета «костром.». В современных костромских говорах представлены дериваты корневого морфа *мяк-*: *мякѣна* – ‘отходы при молотье зерновых или околачивании льна, остатки колосьев, мелкая солома, шелуха’: *Когда рожь провеиваешь, мякина в сторону летит*. Антроп., Мантур., Чухлом. *Раньше всё шло в дело: и мякину скармливали скоту*. Кологр. *В голодные-то годы мякину просеивали да в хлеб добавляли*. Буйск., Галич., Кологр., Чухлом. *Мякину-то запаривали, скотину, кур кормили*. Костр. *Льняную мякину, головѣцу, курицы хорошо клюют, токо запарить её надо*. Нерехт. *Хлеб-от с мякиной пекли, колючий был*. Нейск. *Поросѣнку мякину в корм добавляю*. Павин. *Обмолотят рожь, а мякину-то – на подстилку*. Поназ., Сусан.; *мякѣнник* и *мякѣнница* – ‘сарай для хранения мякины и разного мелкого сухого корма’: *Добеги до мякинника, принеси корму поросѣнку*. Поназ., Пыщуг., Буйск., Солиг., Чухлом., Межев., Шарьин. *Полная мякинница корма-то нынче, слава Богу!* Кологр., Межев., Остров. Адищево, Чухлом. *Мякину хранили в мякинницах-то*. Солиг.; *мякѣльник* и *мякѣльница* в значении ‘большая корзина, в которой носили мякину, солому, сено’: *Слежится сено-то в мякѣльнике, вывали скорей*. Вохом., Окт., Павин., Поназ., Пыщуг., Судисл., Костром., Нерехт. *Корм-от скотине в мякѣльнике носили, через плечо*. Сусан. *Возьми вон мякѣльницу, за колокольцом пойдѣм*. Костр., Мантур.

Лексема *овѣн* толкуется А. Н. Островским как ‘строение для сушки хлеба в снопах’, географической пометы нет. Это слово обозначает самобытную и издавна известную у восточных славян сушильную и относится к разряду семантических диалектизмов. Как известно, у русских применялись два вида сушильни различного устройства и формы⁴. Самым примитивным приспособлением для сушки снопов являлся *шиши* (в материалах А. Н. Островского содержится описание шиша без применения огня, который был распространѣн в Саратовской губернии). Овин был известен двух типов – ямный и верховой. Описание, данное А. Н. Островским, соответствует верховому типу, который был распространѣн к северу и западу от Москвы: в Псковской, Костромской, Олонецкой, Архангелогородской и других губерниях⁵. Данные современных костромских говоров

свидетельствуют о том, что в костромском крае встречались овины обоих типов: *Снопы-то в овине на колосники накладывали под потолком, там они и сушились.* Костр., Остров. *Всю ночь в овине-то сидели, огонь поддерживали.* Нейск., Нерехт., Красн., Галич. *Раньше почти у каждого хозяйства свой овин был, теперь уж ничего не осталось.* Солиг., Судисл., Чухлом., Парф. В памяти диалектоносителей сохранились сведения об этой постройке и в номинации производного слова *овинники*, семантическая структура которого развилась на основе метонимических переносов: ‘место, где стояли овины’ – *Теперь уж овинники-то колочкам да кустам заросли, а овины сгнили.* Судисл.; ‘дрова, которыми топили овин’ – *Овинники-то сырые, плохо разгораются.* Галич. *Надо бы овинников заготовить побольше да привезти в овин.* Остров. *Накололи овинников-то да сушиться в овин положили.* Сусан.

Среди необходимых крестьянину различных хозяйственных приспособлений, описанных А. Н. Островским в «Словаре русского народного языка», отметим наименования предметов, которые до сих пор используются в сельском хозяйстве, например: *глух ёрь* ‘большой колокольчик, бубенец, который вешали на шею коровы, на дугу упряжи лошади’: *Мы раньше нашей Зорьке глухарь на шею вешали, чтобы слышать было, где она.* Остров., Кадыйск., Парф., Нейск.; *ночвы* в значении ‘неглубокое долблёное корытце с двумя ручками, в котором отделяли шелуху от зерна путём подбрасывания’: *В ночвах зерно провеивали так: на ветерке подбрасывали зерно, лёгкий мусор, шелуха при этом улетали, а зерно падало обратно.* Нейск., Судисл., Чухлом., Галич., Антроп., Парф., Остров., Солиг., Кологр., Красн. А. Н. Островский отмечал в материалах для словаря денотативно-ограничительное значение переходного глагола *пол’ть*: «полоть крупу – значит чистить крупу на ночвах. Костром.». Это употребление актуально и в современных костромских говорах, ограничительное значение распространяется также на ягоды: *Да, в ночвах раньше крупу-то пололи.* Остров., Вохом., Мантур., Макар., Шарьин. *Полоть крупу – дело бабушки.* Галич., Буйск. *Клюкву-то я в ночвах полола, из дерева корытце.* Павин.

Из названий домашней утвари помета «костром.» включена А. Н. Островским в толкование двух лексем: «зоб’тнька» и «пт’стер».

Зоб’тнька толкуется в «Словаре» описательно, семема содержит общую сему ‘корзина’ и дифференцирующие семы ‘плетённая из берёсты’, ‘для грибов или ягод’. Широкое употребление лексемы *зоб’тнька* в говорах кинешемско-костромского Поволжья подтверждается также картографированными данными группы слов, обозначающих корзины⁶. Лексема *зоб’тнька* довольно компактно располагается в северо-западной части бывшего Владимиро-Суздальского княжества и образует два острова: один в районе Галичского озера, Палкино Антроповского района, другой – в районе Костромы, Иванова, Кинешмы. За пределами бывшего Владимиро-Суздальского княжества слово имеет довольно широкую зону распространения и отмечено в Архангельской, Вологодской, Кировской, Костромской (Шарья), Московской, Новгородской, Орловской, Пензенской, Пермской, Свердловской областях и Бурятской АССР⁷. В современных костромских говорах в структуре значения лексемы *зоб’тнька* дифференцирующая сема ‘назначение корзины’ варьируется, что, безусловно, связано с изменением формы

корзины, её предназначения, иным подбором материала, из которого она изготавливается: *Положь бельё в зобеньку и неси на реку.* Антроп., Буйск., Галич., Нейск. *Полную зобеньку сена корове отнесла, а ей всё мало.* Костр. *Бери обе зобеньки, пошли картошку таскать.* Судисл., Сусан., Солиг., Чухлом. Дифференцирующая сема функционального назначения 'для грибов или ягод' в структуре значения лексемы *зобѣнька* сохраняется в современных говорах Островского района: *Я сегодня полную зобеньку ягод набрала.* Это узлокальное значение весьма близко к этимологическому, которое М. Фасмер связывает с *зоб* «пища, корм» и *зобѣть* «клевать, глотать, пожирать»⁸. В севернорусских говорах продуктивны глаголы *зѣбѣть* с семемами 'клевать, жадно хватать клювом, набивая зоб (о птицах)', 'есть', 'есть что-либо сыпучее, беря, хватая ртом, без помощи ложки' и др., *зѣбаться* 'есть, наедаться', *зѣбить* 'есть', *зобнеть* 'съесть чего-либо мелкого, сыпучего (ягод, гороха, муки, толокна и т. п.)', *зобѣ* 'есть'⁹.

Широко распространён на территории бывшего Владимиро-Суздальского княжества тип корзин, обозначаемый словами с корнем *пестер-* (*пещер-*). В новгородской зоне колонизации распространены варианты с корнем *пестер-*, а в зоне кривичской колонизации – варианты с корнем *пещер-*. Однако «различия между новгородской и кривичской зонами колонизации проявляются не только в фонетическом облике слов, но и в их значении. В первой зоне эти слова обозначают ручные и заплечные корзины, во второй – только заплечные»¹⁰. Г. Г. Мельниченко высказывает сомнение по поводу того, что этот вид корзин новгородского происхождения и для потомков кривичей не является исконным, так как последними он усвоен не только с некоторыми фонетическими изменениями, но и с семантическими ограничениями. В «Словаре» А. Н. Островского приводится следующее толкование: «*Пѣстер*, м. Плетённая из лыка сумка в виде ранца (*пещер*). Костром.». Описательная дефиниция содержит явное указание на заплечный вариант корзины и в качестве синонима включает кривичский фонетический вариант как более известный. Это подтверждает вывод Г. Г. Мельниченко о том, что «кривичские варианты распространились и на восток, форсировав Волгу между Юрьевцем и Горьким»¹¹. В современных костромских говорах употребляются различные дериваты от корневого морфа *пестер-*: *пѣстер* и *пѣстерь* 'берестяной короб в виде ранца для переноски на спине разной поклажи': *Пастухи у нас и теперь с пестерьям ходят, за плечам носят.* Вохом. *В пестер можно положить грибы, ягоды, окромя черники.* Кологр. *Пестери-то сами делали, другим продавали.* Костр. *Пестер-то надо бы поналадить, а то грибы не в чем носить будет.* Макар. *Раньше по обабки-то всё время с пестерьям ходили, по бруснику тожо.* Мантур. *Вчера он полный пестерь брусницы принёс.* Окт. *Бывалоче, на пожню нагрузишь полные пестери всего и живёшь там несколько дней.* Павин., Пыщуг., Шарьин. *Когда в лес идёшь, набирушечку для ягод возьмёшь, а пестерь-то – за плечи, так легче набратое нести.* Поназ.; уменьш. *пестерёк, пестертѣнька, пестёрка* в значении 'небольшая корзинка для грибов и ягод': *Пока маленька-то была, дак с пестерком по ягоды-то бегала.* *Бывало, дѣ дому не донесу, по дороге съем.* Поназ. *Раньше много землянки-то было, детки полные пестереньки приносили.* Нейск. *Пестёрки из бересты плели, еду в них клали, ягоды.* Буйск., Нейск., Нерехт.

Таким образом, уклад крестьянской жизни середины XIX века нашёл отражение в «Словаре» большого знатока и ценителя живой народной речи А. Н. Островского. Лексика материальной культуры даёт широкое представление о жизни крестьян прежде всего костромского края, возможность тесного общения с которыми предоставляла драматургу жизнь в Щелькове.

Примечания

¹ *Даль В. И.* Напутное слово // Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М. : Рус. яз., 1981–1982. Т. 1. С. XIII.

² *Буслаев Ф. И.* Сравнительное изучение народного быта и поэзии // Русский вестник. 1874. Т. 3. С. 647.

³ *Максимов С. В.* Литературные путешествия. М. : Современник, 1986. С. 150.

⁴ Этнография восточных славян. Очерки традиционной культуры / отв. ред. К. В. Чистов. М. : Наука, 1987. С. 198–201.

⁵ Там же. С. 199.

⁶ *Мельниченко Г. Г.* Некоторые лексические группы в современных говорах на территории Владимиро-Суздальского княжества XII – нач. XIII в. Ярославль : Верх.-Волж. кн. изд-во, 1974. Карта 47.

⁷ Там же. С. 145.

⁸ *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка : в 4 т. М. : Прогресс, 1964–1973. Т. 2. С. 102.

⁹ Словарь русских народных говоров. Вып. 11. С. 321–325.

¹⁰ *Мельниченко Г. Г.* Указ. соч. С. 140.

¹¹ Там же. С. 141.

Е. Г. Веселова
г. Кострома

**ЕФИМ ЧЕСТНЯКОВ И ПРИРОДА КОЛОГРИВСКОГО КРАЯ
(НАИМЕНОВАНИЯ ПРИРОДНЫХ ЯВЛЕНИЙ
В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Е. В. ЧЕСТНЯКОВА)**

Чуть более сорока лет назад в истории русского искусства было открыто имя Е. В. Честнякова. За это время его художественные работы не раз экспонировались в крупных городах России (Москва, Ленинград) и даже за рубежом (Турин, Флоренция). Было написано немало исследований, посвящённых его творческому наследию, без которого сейчас уже трудно представить себе культуру Костромского края. С каждым годом аудитория почитателей его многогранного таланта растёт, и мало кто остаётся равнодушным к его творчеству, хотя бы раз увидев его необычные картины или прочитав его сказки, стихотворения, пьесы.

Е. В. Честняков известен прежде всего как самобытный художник, полотнам которого присуща особая манера живописного стиля и раскрытия сюжета. Не в меньшей степени Ефима Васильевича можно считать поэтом, писателем, философом и скульптором. К сожалению, при жизни автора ни художественные,

ни литературные творения его не получили широкой известности. Большая часть его произведений уже напечатана: это сказки (1914 г., издательство «Медвежонок», Санкт-Петербург) и сравнительно недавно стихи, поэма «Сказание о Стафии – Короле Тетеревином» и драматургические произведения (пьесы, сценки). И всё же значительная их часть пока ещё находится в виде рукописей. Научные сотрудники Костромского музея-заповедника занимаются расшифровкой рукописей, и в настоящее время готовится к изданию очередная книга его произведений.

Практически всю свою жизнь Е. В. Честняков прожил в родной деревне Шаблово. И только неутомимое стремление к рисованию и образованию заставили его, выходца из бедной крестьянской семьи, на некоторое время покинуть дом. Но тем сильнее в произведениях Честнякова проявилась искренняя любовь к народу и родным местам. И это не случайно, так как природа этого края необычайно живописна. Уникальные заповедные леса, неторопливая, спокойная Унжа, кристальные родники – всё это придаёт особое очарование северной кологривской земле. «Поэтичный северный край, со своими красками, уединённый и даже немного таинственный. Наверное, поэтому и кажется, что нет на земле более подходящего места, где могла бы жить сказка»¹. И всё это не мог не воспеть в своих произведениях Е. В. Честняков, которого эта самая природа щедро наделила множеством талантов. В его многочисленных сказках, пьесах, стихах, драматических зарисовках чувствуется трепетное отношение к ней. Главные персонажи произведений Честнякова – обычные крестьяне, которые живут в гармонии с природой, говорят с ней на одном языке. Это естественное сосуществование человека с природой было характерно и для самого автора. И не случайно местные жители, знавшие Честнякова, рассказывают о том, что он любил бывать в одиночестве, наедине с природой размышлять и создавать свой неповторимый мир, в котором люди, природа, животные, растения едины. Когда-то, в один из таких моментов, им в самой глуши лесистого склона был найден родник, который впоследствии был назван его именем (Ефимов ключ).

В своих произведениях художник подмечает всё многообразие природного мира. Это названия болотных растений *кукушечкин ленок, ягель, бильник*; названия луговых растений *митюга, сивун*; названия кустарников *вереск, шипришник, явшина (елишина), жимолосточка*; названия огородных культур *галань (галанинка, галанка), картошь, картошка*; названия грибов *волнуха, сыроеха, печёночки, чилик*; названия ягод *брусница, земляница, князеничинка, черница*; названия птиц *кокушка, ветюг, офилин, перевезиха, ронжа, травник*; названия животных *барандук, векша*; названия насекомых *метелёчек*, названия погодных явлений *сиверуха, мокретьина, морозко, погода красная* и даже названия сверхъестественных, мифологических существ *дива, лесной, леирук, лизун, чудало, Ягая баба*, которые знакомы нам по фольклорным сказкам и являются обитателями леса. Зачастую автор использует уменьшительно-ласкательные формы слов, например, *галанинка, князеничинка, жимолосточка* и др. Они помогают передать то, с каким умилением и любовью относился Честняков ко всему окружающему миру. Вся эта лексика является средством создания того необычного мира, в котором люди себя чувствуют в сказке, как в жизни, а в жизни – как в сказке. Большая часть этой лексики абсолютно достоверна, так как жители

Кологривского района знают её и без труда смогли дать нам её толкование и пояснить её своими примерами. Рассмотрим некоторые извлечённые нами из произведений писателя слова.

В поэме Е. В. Честнякова «Сказание о Стафии – Короле Тетеревином» упоминается лесная птица **ронжа**:

Дятлы, ронжи и клесты,
Синьки, ветюги, дрозды...
Все зверьки, лесные птахи,
Травки, разные букахи
Мирно кланялись пенькам,
*Особливо мужикам (Стафий)*².

Кологривские жители знают это слово: *Сейчас ронжу-то что-то и не видно, такая красавица птица, что ой-ой* (д. Хлебородово, Лебедев Николай Маркович, 1928 г. р.). В словаре Фасмера указывается, что слово заимствовано из балтийского, ср. лит. *rašis* «ореховка»³. По данным картотеки Костромского областного словаря, лексема употребляется в Нейском, Поназыревском, Островском, Антроповском районах Костромской области в значении «птица сойка». В Словаре русских народных говоров⁴ отмечено, что это слово характерно для сибирских говоров, но встречается и в вологодских. В Толковом словаре живого великорусского языка приводится следующее значение этого слова: «птица, сев. лесная воронка»⁵. В кологривских говорах *ронжа* употребляется только в речи людей пожилого возраста. Автор перечисляет лесных птиц, используя народные названия. *Синька* – местное название синицы. *Ветюг* – лесной голубь. В данном отрывке к миру природы относятся также слова **зверьки, птахи, травки, букахи, пеньки**. Честняков поэтизирует природу и показывает, что человек есть часть её.

В стихотворении Е. В. Честнякова «У деревни на краю...»⁶ нам встретилось название **кукушечкин ленок** в значении «мох». Автор употребляет уменьшительно-ласкательную форму литературного названия *кукушкин лен*, которая выражает его нежное отношение к природе.

Жители Кологривского района так комментируют это слово: *Кукушечкин ленок на борах обычно-то растёт, а цветёт беленьким цветочкам* (д. Хапово, Хватова Мария Васильевна, 1930 г. р.). В костромских говорах встречается словосочетание *кукушкин лён* во многих районах.

В поэме о Стафии упоминается **ягиль** «болотное растение с трубчатым полым стеблем»: *...пропитаюсь как-нибудь ягодами да ягилями*.

В кологривских говорах это слово встречается в таком же значении: *Ягиль-то – это дудка такая, мы ево косили, свистульки из ево делали, а когда он молоденький, кожурку снимали и ели* (д. Бурдово, Белова Тамара Петровна, 1931 г. р.). В Буйском, Костромском, Судиславском районах найдены такие же значения слова. В Ярославском областном словаре зафиксирован фонетический вариант этого диалектизма с таким же значением: «дидель»⁷.

Поэтичны встречающиеся в произведениях Честнякова местные названия ягод **брусница, земляница, князеничинка, черница**.

РАЗДЕЛ V

Ягоды этой, брусницы, – ступить негде (Стафий).

Пшеничную муку с гороховой смешали, ещё картофельной прибавили немножко да высушенных ягод земляницы... (Марк Бесчастный).

В названии этих ягод Честняков использует суффикс -иц. Это придаёт произведению фольклорный, песенный характер, оттенок старины. Слово звучит мелодично, протяжно, и в этом чувствуется любовное отношение автора к природе.

Кологривские жители употребляют в живой речи названия этих ягод именно в такой форме: *За черницей бывало, уйдём, дак уж на весь день* (д. Малая Горка, Веселова Таисия Фёдоровна, 1933 г. р.). *Брусницы-то нынче было море, вёдрами таскали* (д. Хапово, Хватова Мария Васильевна, 1930 г. р.).

Сидит Иванушко на хорёчке да ест ягодки-князенички (Иванушко). В этом отрывке упоминается название ягод *князеницы*, которыми в Костромской губернии называли ежевику. И снова автор использует уменьшительно-ласкательные форму названия: *ягодки-князенички*. Здесь же встречается и слово *хорёчек*, которое является уменьшительной формой от слова хорёк 'моховая кочка'. В примечании автора поясняется: «*Хорёчек – кочка среди поляны или островок среди болота*». Это слово встречается и сейчас в кологривских говорах.

Сопоставление лексики природы из произведений Е.В. Честнякова с данными живых говоров показывает, что автор достоверно отразил её в своих произведениях. Она до сих пор характерна для северорусских говоров. Использование автором подобной диалектной лексики позволяет судить о разнообразии и богатстве словарного запаса поунженского крестьянина первой половины XX века, а современные говоры говорят о живучести её и естественном использовании в живой речи.

Примечания

¹ Ефим Честняков / сост. С. Ямщиков // Новые открытия советских реставраторов. Вып. 4. М., 1985.

² Честняков Е. В. Сказание о Стафии – Короле Тетеревином : роман-сказка / Сост. и авт. коммент. Р. Е. Обухов. М., 2007.

³ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Б. А. Ларина. М., 1964.

⁴ Словарь русских народных говоров. М. ; Л. : Наука, 1965 –.

⁵ Даль. В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М., 1978.

⁶ Расшифровку помет *Сказки* и *Яр.* (Ярыгина), отсылающих к источникам цитирования, см.: Ганцовская Н. С. Живое поунженское слово. Словарь народно-разговорного языка Е. В. Честнякова. Кострома, 2007.

⁷ Ярославский областной словарь / под ред. Г. Г. Мельниченко. Ярославль, 1981–1991.

П. П. Виноградова
г. Кострома

Л. КИТИЦЫНА КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬ КОСТРОМСКИХ ГОВОРОВ (ЛЕКСИКА ВЫПЕЧНЫХ ИЗДЕЛИЙ)

Диалектная лексика вызывает не только сугубо лингвистический интерес, но и являет собой историческую, этнографическую ценность. Её изучение позволяет представить жизнь и быт русского человека в тот или иной исторический период, на той или иной территории.

Лексемы, входящие в тематическую группу «Пища», по словам Н. С. Ганцовской, «служат знаками народной культуры народа. Это один из наиболее устойчивых и древних пластов народного словаря, что обеспечивает информативность лексем данной группы в плане ареальных связей»¹.

Особый интерес вызывает изучение лексики, называющей печёные изделия из муки. С тех пор, как люди научились выпекать из зерновой каши пресные лепешки, хлеб стал для них не только пищей насущной, но и основой жизни, культуры, религии, взаимоотношений с другими народами. Хлеб издревле был основой жизни, главным продуктом питания русского человека. «Ни о чём так сильно не хлопчут, ни о чём так усердно не молятся богу простые русские люди, как о росте посеянного хлеба», – пишет в очерке «Хлеб» уроженец села Парфеньёво Костромской области С. В. Максимов².

Многообразие названий хлебных изделий в говорах Костромской области даёт богатый материал для лингвоэтнографических, структурно-семантических и ареальных наблюдений. Одним из важных источников изучения лексики, связанной с различными сторонами крестьянского быта, земледелия, ремесленной деятельности, материальной культуры и духовной жизни края являются Труды Костромского научного общества по изучению местного края (КНО), существовавшего с 1912 по 1930 г. Члены КНО в своих работах опирались на данные этнографических анкет Костромской архивной комиссии и КНО, записи разных лиц, хранившихся в архиве этнологической станции КНО, различные архивные и статистические материалы, а также на личные наблюдения, сделанные в ходе этнологических экспедиций. Уникальным источником лексического материала, описывающим широкий круг лексем по теме «Выпечные изделия» в говорах Костромской области являются материалы, собранные членом КНО Л. Кितिцыной и опубликованные в сборнике «Труды КНО» в очерке «Хлеб»³.

Очерк Л. Кितिцыной содержит большое количество детально описанных названий хлебных изделий, мелкой выпечки, а также обрядового «печенья» Костромской губернии, чаще всего – с указанием ареального распространения того или иного названия. В статье также имеются подробные сведения о видах муки, приспособлениях, процессе приготовления хлеба, приводятся некоторые обряды, фольклорные тексты, рисунки. Этот ценнейший материал можно считать классическим источником лингвокраеведческих данных. Недаром академическое издание – Словарь русских народных говоров – использует эту работу в числе достоверного источника диалектной информации.

Л. Кितिцына пишет о том, что в Костромской губернии «разнообразие хлебного печенья велико, особенно же богата и интересна терминология «печева», отличающаяся своей неустойчивостью. Основным видом печенья из муки является ржаной кислый хлеб. Кроме того, имеется масса разных печений кислых, полукислых, пресных различных форм и размеров»⁴.

Всего в очерке более 160 лексем, из них около 20 лексем можно отнести к лексико-семантической группе (ЛСГ) «Хлебные изделия», включающей названия выпечных изделий без начинки, приготовленные из разных видов муки в русской печи. Большинство лексем данной ЛСГ, кроме наименований *каравай*, *поклевамный*, *дрочёна*, *пампошник*, имеют достаточно яркую мотивировку: *ямшник*, *горомховик* (вид муки, из которой приготовлен хлеб); *преснимк*, *полупреснимк*, *заварной* (способ приготовления хлеба); *ситник* (способ обработки муки); *подовимк* (способ выпечки хлеба); *солодемльши*, *насолондник*, *сухамрный* (добавки в тесто); *канунник*, *сумтошник*, *вечемрник* (время приготовления теста); *мяконький* (качество готового хлеба); *натёртыш*, *валюшка* (способ обработки теста перед выпечкой); *бобумика* (форма хлеба). Все эти наименования до сих пор фиксируются в костромских говорах: «*Яшники больше с маслом или – больно вкусно*» (Межевской район), «*Поштё-то не пеком нынче гороховиков*» (Павинский район), «*Печь была большая у нас, много подовиков нараз сажали*» (Вохомский район), «*Сёдни притворила, завтра мяконьков настряпаю*» (Октябрьский район), «*Испекла преснец, да всё и съели на жинке*» (Нейский район), «*Хороши ситники, а если с молоком!*» (Сусанинский район)⁵.

В статье Кितिцыной относительно немного указаний на локализацию того или иного наименования хлеба на территории Костромской губернии. Уточним ареальную характеристику лексем – названий хлебных изделий, опираясь на данные лексикографических источников.

Л. Кितिцына отмечает, что в Костромской губернии чаще пекли ржаной кислый хлеб из ржаной муки с огрубями, а чаще решетной. В очерке встречаем наименования *каравай* 'ржаной кислый хлеб', *подовик* 'ржаной кислый хлеб, испечённый на поду печи', *поклеванный* 'заварной хлеб из смеси ситной ржаной и пшеничной муки', *ситник* 'хлеб из ржаной муки, просеянной в сито', *заварной* 'ржаной хлеб из заварного теста'. Эти наименования распространены повсеместно в русских говорах, они до сих пор входят в фонд русского литературного языка, хотя и находятся на его периферии. В ареальном аспекте важно наличие в этих наименованиях конкретизирующей семы 'хлебное изделие из ржаной муки': в Костромском крае, как и других центральных и северных территориях Европейской части России, основу и повседневного, и праздничного стола крестьян «издревле составляли изделия из ржаной муки, так как в этих широтах рожь растёт лучше всего. Пшеничная мука использовалась главным образом для праздничной выпечки»⁶.

Лексемы *валюшка* 'булочка из пшеничной муки' (Юрьевский уезд, Пустынь-Благовещенская волость), *гороховик* 'небольшая булочка из гороховой муки', *дрочёна* 'хлеб из пшеничной муки' (Нерехтский уезд, Золотиловская волость), *канунник* 'хлеб из ржаного теста с картошкой, замешанного с вечера', *солодемльши* 'хлеб из ржаной муки с солодом' (Костромский уезд, Семёновская волость), *папошник* 'хлеб из пшеничной муки *яшник* 'небольшой хлеб из ячневой муки'

пресник 'хлеб из пресного теста', отмеченные в статье Кितिцыной, более распространены в северных и (в меньшей степени) центральных говорах Европейской части России, где питание всегда было более скудным, чем в южных широтах. Например, в СРНГ лексема *пресник* даётся с пометами *Вологод., Арх., Новосибир., Ярослав., Костром., Горьк.* Преимущественно в говорах Русского Севера встречается наименование *мяконький* 'хлеб из негустого дрожжевого теста'. Данная лексема в СРНГ даётся с пометами Юж. Сиб., Красноярск., Волог., Олон.⁷

В статье Л. Кितिцыной встречаем лексемы *бобушка* 'булочка из пшеничной муки' (Нерехтский уезд, Тетеринская волость; Костромской уезд, Левашовская волость), *вечерник* 'хлебец из ржаного теста с картошкой, замешанного с вечера', *насолонник* 'хлеб из ржаной муки с солодом', *натёртыш* 'хлебец, очень круто натёртый мукой' (Кинешемский уезд), *полупресник* 'хлебец из ржаного теста с картошкой' (Костромской уезд, Левашовская волость), *сутошник* 'хлебец из ржаного теста с картошкой, замешанного с вечера' (Костромской уезд, Башутинская волость), которые даны в СРНГ исключительно со ссылкой на Труды КНО, а, точнее, источником послужил очерк Кितिцыной. Эти наименования есть и в картотеке КОС, однако требуются дальнейшее исследование ареальных связей этих лексем в других русских говорах.

Данное территориальное распределение лексики, приведённой в очерке, весьма показательно. Значительную часть исследованной группы составляют общенародные лексемы, однако для разных территорий можно выявить тонкие отличия в семантике, что образует изоглоссы в пределах Костромских говоров, которые имеют в основном связи с говорами севера-востока (Сибирь, Урал), Русского Севера и центральной части России. Главным географическим противопоставлением этих наименований является противопоставление сем 'ржаной' – 'пшеничный'. Часть наименований, фиксируемых в северо-восточных говорах Костромской области, характерны для более архаичных говоров Русского Севера. Следует отметить ценность приводимой в очерке Л. Кितिцыной лексики, не зафиксированной, по нашим данным, в других регионах России.

Материалы Л. Кितिцыной были собраны в начале XX века, когда зафиксированные ею лексемы широко употреблялись, но до сих пор названия хлеба известны в костромских говорах. Это говорит об устойчивости словарного состава.

Конечно, данными материалами далеко не исчерпывается всё многообразие видов «печенья», встречающихся в Костромском крае и описанных в статье Л. Кितिцыной. Требуется дальнейшее подробное изучения специфики лексического ландшафта, ареальных особенностей лексики данной тематической группы на фоне других говоров Европейской части России, что необходимо и для сугубо лингвистических целей, и для выявления культурно-этнического своеобразия лексики Костромского края.

Примечания

¹ *Ганцовская Н. С.* Лексика говоров Костромского акающего острова: проблемы типологии. СПб. ; Кострома, 2007. С. 116.

² *Максимов С. В.* Куль хлеба и его происхождения // Избр. произведения : в 2 т. Т. 1. М., 1987. С. 387.

³ Китицына Л. Хлеб: Из материалов по народному питанию Костромского края // Труды КНО, 1927. С. 92–102.

⁴ Там же. С. 92.

⁵ Картотека Костромского областного словаря [Рукопись, хранится на кафедре русского языка КГУ им. Н. А. Некрасова].

⁶ Русские / под ред. В. А. Александрова, И. В. Власова, Н. С. Полищук. М., 1996. С. 267.

⁷ Словарь русских народных говоров. Вып. 19. Л. : Наука, 1983. С. 76.

Д. А. Волотов
г. Кострома

ИСТОРИЯ БАТАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ ФРАНЦУЗСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: СЛОВО *МАРШАЛ*

Костромская земля, где зародилась династия Романовых, может гордиться своими сынами, носящими это почетное звание «маршал» – А. А. Новиковым и А. М. Василевским. Военная лексика подобного плана широко представлена в русском языке как количественно, так и тематически, поскольку Россия всегда славилась военачальниками – адмиралами, генералами, маршалами. В статье описывается лексема «маршал» как пример русской батальной лексики французского происхождения активного и длительного употребления.

В отечественном языкознании XVIII столетие определяется отечественными лингвистами В. В. Виноградовым, В. М. Живовым, В. Д. Левиным, Б. А. Успенским, Ф. П. Филиным как время постепенного сложения на национальной основе единой литературно-языковой нормы. Формирование современного русского литературного языка сопровождалось активным заимствованием лексики других языков. Характеризуя языковую ситуацию в России второй половины XVIII в., ученые и лингвисты отмечают огромное влияние французской культуры и языка. Так, Ю. М. Лотман писал, что почти целое столетие, с середины XVIII до начала XIX в., французский язык пропитывал почти все сферы общественной и культурной жизни России¹. В. М. Живов утверждал, что «галломания конца XVIII – начала XIX в. представлялась национальной катастрофой, и в языке это сказывалось яснее, чем в какой-либо другой области»². В этот период Российская империя, борющаяся с буржуазной Францией, активно заимствует у нее элементы прогресса, культуры, языка, поэтому вместе с заимствованием новых предметов и явлений в русский язык приходят номинации, их обозначающие. Заимствованные французские слова относятся почти ко всем сферам русской жизни, поскольку в языке обнаруживаются определенные лексико-семантические пробы. Для заполнения этих лагун и были заимствована лексика различных тематических групп: «Государственная и общественная жизнь», «Промышленность и торговля», «Искусство», «Интерьер», «Кулинария», «Мода» и другие, представляющая собой довольно обширные пласты языка. Процесс заимствования коснулся не только языковых единиц, отражающих культурно-бытовую сферу

жизни общества, но и лексики, так или иначе связанной с военной деятельностью (так называемая батальная лексика). «Прорубая окно в Европу», Петр I реформирует российскую армию на европейский манер, заимствуя военные реалии. В связи с этим возникает необходимость в обозначении неизвестных ранее понятий, называющих воинские подразделения, оружие, предметы одежды и быта, поскольку существовавшая в русском языке лексика не могла точно описать новые реалии. Среди заимствований из французского языка значительный пласт лексики составляют наименования воинских званий и лиц, принадлежащих к различным родам войск: *генерал, майор, капитан, лейтенант, драгун, кавалергард, ординарец, кадет, каптенармус* и др. В данной статье мы рассмотрим один из примеров агентивной лексики – слово «маршал». Анализ начнем с этой лексемы, так как звание маршала является самым высоким среди остальных из списка слов, приведенных выше.

По этимологическому словарю Фасмера, слово происходит от франц. *marechal*, которое, в свою очередь восходит к франсийскому *marschal*, первоначально имевшее значение «конюший». Судя по начальному ударению в русском языке, языком-посредником послужил немецкий, где *Marschall* имело ударение на первом слоге³. Лексема *маршал* не имеет общих связей с созвучной ей *марш* и производными от нее лексемами, поскольку имеет другую этимологию: франсийское *marschal* (ср.-в.-нем. *marahscalc*) состоит из двух древнегерманских корней *marah* – «лошадь» и *scal* – «слуга». Во франкийских племенах маршалы служили на конюшнях и подчинялись Коннетаблю, или главному Конюшему. В более поздние века значение маршалов выросло: появились имперские маршалы, следившие за состоянием императорских лошадей. Для того, чтобы отличить королевских маршалов от маршалов вассалов, в 1185 г. была введена должность Маршала Франции. С 1191 г. Коннетабль назначается на должность главнокомандующего французской армии. Соответственно, и роль его маршалов повысилась – им стали поручать в командование отдельные части армии. В 1627 г., в связи с упразднением звания коннетабля маршал становится высшим воинским званием Франции⁴.

В русском языке лексема «маршал» в военно-терминологическом значении появилась в эпоху Петра Великого, в период огромного влияния французского языка и активного заимствования из Европы новых реалий, продиктованные модой на западную культуру. Вместе со званием маршала появляются и другие ранее не существовавшие воинские звания (*лейтенант, капитан, секунд-майор, капитан-командор, контр-адмирал* и др.), которые закрепляются в Табели о рангах, утвержденной в 1722 г. императором Петром I. Он лично принимал участие в редактировании этого закона, в основу которого легли заимствования из «росписаний чинов» французского, прусского, шведского и датского королевств⁵. Новая лексика отражается в создаваемых в этот период различных Уставах и Книгах о военном деле, где поясняются обязанности каждой военной должности, указываются соответствующие должностям воинские звания, приводится воинская иерархия по званиям: «Когда полки обретаются въ маршу, а вышний командиръ господень генераль фелтъ маршалкъ, или господень генераль аншевьтъ, будетъ маршировать мимо полковъ, тогда распустить знамена съ барабаннымъ боемъ и съ игранною музыкою...»⁶.

В русском языке ещё в допетровские времена при описании событий, связанных с Польско-Литовским государством, употреблялся термин *маршалокъ* (*моршолокъ*) от польск. *marschalek* «высший военный и государственный чин» в Польше и Литве. В ранних Псковской и Новгородской летописях употребляются однокоренные со словом маршал слова «моршолдъ» и «моршалокъ»: «Бысть побоище королю Ягаилу Олгердовичу... и князю великому Литовьскому Витовту Кестутьевичу с Немци, с Прусы, въ ихъ земли въ Прускои... и убиша местера и моршолда...» и «Панъ Миколаи Немировичъ моршалокъ королевский...»⁷. Из контекстов следует, что словами *моршалокъ* и *моршолдъ* в Древней Руси называли лиц, приближенных к королю и имеющих высокий статус в обществе. В письменные памятники великорусской народности термин *маршалокъ* попал из Юго-Западной Руси (он обычен в западнорусских летописях, в украинских грамотах и других памятниках). В русском языке слово *маршалокъ* осталось на положении чужеродного элемента, не было им ассимилировано, тогда как в украинском и белорусском оно стало элементом лексической системы⁸.

В русском языке укоренилось слово «маршал». С течением времени значение этого слова трансформировалось и расширялось, появлялись новые значения: маршалом называли также «главного в шествии, уставщика»⁹. Следовательно, слово «маршал» в русском языке было многозначным. Оно не являлось только лишь военным термином, обозначавшим «высший военный чин». Параллельно с этим значением существовало и другое: «главный распорядитель в торжественных собраниях, в свадебной церемонии, на пирах и т. п.»¹⁰. Однако Большой Академический словарь указывает на то, что уже в середине XX в. лексема «маршал» именно в значении «главный распорядитель» устарела: «4. Устар. Главный распорядитель (на торжественном собрании, обеде). [Петр] вышел из другой комнаты... Перед ним толпа раздвинулась, и он вступил в круг, где стоял осужденный и перед ним маршал ассамблеи с огромным кубком, наполненным мальвазией. *Пушк. Арап Петра Вел.*»¹¹.

Значение слова *маршал* вычленяется также из контекстов исторических и художественных произведений, описывающих реальные события начала XIX в. Стендаль, один из «непосредственных участников многих знаменательных событий наполеоновской эпохи» в книге «Наполеон» пишет: «Доехав до аванпостов французской армии, генералы остановились, чтобы предъявить маршалу Мармону свои охранные грамоты, которые он должен был визировать, и уведомили его о цели своей поездки». Другой контекст также позволяет составить представление об образе французского маршала: «Наполеон даровал маршалу княжеский титул, но в то же время постарался его унижить тем, что наименовал его князем Эслингским...»¹². Французские маршалы были люди уважаемые, часто имеющие придворный титул. По воинской иерархии Французской империи маршал – самый главный чин после императора (в данном случае Наполеона), его «правая» рука. Наполеон поручал своим маршалам командовать войсками в битвах, за что последние получали награды и титулы при удачном исходе сражения. Е. В. Тарле в произведениях о войне 1812 г. с Наполеоном употребляет слово «маршал» именно в его военно-терминологическом значении по отношению к Кутузову. «Вера русской армии в старого фельдмаршала, в его доблесть,

в его высокие таланты, в его верность отечеству, сыном которого он является, – та вера, которой не было у солдат к предшественнику Кутузова, одушевляла армию»¹³. Роман Л. Н. Толстого «Война и мир», несмотря на то, что является произведением художественным, можно отнести к подлинным источникам в плане содержания лексического материала, поскольку автор эпопеи являлся знатоком исторических событий того времени и при написании романа использовал различные документы, касающиеся войны с Наполеоном. На то, что маршалы – военачальники высокого ранга, указывают многочисленные описания Толстого: «На другой день... господа маршалы: Мюрат, Ланн и Бельяр, садятся верхом и отправляются на мост... Господа эти приезжают на мост одни и поднимают белые платки, уверяют, что перемирие и что они, маршалы, едут для переговоров с князем Ауэрспергом»¹⁴. Наполеоновские маршалы выполняют дипломатические функции, ведут переговоры, командуют войсками в сражениях – на них лежит большая ответственность в делах государственной важности. Неслучайно автор называет их «господами» – в знак почета и уважения, поскольку каждый из маршалов получил это звание за особые заслуги в военных делах. Несмотря на это в романе образ французского маршала представлен с ироническим оттенком, так как маршалы не всегда ведут себя достойно. Что касается русской армии, то в романе «Война и мир» фельдмаршалом называется Кутузов после присвоения ему этого звания: «Eh bien, vous savez la grande nouvelle? Le prince Koutouzoff est mar^{ch}al. [Ну-с, вы знаете великую новость? Кутузов – фельдмаршал]»¹⁵. Помимо тех функций, какие были поручены французским маршалам, Кутузов выполнял еще функцию главнокомандующего, поэтому Толстой называет его также «генерал-фельдмаршал». Кутузов, как и наполеоновские маршалы, ездил верхом («Кутузов с огромной свитой недовольных им, шушукующихся за ним генералов, верхом на своей жирной белой лошадке ехал к Добромум»), произносил речь перед армией («Слова, сказанные Кутузовым, едва ли были поняты войсками. Никто не сумел бы передать содержания сначала торжественной и под конец простодушно-стариковской речи фельдмаршала...»)¹⁶.

Что касается семантики французского *marechal*, то словарь Robert приводит несколько устаревших значений французского слова «marechal» с пометой *ancien*: 2) officier prepose au soin des chevaux – officier de cavalerie; 3) marechal de camp (vieux) – ancien nom de l'actuel general de brigade; marechal – a l'origine, officier superieur et fonctionnaire royal, second du connetable. В словаре приведены также три современных значения, два из которых с пометой *modern*. (соврем.): 1) marechal et plus cour. marechal-ferrant: artisan dont le metier est de ferrer les chevaux et les animeaux de trait; 2) marechal des logis, sous-officier de cavalerie, d'artillerie qui etait a l'origine charge du logement des troupes; 3) officier general qui a la dignite la plus elevee dans la hierarchie militaire (Monsieur le Marechal)¹⁷. Таким образом, в современном французском языке сохранились два значения слова в его военно-терминологическом значении (значения 2 и 3) «сержант» (артиллерии и бронетанковых войск) и собственно «маршал». Первое значение слова, употребляемое с приложением «ferrant» не имеет отношения к военной терминологии и переводится с французского «кузнец».

В русском языке укоренилось слово «маршал» (от франц. *marechal*), однако употребляется в наши дни оно только в одном значении – в качестве военного

термина, а остальные значения являются устаревшими: МАРШАЛ, -а, м 1. Воинское звание выше генеральского, персонально присваиваемое Президиумом Верховного Совета СССР лицам высшего командного состава за выдающиеся заслуги в руководстве войсками, а также лицо, носящее это звание. *Маршал Советского Союза. Маршал артиллерии. Маршал авиации*; 2. Высшее воинское звание или чин в армиях некоторых государств, а также лицо, носящее это звание. *На высоте, на которой стоял Наполеон, окруженный своими маршалами, было совершенно светло.* Л. Толстой, *Война и мир*; 3. Устар. Распорядитель какой-л церемонии. *Когда его [Петра I] приглашали на свадьбу маршалом, то есть распорядителем пира, он аккуратно и деловито исполнял свои обязанности.* Ключевский, *Курс русской истории*¹⁸. Несмотря на иностранное происхождение слова (маршал [франц. *maréchal*] – «высшее воинское звание или чин в армии некоторых государств»¹⁹), оно стало общеупотребительным. Являясь термином, слово полностью ассимилировалось к фонетической, морфологической и семантико-стилистической системе русского языка, однако его «иностранный» колорит ощущается и до сих пор: слово почти не употребляется в переносных значениях.

В наши дни маршал – «воинское звание выше генеральского, присваиваемое за выдающиеся заслуги в руководстве войсками, а также лицо, имеющее это звание»²⁰ Примерно такие же значения, что и в словаре С. И. Ожегова, приведены в БАС, МАС и др. В этом значении слово употреблялось с 1935 г., когда постановлением ЦИК и Совета Народных Комиссаров СССР было учреждено звание маршала. Несколькими годами позже, накануне начала Великой Отечественной войны, было предписано «установить следующие воинские звания высшего командного состава Красной Армии: 1) для общевоинских командиров – 1) генерал-майор, 2) генерал-лейтенант, 3) генерал-полковник, 4) генерал армии, 5) маршал Советского Союза»²¹. До введения звания маршала высшим было звание генерал-фельдмаршала с момента его учреждения в 1699 г. Петром I до упразднения в 1917 г. Только через почти два десятилетия после упразднения высшее звание вновь было введено в Устав о военной службе. В современной российской истории военный термин «маршал» используется в том же значении: за особые заслуги присваивается звание Маршала Российской Федерации.

Примечания

¹ Лотман Ю. М. Статьи по истории русской литературы XVIII – первой половины XIX века. Таллинн, 1992. Т. 2. С. 387.

² Живов В. М. Язык и культура в России XVIII. М.: Яз. рус. культуры, 1996. С. 444.

³ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. Т. 2. М., 1964. С. 576.

⁴ URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Маршал_Франции

⁵ URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Табель_о_рангах

⁶ Книга о эксерсии, церемониях и должностях воинским людям надлежащих. Спб., 1715. Ч. II. С. 29.

⁷ Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка. Спб., 1902. С. 175.

⁸ Сороколетов Ф. П. История русской батальной лексики XI–XVII вв. М.: Либроком, 2009. С. 264.

⁹ Маршал : [карточка] // БКСО – Большая картотека словарного отдела ИЛИ РАН: [И то и сьо. – 1769 г. нед. 27-ая]. 1 карт. [На правах рукописи].

¹⁰ Маршал : [карточка] // БКСО – Большая картотека словарного отдела ИЛИ РАН: [Словарь Академический 1929 г.]. 1 карт. [На правах рукописи].

¹¹ БАС – Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. Т. 6. М. ; Л., 1957. С. 650.

¹² *Стендаль*. Наполеон. М. : Правда, 1988. С. 376, 463.

¹³ *Тарле Е. В.* Бородино. М., 1962. С. 5.

¹⁴ *Толстой Л. Н.* Война и мир // Собр. Соч. : в 12 т. Т. 3. М. : Правда, 1987. С. 354.

¹⁵ *Толстой Л. Н.* Война и мир // Собр. Соч. : в 12 т. Т. 5. С. 135.

¹⁶ *Толстой Л. Н.* Война и мир // Собр. Соч. : в 12 т. Т. 6. С. 200, 202.

¹⁷ *Le Petit Robert 1: Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française/ Par Paul Robert.* Nouv. ed. rev. corrigé et mise a jour pour 1986. Paris : Le Robert, 1985. P. 1153.

¹⁸ МАС – Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. Т. 2. М., 1985. С. 231.

¹⁹ Словарь иностранных слов. М. : Рус. яз., 1979.

²⁰ *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Словарь русского языка. М., 1999. С. 343.

²¹ Маршал : [карточка] // БКСО – Большая картотека словарного отдела ИЛИ РАН: [Указ Президиума Верховного Совета СССР от 7 мая 1940 г.]. – 1 карт. [На правах рукописи].

Н. С. Ганцовская
г. Кострома

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МИХАИЛА РОМАНОВА КАК ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРЕДПОСЫЛКА ВОЗНИКНОВЕНИЯ КОСТРОМСКОГО АКАЮЩЕГО ОСТРОВА

На территории современной Костромской области в междуречье Костромы и Унжи есть уникальное образование, которое известно под названием Костромской акающий остров (КАО), реже Чухломский акающий остров. Само название говорит о том, что в его пределах существует удивительное для этих северных мест явление – изолированное аканье, сопровождающееся яканьем, т. е. черта южнорусских говоров. Акают жители современного Чухломского района, почти всего Солигаличского, за исключением говоров по реке Совеге, части Галичского района (Муравьище – Олесь – Берёзовец), части Буйского (Ликурга – Пилятино – Елегино – Плещеево), части Парфеньевского (Матвеево – Савино – Ильинское – Горелец – Аносово), небольшой оконечности Кологривского района (Копьево – Церковное – Даравка). Кроме того, в ряде пограничных мест острова наблюдается интерференция окающих и акающих говоров: в речи одних и тех же лиц может наблюдаться перемежающееся оканье и аканье. Это относится к пространству между Ореховом, Россоловом и Селеховом, Щербинином Галичского района и Николо-Ширской администрации Парфеньевского района. Впрочем, акальщиками себя жители этих мест не считают. Галичане Ореховской администрации говорят: «Не-е-т, мы не говорим свысока, как чухломские. Вот у нас, в Селехове, живут две чухломички, вот они говорят свысока». Термином говорить «свысока», т. е. по-городскому, по-московски, акать, как это ещё заметил В. Даль, окальщики презрительно называют акальщиков. Парфеньевцы

из деревень Перестёрона, Никола-Шири, которые могут сказать и <гара> и <гора>, также рьяно отрицают проявление аканья в своей речи: «Не-е-т, мы не агафоним». Агафонами они называют жителей Матвеевского сельсовета, настоящих акальщиков. Дело в том, что в этих местах, пограничных с классическими окающими говорами, престижной считается окающая норма.

Возникает вопрос о причинах, времени и обстоятельствах появления изолированного аканья в окружении сплошь окающих севернорусских регионов Ярославско-Костромского, Вятского краёв, Вологодчины и др. Связано ли это с экспансией, т. е. массовым переселением южан из мест к югу и юго-западу от Москвы (может быть, и белорусов?) в новейшее или доисторическое время? Можно ли предположить, что этот остров аканья – исконное образование: он существовал всегда, автохтонного характера (славянского, например, тут осели древние вятичи или кривичи) или субстратного происхождения, например, угрофинского? При этом надо отметить, что все другие черты языка жителей Костромского акающего острова, кроме фонетики, на уровне морфологии, синтаксиса и лексики являются севернорусскими, совершенно такими же, как в окружающих остров костромских окающих говорах междуречья Костромы и Унжи и далее. Это, например, формы существительных *дедушко, с дедушком; с детям; лежать на пече, быть в дому, городу и др.*; наречия *намедни, даве, давеча, нонче, вдругорядь, ужо*, глаголы *гонить* (гнать), *повешать* (повесить), *ревишь, ревит* (от реветь), *увезти* (отвести), *подать* (дать) и др., служебные слова *буде* (если), *бы* (будто, ведь), *ась, ан, али* (или), *коли* (когда) и др., обороты *пойти по воду, по грибы; про нашу корову много ли надо; о масленице блины пекла* и др. К тому же и в фонетике, в области гласных, кроме безударных позиций, господствуют традиционно севернорусские черты: переход <a> между мягкими согласными в <е>: *опеть, зеть, на мельнице мели* (на мяльнице мяли); <i> на месте древнего ять: *ись* (есть), *витер, медвидь, ричка* и др., даже еканье и ёканье могут соседствовать с иканьем и яканьем. В словарной же системе КАО господствует лексика, характеризующая говоры центральной части севернорусского наречия, в меньшей степени восточных костромских и других периферийных говоров Русского Севера, вологодских, белозерско-бежецких, вятских: *андрец* ‘повозка’, *баской* ‘хороший, красивый’, *баять, бересто, беседка* ‘скамейка’ и ‘собрание молодёжи’, *большуха* ‘старшая в доме’, *бор, боровик, боровина, бурак* ‘берестяной сосуд’, *вожеватый* ‘общительный, вежливый’, *валёк* ‘деревянная дощечка для околачивания льна, для выколачивания белья при стирке’, *вандыш* ‘сушёная особым образом мелкая рыба’, *варево* ‘горячее первое блюдо’, *вёдро* ‘ясно, солнечно’, *веренька* ‘плетёная корзинка с ручкой’ и др.

Над вопросами о типологии костромского аканья задумались учёные ещё в XIX веке. Так, в журнале «Живая старина», органе отделения этнографии Русского географического общества, председатель этого общества В. И. Ламанский обратил внимание на наличие акающих говоров в пределах Галичского, Чухломского, Кологривского уездов, где слова произносятся «с висока, с расстановкою, протяжением», и предложил собирать образчики этой речи, с тем, чтобы дать «точнейшее определение этой речи с висока»¹. А. И. Соболевский объяснял появление костромских акающих говоров развитием отхожих промыслов,

особенно характерных для Костромской губернии². В детальном, богатом фактами и теоретическими соображениями описании Ф. И. Покровским акающих костромских говоров соседствуют лингвистические и этнографические наблюдения, но ничего не сказано о времени и причинах происхождения костромского аканья. Однако из его работ создаётся чёткое представление об исходно севернорусской основе этого острова (во многих его говорах аканье может даже сочетаться с цоканьем) и наслоении в виде аканья³. Есть в материалах Ф. И. Покровского и словарики диалектной лексики, которые показывают, что она в основном широкого севернорусского распространения: *безлюдье, беседник, дух, едево, ку-жель, падог, печево, простень, середа, ступни*, часть её тяготеет к западнокостромским говорам: *безо время, завара, загнета, застить, коли, неколи, отдать, отдаться* ('отодвинуться'), *падеро, праськёй* ('хороший, правильный'), *приве-чать, прилучать, расхлебенивать, черёдный*, что поддержано и фонетическими явлениями (ёканье, упрощение групп согласных). Меньше явлений, характерных для периферийных восточных костромских говоров: *барахавица, мудник, черевник, дом* ('гроб'), *душный, заполица, людно, чёркать* ('боронить'). И только слово *летина* ('ботва картофеля') можно отнести к южнорусской лексике.

Ф. И. Покровский в отличие от А. И. Соболевского не связывает возникновение аканья с развитием отходничества в крае и полагает, что это более древнее явление.

Н. Н. Соколов, секретарь Постоянной комиссии по диалектологии (1914–1926), продолжившей работу Московской диалектологической комиссии, в 1911 году побывал в Чухломском уезде Костромской губернии, а в 1917 году напечатал отчёт о поездке. Он пишет о причинах появления костромского аканья следующим образом: «В поисках причин появления этого изолированного аканья я не мог остановиться на каком-либо определённом объяснении. Вернее всего это объяснение надо искать в связи с Москвой <...> Поразительное сходство с переходными говорами именно Московской губернии не оставляет в этом сомнения. Поэтому и на нашей карте эти говоры обозначены цифрой 3, как и говоры восточной части Московской губернии»⁴. Он полагает, что аканье является наслоением, «во всём же остальном они оказываются сходными то с вологодскими, то с костромскими говорами»⁵.

Наиболее убедительные аргументы в пользу позднего возникновения аканья в чухломских и солигаличских землях, но не ранее 20-х годов XVII столетия, высказал Н. Н. Виноградов, деятель Московской диалектологической комиссии и Костромского научного общества по изучению местного края. Свои мысли на эту тему он развил в обширном исследовании «Причина и время возникновения аканья в Чухломском крае». Он не поддерживает версию о связи возникновения аканья с развитием отхожих промыслов: «отхожие промыслы в данной местности развились сравнительно поздно (приблизительно в конце первой половины XVIII столетия), тогда как аканье необходимо признать явлением, несомненно более древним... Документы Московского архива Министерства Юстиции позволяют с несомненностью установить существование акающего говора в Чухломском крае уже во второй половине XVII столетия»⁶. Добавим к этому сведения подобного плана Л. П. Греховой⁷, пользовавшейся материалами московских архивов, и Г. З. Шкляра, работавшего с документами из Костромского

областного архива ещё до его пожара⁸. Виноградов пишет о том, что земли черносошных крестьян ныне акающих волостей были «совершенно свободными как от вотчинного, так и от поместного владения» и в самом конце 20-х годов XVII столетия «поступили в раздачу» разорённым и лишившимся своих поместий служилым людям из-под Москвы, оказавшим свою службою большую услугу новому правительству⁹. Подмосковные помещики перебирались на новое местожительство вместе с семьями, дворовыми и разного рода «ремесленными людьми», что отмечено в писцовых книгах. «Вся эта масса новых людей принесла с собой и новый говор – говор местностей, расположенных около Москвы, к югу, юго-востоку и юго-западу от неё, одним словом – говор средневеликорусский»¹⁰. И далее он говорит о том, что «более многочисленная, сравнительно с общей массой населения, группа помещиков, переселившихся в свои новые усадьбы из-за Москвы, сыграла здесь роль закваски и вызвала довольно широкое, по пространству, и сплошное распространение акающего говора»¹¹.

Мы считаем мнение Н. Н. Виноградова о времени и причинах возникновения аканья на костромской земле обоснованным, отвечающим реалиям времени и подкреплённым показаниями памятников письменности, и также связываем возникновение острова с началом царствования Михаила Романова¹². Таким образом, в результате деятельности первого русского царя из династии Романовых появился уникальный Костромской акающий остров, которому нет аналога в мировой островной диалектологии.

Примечания

¹ Ламанский В. И. Вопросы и ответы. Разд. IV // Живая старина. Периодич. изд. Отд. этнографии Императ. рус. географ. о-ва / под ред. В. И. Ламанского. Вып. III. Спб. : Тип. С. Н. Худякова, 1891. С. 211.

² Соболевский А. И. Очерк русской диалектологии. Введение // Живая старина. Спб. : Тип. С. Н. Худякова, 1892. Вып. 1. С. 9.

³ Покровский Ф. И. О народных говорах северо-западной части Костромской губернии (Из отчёта о командировке от ИРГО в 1896 г.) // Живая старина. Спб. : Тип. С. Н. Худякова, 1897. Вып. 3–4. С. 462–469; Покровский Ф. И. О народном говоре Чухломского уезда Костромской губернии (Из отчёта о командировке от ИРГО в 1898) // Живая старина. Спб. : Тип. С. Н. Худякова, 1899. Вып. 3. С. 346–348.

⁴ Соколов Н. Н. Акающие говоры Костромской губернии // Русский филологический вестник : учеб.-пед. журн. 1917. Т. LXXVII. № 3–4. С. 139.

⁵ Там же. С. 142.

⁶ Виноградов Н. Н. Причина и время возникновения аканья в Чухломском крае. Пг. : [б. и.], 1918. С. 5.

⁷ Грехова Л. П. К истории аканья в костромских говорах // Уч. зап. МОПИ им. Н. К. Крупской. Т. 148. Русский язык. Вып. 10. М. : Изд-во МОПИ им. Н. К. Крупской, 1964.

⁸ Шкляр Г. З. Язык старокостромской деловой письменности и народные говоры Костромской области // Вопросы русского языка. Вып. 1. Диалектология и историческая грамматика. Ярославль : ЯГПИ, 1970.

⁹ Виноградов Н. Н. Указ. соч. С. 7.

¹⁰ Там же. С. 8.

¹¹ Там же. С. 13.

¹² Ганцовская Н. С. Лексика Костромского акающего острова: проблемы типологии : моног. СПб. ; Кострома, 2007. 226 с.

И. Б. Горланова
г. Кострома

ТОПОНИМЫ-ОРИЕНТИРЫ В УРБАНИМИИ ГОРОДА КОСТРОМЫ

В условиях городской ситуации названия объектов могут выполнять или не выполнять роль топонима-ориентира. Для перехода в разряд топонимов название объекта должно соответствовать определённым требованиям: а) название должно существовать в течение значительного периода времени, чтобы закрепиться в речи и сознании горожан; б) именовать объект, примечательный в каком-либо топографическом плане: расположенный на перекрестке, в центре города, поблизости к площади, в каком-либо оживлённом месте и др.; в) само название должно быть удобным для произношения: кратким, предпочтительно одно- или двухкомпонентным и др.; г) название может быть образным, вызывать ассоциативные связи: с ранее существовавшими названиями, с другими онимами, именами каких-либо артефактов или природных объектов; д) название должно отражать признак исключительности, чего-то единственного в своем роде на данной ограниченной территории. В качестве топонимов-ориентиров наибольшее значение микротопонимы имели в ранний исторический период. До возникновения регулярной планировки города, тогда, когда еще не было улиц, микротопонимы помогали человеку ориентироваться на местности, узнавать местоположение и характер объекта. В дальнейшем такие топонимы нередко становились основанием для номинации улиц.

Рассмотрим более детально семантические группы микротопонимов г. Костромы. К самым ранним топонимам подобного типа относятся *топонимы-экклезионимы*. Храм являлся центром прихода, основой приходской жизни, и в тоже время архитектурной доминантой. Такими топонимами-ориентирами были храмы: *Никола Мокрый, Иоанна Богослова на Кадкиной горе*. Развитие христианской религии как государственной обусловило интенсивное строительство храмов, монастырей и соответственно появление большого количества агитопонимов. Частотность использования их в речи, по мнению Л. А. Климковой, свидетельствовала о том, что в общей концептуальной картине мира русского человека, и городского жителя в частности, особое место занимала религиозная составляющая как проявление концепта сакральности¹. Древнейшими экклезионимами Старого города в Костроме являются: *Храм Параскевы Пятницы, Церковь Феодора Стратилата, Спасская церковь, Троицкий собор, Похвала Богородице*². В такой форме эти названия функционировали в речи. Храмы названы по именам святых мучеников (агионимам), в честь которых освящены алтари церквей, либо по христианским православным праздникам. В связи с экстралингвистическими факторами к XV веку появляются новые названия храмов, построенных в стенах Нового города: *Усекновения главы Иоанна Предтечи, Чудотворца Николы*, и названия церквей, появившихся за его пределами: *Благовещения, Михаила Архангела, Преображения Господня и Анастасен Девичь монастырь*. Данные экклезионимы были ориентирами в городе и выполняли роль адресного топообъекта.

Названия храмов с адресной приставкой. Среди топонимов-экклезионимов часто встречаются многокомпонентные названия в виде имени храма с адресной приставкой. Такие маркированные экклезионимы были городскими ориентирами в соответствии с ролью храмов в градостроительстве и выполняли роль топообъекта. Если имя храма использовалось в городе не один раз, то появлялась адресная приставка-уточнение по модели: экклезионим + пространственный предлог (в, на, у, при, за) + адресная приставка. По семантике приставки топонимы можно разделить на группы.

– Приставка топонима указывала на исторически важный городской объект, артефакт и в то же время ментофакт: *Успенская в кремле; Великомученика Георгия у старой осыпи* (старая осыпь – остатки крепостного вала старого кремля)³; *Крестовоздвиженская на кладбище* (по преданию, построена в 1654 году во время эпидемии моровой язвы); *Илии Пророка на Городище*; церковь *Христа Спасителя на торгу* (в Китае), которая находилась на территории Нового города; храм *Рождества Пресвятой Богородицы (Рождества) на Лазаревом кладбище; Пророка Илии на Городище*.

– Приставка, обозначающая природный объект: церковь *Иоанна Богослова на Каткиной горе*⁴; *Козьмодемьянская на Гноище*.

– Приставка по гидрониму: церковь *Спаса на Запрудне; Преображения за Волгой; Успения Пресвятой Богородицы или Успенская на Волге; Архангела Михаила у Волги; Рождества Христова/Христорождественская на Суле* (Алмазов, 1909, с. 18); *Федора Стратилата на Суле; Преображения за Волгой; У Святых апостолов Петра и Павла за Сулой*⁵.

– Многокомпонентные приставки, обозначающие исторически важный объект + природный объект: *На Суле Нового города Власия Великомученика*⁶.

– Приставки по названию слободы или части города: *Успения Пресвятой Богородицы/Успенская в Андреевской слободе; Покрова Пресвятой Богородицы/Покровская в Крупениках; Космы и Дамиана в Кузнецах; Покрова Пресвятой Богородицы/Покровская, что в Полянкой слободе*⁷; *Спаская в Подвязье*⁸.

– Приставки по характеристике места: *церковь Николы Мокрого*, которая находилась на берегу Волги (во время весеннего разлива реки часто затоплялась, отчего и произошло прозвище). Такого рода название встречается в топонимии города Ярославля.

Л. А. Климкова при анализе экклезионимов Арзамаса отмечает, что чаще всего многокомпонентное официальное название храма в обиходной речи горожан заменялось более коротким. Экклезионимы-заменители, своеобразные унвербаты, оформляются по модели субстантивированных словосочетаний с зависимым прилагательным, наиболее соответствующей принципу экономии речевых усилий говорящих⁹. Как показывает собранный материал, данное замечание справедливо и для костромских топонимов-экклезионимов: *Ратная, Седми отрок* (Семи отроков) (ПК, с. 572); *Покрова* (ПК, с. 238); *Ризположенская* (Ризположения Пречистой Богородицы) (ПК, с. 319) и др.

Названия башен кремля. Среди названий точечных объектов многокомпонентными описательными конструкциями обозначены башни кремля. Башни являлись важными топографическими элементами города (Карта 1679), главными ори-

ентирами средневекового города и полнее всего выполняли роль адресного топо-объекта. Об этой их функции свидетельствуют адресные локативные дополнения в их составе. Их структуру выразим уравнением: $1 = 1 + n$, где 1 – генитивный или номинативный компоненты, n – локативный адресный или поясняющий компоненты.

Первую группу составляют многокомпонентные названия, где основное значение имел генитивный или номинативный компонент¹⁰, а локативный давал пояснение, являющееся отличительной чертой, или адресное дополнение. В роли генитивного или номинативного компонента часто выступал характерный архитектурный или функциональный признак башни (наугольная, проезжая или глухая), либо ее принадлежность.

– Номинативный компонент + локативное качественное пояснение (неадресное): башня *Наугольная с рукавом, которая обведена тыном*.

– Номинативный компонент + локативный адресный: башня *Наугольная, что на обрубе против рыбного ряда; Глухая от мясных рядов; Глухая Гостиного двора; Глухая против Исаковой улицы*.

Ко второй группе многокомпонентных названий относятся эллиптированные имена, где генитивный или номинативный компонент равен нулю, а локативный приобретает основное значение.

– Нулевой компонент + адресный компонент + локативный, поясняющий: *Противу мыту с рукавом; От Предтеченских ворот с двумя мостами*. Генитивное имя *наугольная* отсутствует.

– Нулевой компонент + два локативных адресных компонента: *От тайника против Соборной церкви; Над бывшими Ильинскими воротами у Кадкиной горы*. Назывное имя *проезжая* или *глухая* отсутствует.

Третью группу составляют названия, где основным компонентом является антропоним, а в роли локативного пояснения выступает характерный качественный признак: проезжая, наугольная, глухая: башня *Волжская/Волская наугольная; Волжская косая; Воскресенская проезжая; Предтеченская проезжая; Настасьинская глухая; Рождественская наугольная; Никольская проезжая*.

К четвертой группе относятся двусоставные названия, в которых основным является антропонимическое имя, а локативным – адресный компонент: *Сульская у протока Сулы*.

Одним топонимом представлен тип топонима-эллипсиса, в котором отсутствует номинативный компонент и основным является локативный адресный: *От реки Волги*.

Впоследствии топонимы, подобные вышеназванным, редуцировались (до недавнего прошлого, а некоторые и поныне): *Воскресенская, Гостиная, Отводная, Дебринская, Водяная, Предтеченская, Исаковская, Выводная*. Например, в Писцовой книге упоминается «*Башня проезжая воротная, сливет Водяная*» или *Тайничная*: «...под той башней тайник, тайничный колодец, из этого тайного колодца две трубы, идет вода для государя» (ПК, с. 6 об.). Кроме того, к редуцированным названиям относятся:

– **Топонимы, обозначающие хозяйственно-экономические объекты.**

Исторические документы сохранили точечные топонимы Костромского кремля XV века. Это однословные топонимы: *Турьма, Кузница, Колодезь, Важня,*

Онбар, в которых апеллятивы выступают в роли микротопонимов ввиду единичности объекта. Частотными среди подобных точечных названий являются двухкомпонентные и многокомпонентные словосочетания *Воеводский двор*; *Съезжая изба с сеньями* (место, где сидели воеводы и приказные люди); *Губная изба* (судебное учреждение для разбирательства уголовных дел); *Караульная изба*; *Житницы государевы*. Точечными топонимами отантропонимического происхождения являлись названия осадных дворов известных особ в форме многокомпонентных словосочетаний: *Осадный двор инокини Марфы*, матери Михаила Романова (в мире боярыни Ксении Ивановны Шестовой); осадные дворы *Волконского*, *Вяземского*, *Гагарина* (ПК, с. 540). В середине XVII века были известны микротопонимы в форме описательных конструкций с адресным компонентом: *Решетка на Бережной улице*, *Пруд на Лазоревской стороне*, *Кабак на Брагине улице*. Достаточно часто встречаются словосочетания в форме существительного с определяющим его согласованным прилагательным: *Мытная изба*, *Старая осыпь*, *Никольские богадельни*, *Немецкие тюрьмы* (ПК, с. 598), а также пояснительные конструкции: *Садок для ловли рыбы*. Описательную номинацию в форме предложения представляет пример: «*Да у Волги ж Ледник, а держат в нем свежую рыбу для государева обихода...*» (ПК, с. 540).

К точечным топонимам относится группа названий торговых рядов в форме устойчивого согласования препозитивного прилагательного и существительного: *Горшечной ряд* (ПК, с. 517), *Железной ряд* (ПК, с. 435), *Иконной ряд* (ПК, с. 416), *Калашной ряд* (ПК, с. 402), *Мучной ряд* (ПК, с. 480 об.), *Мыльной ряд* (ПК, с. 428), *Мясной ряд* (ПК, с. 392), *Рукавишной ряд* (ПК, с. 461), *Сапожной ряд* (ПК, с. 484), *Свежей рыбной ряд* (ПК, с. 417), *Серебряной ряд* (ПК, с. 442), *Скорнячной ряд* (ПК, с. 468), *Соляной ряд* (ПК, с. 407), *Суконной ряд* (ПК, с. 430), *Шубной ряд* (ПК, с. 440 об.), где ряд обозначает торговую лавку.

Поясним некоторые апеллятивы, являющиеся архаизмами. *Ветошной ряд* (ПК, с. 430). Словари дают лексему ветошь в значении 'хлам, старье'¹¹. В *Житном ряду* (ПК, с. 471 об) торговали хлебом. По Далю, «жито ? это всякий зерновой немолотый хлеб»¹². В *Москотильном ряду* (ПК, с. 436) торговали «москотильным товаром, снадобьями, т. е. всякими красильными и аптечными припасами, употребляемыми в ремеслах, фабричных и промысловых производствах»¹³. В *Солодяном ряду* (ПК, с. 426) предлагали покупателям солод, из которого варили пиво¹⁴. *Суконной ряд* (ПК, с. 430): лексема 'сукно' от сукашить, сучить, скатать в словаре Срезневского подается как одежда¹⁵. *Суроской ряд* (ПК, с. 411): в основе первого компонента лежит апеллятив 'суровьё' – сырой, необделанный товар (кожи, шерсть, лен, пенька)¹⁶. *Красной ряд/Гостинный двор* (ПК, с. 398). Известно, что красным называли красивый товар – аршинный (погонная мера), панской¹⁷. В Красном ряду торговали нарядами: одеждой, обувью, тканями. А вот параллельное этому название *Гостинный двор* связано, как мы указывали выше, с тем, что гостем называли купца, торговавшего в разных городах, не там, где он приписан, входившего в привилегированную корпорацию купцов Московского государства (московской сотни). Данные топонимы транслируют историко-культурную информацию.

Для костромской топонимии на первом историческом срезе характерны названия, различающиеся по темпоральному признаку (старый – новый). Причем

некоторые названия являются членами оппозиции: *Старой красильной ряд* (ПК, с. 473) – *Красильной ряд* (ПК, с. 454), другие просто обозначают возраст, но по смыслу имеют нулевой член оппозиции: *Старой сырейной ряд* (ПК, с. 464 об.), *Новый* (ПК, с. 419), *Новый против таможни* (ПК, с. 405 об.). Окончание неустойчиво, употребляется то *-ой*, то *-ый*, образуя варианты названий, отражая древнерусскую черту или же установившуюся как литературную церковнославянскую особенность.

В названиях торговых лавок употребляются и описательные многокомпонентные конструкции, такие, как *Крупами торгуют на скамьях* (ПК, с. 508 об.). Группа подобных имен образует оппозицию по признаку впереди – сзади: *За Новым городом лавки* (ПК, с. 406), *За сапожным рядом лавки* (ПК, с. 500 об.), *Места под лавки мясникам за Калачным* (ПК, с. 527 об.) – *Полки в Новом городе подле Никольских богаделен* (ПК, с. 533), *Мясной у Воскресенских ворот* (ПК, с. 541 об.), *У Мыльного на вымле* (ПК, с. 448 об.). Одна из таких полилексем дает ориентацию относительно двух объектов – *Меж колачных полков Новый ряд* (ПК, с. 511 об.). Композиция *К Городу, идучи, полки* (ПК, с. 505) имплицирована извне, в названии *От Мясного идучи к Волге* (ПК, с. 471 об.) позиция номинатора нерелевантна, так как ориентиром является река.

Всего нами собрано на раннем историческом срезе 106 микропонимов. Среди них выделяются следующие группы ориентиров: названия монастырей и храмов, башен кремля, хозяйственно-административных построек и культурных объектов, важных в городской структуре, торговых лавок.

Примечания

¹ Климкова Л. А. Топонимический облик Арзамаса: прошлое и настоящее / Литературное общество «Арзамас»: культурный диалог эпох : материалы междунар. науч. конф. Арзамас, 2005. С. 236.

² Здесь и далее названия храмов даются по Указателю церквей и монастырей в кн.: Писцовая книга г. Костромы 1627/28–29/30 гг. / сост. Л. А. Ковалева. Кострома, 2004.

³ Островский П. Исторические записки о Костроме и ее святыне благочестно-чтимой в императорском доме Романовых. Кострома, 1864. С. 105.

⁴ Писцовая книга г. Костромы 1628 года // ГАКО, ф. 558, оп. 2, д. 133. Скоропись. С. 202. Далее в тексте – ПК (ссылки даются в круглых скобках с указанием страницы).

⁵ Островский П. Указ. соч. 104.

⁶ Там же. С. 105.

⁷ Алмазов П. А. Краткий путеводитель по Костроме и Костромской губернии. Кострома, 1909. С. 18.

⁸ Островский П. Указ. соч. С. 107.

⁹ Климкова Л. А. Указ. соч. С. 235.

¹⁰ А. В. Приображенский (2003) вслед за Л. Г. Тригуб (1986) выделяет генитивный способ образования, при котором происходит переход слова, представленного в родительном падеже без предлога, в географическое наименование, локативный способ образования, при котором топонимом становится предложно-именное словосочетание, указывающее местоположение объекта, и номинативный – согласованное определение.

¹¹ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. М., 1986–1987. Т. 1. С. 37.

¹² Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М., 1955. Т. 1. С. 544.

¹³ Там же. Т. 2. С. 349.

¹⁴ Там же. Т. 4. С. 267.

¹⁵ Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка. М., 1989. С. 615.

¹⁶ Даль В. И. Указ. соч. Т. 4. С. 363.

¹⁷ Там же. Т. 2. С. 187.

Т. В. Горлова
г. Кострома

**ТРУД М. Я. ДИЕВА «ГОРОД НЕРЕХТА В XVIII
И ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА» КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ
СТАРЫХ ГОРОДСКИХ НАЗВАНИЙ**

Протоиерей Михаил Яковлевич Диев – известный археолог, историк, этнограф. Родился в 1794 году, сын священника, воспитанник Костромской духовной семинарии, священник сначала в с. Тетеринском, а потом в с. Сыпанове Нерехтского уезда Костромской губернии, законоучитель и наблюдатель преподавания Закона Божия в Нерехтских мужском и женском училище. Являлся действительным членом Императорского общества истории и древностей Российских при Московском университете. Труды М. Я. Диева – как печатные, так и неопубликованные – содержат богатый фактический материал по истории и этнографии костромского края. Он являлся автором около ста научных работ. После смерти Диева его архив чудом удалось сохранить. Известный ярославский историк и коллекционер А. А. Титов купил архив в 1889 г. у наследников Диева; часть рукописей в 1896 г. приобрела КГУАК. Таким образом, большая часть архива М. Я. Диева находится в настоящее время в Российской национальной библиотеке в Санкт-Петербурге, куда она поступила в начале XX в. в составе огромного собрания А. А. Титова по его завещанию.

В 1920 году в Трудах Костромского научного общества отдельным оттиском вышла представляющая огромный интерес и бесценные сведения работа М. Я. Диева «Город Нерехта в XVIII веке и в первой четверти XIX века». А. Д. Шипилов в монографии «Русская провинциальная историография XIX – начала XX вв.» отмечал: «Описывая Нерехту в XVIII в., Диев писал о преобразовании ее в 1719 году из посада в пригород Костромской провинции, а в 1778 году в уездный город Костромской губернии, о разрушительном пожаре 1702 года и его последствиях, об учреждении ратуши (1726), магистрата (1748), открытии богадельни, духовного правления (1759), народного и приходского училищ, о проведении генерального межевания 1775 года, приводил имена десятков конкретных лиц, занимавших различные должности. Характеристика Нерехты конца XVIII–XIX вв. была представлена событиями гражданской и социально-экономической истории: о посещении города именитыми особами (Суворовым, Павлом I, великими князьями и др.), о действии в уезде разбойничьей шайки Ивана Фатича, об ускоренном развитии в городе и уезде льноткацкого производства в связи с заказами для армии, о винных откупах и доходах кабаков, о новых уездных государственных учреждениях и т. д.»¹.

Изобилует повествование о Нерехте городскими названиями того времени. Особый интерес представляют те наименования, которые сохранились в народной речи до настоящего времени. Так, в сочинении упоминается топоним *Егорьева гора*. У Диева читаем: «Рассказывают, что серную руду нашел Нерехотского Девичьего мря (монастыря – Т. Г.) священник Иаков Иванов: шедши из леса по Кирилловской стороне с грибами, увидел, что на *Егорьевой горе* сверкает, как золото, закричал: “Слово и дело государя!”», – за что тогда же был посажен под арест до того времени, как государем Петром I был прислан чиновник освидетельствовать руду. Вместо золота оказалась сера»²; «Прежние улицы совершенно закрыты, даже на Никольской стороне, только на старом месте Суздальская от собора к *Егорьевой горе*»³; «1792 г. в сентябре Нерехтою из Костромы во Владимир проезжал знамениты Платон, митрополит московский. <...> Подъезжает к собору (Казанскому – Т. Г.) и вместо встречи со крестом видит у собора протоиерея с духовенством, стоящих просто в рясах; спрашивает, где ему квартира. Протоиерей Егор Назанский отвечает: “В Нерехте квартир нет, а в селе Федоровском, за городом в 5 верстах”. Выехав на *Егорьеву гору*, Платон вышел из кареты и любовался окрестными видами Нерехты»⁴; «После пожара градским обществом выстроен для городничего в том же квартале дерев. дом по Суздальской улице к *Егорьевой горе*...»⁵.

В настоящее время на *Егорьевой горе* располагается район города, состоящий из нескольких улиц и переулков: *улица Нахимова, улица Кутузова, улица Тургенева, улица Полевая, переулок Луговой* и др. Происхождение топонима *Егорьева гора* связывают с именем великого князя Юрия Долгорукого, побывавшего в этих местах и построившего церковь в честь Святого Георгия (Егория). Однако мотивированность названия праздником весеннего выпаса скота, который приходился на день Святого Егория, кажется более оправданной. Действительно, церковь Святого Георгия стояла здесь до начала XVII века, но была разграблена и сожжена поляками в период Смутного времени. Версия о посещении этой местности Юрием Долгоруким, по-видимому, возникла гораздо позднее. Е. Л. Березович, рассматривая вопрос об отражении взаимодействия человека и географических объектов в русской топонимии, пишет о неизбежности дисбаланса между номинацией и мотивацией, который «создает существенные методологические трудности... если учитывать активность метаязыковых стереотипов носителей топонимической системы, в соответствии с которым – при определенных условиях – топонимы весьма охотно прочитываются как событийные»⁶. Возможно, что присущая последним десятилетиям XX века «мемориальная волна», когда номинация осуществлялась посредством называния в честь исторических и героических личностей, оказала влияние и на мотивировку устоявшегося топонима *Егорьева гора*. Таким образом, оним *Егорьева гора*, сохранив внешнюю структуру неизменной, отреагировал на события общественно-политической жизни, обретя новую мотивацию. Топоним *Егорьева гора* чрезвычайно популярен в речи нерехтчан и в настоящее время, горожанину совсем не обязательно, обозначая место своего жительства, называть официальное название улицы, расположенной в данном районе, достаточно сказать, что проживает «на *Егорьевой горе*». Старожилы до сей поры в живой разговорной речи не употребляют новые названия улиц данного района, так как в данной ситуации они становятся «избыточными топонимами»⁷, т. е. не выполняют своей главной функции – быть ориентиром.

В труде М. Я. Диева мы находим и описания, связанные с особенностями планировки города. Заселение городской территории началось по правому берегу реки Нерехта, застройка левого берега происходит в XVI веке. На правом берегу реки (старый центр города) располагался собор Бориса и Глеба, отсюда правобережная часть города именовалась – *Борисоглебская сторона*, а на левом берегу возвышалась церковь Богоявления, «более известная в народе как *Никольская* по одноименному приделу»⁸. «1785 г. Ночью с 14 на 15-е июля *Борисоглебская сторона* Нерехты почти вся сгорела... <...> *Никольская сторона* осталась совершенно целою, кроме того, что изо всех домов вытаскали имение в поле»⁹. Встречается и другое название Борисоглебской стороны – *Соборная сторона*: «*Соборная сторона* сгорела, если бы загорелся против Никольского алтаря дом прот. Назанского, стоявший у самого моста... <...> Минуты через четыре вдруг ветер принял противное направление и начал до конца пожара дуть к Тетеринскому, и тем уцелела сторона *Соборная*»¹⁰. Описание относится к пожару 1815 года. Название *Соборная сторона* возникло, по видимому, позднее, нежели *Борисоглебская сторона*, и его появление связано с указом Петра I, который был подписан 12 июня 1709 года, накануне Полтавского сражения. «Петр, подписывая указ о сооружении нового храма в Нерехте, пожелал посвятить его Казанской иконе, сохранив старое многовековое название в честь Бориса и Глеба лишь за приделом»¹¹. Таким образом, новое название *Казанский собор* оказало влияние и на изменение топонимических реалий города. Старое название храма в честь Бориса и Глеба перестало быть актуальным, следовательно, и соотносимые с ним топонимы неизбежно должны были подвергнуться десемантизации: *Борисоглебскую сторону* стали именовать *Соборная сторона*, а прилегающую к собору *Борисоглебскую площадь* – *Соборной площадью*, т. е. с утратой знаковым топонимом своего имени происходит смена именований и связанных с ним топонимов. Левый берег реки Нерехта, или *Никольская сторона*, получила свое название по наименованию церкви Богоявления, более известной в народе как *Никольская*, она являлась первой храмовой постройкой левобережной части города, позднее от нее протянулась *Никольская улица*.

Повествуя о пожаре 1785 года, Диев сообщает об утверждении нового плана города, по которому город должен быть выстроен на вновь размежеванных улицах: «По новому плану раскинуты новые улицы как-то *Костромская* от Никольской церкви к кладбищу; до пожара тут были одни огороды; *Солдатская* – по плану *Новинская* и улица, как от кладбища идти к Варваринской церкви – по плану *Усольская*. Прежние улицы совершенно закрыты, даже на *Никольской стороне*, только на старом месте *Суздальская* от собора к *Егорьевой горе*»¹². Мотивированность названий *Костромская* и *Суздальская* улицы весьма прозрачна и указывает на направления: *Костромская улица* вела к дороге на Кострому, а *Суздальская* – на Суздаль. Семантика топонима *Новинская* связана, как можно предположить, с существительным *новинки* (по В. И. Далю: «*Новинки*, новоселье; новоселки, выселок, поселок»¹³). Возможно, достаточно четкая мотивированность названия стала причиной большей устойчивости названия улицы *Новинская*, по сравнению с параллельно существовавшим наименованием улицы – *Солдатская*. В данном случае «событийный топоним»¹⁴ (*Новинская*) получил определенное преимущество над формальным названием (*Солдатская*), не несущем в своей основе связи с жизнен-

ными или духовными реалиями горожан. Название *Усольской улицы* современные жители города пытаются связать с соляным промыслом, который являлся основным занятием нерехтчан на протяжении долгого времени: «*Усольская*, значит, соль возили по ней, это край города тогда был, груженные возы с солью шли». Если рассматривать именование *Усольская* как дериват от апеллятива *усолье* (у В. Даля «...Усолье ср. соловарня, варница, соляной завод, откуда и название места»¹⁵), то данное толкование имеет полное основание. Однако известно, что после разорения поляками Нерехты, которые засыпали все соляные колодцы, промысел пришел в упадок. С. В. Демидов дает следующую оценку этим событиям: «Опустошение городов в результате польско-литовской интервенции, а также присоединение к Русскому государству Нижнего Поволожья с развитой соледобычей привели к угасанию нерехтского солеварения в первой четверти XVII века»¹⁶. Дальнейшее процветание города было связано с развитием льнопрядильного производства. Можно предположить, что название *Усольская* выступает как мемориальное, сохраняя память о древнем промысле нерехтчан – солеварении.

Онимическое пространство современного города неоднородно по своей структуре, как известно, волна переименований, охватившая наши города после октябрьской революции, очень сильно изменила структуру городских названий, однако не уничтожила полностью старые названия. Границы города, постепенно расширяясь, поглощают окрестные селения, сохраняя, однако, уже существующую систему названий. Так, у Диева упоминаются близлежащие к городу деревни – Глазово и Климушино: «Прибытие его (Лапшина) из С.-ПБ-га (Санкт-Петербурга) было торжеством для Нерехты: толпами выходили в деревню Климушина встречать его из столицы...»¹⁷; «По плану Нерехты 1781 г., составленному Тихменевым, от Варварской улицы к Глазову строения не было, только напротив самого Глазова из нескольких домов слободка...»¹⁸. Подобные топонимы обычно подвержены грамматическому переосмыслению (например, деревня *Климушино* дала название улице *Климушинской*), но встречаются названия, сохранившие свою грамматическую структуру неизменной (*улица Глазова* по имени, стоявшего на этом месте *поселка Глазова*). Ойконимы данного типа несут в своей основе глубинную народную семантику, унаследованную от первоначального названия, и поэтому наиболее полно осуществляют основную функцию топонима – ориентира на местности. В этом причина их органичного функционирования в топонимическом пространстве города и в системе живой речи местного населения.

Нами рассмотрены лишь некоторые топонимы, упоминавшиеся на страницах сочинения М. Я. Диева, материалы содержат более двух десятков городских и сельских названий, которые позволяют проследить трансформацию топонимической системы в динамике исторического развития.

Примечания

¹ См.: *Шитлов А. Д.* Русская провинциальная историография XIX – начала XX вв. Костромская школа. – Кострома : КГУ им. Н. А. Некрасова, 2007. С. 101.

² *Диев М.* Город Нерехта в XVIII и в первой четверти XIX века : отдельный оттиск из XIII выпуска Трудов Костромского научного общества. Кострома : Совет/тип/, 1920. С. 68.

³ Там же. С. 89.

⁴ Там же. С. 93.

РАЗДЕЛ V

---

⁵ Диев М. Город Нерехта в XVIII и в первой четверти XIX века : отдельный оттиск из XIII выпуска Трудов Костромского научного общества. Кострома : Совет/ тип/, 1920. С. 95.

⁶ Березович Е. Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2000. С. 364–365.

⁷ Никитин С. А. Десемантизация топонимов в Москве и Риме. Избыточные имена / Ономастика в кругу гуманитарных наук : материалы междунаро. науч. конф. Екатеринбург, 20–23 сент. 2005 г. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2005. С. 98.

⁸ Демидов С. В. Нерехта / С. В. Демидов, Е. В. Кудряшов. – М. : Изд-во «Отчий дом», 1996. (Малые города России). С. 36.

⁹ Диев М. Указ. соч. С. 88.

¹⁰ Там же. С. 110.

¹¹ Демидов С. В. Указ. соч. С. 33.

¹² Диев М. Указ. соч. С. 89.

¹³ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. – М. : Рус. яз., 1989. Т. 2. С. 549.

¹⁴ Березович Е. Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2000. С. 356.

¹⁵ Даль В. Указ. соч. Т. 4. С. 510.

¹⁶ Демидов С. В. Указ. соч. С. 12.

¹⁷ Диев М. Указ. соч. С. 74.

¹⁸ Диев М. Там же. С. 89.

С. С. Граблева
г. Кострома

ЛЕКСИКА МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ПОУНЖЕНСКОГО КРАЯ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Е. В. ЧЕСТНЯКОВА

Вопрос о взаимодействии фактов литературного языка и других типов речи, в том числе и диалектов, является особенно актуальным в настоящее время. Многие современные писатели целенаправленно включают в свои произведения диалектизмы. Наиболее ценный материал отмечается в произведениях писателей, хорошо знающих описываемую ими среду, её жителей, для которых говор является близким и знакомым. Как известно, к писателям, хорошо знавшим русскую деревню, относятся Ф. Абрамов, В. Астафьев, В. Шукшин. Для костромичей же одно из первых мест в этом ряду занимает творчество Е. В. Честнякова, художника, мыслителя, писателя, с детства знавшего кологривский диалект.

Ефим Васильевич Честняков родился в д. Шаблово Кологривского уезда Костромской губернии. Он жил в семье, где, как и во всех крестьянских семьях в этих краях, пахали землю, сеяли хлеб, собирали урожай, держали скот и птицу. Быт, атмосфера крестьянской жизни являлись основной питательной средой для его творчества.

Как известно, Е. В. Честняков был человеком образованным. Он окончил учительскую семинарию, получил звание народного учителя. Спустя некоторое

время учился живописи в Санкт-Петербурге под руководством И. Репина. Но, несмотря на это, с крестьянами он предпочитал говорить по-народному. С интеллигентами же, по воспоминаниям кологривского краеведа Зои Ивановны Осиповой, Ефим Васильевич говорил «правильно», не на диалекте. Народная поунженская речь представлена в его произведениях так ярко и выразительно, что создаётся полная иллюзия преобладания в них живого народного слова, так как яркие «сигналы разговорности» накладываются на крепкую основу литературного языка. Трудно найти среди русских писателей такого автора, где говору, повседневной бытовой речи, фольклорному слову уделяется столько внимания, как в творчестве Честнякова. Через слово он проникает в самые глубины народного сознания, бережно, по крупицам воспроизводя все детали материальной и духовной культуры кологривского крестьянина¹.

Время, когда писал Честняков, – начало XX века. Сейчас же XXI век. Очень быстро меняется облик современного села, одежда его жителей, предметы их домашнего обихода. Это сказывается на составе лексики того или иного говора. Несмотря на то, что многие названия забыты, в современном кологривском крае активно употребляются многие наименования, отражающие особенности крестьянского быта начала XX века, запечатленные Честняковым.

Анализ диалектной лексики материальной культуры по произведениям шабловского писателя даёт интересный материал для наблюдений над тем, как жила русская поунженская деревня много веков, вплоть до настоящего времени.

Отправным источником исследования послужил словарь «Живое поунженское слово. Словарь народно-разговорной языка Е. Честнякова», составленный Н. С. Ганцовой². В нём представлена диалектная лексика, употребляющаяся в произведениях Е. В. Честнякова. Это устойчивые обороты и меткие изречения, отражающие уклад и производственную деятельность человека, а также лексика народных обрядов и обычаев, служебные слова и наречия, прилагательные, глагольная лексика и др. Наиболее широко представлены у Честнякова тематические группы и подгруппы предметной лексики. Например, тема «Человек» насчитывает более десятка различных подтем, прямо или косвенно связанных с человеком, его бытом, деятельностью.

В произведениях Е. В. Честнякова в большом количестве содержится этнографическая лексика, отражающая быт поунженских крестьян, его материальную культуру. Это названия частей дома, внутреннего интерьера избы, утвари, предметов быта, корзин и т. д. Обратимся непосредственно к рассмотрению этой лексики, представленной в произведениях Е. В. Честнякова, комментируя её примерами из живой кологривской речи, лично собранной нами, и сравнивая её с лексикой других русских говоров.

Ѓубец (ѓлбец, ѓбец). В произведениях Е. В. Честнякова слово *голбец* зафиксировано в двух значениях. Первое значение: «Деревянная пристройка у печи для лежания. Вход в подполье. *На гоубец засматривается – боится лизуна* (Стафий)».

Как известно, под полом – место обитания нечистой силы. Лизун – демонологический персонаж, который обитает в доме. В Ярославском областном словаре говорится о том, что лизун живет в подполье, под печкой³. Характерная особенность внешнего облика лизуна – язык, большой и как тёрка. Большой язык

у лизуна – чтобы «слизывать» запасы в доме. Г. Д. Неганова цитирует заметки Е. Честнякова о лизуне в Рукописной книжке: *Домой Лизун пришел, муку слизывал овсяную, оржаную, пшеничную, лапшинную... Язык-от у Лизуна как «тёрка»...*⁴.

Второе значение слова гоубец у Честнякова – ‘подполье, подвал’: «*Стафий...пошёл с ендовой в гоубец по квас. Из гоубца была дверка на задворье, на улицу (Стафий)*».

Слово *гоубец* (голбец, гобец) в русских северных говорах имело сложную семантическую структуру. *Гоубец* – это и деревянная пристройка у печи для лежания, с дверкой, ведущей в подвал, и сам подвал. Сейчас же первое значение вспоминают редко, так как самой реалии уже нет. Теперь *гобцем* называют подвал. Здесь произошел перенос значения, одна из сем – ‘подвал’ – послужила основой для номинации. Приведём примеры употребления слова в современных кологривских говорах. *Брусника моченая в голбце храница у меня* (Невзорова Нина Васильевна, 1928 г. р., д. Астафьево). *Лягу я на гобце, жарко на печи-то софсем* (Смирнова Софья Николаевна, 1933 г. р., д. Шаблово).

По данным Словаря русских народных говоров (СРНГ)⁵, в значении ‘подполье’ слово *голбец* употребляется на территории Новосиб., Костром., Новг., Арх. областей. *Прядет она, вздремнула и уронила клубок с веретенцем в голбец* (Волог.).

В значении ‘вход в подполье, устраиваемый возле печи’ слово употребляется в Оренб., Свердл., Вят., Арх., Кемер. Волог. областях. *Маленьких ягнят приносят бабы по лестнице через голбец из подполья в избу* (Новг.) В Толковом словаре живого великорусского языка В. Даля (ТСЖВЯ)⁶ слово *голбец* зафиксировано со значением ‘род примоста между печью и полатами’ с пометами сев., вост. и сиб.

Коробьца. В произведениях Честнякова слово *коробица* употребляется в значении ‘корзина’. *Хорошо бы ягодок поносить побольше. Вот я вынесу ягодные коробицы, в сенике у меня прибраны* (Чудесная дудочка). *Девушка Яя, грибы, ягоды собирая, с коробицей в руке подошла испить к реке* (Федорок). *Возьми коробицу, Фараська, принеси воды из ключика. Пекли грибы на теплине и ели с хлебом, солью и ягодами, а водой из коробицы запивали* (Стафий). *Забирай мне ягоды – говорит старичок, подал ему большую коробицу и вывел из лесу* (Сергийюшко).

У Честнякова употребляется и слово, уменьш. к *коробица* – *коробьчка*. *Ищи ягод у пеньков да далеко не отходи, не заблудися – покрикивай нас. – Сделали ему берестяную коробичку: Клади туда ягоды* (Сергийюшко). *Во бертстяну коробичку кладу ягоду земляничку* (Ручеёк).

Слово *коробица* имеет значение ‘плетёная корзинка из лыка в виде небольшого короба для сбора ягод, грибов’. По словам Нины Павловны Смирновой (1931 г. р., д. Вонюх), помимо сбора ягод, коробицу использовали для переноски воды. Грибы же в коробицу обычно укладывали рядками, чтобы они не поломались.

В кологривских говорах функционирует и переносное значение слова *коробица*. Так называют неуклюжую неряшливую женщину: *Гли-ко кака коробица идёт*.

В Кратком костромском областном словаре (КрКОС)⁷ лексема *коробица* зафиксирована со значением ‘сундучок с крышкой для хранения домашнего скарба’. *Коробица-то у тебя уж больно нарядна* (Парф.). В СРНГ зафиксировано значение ‘корзина или короб’ *Нынче ягод, дак по целой коробице носили* (Киров.) Иркут., Костром. Ряз., Влад., Ярослав.

Плетеха. В романе-сказке «Сказание о Стафии – Короле Тетеревином» слово *плетуха* употреблено в значении ‘большая круглая корзина, в которой устраивали гнездо для кур’ ‘*В деревеньке много улиц, много куричьих плетух...* (Стафий).

В настоящее время в кологривских говорах слово функционирует в нескольких значениях. 1. Огромная плетёная корзина с сеном, из которой кормили скот. *Я корове плетушку поставлю, да курей пойду кормить.* 2. Большая корзина для переноски сена, сухого корма или травы. *Я покосила травы, поди подбери, да в плетухе и принесёшь.* 3. Большая круглая корзина, в которой устраивали гнездо для кур. *В курятнике одна плетуха щас, курей мало у нас софсем, подошли за зиму* (Все примеры из речи Н. П. Смирновой).

Синонимом к лексеме *плетуха* в кологривских говорах является слово *плетушка*, которое встречается в романе о Стафии. *Часто осматривать гнёзда было некогда, а оглядывала в неделю раз... и потому, когда приходила, плетушки были полнёхоньки* (Стафий).

В Кратком костромском областном словаре у слова *плетуха* значение ‘большая корзина для переноски сена, соломы’ зафиксировано на территории Галич., Мантур., Межев., Шарьин. районов: *Принеси-ка плетуху, надо сено с гумна таскать* (Кадыйск). По данным СРНГ, слово *плетуха* в значении ‘корзина; большой короб для переноски сена, мякины’ употребляется на территории Арх., Вят., Киров. Влад., Яросл., Моск., Волог., Новг. областей. *В плетухе унесём сено коро-ве* (Костром.). Даль фиксирует слово *плетуха* с пометой северное.

Зсбка. Е. В. Честняковым лексема употребляется в произведении «Шабловский тарантас»: *Детки, которые ещё в зыбках лежали.*

Слово со значением ‘детская колыбель’ типично для вологодско-вятских говоров, что подтверждают и данные словарей. Примеры из кологривских говоров. *Раньше у нас не было кроватей-то децких, фсё зыпки вешали. А веть и лучшо. Она ис дерева сделана-то была. К потоўку за кольцо чугуноё привешивали на пружине. Качать шоп можно было робёнка. Но небольшие были они. Маленьких веть качали фсё* (С. Н. Смирнова).

На территории Костромской области лексема *зыбка* функционирует во всех районах. Например: *Не вырони из зыбки робёнка-то* (Макар.). По данным СРНГ, слово *зыбка* в значении детская колыбель (*Кто называет люлька, кто зыбка, делается она из липового лубка* (Моск.)) зафиксировано на территории Яросл., Твер., Новг., Арх., Волог., Вят., Киров., Казан., Самар., Саратов., Пенз., Влад. областей.

Рассмотренные нами названия характерны для идиостиля писателя, они являются неотъемлемой частью крестьянского лексикона, который так выразительно, поэтично и вместе с тем реалистически точно отразил Е. В. Честняков в своих произведениях.

Примечания

¹ Ганцовская Н. С. Народное кологривское слово // Губернский дом. 2005. № 2.

² Ганцовская Н. С. Живое поунженское слово. Словарь народно-разговорного языка Е. В. Честнякова. Кострома : Костромаиздат, 2007. 225 с.: ил.

³ Ярославский областной словарь. Ярославль. 1986. С. 131.

⁴ *Неганова Г. Д.* Наименования мифологических персонажей в костромских говорах как источник ЛАРНГ // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2008 / Ин-т лингв. исслед. СПб. : Наука, 2008.

⁵ *Словарь русских народных говоров.* М. ; Л. : Наука, 1965.

⁶ *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М., 1978–1984.

⁷ *Живое костромское слово. Краткий костромской областной словарь / сост. Н. С. Ганцовская, Г. И. Маширова.* Кострома, 2006.

Л. А. Дмитрук
г. Кострома

**ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ЯЗЫКА
КАК ИНДИКАТОРЫ СОЦИАЛЬНЫХ И КУЛЬТУРНЫХ ОТНОШЕНИЙ
В ЯЗЫКЕ ПРЕДУШКИНСКОГО ПЕРИОДА
(НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ А. О. АБЛЕСИМОВА
«МЕЛЬНИК-КОЛДУН, ОБМАНЩИК И СВАТ»)**

Восемнадцатый век называют «золотым веком» русской культуры. Это эпоха расцвета изобразительного искусства, музыки, архитектуры, литературы, эпоха просветительства. Вместе с тем это сложное и противоречивое время в истории русского литературного языка, время преобразования языковой ситуации, период формирования русского литературного языка нового типа. Как отмечает К. Леви-Стросс, «язык есть одновременно и продукт культуры, и её важная составная часть, и условие существования культуры. Более того, язык – специфический способ существования культуры, фактор формирования культурных кодов»¹. Процесс изменений в русском литературном языке XVIII века тесно связан с государственной политикой реформ, созданием новых социокультурных отношений в российском обществе.

В XVIII веке Костромской край дал России немало талантливых людей, блестяще проявивших себя на самых разных поприщах. Среди них имя писателя-драматурга Александра Онисимовича Аблесимова, создавшего первый образец русской народной комической оперы. Язык, которым говорили персонажи произведения Аблесимова «Мельник-колдун, обманщик и сват», предвосхитил появление таких мастеров слова, как И. А. Крылов, А. С. Грибоедов, А. С. Пушкин, в их творчестве процесс создания литературного языка нового типа достиг своего апогея.

А. О. Аблесимов родился в 1742 году в семье мелкопоместного дворянина Галичского уезда. Здесь, на Костромской земле, прошли его детство и юность. Будущий писатель, повседневно соприкасаясь с жизнью и бытом крестьян, любил их обычаи, народную поэзию, которые впоследствии широко использовал в своем творчестве. Аблесимов получил элементарное домашнее образование, а с 16 лет был отправлен на военную службу. Он служил в лейб-кампанской канцелярии копиистом. В 1760–1762 годах в звании сержанта участвовал в походе

русской армии в Пруссию во время семилетней войны. В 1767 году поступил на службу в созданную Екатериной II комиссию по составлению проекта «Нового уложения», затем перешёл в Московскую управу благочиния, где служил экзекутором до конца своей жизни².

Одно время Аблесимов выполнял обязанности секретаря у известного драматурга и поэта А. П. Сумарокова. Это содействовало пробуждению у него интереса к литературному творчеству, и он пробовал сочинять сам. В 1759 году в журнале Сумарокова «Трудолюбивая пчела» Аблесимов напечатал свои первые произведения: элегию «Скрылись мои дражайшие утехи» и шуточное стихотворение «Подъячий здесь зарыт». В 1769 году он выпустил сборник басен «Сказки в стихах». В 1769–1770 годах Аблесимов поместил ряд сатирических стихотворений и статей в журнале Н. И. Новикова «Трутень». В 1781 году при материальной поддержке Н. И. Новикова Аблесимов начал издавать сатирический журнал «Рассказчик забавных басен, служащих к чтению в скучное время или когда кому делать нечего». А. О. Аблесимов в начале 1783 года скончался в Москве в полной нищете, едва ли достигнув сорока одного года. Место его захоронения вскоре забылось, так как на нём не было поставлено памятника³.

Самое знаменитое произведение А. О. Аблесимова – комическая опера «Мельник-колдун, обманщик сват» впервые была поставлена 20 января 1779 года в Москве в Большом Императорском театре. Опера сразу же стала чрезвычайно популярной. Как отмечает Драматический словарь 1880 года, «сия пиеса столько возбудила внимания от публики, что много раз сряду была играна, и завсегда театр наполнялся», «едва ли не первая Русская опера имела столько восхитившихся спектатеров и плескания»⁴. Успех комической оперы был очевиден, в Москве она игралась 22 раза кряду, а в Петербурге ставилась 27 раз и не сходила со сцен до середины XIX века⁵. Однажды Аблесимов читал своего «Мельника...» в доме Архаровых, где Николай Петрович Архаров предупредил его о возможной реакции высшего общества на произведение. Но Аблесимов уверенно заявил: «Мой “Мельник” не умрёт!». «Мельника...» играли и при дворе, и в «вольных» театрах, но вскоре аристократическая публика стала находить в опере «уж что-то чересчур близкое к простой, необработанной натуре», её сочли «не совсем приличной для зрителей высшего тона»⁶, и произведение Аблесимова всё реже и реже стали ставить на сцене. Однако, ни одна из пьес, написанных в XVIII веке, кроме комедий Д. И. Фонвизина, не пользовалась таким огромным успехом, как это произведение Аблесимова. В. Г. Белинский так оценивал эту комическую оперу: «Аблесимов написал прекрасный народный водевиль “Мельник”, произведение столь любимое нашими дедами и ещё теперь не потерявшее своего достоинства»⁷.

Становление литературного языка нового типа в XVIII веке протекало в постоянной борьбе церковнославянской и русской языковых стихий, первая из них отождествлялась в сознании носителей языка с традиционной русской культурой, вторая с новаторством, духом реформ, которым положила начало эпоха Петра I. В такой ситуации для филологов на первый план выступает культурологическое измерение языка, которое создаётся из герменевтических пластов, содержащих какое-либо символическое историческое значение. «В формировании

литературного языка нового типа герменевтический план играет особенно большую роль, поскольку именно символические коннотации языковых элементов определяют их судьбу при том сознательном отборе и классификации языковых средств, с помощью которых создаётся унифицированная норма нового литературного языка»⁸.

Пьеса Аблесимова наполнена национально-бытовым, фольклорным колоритом, здесь используются пословицы, поговорки, народные песни, приводятся сцены гадания, свадебного обряда, деревенских игр и посиделок⁹. В «Русском биографическом словаре» 1896 года о комедии Аблесимова написано: «Содержание её было взято из народной жизни, действующие лица говорят простою народною речью, и самая музыка заимствована из народных напевов»¹⁰. Успех произведения во многом определялся его живым, народным языком. Для Аблесимова передача народной речи не являлась приемом стилизации, как для большинства его современников. Драматург в языке своих героев-крестьян стремится показать тот путь, который должен привести его последователей к новому этапу развития языка, построенного на народной основе. У Аблесимова нейтрально-книжные языковые единицы, с одной стороны, а разговорные, диалектные, фольклорные – с другой, органично связаны между собой. Речь персонажей насыщена народно-разговорными языковыми средствами – это частицы, многие из которых, являются в своей основе партикулами: *-ан, -ат, б, бы, было (бола), ведь, вить, вишь, вон, вот, -де, дескать, ж, же, ин, -ка, ли, либо, -ль, не, ни бишь, пускай, разве, -ста, -та, то, -тка, -тко*; частотное употребление региональной, этнографической и просторечной лексики: *борона, бражка, гнедко, жёрнов, закрам, кросно, плат, подзатыльник, поднизь, савраско, сивуха, сулейка, тын* и др.; использование каламбуров, эмоционально окрашенных устойчивых оборотов: *орать, что есть мочи; что ни будет, то будет; пойдёт дым коромысла; веселым пирком да за свадебку; мороз по коже подирает* и др. Это показатель одного герменевтического пласта произведения, большего по объёму, ориентированного на русскую народную составляющую в многовековой культурной традиции страны.

Наряду с разговорными элементами языка в произведении Аблесимова заметны и другие, пришедшие из книг, элементы церковнославянского языкового узуса: употребление личного местоимения *аз*; использование у прилагательных окончания *-ый* в Им. п. ед. ч. мужского рода (*грешный*), *-ья* в Род. п. ед. ч. женского рода (*ясныя очи*), *-аго* в Род. п. ед. ч. мужского рода (*светлаго месяца*); наличие неполногласного сочетания *-ла-* в именах прилагательных и существительных (*младой, младость*); окончание *-ти* в инфинитиве глагола (*разгадати, не солгати, объявити*). Это показатель другого герменевтического поля – культуры, пришедшей на Русь с религией, её канонами, церковной литературой. Такие элементы на страницах пьесы встречаются значительно реже, в основном они выполняют функцию стилистических индикаторов, употребляясь в текстах лирических песен или в шуточных куплетах. Использование Аблесимовым церковнославянских языковых средств в песнях Анюты и Филимона придаёт им дополнительный лиризм: *Анюта (поёт начало на голос: «Кабы знала, кабы ведала, мой свет»). Кабы я млада уверена была, // Что дружску своему хоть чуть-чуть я мила: // И не в скуке бы жила*¹¹. Употребление церковнославянской лексики и грамматики на фоне

народно-разговорного речевого окружения, например в куплетах Мельника, создаёт комический эффект: *Мельн. Много всякого есть сброду: // Наговаривают воду, // Решетом вертят мирянам // И живут таким обманом. Как и аз грешный!*¹¹. Важно отметить, что и в песнях и в куплетах церковнославянские элементы не кажутся инородной вставкой, они органично включены в речь персонажей, что объясняется влиянием на крестьян языка богослужебных книг. В «Мельнике...» русские и церковнославянские языковые средства соседствуют, дополняют, а иногда и дублируют друг друга: например, русское окончание *-ой* и церковнославянское *-ый* в Им. п. ед. ч. мужского рода свободно употребляются у прилагательных; русские слова *молодость*, *молодой* с полногласием дублируют однокоренные церковнославянские слова *младость*, *младой* с неполногласием.

Таким образом, лингвистическая позиция Аблесимова реконструируется, согласно функциональным свойствам рассмотренных языковых элементов, их герменевтическому статусу, в следующем виде: нормы литературного языка должны ориентироваться на синтез, гармоничное сочетание русских и церковнославянских элементов, уже прочно вошедших в языковую память народа. Создание А. О. Аблесимовым комической оперы «Мельник-колдун, обманщик и сват» с её живым, народным языком не могло ещё в корне изменить языковую ситуацию второй половины XVIII века, но это был важный шаг на пути демократизации русского литературного языка в предпушкинский период. В этом плане Аблесимов стал предшественником А. С. Пушкина, творчество которого «открывает новую эру в истории русского литературного языка»¹² и других писателей-классиков XIX века.

Примечания

¹ Маслова В. А. Лингвокультурология : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М. : Издат. центр «Академия», 2004. С. 62.

² Галич / Л. Белов, В. Зубова, В. Касторский, Н. Соколов, Н. Щеголев. Ярославль : Верх.-Волж. кн. изд-во, 1983. С. 91.

³ Касторский В. Писатели-костромичи XVII–XIX вв. Кострома : Костром. кн. изд-во, 1958. С. 25–26.

⁴ ДС – Драматический словарь. Спб. : Изд. кн. магазина «Новое время», 1880. С. 77–78.

⁵ Левашева О. История русской музыки / О. Левашева, Ю. Келдыш, А. Кандинский. М. : Музыка, 1972. С. 144.

⁶ Макаров. Материалы для истории русского театра. Аблесимов // Сборник материалов по истории театра № 15. Книжный фонд Театрального музея им. А. А. Бахрушина. С. 20–23.

⁷ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. : в 13 т. Т. 1. М. : Наука, 1953. С. 53.

⁸ Живов В. М. Язык и культура XVIII века. М. : Яз. рус. культуры», 1996. С. 17.

⁹ Краснобаев Б. И. Очерки истории русской культуры XVIII века. М. : Просвещение, 1972. С. 220.

¹⁰ РБС – Русский биографический словарь. Т. 1 (Ааронъ – Императоръ Александръ II). – Спб. : Тип. И. Н. Скороходова, 1896. С. 12.

¹¹ Аблесимов А. О. Мельник-колдун, обманщик и сват. Спб. : Изд-во Суворина, 1887. С. 12–24.

¹² Успенский Б. А. Краткий очерк истории русского литературного языка (XI–XIX вв.). М. : Гнозис, 1994. С. 168.

А. М. Мелерович, Л. С. Наградова
г. Кострома

**ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ
ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ,
ПОСТРОЕННЫХ ПО МОДЕЛЯМ ЯЗЫКОВЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ,
В ПЬЕСАХ А. Н. ОСТРОВСКОГО**

В пьесах А. Н. Островского речь персонажей из простого народа – Гордея Карпыча («Бедность – не порок»), Катерины («Гроза»), Аграфены Кондратьевны («Свои люди – сочтемся») и других – приобретает особую выразительность благодаря употреблению окказиональных фразеологизмов, часто образованных по моделям ФЕ языка. Идиомы, «смоделированные» на базе образности и семантики других ФЕ, позволяют с присущим каждому персонажу своеобразием охарактеризовать жизненные ситуации, человеческие качества и поступки, подчеркнув их актуальные особенности. Окказиональная фразеология в речи героев А. Н. Островского усиливает колорит пьесы, необычайно оживляя образы персонажей и придавая особый характер ее событиям.

Актуальной темой, находящей выражение в речи героев А. Н. Островского посредством ярких необычных фразеологических образов, является тема неволи. Ощущение несвободы, зависимости, несправности своего положения часто возникающее у представителей народного сословия, связывается с **невозможностью преодолеть жизненные трудности**: [Любим Карпыч:] *Зачем я пью?.. От глупости! Да, от своей глупости. А ты думал, от чего?* [Митя:] *Так вы лучше перестаньте.* [Любим Карпыч:] *Нельзя перестать: на такую линию попал...*

В данном контекстуальном употреблении оборот *на такую линию попал* является окказиональным фразеологизмом. Установить статус оборота можно, лишь проанализировав его внутреннюю форму, обуславливающую его структурно-семантические особенности. Учитывая то, что составляющие лексические компоненты данного оборота переосмыслены, рассмотрим функционирование соответствующих лексем в переносном значении в составе словосочетаний и ФЕ, «вписывающихся» в приведенный контекст, т. е. семантически близких ему. Так, лексема *линия* зафиксирована в словарях в составе словосочетания *линия поведения*, а также ФЕ *вести свою линию* – «настойчиво осуществлять на практике какие-либо свои принципы, мысли, взгляды»¹ и ее просторечного варианта *гнуть свою линию* – «упорно добиваться своего»², *держат линию (на что)* – «следовать определенной линии поведения, придерживаться определенной установки, нацеленной на достижение чего-либо»³. Приведенные ФЕ с компонентом *линия* имеют общую ядерную сему «поведение», актуализируя ряд частных сем – «принципы», «мысли», «взгляды», «добиваться», «установка», «цель». Анализируя контекстуальное употребление оборота *на такую линию попал*, можно заключить, что лексический компонент *линия* в его составе имеет ту же ядерную сему. Однако, в отличие от представленных ФЕ, рассматриваемый оборот не передает значения целеустремленности, осмысленности поступков, а

имеет противоположные смысловые оттенки, усиливаемые семантикой лексемы *попал*, в данном контекстуальном употреблении означающей 'оказался неожиданно, случайно, не по своей воле' (см. также актуализацию лексемы *попасть* значения «неожиданно натолкнуться на неприятности» в составе ФЕ *попасться на удочку* – перен., разг. 'дать себя обмануть, перехитрить', *попасть в переплет* – разг. 'оказаться в запутанном и затруднительном положении'⁴). Среди приведенного ряда ФЕ фразеологизм *держаться линию* наиболее близок окказиональному обороту *на такую линию попал* по ассоциируемому образу и семантике. В контекстуальном употреблении, однако, оборот несет особый смысл. Посредством его Любим Карпыч отстаивает свою линию поведения, подразумевая то, что сложившийся образ жизни – результат случайных обстоятельств. Признавая предосудительность своих поступков, персонаж одновременно оправдывает себя, считая причиной стечение жизненных обстоятельств. Юность вместо родительской руки и надежных советчиков наградила Любима Карпыча лишь беспечным отношением к жизни. Получив небольшое наследство от отца, Любим решил познать удовольствия столичной жизни, начал кутить, в результате чего, поддавшись дурному влиянию приятеля Коршунова, обманутый им и совершенно разоренный, стал без меры пьянствовать.

Посредством окказиональных фразеологических оборотов, созданных на базе образов ФЕ языка, находит выражение восприятие неволи как **невозможности справиться с со своим характером, сдержать свои эмоции**, в связи с чем человек представляется зависимым от нечистой силы. Так, зная свой горячий характер, лавочник Краснов предупреждает сестру о том, что ее неосторожные слова могут навлечь неприятности: [*Курицына:*] *твоя жена по пустырям да по заулкам шляется да с молодыми господами по целым часам балясы точит ...* [*Краснов:*] *...Меня слово-то твоё дурацкое только за ухо задело, и то во мне все сердце перевернулось. А поверь я тебе, так ведь, чего **боже сохрани, долго ли до греха-то! За себя поручиться нельзя: каков час выдет.** Пожалуй, дьявол под руку-то толкнет. Господи, оборони нас!*

В приведенном контекстуальном употреблении обороты *слово дурацкое за ухо задело* и *все сердце перевернулось* выражают чувство обиды, уязвленного самолюбия, взволнованность. Эти ФЕ являются выразителями эмоций Краснова, его непосредственной, сиюминутной реакции, в то время как целый ряд оборотов конфигурации, употребленных в линейной последовательности, передает его самовосприятие, истолкование им последствий влияния внезапных отрицательных эмоций, порывов чувств: *боже сохрани, долго ли до греха-то! За себя поручиться нельзя: каков час выдет. Пожалуй, дьявол под руку-то толкнет. Господи, оборони нас!* Среди данного ряда ФЕ окказиональный оборот *дьявол под руку толкнет* семантически связан с ФЕ *под руку говорить кому-либо* – перен., разг., неодобр. 'говорить, мешая тому, кто занят делом'. Лексический компонент *толкать* данного оборота актуализирует переносное значение 'содействовать своим вмешательством развитию чего-либо, побуждать к чему-либо (обычно отрицательному)' (см. в словаре толкование и употребление лексемы *толкать кого/что* (на преступление, на обман и т. п.)). Окказиональный оборот *дьявол под руку толкнет*, создавая образ нечистой силы, подстрекающей к совершению

опрометчивого поступка, служит средством характеристики одного из человеческих свойств – подверженности сильным эмоциональным всплескам, неспособности стерпеть провокацию, пропустить насмешку или обиду.

Персонаж пьесы «Бедность не порок» приказчик Митя, влюбленный в купеческую дочь Любовь Гордеевну, под влиянием сильных чувств восклицает: *«Полюбил я красну девицу, нуще роду, нуще племени!..»*. Окказиональный оборот *нуще роду, нуще племени* в его речи образован по модели ФЕ *ни роду ни племени* – устар. и разг. ‘о человеке без родины, без родственных связей; об одиноком человеке’⁵ и в сочетании с авторской ремаркой *Говорит с сильными жестами* выражает силу проявления чувства – ‘полюбил больше, сильнее всей своей родни’. Данный окказиональный оборот имеет фольклорный характер, стихотворный ритм и способствует экспрессивной передаче настроения персонажа, состояния духа. В контексте пьесы он, кроме того, выступает средством имплицитной характеристики персонажа, раскрывая его происхождение. Согласно сюжету у Мити, выходца из народной среды, нет никого из родных, кроме старой нуждающейся матери. В силу этого его поэтическое вдохновение, навеянное влюбленностью, переключается с печалью, унынием, потерянностью. Положение бедного, безродного не позволяет Мите просить руки Любви Гордеевны. Он, простолюдин, не имеющий близких людей в имении Торцова, **не волен открыто выражать свои чувства** купеческой дочери – мысль об этом усиливает его тоску, чувство одиночества (см. контекст: *«Всем-то я чужой, ни родных, ни знакомых!.. А тут еще... Ах, да ну! сесть лучше за дело, авось тоска пройдет. (Садится к конторке и задумывается, потом запеваает.) Красоты ее не можно описать!.. Черны брови, с поволокою глаза»*).

Таким образом, простой человек в пьесах А. Н. Островского под влиянием различных обстоятельств оказывается бессильным, не вольным осуществить желаемое: сбившись с праведного пути и совершая дурные поступки, он не в силах преодолеть негативное влияние; легко поддаваясь эмоциям, не в силах их сдерживать, перебороть в себе качества, заложенные природой; или же, сознавая свою безродность, не в силах, т. е., по его мнению, не в праве, открыто заявлять о своих чувствах любимому человеку, ибо он принадлежит к другому сословию.

Ощущение безвыходности, невозможности достичь желаемого, наводит на персонажей отчаяние, готовность пойти против «хозяйской» («господской») воли, чтобы, пусть даже совсем ненадолго, но заполучить трудно достижимое, поймав момент. Примером яркого проявления такого **внутреннего чувства протеста** является речь Нади в пьесе «Воспитанница»: *[Надя:] ...А как начала она мной командовать, как куклой, да как увидела я, что никакой мне воли, ни защиты нет: так отчаянность на меня, Лиза, напала. Куда страх, куда стыд девался – не знаю. Хоть день, да мой, думаю, а там что будет то будет, ничего я и знать не хочу! Хоть меня замуж отдавай за пастуха, хоть в какой замок за тридцать замков запри – мне все равно.*

В данном контексте вновь наблюдаем характерный авторский прием, когда градационный ряд фразеологических оборотов, выражает эмоциональный всплеск, интенсивность чувства, которому героиня стремится дать выход. Воспитанница Уланбековой Надя решает, воспротивившись хозяйской воле, пойти

а передает более глубокое смысловое содержание: бесполезно перевоспитывать человека, стараясь привить ему качества, не свойственные людям его среды, условия, так как невозможно изменить его сознание, сложившийся взгляд на жизнь, определяемый как классовой принадлежностью, так и личностными особенностями. Такая интерпретация фразеологического значения указывает на целесообразность рассматривать данную окказиональную ФЕ неотделимо от части ее контекстуального окружения – словосочетания *черта характера (этой черты характера, хоть семь лет в котле вари, все не вываришь)*, в силу чего оборот приобретает статус афоризма, образованного на основе ФЕ языка.

В пьесах А. Н. Островского оценка, даваемая человеку за его поведение, манеры посредством ФЕ, употребляемых различными персонажами в речи, **часто связывается с его происхождением**: [*Устинья Наумовна:*] *Да и матушка-то Аграфена Кондратьевна чуть-чуть не паневница – из Преображенского взята. А нажили капитал да в купцы вылезли, так и дочка в принцессы норовит. А все это денежки. Вот я, чем хуже ее, а за ее же хвостом наблюдай*. Фразеологический оборот *за ее же хвостом наблюдай* служит характеристикой Липочки, дочери купца Большова, и в то же время выражает досаду, возмущение Устиньи Наумовны. Ловко посредничая между семьями женихов и невест, успешно маневрируя между их желаниями и часто задавая тон в ситуациях людских отношений, услужливая и изворотливая сваха в тайне испытывает зависть по отношению к тем, кто, имея народное происхождение, находится выше ее по положению. Оборот *за ее же хвостом наблюдай* в ее речи образован на основе образа ФЕ *хвостом вертеть* (разг. неодобр.) со значением ‘вести себя легкомысленно (о женщине)’. Каждый из компонентов данного оборота актуализирует оценочность. Лексема *хвост*, имеющая в составе оборота переносное значение, служит семантической доминантой, ключевым компонентом, позволяющим передать образ легкомысленной девицы с замашками богатой особы, капризной и переменчивой в своих желаниях. Глагольный компонент *наблюдай* выступает вспомогательным средством создания образа ассоциируемого оборотом. Форма повелительного наклонения выражает вынужденность совершения действия (необходимость сдерживать недовольство, обусловленную договоренностью с семьей невесты); при этом само действие имеет целенаправленный характер (см. в словаре *наблюдать* в значении ‘не упускать из виду, из поля зрения’). В целом, в приведенном контекстуальном употреблении окказиональный оборот *за ее же хвостом наблюдай* передает необходимость следить за изменчивыми желаниями девицы на выданье и вместе с тем недовольство свахи по поводу ее претенциозного поведения, сетование на свое второстепенное положение по отношению к ней.

ФЕ, выражающие оценку, особенно характерны для речи свахи Устиньи Наумовны, отличающейся иронией, меткостью и образностью выражений. В репликах свахи окказиональные фразеологизмы, образованные по модели ФЕ языка, часто передают **эмоциональное отношение** и характеризуют **человеческие манеры, поведение** посредством неожиданных образов, переносов признака с одного предмета на другой: [*Устинья Наумовна:*] *ан врешь – ????* *мне еще соболий салон обещал*. [*Подхалюзин:*] *Чего-с?* [*Устинья Наумовна:*] *Соболий*

салон. Что ты оглох, что ли? [Подхалюзин:] Соболий-с! Хе, хе, хе... [Устинья Наумовна:] Что ты смеешься-то, что горло-то пялишь! [Подхалюзин:] Еще рылом не вышли-с в собольих-то салопах ходить!

В данном контекстуальном употреблении оборот *что горло-то пялишь!* образован от фразеологизма *пялить глаза (на кого/что)* – прост. неодобр. ‘смотреть напряжённо, не отрываясь, таращиться’. В данном случае создание окказиональной ФЕ происходит на основе аналогии значения компонента ФЕ языка при смещении образа, ассоциируемого ФЕ языка. Имеет место модель: глагол со значением «широко раскрывать» + существительное, передающее образ, ассоциируемый с частью лица. В сравнение с уточняемым им оборотом *Что ты смеешься*, нейтральным по стилистической окраске, окказиональный оборот *что горло-то пялишь!* имеет ярко выраженный просторечный оттенок и передает возмущение, негодование Устиньи Наумовны, вызванное бесцеремонностью поведения Подхалюзина, не желающего выполнять обещание, условия сделки. ФЕ *рылом не вышли-с* в речи Подхалюзина и оборот *что горло-то пялишь!* в речи свахи составляют доминантные семантические звенья диалогического единства, связанные стилистически и образно. Передавая образы, ассоциируемые с человеческим лицом, эти фразеологизмы выражают пренебрежительно-грубое отношение персонажей друг к другу и выступают характеристиками нахальства, хамства.

В следующем контексте окказиональная ФЕ в речи свахи выражает досаду, пренебрежение: *[Аграфена Кондратьевна (о женихе Липочки):] И в самом деле, что он ломается-то? Мы разве хуже его? [Устинья Наумовна:] А, лягушка его заклюй, нешто мы другого не найдем?* Окказиональный оборот *лягушка его заклюй* в данном употреблении образован по модели ФЕ с вариантным субстантивным компонентом *черт/леший/ляд... (кого) побори*. Эта исконно-русская ФЕ представляет просторечное восклицание удивления, досады, раздражения или негодования и восходит к древним заговорам-заклинаниям. Общность структуры (сущ. + мест. в род. п. + глагол в форме повелительного наклонения) и контекстуальных употреблений окказионального оборота и нормативной ФЕ языка, а также анализ их внутренней формы, позволяет выявить общую семантическую модель: «пусть неладное с кем-либо произойдет». С учетом образа, актуализируемого окказиональным оборотом – причудливого, нереального, – представленная модель может быть уточнена: «пусть нелепое с кем-либо произойдет». Таким образом, в речи свахи Устиньи Наумовны фразеологизмы, построенные по модели нормативных ФЕ языка, обнаруживают общую для них тенденцию: отличаясь особой живостью ассоциируемых образов, эти ФЕ часто принимают форму языкового каламбура, гротеска.

Подвергаясь трансформациям, видоизменению формы и содержания в речи различных персонажей, ФЕ в пьесах А. Н. Островского становятся «почвой» для возникновения новых фразеологизмов, отличающихся живостью образов и оригинальностью контекстуальных употреблений. Окказиональные ФЕ, образованные по моделям ФЕ языка, в пьесах А. Н. Островского способствуют раскрытию своеобразия мироощущения персонажей, их внутреннего конфликта, жизненной позиции; представляют особую образную характеристику человеческих

качеств, свойств, поступков и наиболее ярко выражают личностное отношение персонажей друг к другу. Кроме того, выступая ключевыми звеньями в цепочке повествования наряду с другими ФЕ, они обеспечивают развитие сюжета и реализацию авторского замысла.

Примечания

¹ Фразеологический словарь русского языка / сост. А. Н. Тихонов, А. Г. Ломов, Л. А. Ломова. М. : Высш. шк., 2003. 336 с.

² Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов и Н. Ю. Шведова. М., 2005, 432 с.

³ Фразеологический словарь русского языка / Л. А. Войнова, В. П. Жуков, А. И. Молотков, А. И. Федоров; под ред. А. И. Молоткова. М. : Совет. энцикл., 1967.

⁴ Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов и Н. Ю. Шведова. М., 2005, 432 с.

⁵ *Бирих А. К.* Русская фразеология. Историко-этимологический словарь: ок. 6000 фразеологизмов. М. : Астрель, 2007.

⁶ Там же.

Г. Д. Неганова
г. Кострома

**ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ И ОБРАЗ МЕСТА В НАЗВАНИИ
«СУСАНИНСКО-ИСУПОВСКОЕ БОЛОТО»**

События, связанные с подвигом Ивана Сусанина, начиная с XIX века, привлекали внимание историков и краеведов, поэтов и писателей, художников и композиторов. Как известно, происходили они в окрестностях села Домнина. При указании места гибели народного героя наиболее часто называется болото, которое в настоящее время именуется Сусанинско-Исуповским¹. В различных источниках выявлены варианты названия – топонимические «дублеты» (А. М. Селищев²): лексические (Сусанинское болото, Исуповское болото, Юсуповское озеро, Чистое болото), словообразовательные (Юсуповское –Юсупово), фонетические (Исуповское – Юсуповское).

Производные прилагательные **Исуповское**, **Юсуповское**, входящие в состав топонима, образованы аффиксальным способом – от основы собственного названия географического объекта (расположенное на юго-западном берегу болота село Исупово/Юсупово) посредством суффикса *-ск*. Такой способ словообразования имеет широкое распространение, в частности, в Картотеке костромского областного словаря (КОС) зафиксировано множество названий болот, которые образованы от названий населённых пунктов, например: Воронское болото расположено вблизи села Воронье, Каревское – вблизи хутора Карево (Судиславский р-н); Косинское – деревни Косинцево, Тетеринское – деревни Тетерино (Буйский р-н) и др. В стихотворении «Мои истоки» сусанинского поэта В. И. Куликова³ отмечено Домнинское болото (село Домнино находится на северо-западном берегу Сусанинско-Исуповского болота): *Над ними пролетали журавли, / Курлыкали*

и медлили с отлётом – / Прощались и проститься не могли / С туманами над Домнинским болотом.

В исторической повести «Я видел Сусанина» (1988) костромского писателя А. Ф. Румянцева встречаем название **Юсупово болото**: *Вот и Глухая протока осилена, и болото Юсупово миновали – соснычок по гребню глинистой высоты закудрявился*⁴. Притяжательное прилагательное в топонимическом словосочетании Юсупово болото образовано, как и топоним Юсупово (село), от антропонима Юсуп с помощью суффикса *-ов*. Топонимы-прилагательные указывают на место географической реалии, таким образом выполняя свою адресную роль. Наблюдаемые различия в звуковом (Исупово – Юсупово, Исуповское – Юсуповское) составе связаны с каноническим именем Иосиф (Иосиф – Юсуп, Исуп⁵).

Как уже было указано, болото имеет несколько параллельно бытующих названий, которые содержат информацию не только лингвистического, но и историко-культурного и географического плана. Так, вышеназванные топонимы (Исуповское, Юсуповское, Юсупово) характеризуют болото с точки зрения его расположения. Название **Чистое болото** в первую очередь соотносится с природными особенностями объекта. В Картотеке КОС семантика географического имени Чистое болото связывается с «очень чистой водой» (для болот характерен выход на поверхность стоячих или проточных грунтовых вод). В народных говорах известен географический термин *чистое болото* – «моховое, безлесное, кроме ёрника и кривулин; это родина клюквы»⁶. Однако в XIX веке отмечается семантическое переосмысление топонима, связанное, с одной стороны, скорее всего, с потерей топонимом этимологического значения, с другой – с народными преданиями о И. Сусанине.

Название Чистое болото, по мнению А. Домнинского – автора работы «Правда о Сусанине (Свод местных преданий)», опубликованной, благодаря костромскому губернатору В. И. Дорогобужинскому и с его предисловием, во втором номере журнала «Русский архив» за 1871 год, связано с гибелью И. Сусанина: «Оно носит издревле сие имя потому, что орошено страдальческою кровью незабвенного Сусанина...»⁷. Такое же название имела располагавшаяся на болоте дача, т. е. обмежёванный участок земли, находящийся в собственности: «Болото сие во всём своём обширном объёме окружено... высокими горами, и сии горы все почти заселены многочисленными селеньями, дачи которых, на болоте сём состоящие, имеют каждая своё название, и только одна дача, которая за зимнюю дорожку вверх по реке Шаче... версты на полторы носит название Чистого Болота». Именно здесь, считает А. Домнинский, «постигла мученическая смерть Сусанина... Иначе нет причины, почему ей называться чистою»⁸. Вместе с тем в исследовании А. Домнинского выявляется и «ландшафтная» семантика топонима: эта часть болота представляла собой топь на безлесном участке. «Нашли же однако тропу, обрадовались в надежде найти там приют и отдохновение, пробираясь через пни и коренья и беспрестанно погружаясь в грязь ещё не совсем замёрзшую, – реконструировал он события, связанные с гибелью поляков поздней осенью 1612 года, – как обрадовались было они, увидя под горою обширную поляну; с радостью и стремительно бросились к ней, но попали в грязь, и в грязь необыкновенную и обширную»⁹.

Местом гибели И. Сусанина называет также Чистое болото известный костромской краевед Б. Ф. Белоруков: «Недалеко от села [Домнино. – Г. Н.] расположено знаменитое “Чистое” болото, куда завёл врагов И. Сусанин»; «Иван Сусанин завёл польский отряд в непроходимое “Чистое” болото, где шляхтичи и погибли»¹⁰. Костромской писатель В. К. Хохлов в книге «Сусанинский тракт» упоминает Исуповское болото: «...где-то там, за Молвитиным, лежало мрачное Исуповское болото, в котором утопил врагов земли русской Иван Сусанин, бесмертный герой»¹¹.

А. Домнинский отмечает, что отдельные части территории болота именовались по-разному. Кроме уже упоминавшейся выше дачи Чистое Болото, он описывает участок под названием **Бель**. В русских говорах известен народный географический термин *бель*, который толкуется как «заболоченный береговой лес», «березняк, лиственный лес с преобладанием берёзы», «болото»¹²; в архангельских говорах – «болото, на котором не растёт ничего, кроме моха»¹³. В вологодских говорах известно слово *биль*, толкуемое как «сухой моховой кочкарник, с редким ольшаником и сосняком»¹⁴. В сусанинских говорах *биль* – «не заросшее лесом место на болоте» (Картотека КОС). Судя по сообщению А. Домнинского, топоним *Бель* соотносим с апеллятивом *бель* в значении ‘незаросшее место на болоте’: «...под самую горою обширное, пустое и продолговатое место, наподобие поляны, без травы, без лесу и без кочьев, но топкое, зыбкое... Это по народному наречию “Бель”, на коей только к западу есть возвышенное место с высокою, но уже подсохшею сосною»¹⁵.

Для функционирования топонима не важно, сохраняется ли признак, лёгший в основу названия (*Бель*, *Исуповское болото*), или он забыт (*Чистое болото*), потому что, как подчёркивал В. А. Никонов, единственно обязательное значение топонима – указание на объект¹⁶. Семантическое переосмысление названия *Чистое болото* привело не только к приобретению топонимом новой внутренней формы, но и к его преобразованию: появились топонимические варианты *Сусаниское болото* и *Сусанинско-Исуповское болото*.

Рассматриваемые нами названия сохраняют связь с апеллятивной лексикой благодаря входящим в их состав слов *болото* и *озеро*. В одном из документов Костромского губернского статистического комитета (1857) болото названо **Юсуповским озером**. Было указано, оно «состоит из чёрной грязной топи, местами поросшего кустарником, нигде не проходимо, кроме броду под самым селом Юсуповым»¹⁷. Составитель документа сообщает, что «по преданиям, в то самое болото, окружённое в то время дремучим лесом, крестьянин Иван Сусанин завёл поляков»¹⁸. В данном источнике слово *озеро* употреблено в значении ‘болото’.

Слово *болото* восходит к праславянскому *bolto*, которое, как отмечается в «Этимологическом словаре славянских языков», «давно и убедительно соотносено с цветообозначением, ср. прежде всего близкое по форманту лит. *baltas* ‘белый’»¹⁹. В славянских языках имеет значения: «грязь, трясина», «грязь, тина», «заболоченный лес, грязь»²⁰. В современном русском литературном языке лексема *болото* обозначает «илистое топкое место, часто со стоячей водой, кочками земли, покрытыми травой, заросшее тростником, мхом и т. п. и отличающееся

зыбкостью и нездоровыми испарениями»²¹. Как имя собственное отмечено в XIII веке в Ипатьевской летописи²².

Сусанинско-Исуповское болото расположено в Сусанинском районе Костромской области и занимает площадь 2 505 га²³. Оно относится к низинным болотам, которые часто встречаются в поймах рек. А. Домнинский сообщает о площади, которую занимало болото в середине XIX века: «Начинаясь под деревнею Перевозом, простирается вверх по реке Шаче к востоку не менее как на пять вёрст; а на середине сего расстояния, там, где впадают в сию реку речки: с севера Водыш, а с юга Пичеж, отклоняется ещё на юг не менее как на пятивёрстное расстояние»²⁴. В. К. Хохлов в книгу «Сусанинский тракт» включает такие сведения: «Исуповское болото состоит из чёрной и грязной топи, имеет в длину 10, в ширину 2 версты; оно нигде не проходимо, кроме брода под самим с. Исуповым, где пешие переходят с доскою в руках, которую надо перекладывать с кочки на кочку на протяжении 1,5 версты»²⁵.

А. Домнинский обращает внимание на «сенокосные луга», расположенные на болоте; «у северного подгорья по топному и грязному месту кочья с мелким кустарником»; «по нагорной северной стороне по топному же грунту... высокие в рост человеческий кочья с мелким то березником, то ивняком»²⁶. В. И. Шапошников в стихотворении «Сусанинские болота» замечает «топь» и «кочкарник – в пояс»²⁷. Действительно, травянистая растительность и кустарники характерны для низинных болот.

Низинные болота, к которым относится, как указано выше, Сусанинско-Исуповское, могут быть покрыты не только кустарником, но и лесом (ольха, ива, берёза, ель). Эта особенность ландшафта зафиксирована в документах. В «Историко-статистической записке о достопримечательностях села Домнина и церкви в нём существующей» А. Домнинского есть сведения о лесе, когда-то росшем на болоте. Автор сообщает о сосновых пнях и корнях, которые встречал здесь, и на основании этого делает вывод: «...признак, что в древности тут был строевой лес»²⁸. В «Межевой книге Судиславского уезда Шачебольского стана пустоши деревни во владении Ф. Л. Полозова» (1777) сообщается о находившемся на болоте лесе, но не строевом, а дровяном: «...а налево от ручья дровяной лес»²⁹.

То, что место гибели И. Сусанина связано не только с болотом, но и с лесом, нашло отражение в литературе. Словами «лес», «чащоба», «болото», «трясина» характеризует место гибели героя Н. П. Кончаловская: *Ой да паны, слуги бесовы! / Чай, досель не знали леса вы, / А теперь его узнаете! / По чащобам погуляете, / На морозе вы попляшите! / А устанете – приляжете, / На болоте-то постель / Постелила вам метель...; И, трясиною зажатые, / Увядая в ней по грудь, / Проклинали провожатого, / Что их вёл в последний путь...*³⁰. Е. Старшинов в стихотворении «Сказ об Иване Сусанине»³¹ употребляет термин «лесное болото»: *За холмами – лесное болото*. В лесном болоте растут ели (*Дремлют ели / под вой метели*), образуя дебри (*Десять, двадцать сабель / в дебрях леса...*). В. К. Хохлов также пишет о лесе на болоте: *Где-то внизу под нами видны были вершины елей, дальше кудрявились непроницаемые лесные чащи, они местами прерывались ярко-зелёными проплешинами...; Лесные полоски – это гибельные места. Как были непроходимыми во времена Сусанина, так до сих пор непролазными остались. Даже в мороз не замерзают*³².

С. Н. Марков в стихотворении «Сусанин» местом гибели домнинского старосты указывает лес, не характеризуя последний: *И вздрогнул лес, и засветился снег, / Далёким звоном огласились дали, / И завершился стариковский век / Причастьем крови и туманной стали*³³. В думе «Иван Сусанин» (1822) К. Ф. Рылева представлен «лес тёмный», глухой и дикий, в нём растут не только характерные для низинных болот ивы, берёзы и ели, но и сосны и дубы: *И дятел дуплистую иву долбит; Стоят, не шелохнясь, и дуб, и берёза...; Всё глуше и диче становится лес; И сосны и ели ветвями густыми, // Склонившись угрюмо до самой земли, / Дебристую стену из сучьев сплели*³⁴.

Исследование связи рассматриваемого географического имени с апеллятивной лексикой (болото, озеро, чистое болото, бель) позволяет утверждать, что в нём отразились особенности не только ландшафта, но и языка данной местности. Соотнесение названия болота с названием села Исупово (Юсупово) выявляет местоположение географической реалии в пространстве. В названии Чистое болото наблюдается семантическое переосмысление топонима В названиях Сусанинское болото и Сусанинско-Исуповское болото «читается» образ места, связанный с подвигом Ивана Сусанина.

Примечания

¹ География Костромской области : учеб. пособие / Л. А. Бекенёва и др. Кострома : ИПП «Кострома», 1995. С. 50.

² Селищев А. М. Из старой и новой топонимии // Избр. тр. М. : Просвещение, 1968. С. 48.

³ Куликов В. И. Ивушка : стихи / Виктор Куликов. М. : Современник, 1982. С. 23–24.

⁴ Румянцев А. Ф. Я видел Сусанина: Два путешествия за Стену Веков / Алексей Румянцев. Ярославль : Верх.-Волж. кн. изд-во, 1988. С. 42.

⁵ Веселовский С. Б. Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М. : Наука, 1974. С. 129.

⁶ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. 2-е изд., испр. значит. умножен. по рукописи авт. СПб. : Изд. М. О. Вольфа, 1880–1882. Т. 4. С. 607.

⁷ Домнинский А. Правда о Сусанине (свод местных преданий) // Русский архив. 1871. № 2. Стб. 19.

⁸ Там же. Стб. 20–21.

⁹ Там же. Стб. 21.

¹⁰ Белоруков Д. Ф. Деревни, сёла и города костромского края : материалы для истории. Кострома : Костром. общ. фонд культуры : Эврика-М, 2000. С. 453.

¹¹ Хохлов В. К. Сусанинский тракт : рассказы о земляках. М. : Современник, 1987. С. 5–6.

¹² Мурзаев Э. М. Словарь народных географических терминов. М. : Мысль, 1984. С. 80.

¹³ Словарь русских народных говоров. Т. 2. М. ; Л. : Наука, 1966. С. 235.

¹⁴ Даль В. И. Указ. соч. Т. 1. С. 87.

¹⁵ Домнинский А. Указ. соч. Стб. 20.

¹⁶ Никонов В. А. Введение в топонимику. М. : Наука, 1965. С. 60.

¹⁷ ГАКО. Ф. 161. Оп. 1. Д. 98. Л. 2.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 2 / под ред. О. Н. Трубачёва. М. : Наука, 1975. С. 180.

²⁰ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. Т. 1. М. : Наука, 1964. С. 190.

- ²¹ Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. М. ; Л. : Изд-во АН СССР : Наука, 1950–1965. Т. 1. Стб. 551.
- ²² Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1. М. : Наука, 1975. С. 273.
- ²³ География Костромской области. С. 50.
- ²⁴ Домнинский А. Указ. соч. Стб. 19.
- ²⁵ Хохлов В. К. Указ. соч. С. 6.
- ²⁶ Домнинский А. Указ. соч. Стб. 20.
- ²⁷ Шапошников В. И. Сусанинские болота: из новых стихов // Северная правда. 1967. 27 сент.
- ²⁸ Домнинский А. Указ. соч. Стб. 20.
- ²⁹ ГАКО. Ф. 138. Оп. 2. Д. 762. Л. 6.
- ³⁰ Кончаловская Н. П. Избранное. Т. 1. М. : Сов. писатель, 1987. С. 281, 285.
- ³¹ Старишинов Е. Сказ об Иване Сусанине // Родные причалы. Ярославль : Верх.-Волж. кн. изд-во, 1974. С. 51–56.
- ³² Хохлов В. К. Указ. соч. С. 30.
- ³³ Марков С. Н. Земные корни : стихи. М. : Сов. писатель, 1961. С. 122.
- ³⁴ Рылеев К. Ф. Сочинения / сост. Г. А. Колосовой ; вступ. ст. и прим. А. М. Пескова. М. : Правда, 1983. С. 176.

Т. Е. Никулина
г. Кострома

**О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ
НАРОДНО-БЫТОВОЙ ЛЕКСИКИ В ТРУДАХ ДЕЯТЕЛЕЙ
КОСТРОМСКОГО НАУЧНОГО ОБЩЕСТВА ПО ИЗУЧЕНИЮ
МЕСТНОГО КРАЯ НАЧАЛА XX ВЕКА**

«Много ещё надо работать, чтобы раскрыть сокровища нашего родного слова, привести его в стройный порядок и поставить полный хороший словарь, – писал В. Даль в «Напутном словаре» к своему знаменитому Толковому словарю живого великорусского языка, – но без подносчиков палаты не строятся, надо приложить много рук, а работа черна, невидная, некорыстная...»¹. ‘Доблестный делатель’ – так толкует учёный слово *подвижник* в своём Словаре. Великий подвижник народной культуры, В. Даль – и в этом его огромная заслуга – «разбудил» любителей русского народного слова в разных уголках России, стимулировал собирательскую деятельность последующих поколений диалектологов.

Неутомимыми собирателями и исследователями истории Костромской губернии, народной культуры, языка начала XX века предстают перед нами деятели Костромского научного общества по изучению местного края (КНОИМК).

Воссоздавая в своих работах реальный мир костромской глубинки начала XX века – основные занятия жителей, их быт, традиции, нравы, члены КНОИМК продемонстрировали настоящее чутьё и интуицию учёных, бережно фиксируя и «местный выговор» (индивидуальные особенности произношения), и специфические народные наименования, звуковой облик которых целиком

отличался от литературных слов. По этой причине труды КНОИМК, ставшие в наше время библиографической редкостью, предоставляют надёжный материал для изучения языка и словаря Костромского края. О значимости данных работ в лингвистическом плане говорит в числе прочих тот факт, что в известном лексикографическом труде наших дней – Словаре русских народных говоров, на который ссылаются все современные диалектологи, в качестве иллюстративных источников по костромской народной речи нередко используются фольклорные и этнографические записи, сделанные деятелями КНОИМК.

Изучение костромской диалектной лексики, представленной на страницах трудов КНОИМК, по существу только начато, но уже можно высветить наиболее важные, как нам кажется, линии ее исследования.

I. Специального рассмотрения заслуживают в трудах КНОИМК те тематические группы слов, номенклатура которых в силу различных социально-экономических факторов практически полностью изменилась за XX век. Исследуемые работы позволяют весьма полно реконструировать лексику, связанную с разнообразной профессионально-трудовой деятельностью жителей Костромского края: лесоиспользованием, рыболовным промыслом, производством известняка, гончарным делом, отхожими промыслами и др. В настоящее время большая часть этой лексики, в своё время актуальной, с трудом выявляется в живой речи диалектоносителей старшего поколения, а подчас и вовсе не фиксируется.

В качестве примера представим лишь небольшую часть народно-бытовой лексики, связанную с вырубкой и сплавом леса по костромским рекам. Не обойдем сразу вниманием тот факт, что члены Костромского научного общества в трудах своих неоднократно писали об обнажении территории Костромской губернии от вековых лесов по причине их активной вырубки и транспортировки в разные регионы России: «Там, где прежде были корабельные леса и непроходимые чащи, теперь пустыри; лишь пни да молодежник напоминают о прежнем лесном богатстве края»²; «С чисто лесоводственной точки зрения беляное дело есть зло, так как ведет за собой хищническую сводку леса»³.

Подробно описывая сложный, весьма отлаженный механизм средств транспортировки лесных грузов по рекам Костромской губернии, деятели КНОИМК нередко указывали к общерусским словам транспортной тематики синонимические диалектные наименования. К примеру, помимо общеизвестного литературного слова *плот*, реалию для перевозки грузов (в том числе и леса, а также «мелочей», т. е. мелкого лесного материала, например, березового товара, хвойных мелочей – поясняют в работах деятели КНОИМК) представляет в наших материалах диалектная лексема *сойма*, значение которой четко иллюстрирует следующий контекст: *Грузовые плоты носят местное название сойм и пускаются только по многоводным рекам*⁴. Даль регистрирует рассматриваемое существительное со значением ‘одномачтовое палубное суденышко на Ладоге и Онеге’⁵. В костромских говорах, согласно вышеприведенному контексту, *сойма* использовалась в специализированном значении “грузовой плот”, и в Словаре русских народных говоров фиксация этого значения приводится с пометой *ветл., волжск*⁶. Современные носители костромской диалектной речи, по данным рабочей картотеки для КОС, подобное наименование уже не вспоминают.

Плот небольших размеров именовался в разных местностях, согласно данным трудов КНОИМК, как *полуплоток, оплотина, связка, целена* и *салка*: Там, где это возможно, строевой лес по небольшим речкам сплавляется в *полуплотках*, т. е. в небольших плотках, составленных из нескольких связок (оплотин); На более крупных речках сплав производится отдельными *оплотинами*, т. е. маленькими плотиками, носящими в разных местностях губернии разные названия (*целена, салка* и пр.); По реке Костроме длинномерный (18 аршин и более) лес также обычно сплавляется в однорядочных *целенах*, а менее длинный – 12 и 15 аршинный – в двухрядках (*двоеплоте*)⁷. Использование слов *оплотина, салка* в указанном значении, по данным просмотренных лексикографических источников, по-видимому, не выходит за пределы костромских говоров, что позволяет считать их локализмами, причем пока не обнаруженными в современной речи диалектоносителей.

Для обозначения плота, предназначенного для дровяного сплава, называется в исследуемых работах иное языковое средство – *кошма*: «Дрова сплавляются долго-тьём (обычно в *кошмах*) или коротьём⁸, хотя, отметим попутно, наряду с кошечным сплавом практикуется также и судовый сплав дров: по реке Костроме – в *тихвинках*, по Унже – в *гусянях* и *баржах*, по Ветлуге также в *белянях*⁹.

Имея широкую дистрибуцию в русских говорах, слово *кошма* регистрируется в народных говорах как полисемант, значения которого связаны с лесоводческой терминологией. Современные пожилые носители костромской речи вспоминают: «Раньше-лишь по речке-то *кошма* за *кошмой* плывут» (Вохомский р-н).

Как видно из небольшого представленного фрагмента, труды членов Костромского научного общества по изучению местного края позволяют выявить основной репертуар лексики костромского диалектного континуума начала XX века, связанной со сплавом леса и иных грузов, что дает возможность восстановить некоторые утраченные в современной костромской диасистеме звенья, уточнить семантику и лингвистические ареалы.

II. Одно из важных направлений исследования, представляющее, несомненно, интерес не только для лингвистов, но и для историков, этнографов, краеведов, связано с лексикой традиционной народной духовной культуры. Понятия, образы, лексические средства, отражающие демонологические явления, свадебные, похоронные обряды, народный календарь, катастрофически быстро исчезают из народного быта и языка. Тем большую ценность в наши дни имеют этнографические очерки, фольклорные записи, тексты заговоров, записанные в Костромской губернии деятелями КНОИМК. Благодаря им можно воссоздать своеобразную энциклопедию духовной жизни костромского населения, отраженную в языке.

В качестве аргументирующей части остановимся на работе В. Смирнова «Народные похороны и причитания». Показательно, что в четвертой главке своего труда автор специально приводит небольшой словарик народных слов, оставившись на некоторых синтаксических явлениях, художественных особенностях причитаний и плачей по умершим. Специфика жанра похоронных причитаний на первый план выдвигает лексику медицинской и похоронной тематики, среди которой фиксируется немало народных слов и выражений, каждое

из которых достойно специального лингвистического исследования: *огневица* 'скарлатина', *сыпуха* 'оспа', *хоробец ходит*, *хоробец играет* 'хрипение умирающего в предсмертной агонии', *пашиться* 'умирать', *побывшиться* 'умереть', *подорожник* 'кусочек холста, который дается первому встречному при похоронах', *домовина* 'гроб', *голубец (голбец)* 'надгробный памятник в виде сруба', *босовички* 'туфли, надеваемые на покойника' и др.

В. Смирнов подчеркивает, что каждый шаг человека был пронизан всякого рода приметам, предписаниями, запретами, обычаями, которые в равной степени относились как к бытовой области, так и к сакральной сфере, причем с точки зрения духовной культуры магия слова и магические действия считались одинаково важны. Многоликость зла порождала разнообразные магические ритуальные действия, несущие символический смысл, имеющие цель победить зло. Например, когда народу угрожала **божья напасть (поветриё, повалюха)**, т. е. различного рода эпидемии, приостановить ее пытались по-разному: *При эпидемических заболеваниях, как холера, сыпуха (оспа), огневица (скарлатина), нутра (крававый понос) умерших ... выносят не через двери, а через окно, полагая, что только этим можно остановить распространение болезни; Когда уносят на кладбище покойника, впереди идет девушка с топором, рубит по земле, сзади же шествие замыкается вдовой, она метлой замечает оставленные по дороге следы топора. Это называется «холеру рубить или выметать»¹⁰.*

В магических действиях нередко отмечалась амбивалентность. К примеру, мыло, которым омывали покойника, имело, с одной стороны, «мертвящую силу» (его давали умываться мужьям, чтобы не ругались – «злоба мужа должна замереть»), но оно же употреблялось как средство домашней медицины: «Его берут себе девицы мыть руки, чтобы не дыбели, т. е. не дрябли»¹¹.

Общеизвестно, что одним из самых употребительных лечебных средств была «святая вода»: *Куда вода, туда и болесь вся* (Современные информанты (Островский р-н) вспоминают: «У меня обычно бабка Настя говорила: “Пойдем вспрыснем”. Вот и лечила молитвой, святой водой, ходила вокруг коровы, постоянно читала молитвы, крестила и вспрыскивала водой святой»). В то же время, если нужно было нанести вред человеку, «испортить» его, использовали «мертвую» воду – воду с покойника, которой поили человека. После этого он «будет тосковать и помрет. Боль у того человека делается – ни рукой, ни ногой не шевелит, уколешь иглой – не вздрогнет»¹².

В подобных символических действиях были сфокусированы представления людей о потусторонних силах, о добре и многомерном зле, влияющих на жизнь людей.

III. Произведения устного народно-поэтического творчества, записанные в Костромской крае деятелями КНОИМК А. Ширским, Н. Виноградовым, Ф. Луговским и др., представляют также несомненный лингвистический интерес¹³. Небольшие по объёму, они тем не менее воспроизводят отдельные звенья лексико-семантической системы костромской народной речи, открывают некоторые новые диалектные явления, а значит, могут оказаться полезными для решения ряда актуальных вопросов лингвофольклористики (в частности, проблемы, связанной с выявлением специфики языка фольклора в его отношении к на-

родным говорам и литературному языку), могут служить хорошим иллюстративным материалом при построении словарных статей для Костромского областного словаря. Особую привлекательность среди зафиксированных диалектизм в фольклорных текстах Костромского края занимает обиходно-бытовая лексика, отражающая хозяйственную деятельность человека, наименования крестьянских построек и их частей, названия одежды и обуви, природные явления: *кочет* 'передние стропила крыши', *клетуша* 'избушка', *кулига* 'полоса земли', *лутюшки* 'молодые липы, с которых сдирают лыко', *однобочка* 'камбала', *шахатый* 'лось' и т. д.

IV. Народно-бытовая лексика в трудах деятелей КНОИМК представляет большой научный интерес в связи с реализацией академической Программы «Лексического атласа русских народных говоров», в которой принимают участие более 50 вузов страны. Материалы трудов КНОИМК нередко рисуют наглядную картину географии диалектных лексем (Буйский, Костромской, Чухломской и др. уезды), что является одной из главных задач атласа, дают пространственный семантический комментарий целому ряду слов, что позволяет дополнить современные полевые записи костромской речи по разным разделам Программы ЛАРНГ, придать соответствующим картам историческую интерпретацию.

Изложенный выше материал (по необходимости в самом общем виде) свидетельствует о важности всестороннего анализа народно-бытовых слов, зарегистрированных на страницах сборников КНОИМК. Сбор диалектной лексики в полном объеме позволит, без сомнения, более ярко воссоздать картину лексического богатства костромских говоров.

Примечания

¹ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М., 1989–1991. Т. 1. С. XXIII.

² Дементьев Д. П. Исторический очерк Пыщугской волости Ветлужского уезда с древних времен // Пыщуганье. Историко-краеведческий сборник. Ветлужская сторона. Вып. 3. Кострома, 1997–1998. С. 7.

³ Дебюк Е. Леса, лесное хозяйство и лесная промышленность Костромской губернии // Труды КНОИМК. Вып. 10. Кострома, 1918. С. 67.

⁴ Там же.

⁵ Даль В. И. Указ. соч. Т.4. С. 246 .

⁶ Словарь русских народных говоров. М. ; Л. ; СПб. : Наука, 1965–. Вып. 39. С. 229.

⁷ Дебюк Е. Указ. соч. С. 52–54.

⁸ Матренинский В. Леса Кологривского уезда в естественно-историческом отношении // Труды КНОИМК. Вып. 6. Кострома, 1917. С. 301.

⁹ Там же.

¹⁰ Смирнов В. Народные похороны и причитания в Костромском крае // Отдельный оттиск из 15 вып. «Трудов КНОИМК». Кострома, 1920. С. 18–19.

¹¹ Смирнов В. Указ. соч. С. 25.

¹² Ширский А. А. Из легенд Ветлужского края // Отдельный оттиск из «Трудов КНО». Вып. XXIX. Кострома, 1923; Виноградов Н. Исторические песни, записанные в Костромском уезде // Материалы по истории, археологии, этнографии и статистике Костромской губернии. Вып. VIII. Кострома, 1914; Лаговский Ф. Н. Народные песни Костромской, Вологодской, Новгородской и Ярославской губерний. Вып. II // Отдельный оттиск из «Трудов КНО». Вып. XXIX. Кострома, 1923.

О. А. Образцова
г. Кострома

ЛИЧНЫЕ ИМЕНА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Е. В. ЧЕСТНЯКОВА

Произведения Е. В. Честнякова, костромского писателя, коренного жителя деревни Шаблово Кологривского района, содержат богатые материалы о жизни и быте, особенностях живой разговорной речи крестьян кологривской деревни начала XX века. Большое внимание автор уделял именованию своих персонажей. Именной репертуар произведений Е. В. Честнякова создавался как органичное отражение именника кологривской деревни начала XX века, в чём мы убедились, обследуя антропонимикон кологривских деревень.

Личные имена, использованные в произведениях Е. В. Честнякова, это крестильные имена, которые получал при крещении в деревенской церкви каждый крестьянин д. Шаблово Илишевского прихода, равно как и других деревень Кологривского уезда. В произведениях Е. В. Честнякова насчитывается более 300 крестильных имен. Из них 67 женских и 84 мужских антропонимов наиболее часто используются автором. Данные имена, по свидетельству старожилов Кологривского района (Лебедева Виталия Павловича, Лебедевой Анны Петровны, Поливановой Анастасии Николаевны, Осиповой Зои Ивановны и других земляков Е. В. Честнякова, хорошо знавших его), были популярны и среди поунженских крестьян того времени: Марковой, Пестимей, Назар, Евграф, Фёдор, Анна, Параскева, Дарья, Олёна, Орина и др.

В произведениях Е. В. Честнякова церковно-канонические имена представлены в полных и производных формах, их вариантах, принятых в повседневном употреблении. Данные формы – результат усвоения крестильных имен (иноязычных по происхождению) русской языковой средой. Заимствованные из греческого через церковнославянский, крестильные имена, подчиняясь законам русского языка, видоизменились и вошли в быт в разных формах, с разной степенью частотности.

Так, в произведениях Е. В. Честнякова, отражающих особенности поунженской антропонимии, мужские крестильные имена представлены 144, женские крестильные имена – 71 различными формами, наиболее употребительными в крестьянском обиходе, которые в основной своей массе являются производными, образованными от полной или сокращенной основы крестильного имени с помощью суффиксов. Например, в поэме «Титко» зафиксированы четыре формы крестильного имени главного героя произведения Тит – Тит, Титко, Титок, Титя: *Марья, Тит во все глаза на строителей глядят; Потом Титко стал мечтать, как бы фирму здесь создать; А годков через пяток лошадь заведёт Титок; Ты, Титя, лучше отдохни; Мужичок среди крестьян, а зовут Титка Касьян*¹. В стихотворениях «Тихо девонька сидела», «Сватовство», «Девоньке Оринке...» женское крестильное имя Иулиания употребляется в формах: Ульяна, Ульянушка, Уля, Ульяшенька: *Бает баушка Ульяна; Дома ли душа Ульянушка? Шёл мимо Улиного двора; Девоньке Ульяненьке <дарю> маленькую балалайку. Имя Анастасия используется в пьесе «Чудесная дудочка» в форме Настасья: *Матрёна и Настасья стали что-то туманные*. В остальных случаях оно встречается фор-*

ме, образованной суффиксами -еньк, -к: *Девушке Настеньке <дарю> гребешок частенький; Выруби дубинку на Наськину спинку*².

Полевые записи живой разговорной речи жителей рассматриваемой территории, сделанные в ходе наших экспедиций по Кологривскому району, подтверждают аналогичное функционирование крестильных имён в поунженских говорах в полных и производных формах. Так, Валентина Федосеевна Лещова, д. Хапово, 1922 г. р., вспоминает о своих земляках и называет их, используя различные формы крестильных имён (полную Василий и производные Васёк, Васенька, образованные с помощью суффиксов -ок, -еньк): *У меня сосет быу Вася, друзья мы были. Василий по спискам для документов, а приголубить хочешь – Васёк, Васенька*. Екатерина Степановна Румянцева, д. Красный бор, 1931 г. р., также отмечает, что в живой разговорной речи крестильное имя имело полную форму (Фёдор, Дмитрей) и несколько производных (Федюня, Митя, Митька, Митюша, Митюха): *Дедушко Федор быу, али кто скажет Федюня, как меня Катюня. По документам, вот, Дмитрей, а так Митя, Митька, Митюша, Митюха*. То же наблюдаем и в речи Анны Геннадьевны Моляровой, д. Княгинино, 1928 г. р.: *Гаврил в Окатове жил, по молодости – Гаря, Гаренька звали*.

Полные и производные формы крестильных имён в поунженских говорах, восходящие к одному имени, образуют антропонимические гнезда, в состав которых входит несколько компонентов. Данную особенность отмечает Валентина Федосеевна Лещова, д. Ложково, 1922 г. р., указывая на принадлежность разных производных форм одному крестильному имени: *У той сосетки Иванушко, у той сосетки Ванюшко, а фсё одно имя-то*.

В произведениях Е. В. Честнякова почти все производные формы крестильных имен входят в состав антропонимических микрогнезд (1–3, иногда и более, антропонима, помимо полной формы): Катерина – Катеринушка, Мария – Марийка, Марьюшка Машка, Матрена – Матренка, Настасья – Настенька, Наська, Аська, Офросинья – Офрося, Офроська, Офросинька, Офросинюшка и т. д.

Крестильные имена в той или иной форме функционируют в говорах рассматриваемой территории в соответствии с речевой ситуацией, личностными характеристиками именуемого и именующего и другими внешними обстоятельствами общения.

Жанровое многообразие произведений Е. В. Честнякова позволяет нам наиболее полно воссоздать функционирование имен в различных жизненных ситуациях. Так, женское каноническое имя Мария (из греч. Μαρία) в произведениях Е. В. Честнякова употребляется в полной форме Марья (Мария) и трёх производных: Марийка, Марьюшка, Машка. Полная форма имени употребляется только в поэме «Титко» отношении к матери героини. В остальных случаях используются производные антропонимы. Как известно, в живой разговорной речи полные крестильные имена употреблялись мало. Официальный характер полной формы крестильного имени способствовал его ограниченному употреблению в крестьянской среде, описываемой Е. В. Честняковым. В стихотворении «Девоньке Оринке» автор создает образы крестьянских девочек, получающих небольшие подарки, и использует производные формы, в частности Марийка: *Девушке Марийке <дарю> пресленек маленький*³. Антропоним Марийка образован от полной основы с помощью суффикса -к(а),

который в данном случае имеет положительную коннотацию. Трепетное отношение к детям выразилось и в употреблении автором в стихотворении уменьшительно-ласкательной формы нарицательного имени существительного: *пресленёк*. В пьесе «Чудесная дудочка» мать, ласково обращаясь к дочери, употребляет форму *Марьюшка*, образованную от полной основы путем присоединения суффикса -ушк(а): *Марьюшка, наболтай овсяной муки*⁴. В небольшом стихотворении «Считалочка» Е. В. Честняков использует производный антропоним *Машка*: *Чашечка с кашкой, Сашенька с Машкой*. Данная форма образована путём добавления к сокращенной основе полного имени суффикса -к(а). В данном случае суффикс также является выражением положительной оценки, что усиливается употреблением автором в стихотворении нарицательных имён существительных в уменьшительно-ласкательной форме: *чашечка, кашка*.

Примерами подобного употребления полных и производных форм крестильных имен в речи жителей поунженских деревень могут служить записанные нами воспоминания Нины Константиновны Веселовой (д. Спирино, 1926 г. р.). Она использует полные крестильные имена для описания официальной торжественной обстановки: *В церквях батюшко ведь давал имя. Вот мне дали Ниной, а батюшко протестовал, говорит: «Не отымайте у девки щастьё!» Надо было мне дать-то Овдотьёй. Я родилась на день Овдокии, и мне надо было Овдотьёй дать. А старшие меня два брата были, оне уши меня только ещо мамка родила, оне назвали Ниной. И так и дали. «Нет, батюшко, у нас робята живут, Ниной уши дали. Дай Ниной». Батюшко долго не давал. Но всё равно уговорили и дали Ниной*. Описывая отношения среди земляков, внутри семьи, жители поунженских деревень Кологривского района используют производные формы крестильных имён. Мария Степановна Ширяева (д. Пекушино, 1929 г. р.) вспоминает, как дед называл своего взрослого внука, её мужа, крестильным именем Павлуша. Данный антропоним является производным, образованным с помощью суффикса -уш(а). Он несет в себе положительную оценку именуемого и выражает ласковое, любовное к нему отношение: *У меня муш Павел. Я звала ево Паня. А ево как фсё в семье звали Паня, ну, и я – Паня. Паня, Паня – так и привыкла. А дед ево очень любиў, фсе Павлуша зваў*. Хватова Мария Васильевна (д. Хапово, 1927 г. р.) рассказывает об одной из жительниц деревни Бурдово, используя производную форму крестильного имени Анюта, образованную от сокращенной именной основы с помощью суффикса -ут(а): *В Бурдове Анюта сама себе такое имя дала. Анна не полуцялось у её у маленькой, а мать фсё Анюта велицяла ласково. Дак, так и осталась Анюта*.

Личные имена произведений Е. В. Честнякова как часть севернорусского диалекта, реалистически точно отраженного на страницах литературного наследия писателя, представлены в словаре народно-разговорного языка писателя «Живое поунженское слово»⁵. Приведём несколько примеров словарных статей.

Аким, м. *А дядька Аким с делом таким: Одарью ли ограбили?* (Рёва лютая)⁶. /От Иаким, греч. Ἰωακείμ /.

Аким Акимович, м. *Разве гворил с Акимом Акимовичем* (Стафий)⁷. См. Аким.

Аким Нефёдов, м. *Аким Нфёдов, кажись, постарше* (Стафий)⁸. См. Аким.

Алѣнка, ж. *Девушке Алѣнке дарю цветочек аленький* (Девоньке Оринке)⁹. /От Елена, греч. 'Ἄλενη/.

Ана, ж. *Он и вся его семья: Марья, Дарья и Ана* (Титко.Об.)¹⁰. См. Анна.

Анна, ж. *Бабушка Анна – Ая, девонька Фарася – Яя, дедушко Яков – Яй* (Стафий)¹¹. /От Анна, греч. 'Ἄννα/.

Антон, м. *Продвигался ли он, мне скажи-ка ты, Антон* (Федорок)¹². /От Антон, греч. 'Ἀντώνιος/.

Анюта, ж. *Мимо прытко шла Анюта – я и вышла на минуту* (Свадьба)¹³. См. Анна.

Анютка, ж. *Ты, Анютка, рано встала.* (Тихо девонька сидела. Об.)¹⁴. См. Анна.

Примечания

¹ *Ефим Честняков. Поэзия* / сост., вступ. ст. Р. Е. Обухова. М., 1999.

² Честняков Е. В. Сказки, сценки, стихи, пьесы [Рукопись] / сост. Е. В. Ярыгина. Хранится в Костромском областном доме народного творчества.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Живое поунженское слово. Словарь народно-разговорного языка Е. В. Честнякова / Н. С. Ганцовская. Кострома : Костромаиздат, 2007. 225 с.

⁶ *Ефим Честняков. Поэзия* / сост., вступ. ст. Р. Е. Обухова. М., 1999.

⁷ Честняков Е. В. Стафий : поэма. [Рукопись] / сост. Р. Е. Обухов. Хранится в Костром. гос. ист.-архитектур. и художеств. музее-заповеднике.

⁸ Там же.

⁹ Честняков Е. В. Сказки, сценки, стихи, пьесы.

¹⁰ *Ефим Честняков. Поэзия* / сост., вступ. ст. Р. Е. Обухова. М., 1999.

¹¹ Честняков Е. В. Стафий : поэма.

¹² *Ефим Честняков. Поэзия* / сост., вступ. ст. Р. Е. Обухова. М., 1999.

¹³ Честняков Е. В. Сказки, сценки, стихи, пьесы.

¹⁴ *Ефим Честняков. Поэзия* / сост., вступ. ст. Р. Е. Обухова. М., 1999.

Л. А. Поросятковская
г. Кострома

О ВЛИЯНИИ ПРИМЕНЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ АКТОВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НА ХОД ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ. РОДОВЫЕ ИМЕНА ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII ВЕКА

Статья посвящена проблемам поиска генеалогической информации о роде в условиях неоднократной перемены представителями этого рода сословия, места приписки, осложненных изменением административно-территориальной принадлежности мест проживания представителей рода и отсутствием или неполнотой базовых архивно-документальных источников.

Как известно, в стародавние времена не было четких границ между территориальными образованиями. Екатерина II, благодаря своему доставшемуся по природе свойству *das Ordnungs*, навела порядок, разделив Россию на губернии, губернии – на уезды, уезды – на волости, усовершенствовав межевание земель и четкость границ. По результатам этих и последующих немалых усилий в области структуризации территорий во второй половине XIX и начале XX в. были изданы справочники «Списки населенных мест губерний Российской империи» – настольные книги архивистов и исследователей.

В предшествующие Екатерининским реформам времена существовало, в общем-то, схожее устройство: губернии делились на провинции, называемые также уездами, провинции – на уезды, или осады, или станы, или волости. И если в одном архивном документе XVIII в. встречается географическое понятие «Галичская провинция Чухломской уезд», а в другом тех же лет – «Галичский уезд Чухломская осада», то вполне может быть, что речь идет об одних и тех же землях. Или не совсем. Конечно, такой «разброд» осложняет жизнь исследователей, но и одновременно делает ее захватывающе интересной.

Итак, чтобы найти следы того или иного персонажа, жившего в первой половине XVIII в., и не исключено, вашего почтенного прауродителя, надо очень и очень потрудиться. Ведь он перекочевал из знакомых нам по спискам XIX в. населенных мест в совершенно незнакомые места XVIII в., на которые списки не составлены, хотя на самом деле остался жить-поживать на том же самом клочке земли.

История купеческо-мещанского рода Степановых примечательна именно тем, что представители рода кочевали не только из осад и станов в уезды и губернии, из столиц в провинцию и наоборот, но и из сословия в сословие, перепробовав чуть не весь реестр податных состояний, известных в Российской империи. Хотя начиналась история рода с духовного сословия.

О том, что церковь Преображения Спасова на погосте в Серапионовой пустыни на реке Виче (Виге) существовала в 1628 г., известно из книг патриаршего казенного приказа, который «строго следил за каждой старой и новопостроенной церковью как за своей доходной статьей и с особой аккуратностью отмечал в своих приходных окладных книгах об уплате церковных пошлинных денег»¹.

В костромском издании 1895 г. «Галичская десятина с пригороды» приведены сведения из ранних патриарших книг о церкви в Серапихе, датированные 7136 г., т.е. 1628 г. от Р.Х. В этот и последующие годы вплоть до 1652 г. «данные² и венечные пошлины платили» то «крестьянин Жеребцова Гришка Третьяков», то просто «человек Жеребцова». Самая же поздняя запись о церкви Преображения Спасова в Серапихе в этом же издании, очевидно, вынутая из ревизской переписи, датируется 1723 г., и речь в ней идет не об уплате налогов, а о поименном списке духовенства и причетников этой церкви: «*поп Иван Елисеев, у него сын Михайло, у Михайла сын Никифор, дьячок Андрей Михайлов, пономарь Петр Андреев, приходских 94 двора*»³.

Дьячок Андрей Михайлов, хотелось бы думать, не кто иной, как «наш» прапра-пра, в трех последующих переписях, II (1745), III (1762), IV (1782) значится крепостным д. Голдино Галицкого уезда Чухломской осады Серапионовой пустыни вотчины генерала Николая Григорьевича Жеребцова⁴. Вся его большая

семья учтена в части ревизской сказки, озаглавленной «*Приписанные по желанию церковников от церкви Преображения Господня с. Серапиха*». Необходимо прибегнуть к законодательным актам Российской империи, чтобы разобраться, об одном ли и том же Андрее Михайлове идет речь в опубликованных в «Галичской десятина с пригороды» сведениях за 1723 г. и архивно-документальных источниках II, III, IV ревизий, и если об одном, то какие превратности заставили его перейти в податное сословие.

В XVIII в., по традиции прежних времен, в духовное сословие можно было попасть двумя способами: через выборы прихожанами, при чем до ревизии 1745 г. позволялось посвящать в сан и податных людей, и через наследственную передачу церковных должностей. Правительственные указы осуждали и первый, и второй варианты, но лучшего, то есть такого же не затратного для государственной казны, предложить не могли. В Духовном регламенте 1721 г. наследственная передача должностей в храмах была объявлена порочной. Но более поздние указы признали это явление жизненно необходимым для процесса подготовки священников и дьяконов через занятие детьми духовенства должностей дьячков и пономарей. В результате к церковным местам стали относиться как к собственности семьи и не только передавать по наследству, но и делать предметом сделок.

В 1723 г. Андрей Михайлов, учтенный в причетнической должности дьячка, относился к низшей степени клира. Его должность не входила в состав церковной иерархии, но обязывала знать грамоту и церковное служение: чтение и пение. Как и другие служители церкви, дьячки проходили посвящение, которое называлось *хиротесия*. Состоял ли он в родстве с перечисленными рядом с ним попом Иваном Елисеевым и его сыном Михаилом, неизвестно: текст можно трактовать как в пользу этого предположения, так и против. Но если учитывать наследственную преемственность церковников, то он вполне мог быть внуком попа Ивана Елисеева и соответственно сыном Михаила Иванова.

Также в пользу идентификации двух Андреев Михайловых, дьячка и крепостного, можно привести доводы, основанные на анализе состава семьи Степановых, учтенной в ревизии 1762 г. среди крепостных генерала Николая Григорьевича Жеребцова. В возрасте 77 лет *Андрей Михайлов* пишется во главе семьи, в которой есть два взрослых женатых сына, две дочери и двое внуков. Невольно обращает внимание на то, что оба сына крепостного Андрея Михайлова, Федор и Андрей, женаты первый на «*церковничьей дочери*», второй на «*дьяконовой дочери*».

Существовал негласный закон, поддерживающий так называемую кастовость духовного сословия, – закон о браках церковных сыновей на церковных дочерях. Церковному сыну, нарушившему такой закон и женившемуся на светской девице, приходилось иногда отказываться от возможности получить причтовое место. Еще трудней представить, чтобы девушка духовного звания вышла замуж за крепостного.

О том, что церковь в Серапихе была под покровительством вотчинников Жеребцовых нам известно из патриарших книг XVII в., в которых писано, что церковные налоги в патриаршую казну доставляли «люди» г. Жеребцова. Во многих приходах существовало обеспечение причта ругою, то есть землей от помещика. Скорее всего и положение Андрея Михайлова в вотчине Жеребцова

было не совсем уж крепостное, а «особое» в ожидании вакансии. Вероятно, теплилась надежда на официальное возвращение в духовное сословие, если не у самого Андрея Михайлова, то у его сыновей.

А теперь пришла пора разобраться, как семьей Степановых было потеряно причтовое место. Череда указов, начиная с Духовного регламента 1721 г., привела к некоторым ограничениям деятельности церкви как института, захватившего, по мнению Петра I, излишне активные позиции в государстве. 10 августа 1722 г. по указу «О штате церковных служителей при приходских церквях и о положении излишних и безместных в подушный оклад»⁵ сократили разросшиеся штаты приходских церквей. Теперь на 100–150 дворов прихожан полагалось по 1 попу, а при каждом попе по 1 дьячку и 1 пономарю. «А лишним искать свободных мест». «Может священник сына своего, петь и честь (читать. – Л. П.) искусного, да только единого имети в дьячках или пономарях, а прочих отдавать к другим церквям или в иной честной жития промысел»⁶.

11 марта 1723 г. вышел указ «О незаписке священников и дьяконов в подушный оклад, но о положении в оный их детей и причетников, и о не позволении строить новые церкви»⁷. В результате «детей поповских и дьяконских, причетников самих с детьми» с этого времени стали писать в подушный оклад. Неподатными остались только священнослужители (священники и дьяконы). В указе от 12 ноября 1725 г. говорилось: «Церковников, кои остались за определением (т. е. за штатом) и приписаны по их желанию к помещикам и к деревням и положены в подушный оклад, из подушного оклада не выключать и брать с них подушные деньги. А ежели у них есть дети, которые с ними приписаны к подушному окладу, тем быть за помещиками, чтобы впредь архиереи таковых положенных в оклад в попы и дьяконы не посвящали и тем в сборе подушном помешательства не чинили»⁸.

Из приведенных выше законов становится ясно, что в промежутке между 1723 и 1745 гг. Андрей Михайлов вынужден был записаться в крепостное сословие, в каковом все семейство Степановых⁹ и учтено по ревизиям 1745, 1762, 1782, 1795 гг. в д. Голдино вотчины дворян Жеребцовых как «приписанные по желанию церковники Преображенской церкви с. Серапиха».

В 1803 г. чухломские владения генерал-майора Петра Николаевича Жеребцова по купчей достались помещице Екатерине Алексеевне Силиной, и в ревизской сказке 1811 г. крестьяне д. Голдино учтены за новой госпожой. Незадолго до этого, в 1802 г., большая часть крестьян, и в том числе половина семьи Степановых, была отпущена на волю последним владельцем из Жеребцовых Петром Николаевичем. По Манифесту 1775 г. при получении *отпускной* разрешено было вольноотпущенным приписываться к сельским или городским сословиям. Это стало не только правом, но и обязанностью, которую необходимо было выполнить до следующей ревизии.

Из-за отсутствия документальных источников мы точно не знаем, в какое сословие записались вольноотпущенные Степановы по выходе из крепостного состояния. Но то, что в документах середины XIX в. они активно упоминаются как мещане и купцы г. Чухломы и г. Санкт-Петербурга, говорит об их далеко не равнодушной и предприимчивой позиции к своему положению. Из наследственных дел

известно, что они владели землей и домами в д. Фомино и Голдино Чухломского уезда Костромской губернии, купленных у помещика П. Лермонтова и чухломских мещанок Епифановых, а также двумя торговыми лавками, «состоящими первая в Ямском частном рынке под № 10, и вторая в Литейной частном рынке под №24» города С.-Петербурга.

Примечания

¹ Галичская десятина с пригороды. Материалы для истории Костромской епархии. Кострома, 1895. С. 2.

² Данные – от слова «дань».

³ Там же.

⁴ Род Жеребцовых внесен во II часть (военные дворянские роды) родословной книги Российской империи. Известно, что братья Николая Григорьевича Жеребцова, Алексей и Петр Григорьевичи, были сенаторами при императрице Елизавете.

⁵ ПСЗ, I, т.6, 1722, №4072. С. 756.

⁶ ПСЗ, I, т.6, 1722, № 4022. С. 707.

⁷ ПСЗ, I, т.7. 1723, № 4186. С. 32.

⁸ ПСЗ, I, т.7, 1725, № 4802. С. 551.

⁹ Фамилия в данном случае употребляется условно. В указанных документах представители рода учтены бесфамильными по именам и отчествам, как было принято в учетных документах тех времен.

А. Ю. Саранин
г. Кострома

**ЛЕКСИКА ПРОИЗВЕДЕНИЙ А. Ф. ПИСЕМСКОГО КАК ИСТОЧНИК
ИЗУЧЕНИЯ ГОВОРОВ КОСТРОМСКОГО АКАЮЩЕГО ОСТРОВА**

Современные исследования позволяют утверждать, что территория костромских акающих говоров представляет собой особую лингвоэтническую зону. Сами эти говоры, являющиеся островными и называемые Костромским акающим островом (КАО), можно квалифицировать как среднерусские смешанного типа с севернорусской основой и южнорусским наслоением¹. Для решения этногенетических проблем и с целью уточнения значений слов и их ареальных связей, помогающих установить типологические особенности края, место его говоров в диалектном членении русского языка, необходимо комплексное этнолингвистическое обследование региона.

Наряду с работами археологов, историков и краеведов свой вклад в решение этой проблемы внесли и лингвисты. К ним в первую очередь надо причислить таких деятелей прошлого, как Ф. И. Покровский, член Географического общества ОРЯС ИАН, исследовавший буйские и чухломские говоры в конце XIX века, Н. Н. Виноградов, член Московской диалектологической комиссии и одновременно Костромского научного общества по изучению

местного края (КНОИМК), описавший говоры КАО в начале XX века. Однако немало сведений об этнодиалектных особенностях края содержится и в трудах нелингвистов, внёсших путём обильного цитирования местного речевого материала свой вклад в комплексную этнолингвистическую характеристику края. Это труды многих деятелей КНОИМК первой половины XX века, материалы этнографического бюро князя В. Н. Тенишева (конца XIX – начала XX в.), архивные материалы, а также произведения писателей, связанных с костромским краем. Одним из таких писателей, знатоком жизни крестьян Чухломского уезда с акающим населением, имевшем там поместье, является А. Ф. Писемский. До сих пор его произведения в лингвистическом плане не разбирались.

В цикле «Очерки крестьянского быта» Алексей Феофилактович Писемский широко и многогранно представил лексику говоров КАО. Пожалуй, лучшим произведением такого плана является очерк «Питерщик», где автор повествует о судьбе чухломского крестьянина Клементия, когда-то занимавшегося отходничеством в Санкт-Петербурге, и где встречаются многообразные типы диалектной лексики, поданной в связи с этническими реалиями края.

Цель данной работы – охарактеризовать этнодиалектную лексику, встречающуюся в произведении писателя, с точки зрения особенностей её семантики, структуры, словообразовательных и ареальных связей и форм функционирования в говорах.

В очерке «Питерщик» представлена разнообразная по частеречным, лексико-семантическим и деривационным (словообразовательным и ареальным) признакам лексика: *бахвал, белендрясы, выжига, голбец, десяцкой, имало, косуля, косарь, курная изба, лесная кочерга, могут, моторить, необрядная, непыратый, ободворок, питерщик, понёва, толоконное брюхо, фатера, хват* и др. В данной работе мы рассмотрим часть имеющейся в произведении лексики материальной культуры, куда входят такие подгруппы, как одежда (*сибирка, понёва*), жилище (*фатера, голбец, ободворок*), орудия труда (*имало, косарь*), а также агентивной лексики, выразительно рисующей особенности края (*питерщик, десятский, хват, бахвал*).

Беляндрасы. «...Как бог посчастливит, так и хозяйство заведёт: смотришь – и дом с *белендрясами* вытянул...». «Белендрясами тут называют деревянные резные украшения на доме, которые служат символом благосостояния, материального достатка и являются следствием хороших заработков в городе питерщиков, по сути дела деревенских мужиков»².

Десятской. Как известно, это административная должность выборного от сотни дворов, осуществляющего полицейский надзор в деревне.³ Характерной чертой описываемой местности является то, что обязанности «десяцкого» здесь нередко исполняли женщины, что и отражено в очерке:

Летом, в 184..., приехал я в чухломскую деревню Наволоки и, зная хорошо местность, вовсе не удивился, когда на крик моего ямщика:

«Эй, десятской, подь сюда!» – вышла молоденькая и прехорошенькая собой баба.

– Ты, голубушка, десятской? – спросил я ее.

Она улыбнулась.

– Я, сударь⁴.

Таким образом, слово наполняется новой семантикой и вследствие этого приобретает новые ареальные связи, становясь характерным этнодиалектным признаком края.

Курная изба. Этим словом называли такую избу, которая отапливалась печью без трубы, «по-чёрному», как говорят в народе. Чухломцы в очерке Писемского пренебрежительно относятся к такого рода постройкам, поскольку их достаток позволяет им иметь лучшее жилище. «Помещение такое – хуже курной деревянной избы», – говорит питерщик Клементий о квартире в Петербурге⁵.

Ободворок. В следующем контексте представлено севернорусское слово ободворок, органически связанное с обозначением женского труда в данной местности: *Картины увидел обыкновенные: на самой середине улицы стояло целое стадо овец, из которых одна, при моем приближении, фыркнула и понеслась марш-маршем в поле, а за ней и все прочие; с одного двора съехала верхом на лошади лет четырнадцати девочка, на ободворке пахала баба, по крепкому сложению которой и по тому, с какой ловкостью управлялась она с сохой и заворачивала лошадь, можно было заключить об ее не совсем женской силе...*⁶. В СРНГ данное слово определяется так: «земля, расположенная сразу за селениями, дворами»⁷, в Ярославском областном словаре: «приусадебный участок пахотной или сенокосной земли»⁸. Такое же значение лексема имеет и в очерке Писемского. Правда, в словарях наиболее частотны синонимы не мужского, а женского рода к данному слову: *ободворина, ободворица*, есть и слово *одворок*. Все они характерны для севернорусских говоров. Примечательно, что работает на *ободворке* именно женщина, так как почти все мужчины в Чухломском уезде занимались отходничеством, т. е. уезжали на заработки в крупные города (преимущественно в Санкт-Петербург). Таких людей называли *питерщиками*.

Питерщик. Данное слово не зафиксировано ни в ЯОС, ни в СРНГ. Как уже было сказано, слово *питерщик* в Чухломском уезде обозначало человека, который уезжал на заработки в Петербург. Писемский отмечает, что питерщики занимались преимущественно столярным, слесарным или стекольным ремеслом.⁸ «Жили они, как правило, богато. Я вошел и, осмотревшись, тотчас же догадался, что я у *питерщика*. Комната вся была оклеена сборными обоями: несколько полосок французских атласных, несколько хороших русских и, наконец, несколько дешёвеньких; штукатурный потолок был весь расписан букетами, так что глазам было больно смотреть на него; в переднем углу стояла красного дерева киота с образами и стол, на котором были нарисованы тарелки, а на них – разрезанные фрукты, а около – серебряные ножи и вилки»⁹. Данная цитата наглядно представляет полугородской образ жизни *питерщика* в деревне, крестьянина-отходника.

Понёва. В большинстве русских говоров это слово обозначает вид женской одежды, чаще всего нижнюю юбку, характерную для жительниц юга России. Однако в очерке Писемского контекст даёт основания полагать, что

данное слово употреблено для обозначения мужской одежды. «...Летом вы уж, конечно, не увидите ни одного мужика, а если и протащится по перегородке какой-нибудь, в нитяной *поневе*, нечёсанный и в разбитых лаптях, то вы, вероятно, догадаетесь, что это работник, – и это действительно работник и непременно леменец»¹⁰. Здесь Писемский выступает как наблюдательный лингвист-этнограф и отмечает, что *леменцом* называли жителя Вологодской губернии. Это говорит о том, что данный вид одежды не свойственен чухломцам, так как носит её наёмный работник из другой волости. В Словаре русских народных говоров (СРНГ) слову *понёва*, обозначающему вид мужской одежды, дано следующее определение: «род жакета из домотканого сукна»¹¹. В произведении Писемского, вероятней всего, данная лексема имеет сходное значение.

Эти и подобные примеры, взятые только из одного произведения А. Ф. Писемского, в достаточной степени ярко показывают своеобразие лексики данного края и в то же время отражают основные особенности лексики остальных костромских говоров, которая имеет севернорусский характер. Слова *понёва*, *ободворок*, *белендрясы*, *курная изба*, *питерщик*, *десятской* являются севернорусскими изолексами, что хорошо видно из контекстов произведений А. Ф. Писемского и сравнительного материала областных словарей. В то же время слово *понёва* привносит южнорусский акцент в характеристику данной языковой зоны, хотя и употребляется своеобразно – обозначает элемент мужской одежды. Слова-агенты *питерщик* и *десятской* являются также характеризующими наименованиями и, помимо основного значения – выявить денотат слова – имеют яркий коннотативный оттенок, характерный для говоров данной языковой зоны. Они обозначают лиц определённого социального статуса, соотносимого исключительно с реалиями данного края. Таким образом, данные материалы подтверждают тезис о среднерусском, смешанном характере говоров КАО, сочетающем в себе черты севернорусских и южнорусских говоров, имеющих севернорусскую основу (лексика, морфология) и южнорусское наслоение (безударный вокализм и отчасти некоторые особенности лексики). Также рассмотренная лексика высвечивает и этнолингвистические особенности данной территории, уникальной в отношении языка не только по отношению к костромским говорам, но и ко всей массе русских говоров в целом.

Примечания

¹ Ганцовская Н. С. Лексика Костромского акающего острова: проблемы типологии : моногр. СПб. ; Кострома, 2007.

² Писемский А. Ф. Рассказы. М. : Совет. Россия, 1984. С. 427.

³ Там же. С. 428.

⁴ Там же. С. 94.

⁵ Там же. С. 105.

⁶ Там же. С. 96.

⁷ Словарь русских народных говоров. Вып. 22. Л. : Наука, 1987. С. 154.

⁸ Ярославский областной словарь. Ярославль, 1988. С.16.

⁹ Писемский А. Ф. Указ. соч. С. 97.

¹⁰ Там же. С. 92.

¹¹ Словарь русских народных говоров. Вып. 29. Л. : Наука, 1995. С. 254.

РАЗДЕЛ VI. РУССКАЯ ТРАДИЦИЯ: ОБРАЗ ЖИЗНИ, ВЗГЛЯДЫ, МЕНТАЛИТЕТ

А. В. Петров
г. Санкт-Петербург

ОБ ИСТОРИЧЕСКОМ ФЕНОМЕНЕ РУССКОГО САМОДЕРЖАВИЯ

Принцип политического «одиначества», впервые в отечественной истории записанный в грамотах Ярослава, не был изобретением Новгорода. Он составлял важнейшую сущностную черту древнерусского вечевого уклада. Без единодушия веча и нераздельности форм власти как нормы и правила этот уклад функционировать не мог¹.

Возникновение принципа «одиначества», вероятно, следует относить еще ко временам *праславянских* племенных собраний. Есть данные, что на этих собраниях царили несогласия, которые удивляли византийских наблюдателей². Дух противоречия был настолько силен среди архаического славянства, что влиял даже на его военную культуру, сказываясь на способах ведения войны³. Допустимо предположить, что начало соперничества, издревле характеризовавшее жизненный уклад славян, стимулировало поиски и особого действенного противовеса, который и был найден в форме интересующего нас принципа. Новое дыхание этот – не менее древний – принцип славянского жизнеустройства получил в эпоху перехода от племенного быта к строю земель-волостей.

В политическом «одиначестве» на Руси со временем воплотилось нечто большее, чем потребность в устройении власти. «Одиначество» заявило о себе и как *религиозно-нравственный* принцип народной жизни, готовый и способный к христианизации. В определенном и важном смысле традиционные институты дохристианской Руси становились теми «новыми мехами» для «вина нового, учения благодатного», о которых писал митрополит Иларион.

Можно с полной уверенностью подтвердить аттестацию древнерусского веча как начального воплощения отечественной демократии. На протяжении всего периода вечевой независимости на новгородском вече (собрании корпораций прежде всего, и уже затем отдельных новгородцев) принцип большинства, составляющий основу всякой демократической системы, оборачивался принципом единогласия. Но новгородская демократия, с одной стороны, не оставлявшая места для волеизъявления меньшинства, с другой стороны, представляла уникальный пример и твердости его прав, доходивших до права на раскол.

Выросшее из древности, «русское начало единомыслия» характеризовало политико-юридический быт и Московского государства⁴.

14 декабря 1477 г. новгородцы приняли условия Москвы, ниспровергшие их народовластие и лишившие государственной самостоятельности. Новгород принес присягу на верность великому князю Московскому, а Иван III целовать крест Новгороду отказался. Московское государство не было «договорно-правовым». Зарождавшееся, по точному определению В. О. Ключевского, «под гнетом внешнего ига» и строившееся «среди упорной борьбы за свое существование», оно представляло собой «вооруженную Великороссию, боровшуюся на два фронта»⁵. В государстве – боевом стане на первый план неминуемо выдвигались не права сословий и корпораций, а их обязанности перед отечеством. Одни служили «копьем и головой» до последней капли крови, бессрочно, не думая о каких-либо договорно-правовых ограничениях своей службы и удивляя при этом заезжих западноевропейских наблюдателей, другие платили подати в казну⁶. И над первыми, и над вторыми возвышалась власть московского государя, неизбежно большая по объему, чем власть современных ей монархов Европы.

Строй Великорусского государства, ставшего историческим «ответом» на «вызов» внешней угрозы, нельзя мыслить лишенным социально-политических предпосылок в предыдущем развитии. «Мирская» традиция никогда не прерывалась в русской истории⁷. Неизменно возрождалось в России и земское самоуправление. Уничтожение новгородского веча «...не означало уничтожения Москвой северного народоправства как местного устройства. “Собирая” русские земли, Москва “собирала” и их уклады, включая их в уклад общегосударственный»⁸. Эпоху вечевого народовластия, высший взлет которого – в Великом Новгороде, и времена Московского самодержавия прочно связывает *древнерусское начало «одиначества», неделимости власти*. Вне учета данного принципа не получают адекватного объяснения ни характер самой московской монархии, ни характер Земских Соборов и Боярской Думы, ни взаимные отношения этих форм власти.

Часто спрашивают, насколько позволительно ставить понятия «Православие» и «самодержавие» в один смысловой ряд? Нет ли в этом неправомерного приспособления нравственного и исторического потенциала Православия к нуждам политической теории, в сущности посторонней для истории христианской Церкви в России? По необходимости краткий ответ на этот вопрос мог бы быть следующим: *величайшая мировая религия и национальная самобытно-сильная власть образовали в отечественном прошлом органическое сочетание, определившее важнейшие особенности русской истории и культуры*.

При своём возникновении во второй половине XV в. термин «самодержавие» не означал какой-либо особой формы или разновидности монархии. Этот термин указывал только на то, что теперь (после падения Константинополя в 1453 г. и свержения ордынского владычества в 1480 г.) великий князь Московский как правитель государства не зависим, суверенен – «сам держит». А до второй половины XV в. он был номинальным вассалом византийского императора и данником ордынского хана. Таким образом, «самодержавие» *поначалу – это национально-государственная независимость*, не более и не менее.

Данный смысл понятия сохраняется и позднее. И в новейшем политическом контексте призыв: «За самодержавие!» неминуемо отзывается отчётливым эхом: «За суверенитет! За национальную независимость!» Думаю, *эта* составляющая сегодня в наибольшей мере способна привлечь к монархистам симпатии русских патриотов самого широкого политического спектра. Во всяком случае, необходимо подчеркнуть, что *современной монархической идее, как ни какой другой политической доктрине наших дней, имманентна защита национальных ценностей.*

Средневековая московская монархия рано приобрела характер, отличавший её от монархий Западной Европы и в определённой мере сближавший с властью византийских императоров. Понятие «самодержавие» стало отражать данное своеобразие. Вобрав в себя дополнительные компоненты, оно приобрело обновлённый смысл.

С середины XIII века и до века XVIII Россия жила в режиме сверх высокого давления извне. *В ходе объединения великорусских земель вокруг Москвы, отвечавшего объективным интересам национальной самообороны, власть московских государей заметно усилилась.* Особенно укрепило социальные позиции самодержавия развитие условного землевладения на обширных конфискованных землях новгородского боярства, пошедших в раздачу московским помещикам. Помещики могли владеть своими поместьями только покуда несли государеву ратную службу. В короткий исторический срок разраставшаяся поместная система «переработала» весь прежний строй отношений монарха с классом крупных землевладельцев. Ко второй половине XVI в. все феодалы на Руси служили государю, и сама служба стала безусловным долгом. Власть московских самодержцев по отношению к их подданным, тем самым, намного превзошла власть других монархов тогдашней Европы. Постоянная внешняя угроза исторически оправдывала и освящала сложившийся военно-служилый строй с мощной центральной властью.

Но «самодержавие» не только сильная монархическая власть как таковая. После неприятия русскими Флорентийской унии 1439 г. с Римско-католической Церковью, наша Церковь стала фактически автокефальной (т.е. самостоятельной по отношению ко Вселенскому Константинопольскому патриарху), а учреждение на Москве в 1589 г. патриаршества окончательно оформило русскую церковную автокефалию. Избавившись от контроля со стороны Константинополя, Русская Церковь в полном соответствии с *византийской моделью* церковно-государственных отношений признаёт верховенство монархической власти. В свою очередь, и *государство как бы воцерковляется, начинает действовать по церковным правилам, принимает на себя церковные задачи и «священную миссию».* *Его идеология становится и по происхождению и по содержанию церковной.* Иначе говоря, *возникает своеобразный «симбиоз» Церкви и Царства, особый сакрализованный общественный порядок – «Святая Русь», когда государство стало мыслиться носителем религии и высшим защитником ортодоксальности.*

Однажды, ещё до установления автокефалии и гибели Византии, сын Дмитрия Донского – великий князь Московский Василий Дмитриевич дерзновенно и легкомысленно заявил, что русские имеют с греками одну Церковь,

но не имеют одного царства, т. е. греческий император, для нас, русских, царём не является. На это заявление Московского князя Вселенский патриарх Антоний IV ответил строгим учительным посланием: **«Невозможно для христиан иметь Церковь и не иметь Царства, ибо Церковь и Царство пребывают в великом единении, и невозможно для них быть разделёнными»**. Это были слова византийца, чьему царству в 1390-е годы было отмерено чуть больше полувека, к великому князю Московскому, чьи потомки вскоре после конца Восточно-Римской империи положат основание Русскому царству. Зададимся, вместе с замечательным русским историком Сергеем Аверинцевым, тем же риторическим вопросом: *«Уж если цареградский патриарх так авторитетно объясняет московскому государю, что православное Царство – необходимый коррелят и как бы полная реализация православной Церкви, можно ли не принять такой урок к сердцу, и притом на века?»*

Предполагая сильную монархическую власть, политический строй, именуемый русским самодержавием, исторически **в то же время основывался и на понимании этой власти как врученной Богом, как царского религиозного служения, религиозного долга**. Данное убеждение укоренилось в русской традиции. Не с ним ли связана неуступчивость такого искренне верующего православного человека, как Николай II, в пору революционных покушений на его власть?

И в «петербургский» период отечественной истории, несмотря на все отступления от канонического строя Церкви и на внешнее унижение её, российские самодержцы не забывали о своём историческом призвании. Когда, наконец, во второй четверти XIX в. завершился период неизбежных заимствований с Запада (оборотная сторона восточноевропейской модели перехода к Новому времени), в поисках государственного мировоззрения впервые обратились не к теориям иноземных профессоров, а к отечественной истории. Результаты поисков свелись в знаменитой триаде умнейшего русского государственного деятеля эпохи графа С. С. Уварова: «Православие, Самодержавие, Народность». Значение этой триады для развития идеологии русской государственности Нового времени трудно переоценить. Как для гуманитарной культуры (литературы, изобразительного искусства, проч.) наиболее плодотворный путь развития в XIX–XX вв. был прежде всего связан с *синтезом* постсредневековой европейской культурной практики с отечественной православной традицией, так и для русской политической культуры было необходимо использование национального исторического опыта.

Ныне наша страна вновь переживает переломную пору. Исконный русский взгляд на верховную власть как на религиозное (и во многом жертвенное) служение во имя России с одной стороны устанавливает беспримерно высокую нравственную и профессиональную планку конкурирующим политическим силам, а с другой стороны не даёт потеряться среди этих сил и сторонникам монархической идеи.

Примечания

¹ Петров А. В. От язычества к Святой Руси. Новгородские убоицы (к изучению древнерусского вечевого уклада). СПб., 2003.

² Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. Ростов н/Д, 1995. С. 76.

³ «Пребывая в состоянии анархии и взаимной вражды, они ни боевого порядка не знают, ни сражаться в правильном бою не стремятся, ни показываться в местах открытых

и ровных не желают». («Стратегикон» Маврикия // Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. I (I–VI вв.). Изд. 2-е, испр. / отв. ред. Л. А. Гиндин, Г. Г. Литаврин. М., 1994. С. 371.

⁴ Ермошин В.В., Ефремова Н. Н., Исаев И. А., Карпец В. И. и др. Развитие русского права в XV – первой половине XVII в. М., 1986. С. 88–109.

⁵ Ключевский В. О. Курс Русской истории, ч.2. // Сочинения: В 9 т. М., 1988. Т. II. С. 372 и др.

⁶ Нестеров Ф. Ф. Связь времен. М., 1980. С. 35.

⁷ Например, см.: Покровский Н. Н. Мирская и монархическая традиции в истории российского крестьянства // Новый мир. 1989. № 9.

⁸ Ермошин В.В., Ефремова Н. Н., Исаев И. А., Карпец В. И. и др. Развитие русского права в XV – первой половине XVII в. М., 1986. С. 109.

М. П. Мохначева
г. Москва

«МЫ ВСЕ ЖИЛИ В РОССИИ»: О. ВАСИЛИЙ (МУСИН-ПУШКИН) И ЕГО ОКРУЖЕНИЕ В СИ КЛИFFE (ШТ. НЬЮ-ЙОРК, США)

Материал данного доклада продолжает тему русского рассеяния в Европе и Америке на примере судеб представителей одной из титулованных ветвей рода Мусиных-Пушкиных. На II Романовских чтениях мы говорили о миссии о. Сергия (Мстислава Владимировича Мусина-Пушкина) в Венгрии¹. Теперь попытаемся очертить земной путь его родного брата – о. Василия (Василия Владимировича Мусина-Пушкина), оказавшегося после европейской эмиграции в Америке.

Все, что сегодня известно о графе Василии Владимировиче Мусине-Пушкине (9/11/1894, Санкт-Петербург – 10/6/1959, Кассвил, шт. Нью-Йорк, США), уместилось в одной, довольно краткой биографической справке о нем в родословной Ж. Феррана².

Сведения о жизни протоиерея Василия в Америке пришлось собирать по крупицам: из справочников Интернет-ресурсов о религиозных деятелях и писателях Русского Зарубежья, опубликованных воспоминаний и исследований по истории РПЦЗ.

Свою лепту внесла Мария Николаевна Апраксина, она передала в наше распоряжение ксерокопию очерка «Двадцатипятилетие церкви в честь Казанской иконы Божией Матери в Си Клиffe Лонг Айленд, Нью-Йорк. 1942–1967»³.

Следует заметить, что в библиографических справочниках о Русском Зарубежье содержатся противоречивые сведения о Василии Владимировиче Мусине-Пушкине, его жизни до эмиграции во Францию.

В одних справочниках говорится, что он «окончил» Императорское Училище Правоведения, в других – «учился» там, был «воспитанником подготовительного класса», но училища «не окончил».

Наиболее полную справку по этому вопросу дает Интернет-публикация текста уникальной книги «Императорское Училище Правоведения и Правоведы в годы мира, войны и смуты», составленной воспитанником 78-го выпуска училища Николаем Леонтьевичем Пашенным и изданной в Мадриде в 1967 г. тиражом в 200 экз.⁴ Книга сразу же оказалась в числе антикварных и и библиографических редкостей. Здесь помещен полный алфавит всех воспитанников и учеников училища за всю его историю (1835–1917 гг.) – 2580 фамилий с краткими биографическими справками, а также список воспитанников и выпускников – Георгиевских кавалеров и редчайшие фотографии из коллекций выпускников.

В краткой биографической справке под № 238 о Василии Мусине-Пушкине в этом издании сказано буквально следующее: «Граф МУСИН-ПУШКИН, Василий Владимирович. Во время Великой войны работал на фронте в одном из отрядов Красного Креста. Поступив затем вольноопределяющимся в Кавалергардский полк, участвовал в боевых действиях полка на Юге России, был дважды ранен и произведен в офицеры. 8 июля 1942 г., в США, был рукоположен в иерея, а в 1948 г. возведен в сан протоиерея. Назначенный в 1952 г., настоятелем храма-памятника Крещения Руси в гор. Кассвиле*, всецело отдался служению своей пастве и завершению строительства этого храма. [* Кассвил (Cassville, NJ). Свято-Владимирский храм-памятник. St. Vladimir's Memorial Church], Второй класс».

Первый, второй и третий классы в Училище считались «старшим курсом». Второй класс, в котором в 1917 г. числился Василий Мусин-Пушкин, через год должен был стать 79-м выпуском Училища. В списке этого класса было 27 воспитанников, включая Василия. Из их биографических справок узнаем, что двое из них (оба – корнеты л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка) были убиты 26 января 1918 г. в Киеве. Еще один воспитанник этого класса – Николай Юрьевич Зиссерман (он стал подпоручиком 84 пехотного Ширванского Его Величества полка) – «окруженный красными застрелился на Кавказском фронте в 1918 г.». Многие одноклассники Василия участвовали в боевых действиях в составе армейских частей Белого Движения.

79-й выпуск оказался последним в истории училища, он состоял из 18 воспитанников всех трех классов старшего курса, «ускоренно сдавших экзамены в конце 1917 и начале 1918 годов». Василия Мусина-Пушкина среди них нет. По свидетельству В.М. Иславина, воспитанника 75-го выпуска училища, 79-й выпуск состоялся «благодаря неоценимой помощи Александра Андреевича Страубе, который сумел сохранить бланки аттестатов и печать Училища». Выпускные экзамены воспитанники «сдавали частным порядком у профессоров Училища, которые записками сообщали результаты А.А. Страубе».

Итак, Василий Мусин-Пушкин училища не окончил.

По одним данным в 1917 г. уже «был участником Великой войны», «работал на фронте в составе одного из отрядов Красного Креста», после революции оказался в составе «белых войск на Юге России». По другим – в годы Первой мировой войны и после революции «служил в эскадроне Кавалергардов 1-го Гвардейского Сводно-кирасирского полка 1-й бригады 2-й кавалерийской дивизии».

По данным историка Белой армии С. Волкова, 4 марта 1917 г. Кавалергардский Ее Величества Государыни Императрицы Марии Федоровны полк (так он

именовался с 2 ноября 1894 г.) был преобразован в Кавалергардский полк. Через год, 2 марта 1918 г., полк был расформирован, это произошло в Ливнах Орловской губернии. «Офицеры полка осенью 1918 г. служили в основном в Черкесской конной дивизии. С конца 10.1918 г. кавалергарды составили взвод (с 01.1919 г. эскадрон) команды конных разведчиков Сводно-гвардейского полка. С 24.03.1919 эскадрон полка (18 офицеров), а затем дивизион входил в состав Сводного полка гвардейской кирасирской дивизии (с 19.06.1919 г. – 1-го Гвардейского Сводно-кирасирского полка), где в 07.1919 г. кавалергарды были представлены двумя эскадронами. Третий эскадрон, сформированный в Лубнах, присоединился к полку в 12.1919 г. С 15.12.1919 г. эскадрон полка входил в Сводно-гвардейский кавалерийский полк 1-й кавалерийской дивизии и Сводную кавалерийскую бригаду, а по прибытии в Крым с 1.05.1920 г. стал 1-м эскадронам Гвардейского кавалерийского полка».

Эта справка может стать основанием для дальнейшего поиска точных сведений об участии «кавалергарда» Василия Мусина-Пушкина в боевых действиях в составе Белого Движения. Начинать нужно с поиска его послужного списка в архивных фондах и коллекции послужных списков, хранящихся в РГВИА.

В апреле 1918 г. Василий потерял отца. Владимир Алексеевич Мусин-Пушкин скончался в возрасте 50 лет, оставив на попечение жены гр. Елизаветы Васильевны, урожденной гр. Капнист, младших братьев Василия – Мстислава, Андрея и Илью.

В июле 1919 г. 24-летний Василий Мусин-Пушкин стал корнетом, в 1920 г. – поручиком. Был дважды ранен. Первый раз – в августе 1919 г. После чего был эвакуирован в Полтаву.

Три месяца спустя 26-летний поручик гр. Василий Владимирович Мусин-Пушкин, по-прежнему, как и в детские годы, подписывавший свои письма к родственникам ближнего и дальнего круга не иначе как «Вася Пушкин», сообщил письмом гр. Владимиру Владимировичу Мусину-Пушкину, своему двоюродному дяде, где и как был похоронен в Феодосии его сын «Ларюшка» – гр. Илларион Владимирович Мусин-Пушкин, внук легендарного Иллариона Ивановича Воронцова-Дашкова, сын его третьей дочери гр. Марии Илларионовны (она приходится «воронцовской бабушкой») М.Н. Апраксиной).

В апреле 1920 г. Василий Мусин-Пушкин был вторично ранен. На Перекопе. К счастью, выжил.

В Интернет-справочниках по истории РПЦЗ указывается, что он был членом Временного Высшего Церковного управления (ВВЦУ) на Юго-Востоке России. Это ошибка, и она объясняется тем, что в роду Мусиных-Пушкиных было много переплетений титулованных ветвей, в делопроизводственных материалах, причем не только в фонде ВВЦУ, сокращенно указывались имена и отчества, но окружающие прекрасно понимали, кто из Мусиных-Пушкиных мог подписать тот или иной документ, о ком из их может идти речь в том или ином рапорте...

Южно-восточное ВВЦУ было образовано в 1919 г. на одном из заседаний Южно-Русского Церковного Собора, проходившего в Ставрополе с 19 по 24 мая. В работе Собора принимали участие епархиальные и викарные епископы, клирики и выборные миряне от Ставропольской, Донской, Кубанской, Владикавказской

и Сухумо-Черноморской епархий, а также члены Всероссийского Поместного Собора, оказавшиеся на тот момент на территории, занятой войсками генерала А. И. Деникина. Были здесь и представители военного духовенства и командования Вооруженными Силами Юга России (ВСЮР).

Положение о ВВЦУ было утверждено 22 мая. В соответствии с ним ВВЦУ должен был состоять из трех епископов (включая председателя), двух священников и двух мирян. Председателем ВВЦУ был избран архиепископ Донской Митрофан (Симашкевич), товарищем председателя – архиепископ Таврический Димитрий (князь Абашидзе), членами ВВЦУ – епископ Таганрогский Арсений (Смоленец), протопресвитер Г. Шавельский, профессор-протоиерей А. Рождественский, а также граф В.В. Мусин-Пушкин и профессор П. В. Верховский.

Этим «В.В. Мусиным-Пушкиным» был дядя Василия – гр. Владимир Владимирович Мусин-Пушкин, который приходится родным дедом М. Н. Апраксиной, урожденной Котляревской.

В декабре 1919 г. в составе ВВЦУ были созданы Церковно-беженский комитет «для попечения о бежавших с севера священнослужителей, теперь наводнивших Дон и Кубань» и Церковно-общественный комитет, на который были возложены «разработка назревших вопросов церковно-общественной жизни и осуществление их». Помимо проповеднического, духовного и культурного воздействия на мирян этот комитет во главе с архиепископом Евлогием (Георгиевским) должен был оказывать посильную помощь семьям погибших.

Можно предположить, что Василий Мусин-Пушкин так или иначе был задействован в работе Церковно-общественного комитета, косвенным свидетельством может служить его участие в организации похорон юнкеров, погибших в бою на Перекопе в январе 1920 г., в том самом, когда погиб «Ларюшка» Мусин-Пушкин. Не исключено, что к работе ВВЦУ, его Церковно-общественного комитета «Вася Пушкин» был рекомендован отцом «Ларюшки», который, как и покойный отец Василия, почти 20 лет наряду с государственной деятельностью занимался благотворительностью и попечением дел Красного Креста и церковной жизни. А воспитанник старшего курса имп. Училища Правоведения Василий «во время Великой войны», в 1917 г., «работал на фронте в одном из отрядов Красного Креста». В 1919 г. его «дядя Владимир» вновь оказался в поле зрения своего начальника по Министерству земледелия и управлению Красным Крестом А.В. Кривошеина, который был вызван Врангелем из Парижа, куда уехал еще до смены главкома. В июне 1919 г. Кривошеин вступил в должность личного помощника Врангеля по гражданской части. Василий к тому времени воевал в составе 1-го Гвардейского Сводно-кирасирского полка, «где в 07.1919 г. кавалергарды были представлены двумя эскадронами»...

После падения Крыма, как и тысячи других солдат и офицеров Белой Армии, поручик 1-го эскадрона Гвардейского кавалерийского полка Василий Мусин-Пушкин оказался в эмиграции: эвакуировался через Константинополь в Галлиполи. К тому времени он уже был женат на Евгении Викторовне Тринитатовой. Она была его ровестницей. Галлиполи закалил их брак, связал их судьбы в одну на двоих: «в горе и в радости»...

Потом большая семья Мусиных-Пушкиных оказалась в Риме, откуда вскоре перебралась в Лозанну. Потом был Берлин, весной 1922 г., 23 апреля, здесь

хоронили «Праба» – кн. Варвару Васильевну Репнину (1840–1922), урожденную гр. Капнист, бабушку Василия и Мстислава Мусиных-Пушкиных.

Скорее всего, супруги Василий и Евгения Мусины-Пушкины тоже были на этих похоронах. И тоже какое-то время жили в Берлине.

В начале 1930-х они переехали в Париж, затем в Ниццу, где и обосновались, но как оказалось не надолго.

В Ницце братья Василий и Мстислав Мусины-Пушкины были активными участниками кружка о. Александра Ельчанинова (1881–1934), который, по словам его старшего друга и наставника протоиерея Сергия Булгакова, был не только «педагогом по призванию», но и «пастырем ранее своего пастырства»: «он представлял собою явление необычное и исключительное, ибо воплощал органическую слиянность смиренной преданности православию и простоты детской веры со всей утонченностью русского культурного предания»⁵.

Несомненно, встреча с о. Александром Ельчаниновым и его окружением возымела большое действие на дальнейшую судьбу каждого из братьев. Однако, решение стать священником Северо-Американской епархии РПЦЗ Василий принял только после того, как младший брат Мстислав окончательно выбрал свою путь: принял монашеский постриг, будучи студентом второго года обучения в Свято-Сергиевском Богословском институте в Париже.

Не исключено, что толчком к переходу Василия и Мстислава из мирской жизни в церковное «услужение», а затем в число «со-работников Бога» послужила на шумевшая речь признанного вождя молодого поколения богословов русского рассеяния о. Георгия (Флоровского) под названием «Задачи русского богословия», произнесенная им за два месяца до подчинения «греческой» Церкви Константинопольскому Вселенскому Престолу на годичном акте в Свято-Сергиевском Богословском Институте, которая, по мнению многих современников, прозвучала «как объявление войны между сыновьями и отцами»: «ожесточенная полемика пошла по всей эмиграции от Парижа до Харбина, захватив Берлин, Сремски-Карловцы и Москву»⁶.

Так или иначе, Василий стал священником. С 1942 г. приступил к исполнению священства в Церкви в честь Казанской иконы Божией Матери в Си Клиffe, Лонг Айленд, Нью-Йорк (США). А его младший брат Мстислав, тогда уже иеродиакон, был назначен настоятелем Свято-Сергиевской церкви в Будапеште и вскоре был избран председателем Комитета русских организаций в Венгрии.

Нам не известно, как (на каком пароходе) Василий и Евгения Мусины-Пушкины прибыли в США, сразу поселились в Бронксе (Нью-Йорк)⁷, или сначала жили где-то еще, кто порекомендовал Василию заняться обучением детей русских эмигрантов в Си Клиffe. Поиск ответов на эти вопросы пока не дал результатов⁸. Не оказалось этих сведений и в дневниках и воспоминаниях о. Г. Шавельского и о. А. Шмемана, которые упоминают об о. Василии и его деятельности в годы эмиграции⁹. Конечно, послужной список о. Василия, если он сохранился, позволил бы ответить на эти и другие вопросы относительно первых четырех лет его пребывания в США. А также на главный в плане понимания характера взаимоотношений двух братьев Мусиных-Пушкиных, Василия и Мстислава, вопрос «кто на кого повлиял» в принятии священства в «греческой» юрисдикции РПЦЗ.

В очерке, посвященном 25-летию со дня основания церкви в честь Казанской иконы Божией Матери в Си Клиффе, говорится, что ее история «неразрывно» связана с ростом русской колонии, «которая их двух–трех семейств в 20-х годах постепенно выросла в группу свыше 200 семейств... Вместе с колонией выросла и церковь, из скромной часовни в небольшом гараже в теперешний храм».

Настоящий рост русской колонии в Си Клиффе начался в годы войны, много русских семей перебрались сюда в первые послевоенные годы.

В январе 1942 г. в доме Пуциных состоялось первое организационное собрание русской общины Си Клиффа, «на него прибыли все православные жители Си Клиффа, Грейт Нэка, Литтл Нэка, Глен Кова и Локуст Валлей». Всего 35 семей, которые «выразили желание войти в приход и его поддерживать». Собрание вел священник о. Александр (Цуглевич), в то время он служил в Св. Покровском кафедральном соборе в Нью-Йорке.

о. Василий с женой в то время жили в Бронксе (Нью-Йорк), в Си Клиффе бывали часто, за полтора года до освящения церкви о. Василий начал ездить туда регулярно, вел занятия с детьми по русскому языку и Закону Божию. Успел завоевать авторитет и доверие семей из русской колонии, поэтому, когда встал вопрос о кандидатуре священника для создаваемой церкви, – «приблизительно в мае месяце 1942 г.», – члены инициативной группы по созданию прихода, в которую вошли Ф. Ладыженский, Г. Г. Гильшер, Б. И. Рябов, И. Л. Пуцин и В. В. Вадковский, «обратились к митрополиту Феофилу рукоположить им в священника о. Василия Мусин-Пушкина», на что тот незамедлительно дал свое согласие, рукоположил Василия Мусин-Пушкина в иереи и тогда же, 8 июля 1942 г., «благословил освятить церковь в честь Казанской иконы Божией Матери».

Освящение здания церкви состоялось «в субботу 8 августа 1942 года, а на следующий день в ней уже была совершена о. Василием (Мусиным-Пушкиным) первая божественная литургия.

«Поселился о. Василий с матушкой Евгенией Викторовной поблизости, в очень неудобном помещении, но он кротко переносил все неудобства, только бы быть ближе к храму. Церковь в это время достраивалась, к осени здание было уже обшито снаружи, поставлена была изоляция, отопление, и службы стали совершаться регулярно»¹⁰.

Церковь строили всем миром: «Б. И. Рябов предоставил гараж для устройства в нем часовни и согласился продать участок земли», пока шла перестройка гаража, «П. М. Фекула, опытный регент, принялся за организацию хора», дамы «стали усердно шить облачение и приобретать разную церковную утварь», «писались иконы, вышивались хоругви, собственными усилиями была изготовлена св. Плащаница». Художник В. Чернов написал для иконостаса иконы Спасителя и Богородицы, «любители резьбы по дереву, под руководством Б. И. Рябова, в том числе и о. Василий, изготавливали предметы церковного обихода»¹¹.

30 ноября 1942 г. православный приход в Си Клиффе был инкорпорирован. Акт инкорпорации подписали о. Василий (Мусин-Пушкин) и все вышеуказанные члены инициативной группы: Ф. Ладыженский, Г. Г. Гильшер, Б. И. Рябов, И. Л. Пуцин (он был первым старостой и попечителем храма) и В. В. Вадковский. Из числа прихожан наиболее активно помогали созданию церкви и хора Е.

А. Головизнина, (в замужестве госпожа Вирен) и ее мать Е. З. Мелентьева, «годами исполнявшая безвозмездно обязанности просфирни», а также В. И. Ладженский, «ставший казначеем прихода после смерти Г. Г. Гильшера», Н. В. Козырев, Н. А. Тарновский и Е. Н. Шумакова, «известная портретистка, живущая в Локуст Валлей»¹².

Число прихожан быстро росло, уже в 1945 г. она не вмещала всех, приходящих на службу. Пришлось приступить к ее перестройке: «она была удлинена в сторону улицы и оставалась такой до следующей своей перестройки в 1950 году», но эта перестройка проводилась уже без о. Василия. В 1948 г. «он был переведен, по своему личному прошению, на должность заведующего детским приютом при Св. Тихвинском монастыре в Саут Канаан, Пеннсилвания. На его место был назначен настоятелем о. Алексей Ионов, незадолго до этого приехавший из Австрии, где он обосновался во время войны после своего отъезда из Риги, места своего прежнего служения»¹³.

До отъезда в Саут Канаан о. Василий успел организовать в приходе регулярный сбор денег на нужды Общества помощи русским детям за рубежом, содействовал работе образовавшегося при церкви Дамского благотворительного комитета под председательством баронессы О. М. Врангель, главной целью которого было «помогать престарелым в Европе», собирать и регулярно отправлять «посылки нуждающимся в Европу в виду большой нужды русских по окончании войны»¹⁴.

Еще одним важным начинанием с участием о. Василия до его отъезда из Си Клиффа была постройка церковного дома, «который мог бы вместить школьное помещение и дал бы возможность о. настоятелю переехать в квартиру более удобную», чем та, в которой «буквально кое-как ютился» о. Василий. Б. И. Рябов на свой счет купил для этой цели участок земли рядом с церковью, куда перевезли купленное «по случаю» «стоявшее на берегу моря банголо» (бунгало), о. Василий, «со своей стороны, собрал деньги на фундамент для устройства школьного зала под новым домом».

Когда о. Василий уезжал из Си Клиффа в Саут Канаан, «приход увеличился уже до 45–50 семейств в самом Си Клиффе, но по-прежнему, церковь посещали православные люди из Глен Кова, Локуст Валлей, Манхэттена, Грей Нэка, Рослина и др. мест»¹⁵.

Итак, всего за несколько лет о. Василий смог наладить церковную жизнь округа и добиться того, что православный храм в Си Клиффе стал одним из почитаемых, безусловным средоточием русской церковной жизни в США. Так, в конце июля 1949 г. приход принимал Тихвинский чудотворный образ Божией Матери, 30 декабря того же года в приходе был организован Съезд православной молодежи с участием Епископа Иоанна (Шанхайского), профессоров: Н. С. Арсеньева и Г. П. Федотова. «В приходском зале читались доклады и лекции следующими лицами: архиепископом Токийским и Японским Иринеем, архиепископом Сан-Францисским Иоанном (Шаховским), проф. Н. С. Арсеньевым, гр. А. Л. Толстой, проф. О. А. Шмеаном. Проф. Прот. И. Мейендорфом, проф. Прот. В. Зеньковским (Франция). Проф. Н. М. Зерновым (Англия), проф. П. Е. Ершовым, проф. С. С. Верховским, проф. А. А. Боголеповым, проф. Д. Д. Григорьевым, худ. Е. Е. Климовым, А. В. Тырковой-Вильямс и др.»¹⁶.

1-го апреля 1951 г. приход в Си Клиффе принимал чудотворный образ Божий Матери Курской. В августе в храмовом зале состоялась встреча представителей Церкви и русской интеллигенции, она прошла под председательством А. В. Тырковой-Вильямс. На встрече присутствовали А. Берберова, И. Елагин, В. С. Варшавский, В. И. Алексеев, Б. А. Филиппов, М. Добужинский и др. А в сентябре того же года в приходе состоялся съезд членов РСХД, на котором присутствовал Епископ Болгарский Андрей.

При о. Василии начали собирать церковную библиотеку, часть богослужебных книг приобрели в Афинах. Вскоре там, «где на месте иконостаса стояла поначалу перегородка из... стульев», появился оригинальный памятник церковной иконописи в византийском стиле.

Среди наиболее ценных памятников церковной живописи, хранящихся в храме в честь Казанской иконы Божией Матери в Си Клиффе, отметим «прекрасный образ Божией Матери Тихвинской, которым был благословлен покойный ген. Барон П. Н. Врангель епископом Севастопольским Вениамином, когда генерал вступал в должность последнего русского главнокомандующего. Икона эта XVII века, в чудесной серебряной ризе». В приходе ее именуют «Врангелевской». Справа и слева от нее стоят две иконы с ангелами, тоже XVII в., они как бы охраняют эту святыню РПЦЗ. Есть в храме «три крестовидных ковчежца с 43 частицами св. мощей от первых веков. В них хранятся мощи русских святых XII века (св. Симона Суздальского и св. Иоанна Новгородского). Эта святыня принадлежит семье Базилевских, привезших ее из Бельгии»¹⁷.

Созданная о. Василием приходская школа действует и в наши дни, детей обучают здесь Закону Божию, русскому языку и родиноведению¹⁸.

И сегодня в этом храме почти все, как при о. Василии.

Обустроив церковную жизнь в Си Клиффе, он принял решение посвятить себя более важному на тот момент делу, и в 1948 г. отправился в в Саут Канаан, возложив на себя груз ответственности и забот в качестве заведующего детским приютом. Здесь о. Василий сразу же усыновил родившегося 4 ноября 1948 г. мальчика. Он стал Дмитрием Васильевичем Мусиным-Пушкиным...

Круг и образ жизни русской колонии в Си Клиффе во времена пребывания там о. Василия Мусина-Пушкина стали для нас еще более отчетливыми благодаря интервью Марины Адамович с Аркадием Ростиславовичем Небольсиным¹⁹, внуком русского контр-адмирала Аркадия Константиновича Небольсина (1865–1917), героя Русско-японской войны, зверски убитого в марте 1917 г. бесчинствовавшими революционными матросами.

По линии матери А. Р. Небольсин принадлежит к роду Пуциных, наиболее известным представителем которого был друг А.С. Пушкина декабрист Иван Пуцин. Через его сестру Небольсины состоят в родстве, правда, дальнем с Набоковыми. Все очень просто, объяснил Аркадий Ростиславович, «...прабабушка была Пуцина и вышла замуж за Набокова. “Жано” Пуцин, знаменитый декабрист, – ее брат». Кроме того, в родословной А. Р. Небольсина по линии матери любопытна еще одна семья – Каравеловы, «известная своей ролью в истории освобождения Болгарии».

А. Р. Небольсин вернулся к воспоминаниям о жизни в Си Клифе в интервью радиостанции «Эхо Москвы» 24 ноября 2008 г., где дополнил свой рассказ о детстве и об отце Василии: «Ну, мы уже дома говорили по-русски, мы росли, одно время была русская община в окрестностях Нью-Йорка, которая сейчас очень известная даже. Сиклиф называется. Сиклиф. И мои родители, и родственники, и друзья основали там местную церковь Казанской Божией Матери. И были тогда уроки русского, и потом тоже были родственники, бабушки, дедушки, которые заставляли нас по-русски чаще говорить. Дети, конечно, естественно сходили на американский язык. Но тогда бабушка кричит: по-русски! Значит, нужно опять. Так оно случилось. Нам вслух читали русских классиков. У нас одно время была русская гувернантка, а потом замечательный священник, руководитель нашей общины, бывший граф Мусин-Пушкин. Он стал священником. Один из, я бы сказал, самых замечательных людей эмиграции»²⁰.

Примечания

¹ См.: Мохначева М. П. «Водились Пушкины с царями»: миссия о. Сергия (Мстислава Владимировича Мусина-Пушкина) в Иреме // Романовские чтения: Центр и провинция в системе российской государственности. Кострома, 2009. С. 267–272.

² См.: Ferrand Jacques. Histoire et Genealogie des nobles et comtes Moussine-Pouchkine. Preface du comte Andre A. Moussine-Pouchkine. Paris, 1994. P. 163.

³ Автор очерка пожелал остаться неизвестным, подписал его двумя заглавными буквами «В. В.». На титульном листе нет указания места и года издания очерка. По всему видно, что это одно из традиционных малотиражных юбилейных церковных изданий, которые создавались и создаются силами служителей и прихожан православных храмов Русского Зарубежья.

⁴ Режим доступа: <http://www.genrogge.ru/isj/isj-455.htm>.

⁵ Булгаков С., о., прот. Александр Ельчанинов // Путь. 1934. № 45.

⁶ См.: Аржаковский А. Свято-Сергиевский Православный Богословский институт в Париже // Богослов, философ, мыслитель: Юбилейные чтения, посвященные 125-летию со дня рождения о. Сергия Булгакова. М., 1999. С. 109–128.

⁷ См.: Православная Русь 1959. № 12. С. 11.

⁸ См.: Русские писатели эмиграции: Биографические сведения и библиография их книг по богословию, религиозной философии, церковной истории и православной культуре: 1921–1972 / сост. Н. М. Зернов. Бостон, 1973; Александров Е. А. Русские в Северной Америке: Биографический словарь. Хэмден; Сан-Франциско; СПб., 2005. С. 352.

⁹ См.: Шавельский Георгий, протпресв. Воспоминания. В 2-х т. М., 1996; Шмеман А., прот. Дневники: 1973–1983 / пер. с англ. М., 2005. С. 662–717; и др.

¹⁰ Двадцатипятилетие церкви в честь Казанской Божией матери в См Клиффе Лонг Айленд, Нью-Йорк. Б.м., 1967. С. 6

¹¹ Там же. С. 7.

¹² Там же.

¹³ Там же. С. 8.

¹⁴ Там же. С. 8, 13.

¹⁵ Там же. С. 8–9.

¹⁶ Там же. С. 9.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. С. 13.

¹⁹ Это интервью было записано в Нью-Йорке, опубликовано в «Новом журнале» за 2009 г. (№ 257) под символическим названием «Небесная линия».

²⁰ Режим доступа: <http://www.echo.msk.ru/programs/futureback/555020-echo.phtml>

Ю. Н. Смирнов
г. Самара

**ИМПЕРАТОРСКОЕ РУССКОЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО
И РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРНОГО И НАУЧНОГО ПОТЕНЦИАЛА
ПРОВИНЦИИ ПРИ НИКОЛАЕ I
(НА ПРИМЕРЕ КОРРЕСПОНДЕНЦИИ О САМАРСКОМ ПОВОЛЖЬЕ)**

Вторая четверть и середина XIX века – важный этап в развитии российской провинции. Верховная власть в правление Николая I обратила особое внимание на внутреннее положение в стране, пытаясь взять под контроль модернизационные процессы не только в их столичном и общероссийском, но и в региональном преломлении. Согласимся, что во многом благодаря такому вниманию, правда, не везде уместному и почти всегда бюрократическому, это царствование в целом стало «временем подъема в культуре русской провинции»¹.

Знаменательна фраза, записанная императором в 1835 г. и обращенная к наследнику, о необходимости предпочтительного внимания к обустройству областей России, а не к расширению ее владений². Особенно актуально это звучало по отношению к малоосвоенным территориям, в том числе на юго-востоке Европейской России. Не отрицая значения массового народного движения на новые земли, подчеркнем и важную роль государственной политики в успехах по их освоению. Об этом уже приходилось высказываться, в том числе указав на прямую связь создания Самарской губернии в 1851 г. с задачами управления заселением и хозяйственным развитием лесостепного и степного Заволжья³.

Решение подобных задач подразумевало и необходимость изучения края. Тем не менее, история его географических, исторических, этнографических исследований в первой половине и середине XIX века незаслуженно оставались долгое время белым пятном в историографии Самарского Поволжья. Столетний промежуток с середины XVIII в., отмеченной трудами П. И. Рычкова и описаниями путешествий П. С. Палласа, И. И. Лепехина и их коллег, до уже многочисленных работ по региональной истории и культуре второй половины XIX в. заполнялся историками и краеведами в основном цифрами и фактами из справочно-статистических обзоров и материалов делопроизводства. К ним добавлялось ограниченное число опубликованных сочинений, дневников, писем и воспоминаний современников, в основном литераторов, журналистов, общественных деятелей, живших или просто побывавших тогда в Самаре и ее округе⁴.

Гораздо хуже освоены в качестве источников те труды провинциальных интеллигентов николаевской эпохи, которые носили исследовательский характер. Для рассматриваемого региона справедливо наблюдение об особой и очевидной ценности произведений «провинциальной историографии, созданных в местной культурной среде», к сожалению, снижающейся из-за того, что «сочинения, написанные авторами, непосредственно и постоянно живущими в провинции», хотя и составляют «уникальный слой» в источниковой базе историко-культурного изучения регионов, но остаются наименее изученными⁵. Встречается даже утверждение о падении в первой половине XIX в. научного интереса

к истории юго-востока Европейской России, поскольку, якобы, по данному региону «на протяжении XVIII в. было обследовано и описано все, что было возможно»⁶. Создается обманчивая иллюзия отсутствия в образованной части провинциального общества в первой половине и середине XIX века интереса к настоящему и прошлому своей земли, к его исследованию и описанию.

Среди путей поиска не введенных в краеведческий оборот историко-культурных материалов намечаются следующие: рассмотрение публикаций прессы и состава ее провинциальных корреспондентов, обращение к деятельности местных статистических комитетов, изучение работы научных обществ⁷. В данном сообщении выбор исследовательской задачи пал на роль в развитии региональной культуры и науки одного из самых влиятельных и эффективно действовавших в провинции научных обществ страны – Императорского Русского географического, основанного в 1845 г. Его председателем стал второй сын императора Константин Николаевич, которого готовили к управлению морским ведомством России. Воспитатель великого князя, известный путешественник и адмирал Ф. П. Литке реально управлял делами общества как вице-председатель.

Наш исследовательский выбор обусловлен, прежде всего, тем, что включение жителей края в деятельность РГО началось до образования Самарской губернии и появления здесь средств активизации интеллектуальной жизни, присутствующих административному центру высокого ранга. Да и сами эти средства появились не одновременно с губернией, а спустя некоторое время. Первый номер «Самарских губернских ведомостей» вышел 5 января 1852 г., а губернский статистический комитет был открыт 26 июля 1854 г. К тому же должно было пройти время, прежде чем газета или комитет обнаружили и привлекли к своей работе имевшийся на месте исследовательский потенциал. Еще позже местные нужды нашли отклик в книжном деле. Первое отдельное издание научно-краеведческого характера было опубликовано в Самаре только в 1860 г.⁸

РГО имело свои издания, но те не могли растиражировать всю поступающую информацию. Малочисленность публикаций потребовала изысканий непосредственно в Научном архиве Русского Географического общества (НА РГО). В нем «Рукописи трудов членов РГО и отдельные документы» скомпонованы по разрядам, соответствующим административным единицам, правда, условно, так как и границы губерний претерпевали изменения, и рукописи могли содержать сведения по разным губерниям. Материалы о Самарском Поволжье есть в разрядах № 26 «Оренбургская губерния», № 34 «Самарская губерния», № 36 «Саратовская губерния», № 37 «Симбирская губерния», № 48А «Россия».

Некоторые из поступивших в РГО рукописей схожи с официальными или полуофициальными отчетами, документами, которые можно найти и в государственных архивах, и в статистических изданиях. Случаи оформления их в виде сборников облегчают сопоставление и сравнение разновременных данных. Так, в «Сборнике описаний Оренбургской губернии» (Р. № 26. Д. 19) сведены 4 статистических обзора разных составителей за первую треть XIX в., в т.ч. по Бугульминскому, Бугурусланскому и Бузулукскому уездам, вошедшим в 1851 г. Самарскую губернию. В отдельном деле находится еще одно «Краткое описание Оренбургской губернии» 1817 года (Р. № 26. Д. 15).

Среди присланных рукописей есть копии распоряжений правительственных органов, выбранные в силу значимости поднятых проблем для хозяйства и жизни населения. Таковы докладные записки об отдаче в аренду “казенных пусто-порозжих земель” (1842 г.), рисующие картину распахивания степей под посевы товарного хлеба в южных Николаевском и Новоузенском уездах, которые перешли затем из Саратовской в Самарскую губернию (Р. № 36. Д. 1–2).

Ряд рукописей был получен от должностных лиц, уже ушедших со своих постов в Заволжье, но продолжавших заниматься изучением этого края и стремившихся поделиться знаниями и опытом. Бывший губернатор А. М. Фадеев представил “Очерки статистического описания Саратовской губернии”, в т.ч. ее заволжской части, пополнив данные официальных отчетов собственными замечаниями и наблюдениями, а также историческими сведениями (Р. № 36. Д. 9).

В РГО посылал свои рукописи чиновник, краевед, журналист А. Ф. Леопольдов, работавший в Саратове и Самаре (Р. № 36. Д. 10; Р. № 48А. Д. 41). В фонде ученого-статистика П.И. Кеппена собраны неопубликованные материалы для этнографической карты России, в т.ч. сведения по Самарской губернии, полученные из местных учреждений и других источников. Среди лиц, представивших эти материалы, также встречается имя Леопольдова. Нижегородский (а прежде саратовский) епископ Иаков прислал “Статистический очерк Саратовской епархии 1845 года, извлеченный из актов, хранящихся при делах Саратовской консистории” (Р. № 36. Д. 23), а в 1846–1847 гг. еще 2 сочинения: “Записки о разных сектах” и “Записка о расколе беглопоповской секты по Саратовской епархии” (Р. № 36. Д. 42, 48). Рукописи в архиве РГО дополняют круг уже известных работ Леопольдова и владыки Иакова о Самарско-Саратовском регионе⁹.

Еще более интересны работы, выполненные по инициативе и заданиям самого РГО, например, по программе сбора фольклорного и этнографического материала, составленной в 1847 г. В таких работах преобладают сведения, как правило, не входившие в официальные отчеты и делопроизводство. Назовем рукописи профессора Симбирской семинарии Д. Н. Орлова “История села Усоля, Сызранского уезда” (1850-е гг.) и “Простонародные свадебные обряды и песни села У. Сызранского уезда”, написанная в 1853 г. (Р. № 37. Д. 39,6).

Отдельным селениям посвящены “Ответы на вопросы по разным частям сельского хозяйства”, присланные в 1852 г. из сс. Съезжего и Максимовки Бузулукского уезда (Р. №34. Д. 3,25). В предложенном из РГО вопроснике наряду с хозяйственными поднимались проблемы состояния нравственности, образования, “домоустройства”, которые по мере сил были освещены корреспондентами, священниками Михаилом Спиридоновым и Федором Соколовым. Некоторые этнографические и фольклорные запросы РГО вызвали у сельского духовенства неприятие. По поводу предложения сообщить “местные замечания и поверья относительно возделывания растений” максимовский священник ограничился заявлением, что “все эти замечания пред Всемогуществом Божиим ничто”, а съезжинский с удовлетворением заметил: “Сии и подобные сим поверья отнюдь не укореняются в характере крестьян и не доходят до суеверий и предрассудков...” Правда, в конце 1850-х гг. М. Спиридонов, перейдя на службу в с. Козловку Бугурусланского уезда, написал для РГО большую статью “Нечто о русской

народности в этнографическом отношении по Самарской губернии” (Р. № 34. Д. 16), уделив и обычаям, и поверьям, и другим жанрам фольклора.

Краткие сведения о посеве хлеба получены в 1852 г. от св. Модеста Раковского из с. Н. Семейкино близ Самары (Р. № 34. Д. 4). Две бытовые и этнографические заметки прислал в 50-х гг. XIX в. священник с. Пестравки Николаевского уезда Николай Попов “Побывка русского солдата на Родину и встреча ему от родных” и “Следствие суеверия (случай в селе М. Николаевского уезда)” (Р. № 34. Д. 1, 17). Тогда же и из того ж уезда были получены рукописи священника с. Рахмановки (Липовки) Марка Островидова (Р. № 34. Д. 20, 21) “Об исследовании домашних лекарственных снадобий и других способов лечения, находящихся между простолюдинами” и запись “Песни молодой жены”.

Активно откликнулось на запросы РГО удельное ведомство, заведовавшее обширными владениями императорской фамилии. Чиновник этого ведомства А. Каминский составил в 1854 г. “Краткий очерк быта и состояния крестьян Самарской удельного имения” (Р. № 34. Д. 22). Очерк дополняется еще одним “Этнографическим описанием удельных крестьян Ставропольского уезда” Каминского (Р. № 34. Д. 24). Этнографический интерес у него стал ведущим. Хотя хозяйственные вопросы в этом очерке отошли на второй план, зато были особо подчеркнуты перемены в образе всей жизни, связанные с переходом к товарному производству хлеба. Переломным стал, согласно сведениям Каминского, 1833 год, когда одновременно с большим урожаем поднялись цены на рожь и пшеницу, которые “обольстили крестьян”. При этом “быт народа совсем изменился, и, по-видимому, улучшился”. Патриархальные представления не сразу покидали сознание крестьян. Автор приводит случай: “В достопамятный 1833 год, Ставропольского уезда, в селе Новой Бинаратке мордвин Семен Буянов продал ржи на 10 тыс. рублей ассигнациями; на гумне у него осталось на такую же сумму... Продай хлеб, – говорили ему торговцы. Зачем? – отвечал Буянов, – денег у меня довольно, я лучше буду ходить на гумно и любоваться им! Вскоре после того Буянов занемог. Почувствовав, что скоро умрет, призвал к себе своих детей и умолял их, чтобы 1000 руб. положены были с ним”.

В 1847 г. корреспондентами научного Русского Географического общества, участниками его деятельности по сбору фольклорного и этнографического материала стали и сами удельные крестьяне Самарского Поволжья. В Государственном архиве Ульяновской области сохранилось дело Сызранской удельной конторы “О собирании сведений для Географического общества”¹⁰. Оно содержит черновой материал, на основании которого затем образованными чиновниками составлялся окончательный отчет для отсылки в РГО. Всего из трех приказов было представлено 16 народных песен (8 – из Переволоцкого, 6 – из Сенгилеевского, 2 – из Новодевиченского), по 2 побасенки и загадки (из Новодевиченского), 12 примет (из Сенгилеевского). Эти записи, собранные здешними крестьянами для РГО, являются старейшими в Самарском крае, предвосхитившими будущую работу собирателей и исследователей местного фольклора.

Обширное “Описание Волжского побережья Самарской губернии и замечательнейших его местностей” было составлено Н. В. Вороновым (Р. № 34. Д. 6). Труд этого чиновника по особым поручениям при губернаторе был выполнен

после того, как последний в 1854 г. получил просьбу вице-президента РГО М. Н. Муравьева собрать сведения для предстоящей поездки по Волге великого князя Константина Николаевича, являвшегося президентом этого общества.

Подобно другим современникам автор останавливается на последствиях триумфального шествия по заволжским полям твердой пшеницы-“белогурки”, называя десятилетие между 1835 и 1845 гг. “настоящей белогурочной лихорадкой”. Возможные подозрения в использовании американизма сразу отпадают, т.к. до “золотой лихорадки” Клондайка, рассказов Джека Лондона и знаменитого фильма Чарли Чаплина оставалось еще более полувека. Вороновым четко обозначены тенденции хозяйственного и культурного сближения различных этнических групп, обусловленные не только фактом совместного проживания, но и развитием товарного производства. Эти процессы приводили к тому, что “общие черты русского населения принадлежат в некоторых отношениях также инородцам”, хотя “последние удерживают многие им только свойственные особенности”. Тема превращения края в житницу России и влияния этого процесса не только на экономику, но и на быт, нравы разных народов и сословий проходит красной нитью практически через все материалы, присланные в РГО.

К числу чиновников, обогативших собрание рукописей РГО о Заволжье, относится землемер Владимир Лосиевский. Две его работы посвящены обычаям калмыков-ламаистов Бузулукского уезда (“Праздник очищения калмык от грехов”, 1850 г.) и песням чувашей Бугурусланского уезда (Р. № 34. Д. 23, 18). Еще одна рукопись Лосиевского 1850 года озаглавлена как “Этнографическое описание минеральных вод Оренбургской губернии”. В ней описаны курорты и источники, что с 1851 г. оказались на территории Самарской губернии: Сергиевские минеральные воды и серные озера Бугурусланского уезда (Р. № 26. Д. 14).

Небольшой фонд РГО есть и в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки. Обратим внимание на отношение в РГО директора народных училищ Самарской губернии А. П. Пономарева от 12 ноября 1853 г.¹¹

В нем сообщается, что по поручению директора учитель Самарского уездного училища Г. Н. Потанин проделал работу по сбору мордовских слов и замечаний об этом народе, которые были отправлены в столицу. К сожалению, обнаружить упомянутый словник и замечания не удалось. Однако факт участия провинциального учительства в работе РГО сам по себе показателен и, к счастью, дополняется уцелевшими в архиве материалами. Эти две работы под названиями “Записки о Самаре” и “Дедушка из Самары” были присланы в РГО в 1854 г. (Р. № 26. Д. 15, 19). Возможно, задание директора по сбору мордовских слов познакомило Потанина с деятельностью РГО, что в свою очередь стимулировало появление новых работ учителя, выполненных уже по собственной инициативе и самостоятельно. Он прямо пишет, что взялся за исследования “по призыву нашего, великого по идее, Географического Общества”, чтобы в своем городе “отыскать общую черту народности, духа, характера, нравов, ума, образования, стремления”. Как правильно замечено в современной литературе, “в провинции официальная идеология находила подчас живой отклик патриотического чувства”, а поиск “народности” мог звучать “не как идеологическая догма, а как действительная основа просветительской работы”¹².

К тому ж “народность” на окраинах страны могла восприниматься далеко не так, как виделось столичным консерваторам. Потанин, сам бывший крепостной человек, в “Записках” подчеркивал значение вольных элементов в населении города и края. Его “Дедушка из Самары” заканчивается монологом самарского купца-старожила о русских “барах” с антидворянскими и антикрепостническими выпадами, с которыми учитель явно согласен: “А признаться тебе, больно мне не по нутру наши русски баре... Иной готов отцовску-то деревню протравить борзому кобелю, аль сменять на суку: и за все про все ему же русский простой человек клонится в землю, да зовет его: кормилец. А кормилец-барин оберт русского человека, да выпустит по миру. - Вот те и отец родной с барской душой!.. Иной собачий сын барин как напишет в год раз к своему старосте: денег, говорит, подавай, да подчеркнется с такими крючьями: твой, говорит, барин такой-то. Ну, Тарасич и шлет ему остальные крохи. А как дошло до той поры, что голодный год пришел, ну и ступай вся деревня и стар, и мал, по миру собирать да барина прокармливай. Вот те и отец родной угостил, знать, сумой! На то-то, говорит, я и барин, чтобы ел, а вы - подлецы собирали...”

Еще продолжалось царствование Николая I, не была провозглашена “гласность”, не началось публичное обсуждение вопроса об освобождении крестьян. Однако необходимость перемен осознавалась не только в литературных, аристократических и высших чиновных кругах столиц, но и в глубинке империи, настроения которой донесла запись разговора самарских жителей, учителя и купца, сохранившаяся в рукописях архива Географического общества.

Потанин обещал дополнить отосланные в РГО очерки “в следующих тетрадях”, где предполагалось дать “физиономии жителей, их старый костюм, дом, дверь и все помещение прежнего самарянина; песню и сказку; пословицы и поговорки; заблуждения, поверья и гаданья”. Остается сожалеть, что этот план не был выполнен. Главной причиной тому можно полагать расправу, учиненную над Потаниным губернатором К. К. Гротом. Уволенный со службы и оставшийся без средств существования, бывший самарский учитель уехал в 1859 г. в Петербург, где с помощью Н. А. Некрасова стал одним из авторов журнала “Современник”. К истории и этнографии Самары Потанин более не возвращался.

Самарские труды Потанина являют редкий не только в региональном, но и в общероссийском масштабе опыт пересказа и даже дословной фиксации устной истории, бытовавшей в купеческо-мещанской среде. Благодаря Потанину, в число “соавторов” хранящихся в РГО сочинений о Самарском крае попали и представители торгово-промышленного населения города. Без этих записей данный слой провинциального общества выглядел самым косным, даже по сравнению с крестьянством, в плане обращения к прошлому своего края и региональной самоидентификации. На самом же деле и в этой среде проявлялась устойчивая, но существовавшая в устной форме историко-культурная традиция осознания своего места в прежней и современной России.

Краткая статья лингвистического и этнографического содержания “Несколько слов о жителях города Самары” была прислана в РГО в 1855 г. Н. Юнгом (Р. № 34. Д. 27), другим учителем Самарского уездного училища. Еще одним

учителем, но уже одного из петербургских училищ К. Г. Евлентьевым была записана в Бузулукском уезде и отослана в РГО сказка “Похождение Федора Тырина” (Р. № 34. Д. 5). Сам Евлентьев в 1851–1854 гг. совершил путешествие по Самарскому Заволжью. Правда, более активно он сотрудничал не с РГО, а с другим научным обществом – Казанским Экономическим, в периодическом издании которого и были опубликованы его путевые записки. Евлентьев также являлся членом Московского археологического общества.

Впечатление о невысокой заинтересованности провинциального общества первой половины и середины XIX в. в культурно-историческом и статистико-этнографическом изучении своего края, об участии в исследованиях любителей-одиночек, представлявших только местное чиновничество и духовенство, является односторонним и неоправданным. Действительно чиновный люд и духовенство, а также учительство активной других социальных слоев участвовали в познании своей “малой родины”, что неудивительно при учете их преимуществ в образовании, возможностях получить информацию, общественной и административной активности перед другими группами провинциального общества. Однако круг таких участников оказался шире, чем принято было считать прежде. К перечню создателей сообщений в РГО следует добавить представителей и других социальных слоев. В записях отразились представления и память, запечатленные в устной традиции городских сословий. Даже выборные из крестьян, пусть и не очень умело, собирали фольклор односельчан.

Деятельность научного общества опережала и обеспечивала молодые провинциальные газеты готовым краеведческим материалом. В измененном и сокращенном виде некоторые материалы о Самарском крае, предоставленные в РГО, были опубликованы в местной печати¹³. В случаях, подобных тому, что привел к составлению “Описания” Н. В. Воронова, РГО плодотворно стимулировало и направляло деятельность губернского статистического комитета.

Таким образом, создание Императорского Русского географического общества, проявленные им инициативы по накоплению разнообразных знаний о природе и людях родной страны стимулировали работу местных учреждений и отдельных краеведов по сбору статистического, исторического и этнографического материала. Деятельность РГО явилось одним из отражений начавшегося в 40–50-е гг. поворота имперской политики к постепенному приданию большей самостоятельности и ответственности местному управлению и самоуправлению, что найдет продолжение в реформах двух последующих десятилетий. Можно согласиться с тем, что “прямое обращение государственной власти к нуждам провинции всегда находило в ней отклик, стимулировало культурное движение”¹⁴.

Архив Русского географического общества хранит уже второе столетие драгоценные свидетельства прошлого. Его материалы, вкуче с печатными изданиями РГО, не только характеризуют жизнь и быт народов России, но также свидетельствуют о росте общественного интереса и неподдельного стремления многих наших соотечественников первой половины и середины XIX в. к познанию страны и родного края. Следует высоко оценить и сам факт создания этого научного общества в рамках общей внутренней политики Николая I.

Примечания

¹ Козляков В. Н., Севастьянова А. А. Культурная среда провинциального города // Очерки русской культуры XIX века. М., 1998. Т. 1. Общественно-культурная среда. С. 140.

² Захарова Л. Г. Александр II // Русские самодержцы. М., 1993. С. 201.

³ См.: Поволжье – «внутренняя окраина» России: государство и общество в освоении новых территорий (конец XVI – начало XX вв.) Самара, 2007. С. 157–193.

⁴ Практически полный свод таких источников см.: Путешествие в прошлое. Самарский край глазами современников. Самара, 1991; Самарское Поволжье с древности до конца XIX в.: сб. документов и материалов. Самара, 2000; Классика Самарского краеведения: антология. Самара, 2002.

⁵ Козляков В. Н., Севастьянова А. А. Указ. соч. С. 126.

⁶ Буканова Р. Г. Города-крепости юго-востока России в XVIII веке. История становления городов на территории Башкирии. Уфа, 1997. С. 16.

⁷ Козляков В. Н., Севастьянова А. А. Указ. соч. С. 138, 142, 149, 160; Афиани В. Ю. Периодическая печать России XVIII–XIX веков как источник по истории русской провинциальной культуры: некоторые итоги и перспективы исследования в контексте программы «Культура российской провинции» // Отечественная культура и развитие краеведения. Пенза, 2001. С. 22–31.

⁸ Курмаев М. В. В колыбели самарского книгоиздания: первые книги и брошюры, напечатанные в Самаре // Самарские книжники 3: сб. статей. Самара, 2009. С. 284.

⁹ См.: Захаров В. М., Миронов В. Г. У истоков саратовского краеведения. А. Ф. Леопольдов (1800–1875) // Труды Саратовского историко-краеведческого общества. Саратов, 1992. Вып. 2; Ряжев А. С. Епископ Иаков о поволжских старообрядцах // Самарский краевед. Самара, 1994; и др.

¹⁰ ГАУО, ф. 322, оп. 1, д. 337.

¹¹ ОР РНБ, ф. 660 Русское Географическое общество, д. 8, л. 1–2.

¹² Козляков В. Н., Севастьянова А. А. Указ. соч. С. 151.

¹³ Орлов Д. Н. Простонародные свадебные обряды и песни села Усолья Симбирской губернии // Симбирские губернские ведомости. 1854. № 1. Часть неофиц.; Воронов Н. В. Самарский уезд // Самарские губернские ведомости. 1857. № 20–23. Часть неофиц.

¹⁴ Козляков В. Н., Севастьянова А. А. Указ. соч. С. 161.

А. Д. Шипилов
г. Кострома

**М. Я. ДИЕВ И ОБЩЕСТВО ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССИЙСКИХ
ПРИ МОСКОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ**

Михаил Яковлевич Диев (1794–1866), благодаря масштабу своей личности, – явление не только костромской, но и всей российской провинциальной историографии. Он происходил из семьи сельского нерехтского священника. В 1813 г. после окончания костромской духовной семинарии Диев был определен священником в с. Тетеринское Нерехтского уезда, затем в 1827 г. переведен законоучителем в нерехтское уездное училище. В 1832 г. он был назначен священником Троицкой церкви в Сыпановой слободе под Нерехтой, с 1838 г. являлся одновременно

законоучителем без получения жалования в благородном пансионе при нерехтском Мариинском женском училище, в 1857 г. за особые услуги был определен благочинным над своей церковью. В том же 1857 г. Диев за научные труды по представлению московского митрополита Филарета был награжден Синодом саном протоиерея. Его служебная деятельность неоднократно отмечалась благодарностями и знаками отличия от Министерства народного просвещения и Св. Синода. От службы Диев был уволен в 1865 г. в возрасте 71 года по состоянию здоровья.

Научно-историческая и собирательная деятельность М. Я. Диева началась в 1820-х гг. Скромнейшего уездного священника-краеведа отличали поразительная работоспособность и разносторонность научных интересов. Диева интересовали история, археология, статистика, история права, историческая география, этнография, генеалогия, диалектология, источниковедение и другие вспомогательные исторические дисциплины. Он выступал также как коллекционер, переводчик и археограф. Широта его научного кругозора и эрудиция очень скоро становятся известными в столичных научных кругах. Этому способствовала его активная переписка с М. О. Бодянским, профессором Московского университета, основателем славяноведения в России, с известными учеными – археографами и историками А. С. Уваровым, С. П. Шевыревым, митрополитом Евгением (Болховитиновым), Н. А. Полевым, архивистом А. Ф. Малиновским, этнографом И. М. Снегиревым и др. и частая отсылка им своих рукописей. В 1829 г. Диев становится членом-соревнователем Императорского Общества истории и древностей российских (ОИДР), в 1930 г. – действительным членом Общества любителей российской словесности, в 1854 г. – членом – корреспондентом КГСК. Остановимся на контактах М. Я. Диева с ОИДР.

Труды М. Я. Диева – как печатные, так и неопубликованные – содержат богатый фактический материал по истории костромского края и отдельным сюжетам общероссийской истории. Он являлся автором около ста научных работ. Отличительной чертой их являлось то, что все они были написаны на основе привлечения широкого круга различного рода исторических источников. Диев зарекомендовал себя как серьезный и опытный источниковед. Благодаря этому, его научное наследие, превосходящее по объему и качеству наследия многих его местных коллег-современников и многих костромских историков последующих поколений, заслуживает особой оценки.

В 1833 г. М. Я. Диев составил и опубликовал в трудах ОИДР краткое историческое описание села Ликурги Буйского уезда. Сведения по истории этого старейшего крупного села, имевшего, к тому же, великолепный ансамбль церковных сооружений, были даны автором с XII по XV вв. К описанию прилагалась копия договорной грамоты 1440 г. между великим князем Василием Васильевичем и Дмитрием Шемякой¹. В 30-е гг. Диевым были составлены также исторические описания сел Тетеринского, Сыпанова и деревни Деревнищи – места жительства И. Сусанина².

Городовые описания были представлены трудами о Костроме, Галиче, Солигаличе и Нерехте. Два первых остались в рукописях, остальные были частично опубликованы в КГВ. Описание Костромы было составлено одним из

первых еще в 1829 г. Попытки опубликовать его в «Отечественных записках» или в трудах ОИДР успехом не увенчались. Основу источниковой базы исследования составили труды Татищева, Щербатова, Карамзина, опубликованные летописи и актовый материал. Историю Костромы Диев рассматривал, начиная с первых летописных упоминаний о ней и до XVIII в. В описании автор предпринял попытку оспорить этнографическими данными время основания города по Татищеву – 1152 г., считая, что Кострома имеет более древнее происхождение. Центральное место в исследовании занимали события Смутного времени в их отношении к истории местного края³.

Еще в 1830 г. И. М. Снегирев, профессор Московского университета и секретарь ОИДР с 1827 по 1834 гг., писал костромскому историку: «Если б Историческое общество имело в разных местах России подобных Вам сотрудников, оно много бы приобрело собранием и соображением местных частных сведений, из коих можно бы составить общее. В наблюдении требуется точность, а в соображении проницательность; то и другое Провидением дано вам в удел»⁴. А в письме 1832 г. И. М. Снегирев, учитывая огромную любовь Диева к местной истории и его практический опыт как краеведа, предполагал ему даже создать в Костроме научное историческое общество и возглавить его⁵.

Наибольшую часть творческого наследия М. Я. Диева составляют труды по истории церкви, костромской епархии, отдельных монастырей и церквей, а также тесно примыкающие к ним агиографические труды. Практически все они не были опубликованы и остались в рукописях, хотя попытки издания их автором предпринимались. Одной из первых работ подобного типа был труд «О состоянии западной церкви в XVIII в.», законченный в 1862 г. и представленный для публикации в ОИДР. Он состоял из почти тысячи листов текста и обстоятельно излагал историю римско-католической и униатской церквей в указанный период⁶.

Отдельной категорией трудов М. Я. Диева по истории церкви и костромской епархии являются агиографические работы, которых в виде отдельных очерков и черновых вариантов к ним насчитывается несколько десятков. Жития святых, в том числе местночтимых, являлись одной из излюбленных тем уездного историка. Об этом свидетельствует и его переписка с И. М. Снегиревым. В письме 19 августа 1832 г. Диев писал: «Признаюсь, что я с большим удовольствием занимаюсь этим предметом, но с сожалением должен сказать, что подробности, кои должны дать полное понятие о святых подвигах сих угодников, чрезвычайно затеряны. Современники деяния их не старались класть на бумагу, но в удивлении устно передавали их друг другу, и сии передачи так ослабили их время от времени, что о многих теперь слышны слабые отголоски, большею частию смешавшиеся с другими»⁷. А в письме 1835 г. отмечал, что уже составил описания 30 российских святых и «сердечно желал бы жития некоторых, как то князей, посадников и архиереев поместить в Энциклопедический Лексикон»⁸. М. Я. Диевым были составлены жития святых Исидора Ростовского, Иллариона епископа Суздальского, Давида и Константина Ярославских, Андроника и Леонида Пошехонских, костромских святых Авраамия Чухломского, Пахомия Нерехтского, Макария Унженского и многих других. Все они

остались в рукописях и в его архиве представлены сборниками – «Святая Русь или жизнеописания святых Российской Империи» (в 3-х частях объемом около тысячи листов) и «Жития русских святых», – а также отдельными очерками, разбросанными по различным рукописям⁹. Из трудов Диева по истории церкви следует выделить также его работы «История о владыках Новгородских» (1836), очерки об ученых обществах в православных монастырях польско-литовских владений против католиков и униатов (1839), деятельности архангелогородских миссионеров среди «самоедов» (1840), о костромском владыке Симоне Лаговском (1857) и костромской духовной семинарии¹⁰. Список может быть продолжен.

Одним из важных направлений научно-исторической деятельности М. Я. Диева была этнография. Интерес к ней появился у Диева в результате тесного эпистолярного и личного общения с И. М. Снегиревым, признанным авторитетом и автором ряда солидных научных трудов в этой области. Сохранившаяся переписка между ними (88 писем), опубликованная в 1909 г. А. А. Титовым, свидетельствует о неизменном интересе уездного историка к этому предмету. Диев регулярно посылал Снегиреву записанные им пословицы и поговорки, имевшие хождение среди населения его родного и соседних уездов, а также подробные комментарии к ним. Не было ни одного письма в их переписке, где бы они не обсуждали вопросы этнографии. О результативности работы Диева в этой области Снегирев писал 19 декабря 1829 г.: «мне весьма приятно засвидетельствовать вам искреннюю благодарность за доставление сведений весьма любопытных о народных праздниках, поверьях, обычаях и пословицах. Пользуясь оными в своих сочинениях, я не премину изъяснить торжественно вам свою признательность за усердие, полезное мне в моих исследованиях в предмете и близком и далеком, простом и мудреном в одно и то же время, но важном по соотношению к вере, нравственности и духу народному, который в нем, как в зеркале, отражается. Когда бы каждый из сочленов в своем кругу своими средствами трудился столь ревностно, как вы, ... тогда бы деятельность Общества усилилась к ощутительной пользе исторических наук и к чести своей»¹¹. А в письме 16 января 1830 г. Снегирев отмечал: «Долгом поставляю принести вам искреннюю благодарность за вашу признательность и ваши любопытные дополнения к моим исследованиям о системе русской нравственности и мифологии, коих следы открываются в народных поверьях, нравах, обычаях, пословицах и поговорках. Если бы мне с разных краев России доставляли столь верные и удовлетворительные сведения по сей части, я мог бы составить полную и верную картину, важную для историка, философа и поэта... Еще повторяю... торжественно мою благодарность за ваше мне содействие своими верными и умными наблюдениями в своем округе, который вы расширяете своими познаниями в истории, географии и древностях»¹².

Этнографические зарисовки Диева разбросаны по разным его трудам, более всего они представлены в городских и сельских описаниях. Из отдельных работ сохранились рукописи «Нечто о поверьях, нравах, обычаях и поговорках жителей Костромской губернии, в особенности Нерехотского уезда» и «Побасенки, поговорки и пословицы, употребляемые в Костромской губернии»¹³.

У самого Диева отношение к народной жизни – обычаям, обрядам, праздникам, фольклору и т. п. – было буквально трепетным, и об этом также свидетельствуют его переписка с И. М. Снегиревым. В письме к нему 1 марта 1830 г. он писал: «Без сомнения, нынешние обычаи есть благословенное наследство предков наших, отпечаток их чувствований и мыслей, пред потомством отчет долговременного мышления и опыта, глагол ума твердого и глубокого, связь прошедших времен с настоящим. Правда, быстрый ход просвещения несколько изменил облик обычаев, но сущность их кажется доселе неприкосновенна, особенно в простом народе. Что сказать о пословицах и поговорках, составляющих теперь самое драгоценнейшее достояние, перешедшее к нам от предков наших, историю их умствования и опыта, освященного рядом нескольких веков! При всем просвещении нынешнего столетия на каждом шагу можно приметить, что лучшие красоты слов наших суть приобретения наших дедов, с такою же заботливостью передавших нам слова сильные, отличающиеся чертами резкими и умом глубоким, истиннорусским, с каким уважением приняли они от отцов своих. К славе любезнейшего отечества нашего счастливое начало разрабатывания самородных сокровищ наших, за несколько лет хладнокровно нашими ногами попираемых, открывают в будущем надежду самую лестную и приятнейшую. Гений русский почти во всех отношениях от прочих народов отличается какою-то необыкновенною быстротою, но твердою, зрело обдуманною и обработанною с удивительною неутомимостью. От времен великого образователя России до наших – небольшой промежуток. Русский ум долго не начинает, но зато успехи неимоверны»¹⁴.

Научно-историческая деятельность М. Я. Диева оставила яркий след в костромской историографии и явилась, по существу отдельным этапом ее развития. Им был создан огромный массив трудов по различным сюжетам местной истории. Костромская историческая мысль, благодаря М. Я. Диеву, получила общероссийскую известность. Протоиерея по сану М. Я. Диева по праву можно назвать патриархом костромской историографии.

Примечания

¹ Диев М. Я. О селе Ликурга. // Труды и летописи ОИДР. Ч. VI. М., 1833. С. 124–129.

² ОР РНБ, ф. 776. (Собрание А. А. Титова), д. 4007, л. 219–234; д. 3941, л. 86–87.

³ Там же, д. 4019.

⁴ Титов А. А. Материалы для истории императорского Общества истории и древностей российских. Переписка гг. действительных членов Общества (1830–1876). М., [1909]. С. 13.

⁵ Там же. С. 3–4.

⁶ ОР РНБ, ф. 776 (Собрание А. А. Титова), д. 3949.

⁷ Титов А. А. Указ. соч. С. 44.

⁸ Там же. С. 71.

⁹ ОР РНБ, ф. 776 (Собрание А. А. Титова), д. 3972, 3973, 3974, 3981.

¹⁰ Там же, д. 3995, 4006, 4009, 4010, 4011.

¹¹ Там же. С. 9.

¹² Там же. С. 10.

¹³ ОР РНБ, ф. 776 (Собрание А. А. Титова), д. 4007.

¹⁴ Титов А. А. Указ. соч. С. 19.

Д. А. Волков
г. Кострома

СТАРАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И БОЛЬШЕВИСТСКАЯ ВЛАСТЬ: КРИЗИС ТРАДИЦИОННОЙ СИСТЕМЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

Между падением царизма и завоеванием власти большевиками Россия пережила политическую и социальную революцию снизу, не имевшую себе равных в современной истории. Рабочие, солдаты и крестьяне, накопившие в нескольких поколениях ненависть к привилегированным слоям, к эксплуатации и репрессиям, революционизированные тремя годами войны, стихийно совершили народный переворот, сочетавший общедемократические и социалистические задачи. В разгар такого мощного социального взрыва умеренный режим не имел никаких шансов удержаться. Это объясняет, почему большевистской партии, наиболее леворадикальной из всех политических сил, сумевшей объединить эти различные устремления масс, с такой сравнительной легкостью удалось захватить власть не только в Петрограде, но и по всей стране.

Приход большевиков к власти усилил существовавшее еще до 1917 г. отчуждение интеллигенции от правительства, а так же в немалой степени и от народа, и усугубил раскол в ее рядах. Интеллигенция, как и все общество, поделилась на тех, кто поддержал Октябрьскую революцию, причем леворадикальное крыло интеллигенции активно в ней участвовало, и тех, кто непримиримо выступил против, а часть интеллигенции пыталась соблюдать нейтралитет.

С другой стороны, лидеры правящей большевистской партии сами плохо понимали, что такое интеллигенция, каковы ее чаяния и стремления. Это объяснялось, во-первых, тем, что они, объявив себя рабочей партией, основной упор сосредоточили на работе с этим социальным слоем. Во-вторых, многие большевистские лидеры, посвятив свою жизнь революционной борьбе, проведя много лет в тюрьмах и ссылках, были недостаточно образованны. А некоторые вообще не получили никакого образования. Им было трудно понять интеллигенцию. Их взгляды основывались в основном на утилитарном подходе, что вызывало ответные негативные чувства у интеллигенции. Весьма показательна в этом смысле реакция образованных людей на то слово, которым советское руководство обозначило свою политику в отношении интеллигенции – «использование». Именно об этом говорил В. И. Ленин на заседании Петросовета в марте 1919 г. «Для социалистического строительства, – указывал он, – необходимо использовать науку, технику и вообще все, что нам оставила капиталистическая Россия... Совершенно незачем выкидывать полезных нам специалистов. Но их надо поставить в определенные рамки ... При всем этом ни малейшей политической уступки этим господам, пользуясь их трудом где только возможно»¹. В ответ на такое отношение профессор Воронежского сельскохозяйственного института М. П. Дукельский обратился к Ленину с открытым письмом. «Прочитал в «Известиях» Ваш доклад, – писал Дукельский Ленину, – и не могу подавить в себе крика возмущения. Неужели Вы не понимаете, что ни один честный специалист не может, если у него сохранилась хоть капля уважения к самому себе, пойти

работать ради того животного благополучия, которое Вы собираетесь ему обеспечить...Если Вы хотите «использовать» специалистов, то не пугайте их, а научитесь уважать их как людей, а не как нужный вам до поры до времени живой и мертвый инвентарь»².

Еще более потребительское отношение было у соратников Ленина. Так, например, Г. Зиновьев, В. Володарский и М. Лашевич в 1918 г. в газете «Петроградская правда» писали, что старых военных специалистов нужно использовать в «роли наших денщиков» и что, когда минует в них надобность, они будут выброшены «как выжатый и ненужный больше лимон»³.

Политика «выжитого лимона» прослеживается и в ряде выступлений И.В. Сталина, в которых присутствует мысль о том, что со старой интеллигенцией приходится сотрудничать, поскольку нет новой. Но особенно негативно Сталин относился к военным, с которыми, как он считал, сотрудничать вообще не стоит. Так, в июле 1918 г. Сталин телеграфировал Ленину из Царицына: «Если бы наши военные специалисты (сапожники!) не спали и не бездельничали, линия не была бы прервана, и если линия будет восстановлена, то не благодаря военным, а вопреки им»⁴.

Как видим, в самой природе новой власти, нацеленной на коренные и масштабные преобразования, на слом доставшегося государственного аппарата, было изначально заложено противоречивое отношение к интеллигенции. Кроме того, значительное количество старой интеллигенции вообще не приняло советскую власть и встало на путь активного сопротивления ей. Правда, в вооруженной борьбе она почти не участвовала. Основной формой неповиновения советским властям стали забастовки. Бастовали различные группы интеллигенции, вплоть до учителей и медицинского персонала, что было для большевиков особенно неожиданно, так как они всегда считали их наиболее близкими по духу и взглядам. Так, по сообщению Костромской газеты партии эсеров «Воля народа» в декабре 1917 г. по призыву Всероссийского учительского союза из 4 тыс. учителей бастовало 3969 человек⁵.

Другой формой протеста интеллигенции против действий советской власти была эмиграция. По приблизительным подсчетам, не менее половины интеллектуальной элиты оказались за пределами Отечества⁶.

К тем же из интеллигентов, кто не присоединился к бойкоту и не эмигрировал, а выходил на работу, новые власти вынуждены были относиться с подозрением, постоянно опасаясь измены. Все это происходило на фоне того в целом общего энтузиазма, с которым интеллигенция встретила низвержение царизма и создание буржуазного Временного правительства, стремившегося либерализовать политический курс. Многие лидеры большевистской партии были весьма напуганы и разочарованы тем, что интеллигенция не оказала аналогичной поддержки им⁷. Правда, много позднее они уже заявляли, что не испытывали никаких иллюзий относительно поведения интеллигенции в революции⁸. Но вряд ли это было правдой.

Партийно-советские органы далеко не всегда проводили гибкую и дальновидную политику в отношении работников интеллектуального труда, нередко прибегая к диктату. «Эта техническая сила, которую мы призвали работать, нам изменяет, нас предает. Но теперь пролетарская революция на кровавом пути.

РАЗДЕЛ VI

А всем техническим силам один ответ – «а измену к расстрелу»⁹ – такова была основная идея многих газетных и журнальных статей того периода. Все это представляло собой массовую кампанию травли старых специалистов. Это взаимное непонимание, отчужденность и недоверие способствовали усилению стремления партийно-советских органов к созданию интеллигенции из рабочих и крестьян. Вот как об этом писала Ивановская газета «Рабочий край» в июне 1919 г.: «... все острее возникает вопрос о новой интеллигенции, так как старую в ее большинстве уже не перевоспитать».¹⁰ Таким образом, подготовка новой рабоче-крестьянской интеллигенции стала одной из главных задач советской власти.

Примечания

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 6–7.

² Там же. С. 218–219.

³ Волков В. С. К научной концепции истории интеллигенции // В поисках исторической истины. М., 1990. С. 53.

⁴ Сталин И. В. Сочинения. Т. 4. С. 118.

⁵ Воля народа. 1917. 23 декабря.

⁶ Куманев В. А. Судьбы советской интеллигенции (30-е годы) // История СССР. 1990. № 1. С. 24.

⁷ Зиновьев Е. Г. Интеллигенция и революция. М., 1924. С. 3.

⁸ Ярославский Ем. О старой и новой интеллигенции. Ростов н/Д, 1939. С. 17.

⁹ Чумбаров-Лучинский Ф. С. Почему нет иного наказания, кроме расстрела // Жизнь искусств. 1918. № 1. С. 12–13.

¹⁰ Рабочий край. 1919. 6 июня.

И. С. Наградов

г. Кострома

«ЖИТЕЛИ ТО РОДСТВОМ, ТО ХЛЕБОСОЛЬСТВОМ, А ГЛАВНОЕ РАСКОЛОМ СВЯЗАНЫ С ПАПУЛИНЫМ...»

В 1845 году по личному приказу Николая I в город Судиславль Костромской губернии прибыл внутренний гарнизонный батальон в количестве 65 человек под командованием четырёх унтер-офицеров и одного поручика. Совместно с представителем приказа общественного призрения П. Н. Колюпановым солдаты должны были закрыть частную богадельню купца Н. А. Папулина и арестовать её хозяина – главу судиславских старообрядцев-федосеевцев¹. Так для староверов Костромского края начались одни из самых трагичных событий в истории старообрядчества XIX столетия.

В конце XVII века в районе Новгорода и Пскова зародилось учение старообрядцев-федосеевцев, названное так по имени основателя и идеолога Феодосия Васильева. Федосеевцы не принимали таинство брака, а только крестили новорожденных и исповедовались духовному наставнику. Они не признавали

священников, государственную власть и официальную церковь. К середине XVIII века разросшийся толк занял лидирующие позиции в среде русского старообрядчества. Особой удачей для федосеевцев стало открытие в Москве собственного кладбища. В 1771 году в России свирепствовала чума и власти, боясь дальнейшего распространения эпидемии, охотно разрешили старообрядцам самим погребать умерших единоверцев. Через несколько лет Преображенское кладбище превратилось в один из центров федосеевского толка. На приобретённой земле возникли хозяйственные, культовые и административные постройки. Московские наставники федосеевцев стали собирать под свою опеку региональные общины. Одна из таких общин находилась в городе Судиславле Костромской губернии. Известный с XIV века Судиславль, в самом начале XIX столетия получил генеральный план и стал крупным административным, промышленным и торговым центром. Огромную роль в развитии промышленности, инфраструктуры и культуры города сыграла находившаяся здесь старообрядческая община. Лидером местных старообрядцев был Николай Папулин.

В 1812 году судиславский мещанин Николай Андреевич Папулин был молод и беден. Однако сумел получить от неизвестных благодетелей 80 тысяч рублей пожертвований на постройку богадельни. Они составили его первый капитал, который он удачно вложил в торговое дело и через несколько лет стал одним из крупнейших торговцев города. В том же году Н. А. Папулин получил разрешение на постройку богадельни лично от императора Александра I, известного своим либеральным отношением к старообрядцам особенно в первые годы своего царствования². Первоначальный капитал Папулина очень быстро увеличился благодаря полуплегальным коммерческим предприятиям. Он использовал труд скрывающихся в его скитах беглых крестьян, обращая их при этом в старообрядчество. В 1820 году в богадельне проживало 65 человек вместо разрешённых двенадцати³. В 1828 году в богадельне пребывало уже 170 постояльцев.⁴ Большинство из них были не настолько стары, чтобы нуждаться в присмотре, и вполне работоспособны. Беглые собирали, обрабатывали и продавали грибы, обилием которых Судиславль славится до сих пор. Местные крестьяне в июле заколачивали дома и уходили в лес на грибной промысел. Прямо в лес приезжали скупщики, чтобы приобрести уже очищенные, маринованные или сушёные грибы. Кроме того, уже тогда ходили слухи, что в богадельне изготавливают фальшивые золотые монеты. Слухи эти неожиданно подтвердились несколько лет назад, когда местная жительница нашла «папулинскую» монету на своём огороде. На этом экономическая деятельность купца-старообрядца не заканчивалась. Николай Андреевич имел маслобойный завод и полотняную фабрику. Живущие в богадельне женщины изготавливали на продажу шерстяные чулки и варежки, берёзовые лапти, кружева и платки. Возможно, при богадельне существовала пасека, на что указывают найденные при обыске дома большое количество мёда. Хозяйство богадельни было натуральным: постояльцы занимались скотоводством, выращивали огородные культуры, засевали поля льном, овсом и ячменём. Таким образом, старообрядцы обеспечивали себя всем необходимым, и часть

продуктов отправляли на рынок (в Санкт-Петербурге Н. А. Папулин имел лавку, торговавшую грибами, салфетками и холстом)⁵.

Судиславские федосеевцы имели тесные связи с другим крупным старообрядческим центром России – Преображенским кладбищем в Москве, настоятель которой Гнусин некоторое время скрывался в Судиславле. За это Н. А. Папулин получил в вознаграждение «из разных мест» 100 000 рублей. А в 1845 г. Папулин получил от настоятеля Преображенского кладбища Семёна Козмина некую сумму. Космин уговорил московского купца Тимофея Ефремовича Соколова дать 40 тысяч рублей на помин жены. В Москву были вызваны настоятели из Костромы, Тулы, Тамбова, Саратова, Ростова, других городов, а так же из Судиславля. Раздавая деньги, Космин надеялся на поддержку региональных федосеевских общин в его полемике с поморцами.⁶

В середине 1820-х годов Николай Андреевич предпринял рискованное мероприятие – выкупил иконостас Благовещенского собора в Сольвычегодске – родовом владении промышленников Строгановых. Собор был заложен в 1560 году при основателе династии Иоанникии Фёдоровиче Строганове⁷. Протоиерей собора Афанасий Кириллов продал несколько сотен древних икон под видом ветхих за 7 тысяч рублей.

Успешная экономическая деятельность позволила Николаю Андреевичу в 1820 году стать купцом 2-й гильдии. Ещё раньше, в 1817 г. он стал кандидатом в бургомистры, а в 1820 г. был избран бургомистром г. Судиславля⁸. Это дало ему возможность долгое время отражать нападки местного православного духовенства, которые начались ещё в 1805 году. Тогда умер известный судиславский купец-старообрядец Шубенин, похороны которого проходили очень торжественно. Старообрядцы открыто прошествовали до своего кладбища, неся гроб с покойным. Сразу за гробом шли купцы Захаровы, Красильниковы, а так же Иван и Николай Папулины. Местное духовенство написало рапорт в Костромскую уголовную палату. Однако чиновники отнеслась к событию без особого интереса, предписав земскому суду не допускать повторения подобных мероприятий, а духовной власти было предложено обратиться к купцов в православие самостоятельно⁹.

В течение 25 лет против Папулина было возбуждено 14 различных дел. Причём, как минимум, два из них явно были устроены для того, чтобы получить с Папулина мзду. В основном они касались погребения на старообрядческом кладбище и крещения в купелях на территории богадельни. Во всех случаях благодаря своему огромному богатству, связям и занимаемому посту Николай Андреевич выходил сухим из воды. На все обвинения купец отвечал, что младенцев крестил не он, а духовный наставник федосеевцев Фёдор Артемьев (умер в 1827 году), а на погребение умерших у него всегда имелись разрешения от судиславской ратуши.

В 1820 году в Костромское губернское правление на Папулина поступил очередной рапорт от епископа Самуила. Священник судиславского собора Альдов жаловался руководству, что Н. А. Папулин «не смотря на запрещение (состоявшееся годом ранее - *И. Н.*), продолжает производить при своём богадельном доме звон в колокол во время богослужений, чем самым, а более всего

коварством и лестию соблазняет простой народ, совращает его в раскол и так увеличил число своих последователей, что прежних двух каменных корпусов с другими деревянными строениями не хватает ... Не зная, куда поместить совращённых им, Папулин ныне строит ещё большой каменный дом, и ... какое-то большое деревянное строение»¹⁰. Кроме того, купец обвинялся в том, что крестил и похоронил малолетнюю дочь мещанина Фёдора Андреевича Красильников. Ещё, по словам священнослужителей, Папулин избил мещанскую вдову Аграфену Яковлевну Гиринскую, которая после долгого пребывания в старообрядчестве решила перейти в официальное вероисповедание. Для расследования инцидента в Судиславль был командирован частный пристав Семёнов с помощниками. Он обследовал дом Папулина и обнаружил, что там возводится пристройка к каменному корпусу (а не отдельное здание), а в сених нашёл девятипудовый колокол без языка. Папулин заявил, что колокол сломан, и звонить в него нельзя, что в крещении и погребении он не участвовал, а только разрешил Красильникову похоронить дочь. При этом Ф. А. Красильников сказал, что получил на это устное разрешение от священника судиславского собора. Всё это подтвердили 34 жителя Судиславля. Далее следствие остановилось из-за бюрократических проволочек и смерти одного из следователей. В 1822 году оно было вновь возобновлено по настоянию духовных властей. Однако Аграфена Гиринская к этому времени умерла, поэтому установить факт избияния ее Папулиным уже было невозможно.

Осмотр богадельни следователем даёт нам возможность представить, как выглядел двор вокруг богадельни при Папулине: «...вся местность, на которой находятся строения, обнесена сплошным забором; внутри обнесённого забором пространства, на речке Готовке, находятся четырёхугольные срубы, ... внутри обшитые досками. Внутри срубов находятся две проруби ... Обе проруби под водою ограждены срубом; забор проведён за срубы по речке Готовке углом к посаду Судиславлю, от которого все строения отстоят не более полуверсты». Священнослужители считали, что эти проруби используются для крещения. Папулин же настаивал, что в них стирают бельё. Причт в один голос утверждал, что свидетели из Судиславля никогда не скажут правды, так как родственными, деловыми связями и «хлебосольством» связаны с Папулиным. Несмотря на это следствие завершилось. Возобновлено оно было уже в правление Николая I, сыгравшего в судьбе папулинского скита роковую роль.

В 1828 году дело все же было препровождено из костромского губернского правления в костромской уездный суд. Но последний деликатно переправил его в судиславскую ратушу. В это время выяснилось, что все члены ратуши связаны с Папулиным «по родству, свойству, хлебосольству, а главное по расколу» и дело было вновь отправлено в губернское правление, которое передало его уездному суду. Здесь оно и разрешилось. Папулин был признан невиновным, а духовенству предложено увещивать его перейти в православие. Однако Папулин остался под подозрением как принимающий в богадельню не увечных и старых, а молодых и работающих, что противоречило указу, разрешающему ему содержать богадельню¹¹.

Прекратить деятельность Папулинской богадельни так и не удалось. Но приблизительно в это время Н. А. Папулин попал в поле зрения Николая I. Вначале, 2 февраля 1830 года император приказал секретно «поставить на вид» костромскому губернатору Я. Ф. Ганскаю прекращать те действия Папулина, которые влияли на «простодушный народ», следить, чтобы в богадельне пребывали одни старики. Работоспособных лиц моложе 50 лет, уже пребывающих в богадельне было приказано выслать, а мальчиков отдать в солдаты. После этого в богадельне должно было остаться 19 мужчин и 75 женщин. Для них сохранялась моленная при богадельне, а место для крещения необходимо было уничтожить. Сама же богадельня после смерти Папулина должна была перейти в ведение приказа общественного призрения¹².

По всей видимости, именно тогда в Петербурге стали воспринимать деятельность Папулина как серьёзную угрозу. 27 марта 1830 года в костромскую губернию пришёл запрос из министерства юстиций с приказанием сообщить обо всех следственных мероприятиях в отношении судиславского купца. Власть, наконец, решили всерьёз взяться за разрешение давней проблемы. Однако снова возникла заминка: у центральных властей руки были заняты подавлением Польского восстания 1830–1831 годов. Губернских властей Папулин никогда не боялся.

В 1832 году в Костромскую губернию был назначен новый губернатор М. Н. Жемчужников. Перед отъездом в губернию его пригласил император. Во время аудиенции, царь рассказал Михаилу Николаевичу о том, что местная власть не может справиться с быстрым ростом старообрядчества. Все попытки полиции и жандармов поймать беглых, скрывавшихся в богадельне, были безрезультатны. Несмотря на большую активность и секретность деятельности корпуса жандармов и МВД, в богадельне, по словам Николая I, при визите полиции были найдены лишь следы недавних постояльцев и глухонемая старуха. Раскольники явно получали из Петербурга информацию обо всех полицейских мероприятиях, планируемых лично императором, министром внутренних дел и шефом жандармов.

По приезду в Кострому М. Н. Жемчужников убедился, что судиславские власти почти полностью контролируются Папулиным. Полицеймейстер Небольсин честно признался новому губернатору, что не может вмешаться в деятельность старообрядцев из-за боязни за свою семью. Опасения полицмейстера были не беспочвенны. Его предшественник, пытавшийся бороться со старообрядцами, находился под следствием. При этом обвинение было подстроено так, что даже сам губернатор не смог спасти невиновного. М. Н. Жемчужников отдал распоряжение направить всех беспаспортных из богадельни в губернский острог, а остальных выслать из губернии. Вскоре острог наполнился арестантами, но внезапно Михаил Николаевич получил известие о смерти жены и, оставив службу, уехал в имение в Орловскую губернию¹³.

С отбытием исполнительного губернатора борьба со старообрядцами вновь была остановлена. Папулин по-прежнему принимал беглых и увеличивал благосостояние общины. Попытки духовенства возобновить следствие не удались. В 1837 году костромскому епископу Владимиру поступил рапорт от священника

судиславского собора Василия Белороссова. Он сообщил что, Папулин вновь принимает разных лиц из окрестных селений и восстановил разрушенную по указу 1830 года купель. Однако Министерство внутренних дел не нашло в рапорте священнослужителя достаточного основания для возбуждения дела¹⁴. Правительственная антистарообрядческая политика ещё не достигла своего апогея, и староверы могли жить относительно спокойно. Только 5 мая 1839 года был издан указ Николая I, по которому все моленные, построенные после 17 октября 1826 года, должны были быть запечатаны, а так же принят ряд других жёстких мер.

В 1841 году министром внутренних дел стал Лев Алексеевич Перовский. При нём исследования раскола были подняты на высокий уровень и стали систематическими¹⁵. В результате правительству стало известно о тайном толке странников, не признававшем государственного строя. В 1846 году экспедиция исправника Болотова исследовала густые леса в Пошехонском уезде Ярославской губернии и спугнула оттуда беспаспортных странников. А в 1850 года комиссия чиновника особых поручений МВД графа Ю. Ц. Стенбока окончательно раскрыла толк и арестовала многих его последователей¹⁶. Обнаружение новой секты, не подчинявшейся властям, очень обеспокоило Николая I. Со второй половины 1840-х годов и, особенно с начала 1850-х царская конфессиональная политика ожесточается. Как водится, досталось не только виновникам тревоги - странникам, но и всем остальным старообрядцам. Тогда то и появляются следователи, а с ними солдаты и член приказа общественного призрения П. Н. Колюпанов. Они прибыли, чтобы исполнить волю императора, повелевшего 22 марта 1846 года за распространение раскола, содержание общественной моленной и укрытие беглых сослать Н. А. Папулина в Кирилло-Белозёрский монастырь. Наступало «мрачное семилетие»...

Однако на этом беды видного старообрядческого деятеля не закончились: уже в монастыре его попытался убить местный плотник, который напал на Папулина с топором и серьезно его ранил. Несмотря на ранение, старообрядец выжил и скончался 9 января 1858 года¹⁷ в почтенном возрасте 79 лет.

Пока Папулин ехал в ссылку, в Судиславле стали делить его имущество. П. Н. Колюпанов, как представитель приказа общественного призрения, принял папулинскую богадельню под контроль своего ведомства. Моленные были превращены в жилые помещения для призреваемых стариков. Костромской духовной консистории достались все богослужебные вещи, книги и иконы из упраздненных моленных. Известна судьба 231 иконы из собрания Папулина. Они поступили в кладовые Ипатьевского монастыря в Костроме. В 1847 году граф С. Г. Строганов добился передачи икон ему, как принадлежавших некогда его предкам. В 1922 году иконы поступили в фонды Государственного Русского музея¹⁸. Сорок одна печатная книга и 35 рукописных, в том числе 14 певческих книг, так же попали в ризницу Ипатия¹⁹. В 1854 г. при проверке этих книг прокурором Московской синодальной конторы Лопухиным, обнаружилось, что 24 печатных и 2 певческие книги исчезли при передаче дел от одного ризничего к другому²⁰. Возможно, как это часто бывало, книги были выкуплены старообрядцами.

Однако даже после ареста столь яркого лидера, как Николай Папулин история федосеевского согласия в Судиславле закончилась не сразу. Общину возглавил племянник Николая Андреевича Максим Папулин. В 1842-1845 годах он занимал должность городского головы, и вместе с секретарём городской ратуши Плетнёвым приписывал к Судиславлю старообрядцев. Формально Максим Папулин принадлежал к православной церкви, но, как всем было известно, на исповеди и причастии не был с 1834 года²¹.

В конце 1850-х годов накал страстей в Судиславле спал. С началом правления Александра II правительственная политика по отношению к старообрядцам стала более мягкой: репрессии прекратились, а столичный Комитет о раскольниках во главе с известным своими либеральными взглядами великим князем Константином Николаевичем задумался над составлением программы по облегчению положения старообрядцев²². Вскоре, с трудом преодолевая сопротивление консервативных кругов и духовенства, великому князю и его сторонникам удалось провести ряд постановлений, облегчавших жизнь староверов. В 1864 году часть старообрядцев получила право в тех местностях, где они преобладали, занимать должности сельских старост, волостных старшин, сборщиков податей. При этом они не имели право занимать должность городского головы. Все старообрядцы получили право заниматься торговым делом и поступать в гильдии на общих основаниях. Этому права они были лишены в 1853 г. Очень важным для осуществления торговой и промышленной деятельности было разрешение старообрядцам получать паспорта. Старообрядцы могли совершать молитвы без «публичного оказательства раскола». Распечатывание моленных и их ремонт мог быть осуществлен с разрешения начальника губернии или МВД. При этом должны были отсутствовать внешние атрибуты храма²³.

Используя полученную возможность, Максим Папулин записался во 2-ю купеческую гильдию. Должность городского головы он больше не занимал и был просто степенным гражданином²⁴. Судиславский священник в 1859 году грустно сообщал начальству, что «...в городе Судиславле находится значительное число раскольников, населяющих целую слободу, называемую Папулинскою, но кто они такие, какой секты, какого толка и сколько числом – мы не знаем потому, что в дома их не бываем приглашаемы ни с какими требами»²⁵.

В 1866 году официально в Судиславле было зарегистрировано 44 старообрядца, 23 из которых были купцами и членами их семей, а остальные – мещанами. Православное духовенство подозревало в тайной принадлежности к староверию еще 37 купцов и мещан города. Среди старообрядцев и сочувствующих им часто встречаются фамилии Красильниковых, Захаровых, Кокоревых, Москвиных, Третьяковых и Папулиных²⁶. Тем не менее, священнослужители отмечали в 1860-х годах, что «раскол» в городе стал гораздо слабее и «мало-помалу теряет свою силу и обаятельность»²⁷. В конце XIX века в некогда крупном старообрядческом центре старообрядцы ничем себя не проявляли. Причиной тому не только либеральная политика правительства Александра II, падение влияния федосеевского толка на территории Костромского края, но и то, что среди старообрядцев так больше и не появилось личности подобной Николаю Папулину.

В конце века костромское миссионерское Федоровско-Сергиевское братство уже не проявляло особого интереса к судиславским федосеевцам, а сосредоточило силы на борьбе с белокрыницким соглашением в Костромском и Варнавинском уездах Костромской губернии.

Примечание

¹ *Пивоварова Н. В.* Об одном эпизоде из истории «борьбы с расколом» в середине XIX в.: Судиславские моленные Н. А. Папулина и их судьба по документам Российского государственного исторического архива // Старообрядчество в России (XVII–XX века). Вып. 3. М., 2004. С. 360.

² ГАКО, ф. 133, оп. 2, д. 11091, л. 11 об., 14 об.

³ Там же. Л. 8 об.

⁴ ГАРФ, ф. 109, оп. 3, д. 1178, л. 38 об. – 39.

⁵ *Львова Н. В.* Экономическая деятельность судиславского купца Н. А. Папулина // Ступени роста - 2004: тезисы науч.-практ. конф. студентов, Кострома, 1-27 апреля 2004 г. Кострома, 2004. Ч. 2. С. 42-43.

⁶ *Лествицын В.* Сорок лет назад // Ярославские епархиальные ведомости. 1886. № 45. 10 ноября. Часть неофиц. Стб. 716. (Далее – ЯЕВ).

⁷ *Пивоварова Н. В.* Указ. соч. С. 367-368.

⁸ ГАКО, ф. 133, оп. 2, д. 11091, л. 8 об.

⁹ Там же. Л. 19.

¹⁰ Там же. Л. 7.

¹¹ Там же. Л. 8-15.

¹² ГАКО, ф. 132, оп. 1, д. 1144, л. 4-6.

¹³ *Жемчужников В. М.* Записки В. М. Жемчужникова. Из посмертных бумаг // Вестник Европы. 1899. Февраль. С. 657-660.

¹⁴ *Пивоварова Н. В.* Указ. соч. С. 359.

¹⁵ *Ершова О. П.* Старообрядчество и власть. М., 1999. С. 139.

¹⁶ *Дутчак Е. Е.* Старообрядческое соглашение странников: вторая половина XIX–XX вв. Дисс. ... канд. истор. наук 07.00.02. Томск, 1994. С. 42-43.

¹⁷ *Пивоварова Н. В.* Указ. соч. С. 361-363.

¹⁸ Там же. С. 367.

¹⁹ ГАКО, ф. 712, оп. 3, д. 190, л. 1–3 об.

²⁰ ГАКО, ф. 712, оп. 4, д. 99, л. 16–17, 106.

²¹ Из указа Его Императорского Величества Самодержца всероссийского из Костромского губернского правления Судиславской городской думе // Губернский дом. 1997. № 4. С. 61.

²² ГАРФ, ф. 722, оп. 1, д. 546, л. 1–5.

²³ *Ершова О. П.* Роль министерства внутренних дел в формировании государственной политики в отношении старообрядчества в 60-е гг. XIX века // Старообрядчество. История. Культура. Современность. 1996. Вып. 5. С. 26-29.

²⁴ ГАКО, ф. 51, оп. 1, д. 1744, л. 1.

²⁵ ГАКО, ф. 132, оп. 1, д. 1239, л. 1 об.

²⁶ ГАКО, ф. 131, оп. 1, д. 148, л. 81 об. – 85 об.

²⁷ Там же. Л. 80 об.

Б. Д. Видмарович

г. Москва

**ЯПОНСКО-КИТАЙСКИЙ УЗЕЛ
В НАЦИОНАЛЬНЫХ ИСТОРИОГРАФИЯХ**

Причины существующих в настоящем разногласий в межгосударственных взаимоотношениях между Китаем и Японией обусловлены многими факторами, истоки которых необходимо искать в ближайшем прошлом, а именно в XXI в. При этом необходимо постоянно учитывать и то, что на их двусторонние отношения зачастую влияла внешняя политика Соединенных Штатов Америки с одной стороны, и позиция, занимаемая СССР, – с другой.

Япония строила свои отношения с Китаем, во многом исходя из своих взаимоотношений с США. Поскольку, как известно, США следовали глобальным планам по нейтрализации коммунизма в мире, и постоянному противостоянию СССР¹, как главному идеологическому противнику, то Япония строила свои политические отношения с Китаем, во многом ориентируясь на официальные внешнеполитические векторы, которые были провозглашены в США в противовес политике СССР и других соцстран. В этом ключе воспринимались и трактовались все события, которые происходили в Китае. Г. Ф. Кунадзе, один из российских специалистов по истории японско-китайских отношений в период их становления в конце 60-х – начале 70-х годов XX в., подчеркивает, что именно идеология определяла в то время характер взаимоотношений двух стран. Япония не спешила признать КНР и потому, что боялась внедрения в страну ультралевой идеологии, и потому, что это было связано с нарушением развивающихся выгодных торгово-экономических отношений с Тайванем, и в силу неуверенности в стабильности внутренней и внешней политики Китая. И хотя, «отношения Японии с КНР в 50–60-х годах наглядно иллюстрировали ее внешнеполитическую слабость, выражавшуюся в безусловной ориентации на США»², Япония все же стремилась выработать и закрепить свой собственный подход к Китаю, хотя официальный характер отношения Китая и Японии приобрели не сразу – на это ушло более двух десятилетий после окончания Второй мировой войны. Тем не менее, японо-китайское сближение началось задолго до распада системы социализма и изменения расстановки политических сил на мировой арене. Это произошло, во-первых, на почве охлаждения отношений между Китаем и СССР – эти две страны еще в 1950 г. подписали Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи³, однако уже к концу 50-х годов «различия в подходах к реализации социалистической модели привели в итоге к политическому и экономическому противостоянию Советского Союза и Китая»⁴. Дело в том, что в отличие от Японии Китай всегда стремился противостоять и отвергать двойную гегемонию – СССР и США.

После Второй мировой войны, китайское руководство выработало теорию «трех миров»: США и СССР – «первый мир», мир империализма, Европа, Канада и Япония как «второй мир» – промежуточный, который может противостоять гегемониям, и «третий мир» – развивающиеся страны, среди которых Китай претендует на лидерство⁵. Как считают западные аналитики, ухудшение отношений

между СССР и КНР основывалось на «глобальном соперничестве двух великих коммунистических держав». ⁶ По этой причине, и чтобы не допустить проникновение СССР в Юго-Восточную Азию, Китай в 70-е годы пошел на сближение с США – причем даже позиция США по отношению к Тайваню не помешала сближению США и Китая. Этот факт в свою очередь способствовал сближению Китая и Японии, собственный интерес которой к Китаю, как указывают политики, «весомо подкреплялся интересом главного союзника» ⁷ – США.

Постепенное сближение Китая и Японии было обусловлено и рядом иных факторов – географической близостью и отмечаемой исследователями специфичностью отношения японцев к Китаю: «“Старший брат”, которого очень хотелось превзойти, “больной человек Азии”, которого следовало непременно покорить, непостижимо огромная и в отличие от Японии во все времена самодостаточная страна, населенная столь похожим, но в чем-то важным столь неуловимо непохожим на японцев народом, – в каждой из этих ипостасей Китай оставил неизгладимый след в японском сознании и в японской политике. Китай – одна из немногих, а возможно и вообще единственная страна, к которой японцы никогда, ни при каких обстоятельствах не относились равнодушно» ⁸. Японские политики в связи с этим рассматривали Китай и «как субъект международных отношений, способный порой даже самим фактом своего существования оказать определяющее влияние на судьбу Японии» ⁹. Сближению немало способствовало также умение и китайцев, и японцев разделять политические и экономические отношения. Взаимодополняемость экономик Японии и Китая (Китай для Японии представлял большой интерес как крупнейший рынок сбыта для готовой японской продукции, а из Китая ввозилось сырье), обуславливало активное развитие торгово-экономических отношений, так что торговые взаимосвязи налаживались через частные японские компании, как отмечает А.В. Семин, после того, как Япония получила статус суверенного государства в 1951 г. Таким образом, ни различие политических систем, ни идеология не могли радикальным образом противопоставить два государства. Более того, последующий отход Китая от стран социалистического содружества и проявленное в связи с этим внимание со стороны США, дополнительно подтолкнули Японию к сближению с Китаем, что и привело к его признанию Японией в 1972 г. Кстати, и договор с Японией, о котором речь пойдет ниже, заключенный в августе 1978 г., со стороны Китая имел антигегемонистский характер, так как был направлен против СССР.

Первым важным шагом в установлении внешнеполитических отношений между Японией и Китаем стало Совместное заявление правительства Японии и правительства Китайской Народной Республики, сделанное 29 сентября 1972 г. в Пекине о нормализации межгосударственных отношений ¹⁰. Этот документ начал восстановление дипломатических отношений между двумя странами. Затем последовал Договор о мире и дружбе между Японией и Китаем, заключенный 12 августа 1978 г. ¹¹ Договор состоял из преамбулы и пяти статей и подводил международно-правовую базу под отношения двух государств: на основании подписанных документов стало возможным и подписание соглашения по торговле на период с 1978 г. по 1985 г. Однако, необходимо отметить, что и Совместное заявление, и подписанный шесть лет спустя Договор, заключали в себе

неясные формулировки, приведшие впоследствии к разногласиям, до сих пор препятствующим развитию нормальных отношений между Китаем и Японией. В первую очередь это связано с территориальными спорами, прежде всего с островами Сенкаку, которые, согласно договору «О возврате островов Окинава», были в 1972 г. переданы Японии, и вскоре после этого оспариваемы Китаем.¹²

Важнейшей проблемой, которая остается нерешенной в настоящее время – это проблема Тайваня. После нормализации китайско-японских отношений японское правительство на основании декларации о восстановлении отношений между двумя странами разорвало дипломатические отношения с Тайванем. Японо-тайваньские контакты ограничились только рамками экономики и культуры. После нормализации китайско-японских дипломатических отношений японским правительством был признан принцип «одного Китая», и было обещано, что отношения с Тайванем будут ограничены только неправительственными связями. Тогдашний министр иностранных дел Охира Масаеси 29 сентября 1972 г. в Китае заявил, что согласно Каирской и Потсдамской декларациям Тайвань должен быть возвращен Китаю¹³. Япония, подписав в 1952 г. мирный договор с Тайванем, вынуждена была его аннулировать в 1972 г., после восстановления отношений США с Китаем. Однако в вопросе о том, кому подчиняется территория Тайваня, японский МИД не занимал и не занимает какой-либо определенной позиции. Это проистекает из расплывчатости текста Совместного заявления Японии и КНР 1972 г. Действительно, в Совместном заявлении, сделанном Китаем и Японией в 1972 г., в пункте 3 говорится следующее: «Правительство КНР заявляет, что Тайвань является неотъемлемой частью территории КНР. Правительство Японии полностью понимает и уважает эту позицию Правительства КНР, а также подтверждает свою готовность соблюдать решения статьи 8 Потсдамской декларации»¹⁴. Потсдамская декларация 1945 г. требовала безусловного выполнения решений Каирской конференции 1943 г., в документах которой отмечалось, что захваченные Японией Маньчжурия, Тайвань и Пескадорские острова должны быть возвращены Китаю. Однако, одновременно с этим в договоре, заключенном в Сан-Франциско 8. сентября 1951 г., ничего не говорится о возвращении острова Тайвань КНР. В статье 2 этого договора упоминается, что Япония отказывается от своих прав и претензий на Тайвань.¹⁵ Понятно, что такая более чем двойственная позиция Японии по отношению к Китаю в Тайваньском вопросе до сих пор позволяет Японии маневрировать в этой сложной проблеме и ориентироваться, прежде всего, на позицию США. Однако, чтобы не раздражать Китай, правительство Японии еще в те годы поспешило заверить, что не собирается поддерживать движение за независимость Тайваня. Иллюстрируя умение Японии искусно лавировать в вопросах взаимоотношений Китая и Тайваня, «даже действуя в общих рамках американской стратегии», целесообразно привести фразу из письма премьер-министра Японии Сингеру Иосиды, направленного специальному представителю правительства США Джону Фостеру Даллесу еще в 1951 г., т.е. задолго до установления дипломатических отношений Японии и Китая: «Действие мирного договора между Японией и Китайской Республикой /.../ будут распространяться на все территории, которые находятся в настоящее время или окажутся в будущем под контролем гоминьдановского

правительства /.../ эта формулировка означала отказ Японии от признания «Китайской Республики» в качестве законного представителя всего Китая. Таким образом, Япония зарезервировала за собой право вступать в отношения с КНР без особой оглядки на мирный договор с Чан Кайши»¹⁶.

Япония вынуждена занимать по вопросу Тайваня двойственное положение не только из-за зависимости от США. Дело в том, что, как отмечает Георгий Фридрихович Кунадзе, «достаточно одного взгляда на карту, чтобы понять, что контроль над островом приблизит КНР к Юго-Восточной Азии, даст возможность при необходимости перерезать морские коммуникации Японии, ведущие не только в ЮВА, но и на Ближний Восток, в Африку, Европу»¹⁷. После Совместного заявления Япония старалась тщательно избегать каких бы то ни было заявлений и высказываний по поводу Тайваня. Однако выражение «понимания» в отношении позиции КНР по Тайваню и ссылки на положения Потсдамского и Сан-Францисского договора не помешали Японии поддерживать с Тайванем экономические и культурные связи. Политика разделения политики и экономики с успехом применялась и в отношениях между Китаем и Японией до установления дипломатических отношений. Касательно Тайваня носителем таких экономических и культурных отношений в Японии стала, основанная в 1972 г. частная организация под названием «Ассоциация обмена», а на Тайване – «Ассоциация связей с Восточной Азией».¹⁸ Подписав договор, эти организации создали своеобразную основу для развития связей, которые отдаленно напоминали дипломатические связи, так как «Ассоциация обмена», па пример, исполняет de-facto функции японского посольства в Тайбэе, однако юридически таковым не является. Интересно, что, несмотря на достаточно широкие экономические связи и контакты между Японией и Тайванем, Китай ранее никак не реагировал на них и старался не замечать.

После окончания холодной войны в обстановке огромных перемен в мире в 90-е годы японо-тайваньские отношения получили новое развитие, став более открытыми и сбалансированными. Определенную роль в этом сыграло сотрудничество в рамках региональных и международных организаций (как, например, Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество (АТЭС), Азиатский банк развития (АБР) и другие)¹⁹ В конце 1990 г., после того, как японское правительство определило курс на улучшение и развитие отношений с Тайванем, крупные правительственные чиновники из Японии стали один за другим наносить визиты на Тайвань. В мае 1991 г. японский МИД разрешил официальным лицам в должности ниже заместителей министров лично контактировать с Тайваньским правительством²⁰. Вскоре и некоторые важные лица с тайваньской стороны также посетили Японию – зам. министра по государственным делам Чжан Сяоянь лично посетил Японию. В июне того же года бывший министр внутренних дел Тайваня Сюй Шуидэ вступил в должность аккредитованного представителя при японском правительстве. А уже 26 ноября 1993 г. генеральный секретарь японского кабинета министров первый раз открыто назвал Тайвань «государством»²¹.

Разумеется, не секрет, что сохранение разрыва между Китаем и Тайванем остается в интересах Японии, поскольку это связывает быстрое экономическое развитие Китая, а также создает серьезные ограничения в политической области.

Бурное развитие Тайваня, темпы роста которого опережали китайские, делали проблему воссоединения еще более осязаемой и острой. Именно этот экономический фактор и является одним из основных препятствий воссоединения Тайваня с Китаем, ибо ни Япония, ни США не заинтересованы в прекращении чрезвычайно выгодных экономических контактов с Тайванем. Кроме того, и США и Япония понимают, что воссоединение Тайваня с Китаем приведет к возрастанию роли и укреплению политических позиций Китая в Азии. Япония ориентируется в сбыте своей продукции прежде всего на Тайвань, если говорить о Восточной Азии; на Тайвань она внедряет и свои высокие технологии, тем более, что западная экономическая система, действующая на Тайване, создает дополнительные благоприятные условия для этого. Вопрос же о воссоединении острова с Китаем является для Китая вопросом престижа и укрепления авторитета руководства страны как внутри Китая, так и в мире в целом.

На формирование позиции Японии в отношении Тайваня существенное влияние оказывает наличие японо-американского Договора безопасности, подписанного странами в 1951 г.²² На основании этого договора, Япония могла оказать поддержку США в виде размещения американских сил на своей территории, когда США в 1954–1955 гг. направили в Тайваньский пролив флот, пытаясь предотвратить возможную попытку Китая силой присоединить Тайвань. В то же время Япония никогда не желала быть втянутой в любой военный конфликт, который мог бы возникнуть между США и Китаем, понимая сложность тайваньского вопроса. Много позже, в 1996 г., указывая на упоминание в тексте Совместной японо-американской декларации по вопросам безопасности 1996 г. «о возможности использования сил самообороны в прилегающих к Японии районах», Китай предостерегал Японию «от распространения действия договора на Тайваньский пролив»²³. А жесткость позиции Китая по отношению к тайваньской проблеме была наглядно продемонстрирована в том же г., когда Китай в контексте ухудшения китайско-тайваньских отношений, накануне выборов в Тайбэе, провел масштабные военно-морские маневры в непосредственной близости от Тайваня, дав недвусмысленно понять стратегическим союзникам Тайваня о намерении прибегнуть к силовым методам в случае попытки провозглашения независимости Тайваня. Это вызвало серьезную обеспокоенность и напряженность в Восточной Азии, и произвело неизгладимое впечатление на Японию. Вместе с тем, «предел нагнетанию напряженности был положен /.../ ответной демонстрацией силы со стороны США, которые ввели в Тайваньский пролив две авианосные группы»²⁴ – этот факт, кстати, охладил стремления некоторых кругов Японии освободиться из-под опеки США.

Разумеется, Япония не может слишком далеко заходить в вопросе сближения с Тайванем, так как надо учитывать интересы и японо-китайских отношений в целом. 24 ноября 1996 г. во время саммита АТЭС в Маниле²⁵ председатель КНР Цзян Цзэминь и японский премьер Рютаро Хасимото обменялись мнениями по поводу китайско-японских отношений. Касаясь Тайваня, Хасимото сказал, что японское правительство всегда выступало и выступает за то, чтобы этот вопрос решался путем мирных переговоров. «Мы против “двух Китаев” и, разумеется, не поддерживаем Тайваньскую независимость; Япония не завязет

официальных отношений с Тайванем. Японское правительство будет надлежащими мерами решать вопросы о Тайване на основе “Японо-китайского совместного заявления” и “Договора о мире и дружбе между Китаем и Японией”»²⁶.

Другая проблема – возможно не столь болезненная, но не менее важная, касается территориальной принадлежности островов Дяоюйдао или Сэнкаку. Этот вопрос, затрагивающий глобальную проблему энергетической безопасности, с особой остротой вставшую перед многими странами в последнее десятилетие, также является одним из камней преткновения для построения действительно прозрачных отношений между Японией и Китаем. Острова эти находятся приблизительно в 460 км к юго-западу от японского острова Окинава и в 240 км к северо-востоку от Тайваня. Исторически, а также согласно нормам международного права, это – китайская территория (эти острова упоминались в старинных китайских хрониках XIV в.). Причем именно исторический и географический аргументы выдвигаются китайской стороной в качестве основных причин возврата этих территорий Китаю. После Второй мировой войны в составе архипелага Рюкю они вначале удерживались под контролем США, которые использовали их в качестве военного полигона. Впоследствии, в 1971 г., США и Япония подписали соглашение о восстановлении административных прав на острова Рюкю, включая и острова Сэнкаку, то есть незаконно, как считает КНР, передали их Японии, чтобы подвергнуть китайский народ явному унижению²⁷.

Эти ненаселенные острова не представляли никакого особого интереса для обеих стран по крайней мере до 1971 г., пока не появились сообщения о том, что в 1968 г. на этих островах были обнаружены запасы нефти. Тайвань первым предъявил территориальные претензии на Сэнкаку, а КНР, естественно, считая Тайвань своей неотъемлемой территорией, также автоматически претендовала на архипелаг. Требования на возврат островов Сэнкаку Китай сформулировал в шести основных пунктах: «(1) Китай утверждает, что право на обладание было получено на основании принципа первооткрывания – освоения еще в 1372 г.; (2) существовало мирное и длительное суверенное право обладания территориями островов, насчитывающее более пятисот лет (1372–1895); (3) Япония неохотно выразила согласие с признанием китайского права над спорными островами; (4) острова Даоюйдао не были ничьими в 1895 г.; (5) острова были переданы Японии на основании Договора Симоносеки в 1895 г.; и (6) острова должны быть возвращены Китаю согласно условиям китайско-японского мирного договора 1952 г.»²⁸. Япония заявляла, что китайские претензии на Сэнкаку со ссылкой на исторические хроники, по которым Сэнкаку – провинция Тайваня, являются необоснованными; к тому же во время присоединения островов к Японии со стороны Китая не поступало никакого опротестования подобного решения²⁹. Со своей стороны Япония в отчете, опубликованном в МИД 8 марта 1972 г., защищала свое право владения островами тем, что «(1) спорные острова были ничьими островами в течение 1885–1895 гг.; (2) на основании Решения Японского Кабинета от 14 января включило острова Сэнкаку в японскую территорию; (3) острова Сэнкаку не были включены в статью 2. Договора Симоносеки 1895 г.; (4) острова Сэнкаку не были частью территории, которую Япония уступила на основании Сан-Францисского мирного договора; (5) существовала законная

передача права собственности на основании Окинавского Соглашения 1971 г.; и (6) существовало молчаливое согласие Китая в течение 1952–1970 гг.»³⁰.

Тем не менее, Китай серьезно возражал по нескольким причинам. Прежде всего, потому, что Сэнкаку Япония отторгла в разгар войны между Китаем и Японией, и Китай, естественно, не мог предъявить никаких претензий. Во-вторых, по окончании войны тайваньские чанкайшисты не выдвигали своих претензий на острова Рюкю, и, соответственно, на Сэнкаку, поскольку США поддерживали режим Чай Кайши.

Несмотря на то, что Япония не без основания опасалась возможности вооруженного конфликта с Китаем по поводу островов Сэнкаку (поскольку в 1974 г. Китай вооруженным путем занял Парасельские острова, о принадлежности которых спорил с Южным Вьетнамом)³¹, конфликта не последовало.

Стороны сочли неуместным включение вопроса о территориальной принадлежности архипелага в Договор о мире и дружбе 1978 г.³². В этом же 1978 г. последовала своеобразная акция протеста со стороны Китая, в которой принимали участие китайские суда, вышедшие в море вблизи островов Даоюйдао³³. Япония не осмелилась вести разведку нефти в шельфе архипелага, а Дэн Сяопин в том же 1978 г., во время визита в Токио заявил, что Япония может владеть островами в течение 20–30 лет³⁴. Необходимо отметить и позицию китайской стороны, согласно которой при невозможности скорого решения вопросов, оставленных в наследство историей, необходимо искать пути для их постепенного разрешения³⁵. Другими словами, и по этому спорному вопросу, так же, как и по Тайваню, в 70-е и 80-е годы не возникало каких-то серьезных конфликтов. Существовало определенное молчаливое согласие с создавшимся положением дел. И все заявления по этим территориальным претензиям (особенно с японской стороны) были выдержаны в достаточно осторожных и умеренных тонах. Однако, подобное сохранение статус-кво не могло быть длительным и указанные двусмысленности и неясности стали источником серьезных разногласий в двусторонних японско-китайских отношениях. Особенно это усилилось в 90-е годы, так как интерес к островам не могло не приковывать наличие в шельфе запасов нефти и газа, что естественно, в будущем сыграет роль в обеспечении энергетической безопасности двух стран. Введение же Японией в 1996 г. двухсотмильной особой экономической зоны вокруг страны, дополнительно утверждало ее права на острова Даоюйдао, что, естественно, снова вызвало возражения и протесты с китайской стороны. Это выразилось в антияпонских выступлениях. О том, насколько ситуация обострилась, свидетельствовало решение Китая сформировать особую оперативную военную группировку для направления ее в спорный регион в случае необходимости. Интересно, что далее этого обострение взаимоотношений не пошло: Китай проявил достаточную сдержанность в этом вопросе. С другой стороны, по наблюдению аналитиков, у Китая в любом случае достаточно сильная позиция по отношению к этой проблеме: на вооруженный конфликт из-за островов Япония не решится, «США – тем более: они не занимают определенной позиции по вопросу принадлежности островов, и поэтому их вооруженные силы за них воевать не будут»³⁶.

Еще одной проблемой в двусторонних отношениях является переоценка исторического прошлого, по которому обе страны занимают прямо противо-

положные позиции. События прошлого в двусторонних отношениях хранятся в памяти людей, задевают их чувства и прямо влияют на развитие отношений в будущем. Китай не может согласиться с японской интерпретацией тех эпизодов военной истории, которые, по мнению китайских специалистов, являются примерами агрессивности Японии. В конце XIX и в первой половине XX в., Япония дважды развязывала агрессивные войны против Китая. Материальный и моральный ущерб, который претерпел китайский народ, не поддается исчислению, однако японское руководство до сих пор не принесло подлинно искренних извинений за это.

В Японии уже более двух десятилетий активно пересматриваются взгляды на историческое прошлое, особенно на события второй мировой войны. Несколько раз – в 80-е годы, а также в 1996 г. правые силы в Японии требовали от правительства переработать учебник истории для средних школ.

В соответствии с этим требованием, уже в 1982 г. Министерство просвещения Японии выпустило школьный учебник по истории,³⁷ в котором была значительно смягчена история агрессии Японии и снижено число жертв во время резни в г. Нанкине³⁸. Протестуя против подобной фальсификации истории, которая повторилась и в 1986 г. в новом переиздании этого учебника, Китай и другие азиатские страны, в частности Южная Корея, и страны Юго-восточной Азии³⁹ подчеркивали, что, пытаясь вычеркнуть из памяти народа преступления японского милитаризма против народов азиатских стран, правящие круги Японии тем самым наносят им жестокое оскорбление⁴⁰.

В середине 90-х годов некоторые деятели в Японии даже заговорили, что война на Тихом океане, которую вела Япония, была в действительности «освободительной войной против господства белых колонизаторов» в Азии, «войной самообороны»⁴¹. Так, в 1993 г. был создан «Комитет по изучению истории», в который вошли депутаты правящей партии (ЛДП), а также профессиональные историки, специалисты по данной тематике. И уже с октября 1993 г. по февраль 1995 г. Комитет ежемесячно проводил собрания, на которых обсуждались проблем интерпретации исторических событий и фактов⁴².

При непосредственном участии «Комитета по изучению истории», в 1995 г. была издана фундаментальная «История большой Восточно-Азиатской войны»⁴³, которая была вручена каждому члену парламента. Основные идеи японского «правого» толкования истории нашли свое место и в этой книге:

1. Война, которую развязала Япония в Азиатско-Тихоокеанском регионе, была «войной самозащиты», включая боевые действия против Америки, Англии, Голландии;

2. Боевые действия против Америки, Англии и Голландии после 1941 г. являются войной, освобождающей Азию от колониального господства стран Европы и Америки;

3. Действия Токийского военного трибунала, который осудил главных японских военных преступников, являлись неправомерными⁴⁴.

Созданный в 1994/95 г. Либерально-демократической партией (ЛДП) «Союз членов парламента по случаю 50-летия окончания войны», в который вошло 212 депутатов от ЛДП, также занимался искажением истории минувшей войны.⁴⁵

Данный союз в 1996 г. был переименован в «Союз членов парламента для просвещенной Японии»⁴⁶.

О том, что расхождения в вопросе об оценке прошлого, является серьезной проблемой, влияющей на двусторонние отношения Китая и Японии, а также на отношения стран в регионе в целом, свидетельствует и проблема храма Ясукуни. Она достаточно остро встала на повестку дня еще в 1985 г., в связи с празднованием 40-летней годовщины окончания Второй мировой войны. Тогда, в 1984–1985 гг., премьер-министр Японии, (на тот момент) Я. Накасонэ, стал инициатором посещения храма Ясукуни высшими руководителями Японии⁴⁷. Эти посещения при всей их символичности оценивались азиатскими странами (Китаем и двумя Кореями) как мероприятия в рамках кампании за пересмотр итогов Второй мировой войны. Японцами церемония посещения храма толковалась иначе: как своеобразное следование синтоистской религиозной традиции согласно которой необходимо «прощать все прошлое, особенно деяния умерших, превратившихся в Будду»⁴⁸. Однако храм, где выставлены таблички с именами японских военных преступников второй мировой войны, представших перед лицом трибунала в Токио и осужденных им, для китайцев является символом милитаризма. Неприятие же китайцами этой церемонии японская сторона объясняла различием в культуре и традиции. Однако для китайской стороны подобный ритуал по сути связан с недостаточным пониманием Японией и непризнанием своей вины за злодеяния, совершенные во время Второй мировой войны.

Несмотря на то, что японские политики открыто признали вину Японии в преступлениях периода Второй мировой войны – впервые об акте агрессии милитаристской Японии против Китая заявил все тот же Я. Накасонэ в своем выступлении в парламенте⁴⁹, позднее об этом говорили премьер министр Мураяма (в августе 1995 г.)⁵⁰, премьер-министр Хасимото (в январе 1996 г.). В 1993 г. премьер М. Хосокава «впервые от имени японского правительства принес извинения китайскому народу за вооруженную агрессию Японии в Китае в годы Второй мировой войны».⁵¹ Однако японские лидеры не прекращали посещения храма, ставшего признанным оплотом японского националистического милитаристского духа. Это вызвало волны протеста в Китае и других странах Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) (Корея и Сингапур)⁵², расценивавших такие визиты как провокацию и открытое официальное признание заслуг тех, кто планировал и совершал агрессию против Китая и других стран.

Сомнения в искренности заявлений японских лидеров, нередко расходившихся с их действиями, усугублялись еще и тем фактом, что в исследовательской литературе бытовала мысль о том, что Япония именно благодаря США «освободилась» от выплаты репараций азиатским странам (включая Китай) за ущерб, причиненный во Второй мировой войне. В частности, некоторые американские исследователи говорят об искусном вмешательстве США в вопрос репараций и их моделирование под свои конечные цели. «США дизайнировали формулу японских военных репараций чтобы продвинуть японский рынок в Юго-восточную Азию таким образом, что позволили выплачивать репарации посредством переработки сырья стран-получателей помощи. Эти преимущества помогли Японии беспощадно вытеснить иностранную конкуренцию.»⁵³ Эксперты отмечают тот

факт, что в условиях изменения политической пост-военной карты Восточной Азии и Юго-восточной Азии, Японское правительство весьма тщательно примыкала к внешнеполитическим ориентирам и позициям США с конечной целью уменьшения затрат на репарации. Так, в одном из исследований говорится, что Япония осторожно последовала пост-военной восточно-азиатской политике США и не признала Демократическую республику Вьетнам (который не был в числе 48-и государств, с которыми Япония в 1951 г. подписала мирный договор), вследствие чего отказала ему в выплате репараций, ссылаясь на недостаток дипломатических контактов. Такая ситуация была весьма печальной иронией, так как именно север Вьетнама во Второй мировой войне больше других стран пострадал от Японии. Репарации же Сайгону, выплачивались не деньгами, но Японскими товарами и услугами, прокладывая, как отмечалось выше, путь Японскому рынку⁵⁴.

Отстаивая точку зрения о вмешательстве США в облегчение японского репарационного «бремени», эксперты ставят акцент на решение США в 1949г. всецело отказаться от требований японских выплат. Вследствие совместных стратегий США и Японии, Япония переговорным путем добилась от ряда стран (Бирма, Филиппины, Индонезия, Южный Вьетнам) выгодных для себя (а следовательно и для США) сумм и форм репарации. Выплаты же чистых репараций Китаю, Япония избежала отказавшись признать новое правительство КНР Мао Цзэдуна, признавая власть Чан Кайши на Тайване.⁵⁵ Таким образом, эксперты стремятся показать, что, несмотря на то, что факт репараций имел место и не подвергается сомнениям и ревизии, американский фактор японской внешней политики во многом помог облегчению исполнения данного обязательства, а в некоторых случаях – и избежать его. Китай в конечном итоге сам отказался от репараций, зафиксировав это в Коммюнике при установлении дипломатических отношений в 1972 г.⁵⁶ Япония стремилась компенсировать свои долги за счет оказания щедрой (но весьма продуманной и просчитанной) экономической помощи КНР, Бирме, Индонезии, Филиппинам, Вьетнаму, Камбодже, Лаосу предоставляя им займы и поставляя им новейшую технологию. Подобные займы давал и премьер Я. Накасонэ⁵⁷.

И все же искренность Японии и ее отказ принести официальные извинения за свое колониальное прошлое способствовали тому, что недоверие к этой стране и напряженность в отношениях с ней сохранялась и сохраняются до сих пор. Это недоверие подкреплялось готовностью Японии следовать стратегии США в Юго-Восточном регионе.

Таким образом, и факты, связанные прежде всего с историческим прошлым, и ориентация Японии на США, и совокупная динамика развития двусторонних отношений этих двух стран в прошлом и настоящем, свидетельствуют о вероятности повторения Японией пути милитаризации, что не могло не оказывать, и продолжает оказывать непосредственное влияние на китайско-японские отношения.

Японо-американский военный союз и упоминавшийся выше японо-американский Договор о безопасности и заключенный вскоре после Сан-Францисского мирного договора позволил Японии в обмен на предоставление территории под американские военные базы не только пользоваться их защитой, имевшей большое значение для обеспечения собственной национальной безопасности в долгосрочной перспективе, но и сократить до минимума свои военные расходы.

Это обстоятельство создало благоприятные условия для торгово-экономического развития страны. После того как в 1980-х годах Япония стала второй экономической державой в мире и утвердилась в стремлении стать одной из ведущих политических держав мира, такие политики, как, например, Г. Киссинджер в 1987 г.⁵⁸, стали прогнозировать возможность Японии в будущем пойти по пути милитаризации⁵⁹.

У части политических кругов Японии в начале 1990-х годов возникли серьезные претензии по поводу позиции страны, зависимой в вопросах обороны от США, и стремления к обеспечению большей самостоятельности. Прежде всего, выдвигалось требование повысить международную роль Японии которая соответствовала бы ее экономическому положению в мире, а также разрешить ей участие в различных миротворческих инициативах ООН⁶⁰. Как считают в некоторых политических кругах Японии, страна должна играть и более заметную военную роль на международной арене. Одним из доводов этого стало предложение лидеров Новой партии о превращении Японии в «нормальное государство», то есть такое, как все. Из этого следует, что Япония должна не только иметь вооруженные силы, но и отправлять войска за границу для защиты за рубежом своих интересов и внести свой вклад в поддержание мира и стабильности⁶¹. Вместе с тем, и США преследовали цели вовлечения Японии в возможные военные операции – такая ориентация стала актуальной в период после окончания «холодной войны»⁶².

Серьезные изменения в отношении к японо-американскому договору о безопасности произошли во второй половине 1990-х годов. Конец холодной войны и серьезные перемены на международной политической сцене требовали и соответствующих корректировок во взаимоотношениях двух стран. В Японии были обнародованы новые направления военно-политического сотрудничества, которые означали серьезные перемены не только для Японии, но и для всех стран Тихоокеанского бассейна. Их существо состояло в следующем: во-первых, в рамках сотрудничества в сфере безопасности девиз «Защита Японии» превратился в девизы «Справляться с критическими ситуациями на Дальнем Востоке» и «Быть готовыми к изменяющейся обстановке».

Во-вторых, если раньше Японию защищали США, и поэтому она была их «пассивным» союзником, то согласно новым направлениям Япония должна была стать «активным» союзником США⁶³. То есть, сотрудничество в области безопасности обрело двусторонний характер.

В-третьих, основная задача старой системы в области безопасности была – справиться с напряженным положением на Дальнем Востоке. В результате внесенных в договоры изменений к этой задаче добавилась защита мира и стабильности в АТР.

И, наконец, сама стратегия японо-американского сотрудничества в сфере безопасности перешла от «пассивной» защиты к «активной» защите и наступлению. Правда, США сохранили за собой позицию активного игрока в Юго-Восточном регионе и проявили самое недвусмысленное намерение сохранить свое военной присутствие в Японии.

В 1996 г. в результате подписания в Токио Совместной декларации о союзе безопасности в XXI в., на Японию возлагались обязательства обеспечения

безопасности в регионе⁶⁴. Это означало, что Япония должна была оказывать материально-техническую и тыловую поддержку «в совместных операциях всех видов вооруженных сил в районах, прилегающих к Японии»⁶⁵.

Понятно, что столь серьезные изменения в японо-американских отношениях в сотрудничестве в сфере безопасности в будущем приведут к значительным последствиям, поскольку повлекут наращивание вооружений в регионе. Новые обязательства Японии, подталкивающие ее к увеличению военных расходов, не могут не отразиться на ситуации в Восточной Азии. В этом регионе возрастет роль Японии как силы, влияющей на разрешение территориальных конфликтов, межнациональных противоречий, других трений между странами региона. Это в свою очередь увеличит ее политическое влияние на международной арене и вызовет соответствующую ответную реакцию стран Восточной Азии, в первую очередь, разумеется, Китая.

Японское правительство в свою очередь не раз объявляло, что Япония соблюдает конституцию, и, отстаивая обороноспособность своей страны, не стремится к тому, чтобы стать военной державой, которая может поставить под угрозу другие страны.

Отметим, однако, что действительно существует немало факторов, которые могут привести Японию на путь военной державы. В Японии, как мы уже указывали выше, имеются политические силы, которые постоянно извращают исторические факты, пытаются опровергнуть сам факт японской агрессии в прошлом. Эти силы не только имеют большое влияние в обществе, но и весомый голос в политических кругах. Вслед за созданием (или наряду с созданным) в 1995 г. «Союза членов парламента по случаю 50-летия окончания войны» ЛДП учредила и «Союз депутатов для правильной трактовки истории», члены которого поддерживают милитаристские тенденции в японском парламенте⁶⁶.

Вместе с тем, не меньшую обеспокоенность у Японии вызывало и вызывает активное экономическое развитие Китая, тем более, что оно происходит в контексте постепенного сближения с СССР, которое началось в 1980-е годы, после смерти Мао Цзэдуна и отказа от культурной революции. Конфликт с СССР потерял, таким образом, свое идеологическое содержание и нормализация отношений СССР и Китая произошла в 1989 г., несмотря на вьетнамскую интервенцию в Камбоджу и СССР – в Афганистан (что ранее было препятствием урегулирования двусторонних отношений этих стран). После визита М.С. Горбачева в Китай в 1989 г., после тридцатилетней напряженности, отношения страны встали на путь нормализации отношений⁶⁷. Политика реформ и открытость Китая, особенно после окончания «холодной войны», привели к подъему его экономики. С другой стороны, наряду с экономическим ростом Китая произошло наращивание его военного потенциала. Так что наряду с опасностью повторной милитаризации Японии снова актуализировалась давняя теория о «китайской угрозе».

В Японии о «китайской угрозе» заговорили еще в связи с нормализацией китайско-японских дипломатических отношений, и сопровождалась она полемикой о безопасности внутри самой Японии. Тогда антикоммунистические и антикитайские силы заявляли, что Китай как «революционная страна, государство революции» не только является прямой угрозой безопасности Японии,

но наряду с этим и косвенной политической угрозой⁶⁸. Препятствуя нормализации китайско-японских дипломатических отношений, эти силы заявляли: если Япония восстановит дипломатические отношения с Китаем, то японское общество окажется под сильным политическим влиянием Китая. Как следствие этого – левые силы в Японии одержат верх, а это означает дестабилизацию политической жизни в стране, что открывает путь для косвенной агрессии со стороны Китая.

Исповедуя это утверждение, указанные круги внутри Японии выступали против развертывания торговли с Китаем. Под влиянием лозунга об угрозе из Китая стала усиливаться система японо-американской безопасности, в Японии развертывались отряды самообороны, что, в конечном итоге, стимулировало гонку вооружений в самой Японии. С начала 1970-х годов на фоне изменяющейся международной обстановки, особенно после восстановления японо-китайских отношений, теория об угрозе из Китая утратила свою популярность. На смену ей пришла теория об угрозе из СССР. После ввода советских войск в Афганистан в 1979 г. Япония еще более почувствовала угрозу с севера. В феврале 1980 г. японский премьер открыто заявил, что именно СССР – «потенциальная» и «серьезная» угроза Японии⁶⁹. С окончанием холодной войны слова о «потенциальной угрозе со стороны СССР» были изъяты из японской «Белой книги по обороне», выпущенной в 1990 г.⁷⁰ Однако вновь возродилась теория об угрозе со стороны Китая. Это аргументировалось следующим:

1. На протяжении 90-х гг. Китай резко увеличил военные расходы, стал приобретать российские самолеты и корабли, чтобы модернизировать военно-морские и военно-воздушные силы. Увеличение реальной военной силы Китая стало реальной военной угрозой для окружающих стран⁷¹.

2. Экономика Китая быстро развивается, а это означает, что вскоре Китай станет крупной военной силой и неизбежно станет представлять военную угрозу Америке и Японии⁷².

3. Уже к 2020-м годам Китай начнет испытывать серьезный дефицит в энергоресурсах и продуктах питания, что может создать серьезные противоречия с соседними странами⁷³.

Принято считать, что первым теорию о китайской угрозе выдвинул один из профессоров Токийского университета обороны – Томохидэ Мураи⁷⁴. В августе 1990 г. он опубликовал статью под названием «Китай – потенциальная угроза»⁷⁵. В Японии словосочетание «китайская угроза» употребляют с большой осторожностью, чтобы не раздражать соседа, и, кроме того, необходимо учитывать, что мнения политических и военных аналитиков об этой «угрозе» расходятся. Так, в 1990-е годы считалось, что в реальности по военному потенциалу Китай отстает от Японии и США на 20–30 лет.

Известный японский специалист по Китаю Мори Кадзуко считает, что Китаю потребуются еще длительное время для того, чтобы качественно и количественно модернизировать свою экономику и вооруженные силы, более того, это потребует невероятных усилий⁷⁶. Таким образом, теория об угрозе из Китая не имеет реального основания, поскольку была сознательно инспирирована из стратегических соображений⁷⁷. Тем не менее, темпы роста Китая в последние годы, а также тот факт, что Китай относится к ядерным державам, подтверждают,

что возникновение и распространение теории об угрозе из Китая не так уж и безосновательна, как считают некоторые специалисты, и в будущем будет играть свою роль в развитии двусторонних японо-китайских отношений.

В заключении краткого обзора двусторонних отношений Китая и Японии со времени окончания Второй мировой войны и установления между ними дипломатических отношений можно сказать, что эти страны вступили в XXI в., так и не разрешив основных противоречий, оставленных им в наследие прошлым. Двадцать первый век, в который Китай вступил государством, динамично развивающимся по всем направлениям, в идеальном варианте мог бы стать веком полного взаимопонимания и сотрудничества Китая и Японии, но только при условии мирного решения всех актуальных проблем. Однако, упорство в защите собственных интересов и крайняя неуступчивость обеих стран, которая не позволяет решать вопросы конструктивным образом и лишь приводит к откладыванию решения на неопределенное будущее (в результате чего негативные тенденции лишь усиливаются), а также позиция выжидания, которую занимают обе страны, внимательно отслеживая действия друг друга, – все это не оставляет слишком больших надежд на скорое и решение накопившихся проблем.

Примечания

¹ Стратегия Национальной Безопасности США 1990 г., <http://www.globalsecurity.org/military/library/report/1990/HDV.htm>.

² *Кунядзе Г. Ф.* Японо-китайские отношения на современном этапе 1972–1982. Москва, Академия наук СССР. Ордена Трудового Красного знамени Институт востоковедения. М.: Наука, 1983. С. 11.

³ См.: Министерство иностранных дел КНР. <http://www.fmprc.gov.cn/eng/ziliao/3602/3604/t18011.htm>.

⁴ *Арешидзе Л. Г.* Международные отношения в Восточной Азии. Угрозы и надежды. «Международные отношения». М., 2007. С. 150.

⁵ Gerald Segal. The China Factor. 1982. London. С.36.

⁶ *Морис Ваусс.* Международные отношения после 1945 г. М.: Изд. дом «Городец», 2005. С. 209.

⁷ Китай в XXI веке: глобализация интересов безопасности. Под ред. Г.И.Чуфрина. Институт мировой экономики и международных отношений РАН. Москва «Наука» 2007. С. 184.

⁸ Там же. С. 181–182.

⁹ Там же. С. 182.

¹⁰ Министерство иностранных дел Японии. <http://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/china/joint72.html>.

¹¹ Там же. <http://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/china/treaty78.html>.

¹² Senkaku / Diaoyutai Islands. <http://www.globalsecurity.org/military/world/war/senkaku.htm>. Подробнее об этой проблеме в главах 2, 3 и 4.

¹³ Joint Communique of the Government of Japan and the Government of the People's Republic of China. 29.09.1972, <http://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/china/joint72.html>.

¹⁴ Robert D. Eldridge. The Return of the Amami Islands: the Reversion Movement and U.S. – Japan Relations. USA, 2004., С. 24.

¹⁵ См.: Текст Сан-францисского договора. <http://www.taiwandocuments.org/sanfrancisco01.htm>.

¹⁶ Китай в XXI веке: глобализация интересов безопасности. Под ред. Г.И.Чуфрина. Институт мировой экономики и международных отношений РАН. Москва «Наука» 2007. С. 183. Там же. С. 183.

РАЗДЕЛ VI

---

¹⁷ Кунадзе Г. Ф. Японо-китайские отношения на современном этапе 1972–1982. Москва, Академия наук СССР. Ордена Трудового Красного знамени Институт востоковедения. М.: Наука, 1983. С. 132.

¹⁸ См.: Ministry of Foreign Affairs of Japan. Regional Affairs: Taiwan. Aug. 2009, <http://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/taiwan/index.html>; также: Ministry of Foreign Affairs Republic of China (Taiwan). <http://www.mofa.gov.tw/webapp/content.asp?Content=11361>;

¹⁹ См.: Ministry of Foreign Affairs of Taiwan. “Intergovernmental Organizations (IGOs) in which we participate”. <http://www.mofa.gov.tw/webapp/public/Data/811511552371.pdf>.

²⁰ Yomiuri Shimbun. 27.11.1993.

²¹ Japan-U.S. Security Treaty. 08.09.1951., <http://www.niraikanai.wvma.net/pages/archive/ampo51.html>.

Позже, в 1961 г., был подписан новый Японо-американский договор безопасности.

²² Семин А. В. Японо-китайские отношения: состояние, проблемы и тенденции (конец XX – начало XXI века). РАН. Институт Дальнего Востока. М., 2008. С. 46.

²³ Там же. С.91.

²⁴ АРЕС 1996 Philippines Summit. Prime Minister Ryutaro Hashimoto’s Bilateral Meetings with Leaders of the United States, the Philippines, the Republic of Korea, the People’s Republic of China, and Singapore, 24.11.1996., http://www.mofa.go.jp/policy/economy/apec/1996/bilateral_24.html.

²⁵ Жэньминь Жибао. 25.11.1996.

²⁶ Этот договор также известен как «Okinawa Reversion Agreement». Подробнее см.: <http://www.niraikanai.wvma.net/pages/archive/rev71.html>.

²⁷ *Wan Caleb*. Security Flashpoint: International Law and the Islands Dispute in the Far East. The New Zeland Postgraduate Law E-Journal Issue 2 / 2005. С. 19.

²⁸ Ministry of Foreign Affairs of Japan. The Basic View on the Sovereignty over the Senkaku Islands. 2009., <http://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/senkaku/senkaku.html>.

²⁹ *Caleb Wan* Security Flashpoint: International Law and the Islands Dispute in the Far East. The New Zeland Postgraduate Law E-Journal Issue 2 / 2005. С. 18.

³⁰ Official Energy Statistics from the U.S. Government – Energy Information Administration. “South China Sea Energy Data, Statistics and Analysis - Oil, Gas, Electricity, Coal.” http://www.eia.doe.gov/emeu/cabs/South_China_Sea/pdf.pdf.

³¹ Следует отметить также, что за два года до подписания Договора, в 1976 г. умер Мао Цзэдун, поэтому вопрос оказался замороженным.

³² См.: Чи-Кин Лю. China’s policy towards territorial disputes: the case of the South China Sea Islands. Нью Йорк. 1989. С. 172.

³³ Тюнити симбун 14.10.1978. См также Cheng-China Huang. ICE Case Studies. Diaoyu Islands Dispute. Jun. 1997., <http://www1.american.edu/TED/ice/diaoyu.htm>.

³⁴ Существует еще одна проблема, относящаяся к категории территориальных споров, которая осложняет отношения с юго-восточными соседями. Это – спор о принадлежности островов, которые в литературе о международных отношениях принято называть островами Спратли. Исторически эти острова принадлежат КНР. После капитуляции Японии в 1945 г. они были официально переданы Китаю, и до 70-х годов разногласий по этой проблеме не было. После того, как в 1997 г. там были обнаружены нефть и газ, вспыхнули споры о правах на эти острова. На острова претендуют помимо Китая Тайвань, Вьетнам, Малайзия и Филиппины. Ради сохранения мира и стабильности в регионе, Китай предложил прекратить споры о суверенитете и приступить к совместной эксплуатации ресурсов. С этой целью уже в начале 21 века, в 2005 г. Китаем, Филиппинами и Вьетнамом было подписано Соглашение о проведении подводных исследований. Подробнее см.: CIA. The World Factbook. Spratly Islands 02.07.2009. <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/pg.html>.

³⁵ *Семин А. В.* Японо-китайские отношения: состояние, проблемы и тенденции (конец XX – начало XXI века. РАН. Институт Дальнего Востока. М., 2008. С. 73.

³⁶ Эксперт из Национального сингапурского университета, Даики Сибуици отмечает, что большая часть учебника была написана Морито Масааки, лектором Университета Цукуба, а еженедельник «Асахи дзюнару» подчеркнул близкие связи Мориты с влиятельными политиками-членами ЛДП Окуно Сэйро и Мицузука Хироси, известными своими консервативными взглядами. Помимо М. Масааки, в числе ведущих интеллектуалов консерваторов, участвующих в движении за новые учебники были Мурао Дзиро, профессора Мурамацу Такеси, Кобори Кеициро и Такигава. (Daiki Shibuichi. Japan's History Textbook Controversy Social Movements and Governments in East Asia, 1982–2006. <http://www.japanesestudies.org.uk/discussionpapers/2008/Shibuichi.html>).

³⁷ Данный вопрос подробно освящен в исследовании: Weilu Tan. The Forgotten History: Textbook Controversy Japanese Relations. University Of Pittsburgh. 2009.

³⁸ Irie, Y. The History of the Textbook Controversy // Japan Echo. 1997. Aug. С.36.

³⁹ Laura Newby. Sino-Japanese relations: China's perspective. 1988. Лондон, С.52.

⁴⁰ См.: Гун Шао Пэн. Лэн чжан хоу го цзи гуаньси. Пекин, 1999. С. 44.

⁴¹ Сеульский Вестник. № 97., июнь–июль 2005. <http://vestnik.tripod.com/articles/japanese-textbooks.html>.

⁴² Lee Won-deog. A Normal State Without Remorse: The Textbook Controversy and Korea-Japan Relations. EAST ASIAN REVIEW Vol.13, No 3, Autumn 2001., Сеул, С.27.

⁴³ Данные точки выведены автором на основании совокупности исторических искажений которые вошли в новые учебники истории, а также в «История большой Восточно-Азиатской войны»

⁴⁴ См.: Japan Press Weekly. Special Issue – November, Токио, 2006. С.7–10; Gavan McCormack. Japan's uncomfortable past. History Today, №48, май 1998. <http://www.questia.com/googleScholar.qst;jsessionid=Lh1GpzFpYh70Fpm13tjTC6x329hCp1jpQfTJNRkxNyfGS1gzhtR!135482206!-257122373?docId=5001340249>.

⁴⁵ Следует отметить, что в 1995 г. в противовес «Союзу членов парламента по случаю 50-летия окончания войны» был создан «Союз членов парламента за принятие правильной истории» (Gavan McCormack. Japan's uncomfortable past. History Today, №48, май 1998. <http://www.questia.com/googleScholar.qst;jsessionid=Lh1GpzFpYh70Fpm13tjTC6x329hCp1jpQfTJNRkxNyfGS1gzhtR!135482206!-257122373?docId=5001340249>).

⁴⁶ Позже, в 1990-х годах, из премьер-министров Японии храм посещали Сузуки, Хашимото, а в новейшее время с 2001 г. по 2006 г. – Д. Коидзуми (Northeast Asian History Foundation. History Controversy Yasukuni Shrine. http://english.historyfoundation.or.kr/?sub_num=49).

⁴⁷ Необходимо указать на такой немаловажный фактор как дань традиции: в Японии ценятся именно традиции, и выполнить требования страны которая в прошлом была японской подданной равно политическому самоубийству и потери чести японских руководителей. По это причине отказ от посещения храма является вопросом довольно сложным, требующим решения. Хотя, если судить по тексту проекта новой конституции Японии, в нее будет внесено положение о запрещении государственным органам и их представителям заниматься религиозной деятельностью и религиозным обучением, что по сути может поставить под вопрос посещения высшим руководством Японии токийского храма. См.: *Поспелов Б. В.* Отношения Японии со странами АТР: социально-идеологические аспекты. М.: Наука, 1993. С. 234.

⁴⁸ Джапен Нюс. <http://ikjeld.com/japannews/00000132.php>.

⁴⁹ *Jane W. Yamazaki.* Japanese apologies for World War II: a rhetorical study. – Нью Йорк: Рутлэджд, 2006. С. 100.

⁵⁰ *Арешидзе Л. Г.* Международные отношения в Восточной Азии. Угрозы и надежды. «Международные отношения». М., 2007. С. 161.

РАЗДЕЛ VI

---

⁵¹ Japan Times Online. 19.05.2005., <http://search.japantimes.co.jp/cgi-bin/nn20050519a2.html>.

В электронном издании Эйжа Таймс онлайн, отмечается, к примеру, что в Республике Корея, в знак протеста группа молодых людей отрубили себе мизинцы в знак протеста против посещения японским руководством храма Ясукуни. <http://www.atimes.com/atimes/Korea/LB03Dg02.html>.

⁵² Ronald J. Stupak, Peter M. Leitner. Handbook of public quality management. Марсел Дэккер инк.: Нью Йорк, 2001. С. 84.

⁵³ Syed Javed Maswood. Japan and East Asian regionalism. Ниссан институт/Рутледж Джапаниз стадиэ: Нью Йорк, 2001. С. 98.

⁵⁴ См.: <http://www.americanforeignrelations.com/O-W/Reparations-Complications-of-cold-war-compensation.html>.

⁵⁵ Текст Совместного коммюнике правительств Японии и КНР от 29.09.1972 г.: <http://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/china/joint72.html>.

⁵⁶ См.: John D. Montgomery, Dennis A. Rondinelli. Great policies: strategic innovations in Asia and the Pacific Basin. США, 1995. С. 182–187.

⁵⁷ См.: Los Angeles Times. 19.05.1987. См. также: Japan Times Online. 10.04.2007. <http://search.japantimes.co.jp/cgi-bin/nn20070410f1.html>.

⁵⁸ Эту точку зрения развивает правительство КНДР.

⁵⁹ Willy Lam. Sea-change in Japanese Politics Offers Hopes for Better Ties with China. China Brief Volume: 9 Issue: 18. [http://www.jamestown.org/programs/chinabrief/single/?tx_ttnews\[tt_news\]=35467&tx_ttnews\[backPid\]=25&cHash=5f3ce5f463](http://www.jamestown.org/programs/chinabrief/single/?tx_ttnews[tt_news]=35467&tx_ttnews[backPid]=25&cHash=5f3ce5f463).

⁶⁰ Чжу Чэн Ху. Цзоу Сян эр ши и ши Цзи Да Гуань Си. Наньцинъ: «Народ», 1993. С. 151.

⁶¹ См.: Hugo Dobson. Japan and United Nations peacekeeping: new pressures, new responses. РутледжКурзон. Нью Йорк., 2003. С. 77–80.

⁶² Хитоши Танака. A New Vision for the US-Japan Alliance. East Asia Insights. № 1. Т. 4. Апрель 2009 г. С. 2–4.

⁶³ См.: Совместная декларация [США и Япония] о союзе безопасности в XXI в. 17.04.1996. Режим доступа: <http://www.mofa.go.jp/region/n-america/us/security/security.html>

⁶⁴ Семин А. В. Японо-китайские отношения: состояние, проблемы и тенденции (конец XX – начало XXI века. РАН. Институт Дальнего Востока. Москва 2008. С. 93.

⁶⁵ Akemi Nakamura. Japan Times Online. 06.04.2005., <http://search.japantimes.co.jp/member/member.html?nn20050406a1.htm>.

⁶⁶ Там же. С.209–210

⁶⁷ Подробнее см.: www.carnegie.ru/ru/pubs/books/volume/9337Chapter_1.pdf.

⁶⁸ См.: Цань ко. 13.02.1980. С. 8.

⁶⁹ The New York Times. 19.09.1990., <http://www.nytimes.com/1990/09/19/world/japan-reverses-policy-on-soviet-as-a-threat.html>.

⁷⁰ Akihiko Tanaka. Strengthening the Triangle: China-Japan-U.S. Rapprochement. Токийский университет. 05.02.2009. <http://blog.ohmynews.com/earthtown/251690>.

⁷¹ Там же.

⁷² Данный пункт – часть подробного прогноза состояния КНР в 2020 г., сделанного китайским экспертом Ли Чэн. В нем он выдвинул три сценария экономического и политического развития Китая: Рождение демократического Китая, Внутренний хаос и Авторитарный Китай. См.: Cheng Li. «China in the Year 2020: Three Political Scenarios» //asia policy, number 4 (july 2007), 17–2 <http://www.brookings.edu/~media/Files/rc/articles/2007/09china/09china.pdf>.

⁷³ Geoffrey Murray. China: the next superpower: dilemmas in change and continuity. Сэн Мартинс пресс: Нью Йорк, 1998. С. 171.

⁷⁴ Bertrand ATEBA. «IS THE RISE OF CHINA A SECURITY THREAT?» // Polis / R.C.S.P. / C.P.S.R. Vol. 9, Number Special, 2002. С. 3.

⁷⁵ Юй Чжэн Лян. Professor Vice-Dean of School of International and Public Affairs, SJTU; Vice-President, Chinese International Relation Association; Honorary Adviser, Shanghai International Issue Institute.

Да Го Чжань люе йень цзю. Пекин, 1998. С. 264.

⁷⁶ Там же. С. 265.

О. Б. Панкратова
г. Кострома

ВОСПРИЯТИЕ РОССИЙСКИМ КРЕСТЬЯНСТВОМ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ ПО ЛИШЕНИЮ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВ (20–30-е гг. XX в.)

Вопрос о лишении избирательных прав как мере социального давления на так называемых «врагов народа» был поставлен еще в первые годы существования Советского государства. В Конституции РСФСР¹, принятой 10 июля 1918 года V Всероссийским съездом Советов, были перечислены основные категории граждан, которые согласно Закону лишались избирательных прав. К ним относились лица, использующие наемный труд с целью извлечения прибыли, живущие на нетрудовые доходы, торговцы, монахи и духовные служители, работники бывшей полиции и жандармерии и др.².

Положения Конституции 1918 года, а затем – Конституции РСФСР 1925 года, в период предвыборной кампании 1926 года были детализированы в «Инструкции о выборах городских и сельских Советов и о созыве съездов Советов»³. В ней была дана характеристика лиц, живущих на нетрудовые доходы. В эту категорию попадали земледельцы, использующие наемный труд; имеющие, помимо собственного хозяйства, промысловые и промышленные предприятия; занимающиеся, наряду с основным видом деятельности, скупкой и перепродажей; сдающие в аренду или предоставляющие кредит.

В Конституции 1925 года в статье 69 указывалось: «Не избирают и не могут быть избранными, хотя бы они и входили в одну из перечисленных категорий: а) лица, прибегающие к наемному труду с целью извлечения прибыли; б) лица, живущие на нетрудовой доход, как-то: проценты с капитала, доходы с предприятий, поступления с имущества и т.п.; в) частные торговцы, торговые и коммерческие посредники; г) монахи и духовные служители религиозных культов всех исповеданий и толков, для которых это занятие является профессией; д) служащие и агенты бывшей полиции, отдельного корпуса жандармов и охранных отделений, члены царствовавшего в России дома, а также лица, руководившие деятельностью полиции, жандармерии и карательных органов; е) лица, признанные в установленном порядке душевно – больными или умалишенными; ж) лица, осужденные за корыстные и порочащие преступления на установленный законом или судебным приговором срок»⁴.

Социальная структура деревни 1920-х годов, как свидетельствуют цифры, претерпевала довольно существенные изменения по сравнению с дореволюционной.

Явное преобладание середняков, казалось бы, должно было привести к необходимости учета интересов именно этой группы крестьянства, однако, социально-экономическая политика все более смещалась в сторону неимущих и малоимущих слоев.

Но политика нажима на сильное крестьянство продолжалась. Решения по этому поводу принимались в октябре 1927 года на Объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б), на XV съезде ВКП (б)⁵ и далее на июльском пленуме ЦК ВКП(б) 1928 года. Период конца 20-начала 30-х годов не изменило официальной позиции власти в данном вопросе⁶.

В 1930 году количество признаков кулацких хозяйств изменяется в сторону увеличения. К признакам, перечисленным выше, добавляются еще три: аренда земли, садов и виноградников; эксплуатация окружающего населения путем дачи работ на дом при наличии промпредприятия или сдачи в аренду этого предприятия. В дальнейшем перечень признаков неоднократно дополняется. Право на это в 1931 году было предоставлено самим облисполкомам⁷.

Местная власть, сельсоветы, опираясь на все вышеперечисленные, определенные законом правила и вооружившись постановлениями, решениями партии и правительства, сообщало своим гражданам о лишении их избирательных прав. Такое извещение получали в свое время все «лишенцы». 11 декабря 1930 года житель с. Семеновское В. А. Ляпунов получил следующее извещение: «Семеновская сельская избирательная комиссия извещает Вас, что на основании ст. 69 Конституции РСФСР, Вы, как член бывшей земской управы внесены в списки лиц, лишенных избирательных прав, а потому под страхом ответственности по ст.104 УК не имеете права участвовать в предстоящих пере выборах Советов. Согласно ст.27 Инструкции, Вы можете в недельный срок обжаловать в избирком о неправильном решении Вас лишении прав»⁸.

В. А. Ляпунов воспользовался правом обжалования решения и обратился к председателю Семеновского РИК. Он долго объяснял, что он крестьянин – середняк, что всю свою жизнь он трудился был организатором Пожарного общества, имеет грамоты и благодарности, и отмечал, что «служба моя в управе не была бесцельна для крестьян, обращается в конце концов к букве закона – «согласно ст. 15 пункта «Л» в инструкции о выборах в Советы в списке лиц, которые были лишены избирательных прав, нет должности члена земской управы и поэтому по этой статье я не должен быть лишен избирательных прав, но Сельизберком видно не руководствовался этой статьей»⁹.

Далее шел, обычно отказ в восстановлении в правах, а далее – «вычищение» из колхоза, обложение индивидуальным налогом, у некоторых «лишенцев» продолжение было еще печальнее – арест и высылка. В случае с В. А. Ляпуновым все случилось следующим образом: его семья была «вычищена из колхоза, в феврале 1931 года он получил индивидуальное задание (уже не как бывший член земской управы, а как «человек, живущий на нетрудовые доходы) – «сдать государству 837 кг картофеля и 240 кг капусты (земля, лошадь, инвентарь были

сданы в колхоз при вступлении в него). Задание, естественно не было выполнено, и 2 марта 1931 года Народный Суд 1 участка Семеновского района, «руководствуясь статьей 61, часть III УК, 319, 320, 320 п. 3 УПК, приговорил В.А. Ляпунова Владимира Алексеевича, бывшего члена земской управы, подвергнуть к принудительным работам сроком на один год бесплатно, конфисковать дом с двором и сарай»¹⁰. Принудительные работы В. А. Ляпунов отбывал в семеновском молочно-животноводческом поселковом товариществе в качестве счетовода.

Все члены семьи И. И. Обозова, проживавшего в д. Гуляевка Семёновского района, были в 1929 году лишены избирательных прав. Глава семьи – за то, что в течение шести лет, с 1920 по 1926 г., «имел торговлю по патенту второго разряда», а остальные – как члены семьи торговца¹¹. Сын хозяина Василий Иванович Обозов упорно борется за восстановление его в избирательных правах, доказывая всеми фактами свою расположенность Советской власти и непричастность к хозяйству отца. «Я все время существования советской власти вполне приветствую все существующие законы и постановления. А хотя и жил я с отцом, но патента на право торговли на меня не было, а был как только член семьи, даже заставило поиметь раздельный акт с отцом, за которого я вторично говорю и приходится пропадать, в чем и прошу не отказать моей просьбе. К чему и распишусь»¹².

И, наконец, 3 февраля 1931 года Президиум Семёновского райисполкома решил: «Отменить решение Гуляевского сельизбиркома в части лишения избирательных прав Обозова Василия Ивановича, так как он с 1926 г. живет от отца торговца совершенно отдельно и занимается исключительно сельским хозяйством личным трудом»¹³.

Можно предположить что полтора года решения вопроса о восстановлении человека в правах понадобились новой власти, чтоб вынудить его «трижды» отречься от отца. Он отрекался от своего отца в своих заявлениях каждый раз все резче и резче, да так, что и общее собрание крестьян подчеркнуло, что пропадет-то он действительно за «потомственную фамилию». Отрекался до тех пор, пока президиум РИКа не посчитал возможным поверить, что он и в самом деле «живет от отца... совершенно отдельно».

Несомненно. Ведь младший его брат Иван, который остался вместе со своей семьей жить со стареющим отцом, получил отказ в просьбе о восстановлении в избирательных правах. Отказали, несмотря на то, что сельсовет в конце концов принял решение о восстановлении в избирательных правах И. И. Обозова и его жены Ольги Григорьевны «на основании пункта 5-го постановления ВЦИК», не восстановив в правах только отца. Отказали в РИКе «как проживающему вместе в хозяйстве отца»¹⁴.

По гражданину Д. И. Носкову, который был лишен избирательных прав, «как сын бывшего заводчика» было принято такое же решение. Это была очень длительная борьба за восстановление в правах. За Д. И. Носкова ходатайствовал коллектив Семеновской больницы, в которой он работал. Это ходатайство было поддержано Правлением Кинешемского уездного отделения Союза медкотруд¹⁵. Тем не менее «учитывая, что Носков лишен избирательных прав как сын крупного заводчика и торговца, в 1927 году получил порядочную часть имущества из хозяйства отца, нажитого нетрудовым путем ... до настоящего времени поддерживает связь

с отцом – лишенцем и братом – лишенцем...» Президиум Семеновского райисполкома в просьбе в восстановлении в избирательных правах отказывает. Дмитрий Иванович настоятельно продолжает свою борьбу, доказывая разрыв с отцом и братьями – «Я им за все это время никогда не помогал», «никаких сведений, ни переписок за всё время с ним не вел и не веду», «с отцом никакой связи не имел и не имею». А прошло со времени раздела 4 года... Желая от себя отвести предъявленные обвинения, Д. И. Носков, по существу, делает здесь доносы и на своих братьев, сообщая, что «брат Фёдор не является лишенцем, хотя он и живет с отцом», что «все имущество, приобретенное моим отцом, после Октябрьской Революции досталось другим братьям старшим Николаю и Александру».

В конечном итоге, более чем трехлетняя активная борьба закончилась тем, что Дмитрий Иванович путем отказа от отца и братьев, вновь обрел все права гражданства.

За период с 1929 года по 1932 год, к примеру, по Семеновскому сельсовету Костромской губернии 102 человека были лишены избирательных прав (лишались семьями), 12 февраля 1930 года Президиум Семеновского РИК утвердил решение сельсовета, бедняцких и комсомольских собраний о раскулачивании и выселении из пределов округа 21 семьи, в их числе 10 семейств Мазиных, 4 Нарышкиных, 2 Киселевых¹⁶.

Со стороны крестьянина, лишенного избирательных прав, но пытающегося восстановить справедливость, подаются огромное число документов: различные справки с места работы, информация об объемах и уплате налогов и сборов, характеристики, «приговоры» однодеревенцев, иногда, и нескольких соседних деревень, акты о разделах крестьянского хозяйства с родителями, акты описи имущества лишенца, акты и справки об изъятии имущества и его распродаже с торгов, протоколы колхозных собраний, письма М. И. Калинину, Н. К. Крупской, И. Сталину, обращения в центральные газеты, в РКИ, в ВЦИК. В этих же «делах» – решения и постановления волостных инстанций, их ответы заявителям, переписка с органами местной власти, протоколы собраний и решения «групп бедноты» и «актива» при сельсоветах, протоколы опросов и допросов крестьян – однодеревенцев, постановления судов, решения правлений колхозов и колхозных собраний, личные «свидетельства некоторых «частных лиц» о лишенцах, «заявления» председателей сельсоветов в отношении просьб лишенцев в их заявлениях и жалобах и очень немного справок по итогам проверок «на местах» крестьянских жалоб и заявлений работниками областных организаций (обЛИК, облФО, облЗУ, прокуратура).

По каждому сельсовету – толстая папка с подшитыми аккуратно и не очень бумажками самого разного цвета, качества, размера. По некоторым сельсоветам – три, четыре таких папки. Три десятка сельсоветов было тогда в районе. Тысячи бумаг, исписанных карандашом, чернилами немыслимого цвета, каракулями и каллиграфическим почерком с красивыми писарскими завитушками, с полуграмотно сложенными и написанными текстами и сочиненными опытной и знающей головой документами. Многие сотни дел, в которых – заявления, жалобы, биографии, анкеты, справки, «приговоры» односельчан, описи имущества, акты его раздела и распродаже с торгов, решения властных инстанций самого различного

уровня. Во всех этих бумагах и папках – просьбы крестьян из семёновских деревень о восстановлении их в «избирательных правах», отчаянные попытки доказать, как были неправы и несправедливы те, кто лишил их «права голоса».

Реакция крестьян на лишение их избирательных прав была однозначной – попытка восстановить их в этих правах. Встает вопрос о том, почему крестьяне так стремились вернуть себе возможность избирать? В заявлениях часто и на равных звучат просьбы «о восстановлении в избирательных правах» и «о восстановлении в правах гражданства».

Поражает странная политическая активность крестьян. Множество просьб о восстановлении «прав голоса». Казалось бы, зачем это право крестьянину в каком-то Починке. Жил же до этого, никого никуда не избирая, пахал, сеял, снимал урожай и молотил, выращивал скотину, строил дома, амбары и сараи, да мало ли чего делал «по хозяйству». Совсем не для того, чтоб иметь возможность проявить свою гражданскую волю на выборах или показать свою политическую активность, в течение нескольких лет каждый из них настойчиво доказывал несправедливость применения именно к нему «статьи 69 Конституции РСФСР», в соответствии с которой его лишали избирательных прав.

Ответ один – превращение в «лишенца» действительно лишало гражданина всяких прав.

Крестьянин понимает, что теперь он не сможет участвовать в потребкооперации, что отныне он в кооперативной лавке не сможет купить ни муки, ни крупы, ни керосина. «Лишение» дает право властям вместо «единого сельскохозяйственного налога» наложить налог «в индивидуальном порядке» или «дать твердое, задание», с которым ему заведомо не справиться.

Положение «лишенца» дает право сельсовету описать имущество крестьянина вплоть до чайного стакана и вилки, если они в хозяйстве имеются, арестовать вклады в сберегательной и страховой кассе и облигации, прекратить кредиты, описать и передать его имущество ему же под расписку на хранение и запретить передвижение из района в район. За неуплату (недоплату) налога имущество будет (в 20-е годы) продано с торгов в своей деревне, или будет (в 30-е годы) передано в колхоз «в счет паевых взносов бедняков и батраков», вступивших в колхоз без пая. Когда крестьянин лишался своего хозяйства, он должен был все равно содержать семью. С клеймом «лишенца» крестьянам работу было не найти.

Крестьянин знал, что в избирательных правах высшие власти иногда восстанавливают сразу при получении заявления, иногда через год и два-три, когда... хозяйства уже нет. Оно через суд, «законным» образом, порушено. «Лишенец» изыскивал любые способы и слова, чтоб доказать свою «лояльность» власти, и был готов на все. Поэтому, отнюдь не политическая сторона этих «прав» волновала крестьянина – «лишенца», вопрос стоял о выживании его самого и его семьи.

Созданная таким образом рабоче-крестьянской властью ситуация толкала крестьянина мириться с новой политической ситуацией и обстановкой. Его загоняли в правильную жизнь, вынуждая отказываться не только от старого способа хозяйствования, не показав еще нового, и даже не столько от него, сколько от самих носителей этих традиционных способов организации крестьянского хозяйства. Выход был один: доказать, что лично ты ничего общего не имеешь

с отцом (бывшим торговцем, священником, дьяконом), с дедом (бывшим заводчиком, где он сам в жаре, дыме и саже добывал древесный порошок и спирт), с мужем (сыном мельника, торговца), с женой и сыном (дочерью и внуком бывшего «богача»). И пытались многие это доказать, – рвались корневые родственные связи, отрекались от отца и деда, от жены и мужа, от брата и сестры, от семьи..., чтобы выжить, существовать самому.

Лишение избирательных прав кормильца автоматически причисляло к лишенцам всех материально зависимых от него членов семьи. Все это объясняет болезненную реакцию крестьян на лишение их избирательных прав и постоянные попытки их всеми возможными путями вернуть эти права.

Итак, лишение избирательных прав граждан страны в течение 18 лет по экономическим, социальным и политическим мотивам как одна из чрезвычайных мер воздействия затронула значительную часть населения.

Оно стало действенным средством изменения социальной структуры общества и государства. Лишение права участия в выборах, автоматически влекло за собой целый ряд ограничений в социальном и общественном положении человека. Система этих ограничений развивалась на протяжении длительного периода времени и окончательно оформилась к началу 1930-х годов. Люди, лишённые избирательных прав (лишенцы) превращались в изгоев, в граждан «второго сорта». Нередко (хотя и не всегда) лишение избирательных прав становилось основанием для дальнейших репрессивных действий против данного человека.

Примечания

¹ Конституция (Основной закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, принятая V Всероссийским съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 года // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и крестьянского правительства. Отдел I. 20 июля 1918. № 51. Ст. 582. С. 671–682.

² Там же; *Земсков В. Н.* Спецпереселенцы: (По документам НКВД МВД СССР) // Социологические исследования. 1990. № 11. С. 3.

³ «Об утверждении Инструкции о выборах в Советы» от 28 сентября 1926 г. // Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства Союза Советских Социалистических Республик. Отдел I, 26 октября 1926. № 66. Ст. 500. С. 1208; Инструкция о выборах в Советы от 28 сентября 1926 г. // Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства Союза Советских Социалистических Республик. Отдел I. 26 октября 1926. № 66. Ст. 501. С. 1209–1217.

⁴ Конституция (Основной закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики: [Утверждена постановлением XII Всероссийского съезда Советов рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов 11 мая 1925 года] // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и крестьянского правительства. Отдел I. 1 июня 1925. № 30. Ст. 218. С. 382.

⁵ О работе в деревне // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд-е 8-е. М., 1970. Т. 3 (1924–1927). С. 533.

⁶ О признаках кулацких хозяйств, в которых должен применяться кодекс законов о труде // Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства Союза Советских Социалистических Республик. Отдел I. 21 мая 1929. № 19. Ст. 162. С. 359; Документы свидетельствуют: Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации. 1927–1932. М., 1982. С. 382; Всесоюзная перепись населения 1937. Краткие итоги. М., 1991. С. 44, 45.

⁷ Документы свидетельствуют: Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации. 1927–1932. М., 1982. С. 382.

⁸ ГАКО, р. 2666, оп. 3, д. 23, ч. 2, л. 522–523.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же, л. 491.

¹¹ ГАКО, р. 2666, оп. 3, д. 65, л. 43–44. (Предлагаемые документы рассказывают о борьбе за существование одного из его сыновей, – Василия). Он подает прошение о восстановлении и его избирательных правах См.: ГАКО, р. 2666, оп. 3, д. 5, л. 19–31, 140–157, 160–168.

¹² ГАКО, р. 2666, оп. 3, д. 5, л. 145.

¹³ Там же, л. 140.

¹⁴ Там же, л. 160–168.

¹⁵ ГАКО, р. 2666, оп. 3, д. 24, т. 3, л. 115.

¹⁶ ГАКО, р. 2666, оп.3, д. 26, л. 23.

С. С. Сиволова, А. А. Великанова
г. Кострома

ОБРАЗ РОССИИ В ЗАПАДНОЙ ПРЕССЕ

Любой интересующийся Россией потребитель информации в странах Запада столкнется с её отрицательным имиджем во всех без исключения СМИ.

Более того, отрицательное восприятие России на Западе уже сформировано, и всякая новая информация накладывается на готовый образ.

В мире мало стран, по отношению к которым действовало бы столько стереотипов и сложившихся представлений, как Россия. Достаточно припомнить только наиболее часто встречающиеся: русские – нецивилизованные, пьяные, закусывают водку икрой в невероятном количестве, к тому же они – мафиози или хищные олигархи (или одновременно и те, и те), и, пожалуй, самое впечатляющее: все русские – коммунисты¹.

Можно было бы предположить, что неблагоприятный имидж страны это результат враждебного отношения буржуазных стран к России в советскую эпоху. Но анализ литературы по данному вопросу показывает, что её восприятие как страны, несущей угрозу, прежде всего европейским странам, уходит корнями глубоко в историю до-романовской и романовской Руси.

Российская держава в романовскую эпоху пугала своими просторами, многочисленным и невежественным населением, агрессивной государственной машиной. Сами Романовы были самодержцами с неограниченной автократической властью и неуёмным стремлением диктовать свою волю Европе.

Неблаговидный образ России в большой мере олицетворяли её монархи, в которых Европа видела типичное воплощение грубейший черт власти: деспотизм, дикость, варварство. Самым типичным из них был Пётр I. Он груб и невосдержан в потреблении спиртного, склонен к буйству и разрушениям. Именно

таким он представлен в документах выставки, посвященной 300летию его пребывания в Лондоне. В основном это счета предъявленные царю различными заведениями за разрушения, произведенные им и его собутыльниками в течение трех месяцев.

Извлекая подобные факты истории, СМИ на западе легко перебрасывают мостик и в советскую эпоху и в современность.

Российские власти в настоящее время хорошо понимают, что возможность реализовать государственные интересы страны на международной арене напрямую зависит от её престижа. На государственном уровне предпринимаются энергичные действия по формированию более благоприятного образа России. Для этой цели выделяются средства и привлекаются отечественные и зарубежные специалисты по разработке пиаркомпаний, ориентированных на мировое общественное мнение и ставящие своей целью «разрушить анти-российские предрассудки» и «изменить незаслуженную плохую репутацию России на Западе»².

Специалисты и аналитики в этой области утверждают, что на ожидаемые результаты можно рассчитывать не ранее чем через 20 лет, но процесс может затянуться и на более долгое время.

Причины кроются в том, что имидж любой страны определяется не столько её объективными показателями и характеристиками (не её реальными достоинствами и недостатками и не формальными показателями её состояния и основных тенденций её развития), сколько спецификой её субъективного восприятия зарубежной аудиторией.

Восприятие, которое детерминируется несколькими факторами:

1. Идеино-политическими установками;
2. Стереотипами мышления;
3. Инерцией культурно-политических предрассудков;
4. Штампами исторической памяти данной аудитории.

Говоря о пристрастности Запада в его отношении к России, важно подчеркнуть, что проблему эту следует рассматривать в двух плоскостях: во-первых, с точки зрения восприятия России массовой западной аудиторией, рядовым «западным гражданином», и, во-вторых, – с точки зрения ее восприятия представителями элитных групп западного общества. Если в первом случае речь идет, по сути дела, лишь о более или менее пассивных «потребителях» соответствующей информации, то во втором случае мы имеем дело с активными участниками процесса формирования имиджа России, которые в ходе этого процесса реализуют собственные интересы и цели. Элитная часть зарубежной аудитории является не только одним из объектов, которым адресована информация, формирующая представление о России. Она выступает к тому же и в качестве некоего коллективного субъекта, в значительной степени определяющего характер информационного освещения российской тематики на Западе.

Каков же механизм влияния элитных групп западной общественности на массового потребителя информации? В распоряжении СМИ находится мощный арсенал речевого воздействия, системой которого они умело манипулируют.

Речевое воздействие имеет в числе своих средств богатый языковой материал, который может быть использован для скрытого внедрения в психику адресата

целей, желаний, намерений, отношений или установок, необходимых или выгодных говорящему. При этом они могут не совпадать с намерениями и установками адресата или быть ему чуждыми.

Подобное речевое воздействие нередко квалифицируется как языковая манипуляция, под которой понимается скрытое воздействие на индивида или группу индивидов, совершаемая в интересах воздействующей стороны. Путем такого воздействия в сознание внедряются идеи, образы, ассоциации и стереотипы, которые способны полностью, и при этом, незаметно для индивида изменить его картину мира и его отношение к ней.

В системе средств речевого воздействия выделяются несколько уровней:

1. Фонографический.
2. Лексический.
3. Грамматический.

Самым мощным воздействием обладает лексика и все связанные с ней семантические процессы: коннотативные оценочные значения, имплицитные смыслы, включенные в метафору и метонимию, другие стилистические приемы, такие как антитеза, парадокс, ирония.

Только на одной странице, посвященной анализу российской политики, выявлено более десяти лексических единиц различного плана с ярковыраженной негативной окраской: «акция устрашения; карательная акция под видом учений; усмирить внутреннюю оппозицию; создать намеренный хаос, удобный для темных делишек; перекрывать кислород слишком независимым изданиям; устроит на этом фоне появление «спасителя отечества». Это далеко не полный список подобных единиц.

Широко задействованы целые ряды глагольной лексики акциональной направленности, что создает у читателя убежденность в агрессивной настроенности России по отношению ко всему миру. Наша страна «пугает, раздражает, вызывает головокружение», её руководство «прибегает к политике запугивания, к политике «кнута и пряника», усмиряет, приструнивает, прибегает к репрессивным мерам, политическим убийствам»³ и т.д.

Отрицательная семантика закладывается в средства деривации: «безнравственность, беззаконие, безнаказанность, антидемократический, антиправовой, противзаконный, противоправный, недоброжелательный, недобросовестный».

Не меньшее по силе воздействия на сознание адресата оказывает вопрос, который можно определить как «псевдориторический», так как за ним следует ответ самого автора. Эффект от этого приема возрастает неизмеримо, если вопрос неоднократно повторяется: «Куда идет Россия?», «Куда она направляется?», «Как и куда продвигается Россия?», «Кто управляет Россией?», «Кто направляет Россию?»⁴.

Повтор вопроса внедряет в сознание адресата ощущение тревоги и формирует убежденность в нестабильности курса страны и некомпетентности её руководителей.

Если к этому прибавить активное употребление грамматических форм сослагательного наклонения, которые во французском языке эквивалентны наречиям «вероятно», «возможно», «предположительно», «якобы», а, следовательно,

имплицитно семантику размытости, туманности, неясности мотивов тех или иных действий на уровне государства.

В результате весь комплекс средств речевого воздействия, используемых автором, реализует его замысел: показать, что клише, которые Запад ассоциирует с Россией, отнюдь не пустой звук, а реальность. То есть, Россия – государство 1) не правовое, автократическое, с негарантированным правом на собственность; 2) не демократическое, народ в стране пассивен, социальные преобразования на уровне Боливии и Венесуэлы; 3) направления её развития неясны и туманны, курс непредсказуем и т.д.

Важным фактором воздействия служит заголовок. В нем совмещаются графические средства выделения и привлечения внимания: крупный шрифт, жирный шрифт, иногда курсив и разбивка с наиболее яркими стилистическими и грамматическими средствами.

Необходимо, чтобы в заголовке фигурировало яркое слово, которое было бы само по себе олицетворением чего-нибудь или символом. Такие как «призрак», «пугало», «судьба», «киберпреступление». Их расплывчатая символика, применимая к явлениям самого различного порядка, понятная всем уже в силу того, что каждый адресат способен дать им свою интерпретацию, диктует сотворение образа даже в том случае, если читатель не пойдет дальше заголовка.

«Киберпреступление» это что? Увод денег со счетов, запуск вируса, сбой программ или всё вместе взятое? Адресат этого может не узнать точно, но заголовок «Россия – родина киберпреступления» – это уже готовый образ, а затем клише⁴.

Немаловажную роль играют французские детерминативы. Отрицательные коннотации некоторых из них следует отнести к языковым универсалиям. К их числу, в частности, принадлежат указательные детерминативы. Общеизвестен механизм переноса фаунонимов с переменной денотата, например, «эта свинья залезла в корыто с ногами», «эта корова влезла в трамвай». Сходной отрицательной нагрузкой указательные детерминативы обладают и в случае нарушения семантической взаимообусловленности. В группе «Эта Россия» детерминатив «эта» семантически избыточен, так как «другая Россия» в качестве денотата отсутствует.

Можно сделать заключение, что все рассмотренные средства направлены не на искажение фактов, то на расстановку акцентов таким образом, чтобы внушать и поддерживать страх Запада перед Россией.

Особенно это важно в настоящее время, в эпоху кризисов и экономической нестабильности в мире, когда Россия в большей степени, чем любая другая страна на пост-авторитарных трансформаций, символизирует на Западе модели социально-политического развития.

Примечания

¹ NEWSLAND Информационно-дискуссионный портал «Имидж России в мире: медведи, водка и коммунизм. <http://www.newsland.ru/News/Detail/id/448736/>

² Григорий Вайнштейн «Рациональное и иррациональное в восприятии России Западом», Copyright © 1999–2009 «Агентство Политических Новостей», <http://www.apn.ru/publications/article10945.htm>.

³ Jean-Marie Chavier «Cette Russie qu'occultent les clichés»

⁴ Nicolas Reynaud – 01/11/2009 «La Russie, patrie du cybercrime»

А. А. Акатова
г. Кострома

ПОЧЕМУ МЫ ОСТАЕМСЯ В ПРОВИНЦИИ?

В 1933 году Мартин Хайдеггер написал небольшое эссе «Творческий ландшафт: Почему мы остаемся в провинции?» (*Schopferische Landschaft: Warum bleiben wir in der Provinz?*). Этот чрезвычайно емкий текст удивителен по силе воздействия и внутренней целостности. В нем – вся топографическая карта мысли философа. Хайдеггер описывает мир, в котором он уединился, и вместе с тем путь своей мысли. Мышление понимается Хайдеггером по образу пути. А путь связан с ландшафтом, по которому шагает путник, и с местом, где он живет и мыслит: «Вот мой мир – мир, в котором я тружусь, если смотреть на него созерцательным взором гостя и отпускника, Я же, собственно, никогда не рассматриваю этот ландшафт. Я постигаю его в опыте жизни: ежечасно, денно и ночью плавает он в великих волнах времен года»¹.

Прямое столкновение провинциальной уединенности и суетности большого города создает образ автора – защитника противосуетного мира. «В больших городах легко оставаться одному – легко как едва ли еще где. А жить уединенно там нельзя. Ибо первоизданная сила присуща уединению – оно не обособляет, не разъединяет, но все существование твое здесь круто обрушивает в самую широту близости к сущности всех вещей. Там далеко, за горами, не успеешь и оглянуться, как сделаешься “знаменитостью” – благодаря газетам и журналам. Самый надежный путь к тому, чтобы наисокровеннейшее воление твое было предано лжеистолкованию, а с тем и скорому, основательному забвению»². Мир и ландшафт, давая пространство для творческого труда, также нуждаются в почве, чтобы творить. Мир, ландшафт и земля проникают друг в друга, но, в то же время, такой синтез нарочито полифоничен, в нем кроется «истина бытия». А потому, по мысли Хайдеггера, утрата феноменом провинциальности своего смысла в эпоху современного превалирования технической мысли означает не что иное, как отрыв мира от питающей «народности и ее обычаев».

Трогательно-нежное отношение к провинции проникнуто «осторожным тактом в отношении бытия со всем его своеобразием».

Хайдеггеровским тактом и уважением к провинции проникнуты два других текста, имеющих разную жанровую принадлежность: роман Джона Фаулза «Любовница французского лейтенанта» (1969) и исторический очерк братьев В. К. и Г. К. Лукомских «Кострома» (1913). Написанные в разное время, о разных городах, авторами разных национальностей и эпох, эти тексты удивительно схожи в одном: преклонением перед очарованием имперской провинции.

Действие романа «Любовница французского лейтенанта» происходит в 1867 году в небольшом городе на юге Англии Лайм-Риджисе. Вот как описывается этот город в современных источниках: «Лайм-Реджис (англ. *Lyme Regis*) – маленький город на западе графства Дорсет. Расположен на живописном скалистом берегу Лаймского залива в 40 км от Эксетера и известен своей гаванью. В прошлом один из крупнейших портов Ла-Манша, Лайм-Реджис к началу XVIII в.

в связи с развитием флота утратил свое значение и превратился в курортное местечко с населением, едва превышающим 3 тыс. человек.» Описание сегодняшних дней сухо и информативно по сравнению с изображением города в викторианскую эпоху в романе Дж. Фаулза. И дело не в жанре художественного романа, а в «осторожном тактом в отношении бытия со всем его своеобразием», которым пропитано описание провинциального городка эпохи королевы Виктории и воссозданной атмосферы того времени. Да и город-то сам «королевский»: лат. *regis* буквально переводится как «королевский», то есть город, получивший в средние века королевскую хартию, предоставляющую ему ряд привилегий.

В настоящем романе писатель очень точно описывает город и его окрестности, вплоть до сохранившихся до наших дней названий улиц и даже гостиницы, где живет главный герой, Чарльз Смитсон. Такая детальность не случайна. Перу Джона Фаулза, жителя Лайма, почетного хранителя лаймского музея, знатока местной истории, географии и топографии, принадлежат «Краткая история Лайм-Реджиса» (1982) и путеводитель по городу (1984). Лайм для Фаулза – не просто некий маленький городок, а источник неповторимого провинциального очарования и естественной красоты: «К 1867 году еще не перевелись живописные народные костюмы – остатки далекой английской старины, и в каждой деревушке нашлось бы с десяток стариков, одетых в эти длинные свободные блузы... Провинция, право же, очаровательна»³.

Викторианский Лайм-Реджис предстает своеобразным средоточием провинциального стиля жизни, с его «мелкими заботами провинциальной повседневности». Однако, такое уничижительное описание провинциального уклада жизни соседствует с весомой исторической и культурной значимостью города. Описание мола Кобб, одной из достопримечательностей Лайма, проникнуто некой поэтичностью и нежностью к его красоте: «этот крохотный Пирей расположен на порядочном расстоянии от своих микроскопических Афин, то есть от самого города»⁴. И автор недоумевает, почему местные жители как бы повернулись к нему спиной. Недооцененность этого местного чуда автор объясняет пренебрежением и бесцеремонностью, «которое люди обыкновенно питают к предметам, слишком хорошо им знакомым». Взгляд восторженного и любознательного ценителя красоты на тот же самый мол совсем иной: «Кобб, несомненно, самое красивое береговое укрепление на юге Англии. И не только потому, что он, как пишут путеводители, овеян дыханием семи веков английской истории, что отсюда вышли в море корабли навстречу Армаде, что возле него высадился на берег Монмут... а в конце концов просто потому, что это великолепное произведение народного искусства. Примитивный и вместе с тем замысловатый, слоноподобный, но изящный, он, как скульптура Генри Мура или Микеланджело, поражает легкостью плавных форм и объемов; это промытая и просоленная морем каменная громада – словом, если можно так выразиться, масса в чистом виде. Я преувеличиваю? Возможно, но меня легко проверить – ведь с того года, о котором я пишу, Кобб почти не изменился...»⁵

Примитивность и замысловатость, громоздкость и изящество отражают не только внешний вид Кобба, но и всего Лайма, его жителей и, главное, доминируют в описании провинциальности викторианского городка. Невольно вспоминаешь

хайдеггеровский «противосуетный дискурс»: противопоставление провинции – столице, города – деревне. И только пытливый доброжелательный взгляд способен различить вечное слияние природного ландшафта и образа мысли, единения мира и человека. Существование в мире и на земле определяет характер Dasein, человеческого «бытия-в-мире». Отношение мира и земли не образует четкой системы, но представляет собой исторически меняющуюся взаимосвязь. «Череда трудов до конца погружена в ландшафт, в его совершающееся пребывание».⁶ Для М. Хайдеггера, как и для Дж. Фаулза такое «сознательное сосредоточение, нарочито вчувствование» возможно только пребывая в творческом ландшафте провинции.

Удивительная схожесть отношения к провинции прослеживается и в описании имперской Костромы в работе братьев Лукомских. Вышедший в свет в 1913 году, к празднованию 300-летия Дома Романовых, этот очерк не просто историческая справка, а взгляд на саму жизнь провинциального маленького городка, «эстетический “подход” к столь богатому по сюжету, форме и выполнению художественному творчеству, казалось бы, столь естественный и потому скорее всего наиболее нужный и подходящий для уяснения красоты наших древностей»⁷. И симпатия, которую хотят вызвать у читателей авторы, обусловлена не фактами и подробным описанием города, а «сохранившейся в нем всякой “старинке”, удержавшимся в Костроме до наших дней – бытовым укладом и всеми деталями жизненного обихода»⁸.

Для Лукомских Кострома – город, в котором словно законсервирована древность. И описание Костромы апеллирует, прежде всего, к эмоционально-чувственному восприятию «очарования седой старины», ее истории, которая тесно связана с судьбами всей России, к воспоминаниям и впечатлениям. «Уже подъезжая к Костроме летом ли, или зимой можно почувствовать эту необычайную исторически насыщенную художественность облика, наполняющую воображение воспоминаниями о былом, полном фантастической живописности своих образов»⁹. И как удивительно перекликаются уже приводившиеся строчки Дж. - Фаулза с описанием В. К. и Г. К. Лукомскими восприятия этой уникальности своего места обитания местными жителями: «Конечно, здешним людям, ...ушедшим с головой в мелочи своих житейских дел, – не ощутить этого, окружающего их на каждом шагу, полного сказочности, архитектурного пейзажа...»¹⁰

Провинциальный пейзаж, созерцаемый издали, пестрит «игрушечными домиками» и «зеленой чешуей покрытыми шатрами» храмов. (Сравните: «живописные домики» и «похожий на ковчег остов люггера» в описании Лайм-Реджиса у Дж. Фаулза.) И совершенно закономерно, что в описании провинциального пейзажа самого города Лукомские постоянно обращаются к образам природы: «Над старинными стенами свешиваются низко и ласково, покрытые инеем, отяжелевшие ветви деревьев; придавая фантастический вид всему окружающему, возвышаются покрытые шапками снега стройные ели; выглядывают из-за крыш лохматые кедры, или, рисующие на темном небе, как иней на стекле узор из страусовых перьев, березы. Насупились и конусообразные верхушки башней монастыря...»¹¹ «Фееричная», «сказочная», «волшебная», «древняя» – такой предстает перед нами провинциальная Кострома Лукомских. Лесной пейзаж Шварцвальда у Хайдеггера, морской пейзаж Лайма у Фаулза, описание Костромы у Лукомских сущностны для понимания бытия провинции, это телесно-эмоциональное переживание

пребывания в ландшафте, располагающему к творческому созерцанию и уходу от суетности и временности. Аксиологическая шкала восприятия стирается: все важно, все значимо, все пребывает в целостности и единении – природа, город, люди.

Самобытность и атмосфера провинциальных имперских городков может ассоциироваться с невежеством, заброшенностью и наивностью суждений, но «чуткому обозревателю старины» раскрывается «художественность облика» провинции. Провинция Хайдеггера, Фаулза и Лукомских – не географический объект. Это форма созерцания жизни и бытия, способ творения уединенной и несуетной реальности.

Примечания

¹ Хайдеггер М. Творческий ландшафт // М. Хайдеггер. Работы и размышления разных лет / пер. с нем. А. В. Михайлова. М., 1993. С. 218.

² Там же. С. 219.

³ Фаулз Дж. Любовница французского лейтенанта: роман / пер. с англ. М. Беккер и И. Комаровой. М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2002. С. 42.

⁴ Там же. С. 5.

⁵ Там же. С. 5–6.

⁶ Хайдеггер М. Творческий ландшафт // М. Хайдеггер. Работы и размышления разных лет / пер. с нем. А. В. Михайлова. М., 1993. С. 218.

⁷ Лукомские В. К. и Г. К. Кострома. Исторический очерк и описание памятников художественной старины. Репринтное воспроизведение издания 1913 года / Послесловие и примечания Л. И. Сизенцевой. М., Прогресс-Плеяда, 2002. С. VI.

⁸ Там же. С. IX.

⁹ Там же. С. 37.

¹⁰ Там же. С. 36.

¹¹ Там же. С. 43.

А. О. Павлова
г. Пермь

**ОБРАЗ ЖИТЕЛЕЙ ГУБЕРНСКОЙ ПЕРМИ
ГЛАЗАМИ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ**

Образ любого города во многом определяется его жителями, их нравами, характером. О жителях Перми есть много любопытных воспоминаний, очерков самих пермяков. Но не менее интересно посмотреть, как их воспринимали люди, для которых Пермь не была родным городом. В статье рассматриваются воспоминания, письма, путевые заметки, автобиографические произведения путешественников, бывавших в Перми. Пермь была губернским городом (Указ об учреждении губернского города Перми был подписан 26 ноября 1780 г., торжественное открытие Пермского наместничества состоялось 18 октября 1781 г.), удачно расположенным на перекрестке сухопутных, водных, а позже и железнодорожных путей из Центральной России в Сибирь. Поэтому многие вольные и невольные путешественники ехали в Си-

бирь через Пермь. А для некоторых государственных и общественных деятелей сам город как далекая провинция стал местом ссылки.

Довольно часто исследователи, занимающиеся вопросами губернской Перми, ссылаются на воспоминания путешественников, но обычно ими цитируются фрагменты, посвященные внешнему облику города, его природе, особенно Каме, но не самим пермякам. В нашей статье делается попытка показать образ жителей Перми XIX в. в воспоминаниях М. М. Сперанского, А. И. Герцена, П. И. Мельникова-Печерского, С. А. Юрьевича, Н. Ф. Павлова, Е. А. Вердеревского, К. М. Станюковича, А. П. Чехова, В. Немировича-Данченко.

Пермский край часто называют Прикамьем, так как почти вся его территория расположена в бассейне реки Камы, которая сыграла очень важную роль в его истории. Кама определила не только судьбу города Перми, но и оказала влияние на характер пермяков. Ведь не случайно для многих путешественников Пермь в большей степени ассоциировалась с Камой. С. Шевырин, ведущий специалист ГОПАПО, предполагает: «возможно, что «тихая и безмятежная» жизнь Перми и пермяков того времени (первой половины XIX в. – авт.) во многом сформировалась благодаря широкой и основательной Каме»¹.

Писатель П. И. Мельников-Печерский, сосланный в Пермь за вольные высказывания, писал в 1839 г. о пермяках: «Пермь – городок порядочный, но безжизнен, торговли и промышленности в нем нет, грамотности много, образованности не бывало. Его жители радушны, гостеприимны, добры, довольно странны... Пермь тиха, безмятежна; жизнь в ней ровненькая без бурь, только с крошечными страстишками. Знают здесь две страсти: в картишки поиграть да гостя получше угостить. И Пермь независтлива, она считает себя лучше всех городов и упорно стоит за свое. Пермь настоящий русский Китай... И какое китайство в ней – удивительно! Скоро ли она выйдет из своего безжизненного оцепенения?»²

Многие путешественники отмечали необычность и «странноватость» жителей Перми. Возможно, это объясняется тем, что многие попадали в этот хотя и губернский, но все же, по их представлению, находящийся на «краю» России город, из центральных районов страны. Но, скорее всего, не совсем объективные суждения, присущие как П. И. Мельникову-Печерскому, так и другим «гостям» города, возникали из-за того, что оказывались они в Перми не по своей воле.

В действительности же в Перми были лучшие для того времени школы, больницы, складывается круг единомышленников – сторонников просвещения и культуры. К 40-м гг. XIX в. Пермь постепенно становится крупным городом с ориентированной на торговлю экономикой. В 1824 г. заработал свечной завод купца 1-ой гильдии Д. Е. Смышляева. Он же в 1831 г. основал канатную фабрику. В 1832 г. в городе появился фарфорово-фаянсовый завод. В к. 1840 г. в Перми насчитывалось 31 предприятие: 13 кожевенных заводов, 5 свечных, 2 канатных, фаянсовая фабрика, 3 салотопленных, 3 мыловаренных, 4 кирпичных завода³.

Хотя одновременно с этим в Перми сохранялись еще черты, характерные больше деревне, чем городу. Подтверждение тому случай, бывший с высланным в Пермь А. И. Герценым. «Это ужасно, что было со мною нынче утром; прихожу нанимать квартиру, а хозяйка спрашивает: «Нужен ли вам огород и стойло для коровы?»⁴ ? писал он в 1835 г. Н. А. Захарьиной. Между тем для многих обитателей

Перми было естественным, что при доме сохранялось хозяйство, а домашний скот пасся прямо на улицах.

Также А. И. Герцен отмечал «географическую окраинность» пермяков, а вследствие этого ограниченность и всей их жизни: «Пермь есть присутственное место + несколько домов + несколько семейств; но это не город губернии, не центр, не *sensorium commune* целой губернии, решительное отсутствие всякой жизни. Но том есть уже *avant-propos* Сибири...»⁵. «Провинциалы наши не любят платонических гуляний»⁶, ? вспоминал он, описывая пермский бульвар в мае. «Я начал разглядывать пустоту жизни, в которую попал. Никогда не выезжая из Москвы да и в самой Москве не видав жизни чиновников, я теперь с большим любопытством рассматривал мир, для меня новый»⁷ ? отмечая опять же «пустоту жизни», Герцен говорит об одной из главных черт губернской Перми – это «чиновничий город».

Эту же черту подчеркивает и С. А. Юрьевич, путешествовавший в свите цесаревича Александра Николаевича по России и бывший в Перми в 1837 г.: «О здешнем обществе говорить нечего: тут живут одни чиновники, которых мы видели только при представлении, а их жен и дочек, в шляпках и чепцах, мельком при выездах и выездах; мало миловидных лиц: две-три фигурки на весь город»; «В Перми, как и в Вятке нет дворянства, да и знатного капитального купечества очень мало»⁸. Конечно, такие высказывания достаточно поверхностны и во многом объясняются тем, что во время посещения Перми сам цесаревич и его свита больше уделяли внимания присутственным местам, а не населению города в целом.

Пермь – город ссыльных, через него прошли все каторжники, заключенные по дороге в Сибирь, что тоже нашло отражение в воспоминаниях современников. «Говоря о Перми, я вспомнил следующий случай на дороге: где-то проезжая в Пермской губернии, ночь я почти не спал, ибо дорога была дурна, на рассвете я уснул крепким сном; вдруг множество голосов и сильные звуки железа разбудили. Проснувшись, увидел я толпы скованных на телегах и пешком отправляющихся в Сибирь»⁹, – писал А. И. Герцен. Как уже говорилось выше, для кого-то сама Пермь становилась местом ссылки. Здесь было много сосланных не только русских, но и, например, поляков, которые, конечно, тоже становились жителями города, создавали его образ: «...здесь также многие живут поневоле; в особенности после польского мятежа сюда прислали много негодяев поляков, которые все просят великого князя о возвращении на родину»¹⁰, «Сосланных везде много, нет уездного города в Пермской губернии и в Вятской, где бы не было нескольких поляков и часть грузинов и русских»¹¹.

Довольно не приглядную картину нарисовал К. М. Станюкович, проезжавший через Пермь: «Остаться же целый день в этой бывшей столице золото-промышленников, горных инженеров дореформенного времени, где прежде было сосредоточено управление заводами и где теперь царствует мерзость запустения, с пустыми барскими хоромами, в виде памятников прежнего величия, не было никакой нужды.

Заглянув в этот мертвый город и не встретив в нем в пятом часу дня буквально ни души, мы вернулись на вокзал...»¹²

Вероятно, такое восприятие города в большей степени объясняется внутренним состоянием К. М. Станюковича, вынужденного после годичного тюремного

заклучения, отправится в трехлетнюю административную ссылку в Томск, нежели действительной ситуацией в Перми.

Свой отпечаток накладывало и отношение жителей к прибывшему в город, условия в которых оказывался путешественник, люди, окружавшие его. М. М. Сперанский, находившийся в Перми в ссылке в с 1812 г. по 1814 г., писал Александру I: «Прибыв в Пермь, я силился по возможности привыкать к ужасам сего пребывания. Между тем, здешнее начальство признало за благо окружить меня не неприметным надзором, коего, вероятно, от него требовали, но самым явным полицейским досмотром, мало различным от содержания под караулом»¹³. Отношения М. М. Сперанского не сложились с пермским обществом, так как в нем было распространено мнение о том, что он предал свое отечество за польскую корону¹⁴.

Другого изгнанника – Н. Ф. Павлова, бывшего в Перми в 1853 г., пермяки приняли совсем по-другому. «...Губернатор – чудесный человек. Общество ко мне очень благосклонно, приняло меня здесь как литературную знаменитость»¹⁵, – писал Н. Ф. Павлов в одном из писем. Поэтому и жители города казались ему другими: «Здесь люди добрые и на меня смотрят нежестoko; затруднительно мне, что делают тьму приглашений, хотя общество самое маленькое»¹⁶.

Даже такие факторы, как погода, оказывали значительное влияние на впечатления путешественников о жителях города. А. П. Чехов, оказавшийся в Перми в плохую погоду писал: «Камские города серы; кажется, в них жители занимаются приготовлением облаков, скуки, мокрых заборов и уличной грязи – единственное занятие. На пристанях толпится интеллигенция, для которой приход парохода – событие»¹⁷.

Но совершенно другой образ Перми сохранил Е.А. Вердеревский, служивший в Перми чиновником особых поручений при губернаторе в 1846-1853 гг.: «Почти с сожалением об оставляемой мною Перми вспоминаю я теперь о тишине, которую встретил я только здесь и в которой так привольной, так свободно созреть всякому умственному труду. <...> Наконец, побывайте еще на камской пристани при отплытии пароходов и барж... <...> Тут увидите замечательное движение, услышите несколько живописных местных выражений пермского идиoma и, может быть, решитесь попробовать на вкус знаменитых пермских пельняней...»¹⁸

В. Немирович-Данченко, посетивший Пермь в 1875 г., отмечал образованность, культуру ее жителей: «И в Перми я вспоминаю кружок М-скаго. Тут собирались по вечерам, обходились без вина и без карт. Спорили, читали. Беседа заходила далеко за полночь»¹⁹. Кроме частных кружков, как тот, о котором упоминает В. Немирович-Данченко, существовали и другие очаги культурной жизни. Так с первой половины XIX в. в Перми было Благородное собрание для непотомственных дворян, в 1863 г. появляется Купеческое (позже Общественное) собрание. Побывав в Перми в 1894 г., Н.Д. Телешов отмечал: «Помимо церквей и школ, здесь немало благотворительных учреждений; существует театр, имеются клубы и летние сады, издаются очень тщательно «Губернские ведомости» и недавно положено начало музея...»²⁰

Все же, как видно, жизнь в Перми не была такой скучной и унылой, какой ее показывают некоторые путешественники. Ведь во многом восприятие жителей формируется под воздействием субъективных факторов, которые могут достаточно

сильно искажать объективную реальность. Вследствие чего были в их воспоминаниях и преувеличения, что было отмечено и Е. А. Вердеревский: «По свидетельству некоторых почтенных путешественников, есть кое-что и хуже в Перми; так, например, г. Мельников нашел здесь едва ли не египетскую тьму невежества; г. Горлов – неимоверное, исключительно большое, сравнительно с прочими городами России, потребление игральных карт; г. Небольсин – чересчур изуродованный русский язык, как, например, выражение «прошки ширкнуть» вместо: табаку понюхать; но, не в обиду почтенным литераторам, все это небольшие с их стороны преувеличения!

Что же касается до имеющихся в Перми брюзгливых старичков, действительного пристрастия к картам, сплетен, недоученных умников и одичалого оркестра, то опять-таки скажу, где же на Руси, в каком провинциальном городе нет всех этих явлений?...»²¹

В целом же Пермь к к. XIX в. не уступала в своем развитии другим городам России. Успешна была деятельность пермской интеллигенции в истории, экономике, медицине, организации народного хозяйства. Д. И. Менделеев, побывав в Перми в 1899 г., писал о ней: «Вообще же те сутки, которые мы провели в Перми, мне пришлось узнать такое количество просвещеннейших местных деятелей, не по книжкам, а самостоятельно вникших в тонкости экономических отношений края и старины, что я не встречал ни разу ничего подобного в столь короткий срок, но, признаюсь, никак не ожидал когда-либо встретить, хотя и довольно мыкал по свету в разных краях и сферах».

Примечания

¹ *Шевырин С.* Вечная Кама [Электр. ресурс]. – Режим доступа: <http://politarchive.perm.ru/publikatsii/stati/vechnaya-kama.html>

² Пермь от основания до наших дней: Исторические очерки / науч. ред. М. Г. Нечаев. Пермь: Книжный мир, 2000. С. 75.

³ *Корчагин П. А.* Губернская столица Пермь. Пермь: Книжный мир, 2006. С. 117.

⁴ *Герцен А. И.* Из письма к Н. А. Захарьиной. 29 апреля 1835 года. // «Я увез из Перми воспоминание...»: Письма, дневники, воспоминания русских писателей, связанные с Пермским Прикамьем / сост. Д. А. Красноперов. Пермь: Кн. изд-во, 1989. С. 68.

⁵ *Герцен А. И.* Из письма Н. И. Сазонову и Н. Х. Кетчеру. 18 июля 1835 года. Вятка // «Я увез из Перми воспоминание...»: Письма, дневники, воспоминания русских писателей, связанные с Пермским Прикамьем / сост. Д. А. Красноперов. Пермь: Кн. изд-во, 1989. С. 74.

⁶ *Герцен А. И.* Былое о думы. М.: Художественная литература, 1973. С. 253.

⁷ *Герцен А. И.* <Часов в восемь навестил меня...> // В Парме / сост., предисл. и комм. Н. Ф. Авериной. Пермь: Кн. изд-во, 1988. С. 55.

⁸ *Юрьевич С. А.* Дорожные письма. 24 мая 1837 года. // «Я увез из Перми воспоминание...»: Письма, дневники, воспоминания русских писателей, связанные с Пермским Прикамьем / сост. Д. А. Красноперов. Пермь: Кн. изд-во, 1989. С. 85.

⁹ *Герцен А. И.* Из письма к Н. А. Захарьиной. 6 июня 1835 года. Вятка // «Я увез из Перми воспоминание...»: Письма, дневники, воспоминания русских писателей, связанные с Пермским Прикамьем / сост. Д. А. Красноперов. Пермь: Кн. изд-во, 1989. С. 70.

¹⁰ *Юрьевич С. А.* Дорожные письма. 24 мая 1837 года // «Я увез из Перми воспоминание...»: Письма, дневники, воспоминания русских писателей, связанные с Пермским Прикамьем / сост. Д. А. Красноперов. Пермь: Кн. изд-во, 1989. С. 85.

¹¹ Герцен А. И. Из письма Н.И. Сазонову и Н.Х. Кетчеру. 18 июля 1835 года. Вятка. / «Я увез из Перми воспоминание...»: Письма, дневники, воспоминания русских писателей, связанные с Пермским Прикамьем / сост. Д. А. Красноперов. Пермь: Кн. изд-во, 1989. С. 74.

¹² Станюкович К. М. Отрывок из путевых набросков и картинок «В дальние края». / «Я увез из Перми воспоминание...»: Письма, дневники, воспоминания русских писателей, связанные с Пермским Прикамьем / сост. Д. А. Красноперов. Пермь: Кн. изд-во, 1989. С. 133–134.

¹³ Томсинов В. А. Светило российской бюрократии: Исторический портрет М. М. Сперанского. М.: Мол. гвардия, 1991. С. 218–219.

¹⁴ Там же. С. 225.

¹⁵ Павлов Н. Ф. Из письма Н. М. Сатину. 26 мая 1853 года // «Я увез из Перми воспоминание...»: Письма, дневники, воспоминания русских писателей, связанные с Пермским Прикамьем / сост. Д. А. Красноперов. Пермь: Кн. изд-во, 1989. С. 89.

¹⁶ Павлов Н. Ф. Из письма С.П. Шевыреву. 9 мая 1853 года // «Я увез из Перми воспоминание...»: Письма, дневники, воспоминания русских писателей, связанные с Пермским Прикамьем / сост. Д. А. Красноперов. Пермь: Кн. изд-во, 1989. С. 90.

¹⁷ Чехов А. П. Из письма М. П. Чеховой. 29 апреля 1890 года, г. Екатеринбург // «Я увез из Перми воспоминание...»: Письма, дневники, воспоминания русских писателей, связанные с Пермским Прикамьем / сост. Д. А. Красноперов. Пермь: Кн. изд-во, 1989. С. 243.

¹⁸ Вердеревский Е. А. От Зауралья до Закавказья. Юмористические, сентиментальные и практические письма с дороги. Письмо 4-е. 6 мая 1853 г. // В Парме / сост., предисл. и комм. Н. Ф. Авериной. Пермь: Кн. изд-во, 1988. С. 108–113.

¹⁹ Немирович-Данченко В. Кама и Урал (Очерки и впечатления). Спб., 1890. С. 141.

²⁰ Телешов Н. Д. За Урал. Из скитаний по Западной Сибири. Очерки. // В Парме / сост., предисл. и комм. Н. Ф. Авериной. Пермь: Кн. изд-во, 1988. С. 300.

²¹ Вердеревский Е. А. От Зауралья до Закавказья. Юмористические, сентиментальные и практические письма с дороги. Письмо 4-е. 6 мая 1853 г. // В Парме / сост., предисл. и комм. Н. Ф. Авериной. Пермь: Кн. изд-во, 1988. С. 108.

Кузьмичёв И. А.
г. Кострома

«СОТНАЯ НА ПОСАД ГАЛИЧА 1578 ГОДА» КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Малый русский город периода позднего средневековья (XV–XVI вв.) – тема, которая по сей день остаётся малоизученной в отечественной исторической литературе. Работу исследователей осложняет малочисленность исторических источников (письменных и вещественных), освещающих внутреннее социально-экономическое развитие изучаемых регионов и их провинциальных центров. Не стал исключением и один из древнейших городов костромского края – Галич. Единственный специалист, изучающий средневековую историю города кандидат исторических наук, преподаватель Православного Свято-Тихоновского Гуманитарного Университета Авдеев А. Г. в своей недавно опубликованной монографии

справедливо отмечает: «История Галича в эпоху формирования русского централизованного государства весьма слабо освещена историческими источниками. Если ход феодальной войны 1425–1453 гг. ... летописцы излагают подробно, то внутренняя история княжества их почти не привлекала»¹. В связи с этим огромное значение приобретает изучение переписных и писцовых книг – важнейших источников, дающих исследователям богатый фактический материал. В отличие от летописей, чья главная задача заключалась в фиксировании наиболее значимых, в первую очередь политических, событий, переписные материалы ориентированы на сбор точных сведений, которые в свою очередь должны были определять государственную налоговую политику, возможности комплектования посадского ополчения. Единственным дошедшим до нас фрагментом писцового делопроизводства, описывающим Галич второй половины XVI в. является Сотная на посад 1578 года.

Впервые Сотная на посад Галича 1578 года была опубликована Кистерёвым С. Н. в Русском Дипломатариум – периодическом издании Российского Государственного Архива Древних Актов. Автор не ставил перед собой задачу полного и всестороннего изучения источника, однако в предисловии к самому документу он затрагивает некоторые проблемные вопросы методологии. Первое, на что Кистерёв обращает внимание, – это различные варианты интерпретации указаний на ремесло. Является ли слово, обозначающее ремесло тяглового посадского населения, частью антропонима или нет? Отвечая на этот вопрос, автор лишь изредка обращается к Сотной книге, главным образом для критики сторонницы антропонимичного характера вышеупомянутого указания Соловьёвой Т. Б.

Вторая методологическая проблема, которую Кистерёв выделяет особо, заключается в определении степени объективности и достоверности полученных в ходе анализа содержания источника данных по социально-экономическому развитию города. Перечисляя количество дворов и дворовых мест, виды ремесленных занятий и их соотношение друг с другом, учёный, тем не менее, настаивает на относительном характере полученных цифр, которые могут лишь «приблизительно очертить круг ремесленных специальностей, наличествующих в городе»². Важным моментом, на который автор также обратил внимание, является возможность использования данных источника для характеристики «степени устойчивости различных профессий в годы социальных кризисов»³. В завершении своей работы Кистерёв, естественно, указывает на необходимость дополнять сведения Сотной материалами из других документов того же периода.

На этом историографический обзор работ, посвящённых изучению Сотной книги 1578 г. заканчивается, едва начавшись. Как это не прискорбно заявлять, но за 12 лет, истекших с момента публикации источника, не вышло практически ни одной сколь – либо серьёзной работы, прямо или косвенно изучающей или использующей содержание документа. Исключение составляют лишь две работы Авдеева А. Г. Первый раз Александр Григорьевич обращается к тексту Сотной книги, готовя краткую заметку научно-популярного характера в газету «Галичские известия»⁴. Второй раз – в своей монографии, сравнивая количество ремесленных профессий, бытовавших в Галиче в 1578 и 1620 гг.

Таким образом, несмотря на то, что Сотная на посад Галича 1578 г. является уникальным и к тому же опубликованным источником, исследователи не спешат

воспользоваться хранящимися в ней богатейшими материалами по позднесредневековому городу. Ограничившись лишь общими вопросами социально-экономической истории Галича второй половины XVI в., Кистерёв С. Н. и Авдеев А. Г. не смогли очертить весь спектр возможностей использования Сотной книги. В данной работе мы постараемся восполнить этот пробел, указав скрытые перспективы изучения источника.

Не останавливаясь подробно на общих сведениях Сотной книги, которые были успешно перечислены в работе Кистерёва С. Н., обратим наше внимание на сравнительный анализ изучаемого источника и дозорной книги 1620 г. Впервые это сравнение было предложено и проведено Авдеевым А. Г. Однако, прямое сопоставление двух документов привело учёного к поспешным, а, следовательно, и сомнительным выводам о бурном экономическом подъёме в Галиче второй половины XVI века. Позволю себе привести полную цитату, дабы в любой момент можно было сравнить её содержание с последующим критическим анализом. «В Галиче последняя четверть XVI – начало XVII в. были временем хозяйственного подъёма: включённый в опричнину уезд, не был разорен. Сравним Сотную 1578 г. на посад Галича с дозорной описью 1620 г., которая отразила тенденции, сложившиеся в экономике до начала Смутного времени. Менее чем за 25 лет население галичского посада значительно выросло. Углубилась дифференциация ремёсел, основанных на местном сырье и ресурсах: в Сотной указаны 18 профессий, а в дозорной книге – уже 43»⁵.

Сотная 1578 г. перечисляет только посадское, преимущественно платёжеспособное тяглое население без описания острога, торговой площади, владений служилых людей, монастырей и церквей, что в свою очередь подробно описано в дозорной книге 1620 г. Простое сравнение двух источников даст искажённую информацию. Очевидной, по нашему мнению, является необходимость сопоставлять лишь описание тяглового посадского населения из «людей средних и молодчих»⁶ и, следовательно, от дозорной книги потребуется только соответствующий фрагмент. В результате проделанной работы мы получим немного другие цифры (табл. 1).

Таблица 1

Сотная на посад Галича 1578 г. ⁷	Дозорная книга Галича 1620 г. ⁸
Вид занятий	Вид занятий
1. Кожевник	1. Сапожной кропачь
2. Кузнец	2. Щепетильник
3. Горшечник	3. Кузнец
4. Сыромятник	4. Винокур
5. Плотник	5. Сыромятник
6. Иконник	6. Пряничник
7. Седельник	7. Прасол
8. Скоморох	8. Крашеник
9. Жерновник	9. Мясник
10. Игольник	10. Рыбник
11. Масленик	11. Соляной прасол
12. Судовик	12. Оконник (бобыль)
13. Рогозинник	13. Пугвинник (бобыль)
14. Мясник	14. Беляник (бобыль)

РАЗДЕЛ VI

Окончание табл.

Сотная на посад Галича 1578 г. ⁷	Дозорная книга Галича 1620 г. ⁸
Вид занятий	Вид занятий
15. Пастух	15. Седельник (бобыль)
16. Ямщик	16. Горшечник (бобыль)
17. Воротник	17. Медник (бобыль)
18. Трубник	18. Огородник (бобыль)
	19. Колесник (бобыль)
	20. Кожевник (бобыль)
	21. Плотник (бобыль)
	22. Судочник (бобыль)
	23. Рыбный прасол (бобыль)
	24. Портной кропачь (бобыль)
	25. Железец
	26. Руковишник
	27. Масленник
	28. Сапожник
	29. Шапошник
	30. Полстовал
	31. Свешник
	32. Иконописец
	33. Швец
	34. Портной швец
Сошного письма в живущем: соха и полполчети сохи	Сошного письма в живущих: пол чети сохи
Общая численность тяглого платёжеспособного посадского населения – 163	Общая численность тяглого платёжеспособного посадского населения – 112

Стоит отметить, что дозорная книга 1620 г. разделяет людей посадских и бобылей: «И общего тягла с посадских и с бобыльских дворов девять рублёв десять алтын на год»⁹, в то время как Сотная перечисляет только посадских людей, не упоминая ни о бобылях, ни о нищих.

Таким образом, заявление о хозяйственном подъёме Галича в последней четверти XVI века в свете новых данных кажется малоубедительным. Более того, целый ряд работ в отечественной историографии, посвящённой рассматриваемому периоду, прямо указывает на глубочайший экономический кризис, поразивший многие уезды Московского государства¹⁰.

Все исторические события происходят не только во времени, но и в пространстве. Перспективное, на наш взгляд, направление использования информации, содержащейся в Сотной 1578 г. – составление исторической карты городского посада. Идея привлечения данных писцовых и переписных книг при реконструкции планировки поселений и их расположения в уезде не нова¹¹. Историческая картография в данном случае поможет «выражению определённых результатов исследования в виде ёмкой и конкретной формы записи – карты»¹². Кроме того, определение границ посада, схемы расположения и концентрации застройки даст ценнейшую информацию об экономическом развитии города.

Осознавая в полной мере, что обозначенная проблема достойна самостоятельного исследования, в таблице 2 мы изложим лишь некоторые обобщенные данные¹³.

Таблица 2

Улицы, переулки и пр. районы	Количество дворов, половины двора, чети двора ¹⁴	Количество жителей
Шатина	5	7
Галибына	5	5
Бокин переулок	3	3
Нечистая	22	27
Халунина	5	8
Егорий Святой Нижний	3	3
Переулок Егорья Святого Нижнего	7	11
Троицкий переулок	7	8
Пробойная от торгу	9	11
Тиханова	5	5
Глинник	3	5
Большая пробойная	24	27
Подозерье берегом ¹⁵	17	23

Названия некоторых районов указанных в Сотной сохранились до сих пор, примером чему является Глинник. Такие долгоживущие топонимы послужат хорошим ориентиром, относительно которого можно с известной долей точности воссоздать положение прочих улиц. Для проведения такого рода исследования необходимо также дополнить сведения Сотной археологическими данными, которые показывают нам существование развитого посада уже в XIII в.¹⁶

Таким образом, перед нами предстаёт широкий круг возможностей использования Сотной 1578 г. в различных исторических изысканиях. Помимо изучения социальных и экономических тенденций, наметившихся в жизни посадского населения города (именно посадского, а не населения вообще) в последней четверти XVI в., источник даёт возможность картографической реконструкции застройки городского посада.

Примечания

¹ Авдеев А. Г. «Житие преподобного Паисия Галичского». М., 2009. С. 7.

² Кистерёв С. Н. Сотная на посад Галича 1578 г. // РД. Вып. 4. М., 1998. С. 170–171.

³ Там же.

⁴ Авдеев А. Г. Город Галич 420 лет назад // Галичские известия, 2001. 9 августа.

⁵ Авдеев А. Г. «Житие преподобного Паисия Галичского» М., 2009. С. 27.

⁶ Кистерёв С. Н. Сотная на посад Галича 1578 г. // РД. Вып. 4. М., 1998. С. 177.

⁷ Там же С. 170–177.

⁸ Отрывок из дозорной книги Галича 1620 г. // Костромская земля. Краеведческий альманах Костромского филиала Российского фонда культуры. Вып. 4. Кострома, 1999. С. 85–92.

⁹ Там же. С. 87.

¹⁰ «...период 80-х гг. Это время одного из наиболее острых этапов экономического кризиса, принявшего в России глобальный характер ещё в начале 70-х гг. XVI в. Появление кризиса было обусловлено рядом неблагоприятных факторов как экологического

РАЗДЕЛ VI

характера (эпидемии, неурожаи и т. д.), так и общественно-политическими явлениями (войны, набеги кочевников, резко возросшее разорительное государственное обложение и т. д.). Кризис сопровождался убылью населения и колоссальным запустением земель» (Писцовые материалы дворцовых владений второй половины XVI в. – М., 1997. С. 3).

«Исходя из того обстоятельства, что описание Галича относится к периоду хозяйственного кризиса, для которого было характерно не только общее падение производства, но часто и полное разорение городских ремесленников, можно предполагать в указаниях сотной на наличие на посаде пустых дворов, ранее принадлежавших представителям различных ремёсел. Именно отражение процесса такого разорения» (*Кустерёв С. Н.* Сотная на посад Галича 1578 г. // РД. Вып. 4. М., 1998. С. 171).

«По некоторым данным о городах в 70-х годах и о городах в 90-х годах нужно думать, что повинности за это время сильно возросли» (*Чечулин Н. Д.* Города Московского государства в XVI веке – СПб, 1889. С. 320).

¹¹ См. подробнее: *Витов М. В.* Приемы составления карт поселений XV–XVII вв. по данным писцовых и переписных книг (на примере Шунгского погоста Обонежской пятины) // Проблемы источниковедения. Т. V. М., 1956; *Янин В. Л., Бассальго Л. А.* Пусторжевская земля в XV веке: территория и границы // Отечественная история. 1993. № 5.

¹² *Пиотух Н. В.* Картографический метод в исторических исследованиях: прошлое и настоящее // История. Карта. Компьютер: Сб. науч. статей. Барнаул, 1998. С. 73.

¹³ *Кустерёв С. Н.* Сотная на посад Галича 1578 г. // РД. Вып. 4. М., 1998. С. 173–177.

¹⁴ В таблицу включены только те дворы, половины и чети дворов, чью принадлежность к той или иной улице или другой местности с отличительным названием можно установить.

¹⁵ Скорее всего, «Подозерье берегом» является окончанием либо просто составной частью Большой пробойной улицы.

¹⁶ См. подробнее: *Гордеев В. И. Павленко Ю. А.* Малый город Поволжья в позднем средневековье. Йошкар-Ола, 2004. С. 84.

Т. А. Казначеева
г. Кострома

РОМАНОВЫ И СУДИСЛАВСКОЕ КУПЕЧЕСТВО

В процессе формирования картины мира, понимания культурно-пространственной структуры места, представляющего собой структуру, где каждый элемент, каждая сторона и связь этой структуры несёт смысловую нагрузку, ключевым в интерпретации культурного текста и толкования историко-генетического развития культуры, основных направлений общекультурной и специально-художественной деятельности является концепт «Genius loci».

Концепт «Genius loci» указывает на обладание каким-то местом собственным гением, который наделяет это место энергией добра, разума, красоты, потайной информацией, которой может оперировать не сознание, а подсознание человека в виде образов, аналогий, метафор, проявляющееся в интуиции, предчувствии. Незримый гений места воздействует на людей, которым суждено

самим стать гениями, которые уловили те сигналы, поступившие из неведомого, и совершили духовный подвиг. Гений места связывает интеллектуальные, духовные, эмоциональные явления с их материальной средой. Дух местности – источник взглядов, идей, ценностей, которые человек может как принять, так и отвергнуть. Всё, что было создано человеком, должно обладать внутренней закономерностью, быть целесообразным, необходимым и последовательным. Следовательно, место влияет на восприятие человеком мира и является существенным фактором в его культуре и культуре общества.

Судиславль, впервые упомянутый в Солигаличском Воскресенском «Летописце» в 1360 году как крепость, которая определяла поселение как город, выполнял защитную функцию в Костромском княжестве, охраняя его от соседей и контролируя важный перекресток путей. Местное население укрывалось в крепости на холме. Ю. В. Смирнов пишет об ассоциации крепостного холма в Судиславле с крупнейшим на севере Европы насыпным курганом викингов в Норвегии Ракнахауген, созданном в VI веке в память о вожде викингов¹. Данная ассоциация может найти основание в рамках концепта «Genius loci», в котором отражаются сущностные характеристики культовых действий, связывающих глубинные характеристики места и преемственность культуры.

Исторически храмы становились genius loci, символами города, где собирались его ценности. На протяжении столетий и тысячелетий храмы располагались на видных возвышенных местах, в городском центре деятельности. В Судиславле на Соборной горе возвышается Преображенский собор, genius loci города, его архитектурный символ, включающий комплекс зданий Преображенского храма с церковью и колокольней 1758 года постройки. Ю. В. Смирнов определяет Преображенский собор «средоточием духовной жизни»², благодаря которому «гений Судиславля не умерщвлён»³.

Этот гений охранял три богатых вотчины Романовых. В XVI–XVII вв. Судиславль был в центре событий Смутного времени, являясь центром района вотчин и объединяя административные, военные и духовные функции. Как замечает Ю. В. Смирнов, «именно в этом районе России инокиня Марфа с боярином Михаилом чувствовали себя дома, в безопасности»⁴. Подобное чувство даёт человеку родина, вызывая полный, конкретный, проникнутый эмоциями образ жизненной активности, образы окружающих людей, переживания счастья, радости, желаний, стремлений, раскаяний в определённых жизненных ситуациях. Посещая свои вотчины, инокиня Марфа и её сын боярин Михаил Романов бывали в Судиславском Кремле и Преображенском соборе.

В Судиславский храм приезжали и другие Романовы. Как отмечает Ю. В. Смирнов, «не каждый храм на Руси может гордиться таким вниманием Романовых»⁵. На данный момент последней из Романовых в Судиславском Преображенском храме в 1996 году побывала великая княгиня Леонида Романова, вдова российского императора в изгнании В. К. Романова.

Исследуя историю Преображенского собора и его место в жизни страны, Ю. В. Смирнов приходит к выводу о том, что «храм в Судиславле, древнем русском городе, прошёл все мыслимые и немыслимые испытания и гонения, выстоял, возродился, набирает силы», а «вокруг древнего храма в центре Су-

диславского Кремля возрождаются из руин и праха соседние православные храмы»⁶. Несомненно, что в сохранении и развитии собора участвовали люди.

Среди прочих сословий следует выделить купечество, которое сыграло важную роль в жизни Судиславля, Костромской губернии, России, а его деятельность была замечена и отмечена Романовыми. Так, например, известен «Наказ жителей г. Судиславля, отправленный в комиссию по сочинению проекта Нового Уложения судиславскому купцу Григорию Федоровичу Бардину», в котором горожане обращаются к Екатерине II с просьбами передать суд из рук воеводы ратуше; построить для воеводы и его канцелярии казенный двор и отменить разорительные постои в купеческих домах; позволить строительство на выгонной земле; разрешить купцам покупать крепостных людей и землю по примеру костромских купцов для домашних нужд, отправления полицейских должностей и для отдачи в рекруты; установить запрет для крестьян на торговлю холстом и материями⁷.

Последняя просьба заслуживает особого внимания, т.к. торговля холстом и материями, а затем полотняное производство было значительным вкладом в благосостояние купечества. Из-под Костромы в Петербург «привозилось около трети всего российского холста»⁸. Судиславские купцы брали пример с купцов, строивших полотняные фабрики. Так, открывший в Ярославле по указу Петра I купец Затрапезный, часто приезжавший с семьей в судиславские окрестности, стал примером для местного купца Захарова, который открыл сначала деревянную, а потом – каменную полотняную фабрику⁹.

Но о судиславских купцах Петру I было известно не только в связи с производством и торговлей полотном, но и приверженностью к расколичеству, которая доходила до фанатизма. По указу Петра I некоторые судиславские купцы-расколичники были переселены на жительство в Петербург. Некоторые переселенцы даже «прославились» тем, что не пожелали присягнуть после смерти Петра Великого Екатерине I. По их словам, расколичники заплатили за свободу и не могли быть верными. Выдержав первую пытку, приведенные на пытку во второй раз, они объявили о готовности присягнуть императрице¹⁰.

Проблема борьбы с расколичеством существовала на протяжении столетий и волновала Романовых. К расколичникам примкнули самые богатые купцы, среди которых историки называют Захаровых, Дубовых. В 1828 году для борьбы с расколом в Судиславле царской волей вводится полицейское управление во главе с городничим, полицмейстером. Однако полицейские не могли приостановить рост влияния староверов. Главой старообрядцев был избран купец Н. А. Папулин, прозванный современниками Крезом. Его богатства включали денежный капитал, двухэтажный каменный замок за городом, большой дом в центре Судиславля, Торговые ряды, которые состояли из 36 лавок, деревянных балаганов, ларей и столов, коллекцию древних икон, рукописей, старопечатных книг. О богатстве купца пишет Ю. В. Смирнов: «...Папулин привез в Судиславль на 13 возах иконы древнего Строгановского письма, иконы Андрея Рублева, иконы митрополита Петра Московского»¹¹. Согласно историческим исследованиям, Папулин использовал труд скрывающихся в его скитах расколичников как свободную рабочую силу по сбору, скупке, переработке и продаже грибов, зарабатывая на этом более 100000 рублей серебром¹². А золото он чеканил в своем доме. Богатство сделало Папулина влия-

тельным и недостижимым. Бесценные сокровища культуры превратили купца в зна-тока иконографии, палеографии, археографии и местной истории.

Сохранились высказывания Николая I о Папулине и его деятельности. Ю. В. Смирнов приводит слова императора: «По вступлении на престол я узнал, что в этой богадельне содержится не двенадцать, а несколько сот человек, что он устроен в лесу в виде замка с подземными ходами, и в ней скрывается много беспаспортных и беглых. Узнал я это случайно: многие из причастных к заговору 14-го декабря направились туда, чтобы скрыться, и были пойманы. Я призвал к себе рано поутру Закревского (министра внутренних дел – Ю. С.) и шефа жандармов. Мы втроем рассуждали в этой комнате о том, какие принять меры, чтобы захватить всех беглых, скрывающихся в этой богадельне, и решили тем, чтобы министр внутренних дел и шеф жандармов, сохраняя всё это дело в тайне, отправили немедленно каждый по одному чиновнику в Судиславль. ... Но участники раскола Папулина успели проведать о моем распоряжении, и чиновники по приезде в Судиславль нашли замок пустым со свежими следами недавних жильцов и с глухой и полунемой старухой, которая ничего не могла рассказать, хотя бы и хотела, остальные скрылись. Следовательно, они были извещены о скором приезде чиновников. С тех пор прошло около десяти лет, но это дело, несмотря на мое личное в нем участие, нисколько не продвинулось»¹³. Озабоченность императора свидетельствует о том, что Судиславль с помощью Папулина был в то время крупным знаменитым центром старообрядчества. В скитах Папулина, названных богадельней содержалось 20 мужчин и 90 женщин¹⁴.

Жители Судиславля перестали посещать Преображенский собор. Об этом Николай I также был оповещен и отозвался о местных старообрядческих храмах как об «арабской сказке»¹⁵. Императорская семья всячески пыталась бороться с раскольников. Так, 15 мая 1837 года Преображенский собор посетили цесаревич Александр со своим воспитателем поэтом В. А. Жуковским с целью убедить горожан вернуться в православный храм¹⁶.

Визит оказал влияние на горожан. Но полиция, которая, по мнению священников, была заинтересована в увеличении штатов, убедила императора пойти на тайные аресты раскольников и изъятие староверческих святынь. Эти меры сделали из Судиславля уникальный «женский» город, т.к. мужское население из-за боязни преследований покинуло Судиславль, что отразилось на всех сферах жизни¹⁷. Функции уездного города перешли Бую.

По свидетельству историков, в 1846 году по личному распоряжению Николая I Папулин был тайно арестован и заключен сначала в Кирилло-Белозерский монастырь, а потом переведен на Соловки¹⁸. В памяти судиславцев Папулин оставался учителем, образцом для подражания, «батьюшкой»¹⁹.

В Судиславле помнили и о визите Александра. В память об убитом террористами царе Александре II в 1886 году на площади была построена каменная часовня²⁰.

Среди судиславских купцов был член комиссии по празднованию 300-летия династии Романовых в Костроме, куда были избраны самые именитые жители губернии. В 1908 году в комиссию вошел Иван Петрович Третьяков, один из самых богатых и влиятельных людей Костромской губернии, «миллионщик». И. П. Третьяков был награжден орденами Св. Анны 2 степени, Св. Анны и Станислава 3

степени, золотой медалью «За усердие» для ношения на Станиславской ленте и серебряной медалью. В 1885 году министр финансов утвердил Третьякова членом учетного комитета Костромского отделения Государственного банка. В 1906 году И.П.Третьяков стал директором Костромского комитета Попечительства о тюрьмах²¹.

Судиславль, «подлинная столица владений Третьякова», «при нём полностью преобразился и стал образцовым городом России»²². По ходатайству горожан Третьяков получил звание потомственного почетного гражданина Судиславля. Это звание было заслужено предпринимательской деятельностью, меценатством, развитием здравоохранения, просвещения, повышением уровня жизни горожан, поддержкой православия и Преображенского собора, который Третьяков рассматривал как место общественной жизни города, его центр. И. П. Третьяков стал гением Судиславля, своей родины, своих земляков. По статистическим данным Костромская губерния перед 1917 годом находилась на 4-м месте по уровню жизни в России. Как отмечает Ю. В. Смирнов, «уровень благосостояния судиславцев оказался гораздо выше среднего костромского уровня. Не случайно в окрестностях Судиславля стремились поселиться колонисты из Германии, стран Балтии, других регионов Российской Империи»²³. Подобное развитие места обусловлено личностным активным участием в воспроизведении культурно-нравственных ценностей, добродетелями, которые наделяют человека особыми полномочиями и миссией служения Родине.

Примечания

¹ Смирнов Ю. В. Судиславский Преображенский собор. Историко-краеведческое издание. Кострома, 2008. С. 4.

² Там же. С. 8.

³ Там же. С. 27.

⁴ Там же. С. 6.

⁵ Там же. С. 37.

⁶ Там же. С. 27.

⁷ Смирнов Ю. В. Судиславль и его окрестности. 1995. С. 14.

⁸ Там же.

⁹ Там же. С. 15.

¹⁰ Там же. С. 17.

¹¹ Смирнов Ю. В. Судиславский Преображенский собор. Историко-краеведческое издание. Кострома, 2008. С. 7.

¹² Смирнов Ю. В. Судиславль и его окрестности. 1995. С. 19–20.

¹³ Там же. С. 18.

¹⁴ Там же. С. 17.

¹⁵ Смирнов Ю. В. Судиславский Преображенский собор. Историко-краеведческое издание. Кострома, 2008. С. 8.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. С. 9.

¹⁸ Смирнов Ю. В. Судиславль и его окрестности. С. 20.

¹⁹ Там же. С. 21.

²⁰ Там же. С. 44.

²¹ Смирнов Ю. В. Торговое дело купцов Третьяковых // Губернский Дом. 1994. № 1. С. 28–31.

²² Смирнов Ю. В. Судиславский Преображенский собор. Историко-краеведческое издание. Кострома, 2008. С. 11.

²³ Там же. С. 14–15.

Н. П. Магер
г. Москва

ЗАГАДКА ИСТОРИИ ФОТОГРАФИИ ИЗ СЕЛА СИДОРОВСКОЕ

Удивительные находки порой встречаются на пути исследователя истории. В начале 2010 года на кафедре профессора КГТУ историка Смуровой О. В., мне довелось ознакомиться с репринтным изданием Костромской губернской ученой архивной комиссии «Празднование трехсотлетия царствования Дома Романовых в Костромской губернии 19–20 мая 1913 года». Составитель книги-альбома – Член Комиссии историк Н. Н. Виноградов. На страницах этого издания в послесловии помещена фотография, сопровождаемая текстом: «После отбытия Их Императорских Величеств из города Костромы, потомки Костромского крестьянина И. Сусанина, белопащцы села Коробова, изъявили желание сняться на фотографии в общей группе вместе с Костромским Губернатором Эта группа здесь и помещается. Подпись под фотографией гласит: «Белопащцы (потомки Сусанина) с губернатором П. П. Стремоуховым и Непременным Членом И. А. Трухиным.»

Любопытно, что незадолго до этого, в октябре 2009 у Королевой А. В., представительницы рода Магер, проживающей в Воронеже, в семейном архиве я видела эту фотографию без подписи. Мне представлялось, что это групповая фотография, на которой изображен мой дед, Магер Василий Устинович (1883–1960) во время службы в Крепости Петра Великого в 1915 году. А оказалось, изображено совсем иное. Меня заинтересовала история этой фотографии. Как и когда попала эта историческая фотография в наш семейный архив?

Где жили потомки Сусанина, изображенные на фотографии? В селе Коробово Костромской губернии. По сведениям историка Морозовой Н. С. потомки Сусанина жили также и в селе Сидоровское. А в этом селе с 1924 по 1930 год проживала семья Магер, где мой дед Василий Магер был рукоположен во диакона. Столетняя бабушка Павла Ивановна Морозова, которая в те годы пела в церковном хоре селе Сидоровское, сохранила в памяти образ диакона Василия.

Как потомки Сусанина оказались в селе Коробово? Ответ находим во вторичных источниках¹. Согласно жалованной грамоте Царя Михаила Романова от 1619 года потомки Сусанина за жертвенный подвиг Ивана Сусанина, спасшего Царя от поляков, получили в вечное пользование землю. Они были освобождены от всех налогов и податей, стали вольными крестьянами. С этого времени и до октября 1917 года прослеживается история многочисленного рода Сусанина, с 1633 года проживавшего в пустоши, затем ставшей селом Коробово Костромской губернии.

С каждым годом число потомков увеличивалось. Так, с 1767 года сохранились данные о 153 потомках Ивана Сусанина, в начале XIX века – 195, в середине XIX века – 225, а к 1913 году их насчитывалось около трехсот человек. В начале 30-х годов XVII века в пустоши Коробово считалось 18 четвертей пахотной земли, кроме этого были покосы. По новой Жалованной грамоте Коробово не могло никому передаваться и должно было оставаться в неотъемлемом владении рода Сабининых (Сабинин – зять Сусанина).

В 1836 году при приезде Императора Николая I в Костромскую губернию им было обращено внимание на особую бедность белопашцев, как здесь называли потомков Сусанина, и было принято решение исследовать их положение. Специальная комиссия сделала вывод о том, что земли и другие угодья в Коробово небогатые и урожаи давали малые, так что коробовским жителям приходилось заниматься отхожими промыслами и ремеслами. Были они бурлаками, строителями, токарями, пряли лен, шили крестьянские одежды, шапки, изготавливали крестики, серьги, цепочки. Это они были родоначальниками нынешнего ювелирного производства в селе Красном. Многие уехали в Москву, Воронеж, Ярославль, Кострому, выправив себе вечный паспорт, то есть засвидетельствованную копию Царской грамоты.

При Николае I сусанинцам добавили к скудному их наделу свыше 700 десятин земли. Она переходила по наследству от родителей к детям. Если после отца в семье оставалась дочь, она получала с братьями равную долю земли. В случае же ее замужества земля возвращалась братьям. Родители могли передать землю дочери в качестве приданого. Если же девица выходила замуж за белопашца, то земля оставалась за ней. Интересен и тот факт, что земля оставалась за белопашцами, проживающими в других местах, но пользовался ею временно староста.

Вопрос о правах и привилегиях или о подлинном происхождении белопашцев возникал неоднократно. В грамоте Императрицы Екатерины II отмечено, чтобы белопашцы «наикрепчайше посторонних в их звание отнюдь ни под каким видом не принимали под опасением императорского гнева». Была проведена проверка рода коробовских белопашцев, но из-за отсутствия ряда документов она не дала никаких результатов, поэтому так и осталось мнение, что в числе белопашцев появились пришлые люди.

Отсутствие над ними административного и полицейского надзора сделало их село местом, где жили фальшивомонетчики, сектанты, раскольники и прочие укрывающиеся от властей лица. Для пресечения этого одно время в Коробово была поставлена рота солдат, а в 1859 году Указом Царя Александра II за укрывательство беглых и раскольников четырнадцать семей коробовских белопашцев и три бобылки были высланы по одной-две семьи в удельные имения по всей Волге и даже в Архангельскую, Вятскую губернии, на Каму и другие места. Переселение проводилось под строгим надзором властей, и если кто-либо из переселяемых задумывал сбежать, его ждала ссылка в Сибирь.

Оставшиеся белопашцы продолжали пользоваться теми же льготами, но они были под наблюдением губернского начальства и непосредственно Управления Костромской удельной конторы. Нравственное попечительство над ними возлагалось на священника Коробовской церкви протоиерея Леонардова. Несмотря

на частичное сокращение льгот и преследование отдельных белопащцев, Династия Романовых на протяжении своего царствования оказывала и другие знаки внимания потомкам Сусанина. В программу встреч Царей, периодически посещавших Кострому, неизменно входили и встречи с потомками. Последняя такая встреча состоялась 20 мая 1913 года в Костроме по случаю торжеств в честь 300-летия Дома Романовых.

Занимавшийся историей коробовских белопащцев историк Н. Н. Виноградов² писал: “Пропаганда учения странников, запрещавшего, между прочим, признавать властей и царя, оказалась настолько сильной, что когда государь император Александр II посетил с. Коробово, то значительная часть белопащцев <...> не только не вышли встречать царя, но намеренно отправились в лес или в поле”. Такое чрезвычайное происшествие не могло не иметь для коробовцев тяжёлых последствий. Правда о неприглядных сторонах жизни потомков Сусанина наконец-то всплыла наружу. Разобраться с ситуацией на месте был прислан из Петербурга особый чиновник – действительный статский советник Неклюдов. Его миссия завершилась тем, что в один из дней Коробово было оцеплено солдатами и в селе устроили повальный обыск. По результатам расследования и обыска последовало высочайшее повеление костромскому губернатору от 23 октября 1859 года, в преамбуле которого говорилось: “Потомки Ивана Сусанина, Костромской губернии, белопащцы села Коробова не могут быть далее терпимы, завели у себя в селении и окрестных лесах притоны для беглецов и бродяг”. Для “искоренения такого зла” Александр II повелевал 14 семейств белопащцев выселить “в разные отдаленные удельные селения, исключить из звания белопащцев, лишив сопряженных с сим преимуществ, а также пожалованных кафтанов, кто их имеет; подчинить сих переселённых всем податям и повинностям, которые несут удельные крестьяне, и учредить строгий за сими переселенцами надзор. Но дабы не распространять наказание на невиновных, то детям, рожденным и имеющим родиться в переселённых семействах, предоставить право по достижению совершеннолетия и с одобрения удельного начальства возвратиться на свой счет в село Коробово, в сословие белопащцев, с теми правами себе и потомству своему, какими в то время коробовские белопащцы будут пользоваться”.

В силу царского повеления 14 семейств коробовских белопащцев – причём глав семейств заковали в кандалы – были выселены из Коробова и отправлены частью в Симбирскую, частью – в Саратовскую губернии, где они и их потомки и жили впоследствии. В советское время, когда иногда вспоминали об этом неприглядном эпизоде в истории коробовских белопащцев, то обычно возмущались (не вдаваясь в излишние подробности) произволом и жестокостью, которыми “проклятый царизм” отплатил потомкам Сусанина. Однако нельзя не признать, что по законам того времени подобное наказание было в данных обстоятельствах неизбежным. Впрочем, подобный случай гонения на потомков Сусанина был единственным, и впоследствии – вплоть до революции 1917 года – отношение верховной власти к коробовцам оставалось неизменно благожелательным.

Среди обширного научного наследия Н. Н. Виноградова выделяется целый ряд статей, посвящённых почти всем аспектам сусанинской темы, как никто до него из историков знающий источники по периоду Смутного времени на

костромской земле, Н. Н. Виноградов активно защищал традиционную трактовку подвига Сусанина. Особое место среди его работ занимает цикл статей под общим названием «Об Иване Сусанине», опубликованный в Костроме в 1915 году. Судя по всему, в планах Н. Н. Виноградова было создание большого труда о Сусанине. К сожалению, этому труду не суждено было появиться: началась революция, надолго сделавшая изыскания о Сусанине и споры историков о нём неактуальными. Даже цикл «Об Иване Сусанине», опубликованный всего лишь за год с небольшим до революции, по сути, так и не успел стать фактом исторической науки.

Это труд Н. Н. Виноградова, исследователя универсального плана: краевед, диалектолог, этнограф, археолог, театровед, знаток музейного и архивного дела, страстный коллекционер. Он знал историю православия и Православной Церкви.³

Н. Н. Виноградов – участник подготовки к торжествам трехсотлетия царствования Дома Романовых. 16 сентября 1910 г. Н. Н. Виноградова зачисляют служителем канцелярии Костромского губернатора. Благодаря поддержке губернатора П. П. Шиловского он исполнял обязанности старшего помощника правителя канцелярии губернатора с февраля 1911 г. Его назначают сверхштатным чиновником особых поручений Костромской Архивной комиссии и Музея. Он активный член «Общества изучения родного края». Покровительство Костромского губернатора, продолжалось до конца 1912 г. когда П. П. Шиловского перевели губернатором из Костромы в отдаленный в Олонецкую губернию. Но доверительные отношения сохранялись и позднее. Одна из причин их продолжения та, что Н. Н. Виноградов отвечал за «историческую часть» подготовки к торжествам в честь 300-летия Дома Романовых, включая издание многочисленных популярных работ, составление итогового монументального описания пребывания царской семьи на Костромской земле и, наконец, создание Романовского музея Костромской архивной комиссии. П. П. Шиловского же живо интересовал ход подготовки к торжествам и их проведение, когда в середине января 1913 года «бразды правления» в Костроме брал новый губернатор П. П. Стремоухов. Накануне Романовских торжеств П. П. Шиловский получил приглашение костромичей участвовать в празднестве. Да и как могло быть иначе? В подготовку торжеств он вложил немало сил. Шиловский обратился к министру за разрешением на поездку в Кострому и получил, как он рассказывал корреспонденту петербургской газеты, грубый отказ⁴. Н. Н. Виноградов же в 1913 г. составил книгу «Описание приезда царя Николая II в г. Кострому», за что получил высочайшую награду: золотые часы и знак Святого Станислава 3-й степени. Отношения с губернатором П. П. Стремоуховым у чиновника по особым поручениям при его канцелярии не заладились. После очередной ссоры в 1916 г. Н. Н. Виноградов подал рапорт об отставке и уехал из Костромы в Москву.

На фотографии изображен Петр Петрович Стремоухов (1865– после 1919). Губернатор в Сувалках (1904–1910), в Саратове (1911–1912), в Костроме (1913–1915), в Варшаве (1915). Уполномоченный по денежным делам в Ярославской и Костромской губерниях (1916). Директор департамента общих дел МВД (1916–1917).

Помощник Главного начальствующего Северного Кавказа (1919). В феврале 1920 г. Главное управление переведено из Пятигорска во Владикавказ. П. П. Стремоухов – помощник начальника Минераловодского района. Таковы даты его биографии⁵.

Встает вопрос, кто из людей, связанных с родом Магер, изображен на фотографии столетней давности? Магер В. У. выходец из Виленской губернии Российской империи. В 1910–1914 гг. служил на Закавказской железной дороге. В 1914–1917 гг. служил в Крепости Петра Великого, что под Ревелем. В 1917–1924 гг. проживал в Красноярске, работал на железной дороге. В Костромской край прибыл позже, в 1924 году. До 1930 года он проживал с семьей в селе Сидоровское Нерехтского уезда (ныне Красносельский район). В последующие годы Василий Магер служил в селах, где его потомки живут поныне. (Семигорье, Наволоки, Шалдово, Воздвиженское, Солдога, Крутой Враг, Новлянское, г. Плес, Сидоровское), которые находились по пути следования императорской флотилии в пределах Костромской области.

В своем труде⁶ П. П. Виноградов, описывая следование Императорской флотилии по Волге, свидетельствует: Общий энтузиазм жителей прибрежных селений не знал границ. За много верст стекались костромичи на берег Волги, чтобы не упустить случая видеть, хотя издали, Государя и Его Семейство. Деревни не вмещали собравшихся, и громадные массы народа располагались лагерем на открытых местах прямо на берегу реки. По населенным пунктам береговой полосы Волги, еще за несколько дней начались усиленные работы по украшению берегов реки арками, с надписью «Боже, Царя храни!», национальными флагами, вензелями, государственными гербами и мачтами, перевитыми гирляндами и лентами национальных цветов. Невозможно пройти мимо выражений народного восторга, не упомянув о них хотя вкратце.

Правый берег Волги. Кинешемский уезд. В Жирятинской волости были поставлены арки у селений: Черный Враг, Шалдова. Все пристани у села Семигорье декорированы национальными флагами и зеленью. В Дюпихинской волости устроены были арки у погоста Богослова, деревни Погорелок, Коростелева. Кроме того фабрика в селе Наволоках и паромная пристань были убраны зеленью и расцвечены флагами.

В уездном городе Кинешме все береговые постройки были украшены национальными флагами и зеленью; во многих местах стояли мачты со щитами и флагами. Вся местность около гавани была декорирована зеленью и перекидными полотнищами с надписью «Боже, Царя храни!». На казенных зданиях ряло бесчисленное количество различного размера флагов, а около зданий на мачтах были размещены, украшенные зеленью портреты: Царя и Великого князя Михаила Федоровича и их Императорских Величеств ныне благополучно царствующего Государя Императора, Государыни Императрицы и Наследника Цесаревича. По городской набережной и бульвару были расставлены флаги и мачты со щитами и лентами, а против пристани паромства «Кавказ и меркурий» возвышалась большая, красиво отделанная белая арка, с государственным гербом и флагами. На откосе бульвара, против дома Миндовского, были поставлены инициалы Имен Государя Императора и Государыни Императрицы, освещенные разноцветными электрическими лампочками. Все паромные пристани,

нефтяные баки, баржи и разного рода суда были убраны национальными флагами и гирляндами зелени. В городе Кинешме на пристани пароходства «Самолет» депутация горожан для поднесения хлеба соли его императорскому высочеству Наследнику Цесаревичу. Императорская флотилия мимо Кинешмы прошла чрезвычайно замедленным ходом, что доставило возможность собравшемуся в громадном количестве народу увидеть Государя Императора и его августейшее семейство. Предназначенные к поднесению хлеб-соль были приняты для доставления по назначению, на моторной лодке, заходившей в Кинешму для принятия телеграфной корреспонденции на Высочайшее Имя. Фабрики Коновалова, Севрюгова были декорированы множеством национальных флагов, причем против фабрики Коновалова был устроен подвижной щит с инициалами Их императорских Величеств Государя Императора, Государыни Императрицы и Вдовствующей Императрицы Матери и Государственным гербом, украшенный зеленью и освещенный разноцветными электрическими лампочками.

По левому берегу реки Волги близ селений Кинешемского уезда были устроены арки – в Ильинской, Николаевской Комаровской волостях. Наиболее выделялись своим убранством арки близ фабрик. В Воздвиженской волости высились арки близ селений Воздвиженского, Солдоги, Хмелева. На территории Георгиевской волости устроены были арки близ многих селений, включая Крутой Враг, Новлянское. Собравшийся отовсюду народ, расположенный группами по обоим берегам Волги по всему пути следования Императорской флотилии, восторженно приветствовал своего обожаемого монарха и его августейшее Семейство несмолкаемыми криками «ура» и бросанием вверх головных уборов. Мимо населенных пунктов Царская флотилия проходила замедленным ходом и весь народ мог лицезреть Императорскую Семью, расположившихся на борту передней части парохода «Межень». На приветственные крики народа и разнообразные выражения охватившего всех восторга, с парохода отвечали приветствием. Его Величество изволили кланяться. Нужно отметить поразительный энтузиазм, охвативший в это время народные массы и вызвавший настоящий взрыв глубоко патриотического чувства. Крестьяне бросали свои полевые работы, фабричные рабочие прекращали работы на фабриках, все рвались душой на берег Волги, чтобы иметь счастье лицезреть своего Государя.

Прибрежные населенные места Нерехтского и Костромского уездов по пути следования Высочайшей флотилии, в особенности г. Плес, местными жителями были украшены национальными флагами, цветами, арками, гирляндами зелени и т. п., причем местное духовенство совместно с жителями встречало Высочайших особ возле арок с крестом и в полном облачении. В Плесе после проследования Государя Императора был отслужен местным духовенством в соборе благодарственный Господу Богу молебен о благополучном путешествии Высочайших Особ. В Костромском уезде при следовании Царской флотилии местными жителями были устроены арки, украшенные флагами, куда выходило в облачении со Святым Крестом духовенство, а также стекался народ из ближайших селений для приветствования проходившей мимо флотилии; кроме сего, при прохождении флотилии мимо сел, везде раздавался колокольный звон. Вероятно, звонили колокола Никольской церкви села Сидоровского.

Императорская флотилия остановилась на ночлег близь большого торгово-промышленного села Красного.

В семейном архиве сохранились фотографии волжских берегов в разные периоды XX века, которые также можно рассматривать в историческом ракурсе.

Примечания

¹ Сусанины среди нас История и судьбы потомков легендарного героя [Электр. ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cofe.ru/blagovest/article.asp?heading=27&article=12253>.

² Сусанин в истории России. Взлёт и падение коробовских белопащцев [Электр. ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kostromka.ru/history/susanin/zontikov/138.php>.

³ Савватеев Ю. А. Н. Н. Виноградов – Человек дела [Электр. ресурс]. – Режим доступа: <http://www.hcpncr.com/journ709/journ709savvateev.ht>.

⁴ Губернатор Шиловский [Электр. ресурс]. – Режим доступа: http://www.businesspress.ru/newspaper/article_mId_37_aId_55993.html

⁵ Штаб Кавказской Добровольческой армии. Главное управление [Электр. ресурс]. – Режим доступа: Северного Кавказа white.russia1.narod.ru/CITIZI/KAVKAZ.htm

⁶ «Празднование трехсотлетия царствования Дома Романовых в Костромской губернии 19–20 мая 1913 года» / сост. Н. Н. Виноградов. Губернская типография. Кострома, 1914.

С. А. Сиушев
г. Кострома

**АЛЕКСАНДР III КАК ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ ГЛАЗАМИ
ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ИСТОРИКОВ**

Во все времена историю творит человек, поскольку все, что он делает, является частицей того времени, в котором он живет и которое станет затем историческим периодом, изучаемым следующими поколениями. Но безусловным является то, что история не может существовать без ярких личностей, которые своими действиями не только оставляют заметный след при жизни, но и влияют на дальнейшее развитие своего народа, страны, человечества.

Такие люди существовали во все времена, и XIX век не стал исключением. В истории нашей страны это время отмечено появлением целого ряда персон выдающихся деятелей, среди которых важное место занимают российские императоры. Правление каждого из них имело свои индивидуальные черты. Среди правителей последних десятилетий XIX века на политическом небосклоне ярко выделяется имя императора Александра III, за небольшой срок правления которого произошли значительные изменения, сказавшиеся как на внутривнутриполитическом курсе страны, так и на международном положении российского государства.

Личность Александра III, как и любая яркая историческая личность, вызывает множество споров и самые различные, подчас полярные оценки его государственной деятельности и личностных качеств.

Время прихода к власти Александра – начало 80-х годов XIX века было периодом быстрого развития в России революционных народолюбивых настроений, ожидания проведения реформ во всех сферах жизни государства, демократизации общества. Надежды на перемены возлагались на правление нового императора, который, однако, вскоре объявил противоположный политический курс, что повлекло за собой отрицательное отношение к нему со стороны либерально настроенной части общества.

Таким образом, в российском обществе точки зрения по поводу оценки личности и деятельности Александра III разделились еще при его жизни.

Анализ оценок личности императора, появившихся в отечественной историографии за период со времени начала его правления до наших дней, сегодня приобретает особую актуальность, поскольку, освободившись от довлевшей долгое время над обществом коммунистической идеологии, мы получили возможность отказаться от однозначных суждений и штампов и дать наиболее объективную оценку исторической деятельности такой противоречивой фигуры, как Александр III. Кроме того, на его примере мы можем рассмотреть, какие качества личности и государственного деятеля необходимы лидеру, чтобы вывести страну из тяжелого кризисного состояния, при этом не допустив повторения ошибок и просчетов прошлого.

К первой группе можно отнести работы, относящиеся ко времени с начала царствования Александра вплоть до революции 1917 года. Оценки личности и политики императора можно найти в трудах В. О. Ключевского, С. Ф. Платонова, А. А. Корнилова¹ Важность этих работ, помимо того, что они были созданы профессиональными историками, заключается в том, что они отражают отношение к правлению императора представителей различных политических партий, к которым принадлежали авторы.

Например, являясь членом партии кадетов, т. е. будучи представителем либерального политического крыла, А. А. Корнилов в своей работе «Курс истории России XIX век» утверждает, что император придерживался «ультраконсервативных взглядов» и прислушивался в основном к советам reactionеров². К точке зрения Корнилова близко мнение представителя марксистов Г. В. Плеханова, который в своей статье «Царствование Александра III» дает характеристику его правления, как периода дворянской реакции, утверждая, что дворяне и буржуазия непосредственно влияли на политику правительства, а сам император «фактически не управлял ничем. Пользуясь этим, реакционная партия составила свой план действий, который она с настойчивостью проводила в течение тринадцати лет»³.

Причины выбора консервативного курса в своей политике императором освещаются в работах дореволюционного периода. Один из приближенных к монарху министр финансов С. Ю. Витте свидетельствовал о том, что Александр начал интересоваться политическими делами в период, когда в российском обществе сочетались правительственная реакция с революционным движением. Он объясняет консервативность императора тем, что в момент прихода к власти ему «казалось необходимым с этим революционным течением поступить резко и твердо». Это кажется вполне логичным, потому что Александр вступил

на престол после смерти своего отца, убитого народовольцами и считал, что «большинство русских бедствий происходило от неуместного либерализма чиновничества»⁴. Император был уверен в том, что обществу были даны слишком широкие права, которые в дальнейшем могли привести к хаосу и беспорядкам. Это и стало главной причиной того, что он решил приостановить ход либерального политического курса.

Практически все исследователи сходятся в оценке Александра III, как сторонника самодержавных принципов, проводившего политику, основанную на собственном мнении и отношении к происходящему. Однако авторы по-разному объясняют причины выбора единоличного характера управления государством. Например, по свидетельству современника императора Н. А. Епанчина изначально Александр был уверен, что настоящую информацию о проблемах обычных людей может дать только сам народ, поэтому он планировал возобновить проведение Земских Соборов. Однако, по мнению автора, на окончательное решение оказал сильное влияние К. П. Победоносцев, который видел в созыве Соборов сходство с европейским парламентом, т. е. попытку ограничения самодержавной власти⁵. Таким образом, Н. А. Епанчин указывает на то, что на принятие императором самодержавных принципов государственного управления повлияло прежде всего его окружение.

Многие достаточно образованные современники Александра относились к нему с уважением, как к императору. Часто окружающие отмечали, что царь, не имея определенных знаний, руководствовался в своих действиях здравым смыслом в сочетании с его жизненными принципами, что приводило к положительным результатам. Так, например, С. Ю. Витте в своих «Воспоминаниях» отмечал, что император «обладал благороднейшим царским сердцем», какое могло быть «с одной стороны врожденным, а с другой стороны – неиспорченным жизнью»⁶. По мнению Витте, у Александра III был выдающийся «ум сердца, присутствие которого часто в положении лиц, которым приходится умом предвидеть, предчувствовать, переопределять, важнее ума рассудка»⁷.

В советское время появляется вторая группа исследований, для которой была характерна оценка государственной деятельности Александра III, как и других монархов, с негативной точки зрения. В основе ее лежало мнение о времени царствования императора, как о периоде упадка всего российского общества. Советские ученые брали за основу мнение, выраженное В. И. Лениным в работе «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?». В этой статье дается общая оценка правительственной политики в царствование Александра, как «разнузданной, невероятно бессмысленной и зверской реакции»⁸.

В советской историографии было принято мнение об Александре III, как о недалеком, ограниченном человеке⁹, однако при этом подчеркивалось, что его политика не только выражала интересы дворянского сословия, но и совпадала с его личным мнением о правильном государственном управлении.

В 1990-е годы отношение к Александру III в отечественной историографии вновь стало меняться. Самодержавные принципы правления императора получают новые объяснения, что отражается в третьей группе исторических исследований, появившихся в постсоветский период.

Например, историк В. Г. Чернуха в своей статье «Александр III» сравнивает психологию императора с психологией единоличного хозяина большого поместья, который понимает и несет всю ответственность за его сохранение на себе¹⁰. В российской исторической науке 1990-х – начала 2000-х годов стремление Александра III к сохранению самодержавных форм правления объясняется тем, что император воспринимал власть, как собственность, данную от Бога, а людей, говоривших о народовластии, как воров, посягавших на его нательную рубаху¹¹.

В. Г. Чернуха выделяла в поведении императора сочетание демократизма и высокомерия носителя верховной власти. Исследователь свидетельствует о том, что монархические черты доминировали в нем над сознанием государственного человека и ярко проявлялись в его политике. В моменты, когда его человеческие качества и убеждения совпадали с целями правительственной политики, его действия были успешными. Однако в тех случаях, где требовалась дальновидность, разносторонность, компромиссность политика Александра была обречена на провал¹².

Историк А. Н. Боханов в своей работе «Александр III» объясняет пренебрежение императора к использованию демократических принципов в государственном устройстве тем, что видя в империи немало неполадок и изъянов, он был убежден в необходимости поиска национальных путей в будущее, т.к. считал, что Россия слишком своеобразная страна, чтобы легкомысленно использовать западные модели¹³.

Многие авторы отмечали у императора развитое чувство ответственности по отношению к благополучию своего государства и живущим в нем людям. С. Ю. Витте писал, что Александр III был «образцовый начальник и хозяин»¹⁴, который всегда был надежен в своих обещаниях.

В то же время и во внешней политике проявились особенности, ярко выделившие Александра среди предшествовавших ему императоров. За весь тринадцатилетний срок его правления Россия ни разу не участвовала в каких-либо войнах и практически не вела завоевательных экспедиций. Это был беспрецедентный случай за всю историю российского государства.

Многие исследователи констатируют, что время царствования Александра III явилось периодом относительного мира и спокойствия не только для нашей страны, но и для Европы в целом. В качестве одной из причин такого положения они напрямую указывали миролюбивый характер внешней политики российского императора, который стремился обеспечить не только мирное существование своего народа, но и способствовал сохранению мирной обстановки на мировой политической арене. Благодаря этой особенности Александр вошел в российскую историю, как «царь-миротворец».

В отечественной историографии, в том числе и советской, именно эта черта ставилась в качестве одного из главных достоинств правления Александра III. По мнению С. Ю. Витте, наиболее важной чертой характера Александра, которая помогала ему проводить мирную внешнюю политику, была не уступчивость, а справедливая, непоколебимая твердость¹⁵. Безопасность Российской империи при Александре III, согласно С. Ю. Витте, строилась на том, что император

сумел, с одной стороны, внушить за границей уверенность, что не пожелает никаких захватов и не затеет никакой авантюры, а с другой стороны, ни в каком случае не поступится честью и достоинством России¹⁶.

Внешняя политика Александра, по мнению историков, несла на себе такой же отчетливый отпечаток личности монарха, как и внутренняя. Его доходящая до грубости откровенность, прямолинейность часто приводили к созданию опасных ситуаций в отношениях с другими государствами. Однако сохранять баланс мира ему часто помогал здравый смысл и личное отвращение к войне, приобретенное в юности во время участия в русско-турецкой войне 1877–1878 гг.¹⁷.

По мнению современных исследователей О. И. Барковец и А. Н. Крылова отказ от практики военных действий, а также смена дипломатических ориентиров на сближение с Францией, создавшая своеобразную систему противовесов в европейской международной политике 1880–1890-х годов и способствовавшая сохранению мира, стали основными причинами подъема престижа России в Европе во второй четверти XIX века¹⁸.

По мнению В. О. Ключевского во время царствования Александра в историческом сознании мира совершился глубокий перелом, который изменил отношение западноевропейских народов к русскому и русского к ним¹⁹. Согласно В. О. Ключевскому, на протяжении всех предшествующих исторических периодов в Европе отношение к русскому народу строилось на предубеждении, согласно которому Россия представляла собой «авангард азиатского варварства, вечную угрозу европейской цивилизации»²⁰. В своей работе «Исторические портреты» В. О. Ключевский указывает на то, что после смерти Александра III Европа признала, что «Царь русского народа был и государем международного мира и порядка»²¹, чем Россия подтвердила свое историческое призвание. Таким образом, историк считает главной заслугой Александра III то, что он своей международной деятельностью «способствовал признанию Европой России необходимой частью своего культурного состава, кровным членом семьи своих народов»²².

Однако С. Ю. Витте в своих «Воспоминаниях» напротив свидетельствовал, что Александр своим внешнеполитическим курсом желал продемонстрировать, что ему не нужно ни с кем политических дружб, он считает Россию настолько сильной и властной, что может ни от кого в поддержках не нуждаться, а те, кто хотят играть заметную роль в мировой политике, должны сами искать расположения у России и ее монарха.²³ По мнению С. Ю. Витте, основным мотивом миролюбивой внешней политики Александра было нежелание подвергать риску и лишениям население своей страны.

В качестве вывода можно сказать, что в отечественной историографии оценки внутри- и внешнеполитического курса Александра III даже у одних и тех же исследователей были зачастую резко противоположными. Так, например, В. О. Ключевский, положительно оценивая внешнеполитический курс императора, не поощрял его внутривнутриполитической деятельности, сочетавшей в себе твердые самодержавные принципы и отказ от либерального курса своего отца Александра II.

Современник императора известный художник А. Н. Бенуа наиболее негативными чертами императора считал «ограниченность интеллекта, примитивность

и грубость суждений, не всегда счастливы выбор сотрудников, а также принимавший подчас мелочные и бестактные формы национализм»²⁴. Однако в то же время важным качеством императора, которое могло привести Россию к стабильности и внешнему миру современник выделял умение Александра быть крепким в суждениях, способность «держаться и сдерживаться»²⁵, иметь на вещи свое мнение. Он указывал на то, что император был честен, прост и в то же время достаточно бдителен, «без кровопролитных войн, без особенных угроз, озабоченный тем, чтобы сохранить в добром состоянии «вверенную ему богом» страну, являл в семье прочих государей некую твердыню – надежную для друзей, грозную для врагов»²⁶.

Многие современники императора были уверены в том, что если бы царствование Александра III не было бы таким коротким, в дальнейшем он бы повел Россию по пути либеральных реформ. Однако в советской науке и среди современных историков бытует мнение, что Александр III, воспринимавший самодержавную власть, как собственность, данную от Бога, вряд ли мог прийти к мысли о необходимости проведения либеральных реформ²⁷, а известный ученый А. Н. Боханов характеризовал Александра, как человека, органично вписавшегося в обстоятельства своего времени, правившего «удивительно легко и естественно», будучи глубоко уверенным в правильности выбранного курса, сознавая при этом всю ответственность монарха²⁸.

Как бы то ни было, нельзя оставить без внимания тот факт, что во время правления Александра III при всех положительных и отрицательных качествах его как личности и государственного деятеля, при нем значительно выросли объемы промышленного производства, наблюдался экономический рост, расцвет культуры, на поддержку которой император не жалел сил и средств, страна приобрела стабильное внешнеполитическое положение. Таким образом, «хозяйское» отношение к своему государству монарха дало свои плоды и не стоит обвинять Александра III, что он был воспитан в духе почитания самодержавного правления и руководил страной в согласии со своими принципами и убеждениями.

Примечание

¹ *Ключевский В. О.* Исторические портреты. М.: Современник, 2005. 545 с.; *Корнилов А. А.* Курс истории России XIX век. М.: Высшая школа, 1993. 446 с.; *Платонов С. Ф.* Лекции по русской истории: Учебник русской истории. СПб.: Стройлеспечать, 1993. 715 с.

² *Корнилов А. А.* Курс истории России XIX век. – М., 1993. С. 404.

³ *Плеханов Г. В.* Царствование Александра III // Сочинения. Т. XXIV. М. ; Л., 1927. С. 166.

⁴ *Витте С. Ю.* Воспоминания. Т.1. М., 1960.

⁵ *Епанчин Н. А.* На службе трех императоров // Александр III: Воспоминания. Дневники. Письма: Сборник статей и документов. СПб., 2001. С. 192.

⁶ *Витте С. Ю.* Воспоминания. Т.1. М., 1960. С. 407.

⁷ Там же. С. 408.

⁸ *Зайончковский П. А.* Российское самодержавие в конце XIX столетия- М., 1970. С. 28.

⁹ Там же. С. 37.

¹⁰ *Чернуха В. Г.* Александр III // Александр III: Воспоминания. Дневники. Письма: Сборник статей и документов. СПб., 2001. С. 32.

- ¹¹ Там же.
¹² Там же. С. 34.
¹³ *Боханов А. Н.* Император Александр III. М., 2001. С. 288.
¹⁴ *Витте С. Ю.* Воспоминания. Т.1. М., 1960. С. 409.
¹⁵ Там же. С.410.
¹⁶ Там же.
¹⁷ Там же. С.411.
¹⁸ *Барковец О. И., Крылов А. Н.* Тринадцатый император – тринадцать лет на троне / Наука в России. 1995. № 1–2. С. 69.
¹⁹ *Ключевский В. О.* Исторические портреты. М., 2005. С. 223.
²⁰ Там же.
²¹ Там же. С. 224.
²² Там же.
²³ *Витте С. Ю.* Воспоминания. Т. 1. М., 1960. С. 421.
²⁴ *Бенуа А. Н.* Мои воспоминания // Александр III: Воспоминания. Дневники. Письма: Сборник статей и документов. СПб., 2001. С. 228.
²⁵ Там же.
²⁶ Там же.
²⁷ *Чернуха В. Г.* Александр III // Александр III: Воспоминания. Дневники. Письма: Сборник статей и документов. СПб., 2001. С. 37.
²⁸ *Боханов А. Н.* Император Александр III. М., 2001. с. 290.

Н. И. Рожкова
г. Москва

РУССКО-ПОЛЬСКИЕ ЯЗЫКОВЫЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ КОНЦА XVII – НАЧАЛА XVIII ВЕКА В СФЕРЕ СВЕТСКОГО БЫТА РУССКОГО ДВОРЯНСТВА

XVII – начало XVIII век – это время одного из ранних этапов западноевропейского влияния, которое в данный период наиболее интенсивно шло с юго-запада, т. е. с польско-украинского направления.

Какая же связь между историческими событиями, бытом людей и языком?

Вот что писал по этому поводу Ю. М. Лотман: «История проходит через Дом человека, через его частную жизнь. Не титулы или царская милость, а «самостояние человека» превращает его в историческую личность»¹.

Всякая структура, обслуживающая сферу социального общения, есть язык. По большому счету, задача показать историю через язык – это задача не историка, а лингвиста. Но это не совсем так. Существует такая поговорка: «Что имеем, то поем», то есть наш язык указывает на те реалии, которые нас окружают. Слово живет и умирает вместе с предметом, со временем, это слово выросшим, а вот как раз течение времени и изучает история. В этом случае задачи истории и лингвистики совпадают – увидеть через прошлое настоящее.

В результате проведенной работы выделились три группы тем, наиболее популярные в конце XVII – начале XVIII вв. – это война, устройство государственной машины и быт людей.

В рамках направления конференции, мы рассмотрим лишь один блок – это тематическая группа «Дворянский быт. Светская жизнь». В сводной таблице заимствований из польского языка их насчитывается немного, всего лишь 71 (были проработаны следующие словари на предмет польских заимствований: Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Михельсон М. И. Русская мысль и речь: Свое и чужое: Опыт русской фразеологии: Сборник образных слов и выражений, иносказаний. Михельсон М. И. Ходячие и меткие слова: Сборник русских и иностранных цитат, пословиц, поговорок, пословичных выражений и отдельных слов (иносказаний). Славянские древности: Этнолингвистический словарь. Современный словарь иностранных слов. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка).

В эту группу были отнесены слова, так или иначе связанные с дворянской светской жизнью, предметами одежды, аксессуарами. Здесь представлены слова – символы времяпрепровождения дворян, характеризующие это сословие. Например, «дама», «симпатия» – по отношению к даме, «особа», «кавалер», «фанатерия», «франт» и некоторые другие. Эти слова пришли к нам из французского языка, как и многие французские «светские» слова свою популярность получили с XVIII в., но дорогу в «русскую жизнь» нашли в XVII в. при польском посредстве. Вот что пишет М. Фасмер по отношению к слову «франт»: «Через польский. Стар. *Франтовские штуки* «проделки, проказы» уже в 1677 г. у Тяпкина (русский резидент в Речи Посполитой)»². П. Я. Черных в своем словаре в данном случае не опровергает мысли и высказывания Фасмера: «В русский язык это слово попало, может быть, еще в XVII в. ... вероятно, из польского. Первоначально обозначало «шут, скомрах». Но к началу XIX в. это слова получило новое значение, близкое к значению слова *петиметр* – «модник, щеголь» и окончательно вытеснило последнее»³.

Особое внимание обращает на себя тот факт, что большинство «светских» слов обозначают или предметы гардероба (туалета) или предметы игры (в карты или бильярд). Например, «парик, или по-старому, парука», «букли», «пудра», «физжмы» – предметы туалета дворянина; «кий», «козырь», «туз», «машкарад» – игры и светские развлечения, и так далее. Как показывают словари, именно в XVII в. в России начинает оформляться дуэльный кодекс – обязательный атрибут дворянского сословия. Появляются такие слова, как «поединок», «секундовать», хотя само слово «секундант» – немецкое, «сатисфакция» и некоторые другие.

В данном разделе очень интересно рассмотреть историю развития на русской почве таких слов, как «шляхтич» и «пан» и производных от них.

Шляхтич – «дворянин», производное от слова *шляхта* – «мелкое дворянство в Польше, в Западной Украине и в Западной Белоруссии». Из понятия, узко территориального, это слово на рубеже XVII–XVIII вв., при Петре I, приобрело иную окраску. Шляхтичем стали называть не просто дворянина, а молодого человека, преуспевающего в науке светскости, в науке быть «галантным» «кавалером».

Это был эталон светски воспитанного молодого человека. В эпоху Петра I появляются производные от данного слова: *шляхетность* – «благородство», *шляхетский* – «благородный». Уже в начале XVIII в. под воздействием моды на все французское, появляется слово *галант* – синоним слова *шляхетность*, которое на русской почве стало так же обозначать «благородство», «умение держать манеры». Примером популярности слова *шляхтич*, *шляхетский* стал тот факт, что появившееся в 30-е гг. XVIII в. закрытое привилегированное дворянское учебное заведение называли «Шляхетский корпус», то есть, заведение для благородных.

Что касается слова *пан*, то оно вышло за пределы западных границ Российского государства, старообрядцами было принесено на Русский Север с XVII в. повсеместно, где есть выходцы из старообрядцев или из южных или западных земель России, употребляется в значении «помещик, барин». Именно в этом значении употребляется слово *пан* в пословицах и поговорках у В. И. Даля и М. И. Михельсона⁴.

Таким образом, слова и понятия, введенные в тематический блок «Дворянский быт. Светская жизнь» не менее важные для понимания русской действительности XVII в. и рубежа XVII – XVIII вв. Судя по тому, что в эти века появляются слова, обозначающие и характеризующие дворянство как сословие, можно сделать вывод, что именно в это время, во-первых, заканчиваются процессы самоидентификации дворянства как сословия, во-вторых, русское боярство и дворянство выходит из своих горниц, светлиц и половин в «свет», и, наконец, в-третьих, начинается активная европеизация российского общества, но в XVII в. она еще коснулась только верхних слоев этого общества.

Примечания

¹ Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб.: Искусство – СПб, 1994. С. 5.

² Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. СПб.: Терра – Азбука, 1996. Т. 4. С. 206.

³ Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. 2-е изд. стереотип. М.: Рус. яз., 1994. Т. 2. С. 324.

⁴ См.: Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: ТЕРРА, 1994; Михельсон М. И. Русская мысль и речь: Свое и чужое: Опыт русской фразеологии: Сборник образных слов и выражений, иносказаний: В 2 т. М.: ТЕРРА, 1997; Михельсон М. И. Ходячие и меткие слова: Сборник русских и иностранных цитат, пословиц, поговорок, пословичных выражений и отдельных слов (иносказаний). М.: ТЕРРА, 1997. соответствующие словарные статьи.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ГАВО – Государственный архив Владимирской области
- ГАИО – Государственный архив Ивановской области
- ГАКО – Государственный архив Костромской области
- ГАНИКО – Государственный архив новейшей истории Костромской области
- ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации
- ГАТО – Государственный архив Тверской области
- ГАУО – Государственный архив Ульяновской области
- ГАЯО – Государственный архив Ярославской области
- ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения
- КГИАХМЗ – Костромской государственный историко-архитектурный и художественный музей
- КЕВ – Костромские епархиальные ведомости
- ОР РНБ – Отдел рукописей и редких книг Российской национальной библиотеки
- ПСЗ – Полное собрание законов
- ПСРЛ – Полное собрание русских летописей
- ПФА РАН – Санкт-Петербургский филиал Архива РАН
- РГАДА – Российский государственный архив древних актов
- РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства
- РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории
- РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив
- РГИА – Российский государственный исторический архив
- ЦДНИЯО – Центр документации новейшей истории Ярославской области
- ЧКМ – Чухломский краеведческий музей
- ЯЕВ – Ярославские епархиальные ведомости

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Акатова А. А., кандидат культурологии, старший преподаватель кафедры иностранных языков Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова

Алексеева С. В., кандидат исторических наук, ассистент кафедры исторического регионоведения Санкт-Петербургского государственного университета

Андреева В. Г., аспирант кафедры литературы Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова

Артамонова Л. М., доктор исторических наук, профессор, завкафедрой истории Отечества Самарской государственной академии культуры и искусств

Балдин К. Е., доктор исторических наук, профессор, завкафедрой дореволюционной отечественной истории Ивановского государственного университета

Баранов А. Н., кандидат исторических наук, доцент кафедры всемирной истории и историографии Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова

Белихов А. Б., кандидат технических наук, доцент кафедры общей физики Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова

Белов А. М., доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова

Белова Т. В., кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Костромского государственного технологического университета

Бобков Н. Н., кандидат исторических наук, завкафедрой общегуманитарных и социально-экономических дисциплин ИПП Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова

Вакурова О. А. кандидат исторических наук, зав. кабинетом кафедры экономической теории ИнЭк Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова

Великанова А. А., студентка 5 курса факультета иностранных языков Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова

Верба И. П., кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных и русского языков Военной академии войск РХБ защиты и инженерных войск им. Маршала Советского Союза С. К. Тимошенко

Веселов В. Р., доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова

Веселова Е. Г., аспирант кафедры русского языка Костромского государственного университета, научный сотрудник Костромского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника

Видмарович Б. Д., аспирант Московского государственного института международных отношений

Видмарович Н. П., доктор исторических наук, профессор Загребского университета

Виноградова П. П., аспирант, зав. кабинетом русского языка Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова.

Волков Д. А., кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова.

Волотов Д. А., аспирант кафедры русского языка Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова

Ганцовская Н. С., доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова

Гневыхов А. В., аспирант кафедры истории России Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова.

Голубева И. В., кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова

Горланова И. Б., кандидат филологических наук, доцент кафедры социально-культурного сервиса и туризма Костромского государственного технологического университета

Горлова Т. В., аспирант кафедры русского языка Костромского государственного университета

Горохова О. В., кандидат исторических наук, преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Военной академии войск РХБ защиты и инженерных войск им. Маршала Советского Союза С. К. Тимошенко

Губанов С. А., аспирант кафедры культурологии Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова

Денисова Т. М., кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого языка Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова

Дмитрук Л. А., аспирант кафедры русского языка Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова

Евгеньева О. Б., кандидат филологических наук, доцент кафедры французского языка Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова

Едошина И. А., доктор культурологии, профессор, завкафедрой культурологии Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова

Еремеева В. Л., аспирант кафедры истории России Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова

Зябликов А. В., доктор исторических наук, профессор кафедры культурологии Костромского государственного технологического университета

Иванцов Д. С., начальник отдела по туризму Департамента внешнеэкономических и межрегиональных связей Костромской области

Казначеева Т. А., старший преподаватель кафедры иностранных языков Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова

Калинина Е. М., студентка 3 курса факультета иностранных языков Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова

Каткова С. С., искусствовед (Кострома)

Кашин Е. И., доцент кафедры рисунка и живописи Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова

Кашина Н. К., кандидат филологических наук, доцент кафедры культурологии Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова

Кожелев В. А., доктор филологических наук, профессор кафедры литературы Новгородского государственного университета им. Ярослава Великого

Кузьмичев И. А., аспирант кафедры истории России Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова

Лебедев Ю. В., доктор филологических наук, профессор кафедры литературы Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова

Лобкова Н. А., кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова

Магер Н. П., краевед (Москва)

Марасанова В. М., доктор исторических наук, профессор, завкафедрой музеологии и краеведения Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова

Мелерович А. М., доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова

Мехоношина М. О., студентка 3 курса историко-политологического факультета Пермского государственного университета им. М. Горького

Мещенина А. А., кандидат исторических наук, доцент кафедры исторического регионоведения исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета

Миловидова Н. В., кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова

Миновская О. В., кандидат педагогических наук, доцент кафедры социальной педагогики Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова

Морозов Н. Г., кандидат филологических наук, профессор кафедры литературы Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова

Мохначева М. П., доктор исторических наук, профессор Российского государственного гуманитарного университета

Наградов И. С., кандидат исторических наук, заведующий научно-информационным отделом Костромского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника

Наградова Л. С., аспирант кафедры русского языка Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова

Неганова Г. Д., кандидат культурологи, РИО УНИД Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова

Никулина Т. Е., кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова

Нифонтов А. В., кандидат исторических наук, доцент кафедры всемирной истории и историографии Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова

Новиков А. В., кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова

Новожилова Л. Н., старший научный сотрудник Костромского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника

Образцова О. А., кандидат филологических наук, преподаватель кафедры иностранных и русского языков Военной академии войск РХБ защиты и инженерных войск им. Маршала Советского Союза С. К. Тимошенко

Павлова А. О., студентка 3 курса историко-политологического факультета Пермского государственного университета им. М. Горького

Панкратова О. Б., кандидат исторических наук, доцент кафедры всемирной истории и историографии Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова.

Петров А. В., доктор исторических наук, профессор исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета

Поросятковская Л. А., главный архивист отдела информационных поисковых систем Государственного архива Костромской области

Репников А. В., доктор исторических наук, главный специалист Российского государственного архива социально-политической истории

Рожкова Н. И., аспирант Института славяноведения РАН (Москва)

Рубанков К. С., кандидат исторических наук, корреспондент «Костромской народной газеты»

Румянцева О. В., кандидат культурологии, доцент Костромского государственного технологического университета

Рябинцев С. В., главный хранитель Костромского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника

Саранин А. Ю., студент 3 курса филологического факультета Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова

Семенов В. В., краевед (Кострома)

Семенова А. В., хранитель фондов Костромского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника

Серафим (Фирстов), игумен

Сиволова С. С., кандидат филологических наук, профессор кафедры французского языка Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова

Сидоров Д. В., кандидат исторических наук, начальник отдела реабилитации несовершеннолетних злоупотребляющих наркотиками Костромской областной психолого-медико-педагогической консультации

Смирнов Ю. Н., доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета Самарского государственного университета

Соболев В. С., доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института истории, естествознания и техники РАН, СПб. филиал

Сулоев И. Н., аспирант кафедры истории России Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова

Турыгин А. А., кандидат исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет, филиал в г. Костроме

Удовенко Г. В., научный сотрудник художественного отдела Костромского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника

Усманов С. М., доктор исторических наук, профессор Ивановского государственного университета

Федотов А. А., профессор Ивановского филиала Института управления (Архангельск)

Флейман Е. А., доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова

Фокина М. А., доктор филологических наук, профессор, декан филологического факультета Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова

Хохлова О. В., научный сотрудник исторического отдела Костромского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника

Цветков С. В., аспирант кафедры всемирной истории и историографии Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова.

Чекмарев В. В., доктор экономических наук, профессор, завкафедрой экономической теории Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова

Чугунов Е. А., кандидат исторических наук, профессор кафедры культурологии Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова, зам. начальника Департамента культуры и туризма Костромской области

Шпилов А. Д., кандидат исторических наук, профессор, завкафедрой истории России Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова

Юдина Т. Н., кандидат экономических наук, доцент Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

СОДЕРЖАНИЕ

ВСТУПЛЕНИЕ. Судьбы российской культуры	3
ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО ГУБЕРНАТОРА КОСТРОМСКОЙ ОБЛАСТИ И. Н. СЛЮНЯЕВА	5
ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО МИНИСТРА КУЛЬТУРЫ РФ А. А. АВДЕЕВА	6
ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО ПАТРИАРХА МОСКОВСКОГО И ВСЕЯ РУСИ КИРИЛЛА	7
ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО ПРЕЗИДЕНТА ФОНДА РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ И 400-ЛЕТИЯ ДИНАСТИИ РОМАНОВЫХ М. Д. ВАЛОВОЙ	8

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Белов А. М. ОТ ПРОСВЕЩЕНИЯ К НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ В ЦАРСТВОВАНИЕ АЛЕКСАНДРА I	9
Соболев В. С. ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ КОНСТАНТИН КОНСТАНТИНОВИЧ – ПРЕЗИДЕНТ ИМПЕРАТОРСКОЙ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК	15
Кошелев В. А. ОСТРОВСКИЙ, НЕСТОР КУКОЛЬНИК И «РУКА ВСЕВЫШНЕГО»	21
Лебедев Ю. В. ИСТОРИЧЕСКИЕ УРОКИ А. С. ПУШКИНА («КЛЕВЕТНИКАМ РОССИИ»)	30
Валовая М. Д. ДВУГЛАВЫЙ ОРЕЛ: ЭВОЛЮЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО СИМВОЛА РОССИИ	36

РАЗДЕЛ I. ВЛАСТЬ И ЛИЧНОСТЬ.

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ

Репников А. В. «МЫ ИЗ ТЕХ ПОРОД, КОТОРЫМ НУЖЕН ВИДИМЫЙ И ОСЯЗАЕМЫЙ ВОЖАК» (ВАСИЛИЙ ШУЛЬГИН О СПЕЦИФИКЕ РОССИЙСКОЙ МОНАРХИИ)	39
Семенова А. В., Семенов В. В. ИЗОГРАФНОЕ ВООБРАЖЕНИЕ ГУРИЯ НИКИТИНА	49
Марасанова В. М. ВЛИЯНИЕ ГУБЕРНСКОЙ РЕФОРМЫ 1775 ГОДА НА КУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ ВЕРХНЕВОЛЖСКОГО РЕГИОНА	57
Новожилова Л. Н. «КАРАУЛЬНЫЙ ДОМ»: ИЗ ИСТОРИИ ГАУПТВАХТЫ В КОСТРОМЕ	62
Фокина М. А. ЛЕКСИКА И ФРАЗЕОЛОГИЯ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО ПОЛЯ «МОНАРХИЧЕСКАЯ ВЛАСТЬ» В ИСТОРИЧЕСКОМ РОМАНЕ МАРКА АЛДАНОВА «ЗАГОВОР»	66

Лобкова Н. А. «СЛУЖИЛ ОТЕЧЕСТВУ ВЕРОЙ И ПРАВДОЙ...» (О ГРАЖДАНСКОЙ ПОЗИЦИИ П. А. КАТЕНИНА)	70
Морозов Н. Г. ОБРАЗ ПРАВОСЛАВНОГО ГОСУДАРЯ: ПОВЕСТЬ ИВАНА ШМЕЛЁВА «БОГОМОЛЬЕ»	76
Белихов А. Б. МЕРЯНСКИЕ ТОПОНИМЫ И ГИДРОНИМЫ КОСТРОМСКОЙ ЗЕМЛИ (К ПРОБЛЕМЕ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ПОДХОДА В ВОПРОСАХ ИЗУЧЕНИЯ МЕРЯНСКОГО НАСЛЕДИЯ)	79
Удовенко Г. В. ЗАГАДКИ ЦАРСКОГО ПОРТРЕТА ИЗ СОБРАНИЯ КОСТРОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНОГО И ХУДОЖЕСТВЕННОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА	84
Сидоров Д. В. ЛИБЕРАЛЬНАЯ БЮРОКРАТИЯ И МОДЕРНИЗАЦИОННЫЙ ДИССОНАНС В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ В ПЕРИОД РЕАЛИЗАЦИИ ЗЕМСКОЙ РЕФОРМЫ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА	86
Усманов С. М. ИМПЕРАТОР НИКОЛАЙ II И РУССКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ: НЕСОСТОЯВШИЙСЯ ДИАЛОГ	91
Новиков А. В. МОНАРХИЧЕСКИЕ НАСТРОЕНИЯ И ОБРАЗ НИКОЛАЯ II В ПОВСЕДНЕВНОЙ КУЛЬТУРЕ РАБОЧИХ, КРЕСТЬЯН И ГОРОДСКИХ ОБЫВАТЕЛЕЙ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ	97
Иванцов Д. С., Чугунов Е. А. К ХАРАКТЕРИСТИКЕ КУЛЬТУРНОГО УРОВНЯ ПРОМЫШЛЕННЫХ РАБОЧИХ ВЕРХНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В ЭПОХУ ПОСЛЕДНЕГО РОССИЙСКОГО ИМПЕРАТОРА	105
Рубанков К. С. «...НЕ ДОПУСТИЛИ РАЗРУШЕНИЯ ДОРОГОГО НАМ ПАМЯТНИКА СУСАНИНУ»: ТЕЛЕГРАММЫ КОСТРОМСКИХ ПРАВОМОНАРХИСТОВ ИМПЕРАТОРУ НИКОЛАЮ II	110
Зябликов А. В. МОНАРХИЧЕСКИЕ ИДЕАЛЫ РУССКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЭЛИТЫ НАЧАЛА XX ВЕКА	115
Белова Т. В. ПАТРИОТИЧЕСКАЯ ТЕМА В МАССОВОЙ КУЛЬТУРЕ РОССИИ ПЕРИОДА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ	120
Цветков С. В. КУЛЬТУРА БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ В ПЕРВУЮ МИРОВУЮ ВОЙНУ (НА ПРИМЕРЕ КОСТРОМСКОЙ ГУБЕРНИИ)	124
Миловидова Н. В. БАРОН Н. Н. ВРАНГЕЛЬ И ЕГО «ПОМЕЩИЧЬЯ РОССИЯ»	128

Андреева В. Г. ЧЕЛОВЕК, НАРОД И ВЛАСТЬ В ДИЛОГИИ В. В. КРЕСТОВСКОГО «КРОВАВЫЙ ПУФ» И РОМАНАХ Л. Н. ТОЛСТОГО «ВОЙНА И МИР» И «АННА КАРЕНИНА»	134
Чекмарёв В. В., Юдина Т. Н., Вакурова О. А. ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ЦАРЯ ИВАНА IV ВАСИЛЬЕВИЧА И ЦАРЯ АЛЕКСЕЯ МИХАЙЛОВИЧА	141
Иванцов Д. С., Чугунов Е. А. КОСТРОМСКАЯ КРАЙ: О Т ИЗБРАНИИ НА ПРЕСТОЛ МИХАИЛА РОМАНОВА К 400-ЛЕТИЮ ДОМА РОМАНОВЫХ	151

РАЗДЕЛ II. РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ И КУЛЬТУРА В ЭПОХУ РОМАНОВЫХ

Видмарович Н. П. РОЛЬ АГИОГРАФИИ В РУССКОЙ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЕ	155
Гневьшев А. В. НЕДВИЖИМАЯ СОБСТВЕННОСТЬ АВРААМИЕВО-ГОРОДЕЦКОГО МОНАСТЫРЯ КОСТРОМСКОЙ ЕПАРХИИ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА	161
Игумен Серафим (Фирстов) ЦАРЬ АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВИЧ РОМАНОВ И ИЕРОМОНАХ СИМЕОН ПОЛОЦКИЙ КАК ТИПИЧНЫЕ ПРЕДСТАВИТЕЛИ «БУНТАШНОГО» ВЕКА	165
Федотов А. А. ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО О РЕЛИГИИ И АНТИЦЕРКОВНЫЕ РЕПРЕССИИ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В 1929–1930-Е ГОДЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ИВАНОВСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ ОБЛАСТИ)	172
Губанов С. А. КОНЦЕПЦИЯ ЭНЕРГИЙНОСТИ АНТИНОМИЙ В МИРОВОЗЗРЕНИИ О. П. А. ФЛОРЕНСКОГО (НА МАТЕРИАЛЕ ТРУДА «ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТА»).....	180

РАЗДЕЛ III. НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: ОПЫТ И ТЕНДЕНЦИЯ РАЗВИТИЯ

Веселов В. Р. ПРОВИНЦИАЛЬНОЕ УЧИТЕЛЬСТВО – АКТИВНАЯ СИЛА КУЛЬТУРНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В 1920–1930-Е ГОДЫ	187
Аргамонова Л. М. ЗНАЧЕНИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ НИКОЛАЯ I ДЛЯ НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЮГО-ВОСТОКА ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ)	194
Горохова О. В. РОМАНОВСКАЯ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКАЯ ШКОЛА В КОСТРОМЕ	202
Балдин К. Е. КРУЖОК ЛЮБИТЕЛЕЙ ХУДОЖЕСТВ В ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСКЕ (1911–1917 гг.)	206

Мухачев Н. В. ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОБЩЕСТВ ТРЕЗВОСТИ ВЕРХНЕВОЛЖЬЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА	212
Бобков Н. Н. ПОИСК АЛЬТЕРНАТИВНЫХ ФОРМ ДЕТСКОГО И МОЛОДЕЖНОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА	216
Нифонтов А. В. ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ИДЕИ ЕВРОПЕЙСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II	221
Еремеева В. Л. ИЗ ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ СТАТИСТИКИ В РОССИИ	229
Сулоев И. Н. КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ КРЕСТЬЯНСКОГО «ПРИГОВОРНОГО ДВИЖЕНИЯ» В КОСТРОМСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ	234
РАЗДЕЛ IV. ИМПЕРСКИЕ ЧЕРТЫ В КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ ПРОВИНЦИИ	
Едошина И. А. КТО И ПОЧЕМУ ПОЗВАЛ РОМАНОВЫХ НА ЦАРСТВО (К ВОПРОСУ О ЛЕГИТИМНОСТИ ПРИХОДА ДИНАСТИИ К ВЛАСТИ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ РОССИИ)	239
Мехоношина М. О. ПОСЕЩЕНИЕ ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ АЛЕКСАНДРОМ I И АЛЕКСАНДРОМ II В ВОСПОМИНАНИЯХ СОВРЕМЕННОКОВ	246
Алексеева С. В. СТОЛИЦА ПРИ ПЕРВЫХ РОМАНОВЫХ: РОЛЬ МОСКВЫ В ИДЕОЛОГИИ РУССКОГО САМОДЕРЖАВИЯ	251
Хохлова О. В. ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ ИМПЕРАТОРА: ЦАРСТВОВАНИЕ НИКОЛАЯ I В ВОСПОМИНАНИЯХ Д. А. МИЛЮТИНА	255
Румянцева О. В. ДВА ПОРТРЕТА ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИЗАВЕТЫ АЛЕКСЕЕВНЫ ИЗ ПОРТРЕТНЫХ ГАЛЕРЕЙ КОСТРОМСКИХ УСАДЕБ	264
Мещенина А. А. НИКОЛАЙ II И БОРЬБА ЗА СОХРАНЕНИЕ ТРАДИЦИЙ РУССКОЙ ИКОНОПИСИ	267
Флейман Е. А. ИМПЕРАТОР АЛЕКСАНДР I И ЦАРСТВО ПОЛЬСКОЕ: СТАНОВЛЕНИЕ ТЕКСТИЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ЛОДЗИ	274
Голубева И. В. КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ РАБОТА КОСТРОМСКОГО ЗЕМСТВА В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА	277

Кашин Е. И. ОБРАЗЫ МИРА И ВОЙНЫ В ИСКУССТВЕ КОСТРОМСКИХ ХУДОЖНИКОВ Н. ШУВАЛОВА И А. КОЗЛОВА	288
Кашина Н. К. МИФОЛОГЕМА «ЦАРЬ» В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ В. РОЗАНОВА	292
Каткова С. С. ХРАНИТЕЛЬНИЦА НАСЛЕДИЯ К. Г. ТОРОП	296
Евгеньева О. Б. ХУДОЖНИК И ВЛАСТЬ: МОРИАК – ДЕ ГОЛЛЬ	303
Денисова Т. М., Калинина Е. М. ДИНАСТИЯ РОМАНОВЫХ – РУССКИЕ ИЛИ НЕМЦЫ?	309
Рябинцев С. В. ВЛИЯНИЕ ПРИРОДНО-ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ФАКТОРА НА ХОЗЯЙСТВЕННУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И НА МИРОВОЗЗРЕНИЕ ВЕРХНЕВОЛЖСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВЕКОВ	312

РАЗДЕЛ V. КУЛЬТУРА КОСТРОМСКОГО КРАЯ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Верба И. П. ОТРАЖЕНИЕ УКЛАДА КРЕСТЬЯНСКОЙ ЖИЗНИ СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА В «СЛОВАРЕ РУССКОГО НАРОДНОГО ЯЗЫКА» А. Н. ОСТРОВСКОГО	319
Веселова Е. Г. ЕФИМ ЧЕСТНЯКОВ И ПРИРОДА КОЛОГРИВСКОГО КРАЯ (НАИМЕНОВАНИЯ ПРИРОДНЫХ ЯВЛЕНИЙ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Е. В. ЧЕСТНЯКОВА)	323
Виноградова П. П. Л. КИТИЦЫНА КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬ КОСТРОМСКИХ ГОВОРОВ (ЛЕКСИКА ВЫПЕЧНЫХ ИЗДЕЛИЙ)	327
Вологов Д. А. ИСТОРИЯ БАТАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ ФРАНЦУЗСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: СЛОВО <i>МАРШАЛ</i>	330
Ганцовская Н. С. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МИХАИЛА РОМАНОВА КАК ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРЕДПОСЫЛКА ВОЗНИКНОВЕНИЯ КОСТРОМСКОГО АКАЮЩЕГО ОСТРОВА	339
Горланова И. Б. ТОПОНИМЫ-ОРИЕНТИРЫ В УРБАНИИМИ ГОРОДА КОСТРОМЫ	339
Горлова Т. В. ТРУД М. Я. ДИЕВА «ГОРОД НЕРЕХТА В XVIII И ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА» КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ СТАРЫХ ГОРОДСКИХ НАЗВАНИЙ	344

Граблева С. С. ЛЕКСИКА МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ПОУНЖЕНСКОГО КРАЯ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Е. В. ЧЕСТНЯКОВА	348
Дмитрук Л. А. ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ЯЗЫКА КАК ИНДИКАТОРЫ СОЦИАЛЬНЫХ И КУЛЬТУРНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ЯЗЫКЕ ПРЕДУШКИНСКОГО ПЕРИОДА (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ А. О. АБЛЕСИМОВА «МЕЛЬНИК-КОЛДУН, ОБМАНЩИК И СВАТ»)	352
Мелерович А. М., Наградова Л. С. ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ, ПОСТРОЕННЫХ ПО МОДЕЛЯМ ЯЗЫКОВЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ, В ПЬЕСАХ А. Н. ОСТРОВСКОГО	356
Неганова Г. Д. ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ И ОБРАЗ МЕСТА В НАЗВАНИИ «СУСАНИНСКО-ИСУПОВСКОЕ БОЛОТО»	362
Никулина Т. Е. О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ НАРОДНО-БЫТОВОЙ ЛЕКСИКИ В ТРУДАХ ДЕЯТЕЛЕЙ КОСТРОМСКОГО НАУЧНОГО ОБЩЕСТВА ПО ИЗУЧЕНИЮ МЕСТНОГО КРАЯ НАЧАЛА XX ВЕКА	367
Образцова О. А. ЛИЧНЫЕ ИМЕНА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Е. В. ЧЕСТНЯКОВА	372
Порсятковская Л. А. О ВЛИЯНИИ ПРИМЕНЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ АКТОВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НА ХОД ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ. РОДОВЫЕ ИМЕНА ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII ВЕКА	375
Саранин А. Ю. ЛЕКСИКА ПРОИЗВЕДЕНИЙ А. Ф. ПИСЕМСКОГО КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ГОВОРОВ КОСТРОМСКОГО АКАЮЩЕГО ОСТРОВА	379

РАЗДЕЛ VI. РУССКАЯ ТРАДИЦИЯ: ОБРАЗ ЖИЗНИ, ВЗГЛЯДЫ, МЕНТАЛИТЕТ

Петров А. В. ОБ ИСТОРИЧЕСКОМ ФЕНОМЕНЕ РУССКОГО САМОДЕРЖАВИЯ	383
Мохначева М. П. «МЫ ВСЕ ЖИЛИ В РОССИИ»: О. ВАСИЛИЙ (МУСИН-ПУШКИН) И ЕГО ОКРУЖЕНИЕ В СИ КЛИФЕ (ШТ. НЬЮ-ЙОРК, США)	387
Смирнов Ю. Н. ИМПЕРАТОРСКОЕ РУССКОЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО И РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРНОГО И НАУЧНОГО ПОТЕНЦИАЛА ПРОВИНЦИИ ПРИ НИКОЛАЕ I (НА ПРИМЕРЕ КОРРЕСПОНДЕНЦИИ О САМАРСКОМ ПОВОЛЖЬЕ)	396
Шипилов А. Д. М. Я. ДИЕВ И ОБЩЕСТВО ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССИЙСКИХ ПРИ МОСКОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ	403

Волков Д. А. СТАРАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И БОЛЬШЕВИСТСКАЯ ВЛАСТЬ: КРИЗИС ТРАДИЦИОННОЙ СИСТЕМЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ	408
Наградов И. С. «ЖИТЕЛИ ТО РОДСТВОМ, ТО ХЛЕБОСОЛЬСТВОМ, А ГЛАВНОЕ РАСКОЛОМ СВЯЗАНЫ С ПАПУЛИНЫМ...»	410
Видмарович Б. Д. ЯПОНСКО-КИТАЙСКИЙ УЗЕЛ В НАЦИОНАЛЬНЫХ ИСТОРИОГРАФИЯХ	418
Панкратова О. Б. ВОСПРИЯТИЕ РОССИЙСКИМ КРЕСТЬЯНСТВОМ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ ПО ЛИШЕНИЮ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВ (20–30-е гг. XX в.)	435
Сиволова С. С., Великанова А. А. ОБРАЗ РОССИИ В ЗАПАДНОЙ ПРЕССЕ	441
Акатова А. А. ПОЧЕМУ МЫ ОСТАЕМСЯ В ПРОВИНЦИИ?	445
Павлова А. О. ОБРАЗ ЖИТЕЛЕЙ ГУБЕРНСКОЙ ПЕРМИ ГЛАЗАМИ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ ...	448
Кузьмичёв И. А. «СОТНЯ НА ПОСАД ГАЛИЧА 1578 ГОДА» КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК	453
Казначеева Т. А. РОМАНОВЫ И СУДИСЛАВСКОЕ КУПЕЧЕСТВО	458
Магер Н. П. ЗАГАДКА ИСТОРИИ ФОТОГРАФИИ ИЗ СЕЛА СИДОРОВСКОЕ	463
Сиушев С. А. АЛЕКСАНДР III КАК ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ ГЛАЗАМИ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ИСТОРИКОВ	469
Рожкова Н. И. РУССКО-ПОЛЬСКИЕ ЯЗЫКОВЫЕ И. ЗАИМСТВОВАНИЯ КОНЦА XVII – НАЧАЛА XVIII ВЕКА В СФЕРЕ СВЕТСКОГО БЫТА РУССКОГО ДВОРЯНСТВА	475
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	478
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	479

Научное издание

РОМАНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Династия Романовых и российская культура

**Материалы конференции
Кострома, 25–26 марта 2010 года**

Авторская редакция

Ответственный за выпуск Г. Д. Неганова
Техническое редактирование Е. В. Фогиной
Компьютерная верстка И. М. Ивановой

Подписано в печать 15.06.2010.

Формат 70x108/16.

Уч.-изд. л. 44,8

Тираж 500 экз.

Изд. № 116.

Костромской государственной университет имени Н. А. Некрасова
156961, г. Кострома, ул. 1 Мая, 14